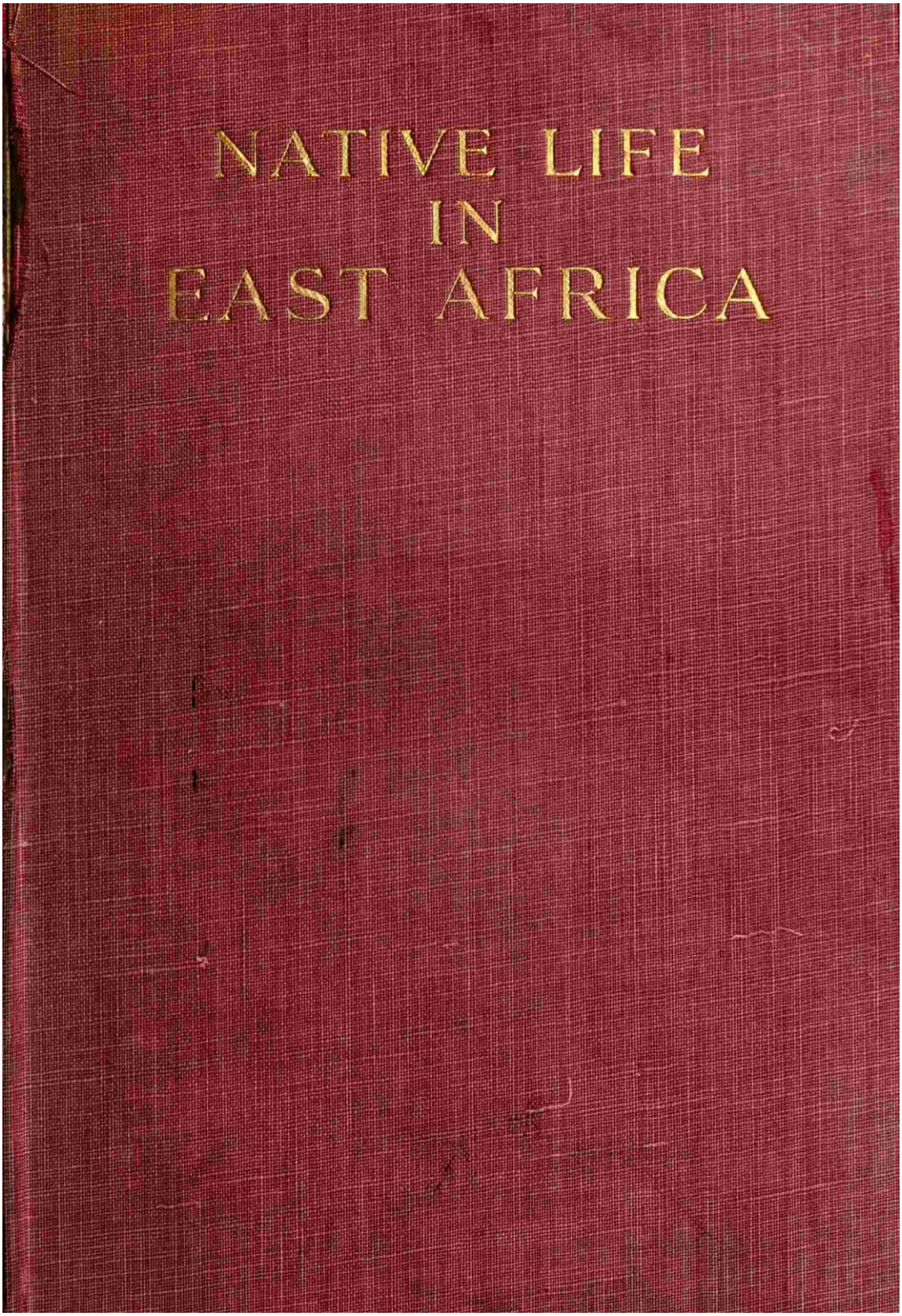
Жизнь коренных жителей Восточной Африки

Карл Веуле



Электронная книга проекта Гутенберга о жизни коренных жителей Восточной Африки

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь коренных жителей Восточной Африки

результаты этнологической исследовательской экспедиции

Автор: Карл Веуле

Переводчик: Алиса Вернер

Дата выхода: 27 августа 2023 [Электронная книга №71496]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Нью-Йорк: Д. Эпплтон и компания, 1909

Авторы: Ричард Тонсинг, Питер Беккер, Джуд Эйландер и команда онлайн-корректоров по адресу https://www.pgdp.net (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ" ***

Примечание переписчика:

Новая оригинальная обложка, прилагаемая к этой книге, находится в общественном достоянии.

ЖИЗНЬ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Karl Weule

Автор

ЖИЗНЬ АБОРИГЕНОВ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

АВТОР : ДОКТОР КАРЛ ВЕУЛЕ

ДИРЕКТОР ЛЕЙПЦИГСКОГО

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И ПРОФЕССОР ЛЕЙПЦИГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПЕРЕВОД АЛИСЫ ВЕРНЕР

НЬЮ-ЙОРК

Д. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ

1909

Содержание

ГЛАВА		СТРАНИЦА
	ВВЕДЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	xi
I.	ВНЕШНЯЯ ГРАНИЦА	1
II.	НЕОЖИДАННОЕ	16
III.	УЧЕНИЧЕСТВО	26
IV.	ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ От ИНТЕРЬЕРА	45
V.	ОСМОТР МЕСТНОСТИ	65
VI.	МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ, УВИДЕННАЯ ИЗНУТРИ	77
VII.	МОЙ КАРАВАН В ПОХОДЕ На ЮГ	104
VIII.	У МАТОЛЫ	134
IX.	СРЕДИ ЯО	155
X.	ДАЛЬНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	190
XI.	К РОВУМЕ	203
XII.	УНЯГО ПОВСЮДУ	230
XIII.	ЖАТВА ЗНАНИЙ	243
XIV.	ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	278
XV.	ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В НЕВАЛЕ	318
XVI.	РОВУМА СНОВА	332
XVII.	ДОСТИЖЕНИЕ	352
XVIII.	МОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ На ПОБЕРЕЖЬЕ	393
XIX.	ОТ ЛИНДИ До ТАНГИ	408

XX. РЕТРОСПЕКТИВА 413
ИНДЕКС 423

ИЛЛЮСТРАЦИИ

СТРАНИЦА
КАБО GUARDAFUI 1
ДАР-ЭС-САЛАМ-ХАРБОР 2
ТУЗЕМНЫЙ ТАНЕЦ В ДАР-ЭС-САЛАМ 3
УЛИЦА В РОДНОМ КВАРТАЛЕ, ДАР-ЭС-САЛАМ 4
КАРТЫ ИЗ ОСНОВНОЙ КАРАВАННЫЙ ПУТЬ 9
ДВОР В ДАР-ЭС-САЛАМ 10
В ЕВРОПЕЙСКОМ КВАРТАЛЕ, ДАР-ЭС-САЛАМ 12
ЛИНДИ-БЭЙ 16
СС. “РУФИДЖИ” 18
ВИД БЛИЗ УСТЬЯ LUKULEDI ВЫШЕ ЛИНДИ 19
ЛИНДИ РЕЙДЕ 24
АРАБСКОГО ДАУ 25
КАТОРЖНЫМ 26
ЖЕНСКАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ В ДАР-ЭС-САЛАМ 27
SELIMAN МАМБА 29
ЯО ЖЕНЩИН В MTUA 33
ДЕВУШКИ ИЗ ЛИНДИ 35
РАЗРУШИЛ БАШНИ, ЛИНДИ 38
ПОД ПАЛЬМАМИ 40
В LIKWATA ТАНЕЦ 45
МАКУА ЖЕНЩИН ОТ LUKULEDI ДОЛИНЕ 47
ЧЕЛОВЕК MWERA ПЛЕМЕНИ И ЯО 48
РУИНЫ NYANGAO МИССИЯ СТАНЦИИ 50
В MWERA ЖЕНЩИНА 56
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЛЕМЕНИ MWERA 56
MWERA ЖЕНЩИНА СО ШТЫРЕМ В НИЖНЕЙ ГУБОЙ 57
ДОРОГЕ ЧЕРЕЗ ЛЕС В РАЙОНЕ CHINGULUNGULU 59
ГОРАХ БЛИЗ МАСАСИ 65
ОСТРОВНЫЕ ГОРЫ МАСАСИ 67
НАШ ПОДЪЕМ MTANDI ГОРНЫЙ 72
MNYASA ОХОТНИК С СОБАКОЙ 77

СКВОЗЬ ВТУЛКУ НА СБОРНЫЙ ЭКСКУРСИОННЫЙ 79
ГОТОВИТСЯ К ВЫСТУПЛЕНИЮ (МАСАСИ) 81
ЛАГЕРЯ В МАСАСИ 83
ИНТЕРЬЕР РОДНУЮ ХАТУ В РУВУМЫ ДОЛИНЕ 85
ГОЛУБЯТНЯ И ЗЕРНОХРАНИЛИЩА 92
КРЫСОЛОВКУ 96
ЛОВУШКИ НА АНТИЛОП 98
ЛОВУШКА ДЛЯ ЦЕСАРОК 99
КАПКАН НА КРУПНУЮ ДИЧЬ 99
МОЙ КАРАВАН НА МАРШЕ 104
ЯО УСАДЬБУ В CHINGULUNGULU 105
ЯО ГЛАВА МАТОЛА 108
NAKAAM, ЯО ГЛАВА 109
ВНУТРЕННИЕ СОЕДИНЕНИЯ В MWITI 110
ЛАГЕРЬ НА MWITI 112
ЗАТВОРА С ИНКРУСТАЦИЕЙ СВАСТИКА В NAKAAM ДОМ В MWITI 114
ЯО ХАТА 115
МАКОНДЕ ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА В ПЛАТЬЕ ГАЛА - 121
ПЛАН ЗУЗА ИЗБЫ 128
ЗУЗА ДИВАН И КАМИН 129
ЯО ЖЕНЩИНЫ С НОСОМ-ШПИЛЬКИ 130
МЛАДЕНЦА МОГИЛУ 132
МАТОЛА КОМПЛЕКС 134
ПИВО-ПИТЬ 136
WATAMBWE ЖЕНЩИНЫ УКРАШАЛИ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ КЕЛОИДНЫХ РУБЦОВ 141
РУКОВОДСТВО ПО ХРОНОЛОГИИ, “ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, КОГДА Я БЫЛ ТАК ВЫСОКО” 145
НА НАШ ЛАГЕРЬ CHINGULUNGULU 149
ВОДЫ-ОТВЕРСТИЯ В CHINGULUNGULU 151
МАКОНДЕ ЖЕНЩИН ОТ МАХУТА НА ЯЗЫКЕ МАОРИ 153
ДВУХ МАКУА МАТЕРЕЙ 157
ДРУЖЕСКОЙ БЕСЕДЫ 158
ЖЕНЩИНА ДОЛБИТСЯ В СТУПКЕ 165
ОБЕЗЬЯНЫ НАПАДАЮТ НА ПЛАНТАЦИИ 168
СЛЕПОЙ БАРД SULILA ВНЕ БОМА В МАСАСИ 171
ЯО ТАНЕЦ НА CHINGULUNGULU 178
“БУШ ШКОЛЫ” В ПОРИ, РЯДОМ CHINGULUNGULU 179
ЯО ОДЕТ ПО MASEWE ТАНЕЦ 181
MASEWE ТАНЕЦ ЯО В MTUA 182

ФРЕСКА НА СТЕНЕ ХИЖИНЫ НА AKUNDONDE X 185
СТАДО СЛОНОВ 190
ДЕРЕВНИ НГОНИ ГЛАВНЫЙ MAKACHU 193
МОГИЛУ ЯО ГЛАВА MALUCHIRO, В MWITI 194
РАЗЖИГАНИЯ ОГНЯ ТРЕНИЕМ 196
МОЙ СПУТНИК, НИЛЬС КНУДСЕН 199
РЫБЫ-СУШИТЬ НА РУВУМЫ 202
ДВА MATAMBWE МАТЕРЕЙ ОТ РУВУМЫ 205
ТИПИЧНАЯ ХИЖИНА В ДОЛИНЕ РУВУМЫ 208
ЗАБРОШЕННЫХ ЗДАНИЯХ, LUISENFELDE MOE 210
UNYAGO МАЛЬЧИКИ ИГРАЮТ НА ФЛЕЙТАХ ВНЕ NDAGALA НА AKUNDONDE ПО 211
LIKWIKWI, ПТИЦА-ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ 212
LISAKASA В ЛЕСУ ВОЗЛЕ AKUNDONDE ПО 213
ЯО ЗАХОРОНЕНИЙ В AKUNDONDE ПО 214
NDAGALA (ОБРЕЗАНИЕ-ЛОДЖ) В ЛЕСУ ВОЗЛЕ AKUNDONDE ПО 216
СМЕЮЩЕЙСЯ КРАСАВИЦЫ 220
ДЕВОЧЕК UNYAGO НА МАКОНДЕ ДЕРЕВУШКЕ НИУЧИ 221
ДЕВУШКИ UNYAGO НА MATAMBWE ДЕРЕВНЕ МАНГУПА. Я 226
ДЕВОЧЕК UNYAGO НА MATAMBWE ДЕРЕВНЕ МАНГУПА. ВТОРОЙ 227
СТАРЫЙ MEDULA РАСКУРИВАЕТ ТРУБКУ 228
НА НАШ ЛАГЕРЬ NEWALA 231
АВТОР В ЗИМНИЙ КОСТЮМ НА NEWALA 232
МАКОНДЕ МАСКИ 236
МАКОНДЕ СВАЯХ-ТАНЦОР 237
В NJOROWE ТАНЕЦ НА NEWALA 238
МАКОНДЕ ЖЕНЩИН СОБИРАЕТСЯ ЧЕРПАТЬ ВОДУ 243
ДВУХ NEWALA УЧЕНЫЕ 245
ТАНЕЦ НА ХОДУЛЯХ НА ДЕВОЧЕК UNYAGO, НИУЧИ 249
НОГИ ИЗУРОДОВАННОЙ РАЗРУШИТЕЛЬНЫМИ “ДЖИГГЕР” 251
СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ МАКОНДЕ БУШ, РЯДОМ МАХУТА НА ЯЗЫКЕ МАОРИ 256
ОБЫЧНЫЙ СПОСОБ ЗАКРЫТИЯ ИЗБЫ-ДВЕРЬ 261
МАКОНДЕ ЗАМКОМ В JUMBE CHAURO 262
РЕЖИМЕ ВСТАВИВ КЛЮЧ 263
ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА ИЗ МАКОНДЕ 266
ЖАРОВНИ 267
НЬЯСА ЖЕНЩИНА, ДЕЛАЯ ГОРШКИ В МАСАИ - 269
МАКУА ЖЕНЩИНА, ДЕЛАЯ ГОРШОК 270
ПРОИЗВОДСТВО КОРОЙ-ТКАНЬ В NEWALA 275
МАКУА ЖЕНЩИН 278

ЖЕНЩИНА НЕСЕТ РЕБЕНКА НА СПИНЕ 283
ТРЕХ МАКУА ВЕГЕТАРИАНЦЕВ 284
ИСПОЛЬЗОВАЛИ КОПЬЯ 286
БРОСАЛИ С СЛИНГ 287
СПИННИНГ ТОП 288
ИКОМА ТАНЕЦ ДЕВОЧЕК UNYAGO, ACHIKOMU 289
КСИЛОФОН (MGOROMONDO) 290
ИГРАТЬ НАТУРА 291
НАТУРА (БЕЗ ТРЕНИЯ БАРАБАНА) 291
ПОМОЩЬЮ СОБСТВЕННОГО ТЕЛЕФОН 292 и 293
РОДНОЙ ТЕЛЕФОН 293
ДЕТИ МАКОНДЕ 295
ТАНЕЦ МАКУА В БОМА В НЕВАЛЕ 296
ПРОЦЕССИЯ КАКАЛЕ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ УНЯГО 298
ТАНЕЦ В МАСКАХ В ЖЕНСКОМ ДОМЕ УНЯГО, НИУЧИ 303
ЖЕНЩИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ МАКОНДЕ 305
ПОДНОШЕНИЕ ДУХАМ 324
ПЕЙЗАЖ На РОВУМЕ 325
ДЕРЕВЬЯ На КЛАДБИЩЕ В НЕВАЛЕ 327
ЗАВЯЗАННАЯ НИТКА, СЛУЖАЩАЯ КАЛЕНДАРЕМ 329
МОЙ ЭСКОРТ ОСТАНОВИЛСЯ В ДЕРЕВНЕ ХЕНДЕРЕРА В ВЫСОКОГОРЬЕ МАКОНДЕ 334
ТУЗЕМЕЦ, СТРАДАЮЩИЙ БОЛЕЗНЬЮ УБУБА 337
МАДЖАЛИВА, САИДИ И МАКАЧУ 338
ЛЕС, РАЗОРЕННЫЙ ТУЗЕМЦАМИ БЛИЗ НЧИЧИРЫ, ДОЛИНА РОВУМА 343
РЫБАК Из МАТАМБВЕ, ЛОВЯЩИЙ ЧЕРЕПАХУ, КОТОРУЮ ПЫТАЕТСЯ СХВАТИТЬ ВОДЯНАЯ ЗМЕЯ 347
ОБИТАЮЩИЙ На СВАЯХ В РОВУМЕ, ДОЛИНА РОВУМА. НЕДАЛЕКО От НЧИЧИРЫ 350
ВАЛИ МАХУТА 353
МАТЬ И ДИТЯ 355
ДВУХЭТАЖНЫЕ ДОМА В НЧИЧИРЕ НА РОВУМЕ 357
ДЕВУШКА-МАКОНДЕ С ПРОКОЛОТОЙ ДЛЯ ПЕЛЕЛЕ ГУБОЙ И ИЗЪЯЗВЛЕННОЙ 358
ПСЕВДОХИРУРГИЕЙ. МАКОНДЕ ЖЕНЩИНА С РАЗОРВАННОЙ ГУБОЙ ИСКУССТВЕННО ОБЪЕДИНИЛИ 359
МАКОНДЕ КЕЛОИДНЫХ РУБЦОВ 360
MATAMBWE И МАКУА ЖЕНЩИН С КЕЛОИДНЫХ РУБЦОВ 361
МАКУА ЖЕНЩИНА С КЕЛОИДНЫМИ РУБЦАМИ НА СПИНЕ 362
МАКУА ЖЕНЩИН С КЕЛОИДНЫХ РУБЦОВ 363
МАКОНДЕ ЖЕНЩИН СО СЛОЖНЫМИ КЕЛОИДНЫХ РУБЦОВ 364
АФРИКАНСКОГО ИСКУССТВА: РЕЗНЫЕ ПОРОШОК, НЮХАТЕЛЬНЫЙ ТАБАК, И 365

ШАРМ-ЯЩИКИ ИЗ МАКОНДЕ НАГОРЬЕ
МАКОНДЕ ЧЕЛОВЕК С КЕЛОИДНЫХ МОДЕЛИ 365
ЯО ЖЕНЩИН С КЕЛОИДНЫХ РУБЦОВ 366
НА LITOTWE 367
“БВАНА PUFESA” (ПРОФЕССОР) 368
WANGONI ЖЕНЩИН В NCHICHIRA 369
ДВОЕ УРОЖЕНЦЕВ 370
КУСТА СТРАНУ И ЕЕ ФАУНУ 372
МАКОНДЕ, ЖЕНЩИНА В ПРАЗДНИЧНОМ НАРЯДЕ 375
МАКОНДЕ ДЕРЕВУШКЕ НЕДАЛЕКО ОТ МАХУТА НА ЯЗЫКЕ МАОРИ 377
В ДИАБОЛО-ПЛЕЕР НА ПЛАТО МАКОНДЕ 378
ДИАБОЛО 379
АСКАРИ В УСТАЛОСТИ ПЛАТЬЕ 382
WANDUWANDU МОГИЛУ 397
БОЛЬШОЙ ЧЖУНШАНЬ ТАНЕЦ В БОМЕ НА МАХУТА НА ЯЗЫКЕ МАОРИ 403
МОЙ СОПРОВОЖДАЮЩИЙ ЧИСТКУ ЗУБОВ 405
ВХОДА В КРАСНОЕ МОРЕ 408
АВТОРА В КУСТАХ КОСТЮМ 410

Введение переводчика

Мы неоднократно убеждались в большей тщательности и системности, с которой антропология и родственные науки культивировались в Германии, чем в нашей стране; но ни в чем это не проявляется так явно, как в трудности поиска эквивалентов для вполне элементарных технических терминов. Различие между этнологией и этнографией, действительно, довольно общепризнанно и объясняется в таких популярных по объему работах, как "Этнология и человек в прошлом и настоящем" профессора Кина. Но Völkerkunde, которое включает в себя обе эти науки и некоторые другие помимо них, - это то, что, безусловно, не может быть переведено его этимологическим эквивалентом “фольклор”; и, хотя слово “доисторический” прекрасно знакомо, у нас нет такого существительного, как “предыстория”, а тем более профессуры по нему в каком-либо университете. На эти замечания наводит тот факт, что доктор Веуле, чей опыт работы в Восточной Африке представлен здесь английскому читателю, является “профессором *науки и искусства*” в Лейпциге, помимо того, что является директором этнографического музея в том же городе.

Доктор Карл Вейле, чье имя менее известно в Англии, чем в его собственной стране, в прошлом посвятил себя скорее географии, чем собственно этнографии. Он был учеником и другом покойного Фридриха Ратцеля, чья “История человечества” была переведена на английский несколько лет назад и чья "Политическая география" придала новое направление изучению этой науки в ее более непосредственной связи с историческим развитием человечества, или того, что сейчас называется "антропогеографией". Ратцель

также предложил доктору Гельмольту идею его Weltgeschichte, всеобъемлющей всемирной истории, составленной из отдельных монографий, в том числе трех, написанных доктором Веуле, об историческом значении трех великих океанов. (Только одна из них появляется в английском издании с предисловием профессора Брайса, опубликованном в 1901 году). Доктор Веуле вернулся к той же теме в своей "Истории географии и исследований" ("История познания и географический обмен") и в отдельном эссе "Мир и природа" (обе опубликованы в 1904 году), а также в различных других монографиях аналогичного характера.

После завершения учебы в университетах Геттингена и Лейпцига доктор Веуле с 1891 по 1899 год проживал в Берлине, сначала в качестве члена семинарии Рихтгофена, где его работа была более чисто географической, а затем в качестве ассистента в африканском и океанийском отделе Этнологического музея. В 1899 году он был назначен помощником директора Лейпцигского музея и одновременно на кафедру, которую он до сих пор занимает в этом университете; а семь лет спустя ему было поручено руководство исследовательской экспедицией, описанной на следующих страницах, где ее масштабы и задачи изложены с достаточной ясностью, чтобы сделать ненужными дальнейшие упоминания в этом месте. После возвращения его повысили до должности, которую он сейчас занимает в Лейпцигском музее.

Его пребывание в Африке длилось немногим более шести месяцев, и имеющиеся у нас данные показывают, что он хорошо использовал свое время. Некоторые черты в его повествовании обладают достоинством новизны, по крайней мере, для широкого круга читателей; ибо, хотя кинематограф и фонограф уже некоторое время использовались на службе антропологии, все же мы не помним, чтобы результаты последнего в какой-либо степени отражались в работах такого рода, хотя сэр Гарри Джонстон воспроизвел одну фонографическую запись местного воздуха в своем *протекторате Уганда*. (Очень жаль, что так много кинематографических фильмов доктора Веуле оказались неудачными; этот инструмент оказывается одним из самых ценных дополнений к исследованиям, особенно в случае племен, чьи особые обычаи быстро исчезают перед развитием цивилизации). Еще один момент, придающий большую свежесть творчеству доктора Веуле, - это счастливое вдохновение, побудившее его собирать рисунки местных жителей; наброски его носителей и особенно портрет самого автора на стр. 368 являются решающим вкладом в веселье народов и, насколько мне известно, подчеркивают линию, не проработанную, насколько мне известно, предыдущими путешественниками. Лично я испытываю глубокое и непреходящее сожаление по поводу того, что когда-либо расстался с подобной жемчужиной искусства, подобранной в Блантайре и, предположительно, представляющей европейца, осматривающего свою кофейную плантацию.

Весь этот вопрос об исконно африканском искусстве очень интересен. Собственно говоря, известно, что в Африке, за пределами Египта и Абиссинии, не существует ничего в области местной графики (если в последнем случае ее действительно можно назвать местной), за исключением наскальных рисунков бушменов, которые, как хорошо известно, в некоторых случаях достигли настоящего совершенства. (Наиболее опубликованные репродукции на сегодняшний день содержатся в книге покойного Г. В. Стоу "Коренные расы Южной Африки".) В Южной Африке везде, где уроженцы банту выполняли какие-либо рисунки, выходящие за рамки простейших геометрических узоров, обнаруживается, что они научились этому искусству у бушменов. Туземцы на горе Мланье (Ньясаленд) украшают свои хижины изображениями животных, но они еще недостаточно изучены, чтобы судить об их качестве; и, с другой стороны, многие факты делают вероятным наличие сильного бушменского элемента в населении Мланье (по крайней мере, среди коренных аньянджа,

которые были лишь частично вытеснены яо). Доктор Веуле утверждает, что этот вид “фрескового” оформления очень распространен на плато Маконде, но считает, что он полностью соответствует рисункам его носителей —*т.е.*, что он не демонстрирует никаких художественных способностей или традиций, а просто состоит из каракулей, подобных тем, которыми врожденная порочность побуждает каждого необразованного человека испортить любое удобное пустое место. Единственный образец, воспроизведенный в его книге, точно не опровергает его теорию, но он не грубее некоторых более грубых рисунков бушменов (которые демонстрируют все мыслимые степени мастерства и отделки); и, если мазня, о которой идет речь, является просто продуктом универсального *инстинкта* гамина, то, несомненно, хижины с глиняными стенами повсюду были бы украшены изображениями животных, что ни в коем случае не так.

Сравнительную ценность различных результатов доктора Веуле следует оставить на усмотрение экспертов; но, кажется, можно с уверенностью предположить, что он добился наибольшего успеха в том, что можно назвать внешней частью его задачи: в формировании коллекции и описании того, что является видимым и осязаемым в жизни и обычаях народа. Едва ли удивительно, что ему не удалось проникнуть в их внутреннюю жизнь. Что действительно удивляет, так это то, что он ожидал сделать это в столь чрезвычайно короткий срок. Его разочарование в этом отношении в Масаси, а впоследствии и в Чингулунгулу, рассчитано на то, чтобы вызвать улыбку, если не “у грешников”, то, по крайней мере, у опытного африканца. Чем больше у исследователя опыта, тем больше он склонен колебаться, прежде чем задавать прямые вопросы, даже если их нельзя назвать “наводящими”; но доктор Уэул, по-видимому, не признавал никакого другого способа исследования. Удивительно, что старейшины, официально созванные тук-оф-драмом из деревни за деревней и отправленные накачиваться до тех пор, пока обе стороны не устанут от процесса, вообще что—либо сказали ему - что они, несомненно, и сделали, и многое из этого, судя по внутренним свидетельствам, было достаточно правдивым. Самым отзывчивым путешественникам не всегда легко удовлетворить свою жажду знаний, а методы доктора Вейла, по его собственному свидетельству, часто были таковы, что я предпочитаю воздержаться от каких-либо комментариев.

Доктор Веуле посвятил значительное количество времени изучению языков, на которых говорят в районах, которые он посетил, а именно Макуа, Яо и Маконде; но, похоже, он не опубликовал никаких лингвистических документов, кроме песен и т.д., приведенных в настоящем томе. Неясно, знал ли он о какой-либо работе, ранее проделанной в этом направлении, но он определенно говорит так, как будто был первым, кто перевел эти идиомы на письменный язык, хотя в печати существует множество материалов для изучения яо, а покойный епископ Мейплз опубликовал грамматический очерк макуа, который превосходен в том, что касается его содержания, не говоря уже о более поздней работе профессора Майнхофа. Также чрезвычайно странно, что, настаивая на тесной связи между различными языками плато Маконде, он упустил из виду любопытную пропасть между Макуа, особенности которой непосредственно связывают ее с далекими сечуана и сесуто, и ее соседями.

Хотя место, где трудился доктор Веуле, неоднократно посещали европейцы, еще до немецкой оккупации, в этой стране о нем было написано не так уж много, за исключением публикаций Миссии Университетов. Ливингстон поднялся на Ровуму в 1862 году, в тридцати милях от Нгомано, на перекрестке Лухенде; его самая дальняя точка, по-видимому, находилась немного выше лагеря, занимаемого доктором Веуле в августе 1906 года. Он надеялся найти судоходный путь в непосредственной близости от озера Ньяса; и

действительно, некоторые туземцы сказали ему, что Ровума вытекает из озера; но пороги и скалы не позволяли провести лодки дальше острова Ньяматоло, который, хотя и не отмечен на карте доктора Веуле, должен находиться где-то недалеко от устья Бангалы. Большинство названий, данных Ливингстоном, трудно идентифицировать на современных картах; но это неудивительно, поскольку в настоящее время местные деревни обычно известны по имени вождя или старосты. Это правда, что некоторые из этих названий более или менее постоянны, являясь официальными или наследственными обозначениями, принимаемыми каждым последующим должностным лицом; но за последние сорок лет численность населения настолько изменилась, что старые названия были забыты или перенесены в другие места. Так, г-н Х. Э. О'Нил в 1882 году обнаружил вождя племени яо чимсака, живущего в восточной части плато Мавия немного восточнее 40 ° восточной долготы, который был изгнан со своего прежнего места в верховьях Ровумы, более чем в двухстах милях к западу, в результате набега мангони (Angoni или Maviti).

Страна все еще населена, как это было во времена Ливингстона, племенами маконде, макуа и матамбве, с вамвера на севере, во внутренних районах Линди, и мавиа (мабиха) к югу от Ровумы, но они значительно продвинулись в ее пределах, в то время как яо проникли в нее с запада. Набеги ангони или мавити также сыграли большую роль в этих изменениях. Доктор Веуле, как мы увидим, провел тщательные исследования по вопросу миграции этих племен, и предоставленная им информация довольно хорошо согласуется с тем, что другие получили от яо в горной местности Шир и ангони к западу от озера Ньяса.

Ливингстон вернулся в эти края в свое последнее путешествие, когда он высадился в заливе Микиндани (24 марта 1866 г.) с теми несчастными верблюдами и буйволами, чьи страдания во время похода по джунглям сделали чтение его дневника таким болезненным. Выбор верблюдов для перевозки в этой стране, безусловно, был ошибкой; но еще большая ошибка — и о которой он горько сожалел — была допущена при выборе людей, которые погоняли верблюдов.

В этом случае Ливингстон проследовал по Ровуме по суше до Мтарики (старой деревни при впадении Луженде, недалеко от бывшего жилища Чимсаки, а не Мтарики, которая отмечена на карте доктора Веуле на самом Луженде) и двинулся на юго-запад в направлении озера, которого он достиг 8 августа недалеко от устья Мцинье. Маршрут, по которому несколькими годами ранее прошел доктор Рошер, проделавший путь от Килвы к озеру Ньяса и увидевший его 24 ноября 1859 года, через несколько недель после его открытия Ливингстоном, лежит несколько северо-западнее страны, о которой идет речь в этой книге, и нигде не соприкасается с местом путешествия доктора Веуле.

В 1875 году покойный епископ Стир последовал по следам Ливингстона, отправившись из Линди первого ноября и достигнув Мвембе (деревни Матака) чуть более чем за пять недель. Это было первое из серии замечательных путешествий, совершенных членами Университетской миссии, о которых нам нужно здесь только упомянуть, преподобным У. П. (ныне архидиаконом) Джонсоном и покойным преподобным К. А. Джэнсоном в 1882 году. Станция Масаси была основана в 1876 году, а станция Ньюала - в 1882 году; почти все здания первой были разрушены во время восстания “Маджимаджи” 1906 года, незадолго до визита доктора Веуле, и только сейчас находятся в процессе реконструкции.

Долина Ровума была дополнительно исследована в 1882 году покойным Джозефом Томсоном, которому султан Занзибара поручил изучить ее минеральные ресурсы с целью установления наличия пригодных для эксплуатации угольных пластов. Его отчет был, в целом, неблагоприятным, хотя французский инженер М. Д'Анжельви, впоследствии (в 1884

году) отправленный с аналогичным поручением, пришел к иному выводу. Экспедиция Ливингстона нашла уголь возле озера Чидия в 1862 году, но до настоящего времени он не использовался.

Г-н Х. Э. О'Нил, будучи британским консулом в Мозамбике, много исследовал, ненавязчиво, между побережьем и озером Ньяса, а в 1882 году обследовал страну вглубь материка от залива Тунги и к югу от реки Ровума, став первым европейцем, проникшим на плато Мавия и вступившим в контакт с этим племенем, которое пользовалось среди своих соседей репутацией “настолько свирепого и негостеприимного существа, что никто не осмеливается проходить через их страну”. Эта исключительность, по мнению мистера О'Нила, была в значительной степени, если не полностью, результатом преследований, которым подверглась мавия со стороны более сильных племен, особенно яо, подстрекаемых береговыми работорговцами. Они не хотели вести его в свои деревни и отвезли его туда ночью, чтобы у него было меньше шансов найти дорогу туда во второй раз; но, “когда их естественные подозрения рассеялись и доверие утвердилось, они были гостеприимны и великодушны и не проявляли ни недоверия, ни скрытности. Действительно, они показались мне особенно простодушным, безобидным народом. ” Мужчины, так же как и женщины, носят пелеле, или кольцо в губе, как упоминал доктор Веуле, который сам никогда не сталкивался с Мавией. О том, что они носили волосы, заплетенные в косички, мистер О'Нил ничего не говорит — фактически, за пределами пелеле их мало что отличало от соседних племен, и он был склонен считать их ветвью маконде. Его описание их деревень, спрятанных в колючих джунглях, к которым можно подобраться окольными тропами, напоминает слова доктора Веуле о том, как трудно найти поселения макондов без проводника. В ходе этого путешествия мистер О'Нил обнаружил озеро Лидиди, и в какой-то момент своего похода он взглянул вниз на долину Ровума с края плато Мавия почти в той же точке, где доктор Уэул видел его с противоположного склона, как описано на стр. 343-4. Интересно сравнить два отчета: Отчет г-на О'Нила можно найти в Материалах R.G.S. за 1882 г., стр. 30.

Мистер Дж. Т. Ласт, отправившись из Линди 28 октября 1885 года, добрался по суше до Блантайра, *через* Невалу, Нгомано и долину Лухенде за одиннадцать недель. Он отмечает “запустение страны, которая раньше была хорошо заселена, как показывают места расположения старых деревень; но теперь там не видно ни одного дома” — из-за набегов магвангара и других. Львов было так же много, как, по-видимому, и в 1906 году, и по той же причине. Одного из носильщиков мистера Ласта вытащили из укрытия на траве, где спали мужчины, что позволяет провести почти точную параллель с инцидентом, описанным доктором Веуле на стр. 394-8.

В это время страна находилась под номинальным правлением султана Занзибара, который разместил своих чиновников в некоторых местах вблизи побережья и осуществлял несколько непостоянную и неопределенную власть над вождями во внутренних районах. По мирному договору 1890 года весь материк вплоть до озер Виктория и Танганьика, между рекой Ровума на юге и рекой Умба на севере, был передан Германии, в то время как протекторат над тем, что осталось от владений султана (а именно, острова Занзибар и Пемба) перешел к британскому правительству.

Кажется невероятным, что эта огромная территория когда-либо может быть колонизирована немцами таким же образом, как Канада и Австралия были колонизированы нами. Существует мало мест, где немецкие крестьяне и рабочие могли бы рассчитывать жить, трудиться и растить семьи, если вообще могли бы существовать. Насколько страна вообще была заселена, так это по плантационной системе: европейские капиталисты обрабатывают большие участки земли с помощью местного труда. Некоторые кофейные плантации в

Усамбаре, как мы понимаем, процветают довольно хорошо, хотя и не приносят богатства, превосходящего мечты алчного человека; но система, если ее распространить на всю территорию, не сулит ничего хорошего в будущем. Это вредно для работодателя или нанятого; это всегда ведет к принудительному труду и более или менее замаскированному рабству; и, в конце концов, к созданию жалкого и деградировавшего пролетариата. Гораздо более удовлетворительным является метод, которому доктор Веуле дает несколько сдержанное одобрение (хотя не может быть сомнений, что он ему симпатизирует) закрепления за туземцем его собственного небольшого хозяйства и покупки у него продуктов, как это было сделано, в некоторой степени, с наилучшими результатами, в нашей собственной колонии Голд-Кост. Доктор Веуле несколько наивно замечает, что массовой иммиграции из Германии помешали бы, если бы туземец "присвоил себе лучшие части своей страны". Но, конечно, *крестец* такого рода, о котором идет речь, немыслим в случае Восточной Африки.

Возможно, что читатель будет несколько озадачен оценкой — или оценками — доктора Веуле местного характера. Повторяющиеся противоречия, очевидные в различных частях его книги, проистекают из плана, по которому она написана. В оригинальном издании повествование путешественника представлено в форме писем, адресованных его жене и друзьям с последовательных этапов его путешествия. В переводе этой формы не было (за исключением дат в начале каждой главы),[1] потому что личные намеки в иностранном платье скорее умаляют, чем усиливают интерес повествования, и тем более, что они в некотором смысле не являются подлинными, но были добавлены, *удачно*, чтобы передать атмосфера правдоподобия в письмах. Последние, на самом деле, были написаны не с тех мест, которыми они датированы, а были доработаны после возвращения автора в Европу на основе заметок, сделанных на месте, вместе с выдержками из реальных писем, не напечатанных целиком. Этот материал, чтобы не жертвовать свежестью первых впечатлений, использовался в основном в том виде, в каком он был, и можно заметить, что во многих случаях наблюдения, сделанные в разных местах, корректируют и дополняют друг друга.

Я рад обнаружить, что доктор Веуле защищает туземца в отношении старого обвинения в лени. Он показывает, что жители плато Маконде, во всяком случае, работают довольно усердно (в некоторых моментах, например, при переноске воды, неоправданно усердно), чтобы заработать себе на жизнь. Он также защищает их от обвинения в расточительности, совершенно ясно давая понять, что они прилагают бесконечные усилия, запасая семенное зерно для следующего сезона, и что, если они не сберегают больше урожая на случай голодного года, вместо того чтобы превратить излишки в пиво, то это потому, что при нынешних обстоятельствах у них нет абсолютно никаких средств для его хранения. Это правда, что в одном отрывке он, кажется, принижает трудолюбие туземных женщин по сравнению с работой, выполняемой немецкими служанками и женами фермеров. Но он забывает учитывать разницу в климате — и, возможно, кому-то будет позволено усомниться в том, действительно ли какой-либо человек должен работать так же усердно, как большинство немецких женщин в городе или деревне.

В целом доктор Веуле доброжелательно настроен по отношению к туземцу. Кажется, он не совсем избежал опасности, о которой говорится на стр. 41 — по крайней мере, бросается в глаза, что некоторых (несомненно, не незаслуженных) побоев, которым подвергались его страницы, можно было бы избежать, проявив чуть больше терпения и такта; но он все это время оставался в наилучших отношениях со своими носильщиками и, похоже, расстался с Морицем, Кибваной и Омари, несмотря на испытания, которым они подвергли его при

исполнении своих многочисленных обязанностей, не испытывая неприязни ни к тем, ни к другим. сбоку. Не раз он свидетельствует о неизменных хороших манерах людей, деревни которых он посещал, и об их домашних достоинствах — их неизменной жизнерадостности, их семейной привязанности и их уважении к родителям. В то же время он рассказывает о различных инцидентах, рассчитанных на то, чтобы оставить менее приятное впечатление, хотя следует помнить, что их влияние на всю жизнь местных жителей, вероятно, меньше, чем влияние уголовных дел, о которых сообщают наши газеты, на повседневную жизнь и поведение нашего населения в целом. Пребывание доктора Веуле в Африке, несомненно, было достаточно долгим, чтобы он увидел, что уроженец банту в целом не кровожаден или свиреп; что, напротив, когда он не обезумел от ужаса или негодования, он мягок, рассудителен и даже несколько лишен мстительности по сравнению с другими людьми. другие расы. Тем не менее, в научном отчете об экспедиции (публикация, на которую несколько раз ссылались в ходе рассматриваемой нами работы) автор, как мне кажется, виновен в серьезной несправедливости.

Читатель заметит, что по возвращении на побережье (см. стр. 27-9) он потратил некоторое время на изучение протоколов Уголовного суда в Линди, хотя здесь он ничего не сообщает нам о результатах своего обследования. Эти записи, безусловно, представляют ценный материал для изучения социальных условий, но их следует использовать с разбором. Доктор Веуле не придает первостепенного значения количеству уголовных дел и их соотношению с населением, тем более что серьезные дела, которые передаются на рассмотрение в Линди, представляют всю обширную провинцию. Но он упоминает два зверства как доказательство невежества, продемонстрированного некоторыми немецкими газетами, которые “в течение последних двух лет считали необходимым снова и снова настаивать на благородных чертах характера негров” и на "преобладании низменных инстинктов в тех сынах дикой природы”, которые имеют “врожденную склонность к насилию”. Одним из рассматриваемых случаев был случай с женщиной, которая убила свою собственную мать ударом пестика, которым толкут кукурузу. Но вряд ли справедливо ставить это убийство в один ряд с преступлением, совершенным из простой зверской страсти: дети женщины умерли, и она считала, что ее мать стала причиной их смерти с помощью колдовства. Мы знаем, на какие ужасные жестокости эта вера толкает людей, в остальном не испорченных: такой случай произошел всего двенадцать или тринадцать лет назад, не дальше Клонмела. Другим случаем, который, безусловно, достаточно отвратителен, была месть мужа виновной жене. Но оба они вместе абсолютно ничего не доказывают без информации, которая позволила бы нам увидеть, следует ли их рассматривать как исключительные или как в каком-либо смысле типичные. Другой случай, приведенный в доказательство того, что насилие и жестокость “в крови” туземцев, связан с несчастной женщиной, которая, ничего не подозревая, пробираясь через кустарник, столкнулась с бандой *уняго* мальчишек, была схвачена ими и превращена в рабыню “просто из озорства и наслаждения насилием”. Комментарий к этому заключается в том, что, если только женщина не была незнакомкой издалека (которая при обычных обстоятельствах вряд ли путешествовала бы одна), она должна была знать, что по соседству находится *unyago*, что если бы она пересекла кустарник в том направлении, то сделала бы это на свой страх и риск, и что ее вторжение на запретную территорию было актом величайшей непристойности в сочетании со святотатством. Что же касается “восторга от насилия” — несомненно, это, в той или иной форме, неотъемлемый атрибут “человеческого мальчика” в любой части мира, особенно когда он считает, что у него есть законное оправдание?

Упоминание о *загадках*уняго, по-видимому, наводит на мысль о предмете, о котором доктор Веуле получил более полную информацию, чем любой из предыдущих авторов, — во всяком

случае, об этой части Африки. Удивительно, что ему удалось раздобыть так много фотографий танцев — особенно женских, — но они составляют лишь более публичную часть церемонии. Что касается наставлений, данных молодому поколению, то он, по-видимому, не вышел за рамки общих положений, за исключением случая с двумя стариками, которые, будучи очень пьяными, начали диктовать собственно используемую формулу, хотя и не дошли до конца. Передаются ли какие-либо племенные традиции, какие-либо мифы, воплощающие религиозные идеи далекого прошлого, вместе с таким практическим учением о жизни, которое способны дать старейшины, неизвестно, но из того, что мы знаем о других племенах, это кажется весьма вероятным. Среди аньянджа (ваньяса) озера Ньяса, *например,*, рассказывается история, объясняющая происхождение этого озера. Но, возможно, многие традиции маконде и Макуа к этому времени были забыты. Очевидно, что последние сорок или пятьдесят лет они вели очень неустроенную жизнь, к тому же были истреблены работорговлей. (Это обстоятельство, кстати, всегда следует помнить в связи с картинами туземной жизни доктора Веуле, которые оставляют болезненно убогое впечатление. Я далек от желания идеализировать “естественное состояние”; но ни зулусы, ни аньянджа, ни яо с горного Шира не настолько невежественны и небрежны в отношении гигиены или так пренебрежительно относятся к своим младенцам, какими он представляет бедных женщин из Чингулунгулу и Масаси.)

Эти “тайны” универсальны — или практически универсальны — среди африканских племен банту, и, без сомнения, также среди большинства других. Обычно о них говорят как о явном зле, для борьбы с которым христианские миссионеры делают все, что в их силах, и некоторые не отстают, призывая гражданскую власть (в странах, находящихся под британским управлением) покончить с ними. Этот вопрос является сложным и далеко идущим, и здесь он не может быть должным образом обсужден. Мое собственное убеждение, которое я высказываю только исходя из того, чего оно стоит, состоит в том, что вмешиваться в учреждение такого рода - большая ошибка, если, возможно, сами люди не перестанут в него верить, и в этом случае существует опасность того, что оно станет простым оправданием безнравственности. В противном случае даже те черты, которые на наш взгляд кажутся наиболее отвратительными, переплетены с верованиями, уходящими корнями в концепцию природы, которую только постепенный прогресс знаний может изменить или опровергнуть. И мы должны помнить, что проблема, которую эти бедные люди пытались решить по-своему, вряд ли касается и цивилизованных наций. Родители и учителя осознали зло, заключающееся в том, чтобы держать молодежь в невежестве или предоставлять им самим познавать реалии жизни; но многие из них кажутся беспомощными в замешательстве относительно наилучшего способа передачи этих знаний.

Что касается миссий, доктору Веуле нечего сказать, но я с сожалением обнаруживаю, что он не может удержаться от дешевой насмешки по поводу того, что “христианство не подходит туземцам”, которая, кажется, вошла в моду в некоторых кругах. С его стороны это кажется просто *некрологом* — возможно, бездумно перенятым у других, — поскольку он не приводит никаких аргументов в поддержку своей точки зрения, за исключением замечания, что ислам подходит африканцу гораздо больше, поскольку он не ущемляет его свободу. Но некоторое оправдание для тех, кто придерживается такой точки зрения, можно найти в ошибочных представлениях о христианстве, которые привели к различным ошибкам со стороны миссионеров. Совершенно верно, что та или иная система сложных доктринальных верований, продукт долгих веков и особого окружения, может не подходить африканцу. Верно и то, что если христианство означает европеизацию — если это означает, что африканца нужно превратить в плохую имитацию англичанина или немца, — то невозможно, чтобы оно приобрело над ним какое-либо реальное влияние. Но не будет преувеличением

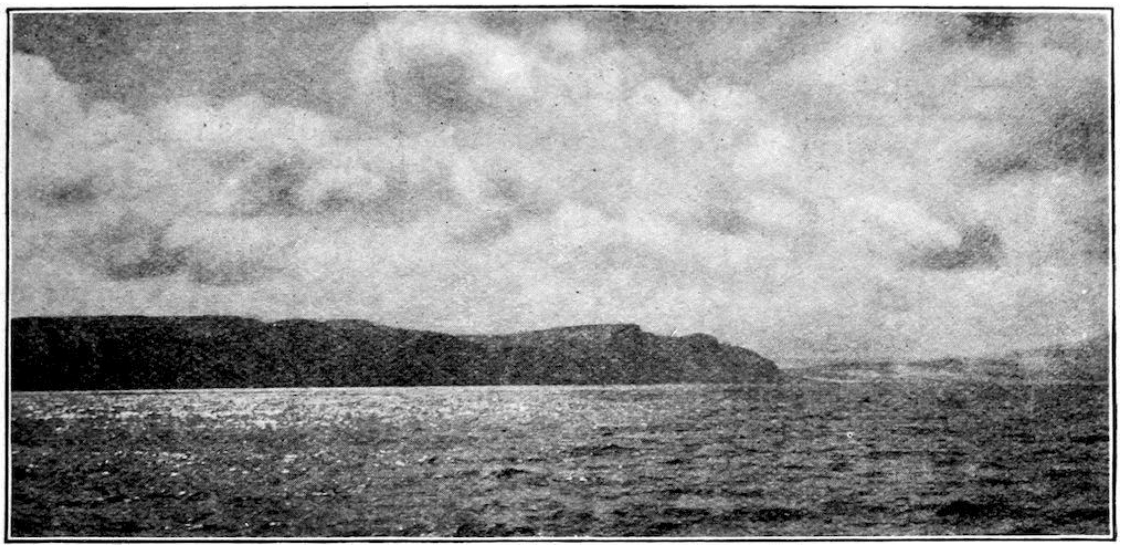
сказать, что нет людей на земле более способных — многие не настолько способны — ценить дух Евангелия и действовать в соответствии с ним, с простой любовью и верой в Вечную Доброту и доброжелательность по отношению к своим ближним.

Это широкий вопрос, который не может быть полностью обсужден в этих рамках. Миссионеры часто совершали ошибки и действовали необдуманно; в некоторых случаях они причинили серьезный вред не из-за несоблюдения своих принципов, а из-за ошибки в самих этих принципах и фатальной верности им. Возможно, они вмешивались в отношения между вождями и народом и нарушали обычаи, которые лучше оставить в покое, или, возможно, невольно поощряли неправильных новообращенных, приветствуя всех подряд, включая скрывающихся от правосудия или людей, недовольных своим домашним окружением по причинам, совершенно не связанным с высокими духовными устремлениями. Или, опять же, они могут быть обвинены в недостатках предполагаемых новообращенных, которые, почтив миссию своим присутствием на некоторое время, уходят (обычно незаметно) и становятся жертвами первого европейца, которого удается убедить нанять их.

Но у этого дела есть и другая сторона. Человек — независимо от того, является ли он сознательным последователем ницшеанской доктрины или нет, — который думает, что “низшие расы” существуют для того, чтобы поставлять ему рабочую силу на его собственных условиях, естественно, испытывает нетерпение к религии, которая поддерживает притязания слабых и признает статус человека как такового. *Во многих случаях это связано со слезотечением*. Честно говоря, я не думаю, что это точка зрения доктора Веуле. Но я не могу полностью избавиться от подозрения, что он повторял то, что слышал от плантатора, и что христианство, со строгой точностью, не смогло “удовлетворить” потребности плантатора, а не туземца. Любой, кто читал определенную брошюру доктора Эткера, или "Осторожные консулы" герра фон Сен-Поля Иллера, или "Шварц геген Вайс" герра Вольдемара Шютце, не сочтет это замечание слишком сильным.

Действительно, было бы прискорбно, если бы этих авторов сочли олицетворяющими дух немецкой колониальной администрации в Африке или где-либо еще. Но я не думаю, что мы имеем какое-либо право предполагать, что это так. Я думаю, что в этой администрации было слишком много милитаризма — и в некоторых случаях очень жестокого милитаризма — но это зло, которое, похоже, уменьшается. Возможно, существует тенденция беспокоить местных жителей чрезмерно подробными правительственными постановлениями, которые, без сомнения, со временем будут скорректированы опытом. И нет недостатка в гуманных и способных правителях, которые прилагают к своей задаче такой же добросовестный, терпеливый труд, какой их соотечественники вкладывали в научные исследования; которые готовятся к своим должностям с завидной заботой и основательностью и не жалеют никаких усилий, чтобы понять и отдать справедливость людям, находящимся под их опекой. Они ни в коем случае не потеряют своей награды.

А. ВЕРНЕР.



МЫС ГУАРДАФУИ

Жизнь коренных жителей Восточной Африки

ГЛАВА I
ВНЕШНЯЯ ГРАНИЦА

Дар-эс-Салам, воскресенье, 1906 год.

Шесть месяцев назад мне и в самых смелых мечтах не пришло бы в голову, что я проведу свой любимый праздник Троицы в тени африканских пальм. Но, тем не менее, это факт. Я уже два дня нахожусь в столице Германской Восточной Африки, месте, которое вполне может очаровать даже путешественников постарше меня. Не то чтобы пейзаж был поразительно величественным — напротив, высокие горные массивы и могучие реки бросаются в глаза своим отсутствием, а широкие просторы открытого океана ничего непосредственно не дополняют картину, поскольку Дар-эс-Салам расположен внутри страны и не имеет достойного упоминания вида на море. Очарование пейзажа заключается скорее в одном из самых счастливых сочетаний сверкающих вод, яркой листвы и сияющего солнечного света, которое только можно себе представить.

Вход в гавань не дает непосвященному ни малейшего представления о грядущей красоте. Узкий канал, забитый коралловыми рифами и своими крутыми поворотами предъявляющий серьезные требования к мастерству лоцмана, ведет к центральной точке мелководного залива, который, кажется, не имеет выхода. Однако внезапно судно скользит мимо этой центральной точки в необычайно узкий канал с крутыми зелеными берегами по обе стороны, который открывается, прежде чем путешественник успевает оправиться от изумления, в широкое, сверкающее пространство, усеянное кораблями. Это знаменитый залив Дар-эс-Салам. Учитывая очевидные преимущества этой местности, не нужно много лет жить в сельской местности, чтобы понять, почему немцы были готовы отказаться от старого торгового центра караванов Багамойо с его открытым рейдом к этой великолепной гавани и,

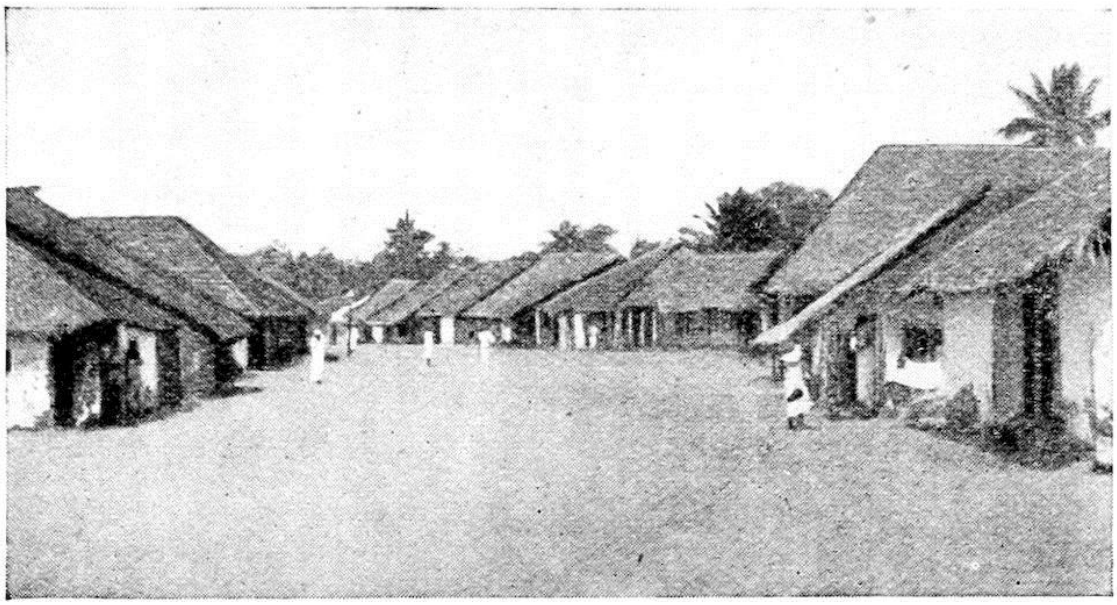
таким образом, сделать почти неизвестную местную деревню Дар-эс-Салам главным местом в колонии.[2]

ГАВАНЬ ДАР - ЭС - САЛАМА

Во время отплытия я с большим удовольствием посетил Момбасу и Занзибар, хотя, к сожалению, несчастный случай (травма ноги) помешал мне сойти на берег в немецком порту Танга. Из этих двух английских центров Занзибар олицетворяет прошлое, Момбаса - настоящее и, тем более, будущее. Это правда, что Занзибар имеет преимущество в своем положении на острове, расположенном на значительном расстоянии от материка, преимущество, которого города материка, каким бы великолепным ни было их будущее развитие, никогда не смогут лишить его, поскольку их пути сообщения, как экономические, так и интеллектуальные, всегда будут сходиться на Занзибаре. Но после завершения строительства железной дороги в Уганду Момбаса стала настоящими воротами во внутренние районы страны и будет делать это во все большей степени по мере продолжения экономического развития Центральной Африки, которое сейчас находится только в зачаточном состоянии. Смогут ли наши две великие немецкие железные дороги — пока только проектируемые — когда-нибудь восстановить огромное преимущество, полученное Момбасой, покажет будущее. Мы должны надеяться на лучшее.

МЕСТНЫЕ ТАНЦЫ В ДАР -ЭС - САЛАМЕ

Момбаса и Занзибар интересовали меня больше с исторической, чем с политической точки зрения. Как мало наши образованные и даже эрудированные круги знают об исследованиях и развитии, о различных политических судьбах этого уголка земли на западном берегу Индийского океана! Действительно, можно ожидать, что только специалисты знают, что в этом году отмечается юбилей эпохального труда французского адмирала Гийена "Исторические документы, география и торговля на востоке", но крайне прискорбно обнаружить, что "Португальская энциклопедия в немецкой и английской Остафрике" Юстуса Страндеса (1899) не более известна. Большинство из нас думает, что Восточная Экваториальная Африка, рассматриваемая как поле для колонизации, представляет собой такую же девственную почву, как Того, Камерунская и германская Юго-Западная Африка или большая часть наших владений в Южных морях. Как мало кто из нас осознает, что до нас и до англичан арабы тысячу лет назад продемонстрировали самые блестящие способности к завоеванию и удержанию колоний, и что после них португальцы, в связи с путешествием Васко да Гамы в Индию вокруг мыса Доброй Надежды в 1498 году и как следствие этого, заняли обширную полосу длинного побережья и удерживали ее на протяжении веков? И все же эти события — эта борьба за Восточную Африку - составляют одну из самых интересных глав в истории современной колонизации. Здесь впервые молодой элемент европейской культуры встречается с восточным противником, достойным его стали. Фактически, эта борьба за северо-западные берега Индийского океана означает не что иное, как начало гораздо более серьезной борьбы, которую белая раса вела за господство над землей в целом и в которой они, казалось, уже одержали победу, когда несколько лет назад неожиданный подъем Японии показал ошибочность веры, которой так долго придерживались, и, возможно, также положил начало новой эре.



УЛИЦА В ТУЗЕМНОМ КВАРТАЛЕ ДАР-ЭС-САЛАМА

Любой, кто путешествует не только ради впечатлений настоящего, но привык видеть прошлое за явлениями текущего момента и, подобно мне, покидает область европейской культуры с явной целью использовать свои результаты для помощи в решении великой проблемы интеллектуальной эволюции человека во всех ее деталях, найдет в путешествии в немецкую Восточную Африку лучшую возможность для обзора и ретроспективы, чем во многих других великих маршрутах современных путешествий.

Это происходит, как только человек пересекает Альпы. Действительно, даже очень умеренная скорость итальянского экспресса не дает возможности заниматься антропологическими исследованиями. Чтобы безошибочно заметить тевтонскую черту в населении Северной Италии, необходимо было бы на досуге пересечь равнину Ломбардии. Но уже в долине Адидже, и все больше по мере продвижения по Северной и Центральной Италии, расслоение сменяющих друг друга рас, как мне кажется, символизируется тремя культурными слоями, видимыми на полях: кукурузой внизу, посаженными между ней фруктовыми деревьями и виноградными лозами, покрывающими их сверху. Точно так же лангобарды, готы и другие народы наложили себя на древние итальянские и этрусские корни. На долгом пути из Модены в Неаполь вспоминается, что Апеннины действительно являются определяющей чертой всего итальянского полуострова и что римляне изначально начали свой завоевательный путь из-за нехватки места в своей собственной стране. Единственным местом, которое в мае 1906 года производило впечатление простора, был Неаполитанский залив, которого мы так и не увидели как следует за все четыре или пять дней нашего пребывания. Слабая дымка, вызванная вулканической пылью, оставшейся в воздухе после извержения в предыдущем месяце, застилала все расстояния, в то время как улицы и дома, покрытые слоем пепла, казались серыми на сером фоне — удручающее и неуместное зрелище. Беспечная лень неаполитанцев, которая, как правило, кажется трудолюбивым жителям Центральной Европы скорее комичной, чем оскорбительной, оттеняется ясным небом и ярким солнечным светом, которые отмечают все путешественники (но которых мы почти не видели).

Со школьных времен мы были знакомы с тем фактом, что страны, граничащие со Средиземноморьем, — очаги древней цивилизации — в настоящее время практически лишены лесов. И все же ландшафт Южной Италии и Сицилии кажется путешественнику еще

более незнакомым, чем ландшафт северных и центральных районов; он еще более безлесный и, следовательно, более четкий по контурам, чем этрусские и римские Апеннины и Абруцци. Но наиболее поразительной чертой для нас, жителей Северогерманской равнины, являются долины рек, впадающих в Мессинский пролив и ведущих крутыми спусками вглубь страны. В это время года они кажутся либо довольно сухими, либо содержат очень мало воды, так что рассчитаны на то, чтобы производить впечатление широких магистралей. Но какой ужасной должна быть сила, с которой масса воды, скапливающаяся в русле ручья после сильных дождей, без удерживающей ее лесной почвы устремляется по этим каналам в море! Справа и слева от Реджо, напротив Мессины, к побережью спускается множество извилистых ущелий, заваленных обломками и пересеченных мостами, арки которых по высоте и размаху не уступают самым высоким железнодорожным виадукам.

Вряд ли есть необходимость что-либо говорить о Порт-Саиде и Суэцком канале. Войдя в Красное море, я одновременно оказался в знакомом регионе — я бы даже сказал, в том, который я сделал своим собственным, поскольку на мою долю выпало написать монографии о трех океанах, вошедшие в Мировоззрение Гельмольта.[3] Из этих монографий та, что посвящена Атлантике, кажется, по мнению широкого читателя, наиболее успешной; но та, что посвящена Индийскому океану, несомненно, более интересна с точки зрения истории человечества. Во-первых, это море имеет то преимущество перед своими восточными и западными соседями, что его воздействие на соседние с ним расы и народы продолжалось в течение длительного периода. У Тихого океана есть исторические народы (исторические, то есть в том несколько ограниченном и одностороннем смысле, в котором мы до сих пор использовали этот термин) на его северо-западной окраине, в восточной Азии; но остальная часть его огромной окружности оставалась мертвой и пустой, с исторической точки зрения, почти до наших дней. Атлантический океан в точности меняет эти условия на противоположные: его историческая плотность ограничена северо-восточным регионом, западным побережьем Африки и восточным побережьем Америки, которые (за исключением Соединенных Штатов) крайне незначительны с исторической точки зрения.

Теперь Индийский океан стал связующим звеном между этими двумя центрами — средиземноморским культурным кругом на западе и кругом Индии и Восточной Азии на востоке, - в то время, когда и Атлантический, и Тихий океаны все еще были пустынными и неисследованными водными просторами. Это, однако, верно не для всего Индийского океана, а только в отношении его северной части, и в частности двух впадин, уходящих далеко вглубь материка в северо-западном направлении, которые мы называем Красным морем и Персидским заливом. Сегодня, когда мы прокладываем наши железные дороги через целые континенты, и даже горные хребты не представляют непреодолимых препятствий для наших каналов, мы воображаем, что массы суши шириной с Суэцкий перешеек или гораздо большей протяженностью “Сирийского порта— - маршрута между Персидским заливом и Восточным Средиземноморьем — должны были быть абсолютным сдерживающим фактором для морских перевозок древних. В некотором смысле, действительно, так оно и было; в противном случае так много древних правителей не пытались бы опередить нас при строительстве Суэцкого канала. Но там, где технических навыков недостаточно для преодоления таких препятствий и где в то же время спрос на сокровища Востока столь огромен, как это было в классические и средневековые времена, люди приспосабливаются к существующим условиям и используют судоходную воду везде, где ее можно найти. Только так можно объяснить непрерывное плавание по Красному морю в течение нескольких тысяч лет, несмотря на его опасные рифы и преобладающие ветры, которые отнюдь не благоприятны для парусных судов.

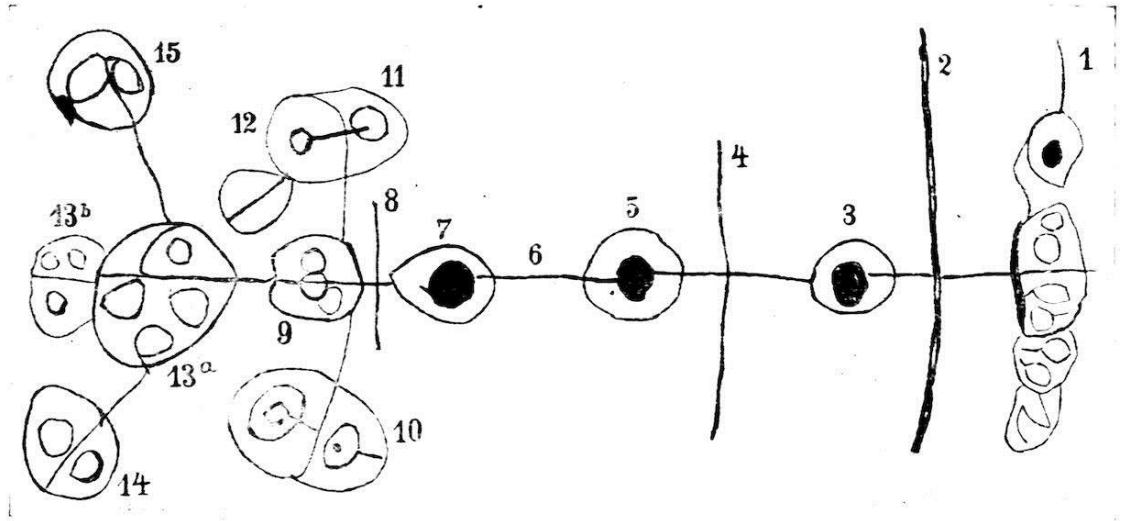
Только один период покоя — можно сказать, зачарованного сна — выпал на долю Красного моря. Это было время, когда ислам, только что осознавший свою мощь, преуспел в том, чтобы наложить свою тяжелую руку на переходную зону между Западом и Востоком. С перекрытием Суэцкого канала исчезла последняя тень этого древнего барьера, и Красное море и Северная часть Индийского океана одним махом в полной мере вернули себе прежнее место в общей жизни человечества.

Пассажирами на борту нашего парохода "*Принцрегент*" были в основном немцы и англичане; и поначалу между представителями двух национальностей ощущалась определенная скованность, на последнюю из которых, по-видимому, повлияли страх и недоверие, выраженные в многочисленных публикациях последних нескольких лет. "Вторжение мистера Уильяма Ле Ке в 1910 году" было самой востребованной книгой в корабельной библиотеке.

Во время последней части путешествия постепенно установилось более дружелюбное положение вещей; и это в значительной степени благодаря неприхотливому инструменту, составляющему часть моего антропологического снаряжения. Однажды, когда мы приближались к Баб-эль-Мандебскому проливу, отчасти для того, чтобы скрасить скуку путешествия, а отчасти для того, чтобы получить статистические данные о сравнительной силе, я достал свой динамометр Коллина. Это овальный кусочек полированной стали, достаточно маленький, чтобы его можно было держать плашмя в руке и сжимать в большей или меньшей степени, в зависимости от приложенной силы, причем давление регистрируется с помощью зубчатых колесиков, воздействующих на указатель, который, в свою очередь, перемещает второй указатель на циферблате. При ослаблении давления первый указатель возвращается в исходное положение, в то время как второй остается в том положении, которое он занял, и показывает вес в килограммах, эквивалентный давлению. Аппарат, действительно медицинский, хорошо приспособлен для определения сравнительной силы различных рас; но его более непосредственная полезность, по-видимому, заключается в установлении сердечных отношений между совершенно незнакомыми людьми в кратчайшие возможные сроки. В то жаркое утро, едва я начал испытывать свои силы, как все пассажиры-англичане мужского пола собрались вокруг меня, почуяв какой-нибудь вид спорта, который никогда не перестает привлекать их, молодых или старых. В последующем мирном соперничестве между двумя нациями я могу отметить, что наши соотечественники ни в коем случае не показали худших результатов; это может служить доказательством того, что нашу немецкую систему физической подготовки не так уж следует презирать, как это недавно было предложено многими компетентными судьями и еще большим количеством тех, кто не столь компетентен.

В своем общем поведении на борту корабля современный немец, насколько позволяют мои наблюдения, ни в малейшей степени не отличается от более опытных путешественников других национальностей. Это правда, что почти каждый англичанин демонстрирует в своем поведении некоторый след национального убеждения в том, что господство на морях принадлежит ему по праву рождения. Наше существование, однако, начинает признаваться — не из-за какой-либо сильной привязанности к “нашим немецким кузенам”, а просто по необходимости. Если для удобства путешествия приходится прибегать к немецким кораблям; и когда дома и за границей приходится считаться с немецким торговым флотом и военно-морским флотом Германии, первый из которых поддерживает усердную конкуренцию, в то время как второй медленно, но неуклонно растет, эти вещи не могут не произвести впечатления даже на менее культурных представителей британской нации. Только одно рассчитано и будет рассчитано на долгие годы вперед, чтобы выставить нас на посмешище в

глазах Старой Англии, — и это Занзибарский мирный договор. Никогда я не забуду злобных торжествующих взглядов и саркастических соболезнований, которыми были встречены мы — несчастные современники покойного Каприви, — когда мы увидели Занзибар. Мой друг Хайрам Роудс из Ливерпуля, вечно улыбающийся и пользующийся всеобщей популярностью, обычно известный как “смеющийся философ” из-за своего жизнерадостного взгляда на жизнь, как правило, не был склонен к резким высказываниям, но что касается знаменитой политической сделки, я отчетливо помню, что слышал от него выражение “Дети в политике”. Едко, но не незаслуженно! Еще одно его замечание после осмотра Дар—эс-Салама: “Это самая прекрасная колония, которую я когда-либо видел!” - действительно, подействовало как целебный бальзам, но никакие примирительные речи не вернут нам Занзибар!



КАРТА ГЛАВНОЙ КАРАВАННОЙ ДОРОГИ С ЕЕ ОСНОВНЫМИ ОТВЕТВЛЕНИЯМИ. НАРИСОВАНА САБАТЕЛЕ, жителем МАМБВЕ

Теперь можно вкратце изложить цель путешествия, в которое я пустился. Несколько десятилетий назад, и, следовательно, до начала нашей колониальной эры, рейхстаг проголосовал за ежегодный грант в размере около 200 000 марок для научных исследований в Африке — исключительно в интересах получения знаний и без каких-либо скрытых намерений с узко националистической точки зрения. Можно было бы ожидать, что после основания наших поселений в Африке и Тихом океане этот фонд без колебаний был бы направлен, полностью или частично, на систематическое исследование этих наших колоний. Но этого сделано не было или было сделано очень неуверенно и бессистемно — к великому огорчению немецких научных кругов, которые в этих обстоятельствах были вынуждены довольствоваться случайными отчетами гражданских и военных чиновников, дополняемыми спорадическими исследовательскими экспедициями, официальными или частными.

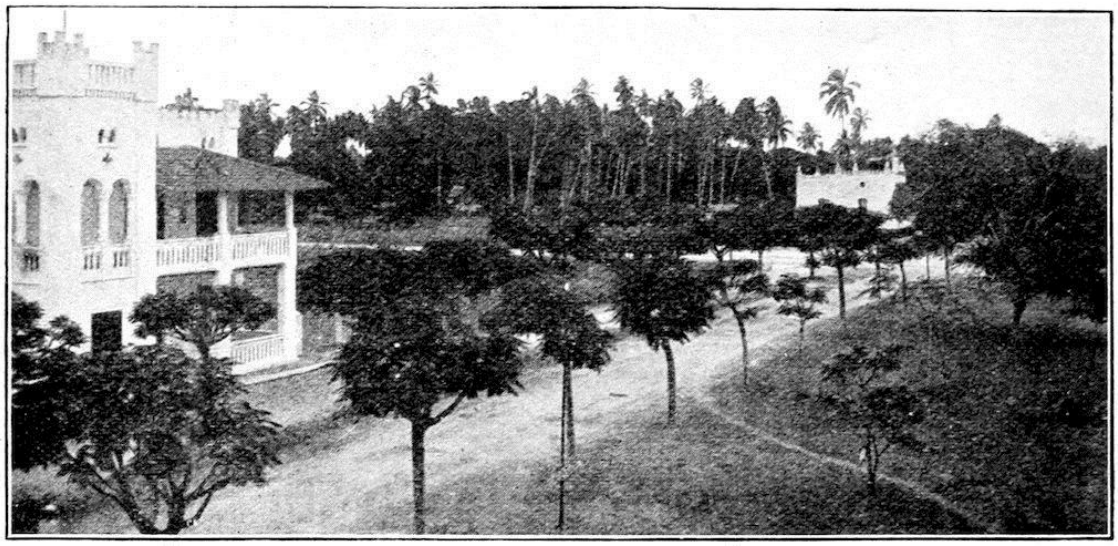
ВНУТРЕННИЙ ДВОРИК В ДАР—ЭС-САЛАМЕ -*Лучшее, что есть*

Только на первом Колониальном конгрессе в 1902 году развернулась более энергичная агитация за широкомасштабное использование Африканского фонда для систематического изучения наших зависимостей. Со стороны специалистов во всех отраслях знания — географии и геологии, антропологии и этнографии, зоологии и ботаники, лингвистики, сравнительного правоведения и новой науки сравнительного музицирования — раздался тот же клич, в результате чего три года спустя, на втором Колониальном конгрессе (октябрь 1905 г.), мы смогли четко сформулировать наиболее насущные проблемы и выделить основные области исследований по каждому предмету. Однако на выполнение этой работы могли бы уйти годы, если бы не "Комитет по географическому исследованию немецких колоний" и его энергичный президент, доктор Ганс Мейер, который вывел работу из обычного состояния бесконечных дискуссий и одним махом перевел ее в действие. Доктор Ягер, герр Эдуард Элер и я являемся живыми доказательствами этой (в нашей стране) необычной быстроты принятия решений, будучи выбранными для выполнения инструкций Комитета (который связан с Министерством по делам колоний) и оказания помощи в реализации давней мечты немецкой науки.

Задача двух джентльменов, о которых я упомянул, носит чисто географический характер и состоит в изучении интересного вулканического района, расположенного между

Килиманджаро и Виктория-Ньянца, в то время как мне поручено внести некоторый порядок в хаос наших знаний о племенах, населяющих примерно тот же регион. Следует помнить, что страна, окружающая озера Маньяра и Эяси и простирающаяся на значительное расстояние к югу от них, кишит племенами и народностями, которые, несмотря на то, что наше знакомство с ними началось более двадцати лет назад, все еще представляют собой целый ряд этнологических проблем. Среди этих племен - васандави, в языке которых, как известно, присутствуют клики, подобные кликам готтентотов и бушменов, и которые, как предполагается, являются забытым остатком первобытной расы, восходящей к доисторическим эпохам. Говорят, что ванеге и вакиндига, кочевые племена в окрестностях озера Эяси, родственны им. Во всей массе африканской литературы, значительную часть которой я изучил за двадцать лет моего изучения этого континента, самая забавная вещь, с которой я когда-либо сталкивался, - это тот факт, что все наши современные знания об этих вакиндигах на самом деле являются результатом случайности, что в определенный момент у капитана Вертера в руке был полевой бинокль. Этот блестящий путешественник, дважды побывавший в рассматриваемом районе (в 1893 и 1896 годах), слышал о существовании этих людей, но все, что он видел о них, было отдаленным обзором нескольких хижин в телескоп. Пока мы знаем о них не больше, чем их голые названия, добросовестно вносимые в каждую колониальную или этнологическую публикацию, которая появляется.

Другая группа пока еще недостаточно определенных племен представлена вафиоми, вайраку, ваваси, вамбуру и вабурунге. Все они подозреваются в принадлежности к хамитам, и некоторые из них развили свои собственные замечательные культурные условия. Но в условиях стремительного развития событий они рискуют утратить свой отличительный характер еще быстрее, чем другие африканские народы, и, хотя бы по этой причине, необходимы систематические наблюдения, пока не стало слишком поздно. То же самое можно сказать о вататуру или татога, которых, несомненно, следует рассматривать как остатки некогда многочисленного населения. Говорят, что они говорят на языке, родственном сомалийскому, но сейчас живут разбросанными по такой обширной территории, что опасность их исчезновения в результате поглощения другими расами, если это возможно, еще больше, чем в случае с остальными. Последние из племен, которые меня особенно интересуют, - это ваньятуру, вайранги и вамбугве. Все они принадлежат к великой группе банту, но вследствие своей изоляции настолько верно сохранили определенные особенности культуры, что их тоже стоит посетить.



В ЕВРОПЕЙСКОМ КВАРТАЛЕ ДАР-ЭС-САЛАМА

Что касается первоначальной родины африканской расы, то это вопрос, которому этнологи до сих пор не уделяли особого внимания. Все без исключения авторы предполагают, что хамиты, населяющие северо-восточную часть континента, пришли из Азии через Красное море. Большинство авторитетных источников довольствовались сравнительно короткими периодами при оценке даты этой миграции — действительно, самая последняя работа на эту тему, книга капитана Меркера о масаях (которых, кстати, он называет семитами), утверждает, что и дата, и маршрут могут быть точно рассчитаны, и относит первую к периоду около 5000 лет назад.

Более того, не только для них, но и для огромной массы населения Африки, суданских негров и негров-банту, весьма распространено предположение, что первоначальная родина за пределами континента; и предполагается, что обе эти группы проникли в свои нынешние места обитания из Азии либо через Суэцкий перешеек, либо через Баб-эль-Мандебский пролив.

С этой теорией я имел удовольствие бороться несколько лет назад. Нет абсолютно ничего, что указывало бы на то, что предки нынешней негритянской расы когда-либо жили где-либо еще, кроме того региона, который они в основном занимают сегодня. Нельзя доказать, что ни одна ветвь этой большой группы не обладала какими-либо мореходными навыками, заслуживающими упоминания, и ни одна из них никогда не выходила далеко в море.

Можно сказать, что для пересечения Баб-эль-Мандебского пролива не требовалось больших знаний в области навигации, даже если миграция происходила не через перешеек. Проблема, однако, ни в коем случае не может быть решена таким простым способом. Современная антропология требует для эволюции человека таких же длительных периодов, как и для эволюции высших животных. Дилювиальный человек уже давно признан нашей самой жесткой ортодоксией; и людям пришлось бы привыкать к Третичному Человеку, даже если бы обстоятельства данного случая не делали его незаменимым постулатом. По мере того как молодость человечества отступает к ранним геологическим периодам, проблема расового развития, как представляется, требует для своего решения не просто измерений черепа и скелета, но энергичного сотрудничества палеонтологии и исторической геологии. Насколько я могу судить, науки, о которых идет речь, вероятно, в конечном итоге придут к согласию относительно трех примитивных рас, белой, черной и желтой, каждая из которых имела свой центр развития на одном из старых примитивных континентов. Такой континент действительно существовал на протяжении долгих геологических эпох в Южном полушарии. Большой его фрагмент представлен современной Африкой, меньший - Австралией и архипелагами Индонезия и Папуа. Таким образом, распространение черной расы от Сенегамбии на западе до Фиджи на востоке объясняется до смешного просто.

Чтобы объяснить существование больших групп *смешанных рас*, мы также должны в будущем, по моему мнению, прибегать к геологическим изменениям земной поверхности. Откуда мы берем хамитов? и что, в конце концов, мы понимаем под этим термином, который, как ни странно, обозначает зону проживания народов, точно заполняющих географический разрыв между белой и черной расами? Более того, как мы можем объяснить так называемую урало-алтайскую расу, эту массу народов, которую так трудно определить, занимающую пространство между примитивным монгольским элементом на Востоке и кавказским на Западе? Не напрашивается ли и здесь мысль, что толчком к развитию обеих групп — североафриканской, а также североазиатской — послужил длительный контакт между древними примитивными расами, который, согласно положению вещей, *т.е.* Судя по геологическим изменениям, произошедшим как в юго-восточном углу Средиземноморья, так и на востоке Северной Европы, стал возможен только благодаря соединению старых

континентов, ранее разделенных морями? На самом деле сухопутная связь в обоих этих местах возникла, с геологической точки зрения, совсем недавно.

Возвращаясь от унылой теории к веселой реальности, могу упомянуть, что я сделал несколько удачных фотографий мыса Гуардафуи. С севера этот мыс выглядит не очень внушительно. Берег кажется совсем близким, но на самом деле мы находимся в пяти или шести милях от него, и на таком расстоянии скалы, хотя и достигают почти тысячи футов в высоту, кажутся незначительными.

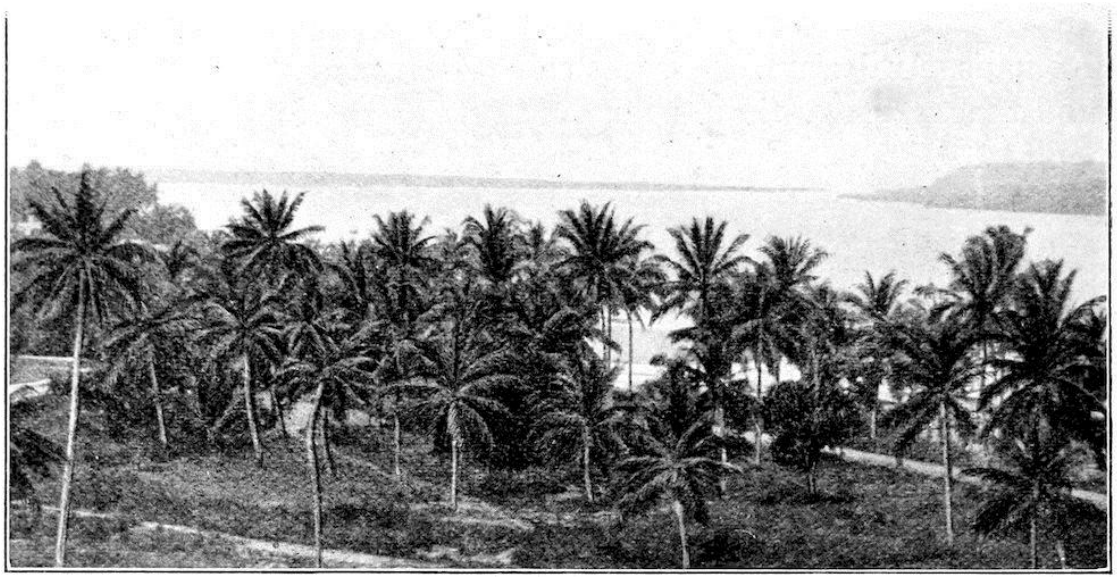
Вид с юга более впечатляющий. Здесь, справа от нас, горы поднимаются почти вертикальной стеной на высоту около 3000 футов и часто кажутся еще выше, когда их вершины теряются в плотном слое облаков. И все же взгляд всегда возвращается снова и снова к самому мысу. На самом деле он не кажется более величественным, чем с севера, но с этой стороны он представляет собой, даже для наименее одаренного воображением наблюдателя, очертания, известные всем путешественникам как “Спящий лев”. В целом меня не особенно впечатляют воображаемые сходства, которые, как правило, приводят к присвоению схожих наименований, но здесь я был поражен абсолютным правдоподобием этого произведения естественной скульптуры. Могучая гривастая голова низко опущена, казалось бы, покоясь на темно-синей линии Индийского океана, правая передняя лапа прижата к ней вплотную. Но глаза королевского зверя закрыты, и, таким образом, какой великолепный образец символизма потерян для нас! Как бы то ни было, изображение, представленное сегодня, является несколько ручным. В старые времена, пока лев бодрствовал, он наблюдал за оживленным морским движением, которое происходило на его глазах в поздний период античности и раннего средневековья, когда финикийцы, химьяриты, греки, римляне, арабы и персы плавали на восток и юг, а средневековые китайцы продвигались с востока до Аденского залива и даже в Красное море. Это было время, когда стоило продолжать бодрствовать. Затем пришел ислам и правление турок, а еще позже кругосветное плавание вокруг Мыса сделало бесполезными египетские и сирийские сухопутные маршруты. Красное море и Персидский залив погрузились в застой, длившийся веками, и Лев устал и заснул.

Даже огромного транспортного потока, вызванного открытием Суэцкого канала, оказалось недостаточно, чтобы разбудить его; миром правит *инерция*, и скудные сорок лет - слишком короткий срок, чтобы звуки жизни проникли в его сон. Для этого потребуются другие средства.

На борту находится итальянский капитан, великолепная фигура мужчины, но он печально страдает от последствий ранений копьем, полученных от абиссинцев при Адове. На днях я спросил его, почему его правительство не установило маяк на мысе Гуардафуи, что они, как правители страны, несомненно, были обязаны сделать. Он признал, что это так, но указал, что попытка осуществить любой подобный проект повлекла бы за собой сложную и дорогостоящую кампанию против сомалийцев, которые ни в коем случае не согласились бы покорно потерять прибыль от своего ремесла вредителей.

Несомненно, капитан был прав, но Италия не может в долгосрочной перспективе отказаться выполнить международное обязательство по возведению маяка на этом открытом месте, где даже сейчас можно увидеть унылый черный корпус французского парохода, который, подойдя темной ночью к побережью, слишком рано повернул на запад. Но с того момента, как этот маяк впервые прольет свои лучи на волны Индийского океана, Лев проснется и почувствует, что его время снова пришло.

Муссоны - приятная перемена после изнуряющей атмосферы Красного моря и Аденского залива, но на какое-то время их однообразие становится утомительным. Отсюда громкое ликование пассажиров при виде Момбасы и Занзибара и скорость, с которой они высаживаются на берег в этих портах. В Дар-эс-Саламе первая свежесть немного рассеялась, но путешественник, тем не менее, ступает на сухую землю с неуловимым чувством облегчения.



ЛИНДИ - БЕЙ

ГЛАВА II
НЕОЖИДАННОЕ

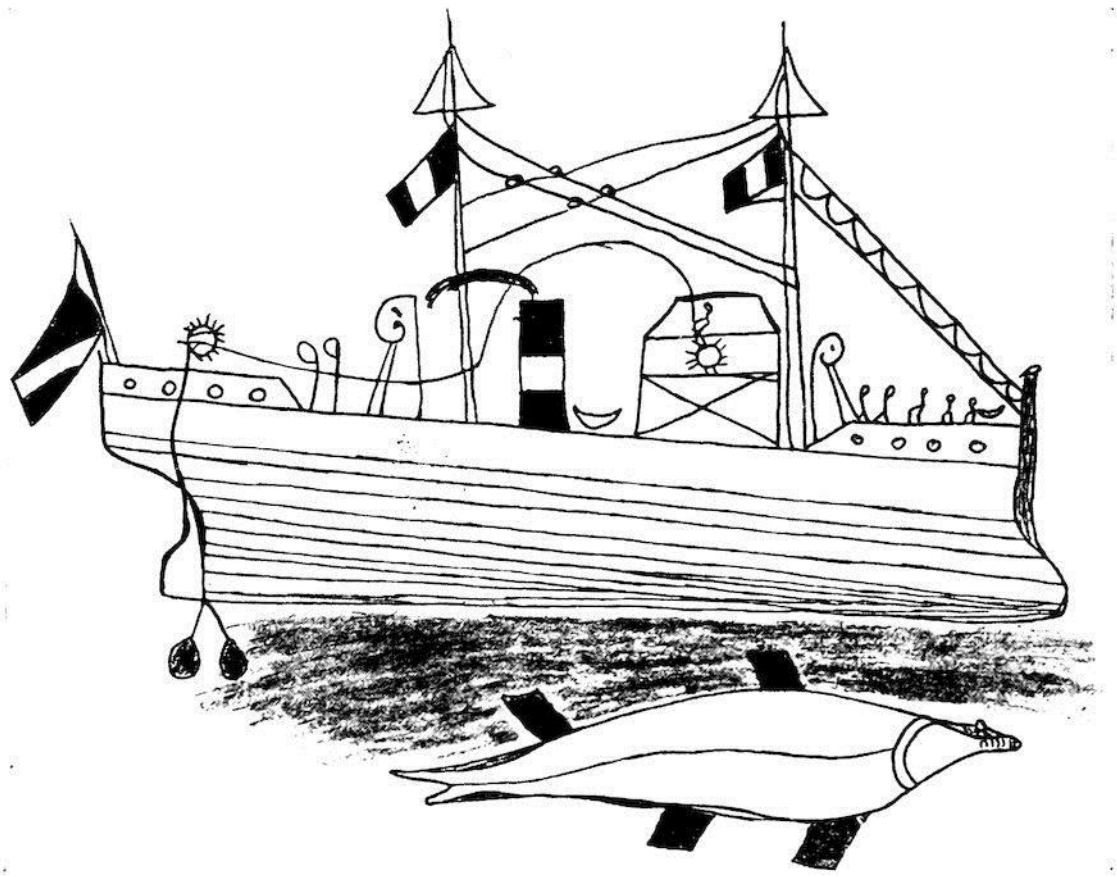
Линди, конец июня 1906 года.

Африка! Африка! Когда в прошлые годы люди говорили мне, что в Африке бесполезно заранее составлять какие-либо планы, я всегда считал это мнение квинтэссенцией глупости; но после моего недавнего опыта я вполне в состоянии оценить его истинность.

Я должен вернуться к 11 июня. Мы с двумя географами назначили наш отъезд на север на 20-е число; собрав необходимых людей и багаж, мы намеревались сесть на пароход до Танги и воспользоваться железной дорогой Усамбара от Танги до Момбо, чтобы начать наш марш из долины Пангани через степь масаи к Кондоа-Иранги. Наши приготовления шли самым удовлетворительным образом; и однажды утром я делал все возможное, чтобы ускорить их в магазинах Трауна, Штюркена и Деверса, проявляя ту настойчивость в торгах, которая может быть присуща только директору этнографического музея. Я не прислушивался к разговору, происходившему рядом со мной между одним из продавцов и офицером полевых войск-европейцем; но внезапно до моего слуха донеслось имя Кондоа-Иранги, и я мгновенно был весь внимание. “Я полагаю, вы собираетесь домой к ...завтрашнему дню?” - спросил один. “Не повезло! мы выступаем завтра днем. Разве я только что не сказал, что в Ираку восстание? - возразил другой.

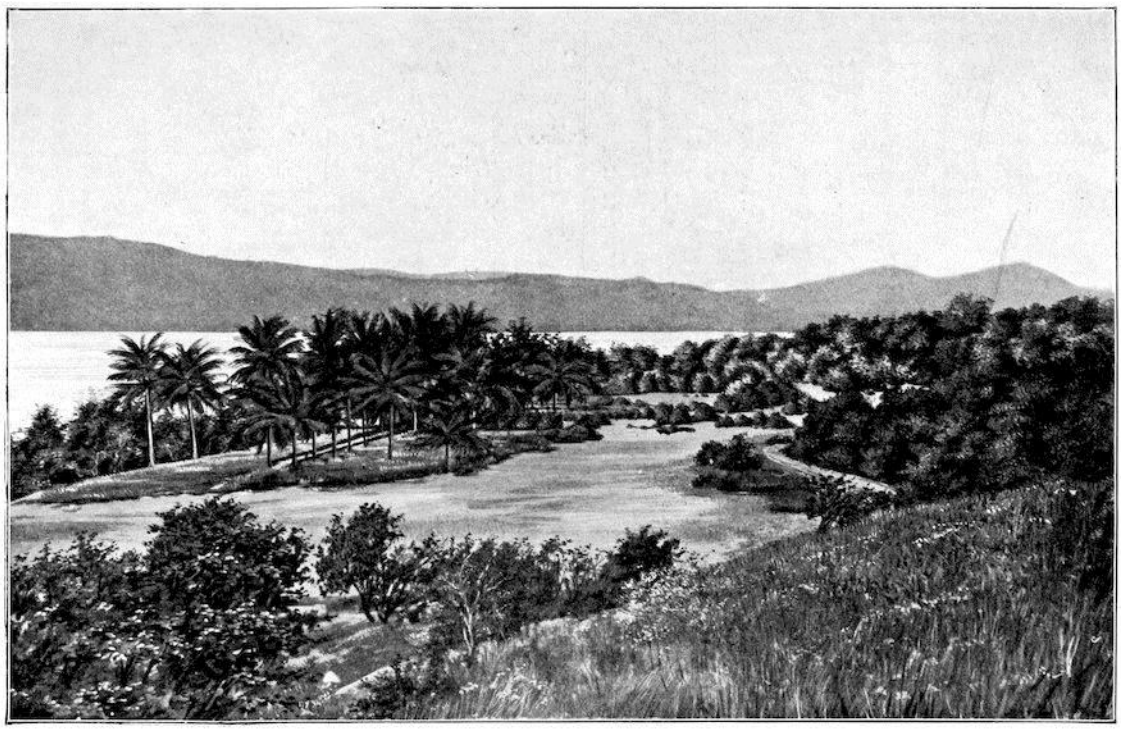
Кондоа-Иранги и Ираку интересовали меня достаточно пристально, чтобы потребовать дальнейшего расследования. Наполовину инстинктивно я выскочил за дверь и оказался под ослепительным солнечным светом, заливавшим улицу. В этот момент подъехала запряженная мулом повозка капитана Меркера, и его голос донесся до меня поверх лохматых голов прохожих. “Остановитесь, доктор Веуле, вы не можете ехать в Кондоа-Иранги”.

Хотя я, как правило, не обладал каким-либо экстраординарным присутствием духа, в данном случае я, должно быть, соображал с молниеносной быстротой, поскольку не успел занять свое место рядом с Меркером, чтобы без потери времени отправиться в правительственные учреждения и попросить более полных объяснений, как я уже перебрал в уме различные возможные альтернативы на случай, если окажется — что казалось вероятным — что мне придется отказаться от всякой мысли об экспедиции в Иранги. В те — для меня — критические дни в Дар-эс-Саламе не было никого, кто был бы знаком с обстоятельствами, но сказал бы: “Убирайся! восстание ираку — это вовсе не восстание - это сущий пустяк, ссора из-за пары быков или что—то в этом роде - в любом случае дело, которое скоро будет улажено”. Тем не менее я должен был признать, что исполняющий обязанности губернатора (Гехаймрат Хабер, о чьей неизменной доброте я не могу сказать достаточно) был прав, когда указал, что, хотя географ может беспрепятственно пересекать этот район, независимо от того, что в него вошли четыре колонны местных полевых войск (*Шуцтруппы*) по дорогам, сходящимся из Моши, Мпапвы, Килиматинде и Таборы соответственно, ситуация совершенно иная для этнографической экспедиции, которая может выполнять свою работу только в совершенно нетронутой местности. Это условие будет недостижимо на Севере в течение некоторого времени. Не лучше ли было бы повернуть на юг, во внутренние районы Линди и Микиндани? Правда, не так давно там произошло восстание, но теперь оно было полностью подавлено, и вамвера, в особенности, подверглись очень эффективному разгрому, так что племена этой части вряд ли будут настроены на новую агрессию именно сейчас. В то же время на Юг двинулись сравнительно большие силы, как полевые, так и полицейские, и в наиболее важных стратегических пунктах были расставлены сильные гарнизоны, так что я мог быть уверен в достаточном сопровождении; в то время как в стране Маньяра я мог рассчитывать только на пару рекрутов.



СС. *РУФИДЖИ*, НАРИСОВАННЫЙ БАКАРИ, мсахили

Мое продолжительное изучение африканских рас никогда не оказывало мне лучшей услуги, чем сейчас. Легко понять, что я знал меньше о предложенной новой области работы, чем о той, которую у меня так грубо отняли; но я знал, что она включает в себя скопление племен, сходных с теми, что встречаются на Севере; и я также смог составить довольно определенное представление о том, каким образом я должен спланировать и провести свою новую экспедицию, чтобы довести ее до успешного завершения. Однако я воздержался от детального обдумывания нового плана — на самом деле у меня не было бы на это времени, потому что я должен был действовать быстро, если не хотел потерять несколько недель. Разрешение Географического комитета и Министерства по делам колоний вскоре было получено, мои вещи были упакованы; два мальчика и повар были наняты задолго до этого. Маленький правительственный пароход "*Руфиджи*" должен был отправиться на Юг 19 июня. Я убедил правительство снабдить меня на месте единственной картой южного округа, которую в то время можно было достать, и с такой же оперативностью превосходно управляемый “Центральный журнал" нашел мне две дюжины крепких носильщиков-ваньямвези. С другими абсолютно необходимыми приготовлениями было быстро покончено, и, прежде чем я успел оглядеться, я оказался на борту и отплыл из гавани Дар-эс-Салама.



ВИД НЕДАЛЕКО ОТ УСТЬЯ ЛУКУЛЕДИ НАД ЛИНДИ

Я ни на минуту не питал иллюзии, что исследовательская экспедиция - это увеселительная поездка, но три с четвертью дня, проведенные на борту *"Руфиджи"*, останутся ярким воспоминанием, даже если мое знакомство с интерьером окажется хуже, чем я ожидал. Отчасти в этом виноват мой собственный недостаток предусмотрительности. Вместо того чтобы хорошенько позавтракать в клубе "Дар-эс-Салам" перед отплытием, я позволил корабельному коку поставить передо мной кофе, который в сочетании с липким, плохо пропеченным хлебом и прогорклым консервированным маслом оказался бы эффективным рвотным средством даже на суше и вскоре привел к неизбежной катастрофе на борту маленького судна, бешено кренящегося под сильным юго-западным муссоном. *"Руфиджи"* и ее дочерний корабль "*Ровума*", собственно говоря, не являются пассажирскими пароходами, а служат только для доставки почты вдоль побережья и перевозки небольших партий грузов. Следовательно, здесь нет жилья для путешественников, которым приходится подниматься на мостик, когда они поднимаются на борт, и жить, есть, пить и спать там, пока они не доберутся до места назначения. Все это очень хорошо, пока количество мест строго ограничено: ночью есть место только для двух или трех раскладушек, предмет, который в любом случае нужно взять с собой, поскольку без него невозможно путешествие по Восточной Африке. Но положение вещей, когда шестерым или восьмерым мужчинам и, возможно, даже даме приходится делить это пространство, которое примерно равно площади комнаты средних размеров, - воображение не осмеливается представить.

Мои собственные беды едва ли позволяли мне думать о благополучии моих людей. Мориц и Кибвана, два моих мальчика и мой повар Омари - джентльмены, путешествующие по миру, которые со стоическим спокойствием подчинялись движениям *руфиджи*, но мои носильщики ваньямвези очень скоро утратили свою обычную невозмутимую жизнерадостность. Все они поднялись на борт в самом приподнятом настроении, хвастаясь родственникам, которых оставили в Дар-эс-Саламе, тем, как они собираются путешествовать и повидать мир. Как двадцати четырем удалось найти место в невероятно тесном помещении кормовой палубы, которое им, к тому же, приходилось делить с двумя или тремя лошадьми, для меня до сих пор остается загадкой ; они сидели и лежали буквально

друг на друге. Поскольку они все время были больны, это, должно быть, действительно был восхитительный переход для всех них.

Есть что-то странно жесткое, непоколебимое и консервативное в этом старом континенте. Нам напомнил об этом Лев мыса Гуардафуи, и теперь мы находим это подтверждение даже в официальных правилах движения пароходов. Древние, как мы знаем, плавали только днем, а дикари, которые не очень хорошо разбираются в мореплавании, всегда швартуют свои морские суда у берега вечером. С другой стороны, мы, европейцы, считаем одним из наших давних и высочайших достижений независимость в наших путешествиях как от погоды, так и от дневного света. Из этого правила *ровума* и *руфиджи* составляют одно из редких исключений; они всегда ищут какую-нибудь защищенную якорную стоянку незадолго до захода солнца и снова отправляются в путь на рассвете следующего утра.

Во время путешествия из Дар-эс-Салама в Линди и Микиндани — Тура на Юг, как он официально называется, — первой гаванью для ночлега является Симба Уранга, одно из многочисленных устьев великой реки Руфиджи. Вход в этот канал не лишен очарования. На большом расстоянии глаз может различить брешь в зеленой стене мангровых зарослей, которая характеризует обширную дельту. Следуя за буйками, обозначающими фарватер, маленькое суденышко приближается к пролому, не быстро, но неуклонно. Когда мы приближаемся, он открывается — справа и слева тянется белая полоса бурунов, пенящихся над коралловыми рифами, окаймляющими побережье Восточной Экваториальной Африки, — и внезапно человек осознает, что вырвался из открытого моря и нашел убежище в тихой гавани. Он, безусловно, достаточно просторен — река течет, спокойная и величественная, между зелеными стенами своих берегов, шириной 600 или даже 800 метров и уходит вглубь страны дальше, чем может уследить глаз. Якорная стоянка находится примерно в часе пути вверх по реке. На правом берегу стоит лесопилка, закрытая некоторое время назад: ее заброшенные здания и ржавеющее оборудование представляют собой печальную иллюстрацию обманчивых надежд, с которыми начиналось так много колониальных предприятий. Как только солнце опускается за горизонт, винт прекращает свою работу, якорная цепь с грохотом проваливается в отверстия для якоря, и *Руфиджи* закрепляется на ночь. Ее печь, в которой сжигаются дрова, отапливается мангровыми поленьями, срубленными в лесах Дельты и сложенными в этом месте, готовыми к погрузке на борт. Эта работа обычно выполняется под присмотром лесничего, которого, к сожалению, я не вижу, так как он отсутствует за городом. Его жизнь может быть неторопливой, но едва ли достойной зависти, потому что нас быстро окружают, даже на середине течения, густые тучи москитов, которых, я полагаю, вряд ли будет меньше на суше. Мытье палуб океанского парохода ранним утром, как раз в то время, когда сон наиболее сладок, на *Rufiji* представлено рубкой леса на реке Симба Уранга и отправкой грузов на открытом рейде Килвы. За две ночи, проведенные на борту, я очень мало спал из-за непрекращающегося грохота грузов, сбрасываемых на палубу, и столь же непрекращающихся криков команды. Это мало компенсировалось ни великолепным закатом, который мы наблюдали на "Симба Уранга", ни удивительно впечатляющим зрелищем, которым мы наслаждались, выходя на пару ранним утром. Ничто не могло привести нас в чувство, кроме свежего бриза муссона в открытом море. Однако, как только мы оказались снаружи, Нептун снова потребовал свою дань. Я не знаю, повлиял бы на здоровую нервную систему *Руфиджи такой* способ топки — и если да, то каким образом, — но для нас, троих пассажиров, страдающих морской болезнью, которым пришлось пользоваться удобствами мостика до самой Килвы, это было просто невыносимо. Во всяком случае, у *"Ровумы"* из двух лодок пищеварение достаточно крепкое, чтобы переваривать тридцатидюймовые куски мангровых дров, брошенные в ее топки такими, какие они есть. *Руфиджи*, однако, имеет более хрупкое телосложение и может

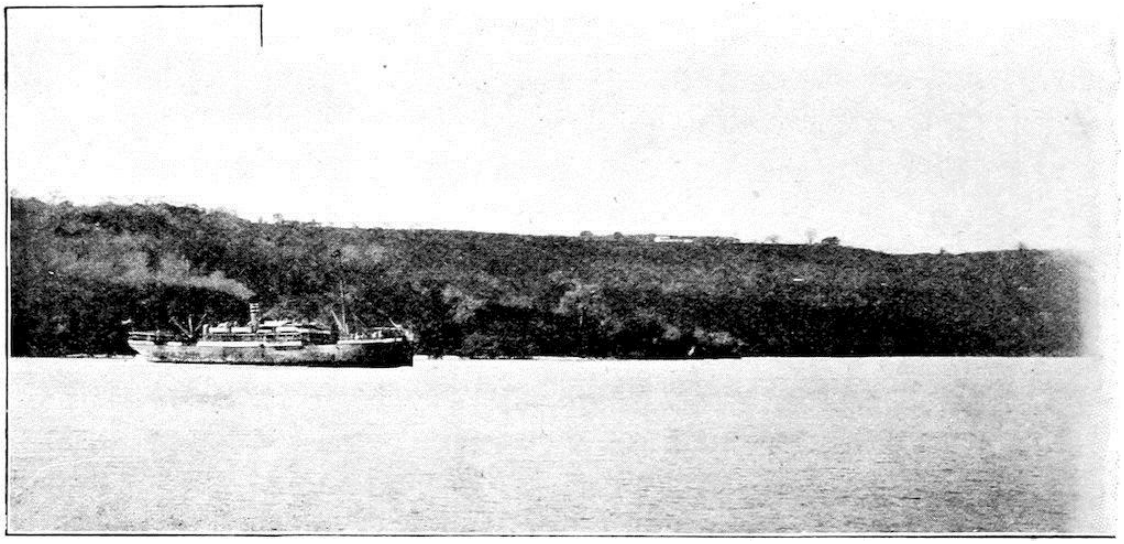
усваивать пищу только небольшими кусочками. С первыми проблесками рассвета тяжелый молот, которым владеет сильная правая рука мускулистого *бахарца*, обрушивается на стальной клин, установленный другим матросом-туземцем на первом из мангровых бревен. Удар за ударом сотрясает палубу; прочное дерево скрипит и постанывает; наконец первый кусок нарезан для прожорливого котла, и осколки описывают высокую параболу в своем полете в крошечное машинное отделение. Затем раздается еще один грохот, от которого вибрирует вся лодка, — и так далее, час за часом, в течение всего дня. Только к вечеру руки рабочих отдыхают, и наши страдающие морской болезнью мозги приветствуют прекращение работы с искренней благодарностью, ибо непрерывный ритм молотка, который кажется вполне терпимым в течение первого часа, становится в последующие одиннадцать самой жестокой пыткой.

Мои чернокожие последователи вели себя именно так, как было предсказано мне теми, кто лучше всех знаком с этой расой. В Дар-эс-Саламе каждый из двадцати семи человек получил свой *паек*, *то есть*, на который можно было купить пайки на четыре дня. В Симба Уранге *мнямпара* (староста) пришел ко мне с просьбой, чтобы я купил больше провизии для него и его двадцати трех подчиненных, поскольку они уже съели все, что у них было. Полное отсутствие в лесу покупных припасов избавило меня от необходимости отказываться, как это произошло и в случае с Морицем, который с его утонченными вкусами настоял на том, чтобы съесть немного рыбы, и которого я со спокойной улыбкой спустил по трапу мостика. Это в точности похоже на этих недальновидных детей Темного Континента; они живут настоящим и не думают о будущем - даже о завтрашнем утре. Соответственно, мне пришлось потратить еще несколько рупий в Килве, чтобы успокоить этих парней, чей ненасытный аппетит не был притуплен морской болезнью. Килва, называемая Килва Кивинье, чтобы отличать ее от Килва Кисивани, старого португальского поселения южнее, вызывает у нас печальные воспоминания, связанные с арабским восстанием 1888 года, когда двое служащих Немецкой Восточноафриканской компании трагически погибли из-за неспособности нашего флота вмешаться. Командующих офицерами сурово обвиняли в этом; но сегодня, лично изучив топографию этого места, я нахожу, что все прискорбное происшествие становится совершенно понятным. Мелководье у берега таково, что европейским пароходам приходится бросать якорь далеко от берега, и сигналы бедствия, подаваемые двумя несчастными мужчинами, не могли быть замечены.

При обычных обстоятельствах трех дней вполне достаточно для перелета из Дар-эс-Салама в Линди на "*Руфиджи"*; но мы не успели за это время. К югу от Килвы мы потеряли убежище, которое предоставлял нам на последние два дня остров Мафия и бесчисленные маленькие коралловые рифы и островки, и, следовательно, ощутили всю силу южного ветра. Поскольку теперь я был единственным пассажиром, у меня было достаточно места, но я чувствовал себя еще более несчастным, чем раньше, поскольку запас апельсинов — единственного, что я испытывал хоть малейшее желание съесть, — был исчерпан. Вскоре после полудня капитан и помощник с беспокойством принялись изучать карту.

“ Когда мы доберемся до Линди? Устало спросила я из глубины своего длинного кресла.

Уклончивый ответ. День клонился к вечеру, а вид по правому борту: белая извилистая линия бурунов, подпираемая стеной мангровых зарослей с их необычной зеленью, все еще оставался прежним. Капитан и помощник все еще склонились над картой, когда солнце уже клонилось к горизонту.

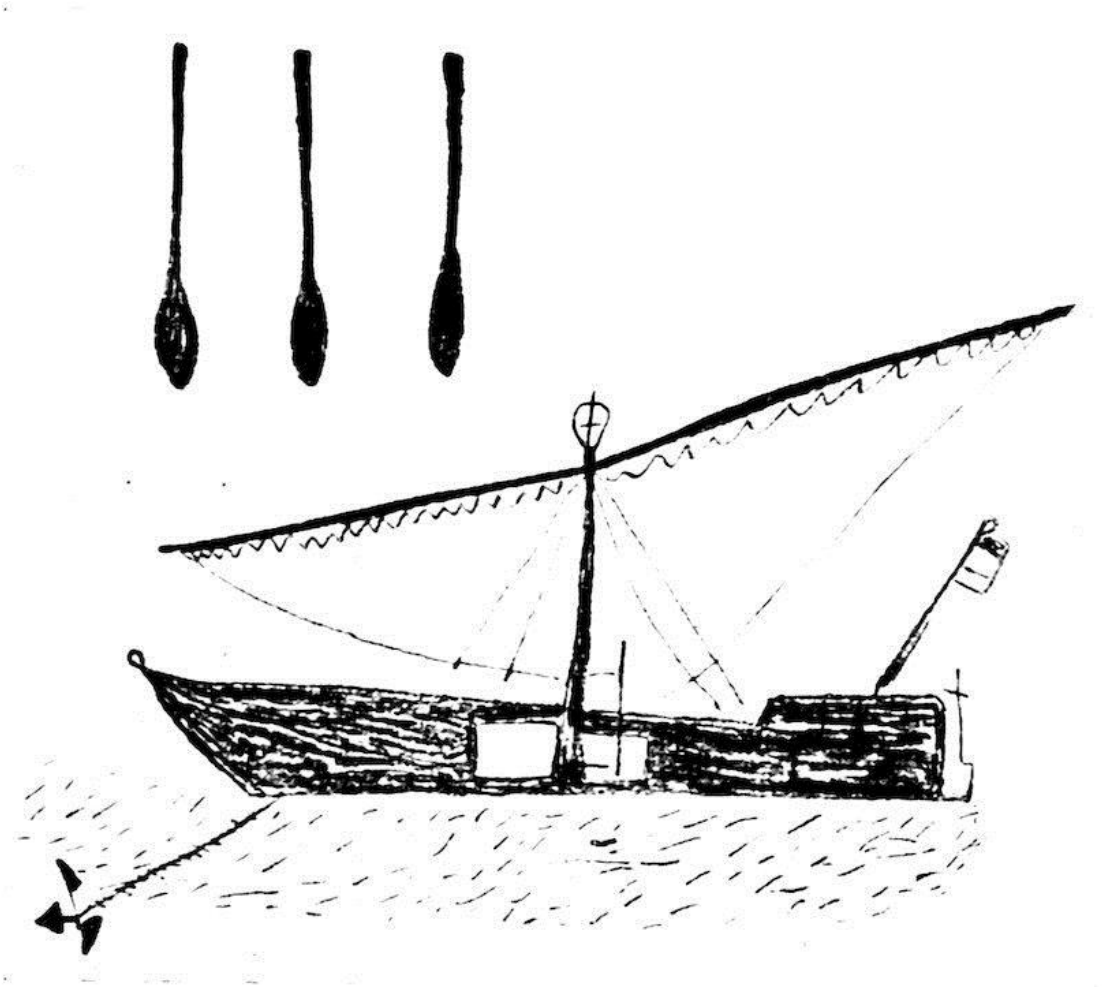


РЕЙД ЛИНДИ

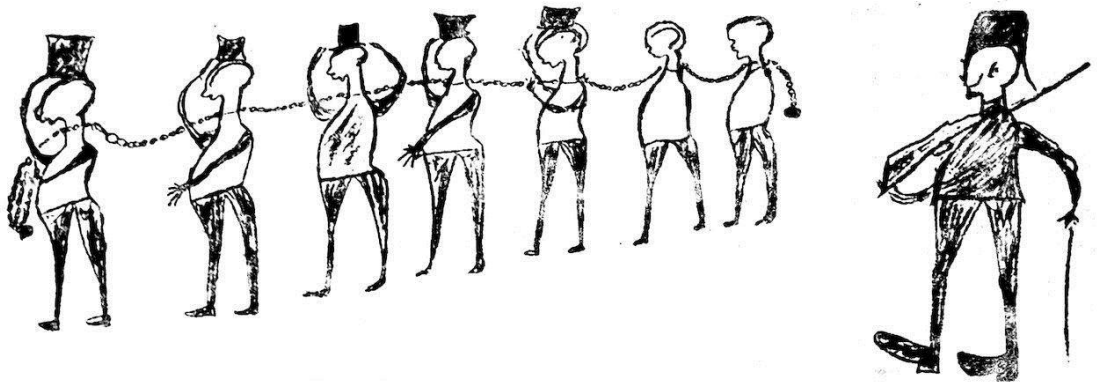
“ Это мыс Банура? - спросил я. - Спросил я, думая, что мы вот-вот войдем в залив Линди, который, увидев однажды, уже никогда не ошибешься.

Другой уклончивый ответ совершенно ясно дал мне понять, что наши два штурмана не могли быть хорошо знакомы с этой частью побережья. На самом деле капитан был совсем новичком, а помощник временно замещал человека, находящегося в отпуске. Поскольку солнце уже быстро садилось, мы забежали в первую попавшуюся удобную бухту, провели там спокойную ночь и на четвертый день добрались до Линди за последние три или четыре часа без дальнейших происшествий. Нашим убежищем был залив Макинга, который был неизвестен двум морякам и мне, хотя и не был, как впоследствии выяснилось, известен двум инженерам. К несчастью, случилось так — как это всегда бывает, когда наши соотечественники надолго оказываются запертыми в тесном помещении, — что между кормовой палубой и машинным отделением возникла непримиримая вражда, и последнее не сочло нужным просветить первое относительно положения корабля.

Есть что-то торжественное и внушающее благоговейный трепет во входе в Линди-Бей. Когда судно огибает мыс Банура, перед нами расстилается огромная котловина размером примерно девять на три мили. Окружающие его зеленые холмы невысоки, но все же отнюдь не незначительны, и они круто спускаются к морю, особенно с южной стороны. *Руфиджи* выглядит черным пятнышком на этом сверкающем серебристом просторе. Маленький городок Линди довольно живописно раскинулся среди рощ кокосовых пальм и *казуарины*, на полосе суши, образованной берегом в задней части прямоугольного залива и левым берегом кажущейся огромной реки, которая, как мы видим, впадает в местность за Линди. Географ, однако, знает, что этот мощный канал шириной от 800 до 1200 ярдов представляет собой устье крошечной Лукуледи, которая в наши дни вряд ли могла бы заполнить такое русло. То, что мы рассматриваем как его устье, на самом деле является целой долиной гораздо более древнего Лукуледи, ныне ушедшего под уровень Индийского океана. Все наши гавани на этом побережье возникли одинаково: Дар-эс-Салам, Килва Кисивани, Линди и Микиндани - все это затопленные речные долины. Я признаю, что Африка с ее громоздкой массой выглядит на карте достаточно уныло; но при ближайшем рассмотрении континент интересен во всех своих частях, как мы обнаруживаем еще до того, как высадимся на его берегах.



АРАБСКАЯ ДОУ. НАРИСОВАНА СТАМБУРИ, СОЛДАТОМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ К ПЛЕМЕНИ АВЕМБА



ЦЕПНАЯ БАНДА. НАРИСОВАН САЛИМОМ МАТОЛОЙ, МНЯСОЙ

ГЛАВА III
УЧЕНИЧЕСТВО

Линди, 9 июля 1906г.

Африка - страна терпения. У всех моих предшественников было достаточно возможностей для приобретения и применения этой добродетели, и, похоже, я не буду избавлен от необходимых испытаний. После почти трехнедельного бездействия в Дар—эс—Саламе задерживаться примерно на такой же срок в другом прибрежном городе - это уже чересчур, особенно когда время на все путешествие так ограничено, а лучшая часть года - начало сухого сезона - проходит слишком быстро.

В Дар-эс-Саламе причиной задержки послужило отсутствие пароходного сообщения, в то время как здесь, в Линди, это отсутствие окружного комиссара и, как следствие, отсутствие полиции. Власти и слышать не хотят о том, чтобы я выезжал без вооруженного эскорта, но солдаты появятся только тогда, когда вернется мистер Эвербек, так что я вынужден, нравится мне это или нет, дожидаться его прибытия. Не то чтобы ожидание показалось мне утомительным ни здесь, ни в Дар-эс-Саламе. Последнее место, с его разнообразным населением и многочисленными европейскими жителями, было бы достаточно новым и поразительным, чтобы привлечь простого туриста, в то время как, со своей стороны, у меня был дополнительный интерес к подготовке к моей будущей работе. Это заключалось в том, чтобы повидать как можно больше туземцев, насколько позволяло время. Много утра и второй половины дня я провел в их хижинах или дворах, и мне удалось раздобыть несколько хороших фонографических записей песен, исполняемых на танцах *нгома*, помимо многочисленных соло и мелодий, исполняемых членами различных племен на их национальных инструментах. Действительно, однажды официальные лица очень любезно устроили танец специально для моего удобства. К сожалению, все негативы, которые я снял в тот раз, были либо размыты тряской, либо переэкспонированы, так что нам пришлось довольствоваться несколькими сносными фотографиями необычных танцев и превосходными фонографическими записями песен. О танцах и их сопровождении я расскажу подробнее позже.

ЖЕНСКИЕ ТАНЦЫ В ДАР-ЭС-САЛАМЕ

Мое пребывание в Линди прошло не так мирно и приятно, как я надеялся. Через день или два после приземления здесь мне пришлось стать свидетелем казни мятежника. Такая функция никогда не доставит удовольствия главному исполнителю, каким бы черствым он ни был; но если после прочтения длинного предложения на немецком, а затем на суахили процедура затягивается из-за такой неумелой аранжировки, как в данном случае, это может быть не чем иным, как пыткой даже для самого апатичного чернокожего. Это правда, что в качестве меры предосторожности к прочной горизонтальной ветви большого дерева, которое служит виселицей в Линди, была привязана вторая веревка; но когда приговоренный добрался до помоста, оказалось, что ни одна из двух веревок не была достаточно длинной, чтобы дотянуться до его шеи. Стоическое спокойствие, с которым бедняга ожидал, когда подтащат лестницу и удлинят одну из веревок, было чрезвычайно показательным как иллюстрация характера местных жителей и того, как мало эти люди ценят свою собственную жизнь.

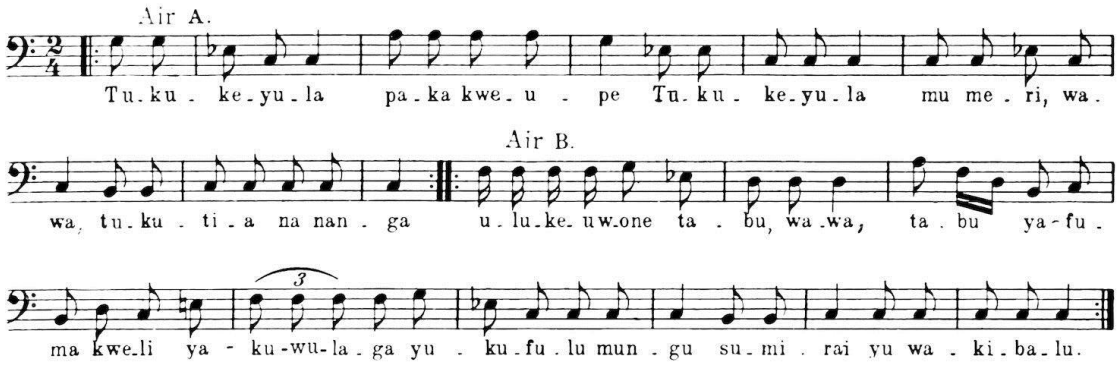
Линди отличается от многих других прибрежных городов тем, что его интерьер сохраняет обещание первого вида снаружи. Это правда, что длинная извилистая улица, на которой расположены индийские лавки, столь же уродлива — хотя и не лишена живописных штрихов кое-где, — как и соответствующие кварталы в Момбасе, Танге и Дар-эс-Саламе; но в других частях разбросанного маленького городка все хижины туземцев утопают в зелени. В уличной жизни преобладают два элемента — *аскари* и шайн—банды - оба тесно связаны с восстанием, которое только что закончилось. Большая часть роты № 3 полевых войск, это правда, в настоящее время размещена в стратегических точках во внутренних районах страны - в Луагале на плато Маконде и в Руангве, бывшей резиденции султана Селимана Мамбы, далеко в глубине страны Вамвера. Однако, несмотря на это, осталось достаточно хаки, чтобы поддерживать численность гарнизона. Этот цвет наиболее заметен на улицах в связи с многочисленными цепными отрядами, каждый из которых охраняется солдатом спереди, а другой - сзади, которые можно встретить повсюду в окрестностях старого *Бома* полиции и новых казарм Полевых войск. Теперь я понимаю, какую чушь несли в рейхстаге о варварстве этого метода наказания и насколько поверхностным было знание психологии негра и его чувства справедливости, продемонстрированное большинством выступавших.

Хотя компетентные писатели — люди, которые за долгое время проживания в стране досконально ознакомились с людьми и их характером, — снова и снова указывали, что простое тюремное заключение является не наказанием для чернокожего, а скорее прямым признанием важности его проступка, их слова оставались без внимания. Мы, немцы, не можем избавиться от наших стереотипных представлений и упорно применяем одинаковое отношение к расам, столь разным по характеру и привычкам, как черная и белая. Конечно, я не имею в виду, что человек может при каких-либо обстоятельствах чувствовать себя комфортно, будучи прикованным к дюжине товарищей по несчастью (хотя цепь, проходящая через большое кольцо на одной стороне шеи, предоставляет каждому определенную свободу движений), хотя бы из-за трудностей, связанных с удовлетворением естественных потребностей. Но тогда людей сажают на цепь не для того, чтобы им было комфортно.

СЕЛИМАН МАМБА

Однако мужчины, виновные в особо тяжких преступлениях, и лица, занимающие видное социальное положение, пользуются привилегией одиночного заключения. В разговорах немногих европейцев, которые только сейчас поселились в Линди, часто встречается имя Селиман Мамба. Этот человек был лидером восстания в прибрежном регионе, но в конечном итоге был схвачен и сейчас ожидает в больнице Линди приведения в исполнение недавно вынесенного ему приговора. Поскольку на его совести несколько человеческих жизней, в том числе нескольких европейцев, он, без сомнения, заслуживает своей участи. Как исторический персонаж, который, вероятно, надолго останется в анналах нашей Колонии, я счел Селимана Мамбу достойным того, чтобы его черты передались потомкам, и поэтому однажды сфотографировал его на территории больницы. Мужчина был явно болен и мог нести свою тяжелую цепь только с величайшим трудом. Его казнь, когда она состоится, а это вскоре должно произойти, будет освобождением во всех смыслах этого слова.

Гораздо более приятными, чем эти "отголоски бунта", являются результаты моих научных изысканий среди моих собственных людей и суахилитов. Мои ваньямвези, похоже, совершенно не выносят бездействия, и со второго дня нашего пребывания в Линди они осаждают меня с раннего утра до поздней ночи немыми или даже озвученными мольбами дать им какое-нибудь занятие. Эту просьбу я удовлетворил с величайшим удовольствием — я заставлял их рисовать сколько душе угодно и позволял им петь под фонограф так часто, как только представлялась возможность. Я уже обнаружил один удовлетворительный результат нашего полного приключений и — в каком—то смысле пагубного - путешествия на *Руфиджи*. Мои люди превратили свои страдания и последующее обращение с ними со стороны экипажа в песню, которую они теперь с удовольствием поют с большой энергией и действительно приятным исполнением. Вот она:—[4]



Общий ход событий примерно таков: "Мы были на борту день и ночь, пока не забрезжил рассвет, а затем бросили якорь. *Бахарийцы* (моряки) на борту сказали: "Вы, *уошензи* (язычники, жители буша) из внутренних районов страны, вас вырвет до смерти'. Но в конце концов мы благополучно добрались до Линди и сказали (морякам): "Вы насмехались над Богом (сказав, что мы должны умереть), но мы благополучно добрались до берега".

Эта любовь к пению характерна для ваньямвези. Во время моего принудительного содержания здесь я совершил множество фотографических прогулок, в которых мои люди всегда охотно сопровождают меня. В таких случаях я должен разделить небольшое количество оборудования, которое необходимо взять с собой, между как можно большим количеством из них, чтобы каждому было что взять с собой. Проходит совсем немного

времени, прежде чем Песа мбили, *Мнямпара*, или глава каравана, возвышает свой голос — к тому же очень хороший, — после чего припев тут же вступает в превосходном ритме. Я могу здесь привести образец этих маленьких маршевых песенок:

Кабове кабове ку мезо; Намуки кабове ку мезо. (1)

Вамбунга кабове ку мезо; Намуки кабове ку мезо.

Ки! кабове ку месо; Вамвера кабове ку месо.

Ки! кабове ку месо; Вакумбва кабове ку месо.

(1) Мы стреляем глазами — мы стреляем в Намуки глазами,

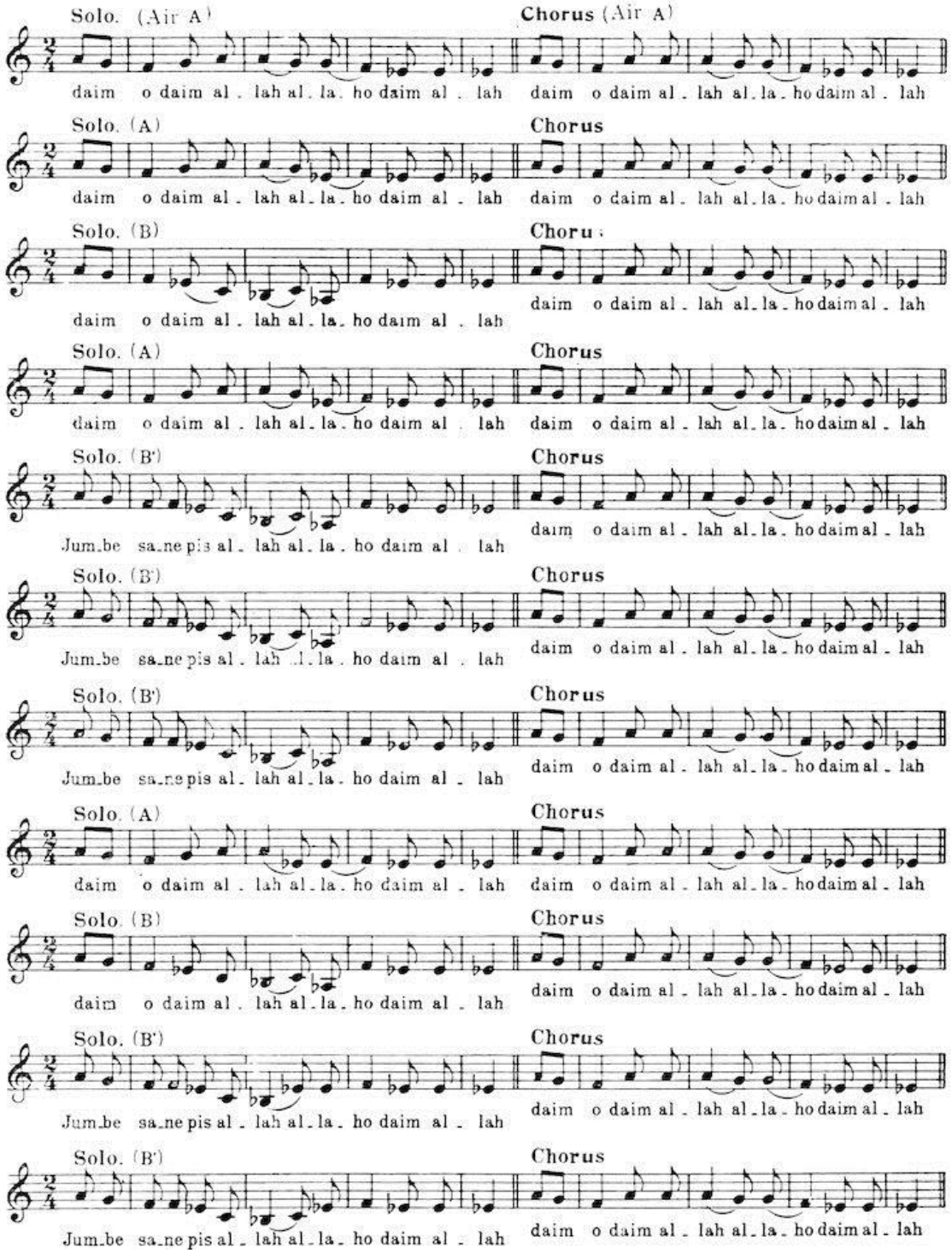
Вамбунга, мы стреляем в них нашими глазами — Намуки, мы стреляем в них нашими глазами;

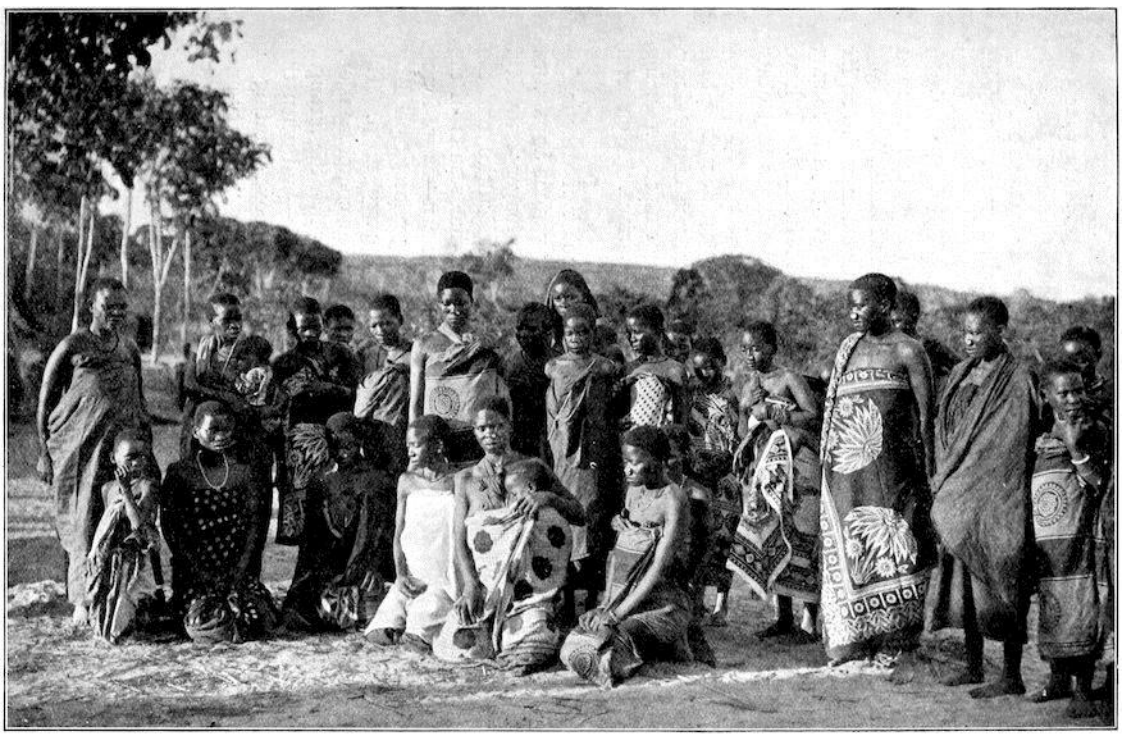
Бах! мы стреляем глазами —Вампиры, мы стреляем в них глазами;

Бах! мы стреляем глазами — вакумбва — мы стреляем в них глазами.

Судя по словам этой песни, ваньямвези, должно быть, чрезвычайно лояльны немецкому правительству, поскольку они по очереди выступают против всех мятежных южных племен и уничтожают их. Намуки идентичны маджимадзи, повстанцам 1905-6 годов. Время - это неистовый речитатив, который делает воспроизведение в наших обозначениях невозможным. Восклицание “*ки*” передает, по единодушному свидетельству Песы мбили и самого умного из его друзей, выражение силы, с которой ругаруга (вспомогательные войска) разбивают черепа раненому врагу, даже если это должно быть сделано ударом пятки. При каждом повторении *ки* певцы топчут землю так, что она дрожит — настолько безраздельно эти миролюбивые северяне могут окунуться во все ужасы позднего восстания; почти слышно, как при каждом *ки*разбиваются черепа. Эта песня неповиновения, конечно, не является оригинальной композицией моего народа, но была позаимствована ими у некоторых своих соплеменников, которые служили в последней кампании как Ругаруга и теперь бездельничают около Линди без работы. Мне пришлось нанять нескольких из этих людей в качестве носильщиков для похода в Масаси; во всем своем поведении они гораздо более решительны и дерзки, чем мои кроткие взрослые дети из Дар-эс-Салама, так что я буду рад избавиться от них, когда доберусь до места назначения. Я думаю, что вышеприведенная песня должна принадлежать им.

Теперь, когда я затронул эту тему, я воспроизведу марш суданских солдат, который по своему смыслу очень похож на только что приведенный. Это было спето для меня на фонографе *Солом* (сержант-майором) Ахмедом Бар Шембой и парой дивизионов из третьей роты Полевых войск по приказу этого превосходного африканского ветерана, капитана Сейфрида. Невысокий сержант стоял, как бронзовая статуя, перед машиной, а изможденные смуглые воины из Дарфура и Кордофана сомкнулись за его спиной, словно на плацу для учений, в две шеренги, каждый человек точно позади идущего впереди. У нас было немало проблем с тем, чтобы заставить их выстроиться клином, необходимым для достижения желаемого эффекта. Песня звучит так: —


Solo. (Air A)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus (Air A)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (A)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (A)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B')
Jum.be sa.ne pis al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B')
Jum.be sa.ne pis al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B')
Jum.be sa.ne pis al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (A)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B)
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B')
Jum.be sa.ne pis al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah
Solo. (B')
Jum.be sa.ne pis al . lah al . la . ho daim al . lah
Chorus
daim o daim al . lah al . la . ho daim al . lah



ЖЕНЩИНЫ ЯО В MTUA

Исполнители, которые в основном нубийцы, заявляют, что эта песня написана на их родном языке, диалекте Дарфура. Мне пока не удалось получить буквальный перевод. Общий смысл слов, которые поются с завидной силой легких и неутомимой энергией, примерно таков:

“Мы всегда сильны. Джумбе (вождь) был повешен по приказу Аллаха. Хонго (один из лидеров повстанцев) был повешен по велению Аллаха”.

Итак, что касается результатов моих музыкальных изысканий, поскольку они касаются иностранных элементов (инородных, то есть здесь, в Линди) ваньямвези и нубийцев. Я получил несколько записей песен *нгома* от Яоса и других представителей внутренних племен, но пока не могу сказать, пользуются ли они успехом, поскольку, к своему ужасу, обнаруживаю, что мои цилиндры размягчаются под воздействием влажной жары, так что я могу делать записи, но не могу рисковать их воспроизведением из-за боязни подвергнуть опасности всю поверхность. Радужная перспектива на будущее!

Очень интересным с психологической точки зрения является поведение туземцев в присутствии моих различных аппаратов. Фотоаппарат, во всяком случае, на побережье, уже не в новинку, так что его использование представляет сравнительно мало трудностей, и туземцы не особенно удивляются результатам этого процесса. Единственный недостаток заключается в том, что женщины — как мы обнаружили даже в Дар-эс-Саламе — обычно избегают фотографирования, убегая так быстро, как только позволяют ноги. Кинематограф - это вещь, находящаяся совершенно за пределами их понимания. Это *энчини*, машина, подобная любой другой, которую *мзунгу*, белый человек, привез в страну, — и когда упомянутый белый поворачивает ручку маленькой черной коробочки, одновременно считая в монотонном ритме “Двадцать один, двадцать два, двадцать один, двадцать два”, туземцу могут приятно напоминаться монотонные такты, которые он привык повторять за своей работой; но каков будет результат всего процесса, он не знает и не заботится.

ДЕВУШКИ ИЗ " ЛИНДИ "

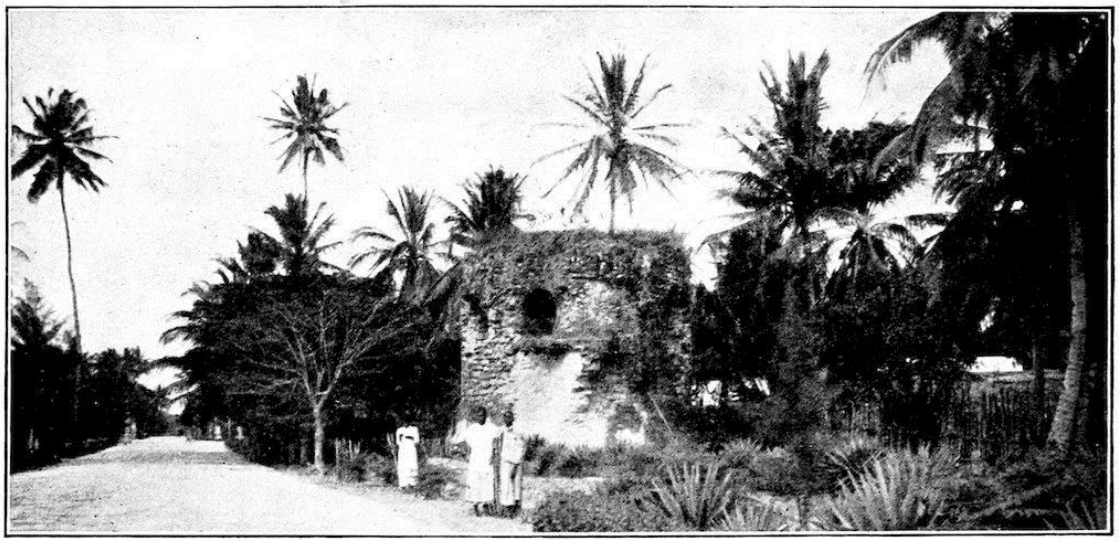
Фонограф, напротив, является *энчини* по сердцу не только чернокожему мужчине, но даже чернокожей женщине. Если я доживу до возраста Мафусаила, сцена во владениях мистера Деверса в Дар-эс-Саламе навсегда останется одним из самых приятных воспоминаний, связанных с моим пребыванием в Африке. Проведя некоторое время в квартале туземцев, наблюдая за танцами различных племен — здесь маньема *нгома*, там - вазарамо, или вон там - какого-нибудь клуба жителей побережья, и осматривая костюмы исполнителей, иногда отвратительные, но всегда живописные, я вернулся в свои покои во главе процессии, насчитывающей несколько сотен танцоров, мужчин и женщин, чтобы записать слышимую часть происходящего. Все прошло самым удовлетворительным образом; но каждый раз, когда я менял диафрагмы, вынимал магнитофон и вставлял репродуктор, когда полноголосая мелодия лилась из таинственной воронки в одно и то же время и с тем точным тембром, который в нее был спет, - какое безмерное и в то же время радостное изумление рисовалось на коричневых лицах, влажных и сияющих от усердия в пении и танцах! Всякий раз, когда это происходило, все более неискушенные души присоединялись к хору, чтобы быстро получить просветление под насмешливый смех более “образованных” элементов.

Но самый восхитительный пример *наивности* я продемонстрировал в конце заседания, после того как израсходовал свой небольшой запас идиом на суахили, выражая свое удовольствие от удачно проведенного дня. Две женщины, которые ранее привлекли мое внимание своей потрясающей вокальной мощью, а также элегантностью своих нарядов, снова вышли вперед; и, когда толпа расступилась, освобождая место перед фонографом, сначала одна, а затем другая подошли к аппарату, присели в изысканном придворном стиле и, махнув рукой в сторону рупора, сказали: “*Ква хери, саути янгу!*” — “Прощай, мой голос!” Этот инцидент иллюстрирует, каким образом местный разум не может уйти от того, что

наиболее непосредственно очевидно для органов чувств. В самом процессе прощания эти две женщины могли сами услышать, что они ни в малейшей степени не потеряли своих голосов, и все же, поскольку минуту назад они отчетливо слышали их из граммофона, с этого момента они считали себя лишенными их и торжественно распрощались с ними.

Что касается моих исследований художественных способностей туземцев, я предпочитаю изложить результаты в связной форме позже, когда соберу воедино большее количество материала, на основе которого смогу составить свое суждение. Однако многое я могу сказать даже сейчас: *это главное действие в жизни* верно не только для исполнителя, но и для исследователя. В Дар-эс-Саламе дело обстояло проще. Мой “мальчик” Кибвана (буквально “Маленький хозяин”), юноша из племени вазегеджу из Пангани, хотя, как и повар Омари (бондей с севера колонии), он никогда раньше не держал в руках ни карандаша, ни листа бумаги, слишком долго находился на службе у европейцев, чтобы осмеливаться возражать, когда мне захотелось нарисовать что—нибудь для меня - скажем, пальму перед моим окном или кусок индийской резины. Он принялся за работу и бодро удалился, нисколько не беспокоясь о художественной ценности, которую можно ожидать от результата.

В случае с моим Ваньямвези, с которым я здесь начал, чтобы дать им какое-то занятие, простой приказ мало что дает. Если я даю альбом для рисования и карандаш в руки одному из моих подписчиков с приглашением что-нибудь нарисовать, неизбежным ответом будет растерянная улыбка и смущенное “*Сиджуи, бвани*” “ "Я не знаю, как, сэр”. Тогда нужно обращаться с человеком в соответствии с его индивидуальностью — энергичным приказом или мягкой просьбой; но в каждом случае я обнаруживал, что лучшим планом было бы подойти к нему со стороны его амбиций. “Знаешь, ты умный парень — *мвени акили*— просто посмотри на своего друга Джуму вон там — он далеко не так умен, как ты, - и все же посмотри, как он умеет рисовать! Просто сядь сюда и начни рисовать самого Джуму!” Эта тонкая лесть оказалась неотразимой для всех, кроме немногих, которые, несмотря на все, что я мог сказать в качестве поощрения, настаивали на том, что они не могут сделать то, что от них хотят. Остальные подобны льву, который однажды попробовал крови: они ненасытны, и если бы я захватил с собой две дюжины альбомов для рисования, все они были бы постоянно в употреблении. Я обнаружил, что вместо того, чтобы предоставлять новичку самому выбирать тему, было бы лучше (поскольку это также полезно с точки зрения образования) предложить в первом случае что-нибудь вполне знакомое — хижину ньямвези, домашнюю птицу, змею или тому подобное. Тогда обнаруживаешь, что они берутся за работу с некоторой уверенностью в себе и что они безмерно гордятся своими шедеврами, если их мзунгу говорит им хоть малейшее слово похвалы. Очевидно, что мне и в голову не пришло бы искать недостатки — моей целью является не критика с целью улучшения, а просто изучение расовых склонностей и психологических процессов, связанных с художественным творчеством.



РАЗРУШЕННАЯ БАШНЯ ЛИНДИ (ПОСТРОЕНА ПОРТУГАЛЬЦАМИ)

Мой способ добиться последнего - оговорить, что каждый из моих рисовальщиков, как только он почувствует, что его уровень мастерства дает ему право на вознаграждение, должен показать мне свою работу. Затем следует *ГИПЕРССЫЛКА*[5] обычно длительная, но чрезвычайно забавная для обеих сторон. “Что это?” Спрашиваю я, указывая карандашом на то, что выглядит запутанным переплетением линий. “*Мамба* — крокодил”, - следует ответ, либо с легким оттенком возмущенного изумления по поводу европейца, который даже не узнает крокодила, когда видит его, либо несколько удрученный тем, что работа оказалась настолько неудачной, что даже всеведущий *мзунгу* не может сказать, для чего она предназначена. “О! крокодил — очень хороший!” Отвечаю я и пишу слово рядом с рисунком. “Да, - не преминул добавить художник, - но это *мамба* из Уньямвези”, или “из Усагары”, или “в Нгеренгере”, в зависимости от обстоятельств. Эта информация приводит человека в замешательство, и он спрашивает: “Почему? Как же так?”, а затем следует длинная история с объяснениями. Это крокодил, которого художник и его друзья (здесь указаны их имена полностью) видели на марше из Таборы к побережью с таким-то европейцем и который был очень близок к гибели при переходе через такое-то болото или реку Нгеренгере. Записывая первые несколько из этих комментариев, я не обращал особого внимания на то, что они всегда были связаны с конкретным происшествием; но теперь, после приобретения большой коллекции рисунков, представляющих либо отдельные объекты (животных, растения, орудия труда и т.д.), Либо сцены из местной жизни, мне стало ясно, что африканец не способен нарисовать какой-либо объект абстрактно, так сказать, и отдельно от его естественного окружения — или даже от какого-то конкретного окружения, в котором он встретился с ним по какому-то конкретному случаю. Если ему велят нарисовать женщину-мнямвези, он рисует свою собственную жену или, по крайней мере, какого-нибудь родственника или личную знакомую, а если ему нужно нарисовать хижину, он поступает точно так же и изображает свою собственную или соседскую. Точно так же обстоит дело с *жанровыми* картинами, которые не являются таковыми в нашем смысле этого слова, но которые почти можно назвать разновидностью исторической живописи. У меня уже есть целая серия набросков, изображающих льва, прыгающего на корову, или гиену, нападающую на человека, или какую-нибудь подобную сцену из борьбы за жизнь высших организмов, и объяснение всегда примерно такое: “Это лев, а это корова, но корова принадлежала моему дяде, и лев утащил ее около четырех лет назад. А это гиена, и этот человек — мой друг, скажем, Касона, который заболел на марше из Таборы в Мванзу и был вынужден остаться, и гиена пришла и собиралась укусить его, но мы отогнали ее и спасли Касону ”.

Это лишь один или два примера моих методов и результатов. Я убежден, что нахожусь на правильном пути, хотя, без сомнения, допущу много ошибок и мне понадобится много дополнительного опыта.

Мой динамометр, который сослужил такую прекрасную службу на борту парохода "Красное море" в деле укрепления дружественных международных отношений, не утратил своей силы и здесь. Когда у меня заканчиваются средства для развлечения моих людей и друзей, которых они собрали вокруг себя с момента нашего прибытия в Линди, я вкладываю стальной овал в руку честной Песы мбили, которая, конечно же, должна иметь преимущество во всем. Он нажимает на нее, а затем, когда вся компания его чернокожих друзей столпилась вокруг, с величайшим волнением смотрит на циферблат, как будто может прочесть таинственные знаки, выгравированные на латунной дуге. Когда я смотрю на весы и объявляю результат — конечно, только цифры, поскольку килограммы только сбили бы их с толку, — это воспринимается с определенным, вполне понятным чувством сомнения; они еще не знают, много значит это число или мало, у них нет стандарта для сравнения. Второй мужчина начинает вызывать интерес; если вместо 35 килограммов своего предшественника он может набрать только 30, его встречают слегка насмешливым смехом, но если он превосходит своего соперника, то это *мвени нгуву*— сильный мужчина, достойный дани восхищения, которую он принимает с достоинством, улыбаясь.

Итак, каждый мужчина занимает свою очередь, и они будут продолжать в течение нескольких часов, не уставая. Более разумные люди ощущают недостаток только в одной вещи — им интересно знать, кто из них самый сильный или самый слабый, но для того, чтобы получить более высокий и абсолютный стандарт сравнения, все они стремятся узнать, на что способен их господин и наставница. Конечно, я готов оказать им услугу в конце собрания и сжать инструмент сначала в правой, а затем в левой руке. Когда они слышат результат (который, к моему большому удовлетворению, не требует приготовления), единодушное “*А-а! бвана мкубва!*” раздается из круга восхищенных — буквально: “Ах! Великий мастер!” — но примерно равносильно: “Какой же ты гигант по силе!”

ПОД ЛАДОНЯМИ

На самом деле мы, европейцы, в том, что касается *спонтанного* проявления силы, подобны гигантам по сравнению с африканцами. Я довольно тщательно записал показатели для каждого человека, и не один раз, а в нескольких последовательных испытаниях, так что нет необходимости делать поправку на новизну или недостаток практики, но насколько они уступают нам! Никто из них не мог выдержать давление больше 35 килограммов правой

рукой и 26 - левой, за исключением одного человека, который набрал что-то больше 40 килограммов; в то время как я, даже здесь, во влажной жаре прибрежного региона, все еще могу выдержать более 60 килограммов правой и более 50 - левой. И все же почти все мои люди - профессиональные носильщики, крепкие парни с потрясающими размерами груди, широкими плечами и великолепно развитыми мышцами предплечий. Чего им не хватает, как уже так часто указывалось, так это способности концентрировать силу всего тела в данный момент времени. Эти самые ваньямвези славятся своей почти невероятной выносливостью.

Таким образом, туземцы в целом, бесспорно, представляют картину, не лишенную привлекательности с психологической точки зрения; но за те шесть недель или около того, которые я к этому времени провел на побережье, европейцы показались мне едва ли не еще более интересными. Дар-эс-Салам настолько велик и в нем проживает так много представителей нашей расы, что вновь прибывший не обращает внимания на навязываемые ему контрасты между черным и белым, в то время как контрасты, которые можно обнаружить среди белого населения, менее заметны на более широкой территории крупного поселения. Линди, будучи намного меньше, не оставляет места ни для той, ни для другой возможности; в тесноте его окружения и монотонности его жизни нет ничего, что могло бы смягчить шок от контрастирующих и сталкивающихся индивидуальностей, и в таком месте с поразительной ясностью видно чрезвычайно мощное и быстрое воздействие проживания в тропиках на психическое равновесие чужой расы. Не в моей компетенции указывать на — мягко говоря, любопытные — наросты нашего немецкого классового и кастового духа, которые здесь, в кругу европейцев, насчитывающих дюжину или меньше, приносят исключительно неприятные плоды. Мне нет нужды рассказывать, как военный элемент, недавно “свергнутый с престола” учреждением гражданской администрации, с высокомерной улыбкой взирает на чиновников этой администрации сверху вниз, или как вмешательство личного элемента в дела лишает всякой возможности социального общения и, что еще хуже, сердечного сотрудничества в общей работе. Новичку, выражающему свое удивление таким положением вещей, старожилы говорят (с прохладцей, странно контрастирующей с их обычным состоянием хронического раздражения): “Чего вы ожидали? — это не единственное место, где все так обстоит — вы везде найдете то же самое!” Так оно, по-видимому, и есть, если я могу судить по всему, что я услышал за эти поучительные недели; но можно надеяться, что это неприятное явление - лишь одно из многих детских заболеваний, сопутствующих ранним стадиям жизни каждой колонии. Однако одна вещь, которую я абсолютно не в состоянии понять, - это яростные приступы ярости, которым, по-видимому, подвержен каждый белый человек, долго проживший в этой стране. Тем временем я делаю все возможное, чтобы идти своим путем, не обзываясь и не подставляя ушей, но все единодушно заверяют меня, что в течение следующих нескольких месяцев я научусь лучше. Пока я не могу судить, действительно ли жизнь невозможна без избиения людей, но я надеюсь, что это не так.

Чтобы не останавливаться исключительно на мрачных чертах, характерных для европейцев в тропиках, я должен упомянуть о замечательных способностях большинства из них вести домашнее хозяйство. Дар-эс-Салам - настолько цивилизованный центр, что здесь в изобилии есть пекарни, мясные лавки и всевозможные магазины, но даже там, как мне кажется, должность президента ни в коем случае не является синекурой. Но кто опишет, как незадачливому холостяку из отдаленного прибрежного городка приходится ломать голову, чтобы предложить своим товарищам по столу не просто что—то новое, а вообще что угодно! Только опыт может научить, насколько заблаговременно нужно позаботиться обо всех тысяче и одной мелочи, которые неотделимы от нашего ведения домашнего хозяйства. Одна только цена делает невозможным сколь-либо значительную зависимость от консервов, и становится необходимым иметь под рукой достаточно запасов, чтобы хватило на несколько

дней, а иногда и на недели и месяцы, и, кроме того, готовить съедобные блюда из диких трав, которые приносят повар и поваренок. На побережье некоторое разнообразие обеспечивается обилием хорошей рыбы; во внутренних районах этого ресурса не хватает. И когда случается — как это происходит только что —что даже стандартную типичную птицу Африки, домашнюю птицу и продукт ее переработки, яйцо, нельзя достать, тогда положение действительно отчаянное, и обеспечение питанием большого количества людей становится серьезной проблемой.

Однако поразительно, насколько искусны в решении этой проблемы даже самые закоренелые холостяки из числа жителей Германии — не всегда элегантно и, конечно, не всегда к удовлетворению своих критически настроенных предшественников на посту, но, во всяком случае, так, чтобы вызвать изумленное восхищение у новичка. Доктор Франц Штульманн, сопровождавший Эмин—пашу в его последнем катастрофическом путешествии, - чрезвычайно компетентный этнограф, хранитель и лелеятель африканского растительного мира, насколько он может быть приспособлен для нужд человека, — долгое время был знаменитостью в кулинарном отделе всей Колонии. Штульманн имеет репутацию человека, способного приготовить изысканное блюдо из любого сорняка, растущего рядом с тропической тропой; он является ходячей энциклопедией тропической кулинарии. Другие менее искусны в приготовлении этого блюда, но я все еще не могу избавиться от изумления по поводу того, как капитан Сейфрид, например, может приготовить что-то съедобное из самых элементарных ингредиентов, от его достижений в солении и мариновании, от безупречных желе, которые он умудряется подавать даже при нынешней температуре, и от разнообразия, которое всегда отличает его меню.

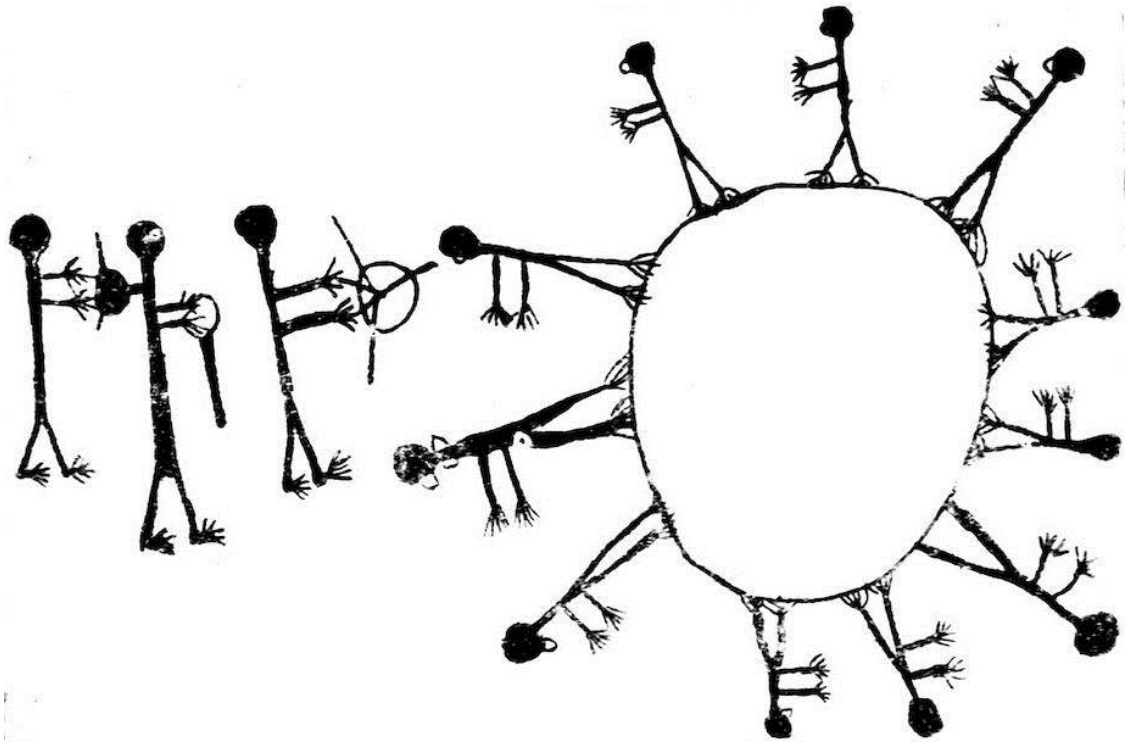
Здесь я должен раз и навсегда покончить с одним заблуждением, распространенным у нас дома. “Ну, вы же наверняка ничего не можете есть в такую жару!” - это замечание, которое неизменно встречается в любом разговоре, посвященном тропикам, но которое выдает полное непонимание здешних условий. Во-первых, жара не такая невыносимая, как мы обычно предполагаем, — во всяком случае, в сухой сезон, на побережье, где днем всегда дует свежий морской бриз. Но, в дополнение к этому, в тропическом климате растрата тканей происходит гораздо быстрее, чем в умеренном. Даже новичок не удивляется, увидев, что “старые африканцы” в очень ранний час поглощают обильный “первый завтрак”, в котором фигурируют различные мясные блюда, хотя фрукты также бросаются в глаза. В полдень даже мелкий чиновник никогда не думает меньше чем о двух блюдах и десерте, а вечером, после окончания рабочего дня, представители всех рангов и профессий собираются на трапезу, которая дома, несомненно, была бы приравнена к публичному банкету. Однако этот, казалось бы, роскошный образ жизни ни в коем случае не заслуживает того порицания, которое кто-то может испытывать к нему. Напротив, это физиологически оправдано и необходимо, если организм хочет оказывать постоянное сопротивление пагубному влиянию климата. Новичок не удивляется аппетиту других, потому что бессознательно он разделяет его. Лично я, хотя и неплохо владею ножом и вилкой дома, своими выступлениями здесь навела бы ужас на большинство немецких домохозяек.

Единственный элемент диеты, с которым я не ладлю, - это алкоголь. Дома я могу оценить бокал пива или вина, а на борту *Prinzregent* мы, пассажиры, взимали довольно большую пошлину за запасы “мюнхенера” и ”Пльзенера"; но с тех пор, как я приземлился в этой стране, я вообще не пью пива, а вино - только в очень небольших количествах, в то время как я совершенно не смог пристраститься к виски с содовой, национальному напитку всех немцев Восточной Африки. Такое воздержание легко понять в Lindi, где нет льда; но даже в Дар-эс-Саламе, где пивоварня Шульца каждый день снабжает льдом весь город, я

обнаружил, что не испытываю пристрастия к алкогольным напиткам. Это большое преимущество для моего путешествия вглубь страны, поскольку я избавлен от неудобств брать с собой кучу бутылок.

Я рад сообщить, что мое принудительное заключение на побережье подходит к концу. Комиссар Эвербек, вернувшийся из внутренних районов несколько дней назад, любезно желает завтра снова отправиться со мной в путь, чтобы сопровождать меня с отрядом полиции через страну Вамвера - место позднего восстания — до Масаси. Ему все еще предстоит поработать в Центральной долине Лукуледи, поскольку, хотя большинство лидеров повстанцев давным-давно схвачены и украшают улицы Линди в виде цепных банд, преследование других все еще продолжается и будет стоить многим *шаури*. Из Масаси мистеру Эвербеку придется немедленно вернуться в Линди, как раз к официальному приему делегатов рейхстага, которые в следующем месяце посетят юг Колонии в ходе своего широко обсуждаемого турне по Восточной Африке.

Кстати, мой первый взгляд на интерьер вряд ли можно было назвать приятным. Однажды вечером, во время уроков верховой езды, которые давал мне капитан Сейфрид, мы совершили экскурсию в Китуло. Это длинная, довольно обрывистая гряда высот, около 570 футов над уровнем моря, поднимающаяся сразу за Линди и отделяющая узкую песчаную равнину, на которой стоит город, от сельской местности. Несколько лет назад на вершине этого Китуло была возведена достопримечательность нашей цивилизации — башня, построенная ради любования видом. Когда я поднялся на него с помощью несколько ветхой лестницы, солнце уже село, и весь западный ландшафт — именно та часть Темного Континента, которую я хочу посетить в ближайшие несколько дней, — простирался передо мной темной, угрожающей тенью. На мгновение мой разум затуманился мрачными предчувствиями, но я быстро вспомнил о своей прежней удаче, которая еще никогда не покидала меня. “Ничего, я еще возьму верх над тобой!” - Воскликнул я *вполголоса*, философски закуривая новую сигару и садясь на своего мула для обратного путешествия.



ТАНЕЦ ЛИКВАТА, СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ АВТОРОМ. НАРИСОВАН ПЕСОЙ МБИЛИ, ГЛАВОЙ МНЯМВЕЗИ

ГЛАВА IV
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ИНТЕРЬЕРА

Масаси, 20 июля 1906г.

Я полагаю, мало кто знает, где находится Масаси, но те, кто интересуется Колониями, вполне могут быть знакомы с его положением, поскольку по-своему это вполне цивилизующий центр. Английская миссия[6] работает здесь почти треть века, и с момента подавления восстания местный капрал с дюжиной чернокожих немецких солдат доблестно удерживает свои позиции в *боме,* специально построенном для этой цели, на случай возобновления воинственных настроений со стороны внутренних племен.

Я предпочел поселиться с солдатами не из-за какой-либо враждебности к религии, а потому, что двое священнослужителей на миссионерской станции, примерно в часе ходьбы от нас, оба преклонных лет, и было бы несправедливо беспокоить их посетителями. Кроме того, их станция была сожжена дотла во время восстания, так что в настоящее время они ведут скорее идиллическую, чем приятную жизнь в своем бывшем хлеву для скота. Несмотря на это, оба пожилых джентльмена, в чем я имел все возможности убедиться в ходе двух длительных визитов, отличаются необычайно крепким здоровьем. Архидьякон Карнон, младший из них двоих, в частности, проявлял такой живой интерес к германскому императору и его семье, как если бы он жил в пригороде Лондона, а не в негритянской деревне на краю света. Каноник Портер, кажется, немного сдает, но этого и следовало ожидать, поскольку ему уже за восемьдесят, а он прожил в стране почти тридцать лет.[7] В прежние времена, насколько я понимаю, он очень тщательно изучал этнологию своего района (населенного ваньясой, Ваяо и Вамаконде), так что до вчерашнего дня у меня были большие надежды на положительные результаты от моего общения с ним и его более активным коллегой. Но в этом я был разочарован. За церемонным и, должен сказать, роскошным завтраком, который два священнослужителя накрыли перед нами, двумя

светскими людьми, Эвербеком и мной, всякий раз, когда я начинал говорить о жителях окрестностей и их племенном родстве, разговор неизменно возвращался к императору и его семье! Должно быть, он произвел поистине необычайное впечатление на другие народы.

Однако мы имеем дело с коренным африканцем, а не с белым пришельцем, даже если он должен прийти в мирном обличье миссионера.

Моя посадка в Линди сама по себе подразумевала основной курс моего путешествия. Взгляд на карту Восточной Африки показывает, что крайний юго-восточный угол нашей колонии, рассматриваемый с точки зрения численности населения, выделяется подобно острову на фоне окружающей его почти необитаемой местности. Регион к северу от Средней и частично также Верхней Ровумы представляет собой (как описал его Лидер, геолог, ранняя смерть которого стала такой потерей для науки) тихий *пори* на сотни миль, простирающийся далеко за пределы Умбекуру и в глубь Килвы — необитаемую пустыню, где ни одна туземная деревня не упоминает о многочисленном и миролюбивом населении, обнаруженном здесь Рошером, Ливингстоном и Фон Дер Декеном почти полвека назад. Только узкая полоса, идущая параллельно побережью на некотором расстоянии от суши, соединяет этот населенный остров с севером, в то время как другой, гораздо более малонаселенный, тянется вверх по реке Ровума до страны Ньяса.

ЖЕНЩИНЫ МАКУА Из ДОЛИНЫ ЛУКУЛЕДИ

МУЖЧИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ МВЕРА И ЯО

Будучи, таким образом, отрезанным от окружающих племен, юго-восток —*то есть* плато Маконде, долина Лукуледи к северу от него и широкая равнина к западу от этих высокогорий — образуют компактное, четко очерченное целое, идеальную сферу деятельности для того, кто, как и я, имеет в своем распоряжении лишь ограниченное время, но желает, чтобы работа, проделанная за это время, была максимально полной. Встреча с Вамверой, которую я имел в виду в первую очередь, была, к моему великому сожалению, отложена на данный момент. Я покинул Линди 11 июля вместе с имперским окружным комиссаром мистером Эвербеком. Нгурумахамба, первое заметное место на Лукуледи-роуд, все еще хранит на себе отпечаток Побережья — среди хижин васвахили есть даже каменный дом; но на второй день мы добираемся до племени яо в Мтуа. Здесь мы впервые соприкасаемся с дальними внутренними районами, поскольку они являются авангардом великого переселения, которое привело эту энергичную расу примерно в середине прошлого столетия с ее старой родины к юго-востоку от озера Ньяса к берегам Индийского океана и которое продолжается до сих пор. Что касается способа, которым совершаются эти миграции, мы склонны быть введенными в заблуждение картиной — без сомнения, очень неверной, — которая осталась в нашем сознании со школьных времен в связи с миграцией *par excellence* - великим движением наших собственных предков на запад. Мы думаем о людях, лошадях и повозках, плотной, компактной волне людей, медленно, но неудержимо катящейся по странам, лежащим на ее пути. Здесь мы не находим ничего подобного. Это правда, что в этом отношении эти мтуа яо не типичны для своего племени, поскольку они были спасены из вангони, расположенного дальше на север, на восточном берегу Ньясы, около десяти лет назад капитаном Энгельгардтом и переведены в это поселение. Но в остальном иммиграция иностранных (хотя все еще африканских) элементов происходит здесь, на юге, тихо и почти незаметно — банда, орда, группа семей, иногда, но не всегда, под командованием вождя, появляется в один прекрасный день, вспахивает мотыгой участок земли в подходящем месте в *пори*, строит несколько просторных хижин, и иммиграция завершена. Конфликты, более или менее кровопролитные, между аборигенами и незваными гостями, возможно, происходили — возможно, даже были правилом — в прежние времена; ничего подобного, по-видимому, не происходит сегодня. То ли туземец стал более терпимым, то ли твердая рука немецкого правительства, которое должно приветствовать любое приращение населения, изменила его взгляды, я вынужден оставить без ответа.

По внешнему виду этих яо едва ли можно отличить от суахилитов побережья. Женщины одеты в точно такую же *кангу* (ситец с яркими узорами, произведенный в Голландии), что и женщины Побережья, хотя и не так опрятно и модно, как девушки в Дар-эс-Саламе, где модные модели меняются быстрее, чем даже в Париже. Они также носят такую же кокетливую маленькую булавку в левой ноздре, как и дамы с Побережья. Этот *кипини* индийского происхождения, который на Яо называется *чипини*, завоевал все восточное побережье Африки и распространяется, как символ более высокой культуры и утонченности, среди более прогрессивных племен внутренних районов. В своей простейшей форме — простой цилиндр из сердцевины, лучшие образцы изготавливаются - в зависимости от средств владельца — из черного дерева, олова или серебра. Булавки из черного дерева почти всегда очень со вкусом инкрустированы оловом. По нашим представлениям, *чипини* едва ли украшает человеческое лицо; но как только зритель привыкает к его эффекту, оно становится довольно миловидным и привлекательным, придавая кокетливый оттенок смуглому лицу, которое оно украшает.

РУИНЫ МИССИОНЕРСКОЙ СТАНЦИИ НЬЯНГАО

Более отдаленные внутренние районы, населенные вамвера, очень неблагоприятно контрастируют с хорошо возделанной зоной у побережья. Состояние Ньянгао, бенедиктинской миссионерской станции, является симптомом всех тех страданий, которые принесло этой части Африки восстание, столь недальновидно спровоцированное местными жителями. Вплоть до лета 1905 года здешние Отцы и Сестры мирно занимались своей работой евангелизации и обучения, когда яд идеи *маджимаджи* (волшебной воды) распространился на плато Рондо и центральную долину Лукуледи. Прежде чем ничего не подозревающие миссионеры успели даже подумать о надвигающейся катастрофе, она уже была над ними. После отчаянной борьбы за свои жизни и потери одной из сестер весь персонал был вынужден бежать, а все обширные здания были разрушены повстанцами. Нынешнее состояние Ньянгао показано на прилагаемой фотографии. Трое из Отцов (с которыми я имел удовольствие познакомиться на борту "*Принцрегента*") отважились вернуться на свое старое место и, поселившись в доме, который раньше занимали Сестры, окруженном грудами развалин, снова мужественно и неутомимо взялись за свою работу.

Восстание *Маджимаджи* по-прежнему является главной темой разговоров у местных костров, хотя в районе Линди уже давно снова воцарился мир. Его происхождение относится к наиболее интересным явлениям военной истории, демонстрируя, как это происходит, всеобщее и почти мгновенное слияние разрозненных фрагментов расы под влиянием суеверного представления, как только оно овладевает ими и спаивает их в единое целое, воодушевленное общим и пылким энтузиазмом. Насколько можно судить в настоящее время, идея, лежащая в основе восстания, заключалась в том, чтобы сбросить ярмо белого человека посредством согласованных усилий всего коренного населения. Без *дава*, *то есть* каких-либо чар, такое восстание было бы трудно, если не невозможно, вызвать, и поэтому зачинщики этой катастрофической войны прибегли к *дава* “волшебной воды”. На этот счет существует несколько версий. Согласно одной из них, настоящим зачинщиком был человек, живший недалеко от порогов Пангани на реке Руфиджи, который учил, что он был уполномочен Всемогущим, и общался с Ним посредством змеи, обитавшей в реке. Этот змей

велел ему заставить всех мужчин пить воду из горячих источников в Кимамбаре, которая придаст им сил и мужества, чтобы сбросить немцев в море, и в то же время сделает их неуязвимыми для европейских пуль.

Другая версия, распространенная в Усагаре, на севере Колонии, ничего не говорит ни о змее, ни о горячей воде, но утверждает, что колдуны начали с того, что заказали обильные распития пива в каждой деревне. Когда *помба* произвела свое действие, жители деревни были посвящены в заговор и получили свою *даву*, состав которой не приводится в подробностях, но которая, как предполагалось, и в этом случае обладала способностью делать их неуязвимыми, так что пули немцев просто превращались в воду, как только они покидали ствол винтовки. Маджимаджи вскоре обнаружили в ходе многочисленных сражений, что это не так, но, тем не менее, фанатизм этих туземцев, которые под убийственным огнем атаковали на расстоянии длины копья от пулеметов - *бумбум*, как они их называют, — поистине поразителен.

От побережья и немного дальше от Ньянгао характер растительности существенно отличается от той, которую мы находим дальше на запад. Большая часть дороги (*барабара*, на жаргоне перевозчиков, то есть путь, сокращенный до разрешенной ширины, по которому осуществляется все движение на дальние расстояния) проходит до Ньянгао через густой кустарник высотой от 10 до 15 футов, из которого тут и там растут одиночные деревья вдвое или втрое выше. Несколько раз в течение дневного перехода путешественник натыкается на большие открытые пространства в кустарнике по обе стороны от тропинки. По отсутствию подлеска и наличию обугленных пней становится ясно, что это старая возделанная земля — без сомнения, места бывших деревень. Но где же хижины и где люди, которые когда-то окучивали здесь свои сады? Здесь мы находим типичный штрих африканской истории, особенно в последнее время, когда ее примитивные условия были изменены современной системой плантаций с ее спросом на рабочую силу и необходимостью в местных вооруженных силах. Изначально и сам по себе африканец ни в коей мере не застенчив, напротив, он любознателен и полностью осознает прелести городской жизни и социального общения. Но он терпеть не может, когда вмешиваются в его личные дела. Каждый караван туземцев с суши, направлявшийся к побережью, будь то продать свои запасы воска, табака или чего-то еще, или наняться в качестве рабочих к какому-нибудь европейцу, считал, что у них есть естественное право ожидать еды и питья от жителей деревни на своем пути. Даже караван белого человека склонен предъявлять такие же требования к жителям деревни. Как часто я видел, как мои люди разбегались на каждом привале, чтобы попросить о той или иной услуге — возможно, просто одолжить черпак из тыквы - у той или иной из разбросанных хижин, которые могли находиться на расстоянии полумили друг от друга. Каким бы добродушным и услужливым ни был туземец, он не может мириться с бесконечным продолжением подобных нарушений спокойствия его домашней жизни, и поэтому предпочитает снести свои хижины и построить новые в зарослях кустарника на расстоянии от главной дороги, где к ним можно добраться только по узким боковым тропинкам.

С антропологической точки зрения, вамвера можно было бы принять за индейцев, настолько блестящим был медный оттенок их кожи. Сначала я подумал, что этот заметный рыжий оттенок был особенностью племени, но с тех пор встречал много особей точно такого же оттенка среди макуа из хатиа, Нангу и чикугве, и несколько среди яо в этом месте, а также в мтуа и Мтаме. На самом деле, мне кажется, здесь очень трудно провести какую-либо действительно удовлетворительную антропологическую работу — типы слишком сильно перемешаны, и по чертам лица любого человека невозможно определить племя, к которому он принадлежит. Вероятно, действительно, расовых различий вообще нет, поскольку

вамвера, вангиндо, ваяо, маконде, матамбве и макуа в равной степени принадлежат к большой подгруппе восточноафриканских банту. Это еще одна причина, по которой, когда время так дорого, я уделяю антропологии еще меньше внимания, чем планировал изначально. Пусть джентльмены сами придут сюда со своими измерительными инструментами, циркулями и шестами — у нас, этнографов, есть более неотложная работа.

Вамвера сейчас находятся в плачевном состоянии. Все это племя было замешано в восстании и, хотя отказывалось признавать поражение в битве за битвой, в конце концов было вынуждено укрыться в буше. Простой факт многомесячной жизни без крова в сезон дождей сам по себе причинил бы достаточно страданий; а если мы добавим, что у них не было урожая, поскольку они не могли посеять свой урожай в начале дождей, то легко можно понять, что погибло большое количество людей. Теперь, когда большинство главарей схвачены и отправлены на побережье, выжившие постепенно выходят из своих укрытий. Но какое зрелище представляют собой эти бедняги! покрытый более толстой, чем обычно, коркой грязи, исхудавший до скелета, страдающий кожными заболеваниями различного рода, с воспаленными глазами - и источающий тошнотворные выделения. Но, по крайней мере, они готовы встретиться лицом к лицу с белым человеком — признак вновь обретенной уверенности в нашем правлении, которую нельзя недооценивать.

Несколько часов тяжелого марша из Ньянгао приводят нас в резиденцию "султана” Хатии. Он четвертый носитель своего имени на этом крошечном троне Макуа. Могила его предшественника, Хатии III, находится в глубокой пещере на горе Унгуруве. Эта гора на самом деле является выступом плато Маконде, выступающим далеко в долину Лукуледи. Он виден с дороги в течение нескольких дней, прежде чем мы доберемся до него, с его сверкающим красным утесом, который вполне можно назвать эмблемой всего Центрального региона Лукуледи. Он также играет большую роль в мифах и легендах местных племен. Традиции прошлого сложились вокруг него еще до похорон Хатии III; но теперь, когда мертвый вождь покоится в темном ущелье, недоступном для любого непосвященного, от тяжелого труда и суматохи своей жизни, Унгуруве, по народным поверьям, стал святилищем, где лунными ночами Хатиа восстает из могилы и собирает вокруг себя призраков своих подданных для танца.

Хатия IV вернулся в свою столицу незадолго до нашего прибытия, проведя несколько месяцев на побережье, чтобы обдумать последствия восстания. Он произвел на меня впечатление сломленного человека, физически находящегося не в лучшем состоянии, чем его подданные; более того, он был не лучше устроен и уж точно не лучше обеспечен едой, чем они. В день нашей остановки в его деревне он был более чем обычно подавлен. Несколькими часами ранее лев, наглость которого прославила его на всю страну, средь бела дня вытащил женщину из хижины, расположенной недалеко от жилища вождя. Отпечатки огромных лап все еще были довольно четкими на песке, так что мы могли выследить грабителя прямо вокруг хижины, в которой непринужденно сидели мужчина со своей женой и ребенком. Огромный зверь внезапно набросился на женщину, сидевшую у двери. Ее муж пытался удержать ее, но был слаб от болезни и не мог оказать эффективного сопротивления. Хотя еще некоторое время раздаются крики бедняги: “*Нна куфа! Нна куфа!*” — “Я умираю! Я умираю!” — слышалось в кустах, становясь все тише и тише, никто не мог прийти ей на помощь, потому что люди были лишены своего оружия со времени восстания, и даже если бы оно у них было, не было боеприпасов, ввоз которых был прекращен некоторое время назад.

Племянник и наследник Хатии IV должен взять на себя роль мстителя. Это красивый, иссиня-черный юноша с маленькими завитыми усиками над верхней губой и завидной густой

порослью пушистых волос на голове. Вооруженный винтовкой, которой он несказанно гордится, он пришел с нами из Линди, чтобы избавить свой народ от нашествия львов. Такое выражение, по правде говоря, не является преувеличением применительно к этому месту. Говорят, что вся протяженность дороги от Ньянгао до Масаси была разделена между четырьмя парами львов, каждая из которых патрулирует свой участок в поисках человеческих жертв. Даже трое миссионеров в Ньянгао не в безопасности; отец Климент, выйдя не так давно на прогулку, внезапно оказался лицом к лицу с огромным львом, который, однако, казался не менее пораженным случившимся, чем сам добрый Отец.

Изучив архитектуру нынешних хижин Вамвера, я легко могу понять, как лев у Хатии мог вытащить женщину изнутри. Любой, желающий изучить эволюцию человеческого жилого дома, мог бы очень хорошо увидеть здесь ее зачатки. Большинство этих жилищ представляют собой не что иное, как две стены, состоящие из пучков травы, грубо связанных вместе и прислоненных друг к другу в наклонном положении. Добавление двускатных крыш указывает на довольно высокий класс дома. Кроме того, вамвера были вынуждены строить свои хижины, такие, какие они есть, в нетронутых джунглях, поскольку они потеряли все, что у них было, даже необходимые орудия для обработки почвы и расчистки кустарника. Их деревни, в которых находилось их единственное сколько-нибудь ценное имущество, были, конечно, сровнены с землей нашими войсками. Лев стесняется открытых пространств, но чувствует себя как дома в *пори*, которую он считает своим естественным охотничьим угодьем и где он может незаметно подобраться поближе к хижине, прежде чем совершить свой смертельный прыжок.

Один момент, который я не должен забывать. Еще до отъезда из Линди у меня потекли слюнки от услышанных описаний необычной внешности женщин из Вамвера. Но я нахожу, что эти описания далеки от реальности. Знаменитые бразильские ботокудо с их лабретками - ничто по сравнению с южными племенами Германской Восточной Африки. Я давно знал, что плато Маконде и вся окружающая местность принадлежат к области *пелеле*, или губное кольцо, но мне никогда не попадалась хорошая иллюстрация более ранней даты, чем моя собственная. Прилагаемые репродукции фотографий покажут природу этого необычного украшения яснее, чем любое описание.

The *Пелеле*, или, как ее называют в Кимвере, *итона*, носят только женщины, но среди них она универсальна. Это колышек, у пожилых людей даже настоящий диск из черного дерева или другого светлого дерева, отбеленного до белоснежного цвета глинистой землей, вставляемый в верхнюю губу, которая перфорирована и растягивается для его размещения. Конечно, диск размером с монету в два шиллинга вставляется не сразу: операция очень постепенная и начинается с прокалывания губы между седьмым и девятым годами жизни девочки концом бритвы, заточенной в форме шила.[8] Отверстие остается открытым путем введения инородного тела небольшого размера, такого как тонкий стебелек травы или тому подобное. Затем его увеличивают, добавляя через равные промежутки времени еще один стебель, а через некоторое время заменяют полоской пальмового листа, свернутой в спираль. Она, будучи эластичной, прижимается к стенкам отверстия и, таким образом, со временем делает его достаточно большим для размещения первой сплошной пробки. У вамвера диаметр их варьируется от толщины пальца до размера флорина; однако говорят, что у пожилых женщин маконде они в два раза больше. Естественно, мне не терпится увидеть этих людей, чья страна, более того, пока еще является полной *terra incognita*в том, что касается науки.

ЖЕНЩИНА-МВЕРА

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЛЕМЕНИ МВЕРА

Не довольствуясь *итоной*, старые женщины иногда носят булавку или колышек в нижней губе, называемую *нигулила*. Он длинный и тонкий, заканчивается круглым набалдашником и предназначен для того, чтобы отвлекать взгляд от увядшей кожи и увядших прелестей обладательницы.[9] Диски или заглушки, вставляемые в мочку уха, также очень распространены. Более того, лица этих белокурых покрыты необычными шрамами, которые

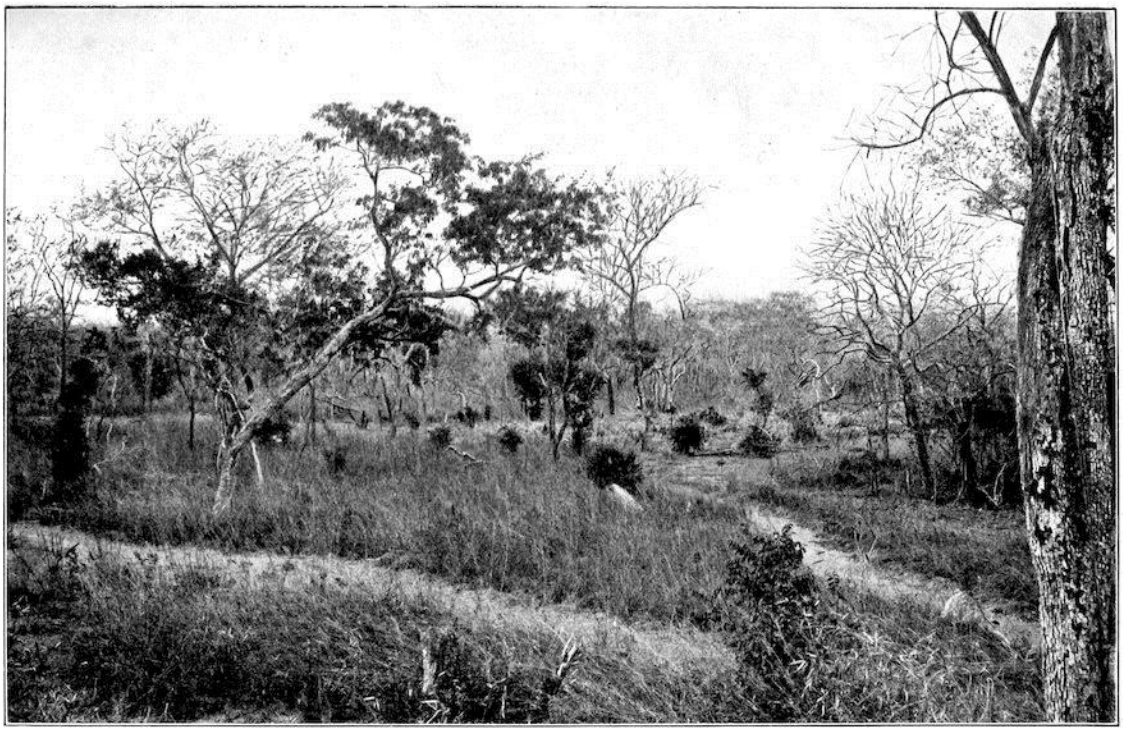
на расстоянии наводят на мысль, что они, должно быть, провели свою юность в немецком университете. При ближайшем рассмотрении окажется, что это не шрамы, оставленные прямыми порезами, а состоят из множества мелких келоидных образований, расположенных различным образом. Узоры выполнены параллельными рядами небольших порезов (обычно вертикальных), которые не заживали из-за многократного вскрытия в процессе заживления. Таким образом, в течение недель и месяцев они принимают форму заметных припухлостей, которые в своей совокупности придают характер всей физиономии.

ЖЕНЩИНА Из МВЕРА С БУЛАВКОЙ В НИЖНЕЙ ГУБЕ

Даже этого недостаточно, чтобы удовлетворить тягу женщин вамвера к украшениям. Если ткань, драпирующая грудь и спинку, на мгновение соскальзывает в сторону, либо из-за неосторожного движения со стороны владельца, либо из-за того, что неразлучного ребенка перемещают с его обычного места на спине матери на ее бедро, изумленный глаз обнаруживает, что открывшиеся таким образом поверхности украшены отметинами, подобными тем, что на лице. Говорят, что ими покрыты даже бедра и верхняя часть голеней. Этнограф, размышляющий об этих и других странных проявлениях человеческого тщеславия, возможно, поддастся искушению потворствовать приятному чувству превосходства. Но, в конце концов, мода на серьги в Европе не совсем исчезла; и преимущества корсета, рассматриваемого как средство придания красоты, могут быть столь же предметом обсуждения, как и африканские украшения, которые мы только что описали. Я имею в виду, конечно, тех женщин, которые считают, что тугая шнуровка улучшает фигуру. В остальном я склонен согласиться с Максом Бюхнером из Мюнхена, который считает, что в той или иной форме это изделие оказало бы большую услугу женщинам всех менее одетых рас, среди которых неизвестны приспособления для поддержки бюста.

До настоящего времени мне мало что удавалось увидеть из реальной жизни внутренних племен, но и это немногое было очень интересным. По пути в Масаси я заметил, что везде, где местные жители принимали активное участие в восстании, дороги были в идеальном порядке, в то время как на территории дружественных племен они были почти непроходимы из-за высокой травы, а иногда и кустарника. Эти наши союзники сейчас уверены в своих прошлых заслугах, говоря себе, что они могут на какое-то время успокоиться, поскольку “Мдачи”, несомненно, учтут их лояльность и не будут предъявлять к ним очень суровых требований. Капитан Эвербек, однако, с большой точностью и энергией разъяснял закон Акидасам и Джумбесам, окружным вождям и деревенским старостам, которые отвечают за порядок в своих округах.

Ночью в Африке можно насладиться великолепными зрелищами. Сидя перед своей палаткой по дороге сюда или сейчас, когда я выхожу перед Баразой — домом отдыха, в котором я поселился, — я вижу, куда бы я ни обратил свой взор, красное зарево пламени на горизонте. Это сжигание травы — обычай, практикуемый африканцами на протяжении тысячелетий. Можно вспомнить, что когда Ганнон во время своего путешествия из Карфагена плыл вдоль западного побережья Африки, ничто не производило такого глубокого и неизгладимого впечатления ужаса на него самого и его команду, как потоки огня, которые по ночам стекали с береговых хребтов. По моему мнению, которое я, конечно, не считаю решающим, эти потоки огня определенно не были, как это часто утверждается, связаны с какими-либо вулканическими явлениями, а явились результатом процессов, которые до сих пор приводятся в действие жителями Темного Континента каждую ночь в сухой сезон.



ДОРОГА ЧЕРЕЗ КУСТАРНИК В ОКРЕСТНОСТЯХ ЧИНГУЛУНГУЛУ

В наших колониальных публикациях много написано о пользе или вреде, которые можно извлечь из этого выжигания травы. Некоторые осуждают это как пагубное воздействие на рост деревьев, в то время как другие встают на сторону туземцев и говорят, что только выжигая высокую траву и кустарник в африканских лесах через регулярные промежутки времени, они могут одержать верх над паразитами, которые в противном случае размножились бы мириадами. Кроме того, говорят, что зола в настоящее время является единственным удобрением, которое можно вносить в больших масштабах. Я не чувствую себя вправе пытаться принять какое-либо решение, но ограничиваюсь восхищением великолепным эффектом ближних и дальних огней, отражающихся в самых разнообразных оттенках света и цвета в туманной атмосфере. Более того, ни один из этих пожаров не опасен для путешественника; там, где пламя захватывает участок совершенно сухой травы, оно, правда, распространяется с шумом, подобным треску ружейной пальбы; но в остальном, да и вообще, людям приходится поддерживать пожар, систематически разжигая траву на свежих местах. В любом случае они полностью контролируют направление и масштабы огня.

Это выжигание, насколько я могу судить, возможно только там, где преобладает замечательная форма растительности, которая характеризует большую часть Африки и покрывает всю обширную равнину на западе и северо-западе плато Маконде. Это “открытая кустарниково-травянистая степь” (*lichte Baumgras - степь*), как ее очень уместно назвал геолог Борнхардт. На самом деле, эта форма растительности не является ни исключительно лесной, ни полностью степной; она объединяет признаки и той, и другой. Представьте себе особенно запущенный фруктовый сад в какой—нибудь сельской части Германии (где, к сожалению, фермеры все еще уделяют слишком мало внимания этой отрасли возделывания) и заполните промежутки между разбросанными яблонями, грушами или сливами не нашей скромной немецкой травой, а африканской разновидностью, высотой в два—три ярда и больше похожей на тростник, смешайте это с подлеском — колючим, но не очень плотно — и, наконец, свяжите вместе верхушки деревьев (которые не очень высокие - наверняка ни одно из них не выше сорока футов - и все сорта в целом имеют сходство с нашим кленом), прикрепив их к деревьям. средство из системы воздушных лиан. Проделав все это, вы

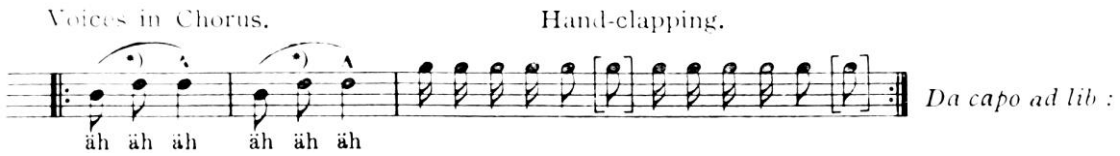
получите, без какого-либо дальнейшего напряжения воображения, довольно правильную картину того, что здесь обычно называется *пори*, хотя на Севере к нему чаще*применяется название* “лесмиомбо”. Во время дождей и сразу после них этот *пори*, несомненно, обладает своим очарованием — фактически, Эвербек и его компаньон Кнудсен неутомимо воспевают его внешний вид в это время года. Сейчас, с другой стороны, в июле, он совсем не красив: он не впечатляет количеством и размерами своих деревьев, не освежает нас какой-либо тенью и не представляет ни малейшего изменения в вечном однообразии, которое встречает путешественника, как только он покидает Ньянгао и переходит на правый берег Лукуледи, и от которого он избавляется только после нескольких недель перехода высоко в верховьях Ровумы. “Так вот оно, буйное плодородие тропиков, и вот как выглядит вечнозеленый первобытный лес!” Подумал я, наслаждаясь этим зрелищем в течение целого дня. Точно так же, как в отношении предполагаемого отсутствия аппетита, испытываемого европейцами в тропиках, мы должны видеть, что широкая общественность более правильно информирована о предполагаемом плодородии Экваториальной Африки и, таким образом, избавлена от формирования экстравагантных представлений о блестящем будущем, уготованном нашим колониям.

The *Пори* становится совершенно неприятным там, где хозяева страны только что его жгли. Справа и слева от дороги простирается толстый слой черного или серого пепла, на котором тут и там лежат мертвые деревья, постоянно тлеющие. Теперь, когда нет травы, загораживающей обзор, взгляд беспрепятственно проникает сквозь то, что в другое время было непроходимым кустарником. Для охотника такое положение вещей доставляет удовольствие, поскольку теперь он может видеть дичь практически на любом расстоянии; но для путешественника, особенно если он обременен большим караваном, это не что иное, как пытка. Это происходит не столько ранним утром, когда обильная роса оседает на мелкие частицы пыли, сколько когда солнце поднимается выше, на сравнительно небольшой территории возникают заметные перепады температур. Шагая по раскаленному полуденному зною, не подозревая ничего дурного и не имея никаких намерений, путешественник вдруг видит, как что—то кружится у него под ногами - черная змея, кружащаяся в бушующем вихре, поднимается вертикально, танцует вокруг него кокетливыми изгибами, а затем боком исчезает за деревьями с тихим смешком, словно в насмешку над незнакомцем и его безукоризненно чистым костюмом цвета хаки. Местные последователи не пострадали, поскольку были того же цвета кожи, что и коварный враг. Но какой вид представляет руководитель экспедиции! Хотя и не гарантируется, что он будет мыться, он представляет собой достаточно близкое сходство с чернобуркой, и в сложившихся обстоятельствах у верных Морица и Кибваны, как только мы доберемся до лагеря, не будет более неотложной задачи, чем приготовить ванну для своего хозяина и тщательно намылить его от макушки головы до подошв ног. И все это - дело рук *вихря*пори.,

В этих мелких невзгодах походной жизни невозмутимая жизнерадостность туземцев всегда служит утешением. Среди вамвера, собравшихся на сцену позднего восхода, было мало склонности к танцам и веселью — слишком велика была царящая нищета; но повсюду, еще до того, как наш лагерь был разбит хотя бы наполовину, жители этого места собирались толпами, и сцена, которая за этим следовала, всегда была одинаковой в общих чертах, хотя и различалась в деталях. Негр *должен* танцевать. Как немец, когда что-либо поднимает его с мертвого уровня будничного настроения, чувствует непреодолимое желание петь, так и африканец не упускает возможности собраться на *нгому*. Слово *нгома* в своем первоначальном значении означает не что иное, как барабан; в расширенном смысле оно обозначает все празднества, проводимые под звуки барабана. Эти празднества имеют неоспоримое преимущество перед нашими в том, что инструментальная музыка, танцы и

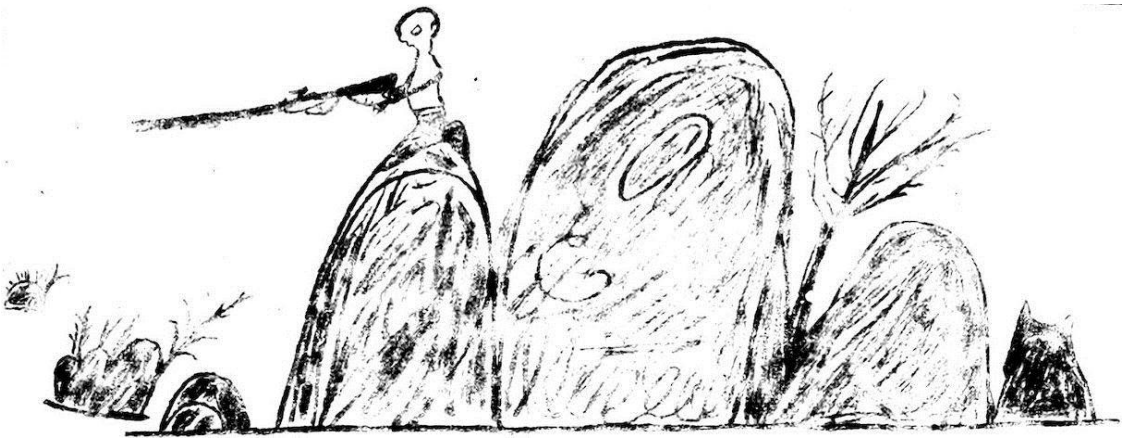
пение звучат одновременно. Группа играет на барабанах, но иногда и импровизирует песни, зрители, стоящие по кругу, образуют припев и в то же время маршируют вокруг группы в ритме песни. Это обычная картина, при всей ее необычности настолько завораживающая, что старейшие жители прибрежных городов не считают ниже своего достоинства оказывать честь этому проявлению жизни аборигенов, посещая их время от времени, хотя бы на несколько минут. Другие, менее искушенные белые являются постоянными посетителями этих фестивалей и никогда не пропускают субботний вечер — в этот день законом разрешены *нгомы* — без того, чтобы часами не стоять среди тяжело дышащей и вспотевшей толпы. Один из этих танцев, исполняемых женщинами во всех местах, которые я до сих пор посетил, по всем возможным поводам, особенно приятен. Это называется *ликвата* (“хлопанье в ладоши”). Несколько женщин и девочек встают в круг, лицом внутрь. Внезапно руки поднимаются в воздух, рты открываются, ноги подергиваются в унисон, и все происходит в точном ритме: хлопки в ладоши, пение и танцы. С особой грацией, которая характеризует все движения туземных женщин, весь круг перемещается вправо, сначала на один длинный шаг, затем на три гораздо более коротких. Хлопки в ладоши по времени и силе точно соответствуют описанному выше ритму, как и песня, которую я сейчас воспроизведу. Внезапно, в определенном ритме, две фигуры выходят из ряда танцующих — они спотыкаются в центре круга, двигаясь вокруг друг друга определенными фигурами, движения которых, к сожалению, слишком быстры, чтобы за ними мог уследить глаз, — а затем возвращаются на свои фиксированные места в кругу, чтобы освободить место еще двум сольным исполнителям. Таким образом, игра продолжается, не прерываясь и не снижая интенсивности, час за часом, независимо от младенцев, которые, завернутые в неизбежную ткань на спинах своих матерей, прошли все представление вместе с ними. В этом тесном, жарком и часто достаточно грязном вместилище они спят, бодрствуют или видят сны, пока мать орудует тяжелым пестиком, толча кукурузу в ступке или перемалывая муку на камне, пока она взрыхляет землю для посева, выпалывает сорняки или собирает урожай, пока она несет на голове тяжелый глиняный кувшин для воды из далекого источника и пока, как сейчас, раскачивается взад-вперед в танце. Неудивительно, что при таких обстоятельствах местный младенец досконально знаком с национальным шагом и ритмом еще до того, как он оторвался от переноски и материнской груди. Зрелище крошечных креветок в три и четыре года, с абсолютной уверенностью движущихся по лабиринтам танца взрослых людей, само по себе стоило бы поездки в Восточную Африку.

А теперь произнесите очень глубокие слова, сопровождающие этот танец, который кажется таким многозначительным и поэтичным. Зритель, стоящий рядом и наблюдающий за разнообразными и грациозными движениями женщин — возможно, одновременно работающих в кинематографе, — склонен, несмотря на все предыдущие решения, обращать слишком мало внимания на спетые слова. Когда танец заканчивается, он расставляет исполнителей перед фонографом, у него возникает искушение поверить, что его уши обманули его, настолько бессмысленны эти слова. Я делал записи *ликваты* в нескольких разных местах, но так и не добился никакого другого результата, кроме следующего —



[10]

Читатель согласится, что в этой песенке не было проявлено чрезмерного интеллекта, но это черта, общая для всех местных песен здесь, на Юге. Даже такие признанные *виртуозы*, как мой Ваньямвези, не могут добиться большего в этом отношении. Здесь мы действительно имеем полное право сказать: “В конце концов, мы, вазунгу, лучшие певцы!”



ГОРЫ БЛИЗ МАСАСИ. НАРИСОВАНО САЛИМОМ МАТОЛОЙ

ГЛАВА V
ОГЛЯДЫВАЮСЬ

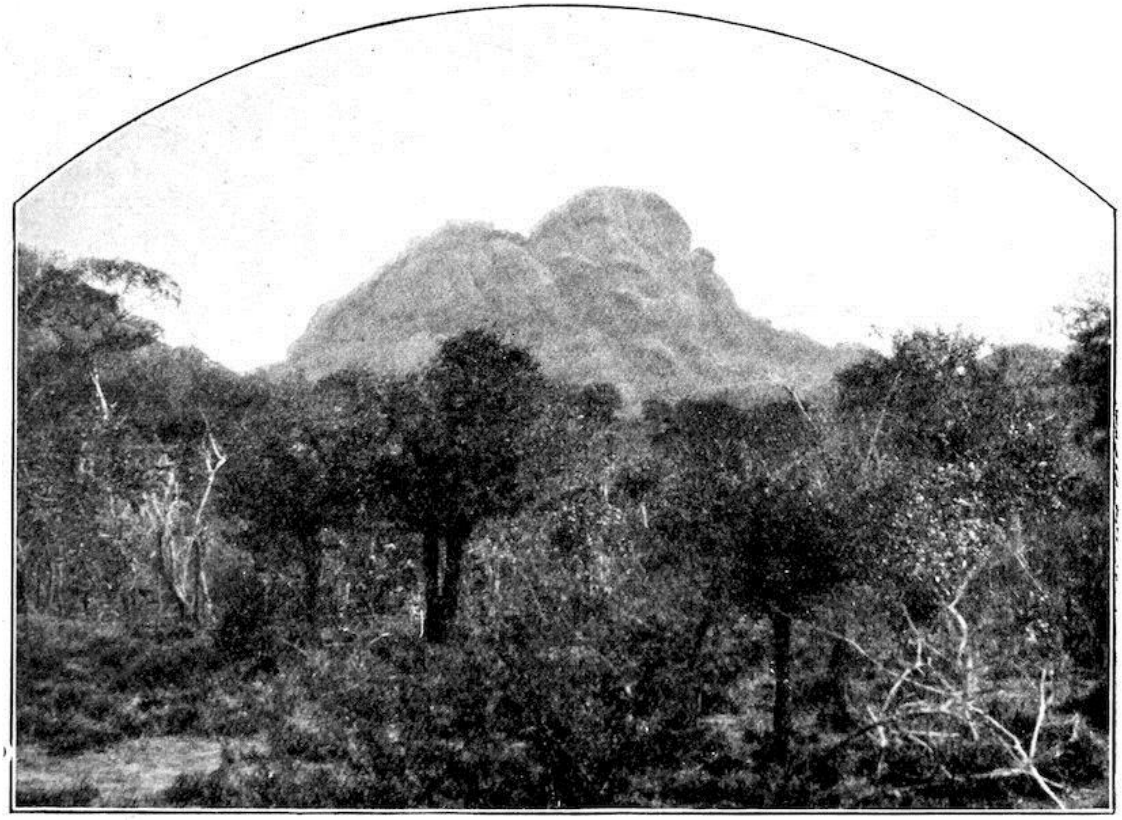
Масаси, 25 июля 1906г.

Я пробыл здесь, в Масаси, целую неделю. Мое жилище - это хижина в чистейшем стиле Яо, построенная местными жителями по приказу имперского окружного комиссара специально для проезжающих европейских путешественников. Эта хижина — или, полагаю, мне следует сказать, этот дом, поскольку это внушительное здание размером примерно сорок на двадцать футов — находится за пределами *бома*, где находится местная полиция. Это овальное строение, крыша которого в точности напоминает перевернутую лодку. Материал стен, как и везде в этой стране, бамбук и дерево, оштукатуренные изнутри и снаружи темно-серой глиной. Мой дворец превосходит жилища туземцев в том, что касается окон, хотя они и не застеклены. Ночью, перед тем как забраться под противомоскитную сетку в походную кровать, отверстия закрываются ставнями, сделанными из прочных кусков бамбука. Пол, как и во всех туземных хижинах, выложен из утрамбованной земли, которую в целом можно содержать в довольно чистой, но она не рассчитана на острые края каблуков европейских ботинок, которые вскоре разрушают ее поверхность. Внутреннее убранство образует единое целое, прерываемое только двумя столбами, стоящими как бы в центре эллипса и поддерживающими тяжелую соломенную крышу. Он выступает наружу и вниз далеко за стену дома, его внешний край поддерживается еще одним эллипсом из более коротких столбов, и таким образом образуется широкий тенистый проход вокруг всего дома, который под названием *бараза* является неотъемлемой частью любого жилища в Восточной Африке.

Местные жители дали название Масаси целому району, одинаково интересному с точки зрения географии, геологии, ботаники или делопроизводства.

Почти сразу после прохождения Ньянгао, если ехать от побережья, начинается уже упомянутая "открытая кустарниково-травянистая степь“, в то время как в то же время края плато Маконде на юге и возвышенности к северу от Лукуледи отступают все дальше и дальше. Когда идешь день за днем по идеально горизонтальной равнине, покрытой одной и той же однообразной растительностью, путешествие ни в коей мере не становится захватывающим. Затем, внезапно, за поворотом тропинки мы видим огромный утес сверкающего серого цвета. Мы глубоко вздыхаем и забываем всю нашу усталость перед этим новым очарованием пейзажа. Даже тяжелогруженые носильщики ступают более легко. Внезапно кустарник, который становился все свежее и зеленее по мере приближения к скале, исчезает, и вместо одного утеса мы теперь видим целую длинную гряду скалистых вершин, которые, кажется, преграждают нам путь. Это, однако, не так, поскольку недалеко от подножия первой горы дорога резко поворачивает к Юго-Западу, идя параллельно и близко к хребту. Когда хребет заканчивается, заканчивается и дорога, потому что там, окруженная “детьми холмов”, - как сказал бы местный житель на своем родном языке, *то есть*невысокими холмами высотой в несколько тысяч футов или ниже, — находится военная база Масаси.

Куполообразные гнейсовые вершины Масаси отмечены в геологической литературе: на самом деле они уникальны не по своим петрографическим составляющим, а по регулярности их сомкнутых рядов. Орографически весь этот регион Восточной Африки, который я сейчас пересекаю, характеризуется островными горами (*Inselberge*), как их называет геолог Борнхардт. Название очень подходящее, поскольку, если бы суша опустилась примерно на триста футов или Индийский океан поднялся на такую же высоту, долины Лукуледи, Умбекуру и Ровума, а также, по всей вероятности, несколько рек в Португальской Восточной Африке, а также вся обширная равнина к западу от плато Мвера и Маконде образовали бы одно большое озеро. Здесь, на западе, только эти бугристые, тяжелые вершины из гнейса возвышались бы над водой крошечными островками, в то время как ближе к побережью только что упомянутые плато, так сказать, представляли бы континенты этого участка земной поверхности.



ОСТРОВНАЯ ГОРА МАСАСИ

В целом эти вершины неравномерно разбросаны по всей обширной территории страны. Если я поднимусь на один из небольших холмов сразу за моим домом, я смогу увидеть почти безграничное количество этих замечательных образований на севере, западе и юге. В основном они одиночные или небольшими группами, но в нескольких днях пути дальше на запад большое их количество собирается в тесную группу в стране Маджедже. Хребет Масаси в наших ближайших окрестностях - еще одно исключение. Их неравномерному распределению соответствует большое разнообразие по высоте. Многие из них представляют собой всего лишь небольшие холмы, в то время как другие поднимаются на отвесную высоту 1600 футов и более над равниной, которая здесь, в Масаси, находится на высоте 1300 футов над уровнем моря. Таким образом, самые высокие из этих холмов достигают примерно средней высоты среди наших немецких гор.

Что касается происхождения этих странных горных форм, то, не будучи геологом, я не в том положении, чтобы составлять какое-либо мнение. По словам Борнхардта, который в своей великолепной работе "Земная скульптура и геология Немецкой Восточной Африки"[11] описал геологические особенности этого ландшафта с замечательной яркостью, все эти островные вершины свидетельствуют о первобытной и никогда не прерывавшейся борьбе между созидательной деятельностью моря и обнажающим, размывающим, выкапывающим и выравнивающим действием текущей воды и других природных факторов. от атмосферных воздействий. Он видит это место в первобытные времена как огромную непрерывную равнину из первобытного гнейса. Здесь со временем ручьи и речки проложили свои долины, все более или менее в одном направлении. В конце этого продолжительного процесса между различными долинами остались длинные гряды холмов. Затем наступила другая эпоха, когда на смену разрушению пришло расслоение. В то время как раньше дожди, родники, ручьи и реки уносили измельченные породы в море, теперь само море разлилось по суше, заполнило долины и, вероятно, покрыло всю бывшую сцену действия своими отложениями.

Эти отложения, опять же, в течение последующих эпох затвердели в скалу. И снова картина изменилась; земля снова осталась сухой; и ветер, дождь и проточная вода снова могли начать свою разрушительную работу. Но на этот раз их деятельность приняла другое направление. Раньше они переносили обломок на север или юг, но теперь они снесли его на восток, под прямым углом к своему прежнему курсу, и таким образом постепенно перемололи все более поздние отложения, а также размыли длинные гряды, сохранившиеся с первого периода разрушения. Наконец, когда даже эта примитивная порода была стерта до нижнего уровня первых долин, от старого слоя гнейса ничего не осталось, за исключением углов, образованных пересечением двух линий абразии. Когда смываются сверхнаполняющие слои, твердые ядра гнейса в этих углах грунта образуют те самые островные вершины, которые я описывал. Теория Борнхардта смелая и предполагает совершенно неизмеримые периоды времени, но она была общепризнана как наиболее правдоподобная из всех попыток объяснить факты. В любом случае, это блестящее доказательство способности к индуктивному мышлению, которой обладают немецкие ученые.

Эти могучие скальные массивы, поднимающиеся необычайно крутым склоном прямо с равнины, доминируют над окружающей обстановкой, где бы вы их ни встретили, но там, где они появляются в таком удивительно правильном ряду, как здесь, — Мквера, Масаси, Мтанди, Чирондзи, Китууту, Мкомахиндо и остальные меньшие и большие возвышенности в пределах моего горизонта, — они представляют собой ни с чем не сравнимое и совершенно незабываемое зрелище. Когда строительство проектируемой железной дороги через бассейн Умбекуру будет завершено, у туристических агентств не будет более популярной экскурсии, чем поездка на хребет Масаси.

С ботанической точки зрения посетитель также считает, что ему хорошо отплатили за его беспокойство. Оказавшись в тени этих холмов, пустынность *пори* забывается как по волшебству; одна плантация сменяет другую, и грядки самых разных сортов проса склоняют свои тяжелые початки и перья на свежем утреннем ветерке, что является настоящим освежением после удушающей жары долгого дневного перехода по зарослям. Фасоль всех видов, тыквы и дыни радуют глаз своей свежей зеленью, по обе стороны дорожки *мхого* (маниок) раскидывает свои ветви с бледно-зелеными листьями и розовыми стеблями. Везде, где есть промежуток между этими различными культурами, горох *бази* гремит в своем стручке. Такое плодородие (поразительное для южной части Германской Восточной Африки) стало возможным только благодаря геологическому строению почвы. Везде, где мы ступали по главной дороге, а также к северу и югу от нее, насколько хватает глаз, основными составляющими верхнего слоя были суглинистый песок и супесь. В местах, где воздействие воды было более выраженным, мы находим обнажение голых гладких пород гнейса; или земля покрыта твердым кварцитом, хрустящим под ногами. Только там, где эти могучие гнейсовые хребты нарушают монотонность, любой, кто исследует страну с точки зрения ее экономической ценности, находит полное удовлетворение. Гнейс легко выветривается и образует превосходную почву, как давно обнаружили местные жители; и, хотя они ни в коем случае не презирают менее плодородные участки, все же наиболее предпочтительными местами для поселений всегда были те, что находятся в непосредственной близости от гнейсовых островов. Масаси с его огромной протяженностью, на преодоление которой уходит много часов, является типичным примером такого экономического понимания.

Поскольку это, естественно, привлекло бы людей со всех сторон, не стоит удивляться, если вопрос о племенном родстве народа масаси приведет кого-то в настоящий хаос племен. Макуа, Ваяо, Вангиндо, несколько маконде и, вдобавок, большой процент жителей

Побережья: таковы добровольные иммигранты в этот маленький центр социальной эволюции. К ним мы должны добавить разнообразную коллекцию людей, принадлежащих к различным племенам дальних внутренних районов, которые включены здесь под всеобъемлющим обозначением ваньяса. Эти ваньясы являются живым свидетельством эксперимента, разработанного в духе высшей филантропии, который, к сожалению, не увенчался успехом, на который надеялись его организаторы. Именно этот регион несколько десятилетий назад был ареной чрезвычайно активной работорговли; торговля, поддерживаемая арабами Занзибара и побережья, предпочитала маршрут через эту легко проходимую и в то время густонаселенную страну. Положение Килва Кивинье в заливе, настолько мелком, что там могут бросать якорь арабские невольничьи дау, но не патрульные канонерские лодки с жесткой моралью, и по сей день является красноречивым свидетельством того мрачного периода в не слишком светлой истории Африки.

Чтобы докопаться до корня зла, английские филантропы в течение многих лет имели привычку заставлять несчастных жертв, которых гнали по этой дороге в невольничьих повозках, быть выкупленными миссионерами и расселенными по своим местам свободными людьми. Основное поселение такого рода находится среди гнейсовых вершин Масаси. Христианский мир лелеял надежду, что из этих освобожденных рабов могут получиться благодарные единоверцы и способные люди. Но когда слышишь мнение опытных жителей страны, невозможно без сильной доли предвзятого мнения увидеть в этих освобожденных новообращенных что-либо лучшее, чем в их соотечественниках. Факт остается фактом, и его нельзя опровергнуть никакими рассуждениями, что христианство не подходит туземцу; во всяком случае, гораздо меньше, чем ислам, который без колебаний предоставляет ему всю его заветную свободу.

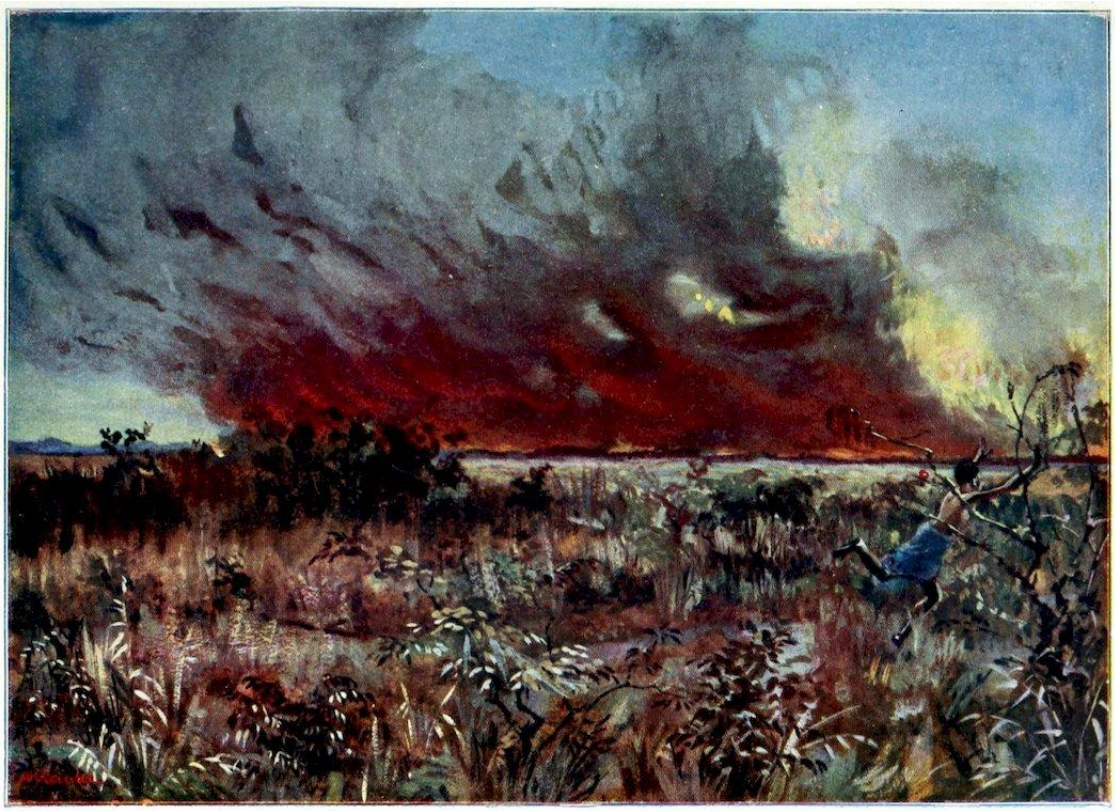
Однако лично я должен сказать, что до сих пор не заметил никаких порочащих черт в характере народа масаси; все, кто вступал со мной в контакт, относились ко мне так же дружелюбно, как и к остальным, с кем я сталкивался в этой стране. В таком контакте ни в коем случае не было недостатка, несмотря на краткость моего пребывания здесь, поскольку я погрузился в свою работу со всей энергией, на которую я способен, и убежден, что я уже видел своими глазами и слышал собственными ушами большую и важную часть жизни людей.

Самое начало моей учебы было удивительно многообещающим. Миссионерская станция Масаси находится в коротком часе ходьбы к северу-северо-востоку от нас, сразу под обрывистым склоном горы Мтанди. Эта гора Манди - самая внушительная вершина всего хребта; она возвышается почти отвесным утесом прямо за соломенными хижинами Миссии, заканчиваясь на высоте почти 3100 футов плоским куполом. Окружной комиссар Эвербек и я, проезжая мимо нее в день нашего прибытия, уже приняли решение посетить эту гору; и мы осуществили наш проект день или два спустя. Поездка была не лишена определенного очарования. В 4.30 утра непроглядной тропической ночью мы были готовы выступить в поход, отряд состоял из двух европейцев и полудюжины носильщиков и мальчишек, с мускатным ослом Эвербека и моим старым мулом. Так быстро, как только позволяла темнота, процессия прошла вдоль *барабары*, свернув влево, когда мы приблизились к Мтанди. Животные и их сопровождающие остались у подножия горы, в то время как остальные из нас, совершив обход территории Миссии, приступили к практике восхождения.

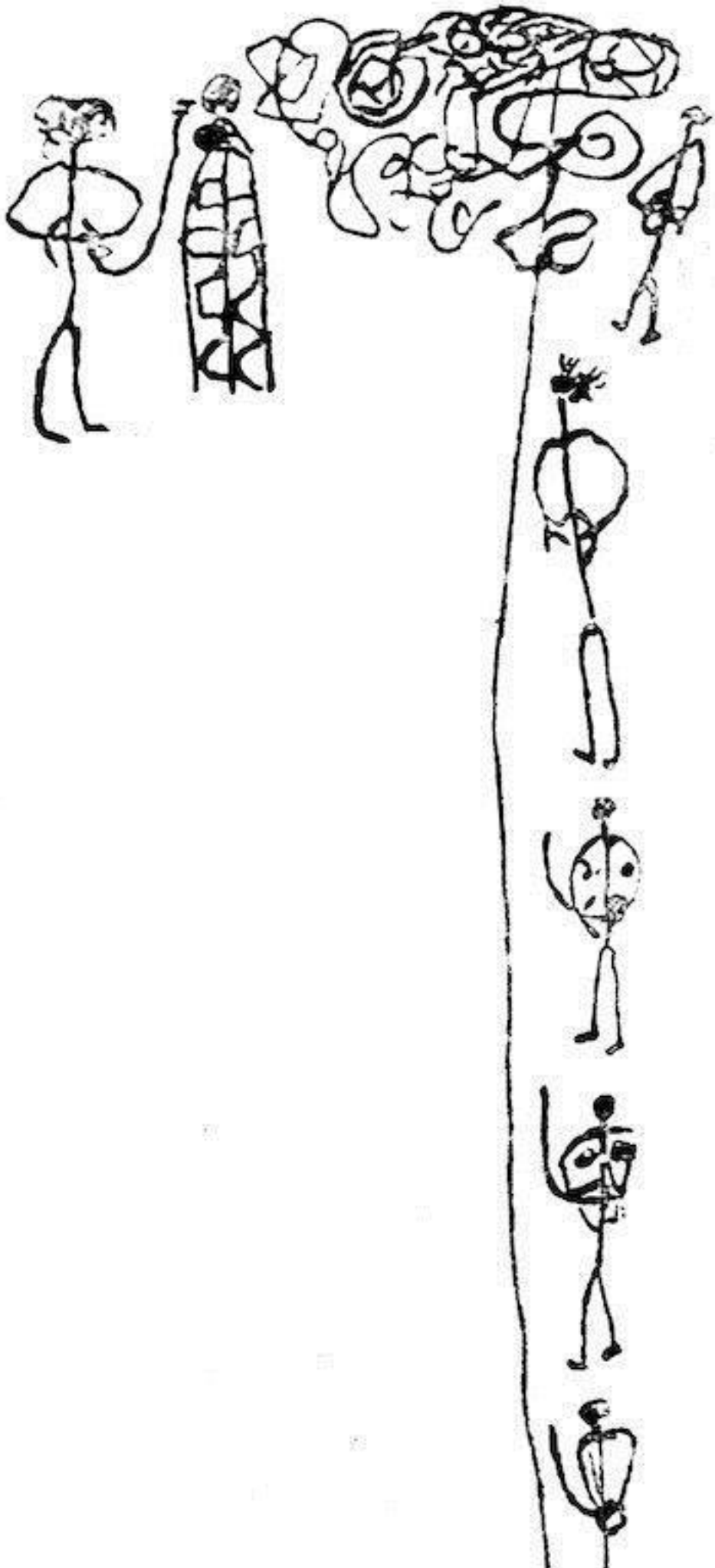
Для своей африканской экспедиции я снабдил себя шнурованными ботинками, поставленными Типпельскирхом специально для тропиков. Когда я показал их “пожилым африканцам” в Lindi, они просто посмеялись надо мной и спросили, что я собираюсь делать в этой стране с одним жалким рядом гвоздей по краю подошвы. Они посоветовали мне

немедленно отправить эти вещи брату Уильяму в бенедиктинскую миссию, который заслужил благодарность всех европейцев ремонтом обуви. Брат Уильям, на самом деле, очень любезно снабдил мои ботинки двойным рядом тяжелых альпийских подковок, и я надел пару в первый день выхода из Линди, но больше никогда в походе. Они наливали мои ноги свинцом, и вскоре оказалось, что тяжелые гвозди совершенно не нужны на мелком песке *барабары*. После того первого дня я надела свои легкие туфли на шнуровке из Лейпцига, в которых ходить пешком одно удовольствие. С другой стороны, здесь, на острых хребтах Мтанди, презираемые горные ботинки сослужили мне отличную службу.

Я предпочитаю не описывать свои ощущения во время этого восхождения. Становилось светлее, и мы неуклонно поднимались вверх, но это восхождение гуськом, со скалы на скалу и с дерева на дерево ни в коем случае не доставляло удовольствия нам, двум упитанным и довольным жизнью европейцам. Фактически, мы отказались от стремления достичь высочайшей вершины и удовлетворились несколько более низкой проекцией. Это было разумно с нашей стороны, поскольку не было и речи о великолепном виде, которого мы ожидали; высоты и отдаленный пейзаж были одинаково скрыты густым туманом, так что даже самая длительная экспозиция не произвела на моих фотопластинках никакого эффекта, о котором можно было бы говорить.



ЛЕСНОЙ ПОЖАР На ПЛАТО МАКОНДЕ



НАШЕ ВОСХОЖДЕНИЕ На ГОРУ МТАНДИ. НАРИСОВАНО ДЖУМОЙ

Это восхождение, хотя и не принесшее результатов в других отношениях, породило один небольшой памятник африканского искусства - рисунок нашего альпинистского каравана, который здесь предлагается вниманию читателя. Местный художник совершенно правильно указал крутизну горы вертикальной линией, изображающей дорогу. Путаница кругов и изгибов в нижнем конце обозначает здания Миссионерской станции: фундамент церкви, достаточно обширной, если она когда—нибудь будет достроена, чтобы вместить всех обращенных язычников Африки и прилегающих континентов; коровник *ci devant*, в котором два престарелых священника нашли примитивное убежище после разрушения их прекрасных зданий *Маджимаджи*, школа для мальчиков и школа для девочек - две большие бамбуковые хижины в туземном стиле; и жилища местных учителей и пансионеров. Извилистый лабиринт на верхнем конце линии - это вершина горы с ее глыбами гнейса. Двое самых верхних альпинистов - это *киронгози*, или проводник, и один из наших людей, третий - капитан Эвербек, а четвертый - я. Окружного комиссара легко узнать по эполетам с двумя звездочками, обозначающими его воинское звание, которые относятся к униформе, которую носят при исполнении служебных обязанностей чиновники этого класса. Из всех атрибутов белого человека этот, по-видимому, производит наибольшее впечатление на сознание туземца, поскольку на каждом имеющемся у меня рисунке, где изображены офицеры, их ранг неизменно (и всегда правильно) обозначен количеством звездочек. Точно так же прирожденный рисовальщик никогда не ошибается в выборе нашивок на рукавах унтер-офицеров, черных или белых. Преимущества хорошо развитой корпорации здесь очевидны! Эвербек и Сейфрид примерно того же возраста, что и я, и наши размеры груди и другие параметры практически идентичны. Я полагаю, это должно быть причиной, по которой жители Линди, а позже и внутренних районов, повысили меня до звания капитана; в Линди я ходил под именем *Хоффмани мпья*, “новый капитан” (*гауптман*). Воспроизведенный здесь рисунок является свидетельством моего продвижения по службе, поскольку художник наградил эполетами меня, а также Эвербека. Фигуры, стоящие за нами, не имеют никакого значения, это всего лишь остальные члены нашей партии. Теперь, однако, наступает психологически примечательный момент; я фигурирую на снимке дважды: сначала с трудом взбираюсь на гору, а затем в величественной позе на вершине, фотографируя африканский пейзаж. Вы должны знать, что штатив, показанный на чертеже, - это штатив моей камеры размером 13 × 18 см. Зигзаги между его ножками - это латунные распорки, которые придают ему жесткость; длинная змеевидная леска - это резиновая трубка для спуска мгновенного затвора, которой, собственно говоря, я не мог воспользоваться из—за тумана, а фотографом, как уже говорилось выше, являюсь я сам. Люди, стоящие позади меня, - это мои личные помощники, которым обычно доверяют наиболее хрупкие части аппарата. Графическое воспроизведение этого восхождения не является большим достижением со стороны местного интеллекта, но, тем не менее, это очень важный документ для зарождения искусства в целом и для африканской точки зрения в частности. Для этнографа, как для любого другого человека, самые, казалось бы, незначительные вещи не лишены важности, и вот почему перспектива много месяцев без помех работать в этих условиях доставляет мне такое удовольствие.

Наше восхождение на гору Мтанди завершилось, по крайней мере на данный момент, торжественным завтраком, на который нас любезно пригласили два миссионера. Англичане, как хорошо известно, живут чрезвычайно хорошо в своей собственной стране; но и за границей, даже в глубине континента, они знают, как извлечь максимум пользы. Здесь я был впечатлен тем фактом, что Масаси, должно быть, “очень питательный район”, как сказал бы Вильгельм Раабе. Шампанского у нас, правда, не было — архидьякон Карнон поставил его

перед нами накануне в огромном кувшине для воды, извинившись за отсутствие бокалов для шампанского. Мы показали ему, что способны оценить его гостеприимство даже при отсутствии подобных изысков.

Однако самой веселой частью всей нашей экспедиции на Мтанди была поездка домой, а ученики Миссии трусили рядом с нами. Малыши выглядели достаточно воинственно со своими луками и стрелами и, казалось, горели желанием перекричать друг друга. Сначала я не мог понять, чего они хотят, но, добравшись до дома, то есть до нашего полицейского поста, я вскоре понял, что их целью было не что иное, как предложить мне все свое боевое снаряжение для моей этнографической коллекции. Но не в качестве подарка — раздавать вещи даром не в привычках негра, и в этом он похож на наших немецких крестьян. Напротив, эти молодые люди требовали баснословных цен за луки, которые они изготовили нарочно, чтобы продать их *мзунгу*, этому замечательному персонажу, который покупает всевозможный местный хлам. Я купил те из их товаров, которые показались мне подходящими для моих целей, и счел целесообразным, чтобы не разочаровать тех, чьи предложения были отклонены, раздать каждому по одной-две медных монеты из знаменитого кувшина, о котором мы снова услышим позже. Однако, прежде чем сделать это, я провел приятный эксперимент, поучительный для меня и очень приятный для молодежи Масаси, в форме соревнований по стрельбе из лука.

Сравнительная этнография в течение длительного времени занималась классификацией и анализом всей технической и умственной деятельности человека. Таким образом, несколько десятилетий назад американец Морзе,[12] установил, что все мужчины, которые стреляют или когда-либо стреляли из лука, владеют определенными способами его натягивания. Существует около полудюжины различных методов, которые настолько распространены по всему земному шару, что в некоторых местах известно, что один и тот же выброс (или “рыхлый”, как его технически называют) является общим для всей большой территории, в то время как в других местах могут наблюдаться самые резкие контрасты между соседними нациями или племенами. Можно было бы предположить, что в таком простом действии, как натягивание лука, не может быть никаких возможных различий; но эксперимент показывает обратное, и этот эксперимент я проводил снова и снова в ходе своих лекций.

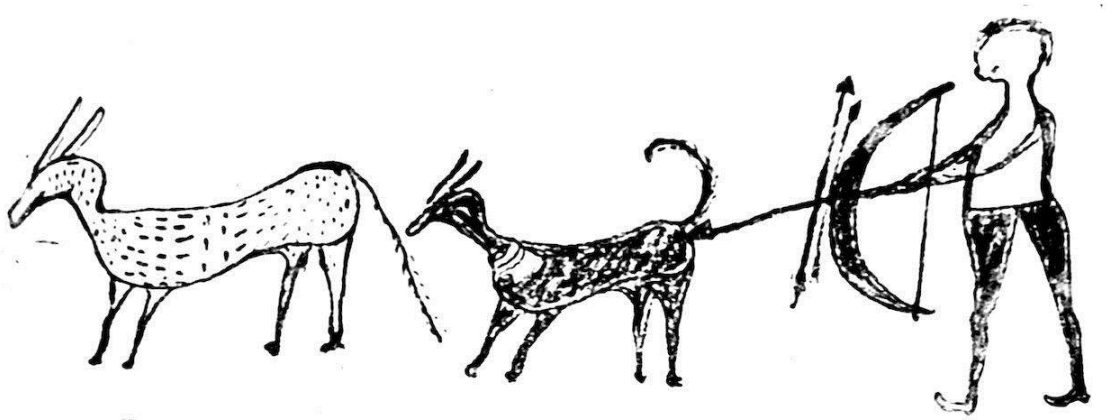
Тысяча шансов против одного, что любой немец (не принимая во внимание англичан и бельгийцев, которые все еще практикуются в стрельбе из лука в соответствии с правилами игры и могут отличить хорошую “болванку” от плохой), взяв лук в левую руку и взяв стрелу и тетиву в правую, зажмет насечку, когда она упирается в тетиву, между большим и указательным пальцами и, таким образом, лишь косвенно натянет тетиву с помощью стрелы. Это “болванка”, которую мы использовали на маленьких игрушечных луках нашего детства, - самое худшее, что только можно вообразить, поскольку любой, кто разбирается в других методах, может убедиться в этом с помощью каждого выстрела, который он пробует. Очевидно, что при умеренно сильном натяжении стрела должна выскользнуть из пальцев. Лучшим доказательством неполноценности этого конкретного “лука” является тот факт, что его очень редко можно встретить среди тех слоев человечества, которые все еще используют лук как серьезное и эффективное оружие, будь то на войне или охоте. Они справляются с этим совсем другим способом. Только там, где лук служит средством выживания и используется только как игрушка детьми (самым консервативным классом общества), как, например, среди нас, этот метод, совершенно бесполезный для эффективного выстрела, практикуется просто потому, что лучшего не известно.

Если бы я счел необходимым взять мальчиков из миссии Масаси за стандарт для оценки культуры расы, я должен был бы сказать, что и здесь лук является средством выживания,

поскольку девять десятых всего населения стреляет так же, как наши мальчики дома, но с одним отличием: мы держим лук горизонтально, африканские мальчики - вертикально, стрела лежит с левой стороны тетивы между указательным и средним пальцами. Только десятая часть от общего числа использовала другое слово “свободно”, и это, что достаточно примечательно, были мальчики постарше, которые, следовательно, очевидно, переняли с собой в христианство значительную дозу старого африканского консерватизма.

Мое соревнование было организовано не столько для того, чтобы зафиксировать количество попаданий и промахов, сколько для наблюдения за методом розыгрыша; но, несмотря на это, я должен сказать, что маленькие лучники показали себя отнюдь не безупречно. Это правда, что дистанции были короткими, и моя метка едва ли была маленькой, поскольку являлась копией *Tägliche Rundschau*; но большее количество людей посылало свои стрелы внутрь колец, которые я наспех нарисовал на этой импровизированной мишени. Они тоже гордились своим успехом, и когда я хвалил удачный выстрел, было приятно видеть торжествующие взгляды, которые маленький чернокожий герой бросал на своих восхищенных товарищей.

Что касается других методов, то, если бы мне задали этот вопрос в моей лейпцигской аудитории, я должен был бы ответить на него сразу. Как бы то ни было, я имею право воспользоваться привилегией исследователя и извиниться за то, что не могу давать дальнейшую информацию до тех пор, пока не соберу достаточный материал путем серии новых наблюдений. Я надеюсь удовлетворить жажду знаний моих читателей, когда пройду всю равнину к северу от Ровумы и, расположившись лагерем на прохладных высотах плато Маконде, найду время оглянуться назад и подвести итоги своих исследований. А пока —*до свидания, господа!*



ОХОТНИК МНЯСА С СОБАКОЙ. НАРИСОВАН САЛИМОМ МАТКЛА

ГЛАВА VI
МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ , УВИДЕННАЯ ИЗНУТРИ

Масаси, конец июля 1906 года.

Каждое нормальное человеческое существо - это ходячая демонстрация теории адаптации к окружающей среде. Я пробыл в Африке всего два месяца и всего лишь часть месяца в

глубинке, и все же я уже чувствую себя как дома. В конце концов, я едва ли мог поступить иначе. 21-го, когда мы прожили вместе всего несколько дней, мистер Эвербек ушел еще до рассвета, при свете фонаря, который несли перед ним сквозь темноту тропической ночи, чтобы приступить к более важным обязанностям в Линди, а именно к приему восьми делегатов рейхстага, которые теперь честно пустились в то отчаянное приключение, которое на протяжении многих месяцев заставляло нашу ежедневную прессу прославлять их героизм.

Нильс Кнудсен остается здесь как последняя реликвия цивилизации. Одного его имени достаточно, чтобы указать на его скандинавское происхождение, и он, по сути, светловолосый потомок викингов. Он присоединился к экспедиции так незаметно, что поначалу я едва заметил присутствие третьего европейца. В то время как Эвербек и я гордо маршировали во главе нашей длинной вереницы последователей, Кнудсен обычно замыкал шествие, и в лагере он скромно держался на заднем плане. Теперь, когда мы разместили нашу штаб-квартиру в Масаси, он стал заметным благодаря своей должности; предполагается, что он следит за порядком здесь и осуществляет некоторый надзор за местными властями. Необходимо ли это, я в настоящее время не могу судить, поскольку пока еще не имею представления о трудностях внутреннего управления в таком большом районе, как Линди. Однако человек, который знает страну так же хорошо, как Эвербек, вряд ли пошел бы на такую меру без веских на то оснований. Тем временем я убедил Кнудсена покинуть свою палатку — которая, судя по ее почтенному виду, должно быть, была оставлена Васко Да Гамой, когда он высадился в этой части Африки, как слишком запущенная, чтобы ее можно было забрать, — и переехать жить ко мне в дом отдыха. Теперь он поселился со своим скудным имуществом — двумя старыми жестяными сундуками, которые даже не кажутся полными, — в одной части просторной квартиры, в то время как я со своим княжеским нарядом проживаю в другой. Однако он с избытком вознагражден за скупость, с которой обошлась с ним судьба, добротой сердца и тонкостью чувств. Жизнь Кнудсена была достаточно полна приключений и в какой-то степени напоминает судьбу того английского моряка, который потерпел крушение среди аборигенов Юго-Восточной Австралии и был вынужден жить как дикарь среди дикарей. Моему светловолосому соседу жилось не так уж плохо, но у него было бы достаточно времени, чтобы “пофантазировать”, если бы он был так настроен. Насколько мне удалось что-либо выяснить о его личных делах, он начинал жизнь юнгой на борту торгового судна, с которого сбежал около десяти лет назад, когда оно стояло на якоре в гавани Мадагаскара. Несколько лет он бродил по этому острову и наконец нашел дорогу на материк, в глубинку Линди. Он говорит, что никогда не учился какому-либо ремеслу, но утверждает, что знает кое-что из очень многих и при случае может выступать в роли каменщика, строителя, плотника и слесаря. Действительно, он возвел все здания на рудниках Луизенфельде, далеко на юге, недалеко от Ровумы, которые я, возможно, еще смогу посетить, и был там главным фактотом до тех пор, пока они продолжали работать. С тех пор муниципалитет Линди назначил его главным инструктором промышленного училища, на этом посту он в настоящее время находится в отпуске.

ЧЕРЕЗ КУСТАРНИК ВО ВРЕМЯ КОЛЛЕКЦИОННОЙ ЭКСКУРСИИ

Наш образ жизни здесь, конечно, существенно отличается от того, что было на марше. Жизнь на марше всегда полна очарования, особенно в совершенно новой для тебя стране; а моя до сих пор была совершенно лишена недостатков. В книгах о путешествиях по Африке мы находим, что почти каждая экспедиция начинается с тысячи трудностей. Отправление назначено на определенный час, но носильщики так и не появляются, и когда, наконец, руководитель экспедиции с бесконечными усилиями собирает своих людей вместе, у них остается еще множество дел, с которыми нужно уладить, с женами и возлюбленными попрощаться, и еще много чего, и обычно они исчезают из поля зрения путешественников в первый же вечер. В моем случае с самого начала все шло как по маслу. Я не могу винить никого, кроме себя, за задержку отправления из Линди на четверть часа, которая была вызвана моим опозданием на завтрак. На второе утро *аскари* никак не могли справиться со сворачиванием палатки, и Мориц, несмотря на всю свою волю, не смог запихнуть мой походный фонарь в футляр, который, безусловно, был очень тугим. Но, за этими исключениями, мы все вели себя так, как будто были в дороге несколько месяцев. Любому, кто хочет плотно позавтракать первым делом по английской моде, не следует путешествовать по Африке. Я распорядился разбудить меня в пять. С точностью до минуты часовой тихо зовет в палатку: “*Амка, бвана*“ ("Проснись, сэр”). Я перекидываю обе ноги через высокий край походной кровати, похожей на корыто, и натягиваю свой костюм цвета хаки. Вода, которую Кибвана, выполняя свои обязанности горничной, предусмотрительно поставила на ночь у двери палатки, приобрела освежающую прохладу при низкой температуре тропической ночи в сухой сезон. Тень европейца за его туалетом резко очерчена на полотне горящей лампой, которая, однако, не ограничивает своим освещением своего владельца, а отбрасывает круг света на сияющие коричневые лица носильщиков и *аскари*. Первые заняты тем, что увязывают свои пожитки для марша, в то время как солдаты готовы броситься на палатку, как тигр на свою добычу, как только белый человек закончит одеваться и выйдет. В мгновение ока палатка складывается, без единого слова или лишнего движения; это разделение труда в лучшем смысле этого слова, выполненное безупречно. Тем временем

путешественник подходит к своему походному столику, торопливо делает глоток чая, какао или любого другого своего любимого напитка, съедая при этом кусок хлеба, испеченного им самим, и теперь готов к походу. “*Тайари?*” (“Готов?”) его голос разносится над лагерем. “*Bado*” (“Пока нет”) - неизменный ответ. Это любимое слово африканского слуги всегда произносят одни и те же ленивые или неуклюжие члены партии. Новичок поначалу позволяет ввести себя в заблуждение, но через несколько дней он больше не обращает внимания на “*Бадо*”, а выкрикивает свое “*Сафари!*” (буквально “Путешествие!”) или (как я быстро представил) “*Лос!*”[13] в целом по группе он смело взмахивает своей тростью в воздухе, тем самым указывая двум ведущим *аскари* направление марша, и дневная работа началась.

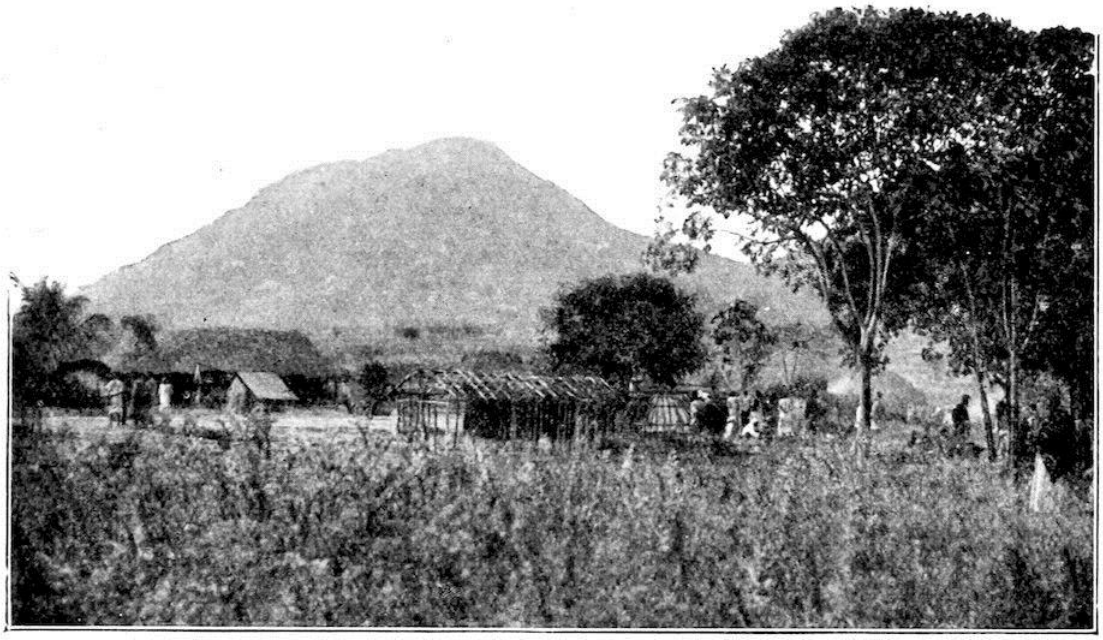
Я не знаю, как другие племена привыкли вести себя в момент старта, но мои ваньямвези, безусловно, не должны ни удерживать, ни связывать в таких случаях. С очевидным трудом каждый поднимает свою ношу на голову или плечо и стоит на своем месте, сгибаясь под тяжестью. При слове команды поднимается шум, который невозможно описать. Вся сдерживаемая энергия их глоток разносится по безмолвному лесу; крепкие палочки стучат в диком, неровном ритме по деревянным ящикам, и, увы! также на жестяных коробках, которые служат отличным резонатором. Шум адский, но это проявление радости и наслаждения. Мы отправляемся! и, оказавшись на марше, ваньямвези чувствуют себя в своей стихии. Вскоре хаос шума приводится к некоторому порядку; эти люди обладают бесконечно тонким чувством ритма, и поэтому грохот постепенно превращается в нечто вроде марша, исполняемого под аккомпанемент барабана, перед очарованием которого не могут устоять даже ноги *аскари*— в остальном слишком величественные для таких детских выходок.

ГОТОВ К МАРШУ (МАСАСИ)

О! как прекрасны эти ранние утра в тропиках! Сейчас уже перевалило за шесть часов; ночная тьма быстро уступила место коротким сумеркам рассвета; первые яркие лучи позолотили легкие облака, плывущие по небу, и внезапно диск солнца во всем своем

удивительном величии поднимается над горизонтом. Быстрыми, энергичными шагами, по-прежнему в тесном строю, процессия спешит через залитый росой кустарник, двое солдат в авангарде, словно в военной экспедиции; затем, через некоторое время, мы, европейцы, сразу же за нами следуют наши личные слуги с ружьями, походными фляжками и складными стульями. Затем идет основная группа солдат, за ними длинная вереница носильщиков и солдатских мальчиков, и, наконец, чтобы поддерживать отстающих на должном уровне, а также помогать всем, кто упадет от истощения или болезни, два солдата замыкают шествие. Достойной восхищения фигурой является *мнямпара*, или староста. Его положение в некотором смысле чисто почетное, поскольку он получает жалованье ни на фартинг не больше, чем самый низкий из его подчиненных. Возможно, даже это выражение не следует использовать; он скорее *primus inter pares*. *Мнямпара* повсюду. Он впереди, когда хозяин посылает за ним, и он возвращается в самый конец очереди (которая становится длиннее с каждым часом марша), если есть больной, нуждающийся в его помощи. В таком случае он, естественно, сам несет груз мужчины и благополучно доставляет его в лагерь. Мне кажется, что я сделал необычайно счастливый выбор в пользу Песа мбили. Он молод, как и подавляющее большинство моих людей, вероятно, между 23 и 25 годами, с темнокожим цветом лица, с заметными негроидными чертами и каким-то кошачьим блеском в глазах; он всего лишь среднего роста, но необычайно силен и мускулист; он говорит на ужасающем суахили — намного хуже моего — и при этом он сокровище. Дело не только в том, что он несравненный певец, чей приятный баритон никогда не дает покоя ни на марше, ни в лагере, но и в том, что он досконально понимает организацию лагерной жизни, распределение задач и руководство своими людьми. Требования, предъявляемые к такому человеку к концу дневного марша, достаточно трудны.

Восхитительная утренняя прохлада давно уступила место ощутимо высокой температуре; белый человек сменил свою легкую фетровую шляпу или еще более легкую дорожную шапочку на тяжелый тропический шлем, а обнаженные тела носильщиков покрыты блестящим лаком. Они, которые жаждали тепла с тех пор, как проснулись, дрожа от холода, у лагерного костра в четыре часа, теперь достигли цели своих желаний; им тепло — очень тепло, — и белому человеку будет лучше идти во главе каравана, в противном случае он найдет возможности более чем приятными для изучения предмета “расовые запахи”. Через два или два с половиной часа наступает первый привал. Европеец кричит, требуя свой складной стул, и садится, наблюдая, как поднимается и опускается на землю длинная вереница грузов. Путешественника здесь ждет скромный завтрак из пары яиц, куска холодного мяса или нескольких бананов, но носильщики, отправившиеся в путь без еды, неуклонно постятся. Кажется непостижимым, что эти люди способны маршировать в течение многих часов с грузом в шестьдесят или семьдесят фунтов, практикуя такое воздержание, но они вполне довольны тем, что это так. В более поздние часы дня, это правда, они начинают слабеть, их шаги становятся медленнее и короче, и они все больше и больше отстают от личных “мальчиков”, которым не нужно нести тяжелые грузы. И все же, когда они наконец добираются до лагеря, они такие же веселые и жизнерадостные, как и ранним утром. Тот же шум — хотя теперь из горла певцов вырываются совсем другие слова — оглушает европейца, который уже давно сидит на привале. Моя компания, похоже, одержима магазином “Сентрал” в Дар-эс-Саламе, где они поступили ко мне на службу; они празднуют это просторное здание заключительной песней своего сегодняшнего марша.

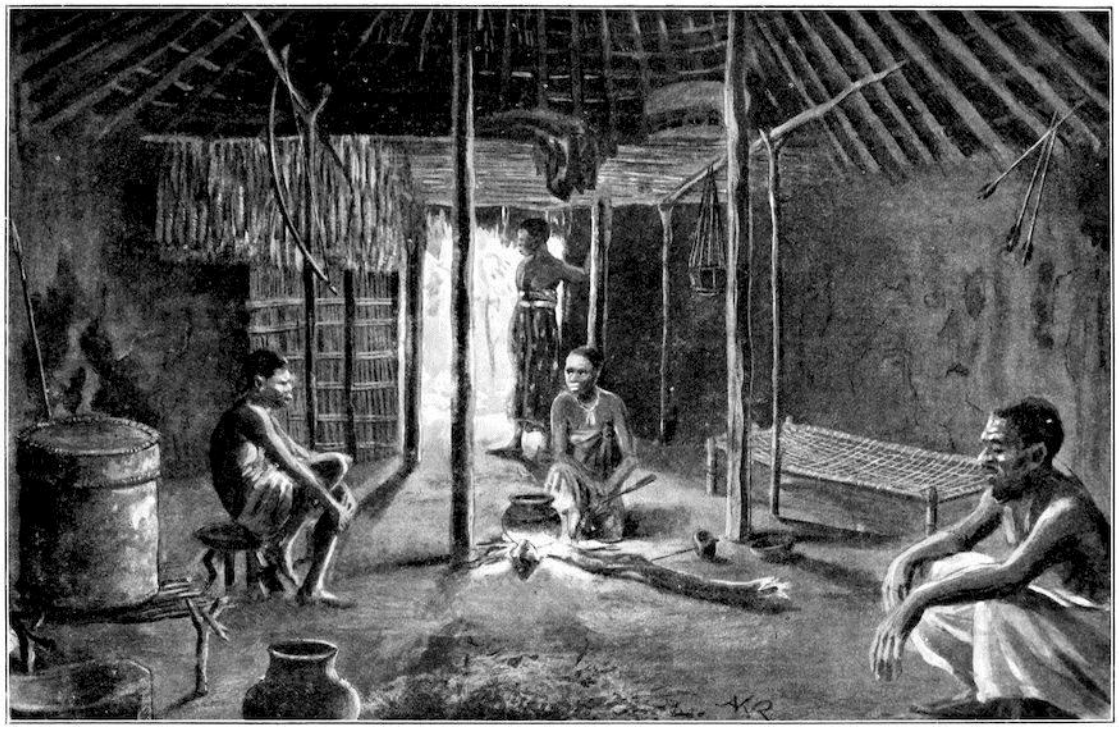


ЛАГЕРЬ В МАСАСИ

Обязанности моих последователей — будь то мальчики, *аскари* или носильщики — ни в коем случае не заканчиваются, когда они добираются до лагеря. К тому времени, как они подошли, руководитель экспедиции уже осмотрелся в поисках места для установки своей палатки - дело, которое, как мне кажется, требует особых дарований. Основные принципы, которые следует иметь в виду, заключаются в том, что он должен находиться в пределах досягаемости хорошей питьевой воды и свободен от вредных насекомых, таких как клещи, комары и мокрицы. Второй момент, но который ни в коем случае нельзя упускать из виду, - это положение шеста палатки по отношению к движению солнца, а затем тень от покрытых листвой деревьев, если это возможно. Я считаю, что проще всего нарисовать контур палатки на песчаном грунте после того, как место будет тщательно подметено, указав место, где я хочу, чтобы была дверь, разрывом линии. Этого вполне достаточно для моего командира-капрала. Едва двое несчастных, чьи плечи отягощены моим тяжелым шатром, поднимаются, тяжело дыша, когда поклажа развернута, и в мгновение ока каждый воин занимает свою позицию. “Раз, два, три!” - и оба шеста оказываются на своих местах, а в следующее мгновение я слышу удары молотка по колышкам палатки. Пока это происходит, два мальчика, Мориц и Кибвана, развлекаются с моей кроватью. Это занятие, кажется, представляет для них верх наслаждения, потому что кажется, что оно никогда не закончится. Ни ругань, ни угрозы не могут ускорить их движения. Кажется, что их обычно медлительный мозг стал абсолютно вялым. Механически они устанавливают остов кровати; механически они расстилают на нем пробковый матрас и одеяла; таким же унылым, апатичным способом они, наконец, устанавливают каркас противомоскитной сетки. Солдаты ушли задолго до того, как двое моих джентльменов снизошли до того, чтобы отнести кровать в палатку.

Мои перевозчики тем временем нашли себе работу по душе. Нужно набрать воды для всего каравана, развести костры и обеспечить санитарные требования лагеря; а к тому времени, когда приходит их очередь, полдень уже давно миновал, и они могут жить своей жизнью в течение часа или двух. Даже сейчас нельзя сказать, что они наслаждаются роскошью. Эта южная часть территории Германии очень бедна дичью, и в любом случае у меня нет времени на охоту, так что это мясо - почти неизвестный пункт в меню моего народа. *Угали*, всегда *угали*— крутая каша из пшена, кукурузы или маниока, сваренная почти до стекловидной

консистенции, а затем сформованная ложкой для размешивания в виде пудинга — является основным продуктом их питания изо дня в день.



ИНТЕРЬЕР МЕСТНОЙ ХИЖИНЫ В ДОЛИНЕ РОВУМА

Здесь, в Масаси, все поменялись ролями; мои люди хорошо проводят время, в то время как я едва могу выкроить минутку для себя. Мои сопровождающие разместились довольно роскошно, они переехали в *баразу* или дом совета слева от моих роскошных покоев и обустроили его на местный манер. Негр не любит общую квартиру; ему нравится устраивать себе маленькое гнездышко отдельно. Делается это быстро: два или три горизонтальных шеста устанавливаются в качестве строительных лесов по всему периметру проектируемой хижины, затем к ним привязывается толстый слой длинной африканской травы, и для каждого из них готово уютное место, прохладное днем и теплое ночью. Носильщики, с другой стороны, построили себе хижины на открытом пространстве напротив моего жилища, довольно простые и аккуратные, но, к моему удивлению, вполне в стиле масаи — ни круглых хижин, ни *тембе*. О круглой хижине я расскажу полностью позже, но на случай, если кто-то не знает, что такое *тембе*, я скажу здесь, что лучшее представление о ней можно получить, разместив три или четыре железнодорожных вагона под прямым углом друг к другу, так что они образуют квадрат или параллелограмм дверьми внутрь. Этот *тембе* встречается на большей части северной и центральной части Германской Восточной Африки, от Уньямвези на западе до побережья на востоке и от бассейнов Эяси и Маньяра на севере до Ухехе на юге. Наконец, хижину масаи лучше всего сравнить со стволом с круглой вершиной. Хотя рост масаи, как всем известно, обычно превышает шесть футов, их хижины, которые (что вполне соответствует образу жизни владельцев-скотоводов *par excellence*) аккуратно и ароматно обмазаны коровьим навозом, настолько низки, что даже человек нормального роста не может стоять в них прямо. Мои ваньямвези, однако, никогда не пытаются встать в своих хижинах; напротив, они весь день лениво валяются на своих кучах соломы.

Моя деятельность становится все более напряженной. Тропический день короток, он длится всего двенадцать часов от конца года до конца года, так что человек должен использовать его как можно полнее. На рассвете, который, конечно же, наступает в шесть, все

отправляются в путь, завтрак быстро разносится, а затем начинается рабочий день. Это начало достаточно любопытно. Каждый, кто командовал африканской экспедицией, должно быть, испытал на себе настойчивость местных жителей, приписывающих ему медицинские навыки и познания, и каждое утро я нахожу длинный ряд пациентов, ожидающих меня. Некоторые из них - мои люди, другие - жители Масаси и его окрестностей. У одного из моих носильщиков были тяжелые времена. В Восточной Африке груз перевозчика обычно упаковывается в кейс American petroleum. Это легкий, но прочный деревянный ящик размером около двадцати четырех дюймов в длину, двенадцати в ширину и шестнадцати в высоту, первоначально предназначавшийся для хранения двух банок "керосина". Банки обычно отделялись от корпуса, чтобы продолжать полезное и уважаемое существование в качестве рабочей утвари в каждом доме на суахили; в то время как корпус без банок используется, как указано выше. Только один из моих чемоданов остался верен своему первоначальному назначению и отправился с полным комплектом масла на плечах Мнямвези Кази Улая.[14] Честный парень решительно шагает вперед. "Жарко", - думает он. "Я начинаю потеть. Что ж, в этом нет ничего страшного; остальные делают то же самое.... Здесь действительно очень жарко!" - восклицает он через некоторое время. "Даже моя *мафута я Улайя*, мое европейское масло, начинает пахнуть". С течением дня запах становится сильнее, а носильщик - влажнее, и когда в конце марша он опускает свой ароматный груз, то испытывает двойное чувство облегчения, поскольку сам груз за последние шесть часов необъяснимо стал легче. Наконец истина доходит до него и его друзей, и к счастью, ни у кого из них нет спичек, потому что, если бы одна из них чиркнула рядом с Кази Улайей, весь человек вспыхнул бы, настолько он был пропитан запасами мистера Рокфеллера.

Следует ли это объяснять сильным чувством дисциплины или почти невероятной апатией, факт остается фактом: этот человек не сообщил о себе в первый день, когда обнаружил, что банки протекают, но на следующее утро спокойно поднял свою ношу и безропотно понес ее к следующему месту остановки. Несмотря на то, что Кази Улайя снова плавал в керосине, его душевное спокойствие даже сейчас не было бы нарушено, если бы не тот факт, что появились симптомы экземы, которые вызывали у него некоторое беспокойство. Поэтому он представился словами, которые туземец всегда использует, когда с ним что-то не в порядке и он просит помощи у всемогущего белого человека — "*Дава, бвана*" ("Лекарство, сэр"), и многозначительно, но без признаков возмущения указал на свое состояние. Тщательная обработка водой с мылом, по-видимому, была рекомендована в первую очередь для удаления налета грязи, накопившегося за семь дней марша. Справедливости ради следует сказать, что такое положение вещей было исключительным из-за нехватки воды, поскольку личная чистоплотность Кази Улайи была выше среднего. Затем я смазал его ланолином, большую банку которого, к счастью, захватил с собой. Сейчас пациент постепенно справляется со своей болезнью.

Другой случай дает небольшое представление о разрушении, вызванном джиггером. Один из мальчиков-солдат, необычайно высокий Маараба из страны за Суди, каждое утро приходит за *давой*, у которого сильно поврежден большой палец на ноге. Как ни странно, в настоящее время в моей аптечке нет ни едкого сублимата, ни йодоформа, единственным заменителем является бульварная пресса с борной кислотой. Я должен сделать с ними все, что в моих силах, но мои пациенты, нравится им это или нет, привыкли наносить мое слабое дезинфицирующее средство при несколько высокой температуре. В случае с такими беспечными парнями, как этот Маараба, который должен благодарить свою собственную ленивую апатию за потерю ногтя на пальце ноги (который совершенно исчез и заменен большой изъязвленной раной), горячая вода, в конце концов, является заслуженным наказанием. Он каждый раз визжит, как заколотая свинья, и клянется всеми своими богами,

что отныне будет присматривать за *фунсой* с самой неослабевающей бдительностью, для укрепления которой его господин и повелительница, донельзя раздосадованные ребяческим поведением этого великана, награждает его парой сильных, но доброжелательных тумаков.

Что касается здоровья коренных жителей масаси, я пока предпочитаю не высказывать своего мнения. Понимание, полученное в ходе моих утренних консультаций, небрежности или беспомощности местных жителей в отношении гигиены, только укрепляет мою решимость изучить другие районы, прежде чем выносить решение. Я ограничусь здесь тем, что скажу, что способность негров сопротивляться пагубному влиянию своего коварного континента ни в коем случае не так велика, как мы обычно представляем себе в чрезмерно утонченном окружении нашей цивилизованной жизни. В частности, младенческая смертность, по-видимому, достигает такого уровня, о котором мы не можем составить ни малейшего представления.

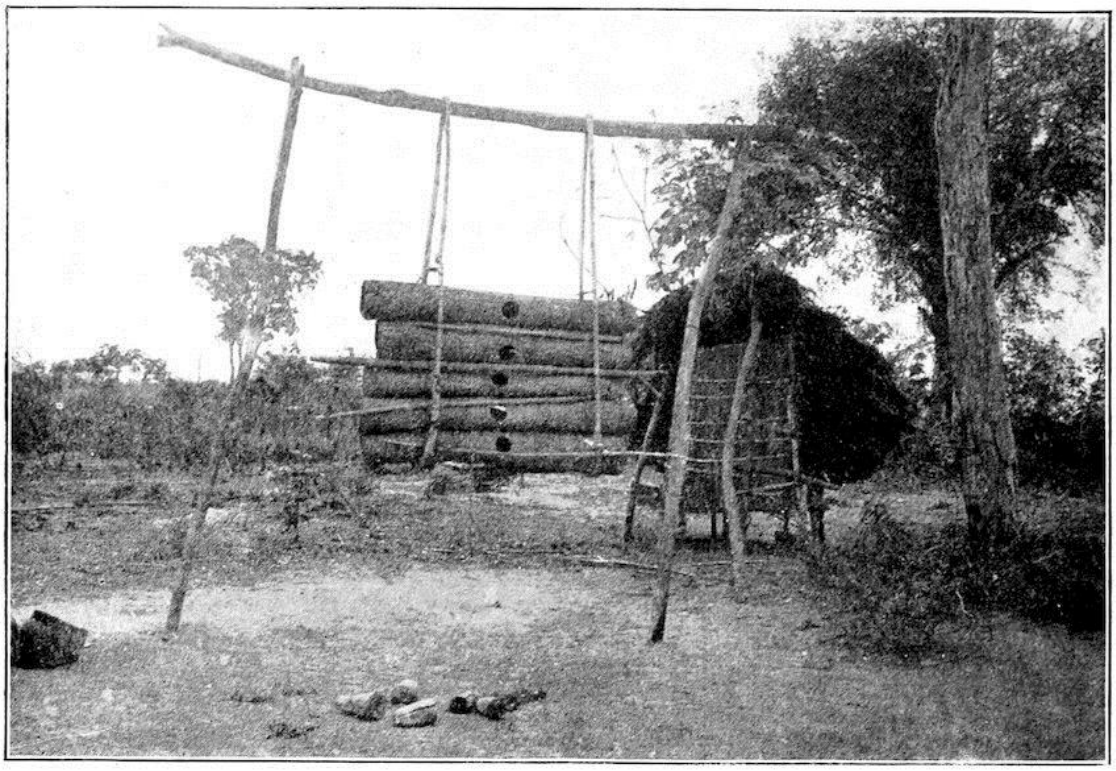
После осмотра моих пациентов начинается настоящая повседневная работа, и я марширую по стране в образе Диогена. В первые несколько дней я заползал в туземные хижины, вооруженный всего лишь коробком спичек, что было очень романтично, но не соответствовало моей цели. Я никогда раньше не мог представить себе, что подразумевается под египетской тьмой, но теперь я знаю, что этот эпитет используется просто по принципу *pars pro toto*, и что это явление относится ко всему континенту, и его можно получить самого лучшего качества здесь, на равнине к западу от плато Маконде. В хижинах туземцев полностью отсутствуют окна - особенность, которая может показаться нам непрогрессивной, но на самом деле является результатом длительного опыта. Местный житель хочет, чтобы в его доме было прохладно, и может сделать это, только исключив температуру снаружи. По этой причине он не любит открывать входную и заднюю двери своего дома одновременно и заставляет соломенную крышу выступать наружу и вниз далеко за пределы стен. Мой фонарь для конюшни, который Мориц среди бела дня таскает по стране, вызывает большое развлечение у аборигенов, и, по правде говоря, наш поступок вполне мог бы показаться эксцентричным любому, кто не знает о нашей цели. Однако в темноте интерьера хижины они находят свое полное оправдание. Сначала следует вежливая просьба от меня или от мистера Кнудсена к владельцу о разрешении осмотреть его владения, которая удовлетворяется с такой же вежливостью. За этим следует энергичный обыск по комнатам и отсекам, из которых, к моему удивлению, состоят здешние жилища. Они не отличаются элегантностью, поскольку такое понятие еще полностью чуждо туземному сознанию; но они безукоризненно свидетельствуют об образе жизни заключенных. В центре, на полпути между двумя дверями, находится кухня с очагом и самыми необходимыми домашними принадлежностями и припасами. Очаг сам по себе прост: три камня размером с человеческую голову или, возможно, всего лишь комочки земли из муравейника кладутся под углом 120 ° друг к другу. На них, в окружении других горшков, над тлеющим костром стоит большой глиняный горшок с неизбежным *угали*. Среди них повсюду валяются половники, или ложки, и “лопаточки” для размешивания каши. Над камином, в пределах досягаемости дыма, находится помост, сооруженный из пяти или шести раздвоенных шестов. На поперечных палочках уложены кочаны проса плотными, равномерными рядами, а под ними, подобно сосискам в коптильне немецкого фермерского дома, подвешено множество самых крупных и отборных початков кукурузы, к этому времени покрытых блестящим слоем сажи. Если это не защитит их от насекомых, то ничто другое не защитит; ибо такова конечная цель всего процесса. В умеренных регионах Европы наука может быть озабочена сохранением семян кукурузы в состоянии, способном прорасти до посева; но здесь, в тропической Африке, с ее всепроникающей влажностью,

всепожирающими насекомыми и другими разрушителями и, наконец, с ее нехваткой подходящего и постоянного строительного материала, такое сохранение семян является искусством практической пользы. Одной из моих задач, и не в последнюю очередь желанной, будет тщательное изучение этого искусства во всех его деталях.

Что касается экономики этих туземцев, их борьбы с непокорной природой страны и их заботы о завтрашнем дне, я жду, чтобы высказать свое мнение, пока не приобрету более полного опыта. В литературе, посвященной этнологии и национальной экономике, у нас есть длинный ряд работ, посвященных классификации человечества в соответствии с формами и стадиями его экономической жизни. Само собой разумеется, что мы занимаем высшую ступень; все авторы сходятся в одном: мы взяли в аренду цивилизацию во всех ее проявлениях. Что касается устройства других рас и наций, то здесь нет двух единодушных авторов. Учебники кишат описаниями варварских и полуварварских народов, оседлых и кочевых, племен охотников, пастухов и рыболовов, мигрирующих племен и племен собирателей. Одна группа занимается своим экономическим искусством на основе традиции, другая - на основе врожденного инстинкта, наконец, у нас есть даже животная стадия экономики. Если все эти классификации сложить в общую посуду, в результате получится блюдо со многими ингредиентами, но безвкусное в целом. Его главной составляющей является глубокое презрение к тем, кого мы можем назвать “народами природы”.[15] Эти книги создают впечатление, что негр, например, живет впроголодь и в своей божественной беспечности не думает даже о сегодняшнем дне, не говоря уже о завтрашнем утре.

Реальность совершенно иная, здесь и в других местах, но здесь в особой степени. В Северной Германии современный интенсивный стиль ведения сельского хозяйства характеризуется амбарами, неравномерно расположенными по полям, а в совсем недавнее время - скирдами для зерна, и то, и другое с момента появления передвижной молотилки сделало старый амбар на приусадебном участке практически бесполезным. Здесь земледелие отличается только степенью, а не принципом; здесь также миниатюрные амбары беспорядочно разбросаны по *шамбам*, или садам; в то время как другие продовольственные склады, которые удивляют нас своим количеством и размерами, находятся рядом с усадьбой и на ее территории. Если мы осмотрим дом изнутри при свете фонаря, то обнаружим во всех его отделениях большие глиняные кувшины, герметично закупоренные глиной, в которых хранятся молотые орехи, горох, фасоль и тому подобное, а также аккуратно сделанные цилиндры из коры длиной около ярда, также покрытые глиной и хорошо утрамбованные, для хранения кукурузы, проса и других видов зерна. Все эти сосуды, как наружные, так и внутренние, устанавливаются для защиты от насекомых, грызунов и сырости на стеллажах или платформах из дерева и бамбука высотой от пятнадцати дюймов до двух футов, обмазанных глиной и опирающихся на толстые раздвоенные шесты. Уличные продуктовые лавки часто имеют значительные размеры. Они напоминают гигантские грибы, а их соломенные крыши выступают далеко за пределы бамбуковых или соломенных конструкций, которые всегда обмазаны грязью внутри и снаружи. У некоторых есть дверца по окружности, как у наших цилиндрических железных печей; у других вообще нет отверстия, и если владелец хочет вынуть содержимое, ему приходится наклонять крышу с одной стороны. Для этого он должен подняться по лестнице самой примитивной конструкции — паре бревен, какими бы кривыми они ни были, с перекинутыми через них полосками бамбука на расстоянии ярда друг от друга. Я не могу рисовать эти приборы без улыбки, и все же, несмотря на их примитивный характер, они демонстрируют определенный дар технического изобретательства.

Для нас, европейцев, содержание голубей является очень приятной чертой деревенского хозяйства в этих краях. Почти в каждой усадьбе, которую мы посещаем, есть одна или несколько голубятен, сильно отличающихся от нашей, но все же хорошо подходящих для их назначения. Самая простая форма - это цилиндр из цельной коры, изготовленный путем снятия коры целиком с среза дерева средней толщины. Концы скрепляются палками или плоскими камнями, посередине прорезается отверстие для входа и выхода птиц, а ящик крепится на высоте примерно пяти-шести футов над землей или подвешивается (но это не так часто) как перекладина на специально сделанной подставке. Последнее устройство особенно безопасно, поскольку не дает доступа паразитам. По мере размножения птиц владелец добавляет цилиндр к цилиндру, пока они не образуют своего рода стену. Ближе к закату он или его жена подходят к голубятне, встреченные дружелюбным воркованием изнутри, поднимают с земли кусок дерева, обрезанный до нужного размера, и закрывают им отверстие первого ящика из коры, проделывая то же самое со всеми остальными по очереди, а затем оставляют их на ночь, убедившись, что до них не доберется ни дикая кошка, ни другой мародер.



ГОЛУБЯТНЯ И ЗЕРНОХРАНИЛИЩЕ

За последние несколько дней я выяснила, почему на моих обходах так мало мужчин. Поселения здесь едва ли заслуживают названия деревень — они слишком разбросаны для этого; лишь время от времени из одной хижины можно мельком увидеть другую. Обзор также загораживают поля маниока, ветви которого, хотя и очень раскидистые, нелегко разглядеть из-за густо растущей сочной зеленой листвы. Теперь, когда кукуруза и просо собраны, на полях остались только этот и *горох бази*. Таким образом, может случиться так, что придется полностью довериться протоптанным тропинкам, ведущим от одной хижины к другой, чтобы быть уверенным, что ничего не пропустишь, или ориентироваться по звукам, неотделимым от каждого человеческого поселения. В Масаси нет недостатка в подобных звуках, и на самом деле я слежу за ними почти каждый день. Гуляя по стране с Нильсом Кнудсеном, я слышу звуки, похожие на то, как веселится компания за утренним напитком — голоса становятся все громче и громче, и кричат все вместе, невзирая на парламентские правила. Внезапный

поворот тропинки приводит нас лицом к лицу с попойкой, и, действительно, очень веселой , если судить по настроению гостей и количеству и размерам *горшочков с помбе*, которые были полностью или частично опорожнены. Тишина, которая следует за нашим появлением, подобна тишине, вызванной камнем, брошенным в пруд, где квакают лягушки. Только когда мы спрашиваем: “*Помбе нзури?*” (“Пиво хорошее?”) хор хриплых глоток выкрикивает в ответ: “*Нзури кабиса, бвана!*” (“Действительно, очень хорошее, сэр!”)

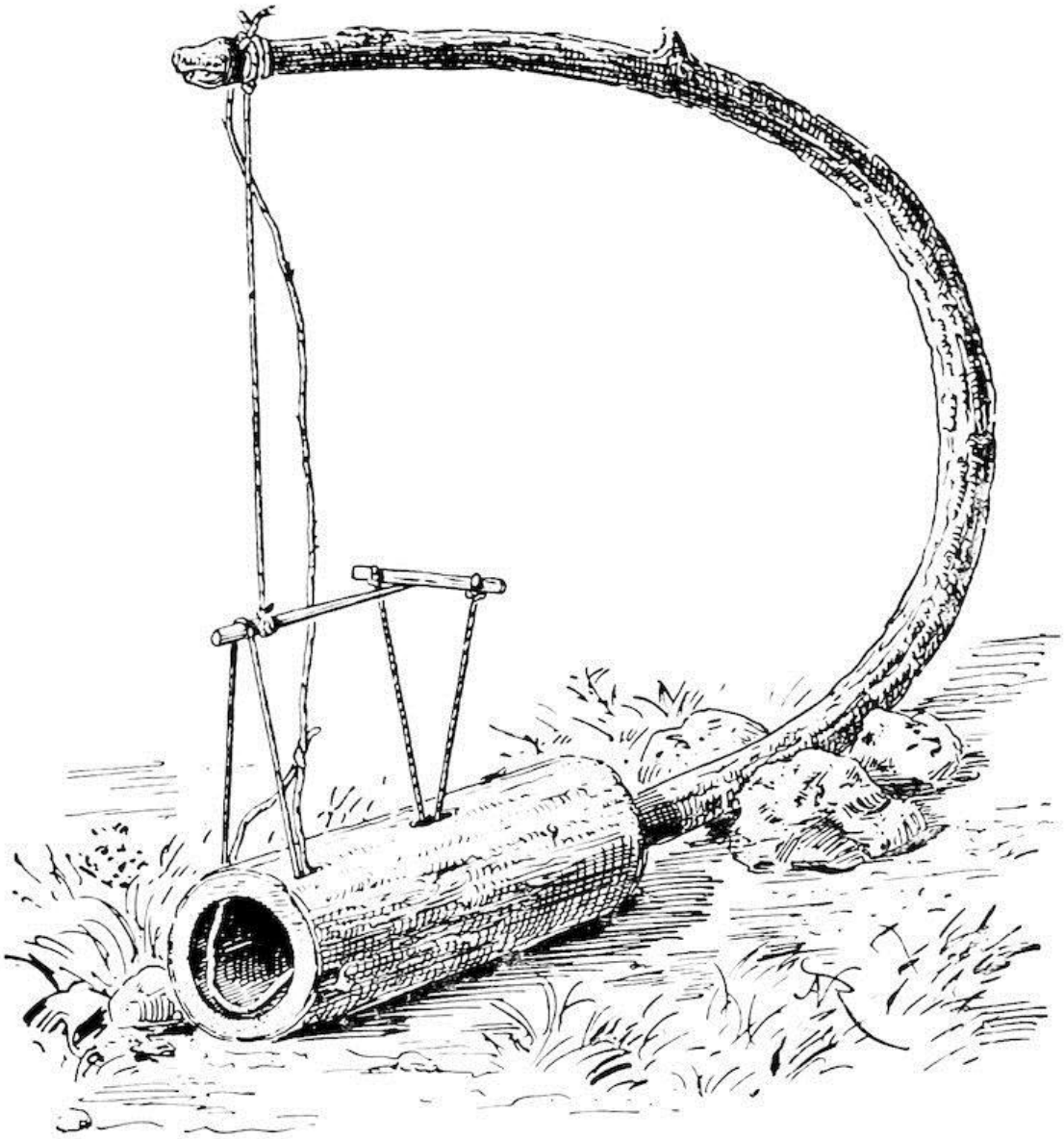
Что касается этой *помбы* — что ж, мы, немцы, не в состоянии оценить свои привилегии, пока неблагодарно не повернемся спиной к собственной стране. В Mtua, нашем втором лагере после Линди, нам, трем европейцам, в качестве почтительного подношения принесли огромный глиняный кувшин восточноафриканского напитка. В то время я не смог оценить грязновато-серую жидкость; не то что наши мужчины, которые прикончили шесть галлонов или около того в мгновение ока. В Масаси, опять же, жена вождя племени ньяса Масекера Матола — чрезвычайно милая женщина средних лет - настояла на том, чтобы прислать нам с Кнудсеном такой же гигантский кувшин вскоре после нашего приезда. Мы чувствовали, что не может быть и речи о том, чтобы отказаться от подарка или выбросить его, и поэтому с мрачной решимостью приготовились к испытанию. Сначала я окунул один из двух моих стаканов в мутную массу и поднял его, наполненный жидкостью, по цвету мало чем отличающейся от нашего пива Лихтенхайн, но совсем другой консистенции. Густая мука заполнила бокал почти доверху, оставив настоящего, прозрачного “Лихтенхайнера” толщиной примерно в палец. “Так не годится!” Я зарычал и крикнул Кибване, чтобы она принесла чистый носовой платок. Он достал один после, казалось бы, бесконечных поисков, но мои попытки использовать его в качестве фильтра оказались бесплодными — ни одна капля не просочилась. “Бесполезно, материал слишком плотно сплетен. *Летэ санда*, Кибвана” (“Принеси кусок савана!”) Этот приказ звучит достаточно шокирующе, но не свидетельствует о какой-либо исключительной черствости с моей стороны. *Санда* - это название на суахили дешевого, небеленого и хорошо выделанного ситца (также называемого *bafta*), который, собственно говоря, обычно используется местными жителями для заворачивания трупов перед захоронением. Следовательно, этот материал пользуется большим спросом, и путешественникам, отправляющимся в глубь страны, не мешало бы иметь при себе его тюк. После промывки повязка становится немногим лучше нитяной сетки, и вполне можно ожидать, что она послужит фильтром.

Однако я обнаружил, что не могу процедить через это *помбе* — несколько скудных капель стекли вниз, и все. Попробовав свои ситечки для чая и кофе, столь же безуспешно, я в отчаянии сдался и выпил напиток так, как он стоял. Я обнаружил, что у него был легкий привкус муки, но в остальном он ни в коем случае не был плохим и действительно очень напоминал мои студенческие годы в Йене — на самом деле, я думаю, что со временем я смог бы к нему привыкнуть. Мужчины Масаси, похоже, слишком хорошо к этому привыкли. Я далек от того, чтобы завидовать достойным старейшинам за их дружеский бокал после тяжелой работы по сбору урожая, но очень тяжело, что моя учеба страдает от этого постоянного веселья. Невозможно собрать сколь-нибудь значительное количество мужчин для перекрестного допроса на предмет их племенного сходства, обычаев. Более того, те немногие, кто может примирить это со своими обязанностями и склонностями отделиться на время от своих странствующих попоек, не склонны придавать большое значение правде. Даже когда на днях я послал за группой этих веселых алкоголиков, чтобы они показали мне свои методы плетения корзин, результат был весьма неудовлетворительным — они немного плели в моем присутствии, но были совершенно неспособны подробно описать местные названия своих материалов и приспособлений — утренний напиток был слишком обильным.

Хорошо известно, что у большинства, если не у всех, африканских племен существует обычай после обильного сбора урожая добавлять часть своих запасов злаков в пиво и потреблять его оптом в таком виде. Это, вероятно, больше, чем что-либо другое, породило мнение, что туземец всегда растрачивает свое имущество во время изобилия и, как следствие, впоследствии едва не умирает с голоду. Это правда, что наших чернокожих друзей нельзя назвать свободными от определенной степени “божественной беспечности” — налета, если не больше, микоберизма, — но было бы несправедливо осуждать их на основании одного-единственного признака. Я уже подчеркивал трудности, с которыми сталкивается местный земледелец при хранении семян кукурузы на зиму. Было бы еще труднее сохранить гораздо большее количество продуктов питания, собранных при сборе урожая, в состоянии, пригодном для употребления, в течение примерно восьми или девяти месяцев. То, что он пытается это сделать, видно по многочисленным зернохранилищам, окружающим каждую сколько-нибудь важную ферму, но то, что он не всегда добивается успеха и поэтому предпочитает избавляться от той части своего урожая, которая в противном случае была бы потрачена впустую, сочетая полезное и приятное, доказывается уже упомянутыми утренними и вечерними пивными напитками, которые, при всем их громком веселье, достаточно безвредны. Между прочим, они отличаются от пьянства в европейских трактирах тем, что проводятся в доме каждого мужчины по очереди, так что каждый в одном случае является хозяином, а в другом - гостем — в целом весьма удовлетворительный порядок.

Мои трудности вызваны другими причинами, помимо хронически ошеломленного состояния мужчин. Во-первых, это проблемы, связанные с фотографией. В Европе любитель только радуется яркому солнечному свету, и даже если свет будет немного ярче, чем необходимо, от деревьев и домов будет достаточно тени. У нас в Африке ничего подобного нет — деревья не высокие и не тенистые, кусты не зеленые, а дома на гребне хребта никогда не превышают двенадцати футов в высоту. К этому добавляется положение солнца на небе на высоте, которая воздействует на человека ощущением сверхъестественного, с девяти утра до трех часов дня, и интенсивность света, которую лучше всего оценить, пытаясь сопоставить кожу туземцев с цветами по шкале Фон Лушана. Нет ничего среднего между сверкающим светом и глубокой черной тенью — как при таких обстоятельствах создать художественные тарелки, наполненные атмосферой и чувствами?

Для темной комнаты я пытался использовать Масаси *бома*. Это единственное каменное здание во всей округе, построенное для хранения продовольствия, чтобы предотвратить повторение голода среди местных жителей и, что еще важнее, сделать гарнизон независимым от поставок извне в случае нового восстания. В нем всего один этаж, но стены построены прочно, с простыми бойницами вместо окон, а плоская крыша из отбитой глины очень прочная. В этом чуде архитектуры уже сложены бесчисленные мешки с просом нового урожая и горы хлопка-сырца. Я использовал оба этих продукта, заделав хлопком все щели и взяв мешки с зерном, чтобы сидеть на них, а также в качестве опоры для моего стола, который до сих пор был неотъемлемой частью хлопкоочистительного станка, заброшенного на территории комплекса, оплакивающего кораблекрушение, в которое он превратил свое существование. Наконец, я закрыл дверь комбинацией толстых соломенных циновок, сделанных моими носильщиками, и несколькими одеялами со своей кровати. Таким образом, я могу развиваться в крайнем случае даже днем, но после непродолжительной работы в этой квартире атмосфера становится настолько удушающей, что я рад сбежать от нее и заняться другой деятельностью.



КРЫСОЛОВКА

Во время одной из моих первых прогулок здесь я наткнулся на аккуратное сооружение, которое, как мне объяснили, называлось “*tego ya ngunda*” — ловушка для голубей. Это система палочек и тонких бечевок, одна из которых прикреплена к прочной ветке, согнутой в полукруг. Я с юности интересовался всеми механическими приспособлениями, и еще больше интересуюсь в случае, подобном этому, когда у нас есть возможность получить представление о более ранних стадиях эволюции человеческого интеллекта. Поэтому, вернувшись в лагерь, я созвал всех своих людей и как можно больше местных туземцев и обратился к собранию с заявлением о том, что *мзунгу* чрезвычайно стремятся обзавестись всевозможными ловушками для всех видов животных. Затем последовало обещание хороших цен на хорошие и аутентичные образцы, и речь завершилась словами “*Nendeni na tengenezeni sasa!*” (“А теперь уходи и придумывай свои хитроумные изобретения!”).

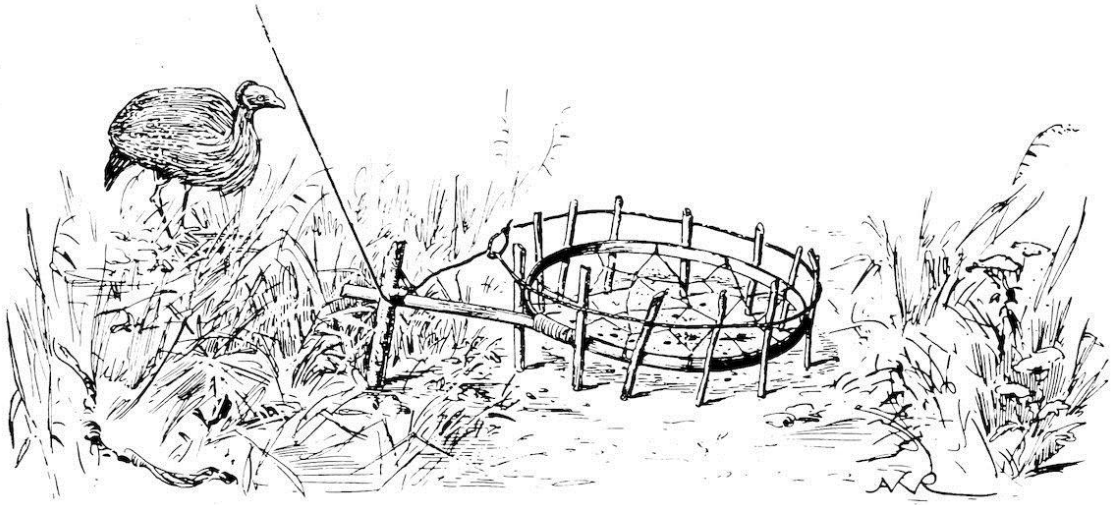
Как они торопились в тот день, и с каким рвением все мои люди с тех пор приступили к работе! До сих пор я считал, что все мои носильщики были ваньямвези — теперь я нахожу, благодаря комментариям, которыми каждый из них снабдил свою работу, что мои тридцать человек представляют несколько разных племен. Большинство из них, конечно, ваньямвези, но наряду с ними есть несколько васукума и маниема и даже настоящий мнгони из Рунсеве,

представитель того доблестного племени зулу, которое несколько десятилетий назад проникло из далекой Южной Африки на территорию нынешней Германии и продвинуло одну из его групп — тех самых Рунсеве вангони - до юго-западного угла Виктория-Ньянза. Что касается *аскари*, то, хотя их всего тринадцать, они принадлежат не менее чем к двенадцати различным племенам, от далекого Дарфура в Египетском Судане до яо в Португальской Восточной Африке. Все эти “верующие” ломали голову, чтобы вспомнить и еще раз попрактиковаться в искусстве своего детства, и теперь они приходят и устанавливают на открытом, солнечном пространстве рядом с моим роскошным жилищем результаты своих непривычных интеллектуальных усилий.

Литература не приписывает типичному земледельцу большого мастерства охотника и траппера; предполагается, что его толика интеллекта полностью поглощена уходом за своими полями, и наша теоретическая мудрость предполагает, что никто, кроме племен типа бушменов, пигмеев и австралийских аборигенов, не способен ловко убивать дичь в лесу или степи или ловить ее с помощью искусной стратагемы в хитро придуманной ловушке. И все же насколько далеко зашло это мнение о школах! Среди племен района, который я изучаю, макуа считаются хорошими охотниками, и в то же время они, как и все остальные, в основном являются типичными земледельцами с мотыгой -*т.е.* людьми, которые год за годом продолжают обрабатывать примитивной мотыгой землю, с трудом возделанную. Несмотря на их сельскохозяйственные привычки, их ловушки сконструированы с удивительной изобретательностью. Форма и действие этих ловушек достаточно очевидны из прилагаемых эскизов; но на случай, если какой-либо читатель совершенно лишен способности “технического зрения”, я могу добавить для его же пользы, что все эти смертоносные приспособления основаны на одном и том же принципе. Те, что предназначены для четвероногих, устроены так, что животное при ходьбе или беге вперед ударяется мордой о тонкую сетку или ногой о тонкую веревку. Сетка или бечевка при этом прижимаются вперед, верхний край сетки скользит вниз, но конец бечевки немного смещается в сторону. В любом случае это движение освобождает конец рычага — небольшой палочки, которая до сих пор, как достаточно ясно из рисунка, удерживала ловушку на месте. Он мгновенно соскальзывает со своей опоры и при этом ослабляет натяжение дерева или изогнутой палки, действующей как пружина, которая при откате вверх туго затягивает искусно закрепленную петлю на шее животного, которое затем задушено до смерти. Ловушки аналогичной конструкции, но еще более жестокие, расставлены для крыс и им подобных, и, к сожалению, такая же хитрость и мастерство применяются для преследования птиц. Возможно, мне представится другая возможность обсудить эту сторону жизни туземцев; она, безусловно, заслуживает внимания, поскольку едва ли есть какая-либо область, где способность к изобретательству, присущая даже примитивному уму, проявляется так ясно, как в этом аспекте борьбы за существование.

ЛОВУШКА ДЛЯ АНТИЛОП

Психологический интерес представляет поведение туземцев перед лицом моей собственной деятельности в этой части моей задачи. Когда мы, двое европейцев, заканчиваем наш скромный ужин, Нильс Кнудсен укладывается на заслуженную *сиесту* и храп моих воинов доносится скорее ритмично, чем гармонично из соседней *баразы*, я сижу под палящим солнцем, как лишенный тени Шлемиль, лишь слегка защищенный большим из двух моих шлемов, и рисую.



ЛОВУШКА ДЛЯ ЦЕСАРКИ

ЛОВУШКА ДЛЯ КРУПНОЙ ДИЧИ

Способность сделать быстрый и точный набросок любого объекта несколькими штрихами - это то, ценность чего для научного исследователя невозможно переоценить. Фотография, безусловно, замечательное изобретение, но в деталях исследовательской работы, проводимой изо дня в день, она может подводить чаще, чем можно было бы ожидать, и не только в темноте внутри хижины, но и снова и снова при дневном свете на открытом воздухе.

Итак, я сижу и рисую. Ни малейшего дуновения воздуха — вся природа, кажется, спит. Мое перо тоже начинает уставать, когда я слышу шум прямо у себя за спиной. Беглый взгляд показывает мне, что импульс всеобщего человеческого любопытства победил даже первобытную силу негроидной лени. Это вся группа моих носильщиков в сопровождении нескольких местных жителей. Они, должно быть, поднимались очень тихо, поскольку могли легко передвигаться босыми ногами по мягкой песчаной почве. В настоящее время вся толпа в величайшем волнении заглядывает мне через плечо. Я не позволяю им мешать мне; штрих за штрихом, работа близится к завершению, — наконец-то она закончена. “*Савасава*?” (“Это похоже?”) - Нетерпеливо спрашиваю я, и ответный хор “*Ndio*” (“Да”) кричат мне в уши с энтузиазмом, который угрожает разорвать барабанную перепонку. - *Кизури?*(“Это прекрасно?”) “*Кизури сана кабиса*” (“Действительно, очень хорошо”), они кричат в ответ еще громче и с энтузиазмом; “*Веве фунди*“ ("Ты мастер своего дела”). Эти льстивые критики - мои художники, которые, попрактиковавшись, как можно предположить, знают, о чем говорят; немногие *ваченци*, неграмотные варвары, лишенные Музы, присоединились к хору только из стадного инстинкта, они и есть стадный скот.

Теперь мы попытаемся найти практическое применение. Я поднимаюсь со своего складного стула, принимаю ораторскую позу и сообщаю своим ученикам по искусству, что, поскольку

они теперь видели, как я, *фонди*, принялся за рисование ловушки, им было бы желательно заняться более сложной темой, подобной этой. Продолжать рисовать их друзей, деревья, дома и животных - скучная работа; а они такие умные ребята, что ловушка для птиц, несомненно, им по силам. Я уже упоминал о смущенном недоумении, с которым я столкнулся, когда начал учиться в Lindi. Здесь оно было еще более заметным и общим. Это произвело определенное впечатление, что идея того, что мы называем перспективой, впервые стала ясна умам людей. Они явно пытались выразить что-то в этом роде своими словами и жестами друг другу; они водили пальцами по странно укороченным изгибам, которые на самом деле обозначали круги, — короче говоря, они находились в присутствии чего—то нового - чего-то неизвестного и невообразимого, что, с одной стороны, заставляло их осознавать свою интеллектуальную и художественную неполноценность, а с другой, притягивало их, как магнит, к моему альбому для рисования. Ни один из них до настоящего времени не пытался устроить ни одну из этих ловушек.

Путешественники прежних времен, побывавшие в землях, менее удовлетворительно исследованных, чем Немецкая Восточная Африка, находили трудности бартера не последней из своих проблем. Не так много лет назад Стэнли отправился в свои исследования с сотнями тюков различных тканей и бесчисленными видами бус, и даже при этом не было уверенности, подойдут ли туземцы конкретного региона, через который они проходили; не говоря уже о том, каким образом эта примитивная валюта увеличивала количество носителей, необходимых для каждой экспедиции. В Немецкой Восточной Африке, где Колониальная администрация так часто подвергалась несправедливым нападкам, белый человек теперь может путешествовать почти так же легко, как у себя дома. Его аккредитив, действительно, действителен только до побережья, но если его поручение, как у меня, носит официальный характер, каждая станция и даже каждый небольшой пост, располагающий любыми правительственными средствами, имеют приказ предоставить путешественнику кредит при соблюдении им определенных простых формальностей и снабдить его наличными. Объяснить это несложно: тот факт, что наши рупии в ходу на побережье, вынуждает все племена, живущие в глубине страны, перенимать их, нравится им это или нет. Я привез с собой из Линди пару больших мешков с рупиями, половинками и четвертью рупии, а также на неотложные нужды несколько ящиков *heller*.[16] Эта медная монета, давно вышедшая из употребления в Германии, была отчеканена для обращения в нашей колонии, но туземцев не побудили принять ее, и они, как и прежде, ведут счет по пай—монетам - яйцо стоит одну пайсу (*песа*), и этого достаточно — никто не думает вычислять цену в хеллерах. Монета также не пользуется популярностью у белых жителей, которые высмеивают ее введение и используют слабые каламбуры в ее названии — один из самых бедных каламбуров основан на имени нынешнего директора таможни, которое, оказывается, совпадает с ним.

Однако я нахожу, что местные жители отнюдь не прочь принять эти презираемые монеты, когда у них появляется такая возможность. Когда мы бродим по деревням, за Морицем с фонарем следует Мамбо саса, мнгони, несущий на своей лохматой голове большую банку с блестящими медными монетами, недавно отчеканенными в Берлине.

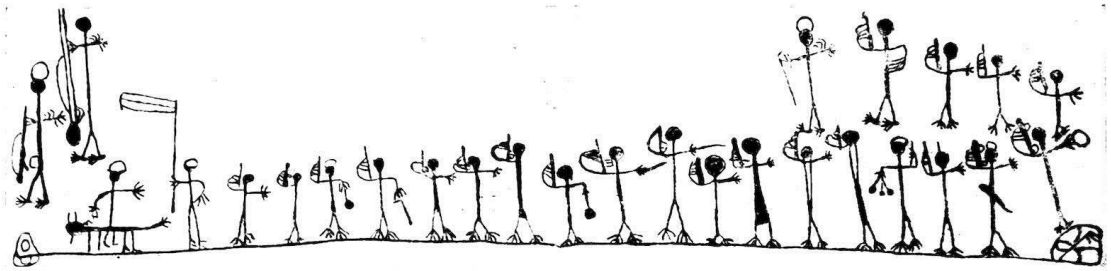
После долгого, но не утомительного осмотра всех апартаментов в туземных дворцах я возвращаюсь к дневному свету, ослепленный тропическим солнцем. С сочувственными смешками мои телохранители — те из моих людей, которые всегда со мной и быстро поняли, со свойственной туземцу сочувственной интуицией, чего именно я хочу, — следуют за мной, волоча за собой кучу разного имущества. Наконец приходят хозяин дома и его жена, пребывающие в состоянии смешанного ожидания и сомнения. Теперь начинается торг, по

сути не сильно отличающийся от того, что происходил в гаванях Неаполя, Порт-Саида, Адена и Момбасы. “*Киаси гани?*“ ("Какова цена?”) - спрашивает один из них с показной беспечностью, включая всю стопку в одобрительный взмах руки. Счастливый владелец ценностей, очевидно, не понимает этого, поэтому он широко открывает рот и ничего не говорит. Я должен попробовать его с другой стороны. Я подношу к его глазам какую-то статью и спрашиваю: “*Nini hii?*“ ("Что это?”), что оказывается весьма эффективным. Моя следующая обязанность - представить себя снова в лекционном зале во время моего первого семестра в колледже и с величайшим усердием записать слова не ученого профессора, а грубого, неграмотного *мшензи*. К тому времени, когда я узнаю все, что хочу знать, - название, назначение, способ производства и способ использования вещи, - местный житель, наконец, сможет и захочет установить розничную цену. До настоящего времени я встречался с двумя крайностями: одни продавцы требуют целые рупии, *рупию тату* (три) или *рупию нне* (четыре), совершенно независимо от характера товара, выставленного на продажу, — другие, с такой же последовательностью, *сумму* в качестве единой цены. Это четверть рупии — денежная единица германской Восточной Африки, чрезвычайно привлекательная на вид серебряная монета, немного меньше нашей монеты в полмарки или английского шестипенсовика. Возможно, именно его практичность, а также, в частности, незапятнанный блеск моих новоиспеченных образцов, объясняют это предпочтение. Следует отметить одну вещь, которая очень выгодно отличает этих людей от уже упомянутых портовых бандитов. Ни один из них не возмущается, когда ему предлагают десятую или двадцатую часть того, что он просит. С совершенным спокойствием он либо постепенно снижает свои требования, пока не будет достигнуто справедливое соглашение, либо при первом предложении говорит: “*Lete*” (“Отдай это”). В этот момент Мориц и мой кувшин с медяками выходят на авансцену. Мальчик быстро снял кувшин с головы своего друга Мамбо саса. Взглядом знатока он улавливает состояние наших финансов, а затем расплачивается с достоинством, если не быстротой кассира столичного банка. Остальные товары продаются примерно таким же образом. Это занимает больше времени, чем мне хотелось бы; но этого не следует избегать.

Когда закупка последнего куска завершена, мои разносчики с удивительной ловкостью, которой я так часто восхищался, одним движением руки упаковали добычу в большие и компактные свертки. Испытующий взгляд по сторонам в поисках объектов для фотосъемки, еще один, последний взгляд на домовладельца, посмеивающегося про себя над своим недавно приобретенным богатством, а затем энергичное “*Ква хери*” (“До свидания”), и фонарь с кувшином уходят своей дорогой. Мы только-только устроились в нашем здешнем доме, когда нас навестил сын вождя, Салим Матола, очень высокий и чрезмерно стройный юноша лет семнадцати-восемнадцати, великолепно одетый в европейский жилет и очень дружелюбный. С тех пор он почти не отходил от меня; он все знает, все может сделать, все находит и, к моей радости, все мне приносит. Он делает лучшие капканы, показывает мне, с какой дьявольской изобретательностью его соотечественники устанавливают прутья из извести, играет на всех инструментах как мастер и добывает огонь сверлением так быстро, что поражаешься силе его хрупкого телосложения. Одним словом, он - сокровище для этнографа.

Только одна вещь, кажется, неизвестна моему юному другу, и это работа. У его отца, Масекеры Матолы, о котором уже упоминалось, есть очень просторная группа хижин и обширные сады. Выполняет ли старый джентльмен когда-либо какую-либо заметную работу на этом участке своими руками, я не в состоянии судить, поскольку в настоящее время он наиболее усердно занят потреблением пива; но при каждом посещении я замечал, как женщины семьи усердно убирают последний урожай. Один только молодой принц, кажется, стоит выше любого плебейского занятия. Его руки определенно не выглядят возбужденными,

а мускулы оставляют желать лучшего. Он идет по жизни своей неторопливой дорогой с радостным сердцем и жизнерадостным духом.



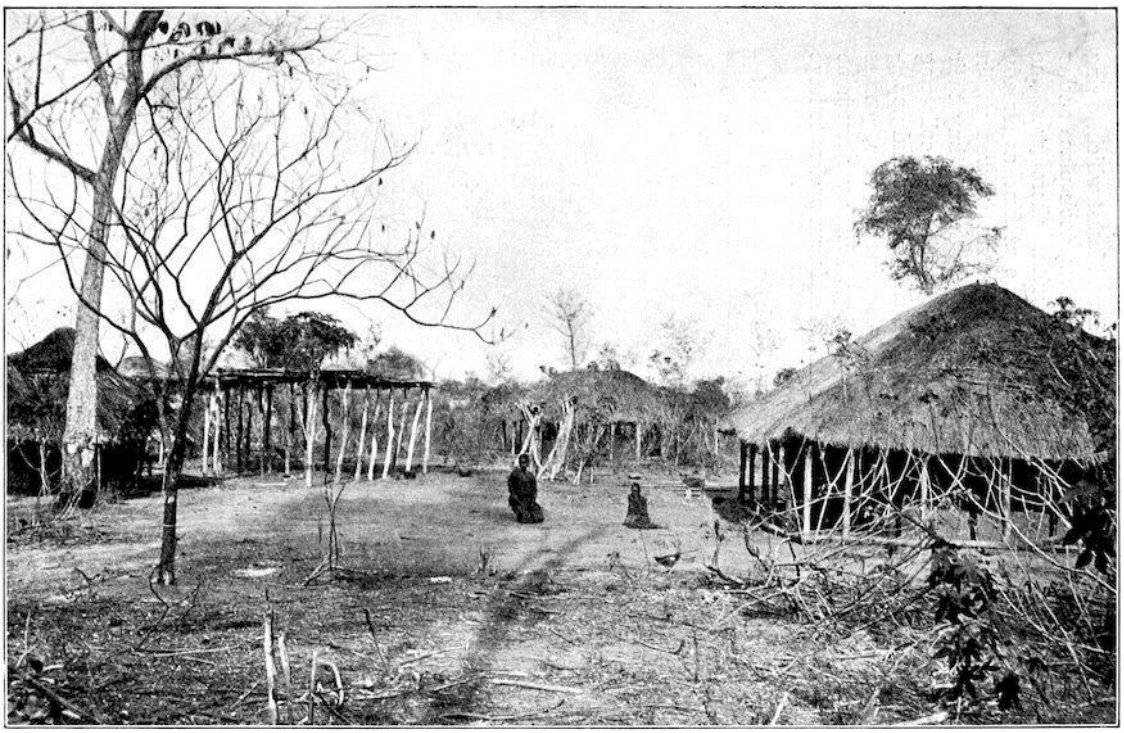
МОЙ КАРАВАН В ПОХОДЕ. НАРИСОВАН ПЕСОЙ МБИЛИ

ГЛАВА VII
МОЙ КАРАВАН В ПОХОДЕ На ЮГ

Чингулунгулу, начало августа 1906 года.

Не очень легко найти мое нынешнее жилище на карте. Масаси и его точная широта и долгота были известны мне много лет, но об этом месте со странным названием,[17], куда я ехал на своих колышках для палатки несколько дней назад, я даже не слышал до того, как въехал на территорию внутренних племен.

Одна черта является общей для всех восточных городов: их красота на расстоянии и разочарование, ожидающее тех, кто переступит порог их стен. Кнудсен только и делал, что бредил Чингулунгулу с тех пор, как мы добрались до Масаси. Он заявил, что его *бараза* является высшим достижением восточноафриканской архитектуры, что здесь в изобилии есть вкусная вода, изобилие всех видов мяса и непревзойденные фрукты и овощи. Он превозносил его население, состоящее, по его словам, исключительно из высокородных джентльменов и хорошеньких женщин, а также его хорошо построенные, просторные дома. Наконец, его расположение, по его словам, делало его удобным центром для экскурсий по равнине во всех направлениях. Я пробыл здесь слишком мало времени, чтобы проверить все детали этой ярко окрашенной картины на подлинность, но в одном я уже убедился: ни место, ни люди не настолько райские, как хотел бы заставить меня поверить восторженный Нильс.



УСАДЬБА ЯО В ЧИНГУЛУНГУЛУ

Чтобы рассказать о своих впечатлениях в надлежащем порядке, я должен, однако, вернуться к нашему отъезду из Масаси, который из-за целого ряда неблагоприятных обстоятельств состоялся раньше, чем первоначально планировалось. Начнем с того, что изменилось отношение жителей, которые поначалу, как уже говорилось, проявляли величайшее дружелюбие и самым любезным образом позволили нам осмотреть их дома и купить домашнюю утварь. В своих более поздних экспедициях по зарисовкам и коллекционированию я повсюду натыкался на закрытые двери и, по-видимому, заброшенные жилища. Этот феномен также относится к области расовой психологии. Какую бы выгоду ни извлекали для него визиты иностранца, африканец предпочитает иметь свою собственную хижину в полном распоряжении.[18]

Во-вторых, в ходе длительного проживания мы начали обнаруживать недостатки наших помещений в доме отдыха. Кнудсен, который очень чувствителен в этом отношении, настаивал на том, что там было влажно, и вскоре мы обнаружили, что подземные воды, которые действительно выходили на поверхность в виде большого источника на склоне холма немного ниже дома, были неприятно близко к нашему полу. Даже на марше от побережья Кнудсен время от времени страдал от приступов лихорадки. Теперь они стали настолько частыми и серьезными, что он был едва пригоден для работы. Его верный старый слуга Али ухаживал за ним с самой трогательной преданностью и не отходил от его постели ни днем, ни ночью.

Я сам неоднократно замечал странное раздражение кожи головы, причину которого я не мог обнаружить, несмотря на неоднократное обследование. Однажды, спеша из фотолаборатории в туалет с несколькими мокрыми тарелками в руке, я почувствовал сильный дискомфорт в своих жидких локонах и крикнул Морицу, чтобы он снял с меня шляпу и посмотрел, нет ли чего внутри. Он повиновался, тщательно осмотрел шляпу изнутри и снаружи и, продолжив свои исследования под подкладкой, посерел лицом и воскликнул с явным ужасом: “*Вадуду вабайя!*”[19] Дело стало интересным, я отложил тарелки и начал тщательное расследование находки Морица, которая, как оказалось, состояла из множества

разнообразных животных с примесью более крупных существ, напоминающих клещей. Это было несколько поразительно. Я приехал в Африку с совершенно спокойным умом в отношении малярии — клянусь Кохом, я ничего не боюсь. Но рецидивирующая лихорадка - это совсем другое дело. В Дар-эс-Саламе я достаточно наслушался об этом последнем открытии великого берлинского бактериолога и о том, как оно производится неприметным насекомым, похожим на клеща, которое зарывается в почву на всех участках, сколько-нибудь продолжительное время занятых местными жителями. Мне сказали, что москитная сетка является достаточной защитой от взрослых *папаси*, как их называют, но не от их многообещающего потомства, которое может беспрепятственно проскользнуть сквозь тончайшую сетку. Более того, говорили, что этот особый вид лихорадки особенно мучителен — вы никогда не были серьезно больны, но все же никогда не были по-настоящему здоровы или пригодны для работы; и ничто, даже хинин, не помогало предотвратить повторение приступов каждые несколько дней. Неудивительно, что при виде этих *вадуду вабайя* в форме клещей я тоже побледнел при мысли о позорном конце, который, возможно, ожидает мое предприятие еще до того, как оно будет хорошо начато.

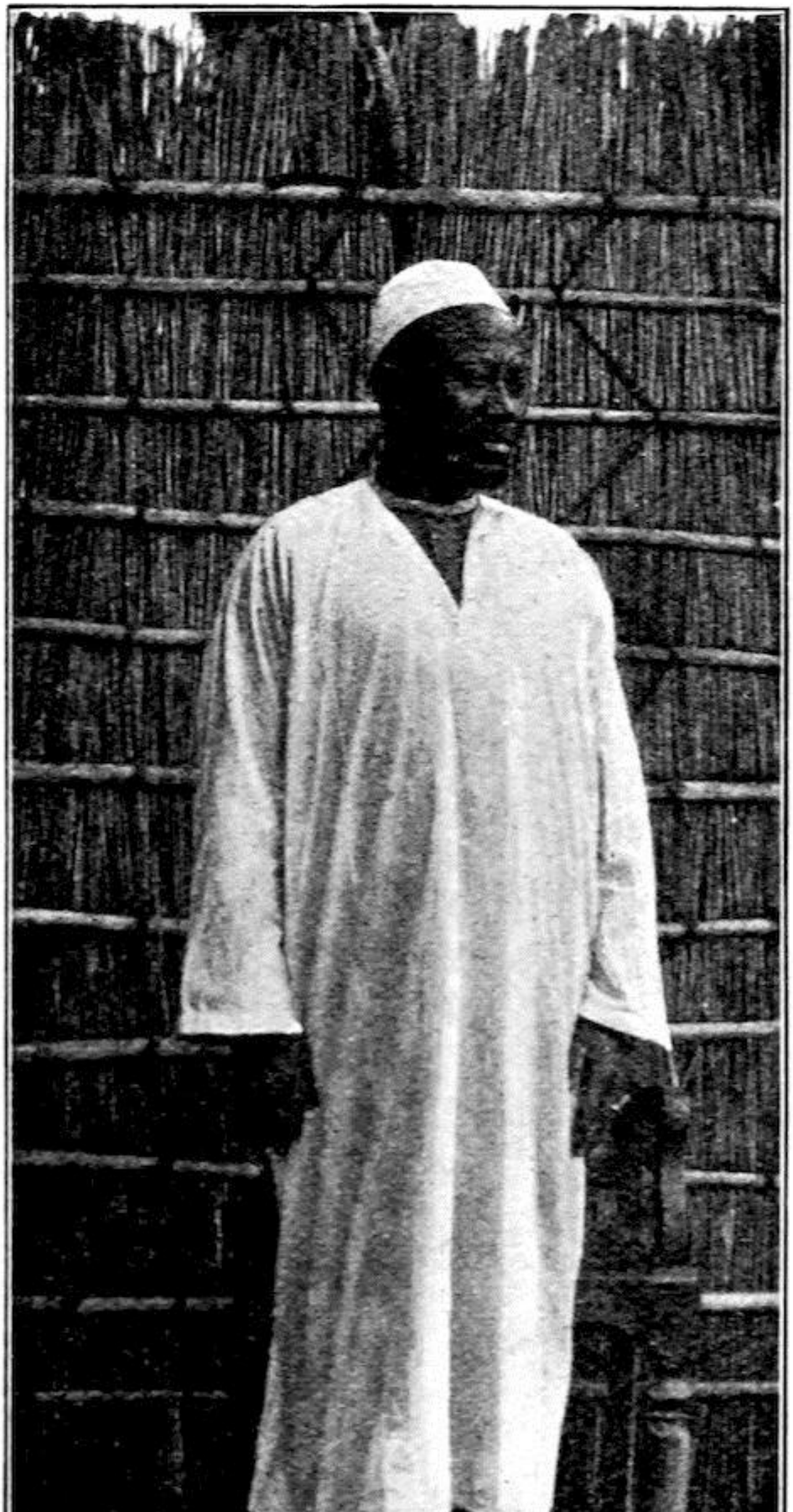
Я уже выяснил, что Масаси не был обителью всех добродетелей и что значительный процент солдат, составлявших гарнизон в *боме*, страдали венерическими заболеваниями; но инцидент, ускоривший наш отъезд, заключался в следующем. *Акида*, или местный староста (бывший сержант полевых войск), был владельцем небольшого стада крупного рогатого скота и своим добродушием, которое является одной из самых ярких черт африканского характера, заслужил мою самую горячую благодарность, присылая мне каждый день маленькую баночку молока. Через некоторое время мы услышали, и с каждым повторением слух становился все определеннее, что *акида* был прокаженным. Я не могла отказаться от молока, которое продолжало поступать регулярно и оказалось очень кстати для исправления моих карандашных рисунков.

ВОЖДЬ ЯО МАТОЛА

В своей совокупности перечисленные пороки могут означать не больше, чем последовательность булавочных уколов; но даже такое незначительное вмешательство в благополучие человека может в конце концов заметно уменьшить удовольствие от жизни. Учитывая достопримечательности Чингулунгулу в качестве дополнительного стимула, неудивительно, что между первым предложением о том, что нам следует мигрировать на юг, и нашим фактическим отъездом прошло всего день или два. Со своей обычной обезьяньей ловкостью мои носильщики однажды вечером упаковали большую кучу образцов в удобные для них пакеты, и так же быстро был отдан приказ Салеху, капралу, командующему *аскари*, и Песе мбили, руководителю носильщиков: “*Сафари* завтра в шесть!”

После Матолы, вождя племени Яо в Чингулунгулу, ни один мужчина в стране не упоминается так часто в устах мужчин, как его прославленный коллега и соплеменник Накам из Чиваты в северо-западной части плато Маконде. Европейцы на побережье не пришли к единому мнению относительно того, кто из этих двух вождей более могуществен. Однако в глубине страны местные жители, похоже, гораздо больше уважают Матолу, чем вождя Чиваты. Тем не менее, я счел абсолютно необходимым посетить последнего и его народ. Мои планы не основаны на каком-либо фиксированном маршруте марша, но были специально составлены так, чтобы я мог выбрать любой маршрут, который обстоятельства сочтут наиболее удобным.

Я должен признаться, что мое пребывание в Масаси обернулось разочарованием в отношении обычаев, привычек и идей местных жителей, хотя я получил очень четкое представление о внешних, материальных деталях их жизни. Но и здесь Нильс Кнудсен готов утешить и подбодрить. “Чего вы можете ожидать, профессор? в конце концов, люди здесь ужасно разношерстные и утратили все свои собственные традиции и обычаи. Не теряй больше времени в этой жалкой дыре Масаси, а приезжай в Чингулунгулу; ты даже не представляешь, какое это прекрасное место!”



НАКАМ, ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ ЯО

Мы выступили на рассвете 31 июля. Дорога через район Масаси, как уже упоминалось, огибает большую цепь островных гор на востоке, проходя на достаточной высоте, чтобы обеспечить обширный обзор на восток и юг, над откосом, образованным продуктами воздушной денудации гнейсовых вершин. Я сказал "равнина"? это океан, который мы видим расстилающимся перед нашими глазами, белое, бескрайнее пространство, усеянное островами, здесь одним, там другим, а вон там, на туманном горизонте, целыми архипелагами. Это чудесное зрелище, слишком быстро исчезающее по мере того, как солнце поднимается все выше, — горные вершины, поднимающиеся подобно островам из моря утреннего тумана, в то время как наш караван тянется вдоль берега, — рисует для нас, как в зеркале, тот вид, который оно представляло в те далекие века, когда синие волны первобытного океана перекатывались там, где сейчас синий дым от непритязательных хижин поднимается к небесам.

Целью нашего первого дня марша был Мвити, где, судя по значению, придаваемому ему на карте, я ожидал увидеть крупное поселение местных жителей. Недалеко от миссионерской станции Масаси дорога на Мвити справа ответвляется от Прибрежной дороги. Я приказываю остановиться; колонна расступается; я кричу в свежий утренний воздух “*Вапагази ква Линди!*” (“носильщики для Линди!”); и самый старший и одновременно самый высокий из моих носильщиков, мнямвези явно масайского типа, подходит тяжелыми, покачивающимися шагами, как верблюд.

ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ КОМПЛЕКСА В MWITI

Его имя, Кофия туле, поначалу было для меня загадкой. Я знал, что *кофия* означает шапку, но, как ни странно, мне никогда не приходило в голову поискать *туле* (более того, я предположил, что это слово из ньямвези) в словаре. То, что это должна была быть какая-то шутка, я понял из общего смеха всякий раз, когда спрашивал о ее значении. Наконец мы пришли к тому факту, что *кофия туле* означает маленькую плоскую шапочку — само по себе нелепое название для мужчины, но вдвойне применимое к этому чернокожему супермену с невероятно пустым лицом.

Затем Кофия туле медленно выходит вперед, за ним следуют еще шесть Ваньямвези и несколько местных мужчин, которых я нанял в качестве дополнительных носильщиков. Взяв его в качестве *мнямпары*, они должны перевезти мои коллекции на побережье и хранить до моего возвращения в подвалах офиса окружного комиссара в Линди. Раздаются последние инструкции, а затем поступает приказ: “Вы здесь, идите налево, мы идем направо. Марш!” Нашей роте требуется некоторое время, чтобы привести себя в надлежащий боевой порядок, но, наконец, все идет гладко. Взгляд на север, на равнину, убеждает нас, что Кофиа Туле и его последователи набрали правильную скорость для *сафари*; и мы погружаемся в необитаемый девственный *пори*.

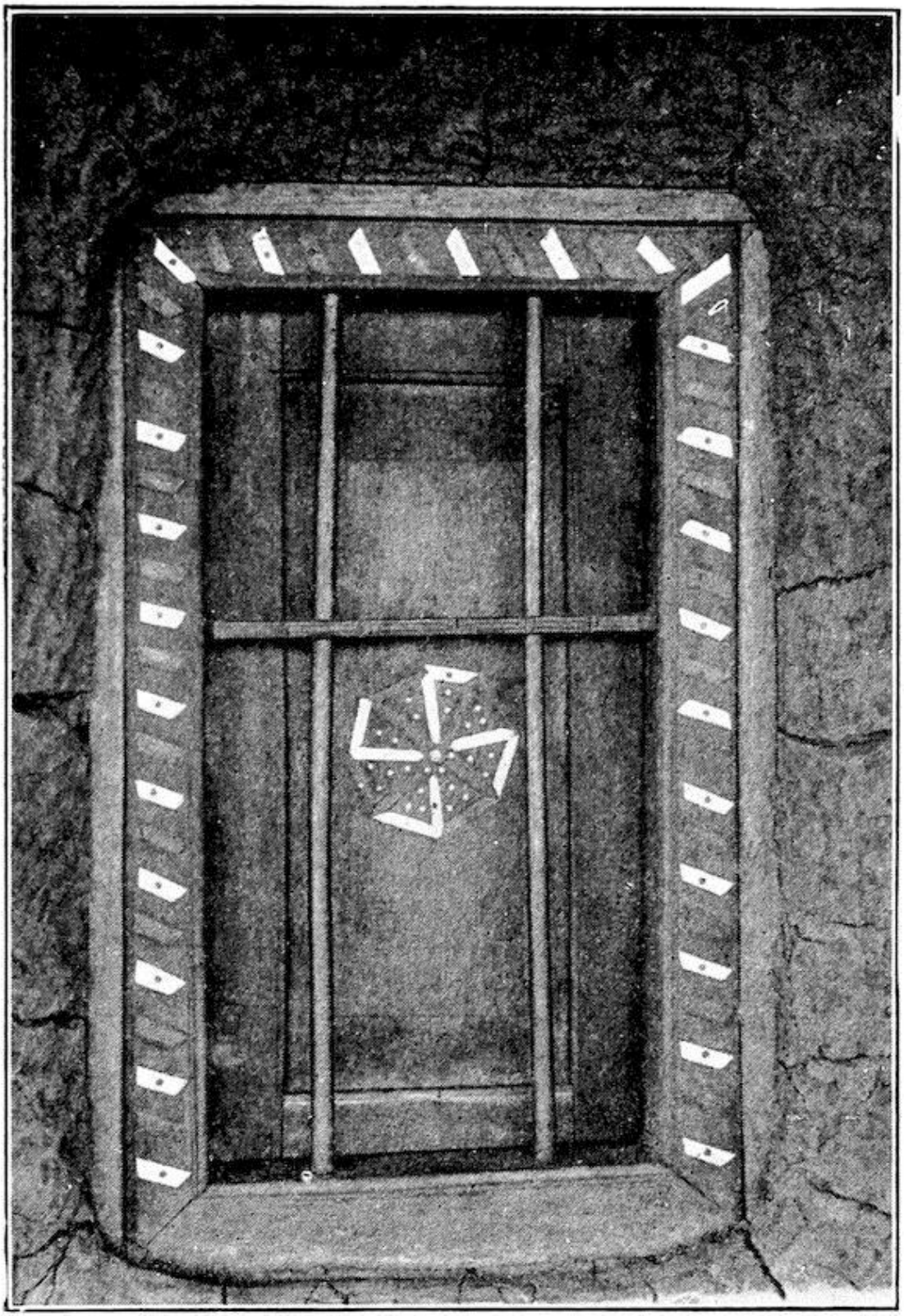
В марше по этим открытым лесам есть что-то очень монотонное и утомительное. Уже перевалило за полдень, и я наполовину заснул на своем муле, когда заметил две черные фигуры с ружьями в руках, осторожно выглядывающие из-за кустов впереди. Могут ли они быть Вангони?

Вот уже несколько дней до нас доходят слухи, что Шабрума, печально известный лидер вангони в последнем восстании и последний из наших противников, оставшихся непокоренными, планирует нападение на Накаам и, следовательно, угрожает этому самому району. Как только я оглядываюсь в поисках своего оруженосца, дюжина глоток издает радостный крик: “Почтальон!” Это мой первый опыт работы Германской имперской почты в Восточной Африке; со временем я узнал, что, хотя это ни в коей мере не приносит вознаграждения департаменту, оно настолько близко к совершенству, насколько может быть любое человеческое учреждение. Это звучит как преувеличение, но это абсолютная правда - сказать, что все почтовые отправления, даже если это всего лишь одна почтовая открытка с изображением, доставляются адресату без промедления, где бы он ни находился в пределах почтовой зоны. Конечно, у местных бегунов обязанности совсем иного рода, чем те несколько миль в день, которые требуются от наших домашних функционеров. С письмами и бумагами, упакованными во влагонепроницаемый конверт из промасленной бумаги и американской ткани, с ружьем на плече гонец несется рысцой, преисполненный важности своего поручения, и преодолевает огромные расстояния, которые, как говорят, иногда вдвое превышают дневной переход обычного каравана. Если дорога лежит через местность, ставшую небезопасной из-за львов, леопардов или врагов человека, двух человек всегда посылают вместе. Черные фигуры быстро приближаются к нам, с солдатской точностью взмахивают оружием и сообщают в надлежащей форме: — Письма от Линди для *Бваны мкубвы* и *Бваны мдого* - великого и маленького мастеров. Пока мистер Эвербек был с нами, туземцам было нелегко установить правильное первенство между нами. Поскольку они назначили меня новым капитаном, они никак не могли называть меня *Бвана мдого*. Сейчас, однако, нет ни малейшей трудности — европейцев всего двое, а поскольку я не только старший, но и руководитель экспедиции, то нечего усложнять обычную градацию званий.

ЛАГЕРЬ В МВИТИ

К середине дня изрезанная холмами местность сменилась волнистой равниной. Каждые несколько минут наш путь пересекали чистые ручьи, бегущие по оврагам с крутыми склонами, почти непроходимым для моего мула и тяжело нагруженных носильщиков. Растительность стала зеленее и обильнее, но в то же время жара в этих узких ущельях оказалась почти удушающей. Я ехал вперед, пытаясь прочесть свои домашние письма, не обращая внимания на бревна, которые время от времени преграждали тропинку, или колючие кусты, нависавшие над ней. Наш проводник, не кто иной, как Салим Матола, долговязый мастер на все руки, ушел далеко вперед. Накануне я, привлеченный многими его хорошими качествами, официально назначил его моим главным коллектором; после чего, верный своему характеру, он приступил к своим новым обязанностям, потребовав значительную сумму авансом. К несчастью для него, я уже слишком стар по африканскому опыту, чтобы так легко попасться. “Сначала покажи мне, на что ты способен, “ был мой ответ, - а потом, через несколько недель, ты сможешь попросить снова. А теперь отправляйся, и побыстрее! Салим клятвенно заверил, что хорошо знает дорогу. Для этой части страны не следует полагаться на карту, но, по нашим расчетам, мы должны были добраться до Мвити задолго до этого. С внезапной решимостью я ударил пятками в бока моего лениво бредущего мула и, пустив его в галоп, вскоре догнал проводника, шагавшего во главе колонны. “*Мвити вапи?*” (“Где Мвити?”) Я зарычал на него. “*Сиджуи Бвана*” (“Я не знаю, сэр”) был несколько жалобный ответ. “*Симамени!*” (“Остановись!”), - крикнул я во весь голос, а затем последовал за великим *шаури*. Никто из моих носильщиков не знал эту страну, и никто из *аскари* или их парней не казался более информированным. Нам ничего не оставалось, как идти по карте, то есть, в нашем случае, поворачивать примерно направо, пока мы снова не наткнемся на ручей Мвити, а затем следовать по нему вверх, пока не достигнем самого места. Было уже далеко за полдень, когда вожделенная цель наконец показалась в поле зрения. Теперь Салим Матола вернул полученную от меня половину рупии, заявив, что она “плохая”, имея в виду, что статуе императора был нанесен очень незначительный ущерб. Уход молодого

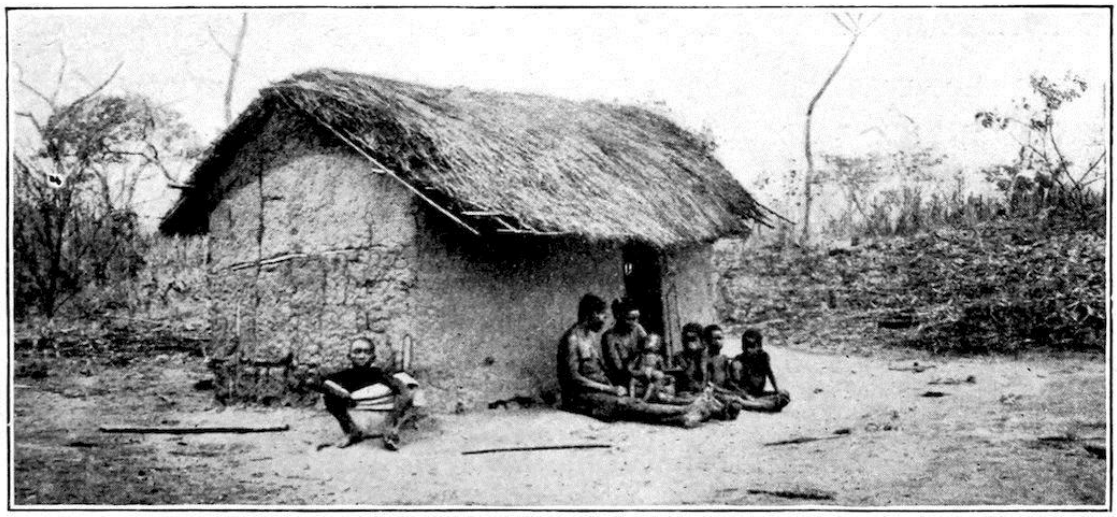
человека от меня был скорее быстрым, чем достойным, и продемонстрировал чудесный эффект энергичного жеста с *кибоко* (хлыстом из шкуры гиппопотама). Но таковы обычаи туземцев.



СТАВЕНЬ С ИНКРУСТИРОВАННОЙ *СВАСТИКОЙ*в ДОМЕ НАКААМА В МВИТИ

Африка - страна контрастов. В Масаси, на высоте от 1300 до 2000 футов, в целом было приятно прохладно, в то время как мы наполовину изжарились на марше по равнине между

островными горами и плато Маконде; и теперь в Мвити было бы приемлемо надеть тяжелую меховую шубу, настолько пронизывающе холоден сильный ветер, который сразу после захода солнца обрушивается с высот с их максимальным атмосферным давлением в разреженный воздух равнины, который весь день пекся от жары. Наше место для кемпинга, казалось, было специально создано для того, чтобы ловить все небесные ветры. Обладая поразительной стратегической проницательностью, Накам выбрал для своего дворца место на мысе, заканчивающемся длинной грядой высот и окруженном с трех сторон петлей реки Мвити. С этих трех сторон он обрывается отвесными скалами, и единственный легкий доступ к нему - с юга. Если я называю дом Накаама дворцом, я не преувеличиваю. Этот вождь имеет не только репутацию самого проницательного туземца в южном округе, но и, должно быть, сравнительно богат; в противном случае он вряд ли смог бы нанять компетентного строителя с Побережья, чтобы тот воздвиг для него действительно внушительный дом со множеством комнат и высокой крутой крышей. Комнаты на самом деле хорошо освещены настоящими, хотя и не застекленными окнами, которые в покоях, отведенных под гарем вождя, можно закрыть ставнями. Архитектор внес последний штрих в свою работу, украсив все деревянные элементы в типичном для Побережья стиле резными арабесками. Сидя в своем длинном кресле, в которое я бросился совершенно измученный по прибытии, я с изумлением смотрел на широкую веранду, затеняющую фасад этого, учитывая его окружение, вдвойне примечательного здания. Внезапно я вскочил и, перепрыгнув через груду сундуков и упаковочных ящиков, только что сложенных носильщиками под верандой, поспешил к одному из окон, едва веря своим глазам. *Свастика*, “филфот”, древний символ удачи, здесь, в центре Темного Континента! “Пусть ты тоже принесешь мне удачу!” Пробормотал я себе под нос, все еще сильно удивленный. На самом деле это был хорошо известный знак или что-то чрезвычайно похожее на него, аккуратно инкрустированный слоновой костью в центре ставня. Когда Накам появился через четыре часа в ответ на срочный вызов, отправленный по нашему прибытии, один из моих первых вопросов, после обычных церемониальных приветствий, касался названия и значения фигуры, вставленной в этот оконный ставень. Мое разочарование было велико, когда он просто ответил: “*Ниота* - звезда”. Следовательно, мы должны предположить, что *свастика* неизвестна жителям внутренних районов. В данном случае это, вероятно, как и остальные украшения, было привезено строителем с побережья. В Мвити мы пробыли полтора дня и две ночи, без особой пользы для моей этнографической коллекции. Либо Накам имеет очень мало влияния на своих подданных, либо их, должно быть, очень мало. Проходящий мимо путешественник едва ли может судить об этом, поскольку холмистая природа страны препятствует какому-либо всестороннему обзору, а племена в окрестностях живут разбросанными на такой обширной территории, что небольшая площадь, видимая с одного ракурса, не является критерием для описания целого. Тем более разнообразны и интересны психологические наблюдения, которые я смог сделать в этом месте. Сам Накам - невысокий, полный мужчина средних лет, одетый вполне по моде суахили в длинное белое канзу, или верхнюю одежду, похожую на рубашку. Что касается его национальности, я уже был проинформирован — веселые *любители помбе* в Масаси со злобными ухмылками рассказали мне, что Накаама в своем тщеславии называл себя Яо, но на самом деле был “всего лишь” Макуа.



ЯО ХАТ

Вечером Накам, Кнудсен и я сидели на веранде при свете моей лампы, которая, однако, поддерживала очень ненадежное существование, несмотря на все циновки и одеяла, которые мы развесили с наветренной стороны, и не раз гасла от яростного урагана, с ревом обрушивавшегося с гребня плато. Накам с большим достоинством принял две бутылки так называемого “*коньяка*джамбе”,[20], которые я нашел среди своих запасов, и разговор начался с обсуждения Чиваты, ее положения, количества жителей, племен, к которым они принадлежали, и подобных вопросов, Мы выяснили, что подданными Накама были в основном ваяо“, и ты... ты сам из племени Яо? “*Ndio*” (“Да”), - ответил он с явной убежденностью. Но я не мог удержаться от возражения: “Все мужчины в этой стране говорят, что ты не яо, а макуа”.

Негр, к сожалению, не умеет краснеть[21] иначе было бы очень интересно посмотреть, был ли этот благородный представитель расы подвержен такому рефлекторному действию. Некоторое время он извивался, и наконец с совершенно неподражаемым акцентом произнес свой ответ: “Давным-давно, это правда, я был макуа, но теперь, в течение очень долгого времени, я был яо”.

Его метаморфоза покажется несколько странной тем, кто не обращал внимания на африканскую этнографию. Это понятно только в свете того, что произошло среди населения этого региона за последние сто лет. Во времена Ливингстона, между сорока и пятьюдесятью годами назад, на всей территории Ровума царил мир, люди, жившие там с незапамятных времен, сажали просо и маниок и ходили на охоту, когда им заблагорассудится.[22] Затем с дальнего юга враждебные элементы хлынули в страну последовательными волнами, продвигаясь на север по обоим берегам озера Ньяса. Банды вооруженных воинов внезапно, без малейшего предупреждения, набрасываются на старые, беззащитные племена и сметают их перед своим наступлением. Только после того, как они достигнут северной оконечности Ньясы, разрушительное наводнение прекратится, будут основаны два или три королевства зулу — ибо пришельцы принадлежат к этой храброй и воинственной расе, — и начнется новая эра. Но какие последствия это имеет для всей Восточной Африки! В войнах и набегах, повторяющихся снова и снова на протяжении сотен миль, новые правители страны превратили старые густонаселенные и хорошо возделанные земли в дикую местность. Под именем мазиту к концу шестидесятых они наводили ужас на страну между Ньясой и Танганьикой. Позже, в первые дни германского колониального правления, они стали при мафити гораздо большим ужасом для всего обширного региона между Ньясой и Индийским океаном. Под дальнейшими названиями Вамачонде, Магвангвара и Вангони они по-

прежнему являются неприятной темой для разговоров у костров караванов. Сегодня, действительно, нет никаких оснований для страха, который они внушают, поскольку в течение последних нескольких лет господству этих зулусов пришел конец — эффект немецкого оружия был слишком длительным. Только один из их вождей, уже упомянутый Шабрума, все еще с небольшой группой сторонников делает страну небезопасной; все остальные безоговорочно приняли наши условия.

Это вторжение Вангони — Вангони — это название, которое по молчаливому согласию используется для обозначения всех этих иммигрантских элементов из Южной Африки, - стало непосредственной причиной следующего примечательного процесса.

Старые жители страны, насколько они остались, — ибо во многих случаях все их мужчины были убиты вангони, а женщины и дети уведены в прохладные, влажные районы к востоку от северной оконечности озера Ньяса и присоединены к племени зулу, — видели, что мнгони с его коротким копьем, овальным щитом из шкуры и фантастическими украшениями из перьев стервятника, полос шкуры леопарда и так далее был неотразим. Эти люди никогда не понимали, что грозный внешний вид врага лишь в незначительной степени был ответственен за такой результат, который, по правде говоря, был достигнут главным образом за счет большей храбрости вангони и их сомкнутой атаки короткими колющими ассагаи — действительно, ужасного оружия на близком расстоянии. Они приняли внешний вид за реальность, скопировали стиль одежды Вангони, а также попытались имитировать остальную часть своего боевого снаряжения. Это представление распространено среди тех же самых племен даже в наши дни.[23] Весь этот процесс может быть описан в биологических терминах как разновидность мимикрии, еще более интересной по причине того обстоятельства, что она нашла свой точный аналог на севере колонии, недалеко от Килиманджаро, и в районах к западу и юго-западу от нее. Местные племена банту, испытав превосходство масаев с их гигантскими копьями, огромными, прочными кожаными щитами и фантастическими боевыми украшениями, немедленно сделали свои собственные выводы, и сегодня все эти племена — вачага, вапаре, вагвено, вагого и так далее - предстают в таком виде, что прозвище “обезьяны масаи” кажется вполне оправданным.

Однако здесь, на юге, роль, которую играет мимикрия в жизни местных жителей, этим подражанием вангони ни в коем случае не исчерпывается. Далеко идущая неразбериха, которая с тех пор, как король зулу Чака вступил на сцену в 1818 году, никогда не позволяла Южной Африке успокоиться, побудила другие племена, помимо зулусов, к миграции на север. Народами, наиболее непосредственно затронутыми этим, были яо и макуа: первые медленно, но настойчиво проникают со своих первоначальных мест между Ровумой и Замбези на территорию Германии, в то время как яо продвигаются вперед, столь же незаметно и, возможно, еще более настойчиво, из своей страны, которая лежит дальше на запад, на южной оконечности Ньясы. Таким образом, эти две волны населения сталкиваются как раз здесь, в районе, который я изучаю, под острым углом, и это было одной из моих главных причин отправиться в этот отдаленный уголок, когда восстание помешало моему путешествию в Ираку.

Теперь макуа, или, по крайней мере, некоторые люди среди них, кажутся похожими на многих немцев за границей — они начинают смотреть на себя и свою национальность как на нечто низшее и презренное, и их первая забота - выбросить из головы все воспоминания о своей стране и родном языке. В этой стране, с тех пор как террор вангони, последние набеги которых произошли около 1880 года, несколько стерся из памяти подрастающего поколения, вайяо - аристократы. Неудивительно, что такой тщеславный человек, каким,

несомненно, является Накам, категорически отрицает свою национальность, чтобы считаться социально достойным.

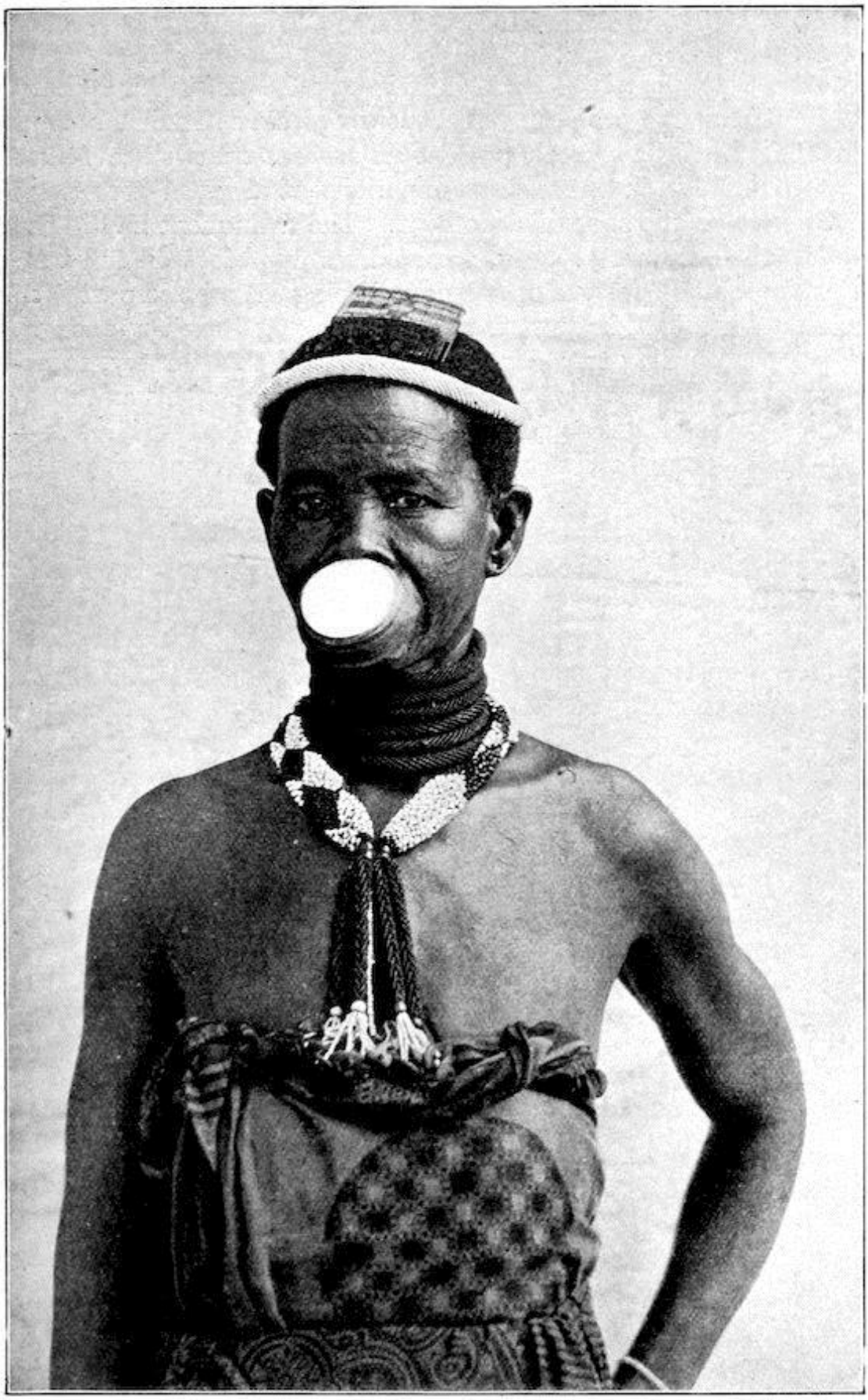
Самый комичный эффект получается, когда туземец хочет подчеркнуть какое-то понятие как совершенно необычное — как, например, когда он хочет сказать, что что-то очень высокое или очень далекое, очень красивое, или чего можно ожидать только в далеком будущем, или тому подобное. Это выражается неподражаемым повышением голоса на рассматриваемом прилагательном или наречии до максимально возможного фальцета. Я вернусь к этому позже, это необычайно интересный момент в лингвистике; сейчас я могу только с огромным удовольствием вспомнить, как меня развеселило, когда Накаам, произнося “*Мими Макуа, лакини ва замани*” (“Я Макуа, но из давних времен”), так удлинил слоги “*мани*” и поднял “*ни*” так высоко в макушку, что я испугался, что он никогда не найдет дорогу обратно в настоящее.

Убедив таким образом Накаама, хотя и не совсем к его собственному удовлетворению, в его истинном происхождении, мы собирались перейти к другой и, по его мнению, более приятной теме, когда внезапно оказались в неведении. В течение вечера рев шторма неуклонно усиливался, случайные шквалы становились все яростнее и чаще, и теперь вокруг дворца со свастикой и палаток бушевал настоящий ураган; наши циновки и одеяла хлопали у нас в ушах, как паруса, натянутые штормом. Тяжелая крыша дома скрипела и стонала всеми своими балками, и наши палатки едва могли устоять от чудовищной силы ветра. Любая попытка зажечь лампу еще раз была бы тщетной, а учитывая легко воспламеняющуюся природу нашего окружения, чрезвычайно опасной. Ничего не оставалось, как положить конец интервью, как только оно начало становиться интересным, и заползти в свою палатку, в постель.

Сон в Африке сопряжен со специфическими неудобствами. Во-первых, походная кровать, похожая на корыто, менее способствует отдыху, чем широкие железные кровати побережья; затем падение температуры примерно за час до восхода солнца пробуждает человека и заставляет тянуться за другим одеялом; и, наконец, хор кашляющих звуков, которые всегда доносятся из большого фургона, самым эффективным образом убивает сон! На марше из Линди в Масаси целый отряд полиции всегда располагался на ночь тесным кольцом вокруг наших палаток, повернув головы наружу; а жутко холодными ночами в Нангу и Чикугве раздавался такой кашель и плевки, что невозможно было понять, кто заслуживает большего сострадания - несчастные, дрожащие снаружи, или мы сами. Здесь, в Мвити, я хотел разместить и эскорт, и носильщиков на некотором расстоянии от моей собственной палатки; но капрал, командовавший дюжиной человек, выделенных мне Эвербеком в прежнем качестве, объяснил, что это не годится, поскольку приближаются вангони. Так что мне пришлось еще раз позволить им расстелить циновки и установить шесты, на которые повесить ружья и патронташи, по всей окружности моей палатки, и я не мог уснуть из-за их кашля; но на этот раз жалость была сильнее раздражения. Для первого было слишком много причин: небольшое открытое пространство перед домом Накаама, где мы разбили нашу палатку, почти безлесное и совершенно незащищенное от ледяного ветра с высоты. Каждый мужчина разводит хороший костер рядом со своей циновкой, но это не помогает им согреться в их тонких костюмах цвета хаки.

Туземец, безусловно, непостижимое существо. На следующее утро я созвал всех мужчин и велел им построить себе хижины из травы или, если это доставит слишком много хлопот, хотя бы ширмы для защиты от ветра.“*Ndio, Bwana*“ ("Да, сэр”) ответила вся компания; но когда наступил полдень и я спросил об их убежищах, выяснилось, что их там нет. Казалось, что я продолжу через несколько дней, и поэтому не было смысла строить убежища. “Очень хорошо!” Я холодно ответил: “Тогда ты можешь просто замерзнуть. Но те, кто придет ко мне с

простудой, в ближайшие несколько дней, - добавил я про себя, - будут лечиться не чем-нибудь приятным, вроде аспирина, а хинином; и они будут принимать его не в воде, а сухим; и я собираюсь заставить негодяев жевать эту прекрасную крепкую *даву* на моих глазах”. Так Африка портит характер, и, к сожалению, не только аборигенов.



ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА-МАКОНДЕ В ПРАЗДНИЧНОМ ПЛАТЬЕ

Мой второй день в Mwiti был полон и других поучительных событий. Лихорадка, от которой я только что оправился, должно быть, все еще не отпускала меня, потому что я почувствовал странную вялость и до полудня спокойно заснул в своем длинном кресле под *баразой*Накаама. Меня разбудили странные звуки, шлепки и вой попеременно, и, взглянув налево, я увидел, что светловолосый Нильс в качестве временного супрефекта вершит правосудие, как второй Соломон. Я присутствовал на нескольких испытаниях с тех пор, как впервые приехал в Lindi, но такой опыт всегда интересен; так что я мгновенно оказался на месте. Хулиган тем временем, громко воя, получил свои пять ударов по полной программе и теперь снова выпрямился, потирая ушибленное место со смешанными чувствами, которые можно было простить, хотя вид у него по-прежнему был достаточно дерзкий. Будучи, согласно нынешним обычаям страны, несколько замаскированным под алкоголь, он в ходе допроса зашел так далеко, что обратился к Кнудсену по особому имени — очевидно, по прозвищу, под которым он был известен туземцам за его спиной. Это нельзя было пропустить мимо ушей: отсюда и казнь. Можно сказать, что туземец смотрит на это как на нечто само собой разумеющееся и был бы очень удивлен, если бы какой-либо недостаток уважения не повлек за собой достойного наказания на месте. На самом деле, он счел бы нас очень слабыми и совершенно непригодными для того, чтобы быть его хозяевами.

Следующий случай, в завершении которого я также был лишь свидетелем, также имел оттенок трагикомедии. Я увидел капрала Салеха, спешащего через площадь с куском прочной веревки из кокосового ореха, какой пользуются носильщики для обвязки своих грузов, в руке. Прежде чем я успел оглянуться, он схватил молодого человека, стоявшего перед Кнудсеном, и крепко связал ему руки за спиной. Преступник спокойно подчинился, но поднялся оглушительный шум разговоров, когда Салех, набросив веревку, как лассо, обвязал другой конец вокруг талии стоявшей рядом молодой женщины, которая в первую очередь привлекла мое внимание поистине готтентотским развитием своей фигуры в области бедер. Я рискнул прервать эту замечательную сцену, спросив, в чем дело.

“Только посмотрите на этого другого мужчину, ” сказал современный Соломон, “ он муж этой женщины, и она уже несколько месяцев жила с другим, пока он был в путешествии. А когда он вернулся и застал их вместе, негодяй вдобавок укусил его за руку.

“ О! и чтобы вознаградить эту драгоценную пару, вы соединяете их вместе?

“ Не совсем в качестве награды, но они должны быть отправлены в Линди для суда. Он наверняка проведет месяц или два в тюрьме, и у меня нет другого способа отправить их вниз”.

Я редко видел такие восхищенные лица, как у двух преступников, когда их уводили.

Весь день я видел, как один из моих носильщиков слонялся около моей палатки. Во второй половине дня он набрался смелости и подошел, сказав, что ему нужен *дава*. “Для чего?” Спросил я несколько отстраненно. “Для раны”. Я предположил, что он каким-то образом поранился на марше, и послал за Стамбури, солдатом, которому доверено лечение всех случаев, за которые я не хочу браться сам. Стамбури с некоторым трудом удалось избавиться от корки грязи, покрывавшей раненую ногу, но в конце концов ему удалось обнажить старую язву на голени, которая проела кость и была в ужасном состоянии. В негодовании я набросился на мистера Сигарети — так зовут этого грязного типа — и сказал ему, что он обманул меня; он никакой не носильщик, а больной человек, которому следовало бы лечь в больницу. Эта рана была нанесена не недавно, а несколько месяцев назад, и я должен отправить его обратно к Линди при первой возможности. Со спокойной наглостью он ответил: “*Линди хапана, Бвана*”; он был помолвлен шесть месяцев назад и не должен был

мечтать уйти раньше. Это было очень неприятное положение для меня, поскольку я не был знаком с правилами, касающимися данного дела. Если бы я оставил этого человека у себя, вполне вероятно, что он стал бы недееспособным или даже умер в дороге; если бы я отправил его в кусты, его наверняка съели бы львы. В любом случае интересно отметить одностороннее развитие чувства справедливости у этого честного парня — он настаивает на букве своего обязательства, но только в той мере, в какой это в его собственных интересах. Всю черную расу лучше всего можно охарактеризовать двумя короткими словами, *хапана* (буквально “нет” или “это не там”, но обычно используется в смысле “нет”) и *бадо*, “пока нет”. По крайней мере, на девяносто девять из каждых ста вопросов можно ответить одним из этих двух выражений. “Вы делали то—то и то-то?” или “Где находится такая-то вещь?” - спрашивает европеец: ответом будет в первом случае “*Бадо*”, а во втором “*Хапана*”. Я уже высказывал предположение, что все идиомы банту Восточной Африки могут быть объединены под собирательным обозначением кибадо или кихапана. Сначала это кажется довольно забавным, особенно если заметить притворную интонацию “*бадо*”, но в конце концов непрерывное повторение этих двух слов, никогда не изменяемое *Ндио* (“Да”) или “*Нимеквиша*” (“Я закончил”), становится монотонным и загоняет многострадального путешественника в его *кибоко*.

Ближе к вечеру того же памятного дня, примерно за час до захода солнца, подошел маленький мальчик лет восьми-девяти и предложил на продажу несколько маленьких декоративных гребешков. Вещи были действительно прекрасно сделаны, сама расческа состояла из тонких, округлых деревянных пластинок, а верхний конец покрывали разноцветные соломинки, расположенные аккуратными геометрическими узорами. “Где сделаны эти вещи?” - Что это? - спросил я у маленького торговца. “*Карибу сана*” (“Совсем рядом”), последовал быстрый ответ. “А кто их делает?” “А *фунди*” (мастер-разнорабочий), - сказал мальчик, явно удивленный невежеством белого человека, который, несомненно, должен был знать, что в этой стране все делается *фунди*. Сделка была быстро заключена, и, так же быстро обменяв свой солнцезащитный шлем на легкую фетровую шляпу и довольно резко сказав Кибване (который подбежал с необычной проворностью) оставить ружье, которое он поспешно схватил, я отправился в путь через лес. Маленький человечек поспешил вперед с поразительной быстротой. Проходило пять, десять, пятнадцать минут, и каждый раз, когда я спрашивал, не на месте ли мы, раздавался неодобрительный ответ: “*Карибу сана!*” Пятнадцать минут превратились в сорок, затем в шестьдесят, и когда солнце уже скрылось за холмами, казалось, что мы нисколько не приблизились к цели. На все мои вопросы давались уклончивые ответы; иногда в качестве жилища *фунди* указывали на отдаленную *шамбу*, иногда утверждали, что он находится прямо перед нами.

Наконец, устав, я набросился сзади на нашего быстроногого маленького проводника и, за отсутствием какой-либо другой подходящей точки атаки, схватил его за уши. Суровый перекрестный допрос, сопровождаемый мягкими напоминаниями, применяемыми в том же квартале, выявил тот факт, что пункт нашего назначения находился высоко в горах и настолько далеко впереди, насколько мы уже продвинулись. Это означало, что я доберусь туда не раньше семи, а может быть, и восьми, к тому времени уже совсем стемнеет; а я был безоружен и не имел никакой перспективы укрыться на ночь. Мой энтузиазм по поводу местного искусства и ремесел не достиг такой степени, что я еще раз надрал уши нашему гиду, коротко объяснив европейские взгляды на расстояние, отпустил его легким шлепком и вернулся с пустыми руками. В то время я был полон раздражения на этих непостижимых людей и их обычаи; сегодня, когда я начинаю думать об этом, я вынужден признать, что на самом деле дома все не так уж сильно изменилось: один человек считает двадцать миль сущим пустяком, другой находит, что полумили вполне достаточно для дневного перехода.

Однако я уже заметил, что туземец привык к большим расстояниям и основывает свои расчеты на большей способности ходить, чем мы.

И снова лампа неуверенно мерцает под *баразой*Накаама, которая защищена лучше, чем вчера, хотя шторм несоизмеримо сильнее.

“Значит, в Улайе шестьдесят миллионов человек?” - изумленно спрашивает Накам. “Шестьдесят миллионов! Но что такое миллион? Это *эльфу—эльфу-эльфу-эльфу*- тысячу раз по тысяче раз по тысяче?

Небеса! думаю, я — этот парень делает это! 1000 × 1000 × 1000 - это тысяча миллионов. Шестьдесят тысяч миллионов немцев! Моя бедная страна! Статистика населения навсегда! Но должен ли я разуверить Накаама? Конечно, нет — у нас не так много престижа, чтобы мы могли позволить себе расстаться с ним хоть на йоту. Поэтому я отвечаю “*Ндио, эльфу эльфу эльфу*” и оставляю все как есть.

- А сколько солдат у султанши я Улайи, германского императора?

Здесь я чувствовал себя вполне оправданным в том, чтобы придерживаться правды. “Когда мы не на войне, у нас 600 000 *аскари*, но во время войны у нас шесть миллионов”.

Накаам не из тех людей, на которых легко произвести впечатление, но когда он молча подсчитал: “шесть раз *эльфу-эльфу-эльфу-эльфу*”, стало ясно, что мы поднимаемся в его глазах. Однако он не только обладает критическим складом ума, но и кое-что знает из новейшей истории.

“Разве это не правда, ” спрашивает он, “ что в великой войне между русскими и японцами русские потерпели поражение?” Этот факт я действительно не мог отрицать, как бы сильно мне этого ни хотелось; но я счел целесообразным добавить, одновременно с моим утвердительным ответом, что это поражение ничего не значило для нас, поскольку мы, вадачи, были намного сильнее русских, японцев и англичан, вместе взятых. Накам, безусловно, выглядел убежденным, но был ли он искренен или нет, кто может сказать?

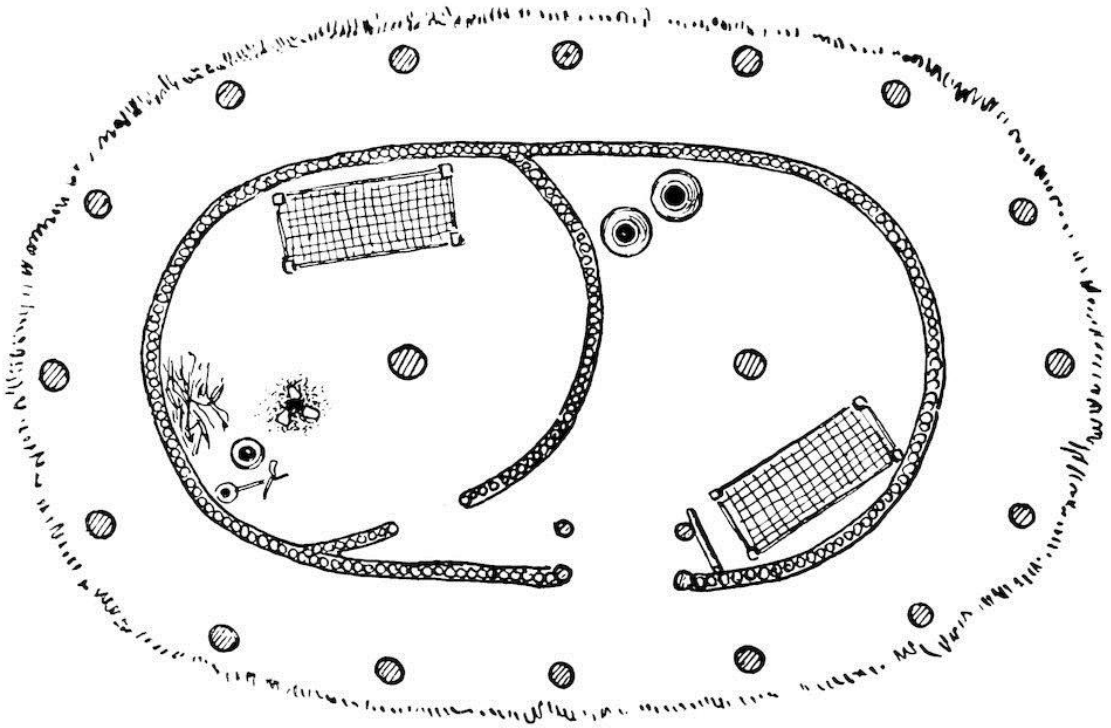
На географии мой мальчик Мориц до недавнего времени был лидером класса. Я слышал, как он читал своим друзьям и всем остальным, кто хотел слушать, длинные лекции об Улайе и Америке. Он рассказывал о Берлине, Гамбурге и Лейпциге и с неиссякаемым терпением объяснял заинтересованной аудитории, какова была цель пребывания его учителя в далекой Улайе. Я был *Бвана мкубва*, так он сказал, в большом — очень большом доме, — в котором были циновки, табуретки, горшки, ложки и терки для какао-орехов всех племен мира; и я приехал в эту страну, чтобы набрать побольше таких вещей и отвезти их в Улайю. Следует признать, что Мориц дал довольно справедливую интерпретацию того конца, который я имел в виду; но его слава вскоре померкла, когда за день или два до того, как мы покинули Масаси, Али, много путешествовавший, вернулся из Линди, чтобы снова поступить на службу к Кнудсену. Писклявый голос Морица теперь смолк, потому что Али смог рассказать о том, что он видел собственными глазами в Берлине и Гамбурге, поскольку однажды посетил Германию со своим бывшим хозяином. Его единственным сожалением было то, что он не знал Лейпцига.

Топографические познания Накаама, как и Морица, носили чисто теоретический характер и простирались только до Берлина. Но какой пристальный интерес проявлял этот человек ко всем возможным деталям европейского города! Он хотел знать длину улиц, высоту домов, и как можно подняться на такие башни, какими они казались, и сколько людей живет в одном доме, и где они готовят еду, и сотни других вещей. Для меня, с моим скудным словарным

запасом на суахили, было, конечно, совершенно невозможно удовлетворить эту жажду информации в полной мере, и я был тем более благодарен Кнудсену за его помощь.

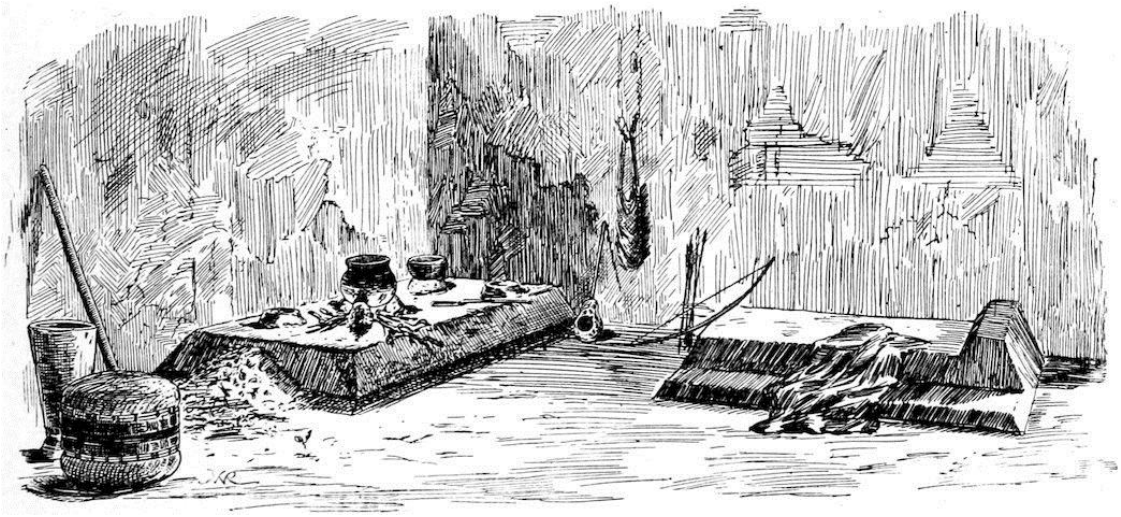
На следующий день мы отправились к забытой Богом дыре под названием Мкулулу, еще не отмеченной ни на одной карте. Жалкие хижины здесь были полной противоположностью дому Накаама, а деревенская площадь и *бараза* были грязными и запущенными. И то, и другое должно было быть тщательно вымыто, прежде чем мы смогли разбить наши палатки рядом с домом отдыха. И все же мы были вынуждены быть благодарными судьбе, которая как бы инстинктивно направила наши стопы под защиту его соломенной крыши. Шторм, испортивший нам вечера в Мвити, поднялся и здесь вскоре после захода солнца. Было бы абсолютно невозможно оставаться на улице при таком количестве пыли, листьев, травы и веточек, кружащихся в воздухе. Даже под *баразой* это было невыносимо, так что ничего не оставалось, как добраться до наших палаток и забраться в теплые постели. Увы! это прилагательное не подходило, и все попытки согреться, даже с помощью второго одеяла из верблюжьей шерсти, были напрасны. Я дрожал от холода, и мои зубы стучали так, что временами их было слышно сквозь рев бури. Этот рев становился громче и грознее с каждой четвертью часа, и, думая, что холод, который я испытывал, был просто вызван обычным понижением температуры вечером, я встал, чтобы сделать палатку немного более непромокаемой. Хотя я даже не вышла наружу, я была искренне благодарна за возвращение в это убежище. Внешний мир превратился в настоящий шабаш ведьм. Воя, визжа и свистя, буря, неся с собой густые облака пыли и мусора, бушевала вокруг моей палатки; и в тот момент, когда я попытался ступить на улицу, вихрь заключил меня в свои объятия. В то же время вокруг нас раздавался непрекращающийся треск падающих деревьев и ломающихся веток, некоторые из которых, судя по звуку, были значительных размеров. В эту ночь я не сомкнул глаз: приступ простуды вскоре сменился сильным потоотделением, и только неумолимая необходимость идти дальше заставила меня встать с постели ранним утром.

Я бы предпочел ничего не говорить о форсированном марше из Мкулулу в Чингулунгулу, поскольку в тот день я, должно быть, сыграл лишь жалкую роль в глазах наших последователей. Кнудсен тоже страдал от лихорадки. Ранним утром, когда воздух был еще прохладным, а кусты свежими и зелеными, было не так уж плохо, хотя о верховой езде не могло быть и речи. Теперь наш путь пролегал недалеко от западного края плато Маконде, через область глубоких осадочных отложений и в то же время многочисленных источников. Следовательно, через каждые несколько сотен ярдов караван оказывался на краю глубокого оврага с почти отвесными склонами, вырытого ручьем в рыхлой почве. Нетвердыми ногами человек спотыкается, спускаясь по крутому склону, и ему удается вскарабкаться на другую сторону, только напрягая каждый мускул и нерв в ослабленном лихорадкой теле. После того как это повторилось более дюжины раз, проводник сворачивает с тропинки направо и исчезает в кустарнике. Теперь она становится все более и более открытой по мере того, как мы оставляем откос плато позади, и, наконец, это типичная “открытая древесно-травянистая степь”: каждое дерево в точности похоже на любое другое; свежая листва только через определенные промежутки времени; подлесок также редкий, но там, где он встречается, колючий; трава в большинстве мест уже выгорела. Там, где это происходит, непроницаемое облако пепла, поднятое местными вихрями, а еще больше шагами нашей группы, кружит вокруг нас в раскаленном полуденном зное, покрывая все толстым слоем черной пыли. Я уже давно бросил поводья на шею мула, и он дважды, в своей врожденной апатии и решимости держаться прямого курса, врезался в колючий кустарник, так что мне пришлось позволить себе упасть с него навзничь, нравилось мне это или нет. Наконец показался величественный дом вождя Яо Цзузы, и несколько минут спустя мы и наши люди лежали, тяжело дыша, в его тени.



ПЕРВЫЙ ПЛАН ХИЖИНЫ

В конце концов, силе воли цивилизованного человека есть чем гордиться. Несмотря на наше плачевное состояние, Кнудсен и я едва ли смогли продержаться пять минут на наших складных стульчиках, прежде чем вошли в дом Зузы и начали задавать вопросы, делать наброски и собирать вещи. Это оказалось очень хорошей возможностью, поскольку Зуза, похоже, не только лично является уникальным представителем своей расы, но и его дом устроен так, как никогда не ожидаешь от местного жителя. Сам он, со своей длинной черной бородой и интеллигентным лицом, хорошо и чисто одет в белый ситец, а дом у него высокий, с необычайно аккуратной и чистой глиняной оштукатуркой, легкий и воздушный. Очаг действительно, в своем роде, небольшое произведение искусства; обычные три камня покоятся на глиняном возвышении шириной около ярда, вплотную к стене и занимающем всю ширину кухни. Вокруг самого костра расположен ряд очень любопытных глиняных подставок, по своей форме явно предназначенных для подставок для горшков с круглым дном. В собственной спальне Зузы мы видим — на самом деле, не европейский диван, какой есть у каждого уроженца Камеруна в его хижине (я рад видеть, что восточноафриканцы еще не продвинулись так далеко), — а прототип всех кушеток: глиняную платформу высотой около фута и шириной более ярда, со скошенными краями и наклонной плоскостью в верхнем конце, на которую опираются голова и плечи, покрытую красиво сделанными чистыми циновками.



ДИВАН И КАМИН ЗУЗЫ

Но даже такой человек, как Зуза, не может сменить свою кожу. Осмотрев каждую деталь интерьера, мы обошли дом; и я заметил предмет, свисающий с палки, закрепленной под карнизом, сильно напоминающий большую сосиску. Это был плод *кигелии*, которую европейцы называют “немецким колбасным деревом”, хотя на внешнем виде сходство с колбасой заканчивается. Зуза, после некоторого колебания, объяснила, что этот фрукт был *дава* - лекарство, или талисман, или как там правильно называется такой консервант. Его задача была нелегкой и состояла в защите дома от вихрей, которые обычно дуют здесь с такой силой, что, как говорят, они часто уносят крыши хижин. Какая ассоциация идей побудила этих людей приписать этому безобидному фрукту силу побеждать Природу в ее самых сильных проявлениях, Зуза не могла или не захотела сообщить мне.

ЖЕНЩИНЫ ЯО С ЗАКЛЕПКАМИ В НОСУ

Не только наша остановка в этом месте, но и предшествующий переход через буш дал мне возможность сделать одно или два интересных наблюдения. Мы остановились позавтракать на сравнительно зеленом участке в кустарнике — мой фургон лежал на земле в живописном беспорядке, мы с Кнудсеном сидели несколько поодаль, поскольку мои обонятельные нервы на этой стадии лихорадки были более чувствительны, чем обычно. Внезапно я услышал крики, смысл которых напоминал грубые остроты, произносимые нашими солдатами дома, когда какое-либо существо женского пола проходит в пределах слышимости роты. На самом деле, когда я оглянулся, то увидел молодую женщину, пытающуюся обойти группу незнакомцев, сделав круг в двадцать или тридцать ярдов. Само по себе это не было чем-то особенно захватывающим, но внезапно мои люди, которые уже давно поняли, что меня интересует, дружно закричали: “*Кипини, бвана!*” (“Булавка для носа, сэр!”). В следующую секунду кто-то из них привел ко мне красавицу. На самом деле у нее в левой ноздре был исключительно прекрасный эбонитовый стержень, инкрустированный оловом, по возможности еще красивее и изящнее, чем обычно. Сначала она наотрез отказывалась от всех предложений о покупке, но в конце концов страх перед таким количеством незнакомых мужчин, к тому же диковатого вида, оказался более действенным, чем даже блеск четверти рупии. Она нерешительно поднесла левую руку к носу, почти мгновенно приложив правую. Должно быть, она вынула *кипини* ловким нажимом первой, потому что в следующий момент она уже передавала украшение, при этом все это время с необъяснимой застенчивостью и

настойчивостью прикрывала нос, так что процесс извлечения был совершенно незаметен. Даже спустя много времени после получения своей серебряной монеты она все еще прижимала руку к лицу, несмотря на возобновившийся поток шуток со стороны моих людей. Несомненно, снятие *кипини* воспринимается как нарушение скромности, отсюда инстинктивное сокрытие обнаженного места.

Такое вытеснение, как мы могли бы это назвать, чувства скромности не является чем-то редким в этнографии. Для меня не перестает доставлять удовольствие перечитывать отрывок из того, что я могу назвать своей Библией, а именно "Фолькеркунде" Пешеля, где автор описывает чувства набожного мусульманина из Ферганы, если бы ему пришлось присутствовать на европейском балу. Пешель думает, что обнаженные плечи наших жен и дочерей, полуобнимания в наших хороводах наполнили бы его безмолвным изумлением перед долготерпением Аллаха, который еще не пролил огонь и серу на это грешное и бесстыдное поколение. Вполне согласуется с теми же взглядами, что арабская женщина должна обнажать ступню, ножку или грудь без смущения, в то время как показывать кому-либо затылок считается еще более неприличным, чем обнажать лицо, хотя последнее тщательно скрывается. Еще больше расходятся с нашими представлениями китайцы, которые сочли бы верхом нескромности со стороны женщины показывать мужчине свою деформированную ногу, о которой, на самом деле, неприлично даже говорить. Если бы мы таким образом обследовали весь мир, то столкнулись бы с неизмеримой массой самых разнообразных и, по нашим представлениям, самых странных представлений о том, что правильно, а что неуместно. Наши собственные взгляды на этот счет - лишь один пункт в длинной серии, и они имеют не лучшее основание, чем все остальные; ибо все эти мнения имеют то общее, что касается их происхождения, что ничто не кажется предосудительным *априори*. Только после того, как будет сформировано определенное представление о том, какие части тела следует прикрывать, а какие оставлять непокрытыми, нарушение правила становится актом, подлежащим осуждению, — не раньше.

МОГИЛА МЛАДЕНЦА (МАКУА)

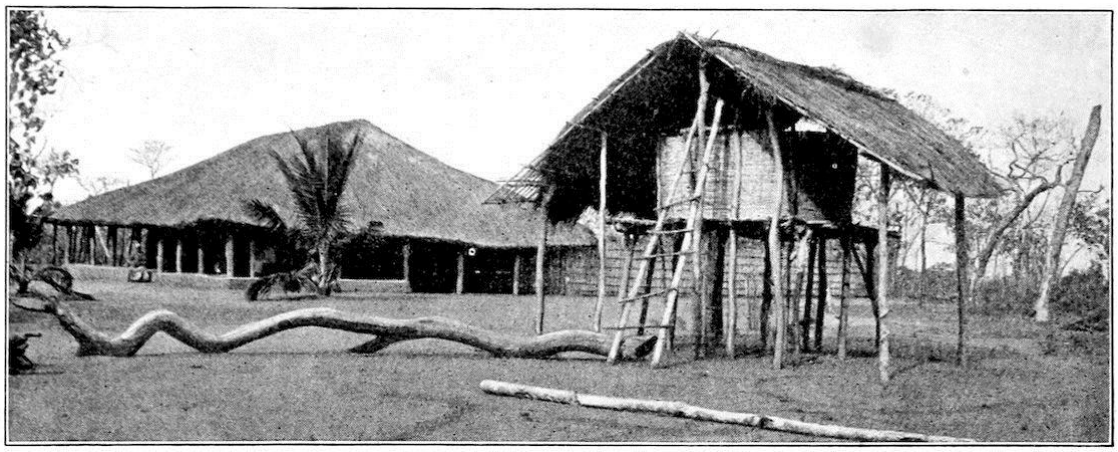
Другое наблюдение носит более серьезный характер. Проезжая через *пори*, наполовину задремав от жары, я вдруг обнаружил, что меня чуть не выбросило из седла, и, восстановив равновесие, увидел, что мой мул шарахнулся от таинственного предмета, косо поднимавшегося из земли. При ближайшем рассмотрении это оказалось цилиндром из коры, наполовину зарытым в землю. Эта штука примерно в пол-ярда длиной и закрыта с

непокрытого верхнего конца двумя или тремя кусками коры, воткнутыми в землю перед отверстием. Никто из наших мужчин не знал, что с этим делать, но несколько местных туземцев, случайно оказавшихся в то время поблизости, объяснили, что это могила мертворожденного ребенка. Макуа, похоже, всегда хоронят их таким образом.

После короткого отдыха у Зузы мы снова отправились в путь, чтобы в тот же день добраться до Чингулунгулу. На марше на нас с Кнудсеном снова напала лихорадка. Я мог удержаться в седле, только судорожно вцепившись в него, а Кнудсену было труднее всего держаться на ногах. Мы не видели конца убийственному однообразию открытого кустарника, скользящего мимо нас, дерево за деревом. Я совершенно потерял чувствительность в ногах; непрекращающаяся пульсация и стук в черепе были равносильны пытке; а мучительное наше продвижение растянуло часы, казалось, до бесконечности, так что я ловил себя на том, что смотрю на часы каждые несколько минут.

Наконец в бескрайнем океане деревьев появляется неподвижная точка; упавший гигант преграждает нам путь. Норвежец опускается на это, как бревно, и только долгими уговорами я могу заставить его начать все сначала. Мы снова боремся, пока внезапно до слуха не доносится сбивчивый гул голосов. Словно сквозь дымку я узнаю Матолу, которого я уже встречал в Масаси, в окружении множества мужчин, одетых в белое; они продолжают торжественно кланяться, в то время как я улыбаюсь и машу рукой. Мы подъезжаем к дому со множеством колонн. Я спешиваюсь с бесконечным трудом, мои зубы стучат, несмотря на почти вертикальное солнце. С приятной улыбкой Матола предоставляет в мое распоряжение свой особняк с колоннами и предлагает кувшин восхитительно холодного молока. Мои мысли не сосредоточены на материальных удовольствиях — я не хочу ничего, кроме покоя и темноты. Я ищу взглядом Кнудсена и нахожу его как раз в тот момент, когда он, пошатываясь, исчезает в палатке, наспех установленной мужчинами. Две минуты спустя я тоже завернут в пару теплых одеял из верблюжьей шерсти, к моему невыразимому комфорту! А теперь начинается моя первая лихорадка.

Примечание.Немного удивительно, что доктор Вейл жалуется (см. стр. 108) на то, что он не смог за время пребывания здесь менее двух недель разобраться в психологии туземцев. Его разочарование Матолой в следующей главе (стр. 139) кажется еще менее обоснованным, и кажется странным, что он ожидал получить информацию о предметах, о которых местные жители никогда не очень охотно говорят, посредством прямых наводящих вопросов. И это, совершенно независимо от того факта, что, по его собственному признанию, его методы не всегда были примирительными. — [Tr.]



КОМПЛЕКС МАТОЛЫ

ГЛАВА VIII
У МАТОЛЫ

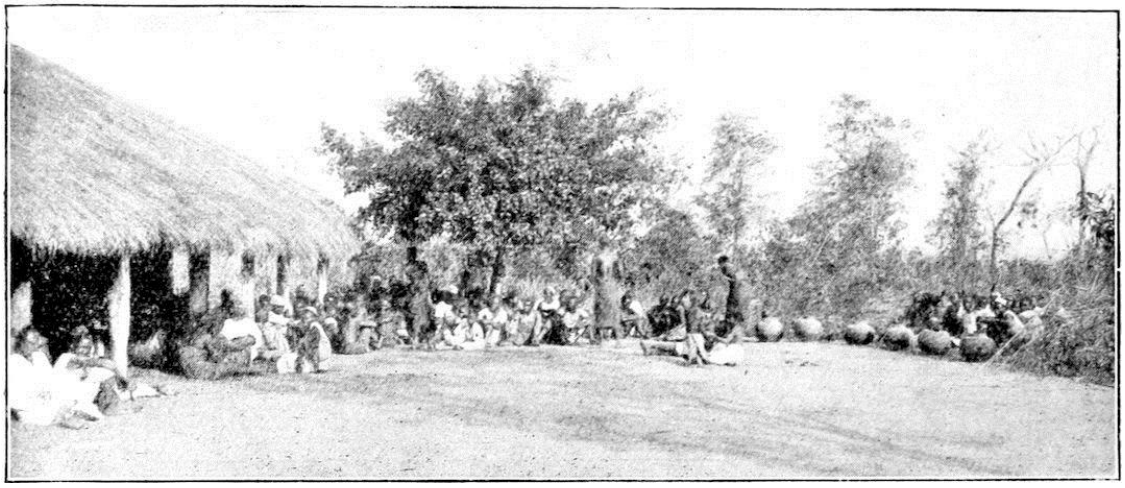
Чингулунгулу, середина августа 1906 года.

При всех своих пороках, совершенно хорошая лихорадка имеет одно преимущество: когда она проходит, у выздоравливающего появляется такой аппетит, что “еда” — слишком мягкое выражение, чтобы применять его к процессу ее удовлетворения. При таком состоянии здоровья запеченной целиком птицы вполне достаточно для завтрака, если, конечно, ей предшествовала большая тарелка консервированного супа, а за ней должен последовать еще больший омлет с бананами. Но когда эта стадия достигнута, пациент находится на пути к выздоровлению и вскоре начинает наслаждаться своей сигарой, которая, по словам Вильгельма Буша,[24] является самым надежным тестом на пригодность. Только определенное ощущение, как будто мозг не совсем заполнял отведенное ему пространство и поэтому разбивался волнами по краям каждый раз, когда вы двигаете головой, остается в течение нескольких дней неприятным напоминанием о приступе.

“Реальность” *против* “Мечты” или “Прозы” *против* “Поэзии”, возможно, было бы очень хорошим названием для знаменитого Чингулунгулу. Нужно было бы прожить десять лет в буше, как Нильс Кнудсен, чтобы смотреть на этот торговый центр грязи и праха как на рай, которым он до сих пор искренне считает его. Конечно, мы поселились в знаменитой *баразе*, которая на самом деле является довольно красивым зданием. Правда, это не что иное, как соломенная крыша, поддерживаемая столбами; но она не меньше шестнадцати ярдов в поперечнике, а конек крыши находится по меньшей мере в двадцати футах от пола. С точки зрения архитектуры это неплохое достижение; столбы расположены тремя концентрическими кругами вокруг центральной колонны, а пол сделан из взбитой глины, смешанной с золой. Чтобы придать ему должную твердость и гладкость, они используют деревянную колотушку, согнутую под тупым углом и заканчивающуюся широкой плоской поверхностью. Вокруг здания проходит выступ высотой около пятнадцати дюймов, разбитый тремя отверстиями под углом 120 °. Это представляет собой резиденции “вещунов”, поскольку *бараза* на самом деле является ни много ни мало, как зданием парламента деревенских старейшин. Вождь сидит посреди просторного здания, а вокруг него тесной толпой сидят на корточках или стоят его чернокожие сограждане. В каждой родной деревне есть такая *бараза*, но Чингулунгулу - самая известная из всех. Естественно, Матола немало гордится тем, что может разместить своих гостей в столь выдающемся здании.

Но даже его частная резиденция является выдающимся произведением архитектуры. Он окружен, как и все другие дома, верандой, земля под широким карнизом которой приподнята на несколько дюймов от влаги. Здесь Матола проводит свой суд каждый день и на протяжении всего дня, что, на мой взгляд, интересно, но вряд ли приятно, поскольку зрительный зал находится всего в тридцати ярдах от моего места, а местные голоса не привыкли к сдержанности. А когда женщины принимают участие в общей дискуссии или выступают в свою защиту в суде, шум становится ужасающим.

Интерьер дома Матолы едва ли соответствует его просторным размерам. Весь фасад занимает то, что Матола называет своей вечерней *баразой*, длинная узкая квартира, в которую обитатели дома и их друзья удаляются дождливыми или ненастными вечерами. Мебель состоит из единственной *китанды*, или кровати в стиле побережья. Остальную часть дома занимают три комнаты размером примерно пятнадцать на пятнадцать футов каждая. Две боковые предназначены для спален, о чем свидетельствуют пара кроватей и большие кучи золы - остатки костра, который каждый туземец разводит ночью возле своего ложа. В эти комнаты можно попасть только через двери, ведущие из центральной, без окон, и поэтому в них кромешная тьма. Центральная комната служит кухней, но насколько элементарен и примитивен очаг Матолы по сравнению с очагом Зузы! Последняя имеет основу для системы приготовления пищи - камни, горшки и другие кулинарные принадлежности, которые вполне соответствуют материалу и мастерству изготовления, в то время как у Матолы нет ничего, кроме хаоса золы, посреди которого два или три комка земли из муравейника размером с человеческую голову указывают на то, где готовятся королевские блюда. В то же время этот вождь племени Яо имеет репутацию богатого человека, поскольку богатство свойственно Африке, и у него где-то в хижинах спрятаны огромные запасы блестящих серебряных рупий.



РАСПИТИЕПИВА

Комплекс Матолы, однако, гораздо интереснее. Во время моего первого визита к нему он был несколько смущен, явно стыдясь убогости своего интерьера; но он провел меня по своим задним помещениям с явной гордостью, для которой, действительно, у него было достаточно оснований. Задняя веранда занята непрерывным рядом продуктовых магазинов самых разнообразных размеров и форм. Здесь мы находим сосуды в форме улья высотой около шести футов для проса и кукурузы и цилиндрические, почти одинаковой высоты для земляных орехов, фасоли и гороха; в то время как в темных промежутках между ними глаз через некоторое время различает маленькие коробочки из коры или глиняные банки, содержащие менее важные растительные продукты. Все эти сосуды густо обмазаны глиной,

чтобы защитить их от паразитов и непогоды. Если мы обратимся к задней части большого прямоугольного участка, где высокий частокол защищает от несанкционированных вторжений, мы снова обнаружим доказательство очень дальновидной и разумной экономии, поскольку и здесь все устроено так, чтобы урожая текущего года хватило до следующего урожая. Вокруг него расположены большие и маленькие продовольственные склады, а в центре находится большое зернохранилище, на первом этаже которого, так сказать, несколько женщин возятся у очага, в то время как все пространство на крыше заполнено колосьями проса и початками маиса. И если мы выйдем за пределы территории Матолы с восточной стороны, то увидим строительные леса высотой около семи или восьми футов и примерно такой же ширины, идущие по всей длине частокола. При этом, несмотря на поздний сезон, большое количество только что собранного зерна сушится на солнце. И, наконец, обходя поместье с западной стороны дома, мы оказываемся лицом к лицу с зернохранилищем поистине гигантских размеров и, без сомнения, очень рациональной конструкции, которое показано на иллюстрации в начале этой главы. Как и все другие продовольственные склады, это зернохранилище построено на сваях; но, в то время как в обычной форме строительные леса имеют всего около двух футов в высоту и от трех до пяти квадратных футов, в данном случае они имеют высоту от десяти до двенадцати футов и не менее десяти футов в ширину. На этой платформе покоится само зернохранилище, которое по форме лучше всего можно сравнить с чаном для приготовления пивного пюре. Как раз сейчас он только наполовину заполнен просом и, следовательно, еще не закрыт, и весь покрыт обычной тяжелой соломенной крышей с широким карнизом. Доступ к этому чуду архитектуры и экономической науки осуществляется по той же допотопной лестнице, которая возбуждала мои смешные способности в Масаси, — два крепких сучковатых бревна с парой жалких палок, привязанных поперек них — не слишком прочно — на расстоянии ярда друг от друга.

Однако Матола до последнего хранил самую яркую деталь всей своей фермы. Хрюканье и поскрипывания, свидетельствующие о крайнем благополучии, доносились из тени мрачного строения, которое мне описали как тюрьму. Тюрьма в Африке? Конечно, туземец - не ангел, и когда он сидит на цепи, у него должно быть какое-нибудь укрытие на ночь. Но в данный момент нас больше интересовало происхождение вышеупомянутых звуков, которые, как оказалось, исходили от свиноматки с двенадцатью поросятами. Вскоре мы обнаружили, что эта веселая компания была повсюду: осматривала багаж *аскари*, навещала Нильса Кнудсена в его палатке, но настойчивее всего заходила к нам на кухню после обеда и помогала повару и его помощнику мыть посуду. Для этого им предоставлены все возможности, поскольку, во-первых, наша кухня - всего лишь укромный уголок под карнизом тюрьмы, а во-вторых, когда туземец наестся досыта и, раскинувшись на земле, храпит во время своей *сиесты*, вы можете на досуге разрезать его на куски, не будя. Таким образом, каждый день после полудня становится свидетелем замечательного зрелища: одетый в хаки европеец, извергающий неистовую брань в адрес ленивых черных злодеев и всего их континента, мчится через площадь Чингулунгулу, размахивая кибоко, чтобы отогнать любящую мать и ее семью от его кастрюль. Конечно, всякий раз, когда это происходит, нерадивый кухонный персонал мимоходом получает несколько ударов, но моего любимого Омари это мало волнует. Кнудсен и я поклялись отомстить свиньям, и однажды они действительно попадут в наши котлы, нравится им это или нет.

Как Матола раздобыл этих свиней, столь редкое зрелище в мусульманской стране (ибо таковыми мы должны считать этот район), я еще не слышал, но предполагаю, что он раздобыл их, как и свое стадо крупного рогатого скота, в английской миссии. Скот содержится в краале, непосредственно примыкающем к его жилищу, - простом загоне из

кольев, в который животных загоняют вскоре после захода солнца, чтобы покинуть его на следующее утро после того, как с травы сойдет роса. Их пасут несколько мальчиков, всего около двадцати голов, все горбатой породы, и большинство из них, очевидно, страдают от *болезни*цеце. Только один молодой бычок и пара коров выглядят здоровыми и энергичными и достаточно игривы, чтобы вдохнуть немного жизни во всю скорбную компанию. Я рад видеть среди них несколько дойных коров — фактически, именно они обеспечивают меня баночкой, которую Матола присылает мне каждое утро.

Это резиденция Матолы в более непосредственном смысле этого слова. Лучший способ познакомиться со всей его территорией - это сесть на лошадь и прокатиться по ней верхом, поскольку Чингулунгулу - поселение необычайной протяженности. Широкие дороги, настолько прямые, насколько это вообще возможно, и засаженные каучуковыми деревьями, проходят на север, восток и запад от площади, окружающей *баразу*. Справа и слева от этих дорог раскинулись обширные поля, из которых то тут, то там виднеется серовато-коричневая крыша хижины, большей или меньшей, в зависимости от обстоятельств. В течение всего моего пребывания здесь, у Матолы, я делал все возможное, чтобы познакомиться со всеми деталями этого негритянского поселения, и я должен признаться, что прелести этого занятия до сих пор утешали меня в том зле, которое при других обстоятельствах давно внушило бы мне отвращение к этому месту. Под этим я подразумеваю трудность получения информации о более сокровенных обычаях, привычках и мнениях людей и, таким образом, проникновения так глубоко, как я, безусловно, желаю, в их интеллектуальную и нравственную жизнь. В Масаси эпидемическая веселость всего мужского населения была совершенно непредвиденным препятствием для достижения этой цели, и здесь, в Чингулунгулу, кажется, что либо у Матолы недостаточно влияния, чтобы заполучить мудрецов, которых я мог бы допросить, либо что он не хочет раскрывать мудрость своего народа незнакомцу. Это правда, что он сам обладает большим объемом информации и уже не раз сидел с нами и рассказывал об истории своего племени, но всякий раз, когда он мне особенно нужен, его невозможно найти, и нам говорят, что он охотится на Ровуме.

С антропологической точки зрения население здесь, в политическом центре великой равнины между горами Масаси и Ровума, столь же неоднородно, как и в самом Масаси, за исключением того, что здесь, внизу, ваяо в настоящее время не просто численно составляют большинство, но и политически превосходят своих соседей. Это, как и на севере, Макуа, Вангиндо, Ваматамбве и Маконде, и здесь, как и там, различные племена живут бок о бок без каких-либо фиксированных правил. История яо, вплоть до того времени, когда они поселились на этой равнине, полна перемен и приключений. Долгое время — с того момента, как они впервые стали известны европейцам, почти до наших дней, их без колебаний причисляли к семейству кафиров. Поскольку, подобно вангони и почти одновременно с ними, они мигрировали с юга на север, то есть из региона к востоку от Удела и южной оконечности Ньясы к Ровуме и Лудженде, и поскольку они в то же время демонстрировали равную свежесть и физическую силу с этими воинственными воинами с дальнего юго-востока континента, было естественно, что их следует рассматривать как иммигрантов из субтропической Южной Африки, другими словами, кафиров. Теперь известно, что эта точка зрения ошибочна; их язык, очевидно, принадлежит к группе идиом восточных банту, и совершенно ясно, что они не имеют ничего общего с южной оконечностью Африки.

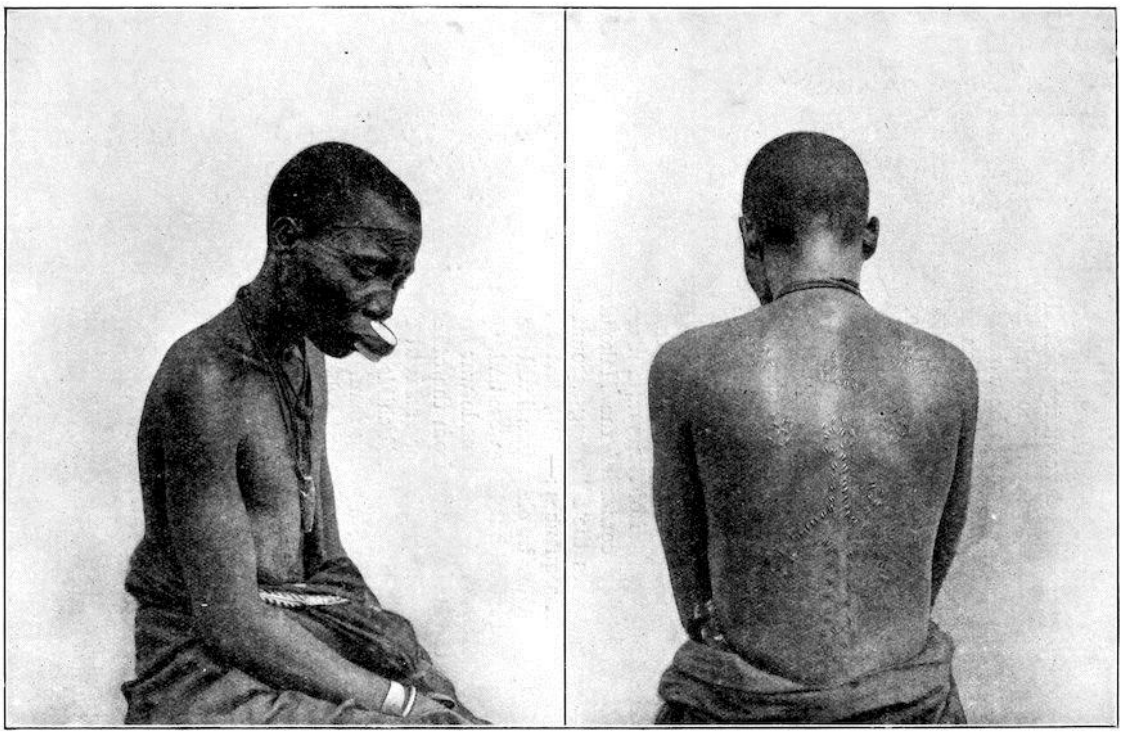
Если мы узнаем историю этого народа от людей, которые либо достаточно взрослые, чтобы помнить несколько из многих десятилетий, на протяжении которых продолжались племенные скитания, либо, подобно Зузе, Матоле и Накаму, занимают положение, которое

делает их по праву рождения передатчиками племенной традиции, мы всегда обнаружим, что регион к востоку от южной оконечности Ньясы упоминается как отправная точка всех этих (в основном непроизвольных) миграций.

Пара пожилых яо, которых мы вызвали независимо от Матолы, с помощью двух или трех крепких *аскари*, сообщили мне следующее: “Когда—то, давным-давно, яо жили в Квисале Кучечепунгу. Кучечепунгу - это имя вождя, под началом которого они мирно жили в горной стране Квисале. Затем разразилась война, в которой яо были разбиты, и они ушли в страну вождя Макуа Мтарики. Но это было очень давно; я, Акундонде (представитель этой исторической комиссии), знаю об этом только от людей старше меня.

“У Мтарики яо тоже пришлось плохо, потому что этот могущественный вождь Макуа объявил им войну и изгнал их. И они отправились в Маламбо, который находится за Мкулой. В Маламбо яо оставались долгое время, но в конце концов они были изгнаны оттуда тем же Мтарикой; затем они поселились у реки Лумесуле в стране Донде, а оттуда впоследствии отправились в Масаси”.

Это произошло, когда Акундонде был большим парнем. Поскольку пожилому джентльмену должно быть несколько за шестьдесят, этот поход на равнину Масаси следует датировать концом пятидесятых годов. В Масаси яо были атакованы вангони, но разбили их и отбросили обратно в направлении Килва Кивинджа. Несмотря на этот успех, яо удалились в более безопасное место на плато Маконде. Здесь они снова подверглись нападению вангони при Махуте, но это было во времена старшего Матолы. После этого Бакири приехал с Занзибара, и это стало началом совершенно новой эпохи.



ЖЕНЩИНА Из МАТАМБВЕ , УКРАШЕННАЯ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ КЕЛОИДАМИ

Этот занзибарский бакири и его появление на "Ровуме" безошибочно показывают, как мало мы в сущности знаем об этом туземце и его истории. Герр Эвербек прожил в стране более десяти лет и всегда проявлял живой интерес к истории своего округа; но он никогда не слышал ничего, кроме смутных слухов о посольстве султана Занзибара. Тем более живы воспоминания об этом событии среди тех, кого это касается, в самой стране. В случае

Акундонде и его современников, которые в то время, должно быть, были взрослыми мужчинами, этому не стоит удивляться; но даже Матола и его поколение, которые тогда были всего лишь детьми или, возможно, даже не родились, сразу приходят в волнение, когда разговор заходит о Бакири (уже в некотором роде легендарном персонаже) и его памятном марше.

Эта экспедиция, которая, согласно информации, полученной в результате расспросов Эвербека, имела своей целью добычу угля в Лухенде, большом южном притоке Ровумы, в сознании местных племен полностью утратила характер путешествия и приобрела характер *шаури*, знакомый и характерный для всех этих племен. Но этот *шаури* - это собрание всей местной знати и их соплеменников — неизгладимо запечатлелся в памяти народа. Это знаменитое *шаури* Нкуньи, место, которое все еще существует в юго-западном углу плато Маконде. Матола Младший дает следующий отчет о его причинах, течении и последствиях:—

“Яо в старые времена жили гораздо дальше на западе и юге, но там им было плохо. Старый вождь Макуа Мтарика из Мето пошел на них войной, а когда его не стало, мазиту пришли с другой стороны и тоже пошли на них войной. Они убили или обратили в рабство мужчин племени яо и увели женщин и детей. Это произошло, когда старый Матола был совсем молодым человеком. Сейчас он был бы очень стар, если бы все еще был жив; но он умер двенадцать лет назад, в преклонном возрасте, но все еще довольно силен.[25]

В конце концов Матоле пришлось бежать; он отправился сначала в Верховья Бангалы, а затем вниз по этой реке, пока не оказался в трех часах ходьбы от Ровумы, где умер его второй брат. В этом месте Матола был всего лишь маленьким вождем, потому что всего у него было всего пять хижин. Но он был храбр и умен, совершал набеги на другие племена , а также был великим охотником, который убивал много дичи и обменивал мясо на кукурузу. Из Нижнего Бангала Матола перебрался к реке Невала и построил свои хижины в долине у подножия плато Маконде. Здесь он прожил долгое время; но земля принадлежала Маве, Макуа. Затем из Микиндани в Нкунью приехал человек по имени Бакири, чтобы провести *шаури*. Он созвал все племена: ваяо, вамакуа, ваматамбве и вангони. Они пришли, все вместе, войсками, и Бакири выступил в качестве судьи. Вангони и ваматамбве испугались и убежали; макуа тоже убежали; остались только Матола, Мава и еще кое-кто из макуа. *Шаури* длился с утра до вечера и всю ночь напролет до следующего утра, а утром Бакири сказал Матоле: ‘Я отдаю тебе всю страну; это правда, что до сих пор я очень мало слышал о тебе и твоем вождестве, но все остальные сбежали, и остался только ты; поэтому я вижу, что тебе можно доверять. Так ты будешь править всей страной’. Мава тоже согласилась на это. Он сказал: ‘Я стар и скоро умру; правь всей страной ты’. Так и случилось. Матола I. правил мудро и справедливо, хотя и сурово. Сначала он переехал в Микиндани и посадил там пальмы, затем вернулся вглубь страны, на полпути к Невале, а оттуда, наконец, в саму Невалу. Там он сначала жил на плато из-за нападений мазиту; затем он спустился в долину, но в конце концов ему снова пришлось вернуться на высоты. Он умер там, в Невале, и там он похоронен.

Во многих отношениях очень интересно наблюдать за этими смуглыми старцами, погруженными в свои воспоминания о прошлом. Обычно они хорошо говорят; хорошо известно, что так говорит большинство уроженцев Африки; они обладают природным красноречием, которое позволяет избежать искусственной фразеологии, но быстро находят простое, естественное выражение и вписывают его в структуру предложения. Лишь время от времени мы встречаем человека, чьи способности притупились от старости и чья речь не так гладко льется из его беззубого рта. Зубы старых туземцев ни в коем случае не находятся в том цветущем состоянии, которого можно было бы ожидать, судя по ослепительно белым рядам слоновой кости, которые характеризуют молодость черной расы. Коронки их зубов быстро

изнашиваются из-за большого количества песка, который входит в их повседневную пищу. Просо, кукуруза и рис одинаково измельчаются на камнях; об износе, которому они подвержены, свидетельствуют глубокие углубления в нижней части и быстрое уменьшение размеров верхней части после длительного использования. Образующиеся в результате мельчайшие частицы камня не совсем благоприятно влияют на зубы, преждевременному разрушению которых, кроме того, способствуют искусственные деформации, о которых я подробно расскажу позже.

Также стоит обратить внимание на тот вид интеллектуальной деятельности, который здесь происходит. Европейский исследователь должен с самого начала занять очень критическое отношение к туземцу и его заявлениям по любому вопросу, поскольку стандарт правдивости нашего чернокожего брата, как известно, не очень требователен. Но здесь, на историческом факультете, рассказчики проверяют друг друга, сознательно или бессознательно, я не могу решить. Один начинает — поток его красноречия некоторое время течет мирно, а затем другой внезапно прерывает его: "*А! А!*" — неподражаемый, отрывистый звук, дважды повторенный и сопровождаемый еще более неподражаемым жестом осуждения, как будто кто-то должен сказать: "Прекрати, мой друг, ты несешь чушь!" Но возражение попадает в цель, рассказчик прерывается, советуется со своей исторической совестью, а затем представляет обсуждаемый факт в версии, которая, как выясняется при опросе других, находит их одобрение.

Характерно для жизни в этих краях, что каждый рассказчик может рассказать историю только своей собственной племенной группы. Все эти люди, будь то яо или макуа по национальности, были разбросаны по стране небольшими по численности группами, которым можно давать названия орды, клана или отряда, как кому заблагорассудится. Таким образом, определенное, исторически обоснованное племенное сознание не могло быть сформировано, а если бы оно уже существовало, то имело все шансы быть утраченным. Точно так же они не знают ничего, кроме самих себя и своего ближайшего окружения. Задача этнологии - собрать как можно больше таких индивидуальных свидетельств, чтобы в конечном итоге выстроить из них целостную структуру истории племени. Насколько я понимаю, в сборе таких рассказов не будет недостатка в трудолюбии и настойчивости.

Теперь, однако, наступает последний и самый восхитительный штрих — наиболее характерный для Африки. В отсутствие письменности у туземца нет возможности правильно оценить время. Его удивление и растерянность, когда его спрашивают о его собственном возрасте, полностью выражаются во взгляде, которым он встречает спрашивающего; и никогда не встретишь людей, способных назвать даже приблизительный возраст своих собственных детей и внуков. Жизнь протекает слишком монотонно и без происшествий, и в то же время она слишком полна их мелких забот и радостей, чтобы оставлять им время для специальных упражнений памяти, даже если бы у них было хоть малейшее желание к такому ненужному умственному напряжению. Наконец — и это, вероятно, действительно решающая причина — не существует такой вещи, как обязательная или иная регистрация; и поэтому маленького чернокожего гражданина мира не беспокоят вопросы пространства и времени; он берет себе жену — или жен — и заводит семью, и никому не приходит в голову поинтересоваться, должным ли образом внесены он и его возраст в реестр.

РУЧНАЯ ХРОНОЛОГИЯ. “ЭТО СЛУЧИЛОСЬ, КОГДА я БЫЛ ПОД КАЙФОМ”

Полное отсутствие фиксированной хронологии особенно остро ощущается в истории племен. Учитывая, с одной стороны, уже упоминавшееся абсолютное безразличие к пространству и времени, а с другой - трудность формулирования понятных вопросов, гарантирующих отсутствие вводящих в заблуждение ответов, я был готов отчаяться в любом удовлетворительном результате; но вскоре я обнаружил, что мои информаторы владели примитивным, но достаточно надежным методом датирования событий.

“Когда это ты жил на Люмезуле?” Я спросил старого Акундонде. Не говоря ни слова, он вытянул правую руку горизонтально, на высоте, примерно соответствующей высоте двенадцатилетнего мальчика, и грациозно согнул ладонь вверх, так что локоть образовал почти прямой угол. Я наблюдал за этим маневром в немом изумлении, но Кнудсен немедленно дал объяснение под одобрительный ропот всех присутствующих. По-видимому, это местный способ обозначения роста (и, следовательно, возраста) человека; рост животного всегда показывают, вытягивая руку прямо, не поднимая кисти. Я должен признаться, что среди всех новых и странных впечатлений, которые до сих пор переполняли мой разум здесь, в Африке, это тонкое и в то же время столь значительное различие между человеком и животным является самым поразительным. Накам в Мвити использовал несколько иную пантомиму, когда рассказывал мне историю яо. Накам проводит различие между чистыми и смешанными яо, причисляя к первым чиваула, катули и каландже. Этот момент до сих пор не признавался в этнологической литературе, посвященной яо; и его следует приберечь для последующей критики, чтобы проверить свидетельства моего умного, но, возможно, несколько скользкого информатора из Чиваты. Согласно Накаму, родиной истинных яо является Ликопольве, холмистый район в стране Чизи, на португальской территории между Матакой и горой Унангу. Они были изгнаны оттуда вождем Мпутой, когда мать Накаама была еще маленьким ребенком, ползавшим на четвереньках. Накаам, по его собственному свидетельству, четвертый ребенок своей матери, и ему может быть от сорока до сорока пяти лет. После мпуты пришли другие макуа и еще больше разделили племя яо. Накам, несомненно, считается интеллектуальным гигантом, если говорить сравнительно, но даже он не смог назвать точной хронологической даты. Некоторую компенсацию за это можно было найти в комичном зрелище, когда дородный вождь, обычно олицетворявший достоинство, был настолько увлечен своим повествованием, что забыл о своем высоком положении и показал нам в самой реалистичной пантомиме, как его мать ползала по земле, когда была младенцем.

Матола почти во всем отличается от Накаама. Разница видна даже в их костюмах: Накам одевается, как житель побережья, в длинное белоснежное *канзу*, в то время как Матола - европеец сверху и Яо снизу, одетый в цветную хлопчатобумажную жилетку, как и все его подданные, под обычным европейским пиджаком. Признаки хитрости, столь характерные для Накама, здесь совершенно отсутствуют; Матола производит впечатление честного человека, и таковым он фактически и является, если мы можем судить по свидетельствам всех европейцев в Линди, которые когда-либо вступали с ним в контакт. Он всегда занят — либо он проводит суд под своей *баразой*, то есть разговаривает с дюжиной или двумя дюжинами мужчин, которые заходят туда в течение дня, либо он занят с нами и удовлетворением наших потребностей. Манерами он мало отличается от своих подданных. Курение здесь практически неизвестно, но все нюхают и жуют табак. Одним из последствий этой привычки является то, что люди постоянно отхаркиваются, и Матола не исключение. Еще одна неприятная привычка, которую он разделяет со своими соседями, - это постоянное почесывание. На самом деле, когда человек окружен такой толпой, среди всеобщего чесания трудно удержаться от того, чтобы не последовать приятному примеру. Я предполагаю, что это результат преобладающего стремления к чистоте; воды из двух или

трех отверстий в ближайшем русле ручья едва хватает для приготовления пищи и питья; драгоценной жидкости не остается даже для умывания лица, не говоря уже обо всем теле.

Из всех моих чувств лучше всего развито обоняние, которое ежедневно причиняет мне острые страдания. Когда группа туземцев удостаивает меня визитом, об их прибытии издалека возвещает запах, ингредиенты которого, включая расовый запах, пот, прогорклое масло, древесный дым и сотни других, наш язык слишком беден, чтобы описать их полностью. То, что ближе всего к этому, - это, возможно, выдох большого стада овец.

А потом мухи! Вместе с запахом, который, так сказать, марширует впереди основной массы, они стаями набрасываются на незадачливого европейца. Я считал себя образцом благоразумия и предусмотрительности, привезя с собой из Лейпцига две пары очков с дымчатыми стеклами. Одна из них долгое время находилась на носу Морица. Негодяй появился в один прекрасный день, страдая от острого конъюнктивита, который, благодаря моему энергичному лечению, к настоящему времени полностью излечен. Но этому тщеславному парню и в голову не пришло восстановить очки, которые я в порыве преувеличенной филантропии предоставил в его распоряжение. О том, что они ему больше не нужны, в достаточной степени свидетельствует тот факт, что он обычно снимает их при ярком солнечном свете, но вместо этого надевает в сумерках дома и, конечно, спотыкается обо все, что случайно оказывается поблизости. Другая пара превосходно служит мне на открытом воздухе, но в темной *баразе* они поглощают слишком много света, и, таким образом, я остаюсь без защиты от мух, которых туземцы приносят с собой. Эти африканские насекомые и наши европейские домовые мухи не должны упоминаться на одном дыхании. Подобно вспышке молнии, существо размером с маленькую пчелу бросается на вас — не попадая прямо в глаз, а описывая касательную и проходя внутри всего века с такой невероятной быстротой, что защититься абсолютно невозможно. Это повторяется снова и снова, в то время как жертва со смешанным чувством изумления и ужаса наблюдает, как маленькие негодяи готовятся к нападению, ненадолго задержавшись на воспаленных веках туземцев. Инстинктивно человек начинает бешено наносить удары со всех сторон, но безрезультатно: рейд уже успешно завершен. Кнудсен меньше страдает от этой чумы, чем я, и, по-видимому, также от ранее упомянутой; ибо, в то время как я всегда чувствую себя более или менее плохо после *шаури*, длящегося несколько часов, светловолосый норвежец весь день неподвижно сидит среди людей.

Здесь мало что можно увидеть о женщинах. Матола неоднократно отдавал строгие приказы, чтобы все они пришли и сфотографировались, но пока появились только четверо или пятеро. Едва завидев меня, они убегают так быстро, как только позволяют их врожденное достоинство и особенности женского пути развития.

С другой стороны, меня постоянно осаждает местная мужская молодежь. Наша резиденция окружена идеальной стеной маленьких мальчиков, сидящих на корточках на земле с широко открытыми ртами и тупо и неподвижно смотрящих на белого незнакомца. Этот открытый рот распространен среди здешних детей повсеместно, как и хорошо известный выпуклый животик; вряд ли это удивительное явление, если посмотреть на количество неперевариваемой растительной пищи, которую один из этих мальчиков запихивает в себя в течение дня. Я не могу судить, как эта непреднамеренная деформация тела исчезает впоследствии, но то, что это должно произойти, несомненно, поскольку взрослые все без исключения мужчины хорошо сложены.

НАШ ЛАГЕРЬ В ЧИНГУЛУНГУЛУ

Темный Континент не питает ко мне любви; на марше он ежедневно преследовал меня своими ураганами, и здесь, в Чингулунгулу, он осуществляет систематический план по изгнанию меня из своих недр. Кнудсен и я ужинаем между двенадцатью и часом. Первоначально время было назначено ровно на двенадцать. Размеренным шагом Мориц и Али Кнудсена приближаются со стороны кухни с неизбежной тарелкой консервированного супа. Мы готовы весело накинуться друг на друга, каждый — как здесь принято — за своим собственным походным столиком, когда слышим звук порывистого сильного ветра, доносящийся все ближе и ближе. Пыль, трава и листья взметаются в воздух; человек инстинктивно заносит руку или кепку над тарелкой, но все напрасно — вращающийся хаос пепла, пыли, пучков травы и всевозможной грязи, которую можно изучить только в этой стране, захлестывает нас сзади; *бараза* стонет во всех своих лучах; мальчики вылетают, не сопротивляясь и беспомощные, на открытое пространство впереди; и тогда все кончено. Когда мы можем открыть глаза под коркой инородного вещества, покрывающего наши лица и все остальное, мы как раз вовремя, чтобы увидеть соломенные крыши хижин, вальсирующие в воздухе, прежде чем все это явление исчезнет в *пори*. В первый день, конечно, мы были совершенно беспомощны; на второй мы снова были подавлены, хотя и не помышляли ни о чем дурном; на третий я предложил отложить ужин на четверть часа. Это было бесполезно, вихрь налетел всего четверть часа спустя. Мы продолжали вести регулярную войну против этого полуденного вихря, и пока что нас побеждали по всей линии. Это всегда начинается в тот момент, когда приносят суп. Мориц и Али едва успевают захлопнуть крышки от пары банок над нашими тарелками, как все уже готово. Чтобы защититься от этого, а также, надо сказать, от назойливого любопытства детей страны, малых и великих, мы устроились под *баразой* Матолы, натянув ширму из стеблей проса прямо через зал, достаточно высокую, чтобы доставать до крыши, и установив две другие ширмы на концах первой, сходящиеся друг к другу, так что теперь мы находимся в закрытой комнате. Но мой заклятый враг, *чимбунга*, проникает даже в эту тщательно охраняемую квартиру.

Водоснабжение этого региона само по себе является предметом обсуждения. Из всех прелестей Чингулунгулу это было то, на чем Кнудсен останавливался с наибольшей любовью

— человек может быть очень болен и несчастен, но глоток из этого непревзойденного источника вернет здоровье самому немощному. Одна из наших первых прогулок после того, как мы переболели лихорадкой, ознаменовавшей наше прибытие в это место, была к его главным колодцам. Они находятся недалеко от дороги, ведущей от Зузы, и я увидел бы их как раз перед нашим приездом, если бы в то время не был скорее мертв, чем жив. С превеликими ожиданиями я шел по тропинке, ведущей к указанному месту — самое большее в двухстах ярдах, — за мной следовала длинная вереница мальчишек и парнишек-полувзрослов. “Вот мы и пришли”, - внезапно сказал мой спутник, когда мы увидели несколько женщин и молодых девушек, сидящих на корточках в трех просторных ямах глубиной около шести футов.

“Ну, а как насчет весны?” - Спросила я, поскольку яркие описания норвежца все еще стояли перед моим мысленным взором.

“Да ведь там, внизу, эти отверстия — это источники; разве ты не видишь женщин, которые черпают воду?” Это я, конечно, видел, и мои иллюзии рассеялись в мгновение ока. Но их место с такой же быстротой занял научный интерес, связанный с гидрографией страны в целом и Чингулунгулу в частности; и об этом я смог составить довольно ясное представление, обойдя три ямы и спустившись в каждую из них.

ВОДОЕМЫ В ЧИНГУЛУНГУЛУ

Реки и ручьи здесь, на внутреннем склоне плато Маконде, относятся к типу, называемому *вади* в Северной Африке или *Омурамбе* на далекой территории Германии на юго-западе — иными словами, в них есть вода круглый год, но только в недрах; на поверхность вода выходит только в сезон дождей и сразу после него. Чрезвычайно обильные дожди закончились несколько месяцев назад, так что неудивительно, что людям каждый день приходится все глубже копаться в руслах рек в поисках воды. Здесь они местами проникают

прямо через надземные пласты, и Мориц не может не похвалить эту воду, которая поступает прямо из живой породы. Возможно, она действительно сравнительно бедна бактериями и безвредна даже для европейцев, но то, что я увидел о способах ее получения, побудило меня продолжать с момента моего прибытия и настаивать на том, чтобы скрупулезно выполнялась процедура, привычная для меня с тех пор, как мы покинули Линди, - вся питьевая вода обрабатывалась квасцами, фильтровалась и кипятилась.

Ни в одной сфере повседневной жизни контраст между Европой и Африкой не проявляется так резко, как в вопросе водоснабжения. Вместо латунного крана и прозрачной, прохладной воды в чистом стакане мы находим задумчивую женщину, склонившуюся над мутным колодцем с водой, почти такую же грязную. Позади нее, на высоком берегу, стоит ее увесистый глиняный кувшин. Она сидит, апатично уставившись в узкое отверстие, держа в правой руке обычный половник (половинка скорлупы какао-ореха с просунутой сквозь нее деревянной ручкой). Наконец скопилось достаточно жидкости, чтобы стоило погрузить ковш под мутную поверхность; не без изящества, со свойственным негритянке покачиванием, она достигает верха банки, и вода молочной струей льется в большой кувшин, процесс повторяется так часто, как необходимо, пока он не наполнится. Затем она идет к ближайшему кусту и возвращается с пригоршней свежих зеленых веточек, которые осторожно вставляет в горлышко банки. Это не проявление декоративного инстинкта или какого—либо чувства к красотам природы - ни мужчина, ни женщина в этой стране не продвинулись так далеко; на самом деле, как бы высоко мы, европейцы, себя ни ценили, это чувство к природе даже у нас развилось сравнительно недавно. Туземец, в первую очередь, практичен - на самом деле, он ничто иное, как непрактичность. Без этого пучка листьев кувшин с водой, наполненный до краев, опрокидывался бы при каждом шаге, заливая голову и тело носильщика; но, как бы то ни было, ни одна капля не проливается, веточки и листья препятствуют любому волнообразному движению в узком пространстве. *Probatum est*.

ЖЕНЩИНЫ-МАКОНДЫ Из МАХУТЫ

Кофемашины могут использоваться по-разному. Мой повар Омари с самого начала отказался использовать мой по назначению, и он очень пригодился для изготовления фильтра. Древесный уголь всегда под рукой; его легко растолочь на мелкие кусочки и насыпать глубоким слоем в жестяную воронку, которая благодаря двум тонким ситечкам, таким образом, является отличным фильтром, простым, портативным и легко ремонтируемым. Это дает Морицу и Кибване гораздо больше работы, чем хотелось бы ленивым негодяям. Ранее изучая проблему отложения осадочных пород в различных типах воды, я знаю, что соли ускоряют осаждение всех твердых веществ. Квасцы - осветлитель, предназначенный для этой экспедиции. Умеренно крупную жестянку легко раздобыть у любого индийского торговца, и носильщики вскоре поставили в тени *баразы*длинный ряд кувшинов и тыквенных тыкв, поспешно позаимствованных у местных жителей. “*Dawa ya Ulaya!*” Я зову Кибвану, имея в виду на этот раз банку с квасцами. *Дава* - это все, что производит эффект, который местный житель не в состоянии понять, а Улайя - это любая страна за пределами его родной — обычно Европа, а иногда и Германия в частности; но даже American petroleum, по его мнению, поступает из Улайи. В каждую банку кладется щепотка соли, которая при перемешивании приобретает угрожающую густоту и примеси. Тем не менее, Мориц называет этот бульон “*маджи мазури*” (“прекрасная вода”), название, которое подходит к нему, на мой взгляд, только по прошествии нескольких часов. Тогда, действительно, вино становится прозрачным как хрусталь. Аккуратно слив его, мальчики дважды, трижды или даже четырежды процеживают через угольный фильтр. Омари кипятит его в течение десяти минут, угрожая самым суровым наказанием в случае неудачи. Его оставляют остывать на ночь, и утром это напиток для богов, хотя таким его делает сначала охладитель воды, а затем добавление фруктового сиропа из Любека. Мое берлинское снаряжение, конечно, включало обычную большую алюминиевую флягу, которую носят с собой в экспедиции, но я никогда не мечтал ею воспользоваться. Вместо этого мы везем индийский кулер для воды из пористой неглазурованной фаянсовой посуды, который я купил в Линди по совету капитана Сейфрида за рупию и который плотно обвязан веревкой из кокосовых орехов для защиты в пути, а Кофиа туле носит его на своей лохматой голове скорее с достоинством, чем с изяществом. Кстати, меня забавляет, что Кнудсен и слышать не желает о том, чтобы обрабатывать квасцами свою питьевую воду. Он придерживается того же мнения, что и его друзья-туземцы, и считает, что в *дава я Улайя есть что-то сверхъестественное*, предпочитая мутное варево, которое берется из колодца. Что ж,*живите в Сибири*! В нашем восторге от сельтерской, приготовленной на моем аппарате sparklet, с добавлением фруктового сиропа мы полностью согласны. Это лучше, чем *помбе* высочайшего качества, производимый на знаменитых пивоварнях Чингулунгулу.

ГЛАВА IX
СРЕДИ ЯО

Чингулунгулу, 20 августа 1906г.

Самая большая услуга, которую Матола до сих пор оказывал мне, - это организация нескольких вечерних встреч с женщинами из его деревни, которых ему наконец удалось уговорить отправиться в логово льва. Мы с Кнудсеном только что закончили наш скромный ужин, и Кнудсен, как обычно, болтает со своим другом Дауди (Дэвидом), местным

проповедником, пока я сижу за своим столом и делаю заметки на день. Дауди принадлежит к Миссии Университетов, получил образование на Занзибаре и предпочитает говорить со мной по-английски. С моей точки зрения, от него мало что можно добиться, поскольку его идеи были сильно изменены христианством. Сегодня ночью восточный ветер, который в других случаях угрожал, несмотря на все предосторожности, погасить нашу лампу, как ни странно, не дует; и "Типпельскирх" беспрепятственно проливает свои лучи на нашу непривычную обстановку. У моей сигары тоже превосходный аромат, и все дышит уютом и удовлетворением, когда, почти неслышно ступая по рыхлой песчаной почве, по которой даже наши толстые европейские ботинки почти не шумят, появляется Матола и занимает свое привычное место на козлах. За ним следуют около тридцати женщин и девочек, большинство из них с младенцами на спине, большинство из которых мирно спят, хотя некоторые продолжают задыхаться и стонать, укрывшись покрывалом. Вся компания садится на корточки на полу между нами, тесно прижавшись друг к другу. Я прошу Кнудсена, который свободно говорит на яо, хотя и не владеет грамматикой, объяснить мне, чего я хочу, а именно песен и историй, а затем жду, что произойдет. Некоторое время ничего не происходит — за исключением того, что подросший мальчик, проскользнувший вместе с остальными, начинает рассказывать длинную басню; но он говорит так быстро, что уследить за ним невозможно. Конечно, он не может диктовать свою историю достаточно медленно, чтобы я мог ее записать. Это очень распространенный опыт — люди поют и говорят в фонограф с завидной готовностью, но приходят в беспомощное замешательство, когда их просят медленно диктовать слова. Действительно, вряд ли этого можно было от них ожидать. Мы решаем оставить мальчика для другой возможности, и снова наступает тишина. Затем раздается, сначала очень застенчивый, но вскоре набирающий уверенность и громкость, чистый женский голос. Вскоре к ним присоединяется припев и довольно долго чередуется с соло поочередно:—

Чакалакале, мвана джуа Кундунгу, мванджа ква тати, "Ананьиле литала ква тати Кунампуйе". Никваола ку литимбе, Кувалимаг Ченампуйе. Новый год ку муси ква атати вао. Nigómbaga uti nekugawíraga musi. Nekutamăgá.[26]

Значение этого таково:—

"Чакалакале, дитя Божье, ушел к своему отцу. Покажи мне дорогу к моему отцу — в Кунампуйе. Он пошел к руслу реки, где Ченампуйе рыхлил землю. Он пришел в деревню к своему отцу. Затем раздались выстрелы, и ему выделили деревню для проживания. И он жил дома.

Пока все шло гладко ... Песня подошла к концу. Матола, Дауди, Кнудсен и я с немалым трудом установили подлинность текста, и перевод был выполнен удовлетворительно; но, к сожалению, я вынужден отказаться от идеи получить фонографическую запись этого не такого уж неприятного эфира. После моих последних неудач в Lindi из-за жары, размягчившей записывающие цилиндры, я позже попытал счастья в Масаси, но результаты там были, за редким исключением, совершенно неудовлетворительными. Мягкость цилиндра не является недостатком при записи, напротив, она позволяет игле делать более глубокий отпечаток, но невозможность воспроизведения затрудняет проверку текста при последующей диктовке.

По поводу предыдущей песни особо нечего сказать. Сначала я сомневался в приведенном переводе *мваны джуа кундунгу*, но Матола и Дауди оба настаивали на том, чтобы объяснить это как "дитя Бога". Что понимается здесь под этим выражением, сказать невозможно; возможно, оно обозначает мятежника, поскольку дальше на север, в Усагаре и Уками, а

также на Руфиджи, лидеры маджимадзи фактически присвоили себе титул, имеющий примерно такое же значение. Приставка *ку* в имени Кунампуйе такая же, как *че*— оба примерно эквивалентны “мистеру” или “миссис”

ДВЕ МАТЕРИ И

Наконец-то мы закончили записывать и переводить текст. Матери наблюдали за нами в полном молчании, чего нельзя сказать о младенцах, которые, похоже, все страдают от простуды и из-за этого шумно дышат. Утверждения, содержащиеся во многих работах об Африке относительно счастья туземца в раннем детстве, не выдерживают проверки реальностью. Как только мать встает после родов, что она делает очень скоро, младенца кладут в ткань, которую она завязывает на спине. Там он остается весь день напролет, независимо от того, укладывает ли подруга матери ее короткие пушистые волосы, наслаждается ли сплетнями у колодца, окучивает ли, пропалывает ли или собирает урожай под палящим солнцем. Когда она часами толчет зерно в ступке, малыш бегает взад-вперед в такт ритмичным движениям ее рук, а когда она стоит на коленях перед жерновами, перемалывающими муку в тонкую белую муку, или сидит на корточках у очага вечером, румяный кусочек человечества никогда не покидает своего тесного и теплого, но не совсем гигиеничного гнездышка. Румянец держится недолго. Салфетки не готовятся, кожа вскоре обветривается и образуются глубокие трещины, особенно на суставах, а ужасные африканские мухи откладывают яйца на веки несчастных малышей, ни отец, ни мать никогда не поднимают руку, чтобы отогнать их — им и в голову не приходит приложить такие усилия для собственной пользы! Неудивительно, что маленькие глазки, о которых в случае с нашими собственными детьми мы привыкли думать как о самом замечательном и прекрасном, что есть в органической природе, должны быть затуманенными и тусклыми. Грибковые язвы (результат “молочницы”) видны выступающими синевато-белыми массами из носа и рта. Универсальные простудные заболевания являются следствием большой разницы температур между днем и ночью. Родители могут защитить себя с помощью огня и своих ковриков; ребенок промокает, остается лежать нетронутым и без присмотра, промерзает насквозь и, конечно же, простужается. Отсюда всеобщее покашливание и шмыганье носом в нашей *баразе*.[27]

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА

Женщины заметили, что первый номер программы закончен, и тот же сольный голос, что и раньше, начинает снова, мягко и не без мелодичности. -*Селету, селету, сонго католе, тунанде сонго католе*. В этой песне тоже чередуются соло и припев, как и в предыдущей. Я уже достаточно знаю яо, чтобы перевести два слова, *songo katole*; их значение “Принеси *songo*” (змею) вызывает у меня любопытство относительно остальных. И это правильно, ибо как кто-либо может пригласить человека вырастить эту самую ядовитую рептилию в Восточной Африке, укус которой мгновенно приводит к летальному исходу, в настоящее время остается загадкой. Однако я сдерживаю свое любопытство, пока не услышу следующую песню, которую можно рассматривать просто как продолжение первой, поскольку мелодия та же, и единственное отличие заключается в представлении другого животного — льва. Эти слова звучат следующим образом:—

Соло: Селету селету, симба католе.

Припев: Селету селету, симба католе.

Соло: Селету селету, симба окото.

Припев: Селету селету, симба окото.

У меня хороший слух, но, к сожалению, у меня не было никакого музыкального образования, и я никогда так сильно не сожалел об этом, как сейчас, здесь, в глубине Африки, особенно теперь, когда мой фонограф *неисправен*. Это не имело бы такого большого значения, если бы я мог сразу занести простую мелодию в свою записную книжку, но сейчас мне придется вообще обойтись без записи. В обеих этих песнях строчка, спетая сольным исполнителем, повторяется всем хором, и это чередование продолжается неопределенное время, пока исполнители не устанут.

В обоих случаях слова при переводе достаточно просты:

(1)
Селету, *селету*, змея *сонго*, принеси ее сюда и дай нам поиграть, принеси ее сюда, *змея*.

(2)
Селету, *селету*, лев, приведи его сюда —*селету*, *селету*, лев прекрасен.

Вот и все. Я думаю, что восхищение, выраженное здесь двумя существами, очень опасными для туземцев, следует объяснить скорее как своего рода *порабощение*, чем как результат какого-либо чувства к природе или художественного восторга от ярких красок змеи или мощного телосложения льва. И дети, и взрослые больше беспокоятся о *сонго*, чем о любом другом существе; говорят, что он живет среди скал, у него гребень, как у петуха, и издает звуки, которыми он приманивает свою добычу.[28] Он молнией бросается на свою жертву с дерева, нависающего над тропинкой, ударяет ее в шею, и она падает замертво. Туземцы снова и снова описывали мне всю эту сцену с помощью самой выразительной пантомимы. Вполне понятно, что этой змеи следует бояться больше всего на свете, и, учитывая аналогичные явления в других частях света, кажется вполне естественным, что они пытаются умилостивить этого ужасного врага, воспевая ему дифирамбы как в высшей степени достойному участнику танца. Точно то же самое можно сказать и о льве.

Теперь все становится более оживленным. "*Чиндави!*" - кричит один из них, что примерно можно перевести как "Я тебе кое-что скажу!"[29] и другой отвечает "*Аджисе!*" ("Пусть это произойдет"). Теперь первая говорящая произносит: "*Аджу, аджи*", - и проводит правой рукой в воздухе быстрыми, смелыми движениями. Я не знаю, что делать со всем происходящим, равно как и со значением ответа "*Кьювилили*" с другой стороны. Тупая застенчивость, которая поначалу была характерна для женщин, теперь уступила место легкому веселью, не уменьшенному моим озадаченным видом. Наконец приходит решение: "*Aju, aji*" означает просто "то-то и то-то",[30] и пассы рукой предполагается выполнять под вертикальным солнцем, когда тень по земле проходит так же быстро и бесшумно, как сама рука по воздуху. *Кьювилили* (тень), таким образом, является ответом на эту очень примитивную африканскую загадку.

"Чиндави!" — "Аджисе!" —игра продолжается заново, и на этот раз вопрос звучит так: "*Годжо годжо какуунгва?*" ("Что гремит в его доме?"). Я нахожу ответ на этот вопрос гораздо менее загадочным, чем первый — "*Мбелеменде*" (горох *бази*), который, конечно, считается все еще в стручке, растущим на кустарнике, напоминающем нашу бирючину. На самом деле, спелые семена издают дребезжащий звук на свежем утреннем ветерке.

Но в третий раз раздается "Чиндави!" — "Аджисе!", и на этот раз задача звучит так: "*Ачиванангу кулингана*". Я совершенно беспомощен, но Матола со своей обычной живостью выскакивает в круг, наклоняется и указывает вытянутыми руками на свои колени, под одобрительный гул аплодисментов. "Мои дети одинакового роста" - вот загадка; ее неожиданное решение - "*Malungo*" (колени). Мы, европейцы, с нашим холодно-расчетливым интеллектом, давным-давно утратили завидную способность раннего детства, которая позволяла нам олицетворять часть так, как если бы это было целое. Счастливая судьба позволяет африканцу сохранить его даже в глубокой старости.

К этому времени меня уже ничто не удивляет. Четвертый женский голос вторит "*Ambuje ajigele utandi*" ("Мой хозяин приносит еду"). Все лица, как одно, обращены к европейцу, который снова не может ничего сделать, кроме как смущенно пробормотать "*Sijui*" ("Я не знаю"). Ответ, торжествующе прокричанный мне — "*Уули!*" ("Седые волосы!") — на самом деле для нашего образа мыслей настолько притянут за уши, что я бы никогда об этом не

догадался. Возможно, эта загадка была подсказана тем фактом, что старый седовласый туземец действительно выглядит так, как будто его голова была припудрена мукой.[31]

Теперь идет последний номер программы, достаточно насыщенной даже для пресыщенного любознательного.

“*Чиндави!*” — “*Аджисе!*” звучит в последний раз. “*Пита купите акуно тусимане апа!*”[32] Волнение, с которым все смотрят на меня, по возможности больше, чем раньше; они явно наслаждаются чувством своего превосходства над белым человеком, который ничего не понимает в происходящем. Но на этот раз чрезмерное рвение выдало их — их жесты ясно показали мне, что скрывал их язык, потому что все они делали движение, застегивая пояс обеими руками. “*Лупунду*” (пояс), соответственно, является ответом на эту загадку, которая по самой своей интонации при переводе — “Огибает налево, огибает направо и пересекается посередине” — напоминает о подобных детских загадках дома, *например,*, хорошо известном “Длинные ноги, кривые бедра, маленькая головка и отсутствие глаз”.

Сам Матола выступил с "дополнением”, завершая вечер. Его вклад звучит так: “*Чикалакаса годже кунг—анда, кунг-анда еквете умбо”*, что в переводе означает “Черепа не играют” (или “танцуют”); “играют только те, у кого есть волосы (на голове)”.

В этой стране трудная работа переводчика всегда сопровождается работой комментатора, так что не требуется много времени, чтобы прийти к выводу, что это предложение можно рассматривать как вольную версию “Собирайте розы, пока можете“ или "Живая собака лучше мертвого льва”. Я тоже поворачиваюсь к Матоле и Дауди и торжественно произношу: “*Чикалакаса годже кунг-анда, кунг-анда еквете умбо*”, а затем обращаюсь к Морицу: “*Билаури нне за помбе*” (“По бокалу пива каждому из нас”).

Тусклый ликер уже булькает в наших сосудах для питья — двух стаканах и двух оловянных кружках. “*Спасибо*, мистер Кнудсен”; “*Спасибо*, профессор” - оба туземца молча склоняют головы. С искренним наслаждением мы позволяем прохладной жидкости стекать по нашим измученным жаждой горлам. “*Кунг-анда еквете умбо*“ ("Играют только те, у кого есть волосы на голове”).... Бесшумно и почти незаметно темные фигуры женщин ускользнули со словами “*Ква хери, Бвана!*”. Матола и Дауди тоже ушли, и я остаюсь наедине с Кнудсеном.

Наши руководства по этнологии рисуют ужасную картину участи женщины у первобытных народов. “Вьючное животное” и “рабыня” - вот эпитеты, постоянно применяемые к ней. К счастью, положение вещей не так плохо, как мы могли бы предположить на основании этого; и если бы мы взяли племена Восточной Экваториальной Африки в качестве образца примитивных народов в целом, картина, действительно, не изменилась бы вспять, а очень значительно изменилась. Дело в том, что женщинам не грозит погубить себя тяжелой работой — никто никогда не видел, чтобы туземка быстро ходила, и даже незаменимая работа по дому выполняется настолько неторопливо и непринужденно, что многие немецкие домохозяйки вполне могли бы позавидовать тому времени, которым они располагают. Среди внутренних племен, действительно, женщинам приходится несколько труднее: здесь нет предметов роскоши побережья; дети более многочисленны и доставляют больше хлопот; и — самое большое отличие из всех — здесь нет базаров или лавок, подобных индейским, где можно купить все так же легко, как в Европе. Так что ничего не поделаешь; жены и дочери должны с восходом солнца приступить к работе у ступки, веялки или точильных камней.

В шесть утра европеец беспокойно ворочался в своей узкой постели — ворочаться, пожалуй, вряд ли подходящее выражение, поскольку в такой узкой койке, как эта, такая свобода движений возможна только при полном бодрствовании и для человека, обладающего

некоторыми навыками в гимнастике. Ночь принесла скудное подкрепление. Во-первых, небольшой пожар произошел как раз в тот момент, когда я собирался ложиться спать. Кибвана, глупый, неуклюжий парень, отколол добрую половину стекла от моей последней лампы, когда мыл его. Он все равно будет гореть, благодаря латунному экрану, который защищает его от ветра, но при этом выделяет огромный жар. Должно быть, именно из-за этого несчастного случая в тот момент, когда я только слегка приподнял противомоскитную сетку, чтобы молниеносно проскользнуть под ней и обмануть непрестанную бдительность комаров, я внезапно увидел яркий свет над собой и позади себя. Я повернулся, и мне удалось сбить пламя примерно за три секунды, но этого было достаточно, чтобы прожечь дыру в квадратный фут в передней части сетки. Кибване придется зашить его кусочком *санда*, а тем временем его можно будет закрыть парой булавок.

Наконец, уставший, я опустился на свою кровать и погрузился в беспокойный сон. Было, наверное, около двух часов, когда я встал, сбитый с толку шумом, который заставил меня задуматься, поднялся ли Индийский океан со своего ложа, чтобы затопить эту равнину, как в старые времена. Палатка затряслась, и шесты грозили сломаться; вся природа была в смятении, и вскоре сквозь рев бури послышались новые звуки — многоголосый рев из задней части палатки - крики, вопли и брань со стороны тюрьмы, где мои солдаты уже проснулись и беспомощно шатались туда—сюда в кромешной тьме вокруг *баразы*. Ужасающий рев раздался совсем рядом со стеной моей палатки. Неужели львиная напасть последовала за нами сюда из Масаси? Быстро, как мысль, я выскользнул из-под занавески и нащупал в привычном месте свой спичечный коробок. Его там не было, и нигде в палатке его нельзя было найти. Прекратив поиски, я накинул на себя костюм цвета хаки, одновременно зовя часового и, таким образом, усиливая шум. Но часовой так и не появился. Я вышел и при свете головней, которыми владели солдаты, увидел, что они сражаются с плотной массой огромных черных зверей. Однако это оказались не львы, а мирный скот Матолы. Два дня назад у матери забрали теленка; с тех пор она продолжала жалобно мычать и, наконец, под шум бури выбежала из крааля, а за ней последовало все стадо. Два быка, дико вращая глазами, смотрели на факелы, которыми размахивали перед их мордами, в то время как более молодые животные ревели от ужаса. Наконец мы прогнали их обратно и с бесконечными хлопотами снова заперли в краале.

Белый человек в палатке снова заснул, и ему снится сон. Ночная стычка со скотом навела на мысль о другом виде боя с применением пороха и дроби против враждебно настроенных вангони Сонгеа. Выстрелы раздаются с обеих сторон со странно регулярными интервалами; внезапно они прекращаются. Что это значит? Враг планирует обходной маневр с фланга, чтобы обойти мой небольшой отряд? или он бесшумно подкрадывается через высокую траву? Я отдаю команду и бросаюсь вперед, утыкаясь носом в жестяную коробку № 3, которая служит мне боевым сундуком и поэтому находится внутри палатки напротив моей кровати. Мой прыжок бессознательно избавил меня от всех воображаемых опасностей и вернул к реальности. Снова начинается огонь взвода — бах! бах! бах! — и, несмотря на смятенное состояние, в котором события ночи вылетели у меня из головы, я вынужден громко рассмеяться. Обычная ружейная стрельба - это ритмичный стук пестиков, которыми орудуют две женщины Яо на территории Матолы, готовящие ежедневный запас кукурузной и пшенной муки для домочадцев вождя.

Я часто видел женщин и девушек за этой работой, но сегодня я чувствую, что должен уделить особое внимание именно этим нимфам, поскольку уже установил с ними психический *контакт*. Мне не требуется много времени ни на то, чтобы одеться, ни, когда с этим

покончено, выпить огромную чашку какао и съесть обычный омлет с бананами, а затем, не теряя времени, я направляюсь к группе женщин, сопровождаемый моим непосредственным телохранителем с камерой и кинематографом.

ЖЕНЩИНА, КОЛОТЯЩАЯ В СТУПЕ. РИСУНОК САЛИМА МАТОЛЫ

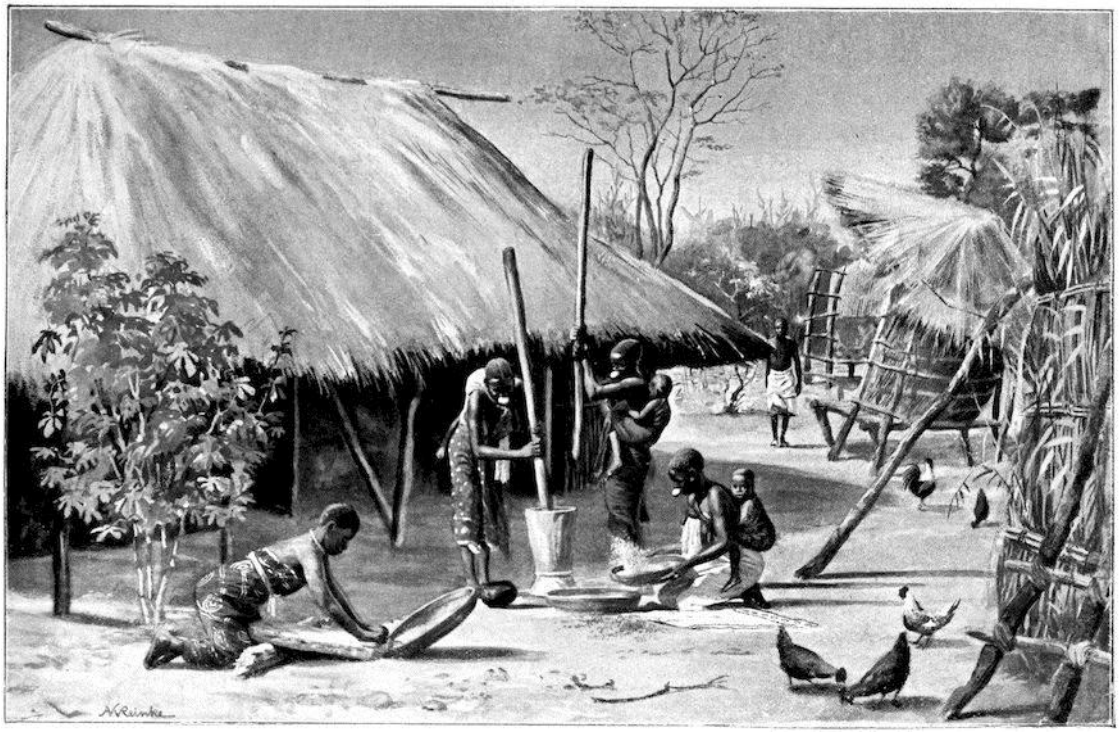
Я обнаруживаю, что там четыре женщины — две из них невозмутимо отбивают удары длинным тяжелым пестиком, который, однако, больше не напоминает пушечную или ружейную стрельбу, а скорее издает хлопающий звук. Матола объясняет, что сейчас в ступках находится кукуруза, в то время как ранним утром они растирали *мтаму* и производили грохочущий шум, который нарушил мой покой. Это зерно досуха очищают от шелухи, затем просеивают, затем промывают и, наконец, помещают в плоскую корзину для просушки на солнце в течение полутора часов. Только после этого можно измельчать кукурузу на косточках в муку. С другой стороны, кукурузу сначала очищают от шелухи путем растирания во влажной ступке, а затем оставляют замачиваться в воде на три дня. Затем его промывают и растирают. Мука сохранится, если подсушить.

Через некоторое время удары прекращаются, женщины делают глубокие вдохи и вытирают пот со своих лиц и груди. Это была тяжелая работа, и, выполняемая изо дня в день, она приводит к непропорциональному развитию мышц предплечий, что так бросается в глаза при худощавых фигурах местных женщин. Быстрым движением руки третья женщина вынула толченую массу из ступки и переложила ее в плоскую корзину около двух футов в

поперечнике. Затем следует веяние; удар за ударом с интервалом в десять и двадцать секунд рука с корзиной описывает полукруг, открытый снизу, — не равномерным движением, а серией рывков. Теперь видно, как шелуха отделяется от зерна, становится очевидной цель, которой служит ступка, и я нахожу, что она не имеет никакого отношения к производству муки, а служит просто для удаления шелухи.

Просеивание производится быстро, и при сильном рывке блестящее зерно летит в другую корзину. Теперь этим занимается четвертая женщина, пухленькое молодое создание, которое до сих пор лениво сидело на корточках возле примитивной мельницы всего человечества, плоского камня, на который теперь кладут первую горсть зерна. Теперь в нее входит какая—то жизнь - верхний камень с хрустом проходит по зернам — масса с каждым толчком становится белее и мельче, а сам работник заметно нагревается. Через некоторое время первая порция готова и медленно стекает вниз, выталкиваемая перед “бегунком” в неглубокую чашу, расположенную под краем нижнего камня. Женщина переводит дыхание, набирает новую пригоршню и снова принимается за работу.

Приготовление муки было, как это было повсеместно в древние времена, так и до сих пор остается среди индейцев Америки, употребляющих в пищу кукурузу, основным занятием женщин. Из-за примитивного характера орудий труда это, конечно, нелегкая задача, но и близко не такая тяжелая для них, как полевые работы, которые у нас выпадают на долю каждой жены поденщика, каждой деревенской служанки, а также жен и дочерей мелких фермеров. Я бы хотела увидеть африканскую женщину, которая выполнила бы работу по сбору урожая в Германии до конца, не протестуя и не убегая.



МЕСТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ГОТОВЯТ ЕДУ. (РАСТИРАЮТ, ПРОСЕИВАЮТ, ПЕРЕМАЛЫВАЮТ)

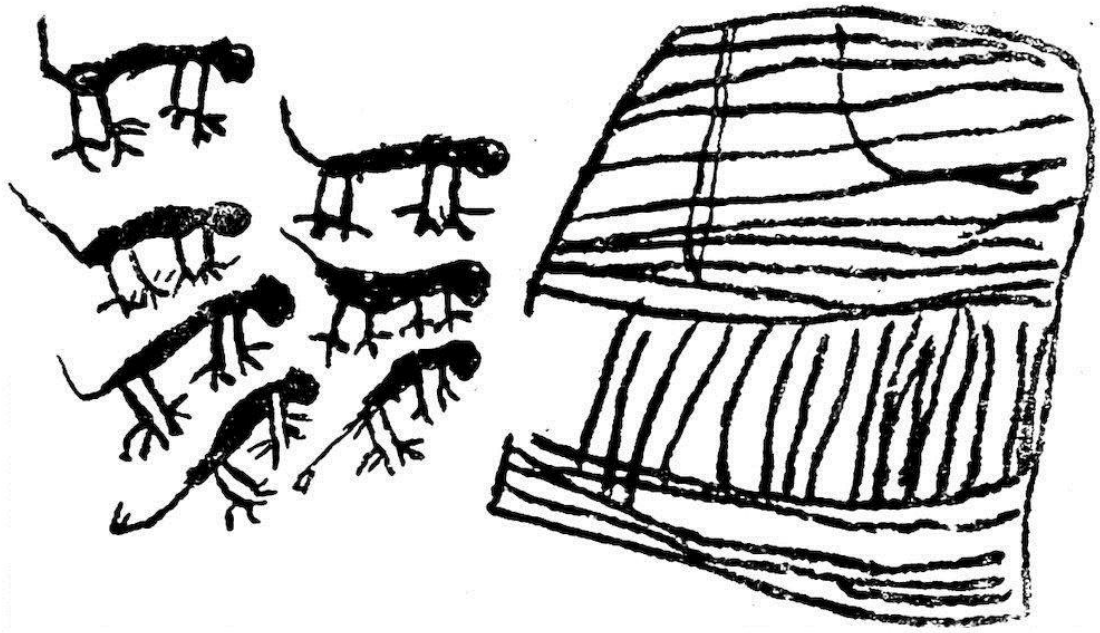
Забота о домашнем хозяйстве не является чрезмерно обременительной. Жена бедняка в нашей стране, конечно, не может приготовить большое разнообразие блюд, но ее домашнее хозяйство — само великолепие по сравнению с вечным однообразием местной кулинарии: сегодня пшенная каша, завтра маисовая, послезавтра маниоковая, а потом *da capo*. Можно признать, что приготовление этого диетического блюда, возможно, не так просто, как

кажется. Я мог бы предложить сравнение с тюрингенскими клецками, для безупречного приготовления которых требуется вдохновение гения — но, несомненно, самая глупая негритянка рано или поздно постигнет секрет правильного приготовления *угали*. Кнудсен, с его энтузиазмом относящийся ко всему подлинно африканскому, ест это блюдо с огромным удовольствием — для меня оно всегда на вкус как кусок льна, только что вынутый из пены. В принципе, операция достаточно проста — вы доводите большую кастрюлю с водой до кипения и постепенно добавляете необходимое блюдо, все время помешивая. Нужная консистенция достигается, когда все содержимое кастрюли загустеет до стекловидной, полупрозрачной массы. Если вы хотите сравнить какое-нибудь европейское блюдо, нам достаточно вспомнить поленту из Северной Италии, которая готовится похожим образом и имеет почти такой же вкус.

Я рад сообщить, что мастерство моего собственного повара намного превосходит мастерство местных домохозяек, хотя его способности — и, к сожалению, еще больше его готовность — оставляют желать лучшего. Сама внешность Омари уникальна — пара крошечных, коротких ножек, заканчивающихся чем-то вроде утиных лапок, поддерживают непропорционально длинное *туловище* с головой, которая, кажется, никогда не кончится; у мужчины, если можно выразиться гиперболически, полностью затылочный бугор. Он бондей с севера колонии, но, конечно, называет себя суахили; так делают все провинциальные вачензи, соприкоснувшиеся с цивилизацией Побережья, которая так ослепительна в их глазах. Омари - единственный женатый мужчина среди трех моих слуг; он говорит, что у него четверо детей, и говорит о своей жене с явным благоговением. На самом деле она не отпускала его до тех пор, пока он не оказал ей щедрую поддержку, *то есть*убедил меня открыть для нее счет на семь рупий в месяц в фирме, которая ведет мои дела в Дар-эс-Саламе.

Я одел трех своих чернокожих друзей в форменные костюмы цвета хаки, после чего все трое назначили себя капралами Полевых войск, убедив портного пришить к их левому рукаву шеврон черного, белого и красного цветов. Они невыразимо гордятся этим отличием, но их достоинства, к сожалению, отстают от их продвижения. В Масаси мне пришлось начать с нескольких сильных тумаков, чтобы стимулировать энергию Омари. Это исправление оказалось неэффективным в случае с двумя другими, поскольку они будут двигаться только за кибоко. Если бы каждого из троих нужно было характеризовать какой-то одной чертой, я бы сказал, что Омари - олицетворенное суеверие; Мориц - воплощенная хитрость; а Кибвана - вундеркинд глупости; в то время как мания (которая еще не полностью исчезла) приходить ко мне в любую свободную минуту и требовать аванса является общей для всех троих. Все трое, конечно, уходят в одинаковой спешке. Если бы при формировании моих этнографических коллекций мне приходилось иметь дело исключительно с такими людьми, как мой повар, я бы не сохранил ни одного экземпляра. Парень показывает амулет на левой руке — тонкий шнурок, на котором, по-видимому, вшит стих из Корана. Я небрежно заметил ему: “Просто продай мне эту штуку!” Он громко запротестовал, что не может и не будет этого делать, потому что неминуемо умрет в тот момент, когда она оторвется от его руки. С тех пор у меня вошло в привычку развлекать себя тем, что я время от времени предлагаю ему свой талисман; каждый раз он вызывает один и тот же протест. А что касается его рисунка! Однажды в Линди он принес мне карту своей родной страны, нарисованную им самим на листе засаленной бумаги. Никто не мог разобраться в этом, за исключением, возможно, дьявола, чье изображение он принес мне на следующий день, нарисованное на обратной стороне того же листа бумаги. У Принца Тьмы Омари не менее четырех голов, но только две руки и одна нога — по крайней мере, таково словесное описание, которое он мне дает; его рисунок, как и его карта, представляет собой неразрывный хаос кривых линий. Мои носители

- художники совсем другого склада. Какой дух, например, изображен на рисунке Джумы, обычно самого флегматичного из смертных, предназначенном для изображения стаи обезьян, нападающих на плантацию — фактически на его собственную *шамбу*. Но позже нам придется вернуться к рисованию туземцев.



ОБЕЗЬЯНЫ НАПАДАЮТ на ПЛАНТАЦИЮ. НАРИСОВАНО ДЖУМОЙ

Один провокационный трюк, сыгранный со мной моим поваром, был связан с моим запасом кофе. Я привез с собой из Дар-эс-Салама две большие банки, в каждой из которых было от шести до восьми фунтов самого лучшего сорта усамбара, одна обжаренная, другая необжаренная. По всем человеческим подсчетам, одной банки должно было хватить, даже при максимальной крепости моей полуденной чашки, по крайней мере, на несколько месяцев, так что я был совершенно ошеломлен, когда мой *шеф-повар* with the laconic announcement, “*Kahawa imekwisha*”, - что означает “Кофе готов”.). Последовало тщательное расследование. Омари настаивал, что употреблял для меня две ложки в день. Я велел Морицу открыть вторую банку и той же ложкой отмерить количество, которое, по его собственным показаниям, он должен был бы съесть в худшем случае. Это было сделано без заметного уменьшения количества в огромной банке. После этого я сказал ему в лицо, что часть кофе он использовал сам, а часть продал своим друзьям-солдатам. “*Хапана*” - был его единственный ответ. Единственный способ избежать этого систематического грабежа - ежедневно отмерять необходимое количество собственными руками, но это отнимает слишком много времени, столь срочно необходимого для работы. Более того, эта необходимость постоянного наблюдения была доказана мне другим случаем. Кибвана и Мориц обычно по очереди записываются на больничный лист, и иногда, на самом деле, часто оба становятся нетрудоспособными одновременно, обычно из-за лихорадки. Несколько дней назад Мориц объявил, что вот—вот умрет, но не здесь, в Чингулунгулу: в Линди умирать намного легче. Нильс Кнудсен, с его мягким сердцем викинга, до такой степени сжалился над бедным мальчиком, что я был, наконец, морально вынужден воспользоваться своим клиническим термометром, хотя время было не по регламенту: должен заметить, что в моей модельной аптечке есть только один из этих полезных инструментов. Состояние пациента — на момент смерти — было нормальным. На этот раз Мориц выздоровел с поразительной быстротой.

Однако в другой раз он был действительно болен, и я позволила ему приготовить себе утром большой кувшин моего какао. Полный дурных предчувствий, я отправился на кухню, когда он завтракал, и обнаружил, что не только он наслаждается комфортом, но и вся моя компания щедро угощена поваром содержимым одной из моих восьми банок. Можно ли ожидать, что кто-то воздержится от использования кибоко?

Местные развлечения, проводимые не за мой счет, определенно более приятны, чем вышеперечисленные. Распитие пива здесь происходит не утром, как в Масаси, а во второй половине дня. Должно быть, у Морица есть *склонность* к такого рода празднествам, поскольку всякий раз, когда он выступает в роли гида во время моих дневных прогулок в поисках знаний, мы обязательно натыкаемся на многочисленную компанию пьяных мужчин, женщин и детей. Таким образом, любовь к крепким напиткам, похоже, довольно сильно развита, хотя в этом году нет особого повода для того, чтобы выпить у Матолы. Наиболее заметным из таких мероприятий здесь, на юге, является *уньяго*, церемония посвящения в мужчины и женщины, о которой я слышал снова и снова, как от мужчин, так и от молодежи, хотя до сих пор я не видел ни малейшего следа такого мероприятия. В настоящее время я даже не вижу возможности лично присутствовать при разбирательстве, которое, судя по всему, представляется чрезвычайно сложным. Однако я полон решимости, что это так или иначе произойдет.

Причина, по которой в этом году в Чингулунгулу нет *уняго*, заключается в том, что в каждой деревне фестиваль проводится по очереди — вероятно, из-за расходов, которые не являются пустяками. Помимо огромного количества *помбе*, выпитого на многочисленных танцах, требуются огромные запасы провизии для посетителей, которые приезжают издалека, чтобы присутствовать на празднике; и, наконец, на побережье приходится покупать ситец как для новой одежды, в которой посвященные должны появиться после церемонии, так и для оплаты услуг их наставников, мужчин и женщин. У меня нет большего желания, чем досконально изучить этот обычай, чем все остальные, поскольку, насколько я знаком с литературой, касающейся Африки, эта часть социологической области все еще почти, если не полностью, не обработана.

Тем временем мужчины развлекают себя и меня другими способами. Еще до того, как я покинул Масаси, я увидел, как люди сбегались с криками: “*Сулила амекуджа!*” (“Сулила пришел!”), и огромная толпа собралась вокруг человека, который, очевидно, был незнакомцем. Начнем с того, что этот человек примечателен тем фактом, что, будучи совершенно слепым, он бродит по всей южной части Восточной Африки в полной безопасности. Это правда, что у него был спутник, но этот человек, столь далекий от того, чтобы быть его проводником, шел позади него, неся профессиональные принадлежности барда. Сулила, принадлежащий к племени яо, на самом деле профессиональный певец. Он по собственной воле предложил выступить в мой бенефис и в мгновение ока завершил все приготовления. Орудия его ремесла достаточно просты. При необходимости он заново формирует свою группу на месте: шесть или восемь человек выходят вперед, садятся на корточки квадратом, каждый кладет перед собой очищенное от коры бревно толщиной примерно в руку, берет в каждую руку по палке и ждет сигнала начинать. Мастер тем временем украсил себя с величайшим великолепием, прикрепив к коленям и лодыжкам наборы погремушек, состоящих из плодов с твердой скорлупой, размером с яблоки среднего размера, нанизанных на кожаные ремешки. Вокруг талии он носит килт, сшитый из целых шкур и полос шкур различных диких животных — диких кошек, обезьян, леопардов, — и, наконец, его голова украшена, а лицо затенено гривой зебры или какой-то крупной антилопы, похожей на варварскую корону.

СЛЕПОЙ БАРД СУЛИЛА ВОЗЛЕ БОМА В МАСАСИ

Сулила занял свое место в центре своего оркестра, держа струнный инструмент в левой руке, а смычок - в правой. Этот инструмент представляет собой монохорд с цилиндрическим резонатором, вырезанный из цельного куска дерева, струна, скрученная из нескольких волосков с хвоста одного из крупных местных млекопитающих, прикреплена к круглому куску дерева. Вместо канифоли он проводит языком по тетиве своего лука, который затем поднимает и прикладывает к струне, извлекая жалобную ноту, за которой немедленно следует ужасный рев самого Сулилы и оглушительный шум “ксилофонов” группы. Строго говоря, я склонен сожалеть о том, что отправился с научной миссией: видеть этого странного художника за работой - невыразимое удовольствие, и каждое отвлечение, вызванное работой аппарата, означает потерю удовольствия. Сулила действительно усердно работает — без перерыва он извлекает из своего примитивного инструмента те немногие ноты, на которые он способен, низкие и довольно приятные. Столь же непрекращающимся является его пение, которое, однако, менее приятно, по крайней мере, для европейцев. Его родная аудитория, похоже, воспринимает это как музыку *par excellence*, потому что они просто вне себя от энтузиазма. Голос Сулилы резкий, но мощный; возможно, что его сила в какой-то степени зависит от его слепоты, поскольку, подобно глухому человеку, он не в состоянии оценить масштаб производимых им звуковых волн. Он произносит свои слова в таком бешеном темпе, что, хотя мое ухо уже немного привыкло к языку яо, я едва могу различить что-то одно здесь и там.

Но самое очаровательное из всех достижений Сулилы - третье, поскольку он не только играет и поет, но и танцует. Его танец начинается с ритмичного покачивания коленями в такт нотам скрипки, в то время как с характерной неуверенностью слепого его лицо поворачивается из стороны в сторону. Через некоторое время раскачивание становится глубже и быстрее, танцор начинает поворачиваться, сначала медленно, затем все быстрее, наконец он с бешеной скоростью вращается вокруг своей оси. Его смычок тоже рвется, от его голоса вибрируют соседние кусты, оркестранты колотят по своим бревнам, как сумасшедшие, — это настоящее столпотворение, и публика в восторге.

Как уже говорилось, я не мог не сожалеть втайне о невозможности безоговорочно отдаться впечатлению от этих представлений, но долг исследования всегда должен быть преобладающим соображением. Часы, проведенные за камерой, кинематографом и граммофоном, предполагают скорее тяжелую работу, чем развлечение. С этим ничего не поделаешь, но, если некоторые результаты оказываются удовлетворительными, как, к счастью, произошло в моем случае, все трудности и дискомфорт с избытком компенсируются.

Нелегко получить фонографические записи голоса даже от туземцев, которые могут видеть. Вы ставите певца перед аппаратом и объясняете, как он должен держать голову, и что он должен петь прямо в центр воронки. “Вы понимаете?” вы спрашиваете его в конце лекции. “*Ndio*” (“Да”), он отвечает как само собой разумеющееся. Осторожным, каким человек должен быть раз и навсегда в Африке, вы проводите пробу, позволяя ему петь, не заводя аппарат. Мужчина все еще застенчив и поет слишком тихо, и его приходится подбадривать “*Квимба сана!*” (“Пойте громче!”). После второй попытки — иногда третьей и четвертой — найдена правильная высота звука. Я настраиваю аппаратуру, даю согласованный сигнал, и певец и машина начинают вместе. Какое—то время все идет хорошо - человек стоит как колонна. Затем что-то нарушает его равновесие. Он беспокойно поворачивает голову из стороны в сторону, и у него как раз есть время отключить аппарат и снова начать инструктаж с самого начала. Это то, что обычно происходит; во многих случаях, несомненно, именно тщеславие заставляло певца кокетливо поворачивать голову направо и налево, говоря так ясно, как только могли сделать слова: “Посмотрите, какой я славный парень!”

С Сулилой дело обстоит гораздо хуже. У него настолько вошло в привычку вертеть головой, что он не может остановить это, стоя перед фонографом, и первые записи его голоса ужасно металлические. С присущей мне стремительной импульсивностью, которая, хотя я часто находил причины сожалеть об этом, неоднократно сослужила мне хорошую службу в этой стране, я теперь ввожу в практику хватать слепого менестреля за шиворот в тот момент, когда он возвышает свой львиный голос, и крепко держать его лохматую голову, как в тисках, несмотря на все его попытки сопротивляться; пока он не проревет свою рапсодию до конца. Большинство песен, которые я до сих пор слышал от исполнителей Яо, носят боевой характер. Вот одна из них, которую Сулила спела под фонограф в Масаси 24 июля: —

Тулимбе, ачакулунгва! Ваусьяга нгондо, ничичи? Watigi: Kunsulila(1) kanapagwe. Хайче я Масито; у ти тоакуквими. Ва гвасите(?) Намбо Вандачи паяиче, когопа куона: мситу ватиниче; мбамба сятиниче; мбуси сятиниче; нгуку сятиниче; кумала ванду путепуте; нокоди папопу; купелека мбиа сякалуме. Гакуунда(?) Мтима васупвиче: Нгавиле песипо Луджа. Кунсулила нгомба сим яуле ква Бвана мкубва: Нам(у) но андуведье атайейе мапеса гао. Самбано, ты неэмбезильный.[32a]

Значение этого таково:—

“Давайте будем храбрыми, мы, старейшины. Они спросили: "Что такое война?" Они говорят: ‘Господин Сулила еще не родился’. Затем начинается (война) мазиту; стреляют пушки; затем они убегают. Но пришли немцы; это было опасно видеть; куст был сожжен, муравьи были сожжены, козы были сожжены, домашняя птица была сожжена — люди были полностью истощены; налог вырос (они должны были) принести сто банок (рупий). Они не были удовлетворены. (Их) сердце было напугано. Мистер Сулила телеграфировал окружному комиссару: ‘Он может содрать с меня кожу, чтобы сделать мешок для своих денег’. Теперь я устал”.

Племена в юго-восточной части нашей колонии очень отсталые в музыкальном отношении; у них нет ничего, что можно было бы назвать мелодией, и их исполнение никогда не выходит за рамки быстрого речитатива. В обоих отношениях все они, как Яос, Макуа, так и Ваньяса, намного отстают от моего Ваньямвези, который преуспевает и в том, и в другом. Только в одном пункте преимущество остается за южными племенами — слова их песен имеют какое-то связное значение и даже случайные штрихи драматической силы. Это замечательно иллюстрирует песня Сулилы.

Мазиту совершили один из своих обычных налетов на ничего не подозревающих жителей Центрального района Ровума. О каком из многочисленных зарегистрированных кровавых рейдов идет речь, невозможно понять из слов песни, это может быть один из тех, что имели место в восьмидесятых и девяностых, или недавнее восстание — вероятно, последнее, поскольку, насколько мне известно, во время предыдущих беспорядков никогда не поднимался вопрос о налогах. Более того, в данном случае речь идет не столько о военном налоге, сколько о введенной несколько лет назад уплате налога на жилье, который в течение последних нескольких месяцев с удивительной готовностью выплачивался в Линди людьми, которые были более или менее открыто недовольны. Это можно рассматривать как прямое следствие быстрых и энергичных действий, предпринятых властями.

Вмешательство немцев знаменует собой поворотный момент в борьбе туземцев между собой. Ощущение того, что на них надвигается более серьезное зло, выражается в терминах их мышления, когда они говорят об уничтожении всей собственности. Сначала сжигается куст и уничтожаются все муравьи в нем, затем наступает очередь коз, которых здесь, на юге, не очень много, хотя птицы, которые погибают следующими, есть. Наконец—то погибло много людей, - говорит Сулила в своем экстазе *всем*. Теперь наступают условия мира, навязанные победившими немцами: тяжелый налог в рупиях, который необходимо заплатить, нравится им это или нет. В глазах тех, кого это непосредственно коснулось, сумма приобретает гигантские размеры, им становится не по себе, и они обдумывают шаг, который здесь, на юге, можно сказать, всегда витает в воздухе, — бегство от последствий войны путем *массовой*эмиграции. Затем появляется герой и избавитель — не кто иной, как сам Сулила. В сознании своего высокого призвания он, бедный слепец, гордо называет себя “мистером Сулила”[33] Он видит, что его страну уже пересекло одно из самых замечательных изобретений белых пришельцев — телеграфный провод. Он немедленно телеграфирует *Бвана мкубве*, что его соотечественники готовы безоговорочно подчиниться, — у них и в мыслях нет о сопротивлении, но у них нет денег. И они так напуганы тем, что Бвана может, если захочет, содрать с них кожу, чтобы сделать мешок для рупий, — они и не подумают сопротивляться. Это конец собственно песни — последняя фраза “Теперь я устал” является личным высказыванием самого исполнителя, утомленного непривычными умственными усилиями при диктовке.

Здесь, в Чингулунгулу, есть несколько таких менестрелей. Самый известный из них - Че Ликошве, “мистер Крыса”, каждое появление которого встречают всеобщими аплодисментами. У Саланги еще более мощный голос, но он настолько глуп, что ему еще не удалось продиктовать слова ни одной песни. Если бы я мог рискнуть воспроизвести свои записи, я мог бы сразу получить точный текст с помощью более сообразительных слушателей; но я не осмеливаюсь делать это при нынешней температуре, обычно около 88 °. Однако я приведу, по крайней мере, две песни Че Ликосве. Одно из них короткое и поучительное и хорошо вписывается в сферу африканской мысли, то есть содержит только одну идею, повторяемую *до бесконечности* попеременно соло и хором.

Соло:—“Ulendo u Che Kandangu imasile. Иманга кукаранга” (“Путешествие мистера Кандангу закончилось. Кукуруза обжарена”).

Припев: “... Улендо у Че Кандангу....”

“Наряд” и подача Че Ликосве во многом такие же, как у Сулилы, за исключением того, что, в соответствии со своим именем, он поет, играет на скрипке и танцует еще более оживленно, чем его слепой коллега, который тоже мужчина постарше. Более того, он чрезвычайно разносторонен — ему все равно, изображает ли он мимику на земле или на высоких ходулях — зрелище, которое повергло меня в изумление, когда я увидел его в первый раз. Сама песня, конечно, отсылает к путешествию, в котором он сам принимал участие. Наиболее важным инцидентом с точки зрения туземцев является то, что вся кукуруза, взятая путешественниками с собой, была поджарена,*то есть* съедена до того, как цель была достигнута. другая песня мистера Рэта гораздо интереснее; она имеет несомненное сходство с военной песней Сулилы и актуальна лично для меня, потому что она посвящена мистеру Линдеру, превосходному сельскохозяйственному инспектору муниципалитета Линди, которому я обязан многими ценными советами и который, благодаря своему доскональному знакомству с этим районом, изначально был выбран моим компаньоном. Линдер оказал блестящую услугу в подавлении восстания: хотя о каких-либо действиях со стороны полевых войск все еще не могло быть и речи, он уже с небольшим отрядом полиции отразил многочисленные атаки повстанцев и в конечном итоге получил серьезное ранение. Но в то время как награды просто сыплются на Военно-морской флот и *Шуцтруппу*, Бвана Линда по-прежнему ходит среди смертных без единого ордена. Однако он не только герой, но и философ.

Песня звучит следующим образом:—

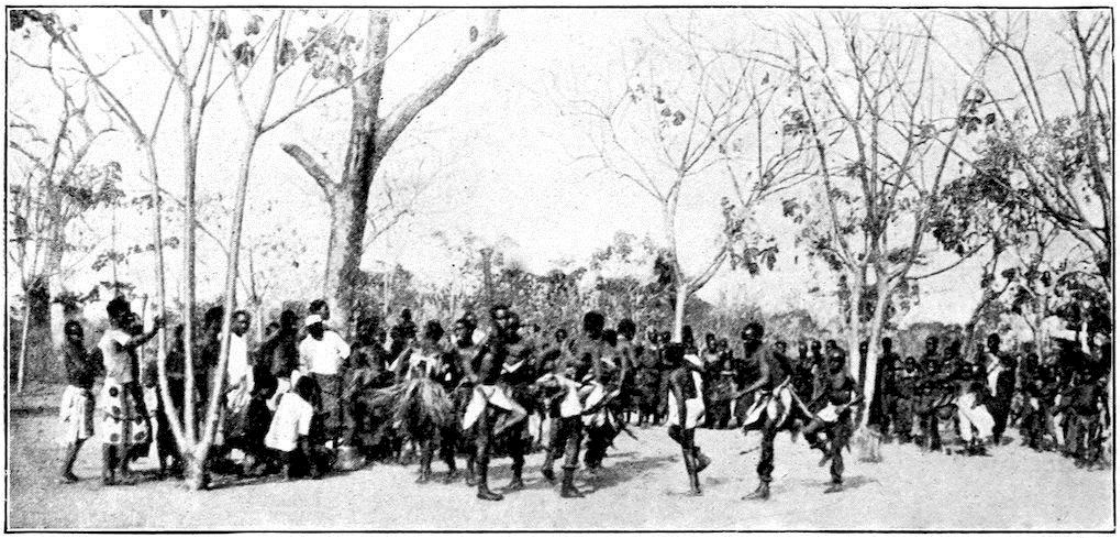
Улендо ва Линда (er); па квенда ку Масаси на гумири чикуо: мкасалиле мбвана мкубва нгондо джайче нанд и аутвиче лунга янгадье. Мкасалиле акида Матора: нгондо хайче на Гомбеле (r) и лиломбе. Tukujir(l)a Masasi; Mwera kupita mchikasa mpaka pe Lindi. Не ждите рухса. Йендейе ку мангвену; мкапанде мапемба.

Перевод выглядит следующим образом:—

“Путешествие Линдера, когда он отправился в Масаси, и я закричал во весь голос.— ‘Скажи Бвана Мкубве, что пришла война, и я убежал без оглядки. Скажи акида Маторе, (что) началась война, и я ударил в большой барабан’. Затем мы отправились в Масаси, вамвера были разбиты и добрались до Линди, где получили разрешение. ”Идите по домам и сажайте мапембу (сорго)".

Это произносится очень быстрым речитативом и в нескольких словах описывает историю всей кампании, конечно, ставя певца в центр внимания. мистер Линдер приезжает в Масаси в ходе одного из своих официальных туров, его главной обязанностью является выяснить, выращивали ли местные старосты различные культуры, предписанные правительством. Там верный Ликошве, конечно же, спешит к нему и предупреждает о надвигающихся военных действиях со стороны вамвера. Линдер, в свою очередь, отправляет весточку окружному комиссару в Линди и в то же время отправляет Ликосве со срочным сообщением в Матолу. Ликошве, прибыв на место, бьет в боевой барабан (*лиломбе*), воины Матолы немедленно спешат на место, шестьсот человек с ружьями и еще много с копьями, луками и стрелами, а вождь идет на Масаси, чтобы зайти Вамвере в тыл. Сообщается как факт, что Селиман Мамба и его подчиненные в начале восстания, когда их надежды были самыми высокими и они уже видели, что немцы сброшены в море, получили по дому в Линди со всем его содержимым в

качестве своей доли добычи. Возможно, фраза о том, что враг возвращается в Линди, относится к этим нереализованным планам. Матола, я полагаю, потерял около сорока человек в боях с повстанцами, но, конечно, не загнал их обратно в Линди. Последнее предложение относится к заключению мира: — побежденные прощаются и им предписывается спокойно возвращаться домой и снова сажать свои сады.



ТАНЕЦ ЯО В ЧИНГУЛУНГУЛУ

Мой кинематограф тоже несколько раз заказывали во время моего пребывания в Чингулунгулу, поскольку я нашел возможность снять целую серию танцев вайяо и Макуа. Последний, как известно, являются *самой* охоты-племени, *по преимуществу* Восточно— действительно профессиональных охотников племени, как правило, описывается, как Макуа. Более того, они типичны для всех других племен в своих методах охоты и во всех связанных с ними приспособлениях и обычаях. Однажды, по приказу Матолы, отряд появился в Чингулунгулу, чтобы исполнить, как они сказали, *маквару* - танец— полностью основанный на деталях жизни охотника. Я быстро установил свой аппарат в подходящем месте, что было нелегким делом здесь, в рыхлой аллювиальной почве, так как, если слишком сильно надавить на ножки штатива, они могут уйти в песок на всю свою высоту. Умудренный опытом, я теперь принимаю меры предосторожности и перед началом операций вбиваю деревянный клин наискось сверху под каждую ножку. Исправить результаты ошибочной экономии гораздо сложнее. Чтобы сэкономить Африканскому фонду около двенадцати шиллингов с четвертью доллара, я не взял с собой тяжелую подставку, необходимую для кинематографа Эрнемана, решив, что смогу воспользоваться своей обычной подставкой для фотоаппарата. Он, хотя и превосходный в своем роде, слишком легкий, чтобы выдержать постоянные рывки кинематографа, и мне приходится уравновешивать ситуацию, подвешивая под него тяжелый камень или один из моих упаковочных ящиков. Если ситуация становится очень серьезной, одному из перевозчиков приходится пожертвовать собой и выполнять обязанности держателя штатива. Теперь, когда все готово для *makwaru*, ее место занимает та же группа, которая участвовала в выступлениях Сулилы и Ликосве. Он состоит из шести или семи мужчин и юношей, сидящих на корточках перед своими длинными белыми бревнами с ножными палочками в руках. Внезапно в круг врывается что-то фантастически украшенное, движущееся так быстро, что невозможно различить, мужчина это или женщина.

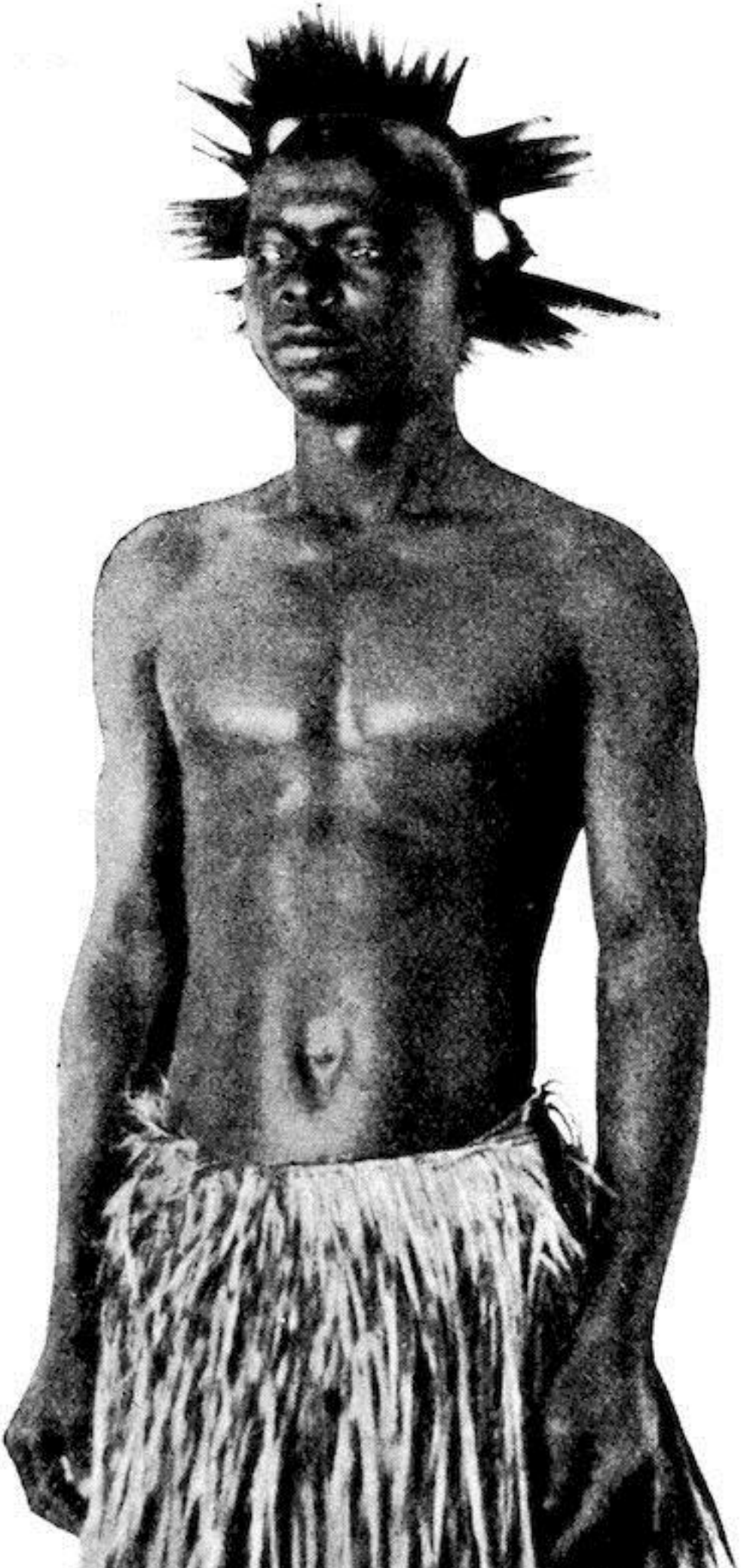
Вынужденный сделать паузу, чтобы перевести дух, он предстает в виде мужчины средних лет в килте из длинных зеленых листьев, напоминающем юбку балерины. Мужчина едва двигается с места, но его юбка развевается по ветру, и он работает ногами в быстром, равномерном ритме, в то же время его руки двигаются в манере, которую трудно описать, поскольку в европейских танцах нет ничего, что хотя бы в малейшей степени соответствовало бы этому; и обе, руки и ноги, точно отбивают ритм оркестру. Невозможно определить, соблюдает ли время и остальная часть тела в своем непрерывном движении взад-вперед, поскольку вибрации слишком быстры, чтобы глаз мог различить детали. Этот этап длится так долго, что я испытываю искушение пожалеть о потраченном впустую моем драгоценном фильме.

“ШКОЛА БУША” В ПОРИ, НЕДАЛЕКО От ЧИНГУЛУНГУЛУ

Наконец охотник меняет тактику. Танцор, по сути, охотник, и не только это, но и очень успешный охотник на слонов; и, только что убив большого слона, он празднует этот подвиг перед собравшимися жителями своей родной деревни, точно так же, как он это делает после возвращения с настоящей охоты. Здесь тоже собрались люди отовсюду, чтобы увидеть эту знаменитость и восхититься его мастерством в танце. Его выступление становится все более и более живым — он больше не остается на одном месте, а движется вперед, сначала по прямой, затем зигзагообразно. Наконец он вращается по кругу, передвигаясь короткими, осторожными прыжками и все время поддерживая движения рук и бедер без малейшего перерыва. После еще одного стремительного движения по кругу и неистовой вибрации всего тела танцор замирает, глубоко дыша.

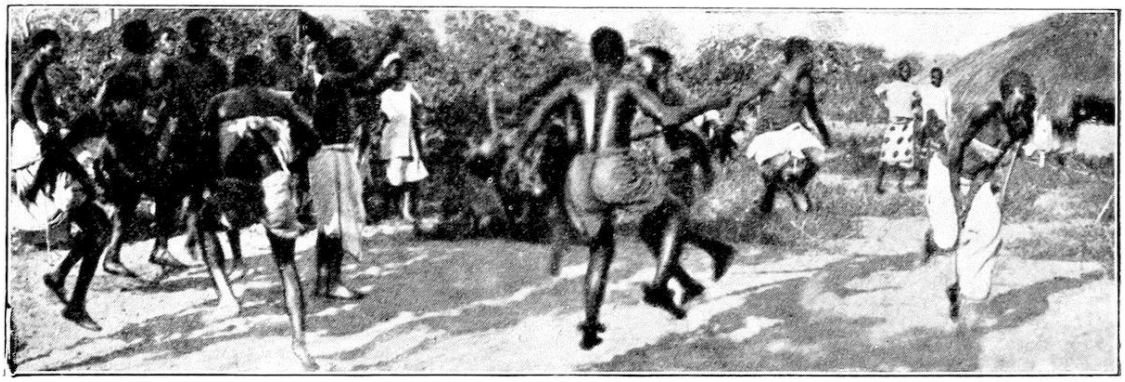
Этот вид танца слишком своеобразен, слишком отличается от всех европейских стандартов, чтобы мы могли судить о нем критически в соответствии с правилами искусства. Я ожидал увидеть пантомимическое представление охоты на слона или, по крайней мере, выслеживания и убийства дичи, и я должен признаться, что не могу найти в представлении ничего, что имело бы какое-либо отношение к этому, и должен ограничиться восхищением невероятной ловкостью, продемонстрированной этим акробатом, заставляющим трепетать все его мышцы. Не успел я подготовить новый фильм, как на сцене появилась вторая

танцовщица, чьи действия еще более любопытны и сбивают с толку. Сначала человек не видит ничего, кроме беспорядочной массы зеленых листьев, которые катаются и корчатся по земле в конвульсивных движениях. Через некоторое время он превращается в мужчину, очень похожего на предыдущего, за исключением того, что его костюм гораздо более объемный. Он виртуозно двигается и демонстрирует такую же выносливость, как и его предшественник; но его главная сила заключается в ногах, чья гибкость и способность принимать самые гротескные позы просто изумительны. Когда он исчерпал свой репертуар и уступил место третьему исполнителю, мы, наконец, получаем ожидаемую пантомиму. Пригибаясь, словно для прыжка, охотник бесшумно подкрадывается, используя каждое укрытие, чтобы преследовать слона, чей нюх чрезвычайно острый. Наконец цель достигнута — быстро, но так же бесшумно, как и охотник, добыча, представленная другим человеком, проскользнула на арену и присела на корточки, а охотник кружит вокруг него по уменьшающейся спирали. Мы ожидаем смертельного удара, но он не срабатывает, и третий танцор, совершенно независимо от того, какого слона он должен изображать, начинает “торжествовать” точно так же, как и двое других, отрабатывая высокохудожественные короткие па, покачивая бедрами и размахивая руками. “*Басси*” — (закончено) - Восклицаю я, когда последний из трех моих фильмов со свистом срывается с катушки.



ЯО , ОДЕТАЯ ДЛЯ *ТАНЦЕВ*МАСЕВЕ

Совершенно противоположны им типичные *уняго* танцы ваяо. Кажется, их великое множество; но пока я видел в Чингулунгулу только два: *масеве*, названные так из-за погремушек, которые носят, как уже упоминалось, на ногах, и *луванджу*. Оба по сути одинаковы по характеру. Примитивный ксилофон охотничьих танцев Макуа заменен здесь целым оркестром барабанов самых разнообразных форм и размеров. Об определенных музыкальных способностях, присущих этой расе, свидетельствует тот факт, что музыканты заботятся о том, чтобы настроиться перед началом танца. Каждый бьет в свой собственный барабан, внимательно прислушиваясь, созвучен ли он остальным, и если нет, то спешит в ближайшую хижину и возвращается с головешкой из очага и большим пучком сухой травы. Траву разбрасывают кучей по земле и поджигают, а затем каждый барабан держат над ним открытым концом в течение более длительного или короткого времени — некоторые всего на несколько секунд, некоторые на полминуты или больше — время от времени проверяя подачу, ударяя по нему. Наконец все кожицы достаточно натянуты, и начинается барабанная дробь.



МАСЕВЕ ТАНЕЦ ЯО В МТУА

В тот же момент видно, как плотное облако пыли приближается с молниеносной скоростью и открывает вид на кажущуюся бесконечной процессию мужчин, юношей и отроков, все они закутаны в связки *масиве* по щиколотку и выше колена, а также в килты из листьев и полос кожи вокруг талии. Они занимают свои места на арене перед оркестром и немедленно занимают позицию и бегут гуськом вдоль индейцев, пока шеренга не сомкнется в круг и не двинется влево, затем вправо, и так далее. Удивительно, насколько равномерно и точно движения выполняются каждым отдельным исполнителем, даже самыми маленькими мальчиками. В этом танце нет ничего особо захватывающего; на самом деле, я нахожу все местные танцы однообразными, возможно, из-за преобладающего характера континента, который очень неинтересен, за исключением нескольких излюбленных мест. Однако, возможно, местный критик возразит, что в наших вальсах или польках нет большого разнообразия. Как раз в тот момент, когда эти размышления пронеслись у меня в голове, сцена изменилась, несколько в свою пользу, и круг распался на группы, которые соперничали друг с другом в самых примечательных движениях ног. На самом деле, это, кажется, сильная сторона всех этих танцоров. Одна группа плыла на цыпочках, другая имитировала величественную походку какой-то болотной птицы, еще одна весело раскачивалась между остальными, а четвертая шла, держа ноги совершенно неподвижно. Долгое время после того, как был закончен мой последний фильм, труппа все еще развлекалась, не в силах оторваться, но, наконец, и этот “поворот” подошел к концу; оркестр выдавал только ужасные диссонансы; я устал стоять; Кнудсен пожаловался на первые симптомы лихорадки, и выступление закончилось.

Исполнение танцев, подобных только что описанному, которые связаны с обрядом обрезания, естественно, усилило мой интерес к этому племенному празднику и мое желание увидеть и изучить его как можно ближе.

Мое любопытство усилилось в результате двух следующих инцидентов. Однажды днем я прогуливался по зарослям в окрестностях Чингулунгулу; мы уже получили несколько интересных фотографий могил, изучили внешний и внутренний вид некоторых отдаленных усадеб и собирались сделать несколько снимков *пори*, демонстрирующих характер растительности. Пробравшись гуськом через высокую траву и подлесок, который здесь был исключительно густым, мы вышли на небольшую круглую поляну, возможно, от пятнадцати до двадцати ярдов в диаметре, поросшую несколькими разбросанными кустами. Уникальной особенностью этого места были два концентрических круга пней с еще одним пнем в центре. Эти обрубки были высотой около фута, срезаны с идеально гладкой горизонтальной поверхностью и превосходно приспособлены для сидения. Я, не теряя времени, сфотографировал этот замечательный предмет и, вернувшись в лагерь, расспросил Матолу и других о его значении. Я обнаружил, что пни были местами для *вари*, как называют мальчиков, проходящих посвящение, после определенного момента церемонии, а место посередине было зарезервировано для инструктора, который присматривал за мальчиками в течение месяцев, которые они должны были провести в хижине, построенной специально для этой цели в кустарнике. Мои информаторы добавили, что хижина стояла недалеко от круга, но ее больше не существовало, поскольку несколько лет назад произошло *уняго*, для которого она была построена.

Несколько дней спустя мы с Кнудсеном сидели под нашей *баразой* в начале дня, прижимая руки к вискам. Неудивительно, что каждый день примерно в это время мы оба страдали от мучительных головных болей, поскольку температура неуклонно повышалась в течение последних нескольких недель, и в тот конкретный день термометр показывал 93 · 36 ° F. Мы дали выход нашему отвращению к Темному Континенту в самых резких выражениях, и я как раз собирался успокоить наши взъерошенные чувства, выкурив по сигаре на каждого, когда мы увидели приближающиеся две черные фигуры. Ими оказались Акундонде, мудрый старый вождь племени яо, и его советник Акумапандже. Мы послали попросить Акундонде найти нам людей, способных сообщить точную информацию, и теперь он пришел сам, хотя и далеко не в добром здравии. Он страдал от обычной запущенной язвы на ноге и мог прихрамывать только с помощью своего персонала, так что то, что он совершил четырехчасовую прогулку, чтобы помочь нам, свидетельствует о степени доброй воли, заслуживающей самого высокого признания.

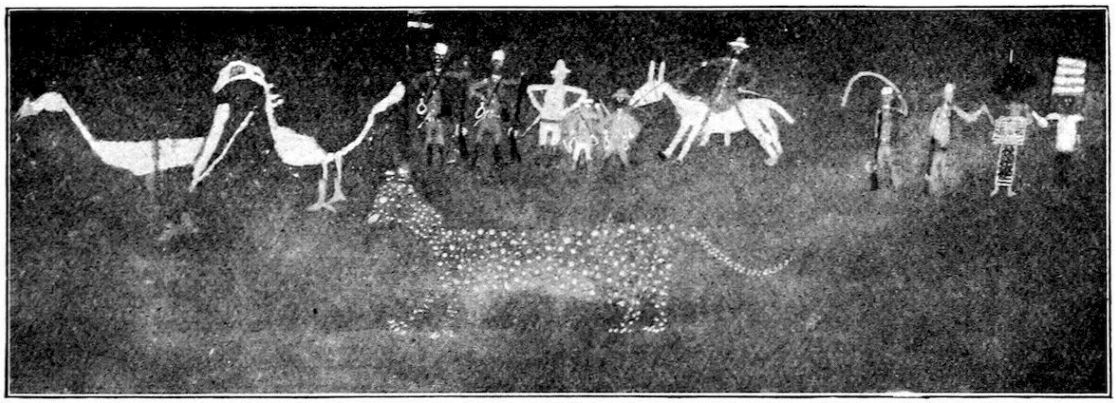
Поскольку Акундонде устроился в длинном кресле Кнудсена, а его спутник уселся на упаковочный ящик, я попытался увести разговор от пустяков, которые поначалу грозили поглотить его, к предметам, которые меня больше всего интересовали, и мне это удалось, скорее благодаря везению, чем хорошему руководству. Как это обычно бывает, вскоре мы стали обсуждать самые непонятные вопросы, такие как отношение туземцев к затмениям, падению метеоритов и Луне. Метеориты считаются у яо дурным предзнаменованием. Когда слышно, как они взрываются, люди говорят: “Либо в этом году умрет великий вождь, либо погибнет великое множество людей”. Лунное затмение считается, как и у всех первобытных людей, личной встречей двух врагов. Враг Луны - это, конечно же, солнце; они яростно хватаются друг за друга и борются вместе. Поскольку оба равны, исход битвы остается нерешенным, что вынуждает человечество вмешаться. Вайяо торопливо бегут за мотыгами и топорами и ударяют ими друг о друга, глядя на сцену драки и выкрикивая: —

“*Mlekangane, mlekangane, mwesi na lyuwa, mkamulene, Mlekangane, mlekangane sambano*.”

“Разойдитесь, разойдитесь, солнце и луна, вы схватили друг друга. Разойдитесь, теперь разойдитесь”.

Тот же обычай наблюдается и при солнечных затмениях, что вполне логично.

Полная луна своим бледным светом оказывает на разум туземца такое же магическое влияние, как и на чувства любого другого смертного, за исключением того, что наш черный брат, подобно нам, не полон эмоционального энтузиазма, но, вполне в соответствии со своими взглядами на другие вопросы, использует эту благоприятную возможность для усиления действия своих лекарств и чар. Когда луна в полнолуние, туземец идет к ближайшему перекрестку или к месту, где сходятся две тропинки, неся с собой достаточное количество определенной жвачки, называемой *убани*. Затем в полной тишине он разжигает огонь с помощью примитивного приспособления - дрели (будет описано позже). Пыль, образующаяся при бурении, загорается, но мерцание поначалу настолько слабое, что едва различимо даже для острого зрения дикаря. Очень осторожно он дует на крошечную искру — она растет, захватывает пучок сухой травы, а затем палочки, и когда пламя взметается вверх, он бросает в него свой порошок. Пламя теперь горит тускло, поднимается густой дым, и мужчина берет амулеты, которые он привык носить на шее, руках и талии, и, держа их в дыму, говорит: “Ты, луна, совсем недавно тебя там не было, и небо было темным. Теперь ты здесь и ярко сияешь. Все животные и растения счастливы и обретают новую силу, так пусть и мое лекарство обретет новую силу ”. Затем он молится так: “Пусть лекарство защитит мое тело от львов и змей, от колдовства и всего, что может причинить мне вред, и пусть мое тело обретет новую силу”. Он снова пускает в ход свои чары сквозь дым, который становится все тоньше и прозрачнее; огонь гаснет, и так же бесшумно, как и появился, человек крадется обратно в свою хижину.



ФРЕСКА НА СТЕНЕ ХИЖИНЫ У АКУНДОНДЕ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ДВУХ ЕВРОПЕЙЦЕВ В СОПРОВОЖДЕНИИ СОПРОВОЖДАЮЩИХ: РАБОТА МАЛЬЧИКА ЯО

Возвращаясь теперь к теме магии, три специалиста-этнографа, Кнудсен, Акундонде и Акумапандже, придерживаются ее и говорят о завязывании узлов. Акундонде рассказывает, как мужчина в этой стране, если у него есть виды на какую-то конкретную девушку, берет полоску коры, делает на ней узелок, не затягивая его туго, и говорит ему: “Ты, дерево, тебя зовут *сангаласа* (радость) — ты должен привести мне эту девушку, и в знак того, что это сбудется, я запираю в тебе свои слова”. Затем он подносит раскрытый сучок ко рту, засовывает в него язык и туго затягивает. Впоследствии он носит завязанный узлом кусок бечевки из коры, обвязанный вокруг запястья. Этот процесс, хотя и достаточно простой, связан с длинной и важной главой в расовой психологии. Завязывание узла на самом деле во многих слоях человечества имеет оккультное значение; предполагается, что связующая сила узла передается определенным лицам, и до тех пор, пока сам узел не может быть

развязан, эти люди неразрывно привязаны к тому, кто завязал его в соответствии с определенными правилами и надлежащими церемониями.

Какими бы интересными ни были эти вопросы и как бы я ни был рад узнать о них побольше, сейчас мне еще больше хотелось услышать о широко обсуждаемом *уняго*. Я поднял эту тему, но оба туземца ловко уклонились от нее. Через некоторое время я заметил, что взгляд старого вождя задумчиво блуждает по нашему кабинету, увидел, что он устал и хочет пить, и вспомнил, что Дауди, местный священник, прислал нам большой кувшин *помбе*, качество которого не позволяло нам пить его самим. “Полагаю, этого будет вполне достаточно для этих двух старых грешников”, - заметил я Кнудсену, который, должно быть, размышлял о том же, потому что он сразу уловил смысл моих слов, принес из своей палатки огромную оловянную кружку, наполнил ее желтым бродящим напитком и протянул Акундонде. Последний взял его, но пить не стал, вместо этого передав своему спутнику. “Вот тебе и вежливый шеф!” Я подумал про себя — но, увидев, как очень осторожно Акумапандже прикасался губами к пиву, мне стало ясно, что я стал свидетелем древнего традиционного обычая, проистекающего из врожденной подозрительности негра, который повсюду чует запах — на самом деле не яда, но, несомненно, колдовства — и соответственно боится его. Эта мера предосторожности предназначена для того, чтобы перевести риск с начальника на подчиненного.

Попробовав, Акумапандже вернул кубок Акундонде, который после этого осушил его одним глотком. Через несколько секунд оно снова было на устах премьер-министра, который точно копировал своего хозяина. Напитки и контрдринки сменяли друг друга с одинаковой скоростью, и мы, европейцы, смотрели на это со смешанным чувством зависти и восхищения. Это не помешало мне вспомнить о нашей этнографической цели, и я обнаружил, что то, что раньше казалось невозможным, теперь стало детской забавой. Двое стариков, по очереди дополняя заявления друг друга, бегло описали общие черты *унягo*мальчиков: организацию ежегодного проведения фестиваля в разных деревнях (что было для меня не ново); вступительную церемонию, проводимую на открытой площади, окруженной хижинами, возведенными для кандидатов; и саму операцию, которая проходит в специальной хижине в глубине леса. Я кое-что слышал обо всем этом от Кнудсена, который за долгие годы своего проживания среди ваяо приобрел замечательные знания об их жизни и обычаях, и я расспрашивал его об этом каждую свободную минуту с таким упорством, что этот добрый малый, без сомнения, часто желал, чтобы кто-нибудь из нас побывал где-нибудь в другом месте.

Наконец, однако, двое наших посетителей, становившихся все более разговорчивыми по мере того, как *помбе* уменьшался, дошли до той части предмета, о которой Кнудсен знает очень мало, но которая привлекает меня больше всего. Это наставление, данное мальчикам в течение месяцев, проведенных в буше их учителями (*анамунгви*). Эти наставники, которых имеет каждый мальчик с момента своего посвящения в мужчины, бесспорно, являются одной из самых симпатичных черт в жизни народа. Они присматривают за своими учениками в течение мучительных недель *непокорности*, учат их тому, что подобает и чего не подобает, и остаются ответственными за их благополучие даже после того, как их детство осталось далеко позади. Прежде всего, я стремился уяснить суть нравственного учения, изложенного в "лесной хижине", и, хотя мне это удалось лишь частично, я испытываю огромное удовлетворение от того, что дословно записал фрагмент речи, произнесенной по такому случаю.

Несколько хорошо наполненных чашек развеяли последние сомнения двух наших жизнерадостных информаторов, и Акундонде, при некотором поощрении Кнудсена, начал назидательным тоном: -

“Мвэ мари, самбано мумбеле. Атати на ачикулувено мниегоп ". Ньюмба мкасайинджила тиниисимана чимтумбанага. Ваконгве мкасайогопа; мкагононаво, меси акаясинаво. Imālagǎ akamtikĭté; imālagǎ akamila muchisiḗ; masakam. Munyitikisie: marhaba. Мкуона мвеси сумьогопе, нгакава куулала. Кусимана тимчива; Миаси джили когоя. Чилвеле виньи”.[34]

Перевод следующий:“Ты, мой ученик, теперь ты посвящен. Твой отец и твоя мать, бойся (уважай) их. Следите за тем, чтобы не входить в дом (без предупреждения), чтобы не застать их обнимающимися. Не бойся женщин, но спи с ними, мойся с ними, когда ты закончишь, позволь ей растереть (разминать) тебя; когда ты закончишь, она должна приветствовать тебя (сказав) "Масакам", а ты должен ответить: ‘Мархаба’. Ты должен бояться (= беречься), что когда ты увидишь (новолуние), тебе может быть больно. Остерегайтесь женщин во время их курсов, это опасно, (это вызывает) многие заболевания”.

Мои заметки вряд ли были такими же полными и связными, как приведенные выше, когда я их впервые записал. Туземец, даже будучи трезвым, не способен разбирать свои предложения на части и диктовать их шаг за шагом; но записать слова этих двух веселых старых грешников было трудной задачей, с которой, однако, мы успешно справлялись до того момента, когда наступила неизбежная катастрофа.

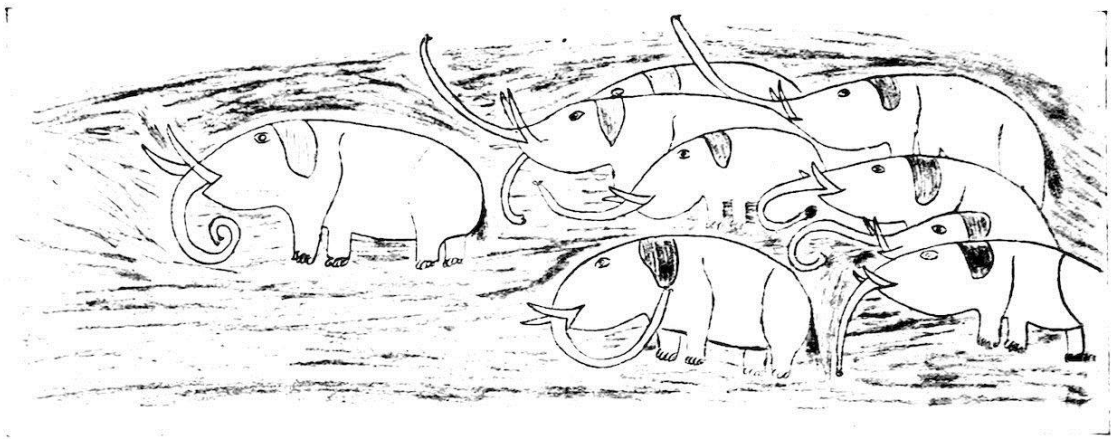
Эти двое неизменно делали паузу, чтобы подкрепиться в конце каждого предложения, пока не достигли указанного выше момента, когда внезапно обнаружили, что *кувшин с помбе* пуст. Они выпивали по меньшей мере пять галлонов за один присест, но, следуя странной логике пьяных, сочли, что имеют право на дополнительную порцию, и, когда таковой не оказалось, с негодованием прервали свою лекцию и в гневе ушли. Это награда за чрезмерное гостеприимство.

Воспроизводимое здесь обращение, которое я перевел с помощью Кнудсена, Дауди, Матолы и некоторых других, считается одинаковым как по содержанию, так и по форме на всех *unyago* церемониях. Без сомнения, это правильно, ибо я не знаю ничего, что могло бы более точно выразить чувства туземца, чем просто эти предписания. Они представляют собой странную смесь гигиенических правил и моральных наставлений и в то же время содержат много примитивных традиций, которые все еще являются частью повседневной жизни. Я имею в виду тот факт, что юноше, однажды признанному членом сообщества взрослых, запрещено входить в дом своей матери без предупреждения. Здесь, в Восточной Африке, мы все еще находимся на стадии матриархата, когда муж - это, так сказать, не что иное, как связь через брак. Он является отцом своих детей, но не состоит с ними в родстве, фактически он принадлежит к другому клану. Этот клан, как это часто бывает у примитивных народов, экзогамен, то есть нет никаких препятствий для того, чтобы молодой человек женился на девушке из любого клана, кроме своего собственного. Этот запрет заходит так далеко, что молодому Яо приходится, насколько это возможно, избегать своих ближайших родственниц женского пола, которыми, конечно же, являются его мать и сестры, и отсюда предписание, по крайней мере, предупреждать о своем приближении, когда он входит в дом своей матери.

Акцент здесь, как и везде, на почтении, которое следует проявлять к отцу и матери, должен казаться всем здравомыслящим европейцам очень приятной чертой характера. Уважение к родителям и взрослым людям в целом, как мне говорили снова и снова, является главной и основополагающей чертой местного образования, и Кнудсен свидетельствует, что молодые

люди в целом в заметной степени соблюдают его в общении со старшими. Мы, европейцы, могли бы поучиться у местных в этом отношении, думает Нильс, который, без сомнения, достаточно квалифицирован, чтобы составить собственное мнение.

Но, несмотря на все приятные впечатления от местных образовательных сентенций, я потерял конец *unyago* обращения — несчастье, в котором виновата большая *помба* доброго Дауди. Если гора не придет к Мухаммеду, Мухаммеду придется пойти к горе. Другими словами, поскольку Акундонде заявил, что он должен пойти домой, чтобы наложить свежую *даву* на ногу, и, возможно, не сможет прийти снова, нам придется навестить старого джентльмена в его собственном доме.



СТАДО СЛОНОВ. С РИСУНКА БАРНАБАСА, ОБРАЗОВАННОГО МВЕРА Из ЛИНДИ

ГЛАВА X
ДАЛЬНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Чингулунгулу, 31 августа 1906г.

Я все еще нахожусь в Чингулунгулу, проклиная адскую жару, ужасную пыль и грязных туземцев с еще большим рвением, чем когда-либо, но не в силах оторваться от них. Причина этого заключается в том факте, что, хотя поначалу мое пребывание здесь казалось совершенно бесплодным для научных результатов, такое положение вещей постепенно изменилось, так что теперь трудность заключалась в том, чтобы справиться с массой новых впечатлений и наблюдений. Невозможно во всех подробностях описать точный способ, которым я получил представление о местных обычаях и идеях — это заняло бы несколько томов, а мое время ограничено. Поэтому я ограничусь несколькими личными штрихами и небольшой выборкой из различных сфер материальной и духовной жизни племен, населяющих эту обширную равнину.

Самым важным инцидентом, повлиявшим на мою экспедицию, было привлечение Нильса Кнудсена в качестве постоянного члена ее персонала, при условии, конечно, согласия Сельскохозяйственного комитета. Полагаю, такое соглашение устраивает обе стороны. Как я уже отмечал, Кнудсен находится на службе у муниципалитета Линди в качестве директора Промышленной школы. По просьбе окружного комиссара ему был предоставлен отпуск,

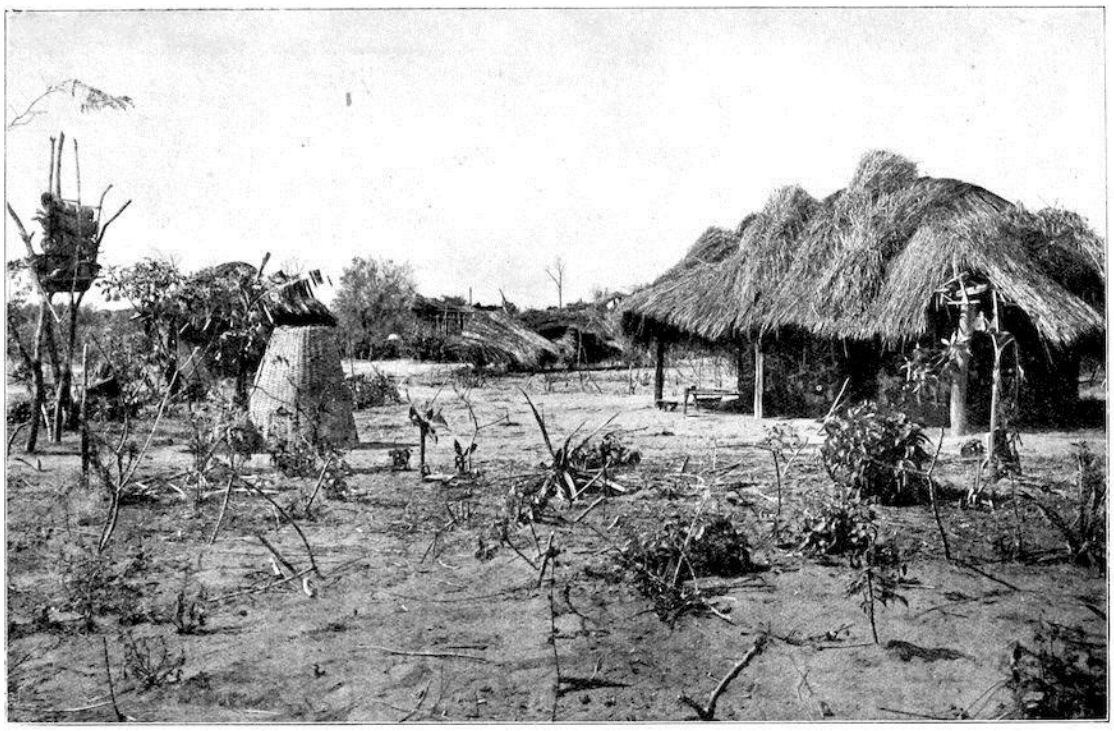
чтобы совершить поездку по равнине к западу от плато Маконде и осуществлять своего рода надзор за деревенскими старостами. По причинам, о которых я не призван судить, от плана назначения таких европейских инспекторов снова отказались, и, поскольку муниципалитет Линди, естественно, не видел причин позволять своему производственному учителю путешествовать по стране для собственного развлечения, он был отозван. Я должен честно признаться, что я давно считал Кнудсена совершенно незаменимым, и поэтому воспользовался возможностью обратиться к окружному комиссару за разрешением нанять его, когда последний несколько дней назад посетил нас в ходе одной из своих официальных поездок. Казалось, с тех пор он наслаждается возросшим чувством собственной значимости, и на самом деле задача посвящения немецкого ученого в глубочайшие тайны инопланетной жизни, без сомнения, гораздо приятнее, чем учить ленивых местных мальчишек строгать, пилить, ковать и паять.

Второй случай - это сильный приступ лихорадки, с которым я пролежал последние несколько дней. Я как раз собирался сфотографировать старого суданского сержанта, который пришел вместе с Эвербеком и который отличался главным образом кашлем, не дававшим всем спать по ночам. Когда я увидел, что он собирается собрать своих людей для переклички в середине дня, я пошел снять свою камеру размером 9 x 12 см, которая висела на гвозде на одной из опор *баразы*; но уронил ее, когда поднимал, и обнаружил, что выдвижная передняя панель погнулась, а мгновенный затвор поврежден при падении. Первый несчастный случай был устранен энергичным давлением, для второго ничего нельзя было сделать. Я до сих пор не понимаю, почему потеря этого инструмента должна была привести меня в такое возбуждение; но в жизни бывают моменты, когда мы делаем или не делаем то, за что впоследствии тщетно пытаемся дать ответ. Полагаю, в то время я даже не помнил, что у меня все еще есть аппарат отличного качества размером 13 × 18 см. То, что я не вспомнил об этом позже, легче понять, поскольку к заходу солнца я обнаружил, что моя температура быстро повышается. Я попробовал средство, ранее признанное эффективным для усиления потоотделения, — огромное количество чая с добавлением лимонной кислоты, но тщетно. После ужасной ночи со средней температурой более 104 ° лихорадка настолько спала, что я смог приложить усилия, чтобы сделать рабочие чертежи для дополнительных слайдов к моей камере размером 13 × 18 см, которые я хотел отправить индийскому *фонду* в Линди. До этого момента я считал свое фотографическое оборудование совершенным, но возможность такого несчастного случая, какой произошел с моим фотоаппаратом меньшего размера, и возможность исправить это с помощью простых деревянных рамок не приходила в голову ни мне, ни фирме, которая меня поставляла. Собрав все свои силы, я едва смог закончить рисунки и отправить их с посыльным Линди, когда моя температура снова поднялась выше 100 °, и я был вынужден вернуться в постель. Затем приступ прошел своим чередом и подошел к концу, как всегда бывает при лихорадке. Сегодня мне почти захотелось бы курить, если бы у нас был табак, достойный этого названия. Однако теперь я сыт по горло Чингулунгулу, и поскольку до Ровумы с ее зелеными берегами и чистой прохладной водой, песчаными отмелями и островами всего день пути, мы намерены вскоре отправиться туда, чтобы отдохнуть и переодеться после всех неудобств, больших и малых, нашего пребывания здесь.

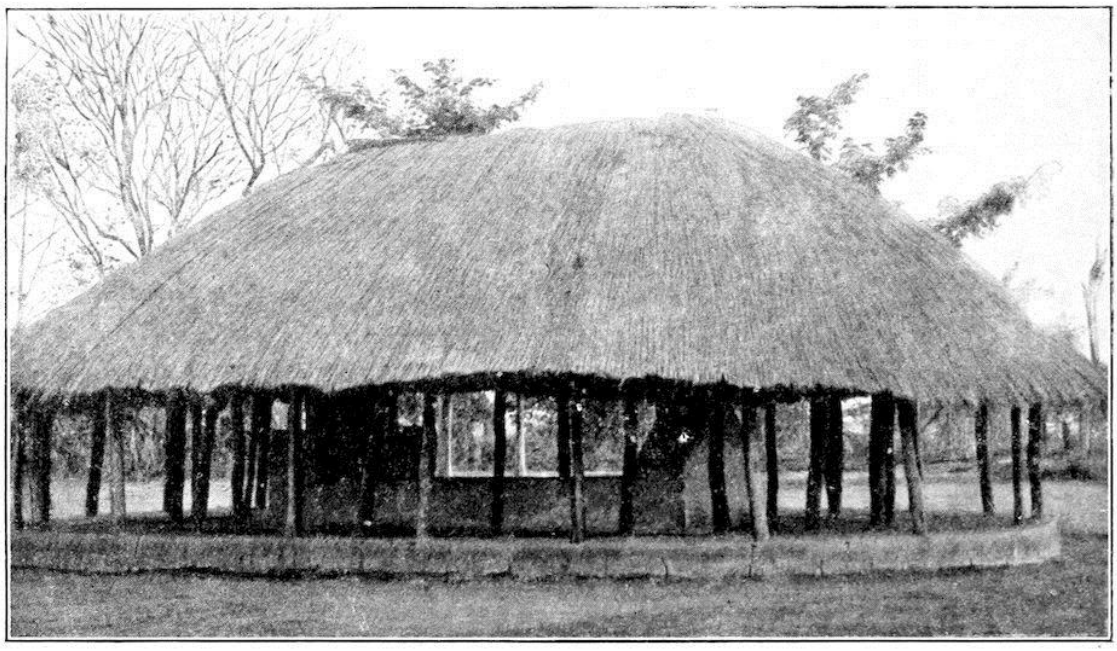
Прежде чем уйти, я чувствую, что должен записать хотя бы несколько наблюдений, сделанных в этом месте.

Среди многих других болезней, таких как малярия, черноводная и перелетная лихорадка, сонная болезнь, риштоф, авитаминоз и любые другие болезни, большие или малые, от которых может страдать человечество в этих, в остальном, благоприятных регионах, проказа,

к сожалению, является эндемичной в нашей колонии на Индийском океане. На побережье южного округа правительство пытается предотвратить дальнейшее распространение этой ужасной болезни, создавая изолированную больницу на острове в устье реки Лукуледи, где медицинский персонал Линди лечит пациентов, которых в настоящее время около сорока человек. Здесь, в глубине страны, прокаженные в настоящее время полностью зависят от заботы своих соплеменников. Среди яо эта забота представляет собой смесь человеческого сочувствия и самого грубого варварства. Пациента отводят в хижину, построенную специально для него в отдаленной части буша, где его друзья или родственники приносят ему еду до тех пор, пока, по-видимому, не наступит конец. Если мудрецы племени приходят к выводу, что этот диагноз верен, в хижину выносят последнюю и очень обильную трапезу, которую затем запирают снаружи настолько прочно, что, даже если бы у пациента хватило сил и воли сделать усилие, он не смог бы освободиться. Таким образом, если у него еще останутся какие-то жизненные силы к тому времени, когда будут съедены последние остатки еды и питья, он обречен на голодную смерть.



ДЕРЕВНЯ ВОЖДЯ НГОНИ МАКАЧУ



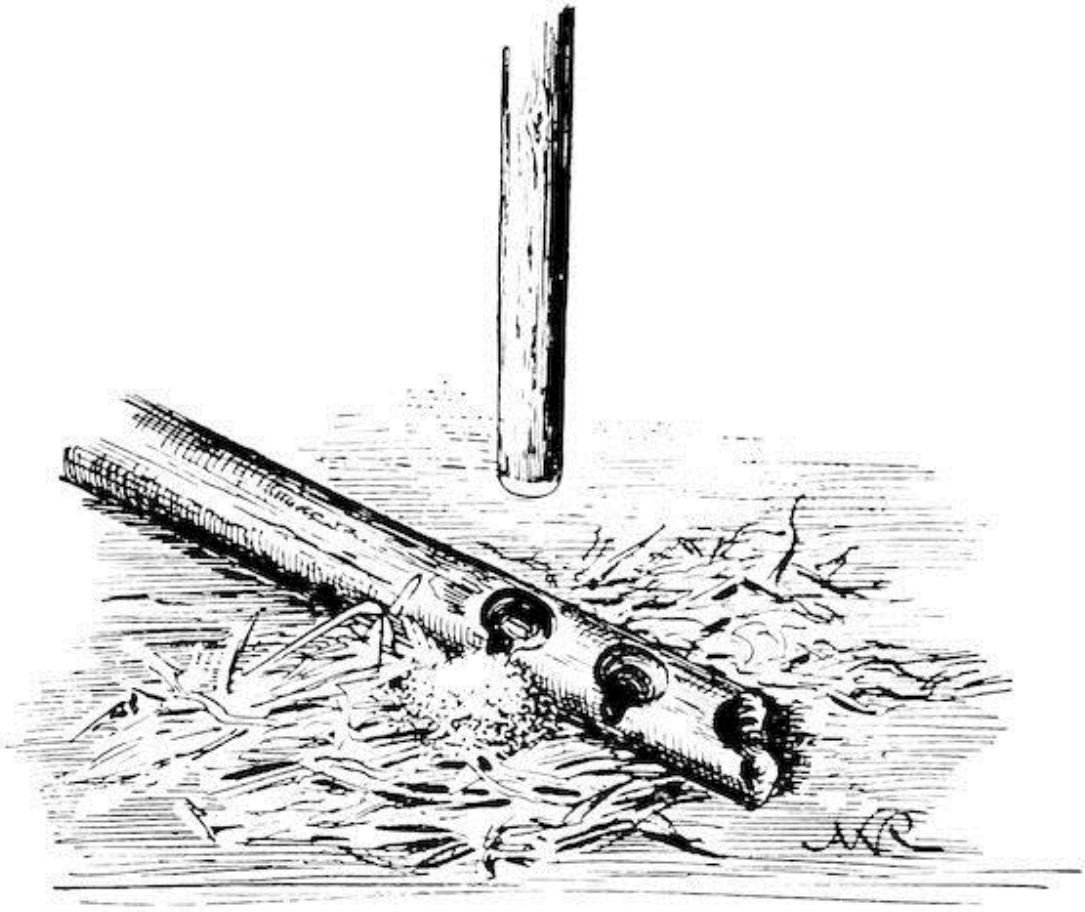
МОГИЛА ВОЖДЯ ПЛЕМЕНИ ЯО МАЛУЧИРО В МВИТИ

Возникает еще одна картина, связанная со смертью. Мы уже видели таинственное, овеянное легендами место захоронения Хатии на горе Унгуруве; могилы других смертных достаточно непритязательны и довольно прозаичны по своему характеру. В окрестностях Чингулунгулу я находил могилы, как старые, так и недавние, в разных местах буша, ни одна из них внешне не отличается от могил в нашей стране, за исключением того, что холмики над могилами детей круглые или овальные, а не длинные, как у взрослых. До сих пор я ничего не видел об обычае, о котором мне сообщили несколько информаторов, строить хижину над могилой и украшать ее ситцем. Только на одной могиле в Масаси была такая хижина, но мне сказали, что это арабская могила, и на ней не было ткани.[35] Могила предшественника Накаама, Малучиро, в Мевити, к сожалению, совершенно утратила традиционный характер. Здесь путешественник находит большую овальную хижину и, нагибаясь под широким нависающим карнизом, чтобы войти, в торжественном полумраке видит внутри массивные глиняные столбы в изголовье и изножье могилы и несколько более низкие стены по обе стороны от нее. Такие памятники местные жители с гордостью показывают проезжающим европейцам, но они являются доказательством того, как далеко исламская культура проникла в старую африканскую жизнь.

Европейское влияние также сыграло свою роль в исчезновении старых обычаев, хотя, по крайней мере, в одном пункте оно менее масштабно, чем я предполагал. Я воображал, что коробок спичек найдется в каждой туземной хижине, но я не видел ничего подобного и, более того, не заметил никакого другого способа добыть огонь. И все же ни одна хижина не обходится без него. Здесь мы имеем поразительное решение вопроса, который долгое время занимал внимание этнографов. Не так много десятилетий назад исследователи положения Тайлора и Лаббока всерьез верили в существование племен без огня — даже наших темнокожих собратьев на Марианских островах причисляли к таким несчастным. Противоположность этой гипотезе теперь неопровержимо доказана, и известно, что в мире нет племени, не знающего об использовании огня или даже о способах его искусственного добывания. Таким образом, проблема приобрела другой аспект. Использовали ли люди огонь сначала, а затем научились добывать его? иными словами, начали ли они с использования его природных источников, таких как вулканы и потоки лавы, горящие залежи нафты, деревья, воспламененные молнией, или кучи растительного сырья,

воспламеняющиеся в результате самовозгорания?— или они сначала научились извлекать божественную искру с помощью растирания, трения или перкуссии, а затем приступили к использованию доброго элемента в домашних делах? Обе последовательности событий *априори* возможны, хотя, конечно, первая гораздо более вероятна из двух. Сегодня мы можем сказать, что это единственный признанный метод. Этим знанием мы полностью обязаны этнографии.

В то время, когда сотни студентов постоянно заняты исследованием и описанием самых отдаленных и заброшенных примитивных племен, доступных в настоящее время, когда существующие этнографические музеи переполнены новыми коллекциями, а новые музеи открываются каждый год, странно думать о более раннем и менее благоприятном периоде, когда приходилось довольствоваться простыми теориями о креслах. Две ветви дерева трутся друг о друга во время бури. Когда ветер усиливается, трение становится более быстрым, пока поверхности не нагреваются; наконец появляется крошечная искра, она становится искрой большего размера, а затем всепожирающим пламенем, которое пожирает все дерево. Первобытный человек, стоя под деревом, с изумлением наблюдал за этим процессом. “О! - восклицает он. - Так вот как это делается?” - после чего берет пару палочек и делает то же самое.



РАЗЖИГАНИЕ ОГНЯ ТРЕНИЕМ

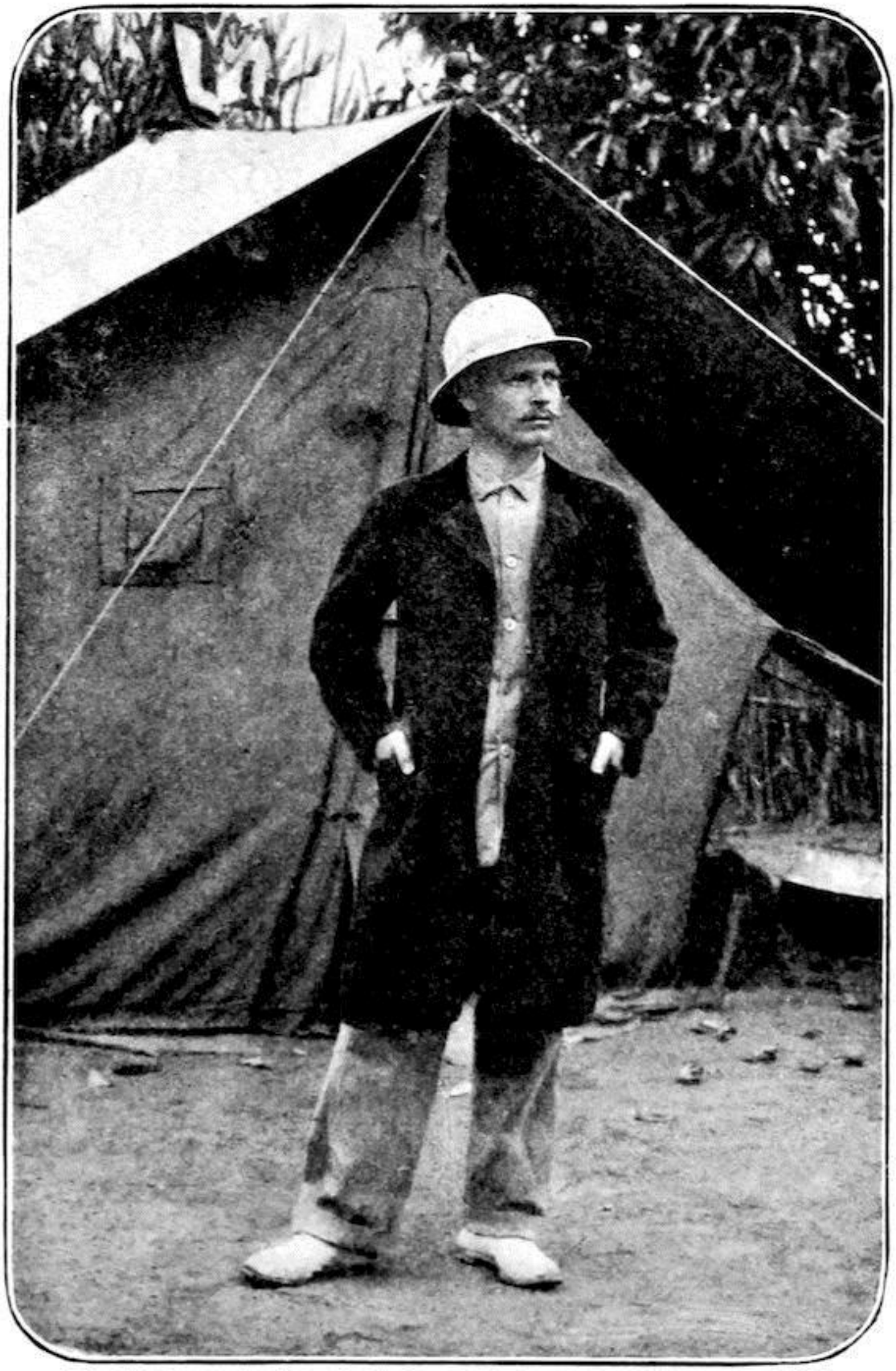
В этом описании мы имеем типичный образец старомодной теории, лишенной какой-либо конкретной фактической основы. Это гипотеза, выдвинутая филологом Куном, который пятьдесят лет назад был по меньшей мере так же знаменит своей работой “Происхождение огня”[36], как и своими работами по сравнительному языкознанию. Мы, представители поколения, не знающего почтения, привыкли смеяться над почтенным ученым; но так уж устроен мир.

В случае с таким широко распространенным искусством, как добывание огня, всегда полезно помнить, что оно могло возникнуть несколькими способами. Когда мы видим сегодня, что гораздо большее число первобытных племен пользуется сверлильным инструментом, в то время как меньшая часть использует трение, а треть - такой инструмент, как пила, а остальные уже освоили принципы обращения с кремнем и сталью, вогнутым зеркалом и пневматическим добытчиком огня, — само собой следует, что так и должно быть. В то же время это разнообразие методов показывает нам, что добывание огня повсюду является второстепенным делом, случайным открытием, сделанным с какой-то совершенно иной целью. Установлено, что так обстоит дело даже с малайским пожарным насосом из Юго-Восточной Азии. Это трубка, закрытая снизу, в которую с усилием вводится плотно прилегающий поршень, полый нижний конец которого заключает небольшой кусочек трута, когда сжатый воздух нагревает его достаточно, чтобы поджечь трут. Паяльная трубка, имеющая такое же распределение, дает нам намек на изобретение этого прибора. При просверливании отверстия для изготовления этого оружия вскоре можно было бы заметить, что воздух внутри трубки легко нагревается настолько, что воспламеняет пыль или стружку; и было бы нетрудно намеренно проделать то же самое еще раз. В самой древней культуре человечества мы можем найти указания на то, как были изобретены все другие виды орудий для добывания огня. Самый ранний первобытный человек должен был скоблить, сверлить, тереть и пилить, чтобы придать форму своему элементарному оружию и орудиям труда в соответствии с целью, для которой они должны были использоваться. Во всех этих процессах образуется пыль, которая при благоприятных обстоятельствах воспламеняется из-за тепла, выделяемого быстрым движением.

Именно такой точки зрения придерживаются современные этнографы на то, как возникло использование огня. Несомненно, это изобретение было сделано независимо во многих местах и в разное время, но только, по всей вероятности, после того, как люди уже были знакомы с огнем как природным явлением. Это с необходимостью следует из факта, наблюдаемого осторожными путешественниками у всех первобытных народов, что за огнем ухаживают и лелеют его как своего рода домашнее животное, принимая все возможные меры предосторожности, чтобы не допустить его угасания. Вполне вероятно даже, что изобретение дома было вызвано необходимостью защиты огня от дождя и снега. В племенах, которые попали под мое личное наблюдение, ничто так не трогает, как их забота о “вечном огне”. Если бы я не взял за правило заставлять молодых и пожилых людей показывать мне в каждом посещенном месте способ добывания огня с помощью боринга, я мог бы прожить десять лет в деревне, не видя ни малейшего признака того, что они знакомы с такой вещью. Они переносят тлеющую головешку с собой на огромные расстояния, и только когда, несмотря на все предосторожности, она погасла, а другого огня позаимствовать невозможно, человек берет две свои палочки и коротким, но сильным усилием разжигает новый костер. Не каждый мужчина может это сделать. Я видел опытных практиков, у которых яркое пламя вспыхивало в течение полуминуты после первого поворота палочки, в то время как другие долго трудились и ничего не добились. Одним из важных моментов является

выемка на одной стороне отверстия, чтобы первая искра могла как можно быстрее достичь маленького конуса пыли. Также необходимо вращать палочку спокойно и равномерными, не торопливыми движениями, а дуть мягко и размеренно. В своих лейпцигских экспериментах по растачиванию в огне я испробовал все возможные методы, и мы с моими студентами напрасно изнуряли себя из-за отсутствия знания этих трех моментов и внимания к ним.

Я вижу, к своему некоторому удивлению, что различие между квалифицированным и неквалифицированным использованием оружия также полностью признано. Какую стрельбу здешние мужчины могут вести из своих дульнозарядов, я не могу судить, поскольку импорт пороха был запрещен со времен восстания,[37] и, следовательно, это оружие сейчас не используется. Это одна из причин, почему старомодное оружие в настоящее время все чаще встречается; и, кроме того, всем известно, что незнакомец из Улайи интересуется подобными вещами. Однако что касается охоты (а это основная цель, для которой требуется оружие), то применение огнестрельного оружия практически не привело к изменениям в тактике. Трудность подобраться к дичи на расстояние выстрела из этих допотопных ружей с кремневым замком почти так же велика, как с луками и стрелами, и бесчисленные меры предосторожности, принимаемые до и во время охотничьих экспедиций, призваны преодолеть эти трудности. Местные охотники, среди которых Нильс Кнудсен легко занимает первое место, в течение месяца, проведенного в Чингулунгулу, описали мне с полнейшими подробностями все местные методы охоты и все, что с ними связано. Когда все остальное потерпело неудачу, когда я устал от непрерывной работы фотографирования, создания фонографических и кинематографических записей, зарисовок, перекрестных допросов и ведения заметок, и когда стало очевидно, что моим незадачливым информаторам не давали уснуть только из уважения к их высокому гостю, мне стоило только коснуться темы охоты, и все снова были совершенно свежими, включая меня; ибо, на самом деле, невозможно представить себе более интересную этнографическую картину, чем та, которую предлагают эти условия.



МОЙ КОМПАНЬОН НИЛЬС КНУДСЕН

На одном из тех ежедневных совещаний, на которых мужчины деревни проводят большую часть своего времени в течение большей части года, сегодня собрание приняло решение о большой охоте, которая должна состояться в ближайшее время. С рвением, обычно не

свойственным этим мускулистым, но довольно упитанным фигурам, каждый немедленно поспешил в свою хижину, чтобы осмотреть оружие. Общеизвестно, что туземец всегда содержит свое ружье в первоклассном состоянии, но сейчас дело не в этом. Что нужно сделать, так это наложить заклятие на добычу и заручиться помощью высших сил в данном вопросе. Для этой цели необходимы лекарства, много и сильнодействующих лекарств. Самые могущественные чары - это части тел мертворожденных детей; ибо, поскольку они не могли причинить никакого вреда в мире, каждая их часть, по мнению туземцев, рассчитана на благотворное влияние. Аналогичные идеи, по-видимому, лежат в основе усилий, предпринимаемых для получения человеческой плаценты для таких целей. С другой стороны, кости давно умерших людей, особенно тех, кто при жизни был знаменитым охотником, охотно разыскиваются в надежде, что качества умершего передадутся тому, кто их использует. Все эти вещи вместе с корнями определенных растений превращаются в амулеты, которыми охотник украшает и себя, и свое ружье. Только после того, как он убедится, что вооружен на случай любой возможной жертвы, он сможет начать со спокойной душой.

Конечно, охота на многочисленных антилоп, обитающих в этой стране, не представляет никакой опасности. Охотники собираются ранним утром на условленное место встречи, но перед началом все они натираются отварами определенных корней. Это необходимо для того, чтобы заглушить с помощью запаха, менее тревожащего дичь, уже упоминавшиеся сильные выделения из организма вместе со специфическим запахом древесного дыма и т. Д. Из хижин, Который витает вокруг них. Даже обычные антилопы требуют большой осторожности в этом отношении, канны - гораздо большей, а слон, конечно, больше всего. Охота начинается только после того, как это сделано. Однажды найдя тропу, мужчины идут по ней без остановки, взбираясь на муравейники, взбираясь на деревья и наблюдая с холмов. Наконец, подобравшись на расстояние тридцати-сорока ярдов к добыче, будь то одиночное животное или стадо, они выпускают залп дробью и пулями, который либо сразу убивает его, либо ранит так серьезно, что, идя по кровавому следу, они находят его мертвым в кустах. Теперь вся группа собирается вокруг, чтобы окунуть свои амулеты в его кровь и таким образом повысить их эффективность в будущем. Удачливый стрелок получает кончик хвоста в качестве желанного украшения. Теперь он и его товарищи берут небольшой кусочек носа животного в качестве лекарства, чтобы усилить и обострить их нюх, верхушки сердца, чтобы придать им выносливость и упорство в выслеживании, глаз, чтобы сделать их зрение острее, и мозга, чтобы повысить их интеллект. Эти части съедаются, а также небольшой кусочек мякоти с места попадания пули — это для обеспечения аналогичного результата в следующий раз — и кусочек печени. Я не смог установить причину этого последнего; но поскольку этот орган многими народами рассматривается как средоточие жизни, возможно, эта ассоциация идей лежит в основе практики. Все частички мяса или шкуры, которые прилипли к рукам после этого замечательного охотничьего завтрака, по неизменному правилу должны быть намазаны на приклад ружья. Затем все они спешат прочь. Животное мертво, это правда, но его дух не был убит и захочет отомстить. Они возвращаются с различными травами и кореньями, соком которых они спешат натереть свои тела и таким образом защититься.

Но что значат обряды, связанные с простой охотой на антилопу, по сравнению с массой суеверных обычаев, которые предшествуют, сопровождают и следуют за охотой на слона? Я не могу здесь подробно описать приготовление лекарств и талисманов, а также их более чем фантастические ингредиенты. Охота на слонов не только вынуждает самого хозяина дома соблюдать определенный режим дня и ночи, но и накладывает аналогичное ограничение на свою жену по крайней мере за неделю до этого. Как правило, туземец ничего так не любит,

как любое нарушение его ночного отдыха, но в это время мужа и жену часто полночи держат на ногах, чтобы приготовить необходимые чары. Части человеческой плаценты, мозга и т.д. Снова входят в число основных ингредиентов с добавлением человеческой *спермы*и, в частности, отваров из коры различных деревьев, которыми охотник должен смазывать себя и свое ружье. Я должен отсылать читателя к официальному отчету о моей экспедиции, где можно найти эти и многие другие подробности.

Мы не можем следовать за охотниками в их экспедиции и должны довольствоваться указанием на то, что есть одно безошибочное средство остановить слона, когда все попытки догнать его потерпели неудачу. Это очень просто — вы берете немного земли из четырех следов преследуемого животного, смешиваете ее с определенным лекарством, приготовленным из корней, и где-нибудь крепко завязываете смесь. После этого слон не сможет двигаться, пусть он никогда так сильно не старается.

Когда, наконец, охота увенчалась успехом и слон убит, первое, что делают, - это отрезают кончик его хобота, который немедленно закапывают. Считается, что это самая опасная часть тела слона, которая живет еще долго после того, как животное было убито. Его закапывают, чтобы оно не могло видеть, что делается дальше. Охотники танцуют вокруг поверженного колосса, снова и снова стреляя из ружей в знак ликования; затем они ищут целебные коренья, которыми натирают свое тело в качестве защиты от мстительного духа слона. Покончив с этим, они могут на досуге вырезать бивни, разделать тушу, съесть огромное количество свежего мяса, а остальное высушить, чтобы унести с собой. Это делается тем же способом, каким сушат рыбу на ровуме, то есть над огнем, на подставке высотой около двух футов. Другие предпочитают нарезать ее соломкой и высушить на солнце. Вероятно, осталось не так уж много блюд, которые можно было бы угостить таким образом; туземец, как стервятник, чует любой кусочек мяса, который мог бы нарушить монотонность его овсяной диеты, даже если это должно быть за много миль отсюда; и таким образом, за невероятно короткое время сотни гостей видят, что ни одно блюдо не пропадает даром.

СУШКА РЫБЫ НА РОВУМЕ

ГЛАВА XI
ПОСВЯЩАЕТСЯ РОВУМЕ

Ньюала, начало сентября 1906 года.

Последние несколько дней я жил в другом мире и был ближе к небесам, поскольку я нахожусь здесь, на высоте более 3000 футов над уровнем Индийского океана, и смотрю вниз на обширную серовато-зеленую равнину на западе с высоты более 1600 футов. Отсюда открывается чудесный вид на равнину, простирающуюся на юго-запад через широкий канал Ровума, который сейчас, правда, содержит очень мало воды, и на северо-запад до далекого хребта Масаси; при этом он также охватывает многочисленные островные вершины, виднеющиеся на разном расстоянии на юге, западе и северо-западе. Однако я могу насладиться этим видом, только пройдя назад на запад примерно на полмили от моего нынешнего положения, поскольку Невала находится не на обрывистом краю плато, а примерно в тысяче ярдов от него. И здешний климат! Какой контраст с *Адом* Чингулунгулу и Чистилищем Акундонде! Здесь прохладно, как на гребне Тюрингского хребта, и нам, европейцам, пришлось сразу по прибытии раздеть нашу самую теплую одежду. Двойных одеял на ночь и толстого жилета утром и вечером недостаточно, и нам обоим пришлось надеть пальто.

Но я снова забегаю вперед! Между нашим отъездом из Чингулунгулу и прибытием в Невалу прошло всего одиннадцать дней. Но сколько, или, если быть более точным, каких разнообразных переживаний было вложено в этот промежуток! Никогда прежде мои носильщики не были так шумны в приподнятом настроении, как в то утро, которое положило конец их долгому бездействию у Матолы. Носильщики Ваньямвези терпеть не могут сидеть на месте, они хотят всегда быть в движении, постоянно видеть что-то новое; и в конце концов, если их слишком долго держать в бездействии в одном месте вдали от дома, они осознают пословицу о моряке с женой в каждом порту. Мне стоило больших трудов провести моих двадцать четыре человека (я уже без малейшего сожаления разрядил "Линди Ругаруга" в Масаси) через опасности этой Капуи; они стали жестокими, совершали нападения на женщин и девочек, а также давали другие поводы для жалоб. Я делал все, что мог, чтобы уберечь их от проказ, как, например, заставлял их делать длинные столы для *баразы* из разрезанного пополам бамбука; но все было напрасно. Однако в утро нашего отъезда, когда мы маршировали к Ровуме, они скакали, как молодые телята, несмотря на свой груз в шестьдесят или семьдесят фунтов. Как весело мы все маршировали! Вскоре мы оставили лишенные тени заросли Чингулунгулу далеко позади. Резкий поворот дороги с запада на юг и короткий крутой спуск привели нас к Насомбе, на дне глубокого ущелья которой была небольшая ниточка воды. Мы ехали дальше, по обширным стерневым полям кукурузы и проса, между грядками бобов и великолепными плантациями табака. Высокие муравейники свидетельствовали о плодородии почвы; маленькие сторожевые хижины, укрепленные на высоких столбах, рассказывали о том, что посевам угрожают дикие свиньи, обезьяны и другие враги, принадлежащие к животному миру. Кнудсен смог потакать своей любви к охоте во время этого путешествия, и время от времени одно из его почтенных охотничьих ружей оглашало холмы и долины. Тем временем я миновал озеро Личе, полосу воды, почти заросшую тростником, которое, согласно карте, должно было находиться недалеко от

Ровумы. Растительность тоже свидетельствовала о большем изобилии воды, чем до сих пор; мы проходили мимо огромных баобабов, продирались сквозь низкие пальмовые заросли и слышали, как листья величественных веерных пальм шелестят высоко над нашими головами. Как раз в тот момент, когда я собирался продраться сквозь очередные заросли кустарника, сильная рука моего нового капрала Хемеди Маранги оттащила меня назад. “*Mmo хапа, Бвана*“ — ("Там река, сэр”). Еще один шаг, и я бы скатился с крутого берега высотой около шестнадцати-восемнадцати футов, у подножия которого я теперь вижу отблеск тех широких просторов, которые так часто описывал мне Нильс Кнудсен и которые не преминули произвести впечатление на людей, столь лишенных энтузиазма, как Эвербек. Так часто слыша слово *хапана*, которое действительно начинает действовать мне на нервы, *хапана* капрала стало приятным сюрпризом, и неудивительно, что я почувствовал желание благословить его. Что мне сказать о пяти или шести приятных днях, проведенных на берегах и островах этой реки, освященных памятью Ливингстона?[38] Этнографу в наши дни там мало чем можно заняться. Сорок лет назад, когда Ливингстон поднялся на нее, ее берега были покрыты поселениями ваматамбве, течение несло тысячи каноэ этого энергичного рыбацкого племени, и повсюду царила оживленная, веселая жизнь. Но и здесь вангони сошел, как иней весенней ночью, и от некогда многочисленного и цветущего матамбве остались лишь скудные остатки, беспорядочно разбросанные по огромной долине Ровума или поглощенные реками Макуа, Яо и Маконде. Путешественнику повезет — как, кстати, и мне обычно, — если он увидит несколько особей этого затерянного племени.

ДВЕ МАТЕРИ - МАТАМБВЕ Из ПЛЕМЕНИ РОВУМА

Мы разбили наш первый лагерь недалеко от реки. Моя палатка, как обычно, была разбита дальше всех с наветренной стороны и рядом с водой, палатка Кнудсена находилась рядом с ней; в то время как носильщикам пришлось искать укрытия с подветренной стороны, под нависающим берегом. Такие крутые берега, как этот, здесь очень распространены. Во время дождей река уносит огромное количество воды в море и с каждым годом поднимает массы наносных отложений на большую высоту, но в засушливый сезон, как сейчас, ее русло шириной почти в милю почти пересыхает и состоит из обширных песчаных и гравийных берегов. Между ними река принимает несколько неопределенное течение, иногда образуя

единственный канал примерно такой же ширины, как Эльба у Дрездена, но обычно разделенный на два или три легко переходимых вброд рукава. Тем не менее, несмотря на свою беспомощность, река агрессивна и постоянно подмывает свои берега на изгибах, так что мы часто натыкаемся на лежащие в ручье деревья, которые были подорваны и повалены. Следовательно, ее русло постоянно меняется, как и в случае с Замбези и Шире, и, фактически, с большинством рек тропической Африки.

Время близится к вечеру: дюжина туземцев стоят кружком на ровном месте посреди протоки и внимательно, почти робко оглядываются по сторонам, глядя прямо в воду, как будто им не терпится добраться до дна. За чем они охотятся? Потерял ли белый человек какую-то ценную собственность, которую он заставляет их искать? Ответ намного проще. Загляните внутрь круга, и вы увидите две шляпы, плавающие на поверхности течения. Когда они немного приподнимутся над уровнем сияния, вы увидите два белых лица — лица вазунгу, Кнудсена и Веуле, которые, довольные тем, что в кои-то веки выбрались из резиновой ванны, в которой всего полведра воды, охлаждают свои конечности в живительном потоке. А туземцы? Ровума имеет репутацию — не совсем незаслуженную — реки, в которой водится больше крокодилов, чем в любой другой реке Восточной Африки, и поэтому в качестве меры предосторожности стоит разместить вокруг нас цепь аванпостов. В высшей степени забавно наблюдать за встревоженными лицами этих героев, хотя вода на большом протяжении не доходит им до колен.

Наступает вечер; поднялся сильный западный бриз, с неудержимой яростью несущийся вверх по широкому руслу реки, так что даже слабое течение Ровумы делает слабую попытку поднять волны. Радуясь необычному зрелищу, взгляд простирается далеко вниз по реке. Все по—прежнему мертво - от прежней радостной жизни матамбве, какой она была в шестидесятые, не осталось и следа. Там, далеко, на последней видимой петле реки, появляется черная точка, быстро увеличивающаяся в размерах. Наши туземцы, обладая острым зрением, давно заметили это и смотрят в том же направлении, что и мы. “*Мтумбви*” — (каноэ)! они восклицают хором, когда точка, появляющаяся из-за поворота, превращается в черную линию. Через четверть часа каноэ подплывает к нам, землянка простейшей формы, со скорбным грузом и старухой, скорчившейся на корме скорее мертвой, чем живой. Мне становится жаль беднягу, и по моему знаку пожилой мужчина и мужчина помоложе легко спрыгивают на берег. Далее следует несколько вопросов. “Она очень больна, *биби*, - таков ответ. - Мы думаем, что она умрет сегодня”. Я сам вижу, что никакая человеческая помощь не поможет. Двое мужчин возвращаются к своим веслам, и еще через десять минут мы видим, как они приземляются выше по другой стороне, неся между собой бесформенный сверток через песчаную отмель в кустарник. Человеческое предназначение исполнилось само собой.

Нильс Кнудсен в своей обычной восторженной манере рассказывал мне о чудесах, которые можно найти в лагере Наунге, выше по реке Ровума, куда, по его настоянию, мы должны были отправиться. На этот раз он не так уж сильно ошибся; на самом деле, дикий хаос скал рядом с рекой и в ней, небольшие каскады между замшелыми камнями и темно-зеленая растительность на берегах создавали достаточно привлекательную картину. Но состояние самой земли! Примятая трава и сломанные кусты, а также безошибочный запах достаточно ясно показывали, что это было популярное место для кемпинга, и им пользовались незадолго до этого. — Нет, спасибо! - сказал я. -*Сафари*- вперед! Здесь, где мы находились прямо на пути Ливингстона, открытый кустарник начинается в паре сотен ярдов от берега. С тремя *аскари*, прикрывавшими мой левый фланг, я двинулся вверх по течению через растительность, обрамляющую берег, ценой неописуемого труда, но радуясь виду на реку с

ее постоянно меняющимся пейзажем. Наконец-то я нашел то, что искал. Посреди пролива, на расстоянии примерно шестисот или семисот ярдов от нас, возвышался остров, крутой и заостренный, как нос военного корабля, его красные скалы сияли вдали на серебристо-сером фоне песчаных отмелей, но сверху покрыты плотной массой свежей зеленой растительности. Пронзительным свистом позвав своих последователей на ту сторону от *пори*, я одним прыжком спустился с берега и направился по глубокому песку прямо к острову.

Идиллическая жизнь, которой я наслаждался в течение нескольких дней на этом острове в Ровуме, оставила неизгладимый след в моей памяти. Нильс Кнудсен всегда был на охоте и неизменно возвращался с запасом мяса для жарки, что поддерживало мужчин в отличном настроении. Наши палатки были разбиты в узком песчаном ущелье у подножия утеса, который, возможно, достигал двадцати семи или двадцати восьми футов в высоту; мужчины расположились лагерем на некотором расстоянии с подветренной стороны, а я сам был один в зеленой беседке на вершине острова, где никому не разрешалось приближаться ко мне, не представившись словами, предписанными этикетом суахили: “*Ходи Бвана!”*Только мои личные слуги могли приносить мне без предупреждения угощения, приготовленные Омаром, который теперь научился готовить некоторые блюда так, чтобы они не были абсолютно несъедобными. В целом это была восхитительная интерлюдия.

ТИПИЧНАЯ ХИЖИНА В ДОЛИНЕ РОВУМА

Не менее восхитительным был наш последний лагерь на реке Ровума. Это было в устье Бангалы, ее крупнейшего северного притока, столь впечатляющего на карте, но сейчас представляющего собой всего лишь пересохшее русло. Вода все еще текла под землей, но нам пришлось бы прорыть несколько ярдов, чтобы добраться до нее. Мы не сочли нужным этого делать, поскольку в самой Ровуме, где мои люди вели образ жизни амфибий, было в изобилии чистой воды. Какими аккуратными и опрятными они все выглядели, как только стало возможным ежедневное мытье. “*Мзури ве!*” (“Какой ты замечательный!”) Я мимоходом с признательностью отметил Чафу кога, Грязную Свинью, поскольку это приблизительный перевод его имени. Самодовольная улыбка на его бронзовом лице сама по себе стоила поездки в Африку.

У жизни на Ровуме есть только один недостаток: шторм, который начинается на закате и, постепенно усиливаясь, пока не становится настоящим ураганом, снова стихает около полуночи. Никакая тростниковая изгородь не защитит от этого, и нет смысла искать укрытия

за палаткой; и никакое изобретенное к настоящему времени приспособление не убережет лампу от задувания, так что ничего не остается, как лечь спать в восемь.

Более того, наши ночи были потревожены незваными посетителями. Слоны, это правда, которые, хотя и водятся в изобилии в этой части страны, очень пугливы, всегда обходили наш лагерь широким кругом; но львам, по-видимому, нравилось прогуливаться при лунном свете взад и вперед между спящими носильщиками. В "Бангале" часовой, стоявший немного поодаль с ружьем наготове, со злобной ухмылкой рассказал мне, как он видел льва, который прошел вдоль ряда храпящих мужчин и остановился у Омари, повара, по-видимому, раздумывая, съесть его или нет. Постояв так некоторое время, он издал низкое, раздраженное рычание, как будто не счел Омари достаточно аппетитным, и медленно потрусил обратно в кусты.

Рудник Луизенфельде — я не знаю, как Луиза назвала его, — надолго останется в моей памяти как приветствие из дома, из сердца африканского буша; это звучит так предприимчиво и в то же время так приятно знакомо. Это правда, что добыча полезных ископаемых продолжалась недолго, хотя бывший владелец, герр Вохсен, в глубине души гордился тем, что производимые там блестящие красные гранаты получили название “Капские рубины”. Гранаты настолько дешевы и встречаются в стольких местах, что за очень короткое время рынок был перенасыщен. Герр Марквардт, предприимчивый управляющий, отправился домой, а Нильс Кнудсен, его помощник и фактический лицо, остался забытым в кустах. Буквально в кустах, потому что хорошо построенный дом с двойной крышей из гофрированного цинка, защищенной внешним покрытием из соломы, был заперт, и норвежцу пришлось искать укрытие, насколько это было возможно, в одном из двух флигелей. Мы остановились здесь на три или четыре часа по пути на север от Ровумы, чтобы поужинать в воскресенье на веранде дома управляющего. Здесь перед нами было двойное напоминание о прошлом: посреди территории огромная куча непригодных для продажи "капских рубинов”, которые должны были принести такие богатства и теперь лежат повсюду в качестве игрушек для местных детей, а на переднем плане - могила единственного ребенка Марквардта, многообещающей трехлетней девочки, которая приехала сюда со своими родителями, полная здоровья и жизни. Мы, прозаичные европейцы, не верим в приметы, но, похоже, внезапная смерть ребенка не стала неожиданностью для туземцев. Кнудсен рассказывает мне, что однажды к нему пришел местный рабочий с гранатовых рудников и сказал: “Кто-то здесь умрет, сэр”. ‘Ерунда!’ Я сказал и отослал его прочь. На следующий день он пришел снова и сказал то же самое. Я отправил его по делам, но он продолжал приходить. Каждую ночь мы слышали крик совы на крыше дома Марквардта. Это продолжалось целых две недели, а затем маленькая девочка Марквардта заболела и умерла через несколько часов. После этого птица так и не прилетела. Они называют это *ликвикви*.

ЗАБРОШЕННЫЕ ЗДАНИЯ, ШАХТА ЛУИЗЕНФЕЛЬДЕ

Одна история предполагает другую. Матола рассказал нам несколько подобных историй, когда мы вечером сидели у лампы. Вот один или два примера:—

“Между этим (Чингулунгулу) и Ньясой, - сказал Матола, - есть высокая гора, называемая Млила; дорога проходит рядом с ней. Рядом с дорогой лежат два топора и лопата,[39] и никто не может их унести. Если кто-нибудь поднимает их и взваливает на плечо, он не успевает далеко уйти, как ему начинает казаться, что их там больше нет, и когда он оборачивается, то видит, что они возвращаются на свое место. Но владелец этих топоров и лопаты - Накале.

МАЛЬЧИКИ УНЯГО ИГРАЮТ НА ФЛЕЙТАХ ВОЗЛЕ НДАГАЛЫ У АКУНДОНДЕ

ЛИКВИКВИ, ПТИЦА ДУРНОГО ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ, НАРИСОВАННАЯ МАКУА. (См. стр. 372)

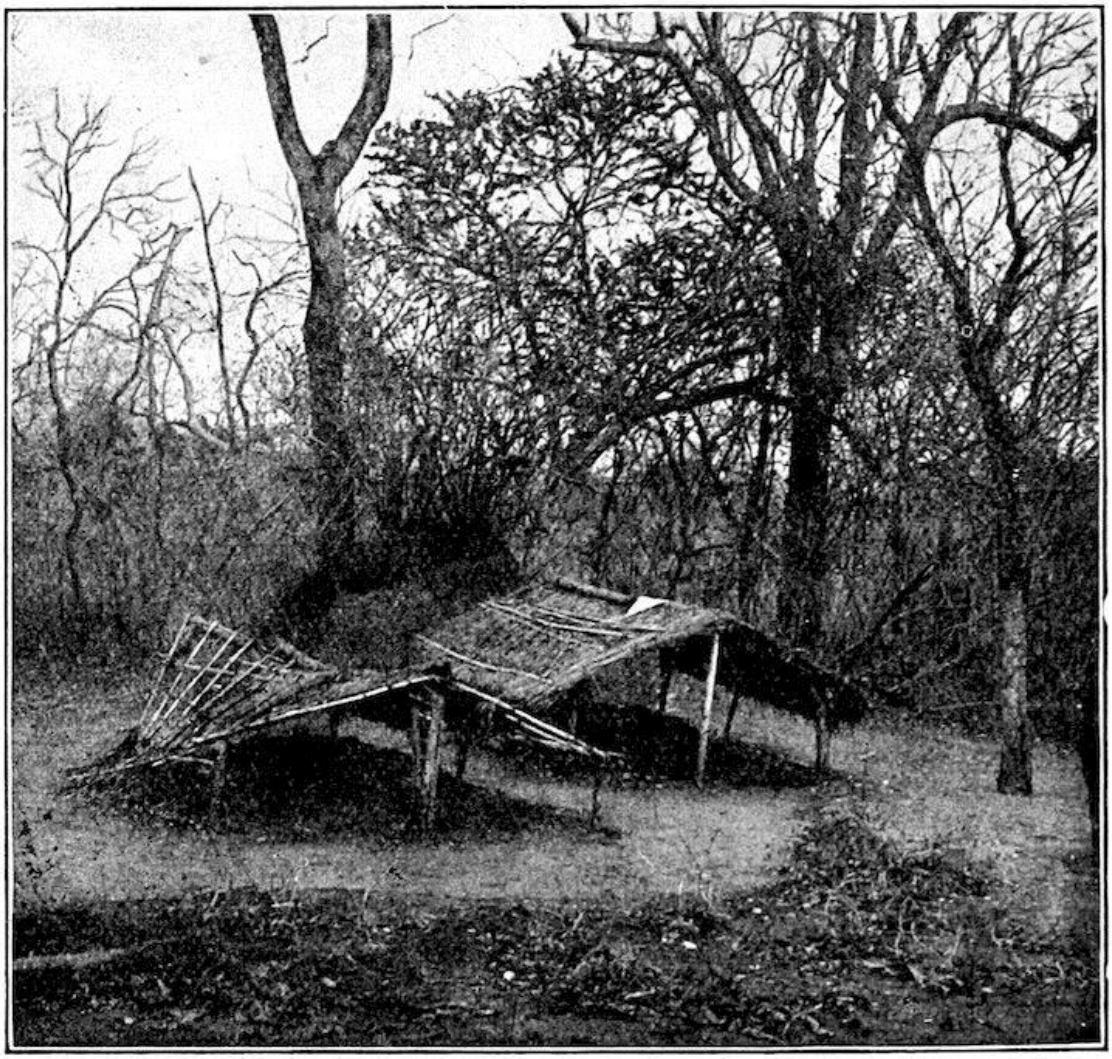
Другая история такова: “У Мтарики (старого вождя Яо, ныне покойного) люди увидели великое чудо. Зерна *Усанье* (красная разновидность проса) плакали в корзинке. Это

произошло таким образом: люди отрубили головы *усанье* в саду и положили их в корзину. И когда зерна были прижаты друг к другу в корзине, они начали плакать и визжать. Люди не знали, откуда доносился плач, и перевернули корзину, чтобы заглянуть в нее и под нее, но ничего не смогли найти и больше ничего не услышали. Затем они положили зерно обратно в корзину, и снова раздался плач, и люди испугались и побежали за другими. Они тоже искали, но ничего не могли найти, и все они ушли, очень удивленные. Но когда они вернулись домой, то обнаружили, что ступка танцует, и все большие глиняные чаши (*мбале*) тоже танцевали, а многоножка Джонгололо строил себе домики. На следующий день они все собрались, чтобы спросить друг друга, что бы все это значило. А через три дня Мтарика умер. Вот в чем был смысл этого".

ЛИСАКАСА (КОЛЬЦО ХИЖИН УНЯГО) В ЛЕСУ НЕДАЛЕКО ОТ ДОМА АКУНДОНДЕ

Мы посетили Луизенфельде лишь отчасти ради воспоминаний о прошлом; вряд ли бы мы это сделали, если бы не тот факт, что дорога от устья Бангалы до Акундонде проходит прямо мимо него. Полуторачасовой или двухчасовой марш-бросок вверх по глубоко раскопанному ущелью Намапута и короткий крутой подъем на гребень следующего хребта привели нас к дому Акундонде. Мы увидели перед собой типичное туземное поселение в этих краях, средних размеров, тщательно подметенное открытое пространство с *баразой* посередине - крышей, поддерживаемой столбами и открытой со всех сторон. Он окружен примерно полудюжиной хижин, круглых или квадратных, все с тяжелыми соломенными крышами, карнизы которых доходят почти до земли, другие группы хижин разбросаны через большие промежутки времени по всему гребню холма. Акундонде, хотя и сказал, что ожидал нашего визита, казался не очень любезным или общительным. Мы вряд ли могли приписать это последствиям его недавних возлияний — его горло, должно быть, было слишком хорошо

закалено для этого; но сочли более вероятным, что из-за больной ноги он чувствовал себя не в своей тарелке для общества. У меня оставалась всего одна бутылка “*коньяка*жумбе”, этого восхитительного напитка, пахнущего ароматом роз, но имеющего вкус, который я не берусь описать, и я угостил им старого вождя, но больше не обращал на него внимания, что я вполне мог себе позволить, не подвергая опасности успех моего предприятия. Младший староста деревни — умный Яо, настоящий денди по местным меркам, который даже носил часы на очень большой цепочке и, следовательно, должен был смотреть на время каждые две минуты — оказался гораздо более компетентным гидом по жизни и обычаям этого отдаленного района, чем угрюмый старый Акундонде. Молодой человек показал нам множество произведений местного искусства — нам нужно было только ходить от дома к дому и заглядывать под карнизы, чтобы обнаружить стены, покрытые фресками. Он также провел нас к небольшому захоронению - нескольким могилам Яо, укрытым низкими соломенными крышами (ныне несколько обветшалыми), которые я теперь впервые увидел с закрепленной сверху тканью.



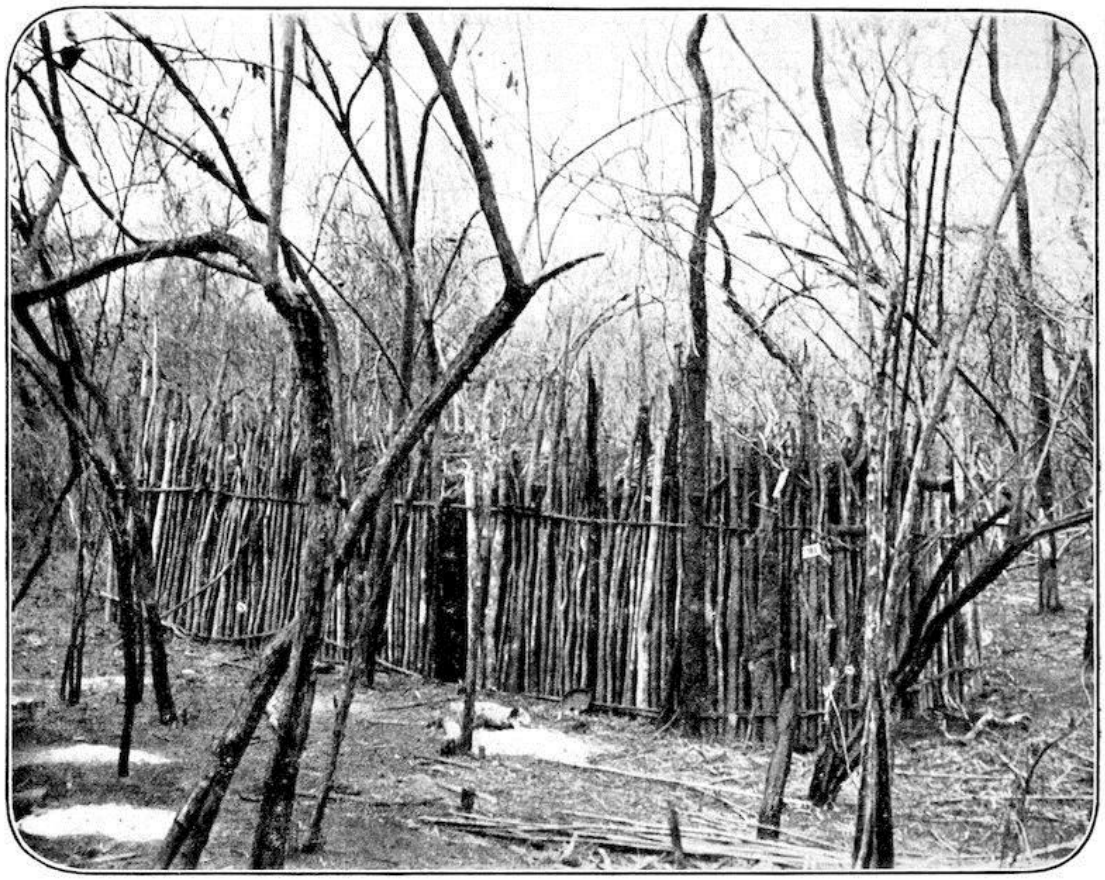
МОГИЛЫ ЯО В АКУНДОНДЕ

Ранее услышав, что *unyago* состоится в этом году в Akundonde's, мы приложили все усилия, чтобы увидеть и услышать как можно больше. Обещание королевского вознаграждения вскоре привело к желаемому результату, но *джумбе* сказал мне, что носильщикам и солдатам нельзя позволить поехать со мной, хотя Мориц и Кибвана будут допущены. Двое моих мальчиков к этому времени по горло сыты предвыборной кампанией, и их чувство долга

требует поощрения обычным способом; но, сделав это, они тащатся, хотя и неохотно, за нами с фотоаппаратом.

Староста выводит нас из деревни окольными путями, очевидно, желая остаться незамеченными, а затем наша группа из пяти человек углубляется в безмолвный кустарник, который здесь своими большими деревьями почти напоминает мне наши немецкие леса; листва тоже свежее и обильнее, чем мы когда-либо видели по другую сторону Чингулунгулу. В естественном возбуждении от ожидающих нас новых открытий я не обращаю внимания ни на место, ни на время — я не могу сказать, шли ли мы полчаса или час, когда, пробравшись сквозь заросли, мы видим перед собой маленькую хижину и обнаруживаем, что достигли нашей цели.

Наши усилия были щедро вознаграждены. Прежде чем я успеваю оценить размер, конструкцию и мастерство изготовления хижины, нас окружает стайка мальчишек-полувзрослов. Громкими криками и энергичными жестами *джумбе* приказывает им вернуться, и теперь я замечаю приближение пожилого человека, который, должно быть, вышел из хижины, потому что он внезапно появляется, как будто вырос из-под земли. Это *ва миджира*,[40] человек, который руководит всеми церемониями *уняго для мальчиков*". Он торжественно приветствует нас и едва заметным движением век подает знак мальчикам. Они уже выстроились в длинный ряд: странные, худощавые фигуры в широких травяных килтах, которые делают их похожими на балерин. Каждый из них подносит ко рту инструмент, похожий на флейту, из которого они извлекают музыкальное приветствие. Я еще раз сожалею о своей недостаточной музыкальной подготовке, поскольку это представление уникально в своем роде. Дослушав приятную мелодию до конца, я подхожу достаточно близко, чтобы получше рассмотреть группу. Инструменты представляют собой не что иное, как куски бамбука, каждый из которых отличается от остальных длиной и диаметром, но все они закрыты - на нижнем конце естественным сочленением язычка и гладко обрезаны на верхнем. Таким образом, каждый из маленьких музыкантов может сыграть только одну ноту, но каждый с идеальной точностью воспроизводит свою собственную и настолько точно вписывает ее в согласованную “песню без слов”, что образует совершенно гармоничное целое. Мориц тем временем исполнял свои обязанности министра финансов, и некоторых мальчиков даже удалось убедить удалиться за хижину и показать мне результат хирургической операции, которой они подверглись около месяца назад, но которая в некоторых случаях все еще вызывает нагноение. Теперь, однако, я хочу осмотреть хижину изнутри.



НДАГАЛА (ДОМИК ДЛЯ ОБРЕЗАНИЯ) В ЛЕСУ НЕДАЛЕКО ОТ АКУНДОНДЕ

Европеец в Африке скоро привыкает обходиться без предметов роскоши для себя, и ему никогда не придет в голову искать их в жилищах туземцев; но первобытная грубость этого места, в котором пятнадцати мальчикам предстоит прожить несколько месяцев, не поддается описанию. *Ндагала*, как официально называется приют обрезания, представляет собой здание приличных размеров, размером примерно тридцать два на тринадцать футов, но ни стены, построенные из кривых сучковатых бревен, с промежутками между ними, обеспечивающими свободный доступ ветру, ни очень воздушная и плохо сохранившаяся соломенная крыша не являются надежной защитой от ночного холода. В центре каждой продольной стены есть дверной проем, но дверей нет. Войдя, поначалу не видишь ничего, кроме просяной соломы, смешанной с кучками золы. Эта солома устилает пол, лежит кучами у стен и в беспорядке разбросана на шестнадцати первоначально, несомненно, вполне приличных кроватях. Одно из этих лож отведено учителю, остальные - это те, на которых его ученики не только спали, но и перенесли болезненную операцию без какого-либо обезболивания или антисептической обработки, но со стиснутыми зубами и в тишине. Яо, эти восточноафриканские спартанцы, строго запрещают любые проявления страданий в таких случаях. Если, несмотря на всю свою решимость, какой-нибудь бедняга, на самом деле всего лишь ребенок, не в состоянии подавить крик боли, он оказывается сбитым с ног *анамунгви*, своим хозяином и его товарищами.

Пятнадцать кроватей уже сильно обветшали; некоторые совсем сломаны, а на других видны лишь скудные следы аккуратного расположения соломы, которое отличало их поначалу. Огромная куча золы рядом с каждой кроватью показывает, что маленькие пациенты пытаются защититься от холода по ночам, поддерживая хороший огонь. Все они выглядят совершенно запущенными и густо покрыты грязью, пылью и пеплом с головы до ног, так что омовение, которым завершаются церемонии в *ндагале*, и, следовательно, посвящение

кандидатов в послушники - это не только давно забытое удовольствие, но и прямая необходимость.

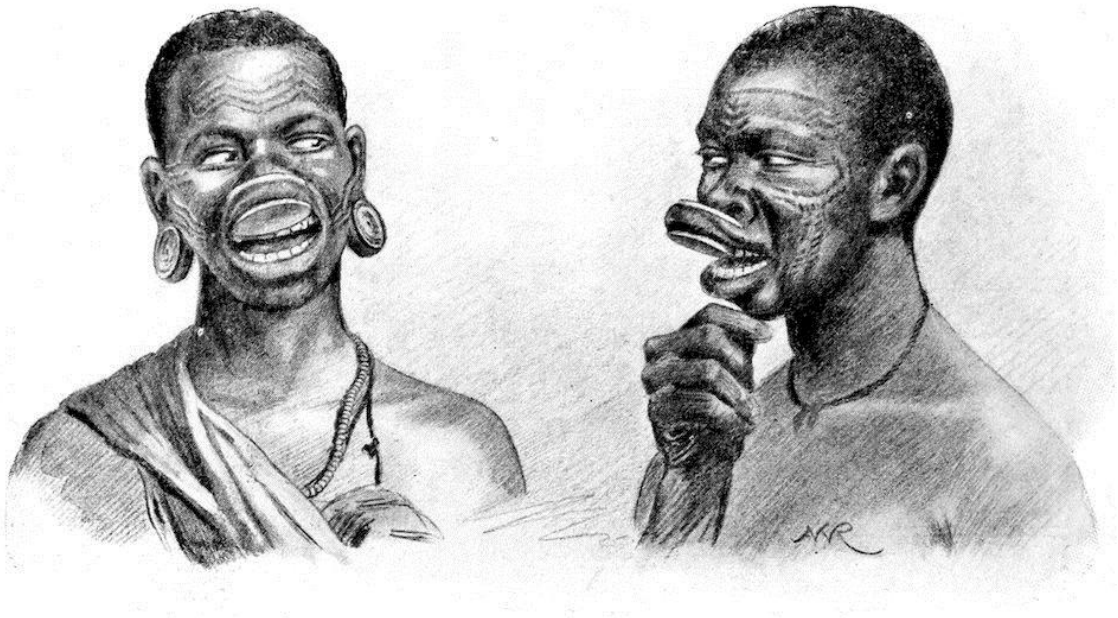
В центре хижины мы видим ветку дерева, воткнутую в землю. Он раскрашен в разные цвета и увешан полосками кожи, хвостами животных и птичьими шкурками. Это называется *лупанда*, и от нее вся церемония получила свое название, причем термин *уньяго* применяется к церемониям посвящения в целом, а термин *лупанда* - только к “мистериям” мальчиков. От старика больше ничего не добьешься, так что мне придется найти какого-нибудь другого информатора, особенно в отношении *unyago* девочек, который, судя по всему, должен быть не менее интересным, чем *лупанда*. Часть моего желания была неожиданно исполнена день или два спустя. *Джумбе*, воодушевленный гонораром, полученным за его услуги, в большой спешке явился к нам сразу после обеда. Мы разбили наш лагерь в месте с прекрасным видом, но недостаточно защищенном от вечернего шторма, на опушке кустарника на самой высокой точке холма. Кнудсен сначала, как и в предыдущих случаях, умолял об оккупации *баразы*; но наш старый враг вихрь, который, конечно, застал нас врасплох как раз в тот момент, когда готовился гороховый суп, вскоре образумил его. Когда мы дремали под *банда*, укрытием из веток и травы, какое каждый *мнямпара* and his men can set up in a few minutes, pressing our hands from sheer habit to our aching temples and thinking of nothing—unquestionably the best occupation in these latitudes—the *jumbe* came running up, shouting from afar that a *chiputu Бвана мкубва* и *бвана мдого* могли бы многое увидеть, если бы поехали, но женщины были застенчивыми, а носильщикам и солдатам нельзя было позволить пойти с нами. Через несколько минут мы были в пути, Мориц и Кибвана были тяжело нагружены, так как на этот раз я взял с собой не только свою большую камеру, но и кинематограф, слишком долго бездействовавший, от которого я надеялся на великие свершения. Прогулка была длиннее, чем в предыдущий день, дорога сначала вела на северо-восток вдоль гребня хребта, а затем поворачивала на запад и спускалась в зеленую долину журчащего ручья. Не доходя до долины, мы обнаружили, что дорогу преграждает огромный круг хижин — строений самого примитивного вида, состоящих всего из нескольких вбитых в землю шестов, вертикальных или наклонных, соединенных наверху горизонтальной поперечиной, сплошь покрытых высокой африканской травой. Но эти сараи были расположены с почти математической точностью по непрерывному кругу диаметром более пятидесяти ярдов. Это настоящее место, где проводится фестиваль — однако не церемония, на которую мы пришли посмотреть, а *лупанда*. Здесь длинная череда обрядов начинается с танцев, пиршеств и пения, и здесь, когда мальчики возвращаются после своего трех-четырехмесячного отсутствия, оправившиеся от операции и посвященные в тайны сексуальной жизни и моральный кодекс племени, происходит заключительное празднование. Так что берите со штатива, фотоаппарата и пластинок. Хотя я был всего лишь новичком в фотографии, когда начинал, я давным-давно благодаря постоянной практике стал *фотографом*, который может сделать свои двадцать или тридцать негативов за несколько минут. Один взгляд на две маленькие кучки пепла, занимающие неподвижные позиции на арене, и мы снова тронулись в путь.

К двум часам пополудни мы добрались до жалкой деревушки Макуа; на самом деле, она едва ли заслуживает названия деревни, хотя обитатели двух или трех ее убогих хижин взяли на себя труд развлекать всю округу. На самом деле собралась большая толпа, состоявшая в основном из женщин и девушек, причем мужчины были явно в меньшинстве. Одного этого было бы достаточно, чтобы заявить, что фестиваль принадлежит исключительно женщинам.

Сооружение, где должна была проходить эта церемония, было типично африканским, не слишком большим, но вполне достаточным для поставленной цели. Местные жители

досконально владеют искусством возведения зданий, превосходно подходящих для той цели, которой они призваны служить, а также весьма приятных по стилю и форме, из самых дешевых материалов и с простейшим оборудованием, за очень короткое время. Эта хижина была круглой, со стеной из жердей и просяной соломы, высотой от шести до семи футов. Оно было около тридцати футов в диаметре, с двумя дверными проемами, обращенными друг к другу, и центральным столбом, поддерживающим крышу. Женщины как раз входили торжественной процессией, в то время как изнутри была слышна настройка нескольких барабанов. *Намек*джумбе на застенчивость женщин был вполне оправдан; те, кто замечал нас, сразу же убегали. Участники успокоились только тогда, когда нам удалось незаметно подобраться поближе к внешней стене здания и там укрыться в группе людей, настроенных благоразумно. Однако даже сейчас было невозможно сделать набросок ни одной из этих женщин. У меня есть привычка, где только могу, набрасывать несколькими быстрыми штрихами каждый живописный “кусочек”, с которым я сталкиваюсь, и здесь я обнаружил их в необычном количестве. С тех пор как я покинул побережье, лабреты, заколки для носа и сережки-гвоздики стали довольно банальными, но до сих пор я не встречал образцов такого размера или расовых типов, столь явно диких и неповрежденных. Когда одна из этих женщин смеется, эффект просто неописуемый. Пока ее лицо сохраняет свое обычное серьезное выражение, белоснежный диск остается в горизонтальном положении, то есть если обладательница все еще молода и хороша собой. Если, однако, она разражается коротким хихикающим смехом, свойственным молодым негритянкам, *пелеле* взлетает резким рывком и застывает прямо над белыми, как слоновая кость, и все еще идеальными зубами, в то время как красивые карие глаза молодой женщины вспыхивают весельем, а тяжесть тяжелой деревянной пробки вызывает быструю вибрацию верхней губы, которая вытягивается почти на ширину ладони из своего нормального положения. Затем младенец на спине женщины (почти все они несут младенцев) начинает жалобно плакать под испытующим взглядом странного белого человека; и, короче говоря, все это зрелище нужно увидеть, чтобы оценить по достоинству — никакое перо не сможет его описать.

Наше место было выбрано удачно и позволяло нам беспрепятственно обозревать всю внутреннюю часть хижины. Я заметил троих юношей, сидевших на почетных стульях в отведенной части зала, и спросил у *джумбе*, который стоял рядом со мной, услужливо готовый прийти на помощь, кто были эти три маленькие креветки? Оказалось, что это были мужья девушек, у которых в тот день праздновался *чипуту*.

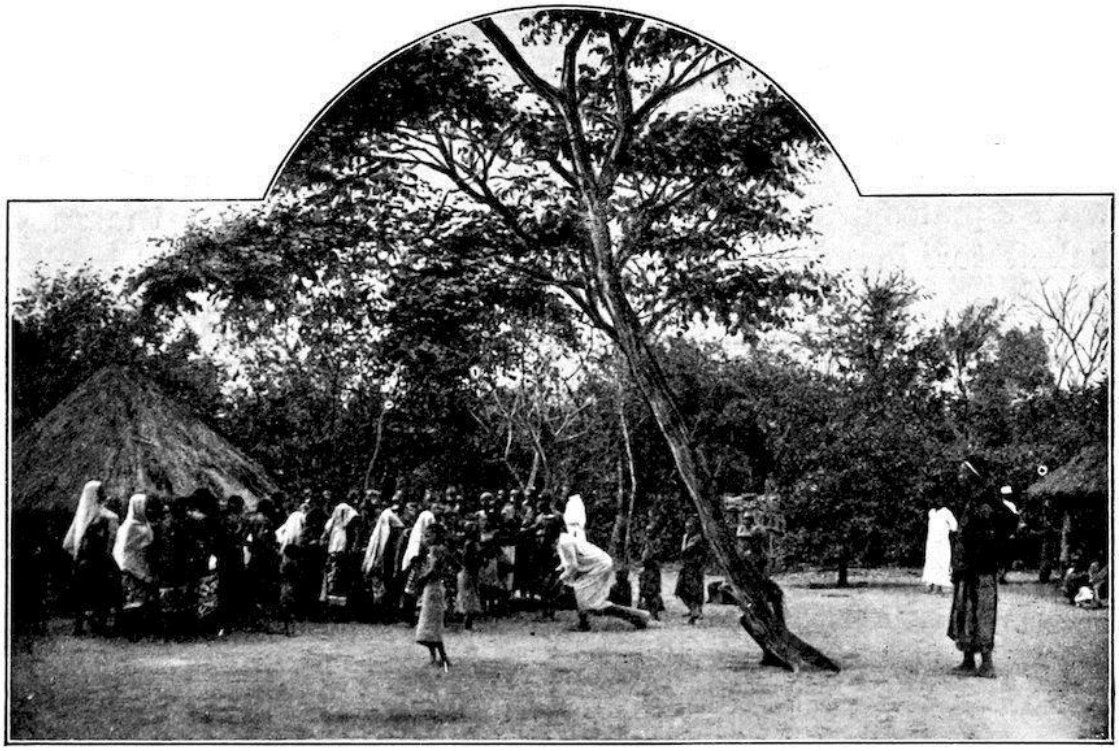


СМЕЮЩИЕСЯ КРАСАВИЦЫ

А что такое *чипуту*? Это празднование вступления девушки в женственность; но это долгая история, и у нас сейчас нет времени разбираться в ней, потому что ударили барабаны в том особом ритме, который слышен в каждом *нгома*, который никогда не сможет забыть ни один человек, побывавший в Восточной Африке. В тот же миг плотная толпа черных тел уже приготовилась к танцу. Походкой, чем-то напоминающей походку водяной трясогузки, они двигаются, ритмично скользя и раскачиваясь, вокруг центральных столбов, у которых стоят, ухмыляясь, три старые карги.

“ Кто это? - Спрашиваю я.

Это *анамунгви*, наставницы трех девочек; сегодня они должны получить награду за свою работу. “Посмотрите теперь, сэр, что происходит”. Пока ничего не происходит, танец продолжается и продолжается, сначала уже описанным способом, затем сменяясь не столько африканским, сколько в целом восточным: это так называемый *танец вентре*. Наконец и этому приходит конец, фигура распадается в диком замешательстве, один бросается в одну сторону, другой в ту, и все снова собираются вокруг *анамунгви*. Они больше не улыбаются, но ведут себя с большим достоинством, на что имеют полное право. Одна за другой женщины выходят вперед, чтобы вручить им свои подарки: кусочки новой ткани, нитки бус, ожерелья и нарукавники из бисера, а также различные предметы подобного характера. “Все это очень хорошо”, - как бы говорят их взгляды, - “но эквивалентно ли это тем невыразимым трудностям, которые обучение наших *амвали*, наших учеников, доставляло нам на протяжении многих лет? Мы ожидаем чего-то большего!” Однако праздничную толпу нисколько не смущает эта немая критика; все люди болтают разом, как и в других частях света, и все пребывают в приподнятом настроении.



ДЕВИЧИЙ УНЯГО В ДЕРЕВНЕ МАКОНДЕ В НИУЧИ

Сейчас наступает новый этап. “*Хавара марре*”, - бормочет *джумбе*. Это даже Нильс Кнудсен не может перевести, потому что это Кимакуа, которого он не знает, но *джумбе*, как и все

интеллигентные люди в этой стране, полиглот. Он говорит, что Яо для этого - “*Чисуви мкамуле*” (“Леопард вырывается ”). В этот момент происходит нечто неожиданное. Трое молодых людей вскакивают быстро, как молния, и с громким треском и шорохом проламывают хрупкую стену хижины, и видно, как они удаляются к окраине деревни. Я еще не совсем разобрался, представляют ли эти молодые мужья леопарда сами по себе или их следует представлять преследуемыми воображаемым леопардом. В любом случае, неторопливый темп, с которым они удаляются, едва ли убедителен и еще менее внушителен; конечно, в меньшей степени, чем песня *Хавары марре*, исполняемая женщинами с таким же воодушевлением и энергией, которая звучит в выжженном солнцем *пори* еще долго после того, как три леопарда исчезают вдали.

Теперь появляется другая картина: зал пуст, но открытое пространство рядом с ним, тщательно подметенное, кишит ярко раскрашенными фантастическими фигурами. Только сейчас мы можем увидеть, как они украсили себя по этому случаю. Массивные латунные браслеты толщиной почти в дюйм, которые они носят на запястьях и лодыжках, блестят, как полированное золото, а ситец их юбок и верхней одежды самых ярких цветов. На самом деле эти ткани только что были куплены у индийских торговцев в Линди или Мрвеке, за большие деньги, доблестными мужьями, которые недавно совершили экспедицию на побережье с этой целью. Белый *пелеле*, кажется, сияет белее обычного, а покрытые шерстью головы и коричневые мордочки блестят от свеженанесенного касторового масла, универсального косметического средства в этих регионах. *анамунгви* снова принимают величественную позу, и снова все женщины толпятся вокруг них. На этот раз подарки состоят из початков кукурузы, колосьев проса и других полезных предметов домашнего обихода, которыми осыпают получателей оптом.

Сцена снова меняется. Барабанщики настраивали свои инструменты тщательнее, чем обычно, и в этот момент огонь вспыхивает в последний раз, а затем гаснет. Начинается первый барабан —*бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум*: за двумя короткими нотами следует длинная. Как летают руки этого человека! Конечно, существует множество способов игры на барабанах, но искусство, практикуемое здесь, похоже, требует особого дара. Ни в коем случае не безразлично, ударяют ли по барабанной перепонке всей рукой или только кончиками пальцев, или же звук издается костяшками пальцев сжатого кулака. Довольно широко распространено мнение, что мы, европейцы, обладаем совершенно иной ментальной организацией, чем представители черной расы, но даже на нас не может не повлиять ритм этого особого вида барабанной дроби. Напротив, европеец непроизвольно начинает двигать ногами и сгибать колени в такт музыке и почти почувствовал бы побуждение присоединиться к рядам танцующих, если бы не необходимость соблюдать приличия правящей расы и быть в курсе всего, что происходит.

Танец , который сейчас исполняют женщины , называется *икома*.[41] Наши глаза недостаточно натренированы, чтобы воспринимать небольшие различия между этими различными хорическими танцами, и поэтому мы устали от простого созерцания задолго до того, как туземцы, которые прилагают все усилия, начали уставать. В данном случае солнце способствует результату, и Морицу уже становится дурно, как он говорит, от запаха толпы; хотя он, конечно, не имеет права смотреть свысока на своих соотечественников в этом отношении. Это правда, что ему стало лучше с того дня в Линди, когда я водил его перед моим кибоко в Индийский океан, потому что он распространял вокруг себя такие ужасные выделения “высокой” акулы, что казалось, будто он сам был похоронен на месяцы. Я как раз собираюсь собрать свой аппарат, когда равномерный, несколько утомительный ритм, в котором движется толпа черных тел, внезапно меняется. До сих пор все характеризовалось

предельной порядочностью, даже по нашим стандартам, но теперь что я вижу? Быстрым движением яркие драпировки взлетают вверх, оставляя ноги и бедра полностью свободными, ступни двигаются быстрее, и танцоры теперь кружат друг вокруг друга парами с более живым и стремительным движением. Я прикован к этому месту зрелищем, о котором я часто слышал, но которое никогда раньше не попадалось мне на глаза: большими келоидами, которые самым разнообразным образом покрывают эти части тела. Шрамы увеличиваются до такого размера, когда в процессе заживления их снова и снова разрезают. Это тоже относится к идеалу красоты в этой стране.

К сожалению, я не смог дождаться окончания *икомы*. Исполнители, несмотря на мелкую серебряную монету, которую я раздал каждому из них, были явно стеснены в присутствии европейца, — существа, известного большинству из них только понаслышке, — и стихийному веселью, царившему в хижине, не суждено было восстановиться. Кроме того, я был вынужден из уважения к Морицу, который теперь совсем поседел лицом, вернуться как можно быстрее.

Младший вождь Акундонде превосходен как практическое руководство, но не обладает достаточными теоретическими знаниями — вероятно, он слишком молод, чтобы разбираться в традиционных знаниях своего собственного племени и Макуа. Сам старый Акундонде хранит молчание — возможно, потому, что ему нужен более сильный стимул, чем любой из уже полученных. Этого, однако, я предложить не могу, тем более что нам самим приходится питаться нашими консервами, обычной нежирной курицей и несколькими старыми цесарками, подстреленными Кнудсеном. Здесь нет и следа щедрых даров *помбе*, которые радовали наши измученные жаждой души в Масаси и Чингулунгулу.

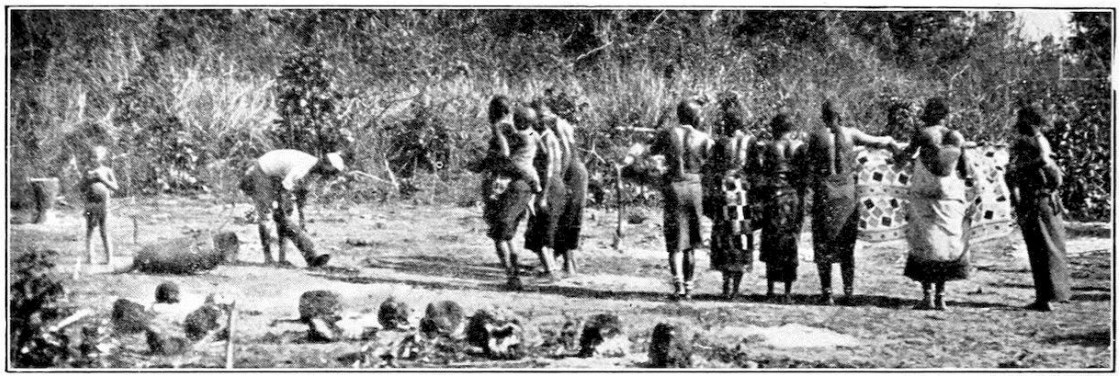
Поэтому на четвертый день мы с легкими сердцами уехали от Акундонде в Невалу. Пунктами нашего трехдневного перехода были Чингулунгулу, где мы оставили значительную часть нашего багажа, и Макауру, очень разбросанная деревня в округе, на реке с тем же названием, у подножия плато Маконде. Макхауру достаточно интересен в нескольких отношениях. Во-первых, топографически: река, вырывшая для себя русло глубиной шестьдесят, а в некоторых местах даже девяносто футов в рыхлой аллювиальной почве, течет на юго-запад, в сторону Ровумы. Достигнув дна этого ущелья после трудного подъема, мы не обнаружили проточной воды, но нам пришлось зарыться по крайней мере на сажень в чистый песок, прежде чем наткнуться на подземный источник питания. Глубокие, узкие водоемы, часто встречающиеся здесь, показывают, что туземцы хорошо осведомлены об этом обстоятельстве. Однако растительность во всей этой местности очень богатая, и в настоящее время нелегко понять, откуда она берется, поскольку мы находимся на обращенной к суше стороне холмов, на склонах которых, обращенных к морю, выпадают осадки. Вполне возможно, что почва здесь удерживает больше влаги, чем в других частях равнины.

Макхауру славится не только очаровательными пейзажами, но и большим этнографическим интересом. В нем, во-первых, есть *фунди*, который делает лучшие в стране заколки для носа из черного дерева и со вкусом инкрустирует их цинком, а во-вторых, знаменитый фокусник по имени Медула. На самом деле, именно из-за этих двух мужчин я вообще остановился здесь. Изготовителя булавок для носа найти не удалось — нам сказали, что он уехал в путешествие, — но Медула был дома.

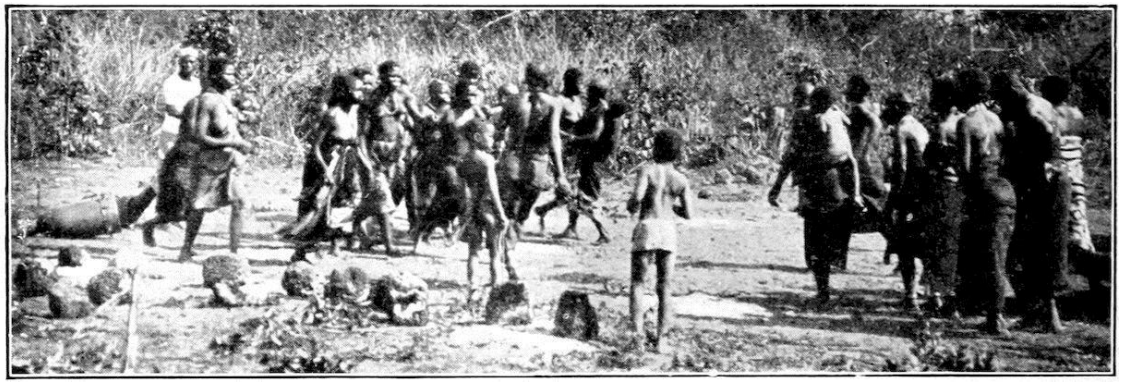
Из нашего лагеря, разбитого под огромным деревом у дороги, мы — то есть Кнудсен и я, с моими ближайшими последователями, несущими аппарат, — почти час шли в юго-западном направлении через банановые рощи (которые я сейчас увидел впервые) и обширные поля

кукурузы, фасоли и гороха, готовые к сбору. Через определенные промежутки времени тропинка проходит вдоль русла ручья, где глубокий песок затрудняет ходьбу. Наконец, поднявшись на небольшой холм, мы очутились перед открытым сараем, в котором сидел старый туземец, но не на корточках, как обычно, а вытянув ноги перед собой, как европеец. После приветствий ему объяснили мое поручение: я хотел, чтобы он рассказал мне все о своих лекарствах и продал мне некоторые из них, а также сплел что-нибудь для нас. Согласно отчету местных жителей, во всей стране осталось только два человека, которые все еще владеют этим искусством, уже устаревшим из-за дешевизны импортного ситца. Медула - один из таких ткачей, а другого, шатающегося старика, я видел несколько недель назад в Мкулулу. Я был сильно разочарован в нем; он не имел ни малейшего представления о ткачестве, и в его хижине не было видно ничего похожего на ткацкий станок; единственное, что он мог делать, - это накручивать на прялку довольно хорошую хлопчатобумажную нить.

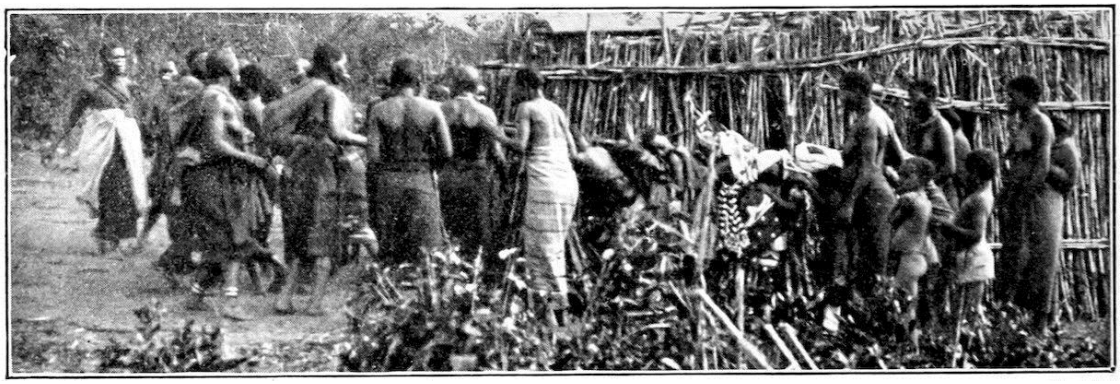
УЧАСТНИКИ СОБИРАЮТСЯ У ХИЖИНЫ УНЯГО



ПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТЦА МАТЕРЯМИ



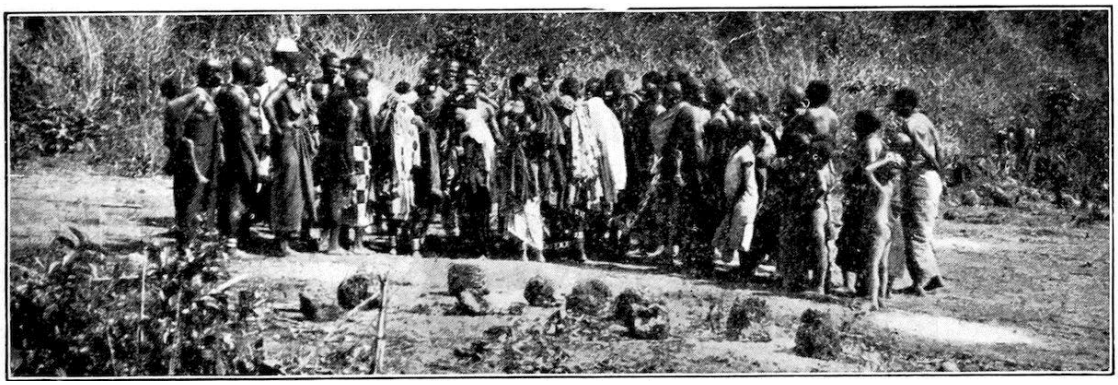
ТАНЕЦ СТАРУХ



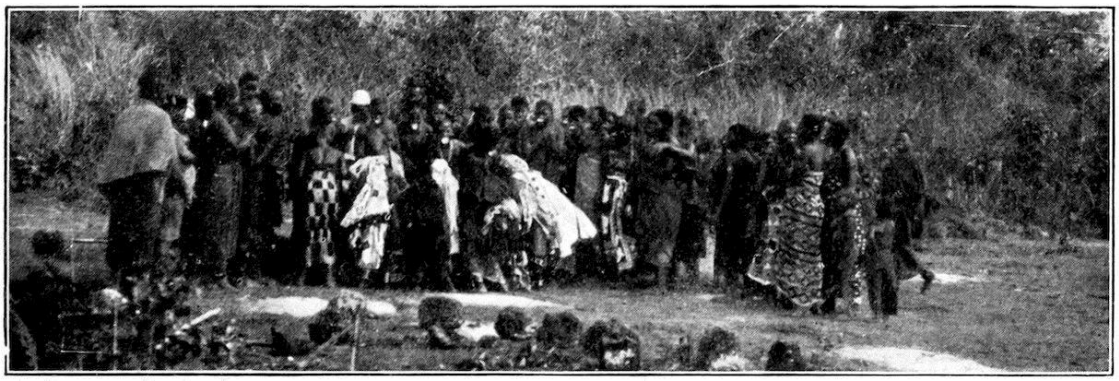
ПРИБЫТИЕ НОВИЧКОВ

ДЕВИЧИЙ праздник В ДЕРЕВНЕ МАТАМБВЕ НА МАНГУПЕ. Я

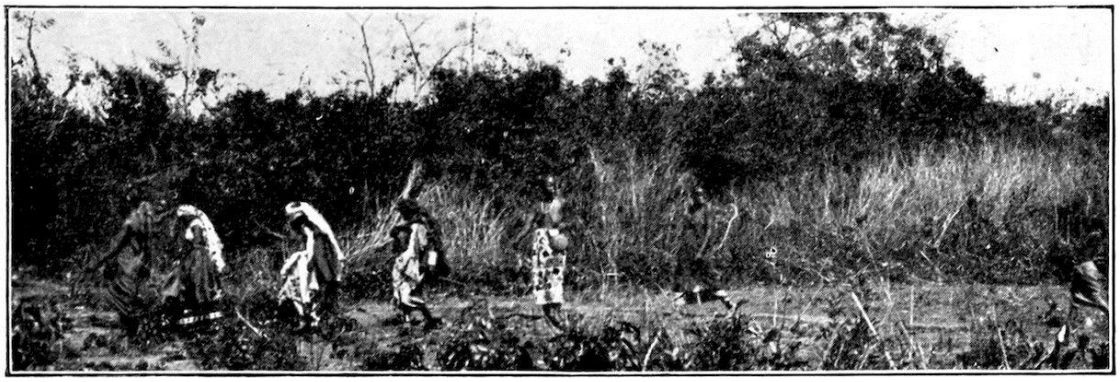
СТАРУХИ СТОЛПИЛИСЬ ВОКРУГ ДЕВУШЕК , ОЖИДАЮЩИХ ПОСВЯЩЕНИЯ



ТАНЕЦ СТАРЫХ ЖЕНЩИН ВОКРУГ ПОСВЯЩЕННЫХ



ТАНЕЦ ПОСВЯЩЕННЫХ ПЕРЕД СТАРУХАМИ



ОТЪЕЗД ПОСВЯЩЕННЫХ

ДЕВИЧИЙ ДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ МАТАМБВЕ НА МАНГУПЕ. II

СТАРЫЙ МЕДУЛА РАСКУРИВАЕТ ТРУБКУ

Я ожидал более удовлетворительных результатов от Medula, но в первую очередь следовало обратить внимание на лекарства. Мы торговались с ним, как армяне, но он ни в чем не

уступал, в конце концов показав нам одну или две обычные тыквенные тыквы с сомнительным содержимым, но потребовав такую непомерную цену, что настала моя очередь сказать, что я испытал от этого огромное удовлетворение: “*Хапана рафики*” ("Так не пойдет, мой друг”). Медула в своем роде философ — “Что ж, если этого не произойдет, то этого не произойдет”, - казалось, подумал он, когда перевел разговор на тему своего имени, затем попытался произнести мое и постепенно перешел ко второй части нашей программы. Все это время я был настороже со своей камерой, как репортер какого-нибудь отвратительного иллюстрированного еженедельника. Медула сидел в неблагоприятной позе: снаружи яркий свет, а внутри его прохладной хижины — глубокая тень. Я попросил его пересесть — он отказался. Мои уговоры и лесть не возымели никакого иного результата, кроме как заставить его ухмыльнуться, демонстративно достать трубку, раскурить ее горящим углем и затянуться, не двигаясь с места. Доверившись объективу моего Фойгтлендера, я, наконец, оставил его в покое, так как дело зашло в тупик, а я хотел увидеть ткацкий станок и его использование. Медула сказал, что сначала он должен сделать нить. Я подчинился; старик неторопливо запустил руку в корзину, неторопливо достал горсть хлопковых семечек, очистил их от шелухи *secundum artem* и начал взбивать маленькой палочкой рассыпчатую белую массу. За удивительно короткое время довольно большое количество хлопка было измельчено до нужной консистенции; Медула схватил его левой рукой и начал вытягивать нить правой. До сих пор процесс казался знакомым; люди, которые в годы моего детства приезжали каждую зиму из Айхсфельда в нашу ганноверскую деревню, чтобы прясть для фермеров шерсть, всегда начинали одинаково. Параллель, однако, прекратилась со следующим шагом, и процедура стала полностью доисторической. Новую нить привязывали узлом к концу той, что была на прялке, последнюю протягивали через прорезь, которая на нашей прялке занимает место ушка, веретено вращали в правой руке, левую вытягивали как можно дальше, а затем обе руки опускали вниз; веретено быстро обматывали вокруг верхней части бедра, и нить была готова к намотке. Медула умудрился утомить нас этим представлением, но так и не изготовил свой ткацкий станок, в существование которого я совершенно перестал верить. При нашем расставании, которое было отмечено решительной прохладой, он пообещал привезти орудие с собой в Невалу; но даже самые глупые из моих людей не поверили его заверениям.

ГЛАВА XII
НЕПРЕКЛОННЫЙ ПОВСЮДУ

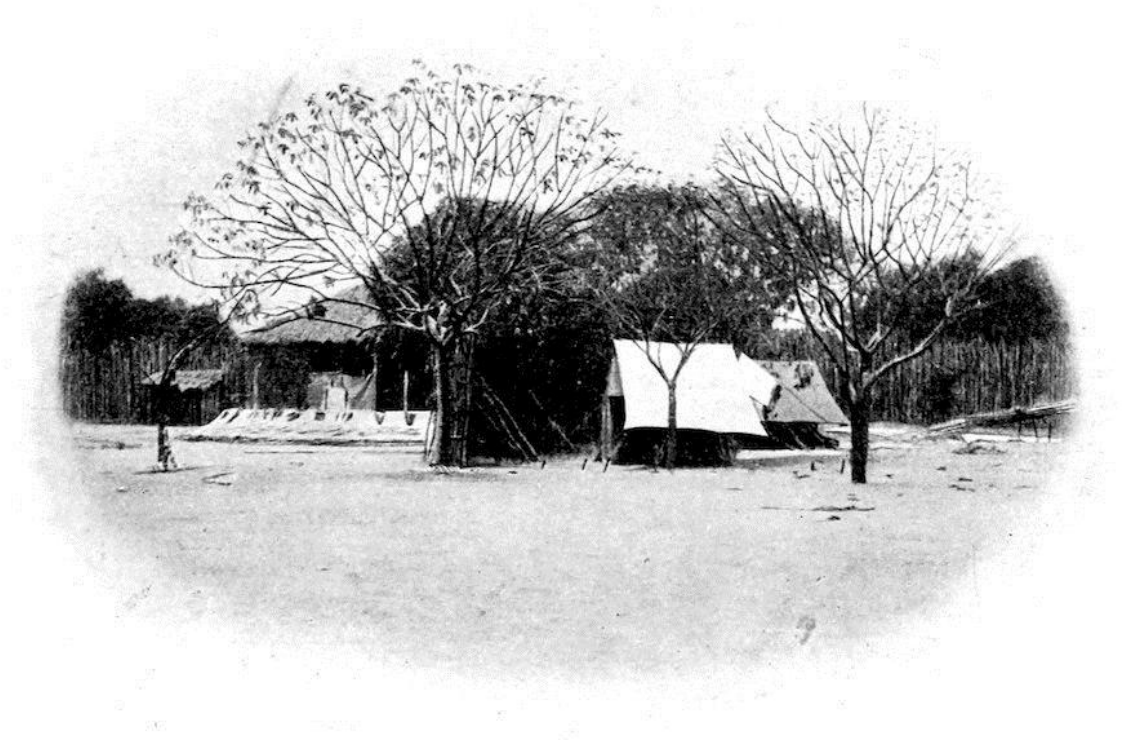
Ньюала, середина сентября 1906 года.

Очаровательный фестиваль, недавно прошедший в Achikomu's, кажется, разрушил чары, которые мешали мне, как раз когда сезон был в самом разгаре, проникнуть в суть этой самой важной и интересной темы. За короткий период, прошедший с момента моего прибытия в Ньюалу, я присутствовала не менее чем на двух типичных торжествах, оба из которых были девичьими *unyagos*. Этим я обязан доброте Сефу Акида.

Сефу бин Мваньи — араб - очевидно, несмешанной крови — из Суди. Он высокий, светлокожий мужчина с тонкими чертами лица. Он знает несколько языков, превосходя в

этом отношении даже Кнудсена, и я не могу не отметить, с какой услужливостью он старался продвигать мои планы с момента моего приезда.

После утомительного подъема по краю утеса, окаймляющего плато, которое у Невалы особенно крутое, и короткого отдыха мы поспешно приготовились разбить лагерь в *баразе*, открытой, как обычно, страшному вечернему ветру, внутри *бома* или частокола из кольев. Холод в ту ночь был почти арктический, и мы завернулись во все одеяла, какие смогли найти. На рассвете усердный *акида* очень спешил, чтобы проводить нас в деревню Ниучи на Макуа, где на этот день была назначена заключительная церемония *уняго* девочек, и где я, несомненно, увидела и услышала много нового. Час спустя наш отряд, на этот раз включающий моего мула, уже пробирался через длинный участок первозданного буша Маконде. Однако ехать верхом оказалось невозможно — тропинка, окаймленная густым колючим кустарником, в самых оживленных местах никогда не достигала двух футов в ширину. Внезапно мы вышли из самого густого кустарника на небольшое открытое пространство, окруженное домами, и с некоторым удивлением увидели большую толпу странно выглядящих женских фигур, которые смотрели на нас, онемев от ужаса. Я сразу понял, что и здесь было бы неплохо держаться как можно дальше на заднем плане, и скрылся со своими людьми и всем оборудованием за ближайшей хижиной. С этой выгодной позиции я смог беспрепятственно наблюдать за целой серией представлений, которые, вероятно, мало кто из путешественников видел в точности в том виде, в каком они здесь представлены.



НАШ ЛАГЕРЬ В НЬЮАЛЕ

Сейчас восемь утра; кустарник Маконде, который почти смыкается над нашими головами, одет в свежайшую зелень, одно большое дерево посреди *бвало*[42] и несколько других равных размеров возвышаются над общим уровнем *пори*, а низкие хижины Маконде резко выделяются на ясном фоне. утренний воздух. Несколько женщин, которых по прибытии мы застали подметающими *бвало* с пучками зеленых веточек, молниеносно исчезли в толпе, окружавшей еще пять фигур, одетых в безвкусные одежды. Они сидят на корточках в тени хижины, прикрывая глаза и виски руками, и пристально смотрят в землю сквозь пальцы.

Затем раздается пронзительный звук, и видно, как пять или шесть женщин гротескными прыжками спешат через открытое пространство. Как они поднимают традиционные крик ликования,[43] в *пелеле*, здесь поистине сказочные размеры, стоя прямо в воздухе, в то время как язык, растянувшись под ним, быстро вибрирует взад и вперед в порядке, незаменимы для правильного производства звука. За первыми шестью вскоре следуют дюжина других женщин, среди которых один голос поет: “*Анамандута, анамандута, мван—ангу мванагве*” (“Они уходят, они уходят, мое дорогое дитя”), остальные хором повторяют строчку. Песня сопровождается четко ритмичными хлопками в ладоши, когда танцоры двигаются короткими спотыкающимися шагами взад и вперед. “Конечно, варварский плач о расставании”, — размышляю я, слушая быстрый перевод Сефу, но уже звучит новая песня:

АВТОР В ЗИМНЕМ КОСТЮМЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ

“*Намахихио ачикута кумаверу*" (“Сова кричит в садах”). Это тоже повторяется некоторое время, затем еще раз, все толпятся вокруг пяти свертков ткани. Теперь пять пожилых женщин выходят вперед из толпы и украшают головы своих учениц — ибо таковы эти ярко одетые существа — пучками проса. Теперь последние встают и занимают свое место в шеренге индейцев, каждая кладет руки на плечи стоящего перед ней. Барабаны бьют — старые и молодые вместе, раскачиваясь от искусной вибрации в *танце на вентре*.

“*Чихакату ча Куливиле нанду кухума нчере*.” (“*Чихакату* (маленькую плоскую корзинку) с ливиле выносят из дома рано”) - эту песню теперь поют, как и раньше, соло и припев. Под *чихакату*, вероятно, подразумевается украшение просяными головками - туземцы любят символические выражения.

Эта песня, в свою очередь, подходит к концу; ряды танцующих распадаются, и женщины спешат во всех направлениях, возвращаясь, чтобы положить новые запасы проса, маниока, ткани и т.д. К ногам пяти наставниц. Они, тем временем, готовились к следующему шагу. Разбивают яйцо, немного желтка втирают в лоб каждой девушки, а остальное смешивают с касторовым маслом и используют для помазания груди и спины. Это признак того, что они достигли зрелости и что *неприятие* закончилось. Первая часть фестиваля завершается презентацией девушкам новых нарядов.

Теперь Сефу указывает мне на палку, воткнутую в землю, и говорит, что под ней были зарыты лекарства, принадлежащие *уняго*. Он также говорит, что несколько месяцев назад в другом месте в *бвало*был зарыт большой горшок с водой; это тоже было “лекарство”.

Пока я слушаю это объяснение, женщины снова занимают свои места. С *нтунгулулу*, которого даже на том расстоянии, на котором мы стоим, почти достаточно, чтобы у нас заболели барабанные перепонки в ушах, все руки резко взлетают вверх, затем снова опускаются, и исполнители начинают хлопать в ладоши с совершенством ритма и единообразием действий, по—видимому, свойственными жителям берегов Индийского океана, чтобы сопровождать следующую песню:

“*Kanole wahuma kwetu likundasi kuyadika kuyedya ingombe*.”

Смысл примерно такой: “Только посмотрите на эту девушку; она позаимствовала пояс из бисера и теперь пытается носить его изящно и приличествующе”.

Женщины во всем мире очень похожи, бормочу я себе под нос, пока Сефу объясняет это, — полны, с одной стороны, тщеславия, с другой - злобы. В песне говорится о бедной девушке, появляющейся в позаимствованном наряде, которую высмеивают ее товарищи. В следующей песне моя очередь излагать мораль.

“*Игноле янгала янгала меме мтулеке тувакухиелока*.”

Смысл, по—видимому, заключается примерно в следующем:-

“Вы здесь собрались (для *уняго*), радуйтесь и веселитесь. Мы, пришедшие сюда, не хотим играть с вами, только смотреть”.

Если Сефу прав, а есть все основания предполагать, что эти слова следует понимать как сказанные мной, они либо продиктованы моей деликатностью чувств: “У меня нет желания вторгаться”, — либо они задуманы как *проявление доброжелательности*: “Пожалуйста, держись на расстоянии, белый человек, или мы испугаемся!”

Несмотря на мое сдержанное отношение, исполнителям, похоже, не совсем легко, потому что теперь они поют до тех пор, пока не устанут:—

“*Нидоба хо, нидоба хо*.” (“Это трудно, это действительно трудно”)

За этим следует долгая пауза.

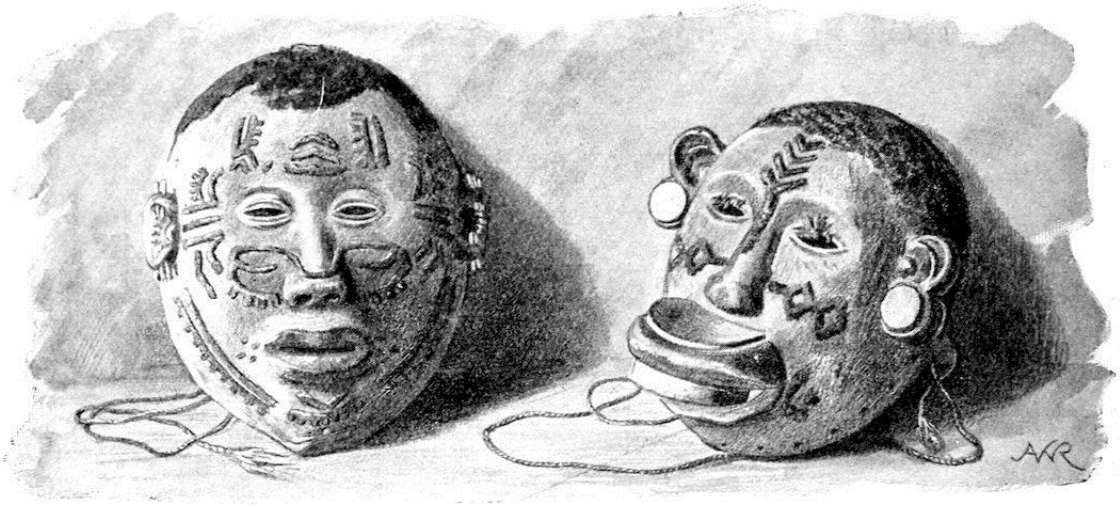
Вторая часть программы продолжает повторять часть первой. Еще плотнее закутанные в свои яркие одежды, так что не видно ни лица, ни рук, пять девушек, как и прежде, выходят вперед и обходят справа, остальная компания следует за ними в том же порядке, что и раньше. Теперь барабаны, которые тем временем заново настроили над огромным костром, бьют снова, и начинается припев: “*Чихакату ча Куливиле*” и т.д., С танцами, как и прежде. Это длится добрых полчаса, а затем длинная вереница распадается; самая старшая из инструкторш выходит на открытое место перед толпой, делает критическое выражение лица и ждет того, что сейчас произойдет. Это не заставит себя долго ждать. Подобно великолепной бабочке, один из цветных ситцевых свертков отделяется от общей массы и грациозно порхает перед пожилой женщиной, в то время как хор разражается песней: —

“*Nande è è, nande è è.*”

Изумленный белый человек, наблюдающий за происходящим, может ясно видеть только голову и ноги свертка, которые находятся в относительном покое — все, что находится между этими конечностями, представляет собой неразличимое размытое пятно. Смело приблизившись, я разглядел, что девушка вибрирует талией и бедрами, раскачиваясь взад и вперед с такой скоростью, что глаз не может уследить за линиями ее фигуры. Через некоторое время исполнительница уходит, и остальные следуют за ней, каждая в свою очередь получая похвалу или порицание от высокопоставленных лиц, созванных по этому случаю. Но даже Сефу не может сказать мне, что означают слова этой песни.

Далее следует третья часть. Так же полные выжидательного любопытства, как и я, пять молодых девушек, признанных достигшими зрелости, теперь смотрят на арену. Они освободились от своих пеленок и, кажется, чувствуют себя совсем как дома, вокруг них стоят их матери и тети. Затем быстрым, спотыкающимся шагом из куста появляется еще один сверток ткани, за ним второй, а через короткий промежуток времени третий и четвертый. Четыре маски — ибо таковыми они становятся, когда поворачиваются, — встают по двое, каждая пара лицом к другой, и начинают ту же серию движений, которые я уже наблюдал в Чингулунгулу, включающую самые разнообразные маневры руками и ногами, изгибы тела выше талии, трепетные колебания области ниже талии. Короче говоря, все африканское, вполне аутентичное и примитивное. Я уже видел все эти эволюции раньше, но еще больше меня поразил внешний вид этих странных фигур. Маски макондов сейчас можно найти в самых важных этнографических музеях, но, похоже, никто никогда не видел их в действии — а если и видел, то они не были описаны. Маски сделаны из дерева, две из них изображают мужчин и две женщины. Это видно за сотню шагов, судя по тому, как выделяется *пелеле*, чей белый цвет с большим эффектом выделяется на жесткой черной поверхности. Костюмы мужской и женской фигур во всем остальном схожи, следуя принципу, при котором не видно ни одной части человеческого тела — все закутано в ткань, от плотно обернутой шеи до кончиков пальцев рук и ног. Такое чрезмерное количество маскировки указывает на цель всего этого — маски предназначены для устрашения. Именно молодые люди переодеваются таким образом; они не хотят быть узнанными и, как предполагается, должны хорошенько напугать девушек перед их вступлением во взрослую жизнь. Сами маски в первую очередь служат этой цели в общих чертах, но их эффект еще более усиливается, если они изображают хорошо известных жуков: портреты знаменитых и внушающих страх воинов или

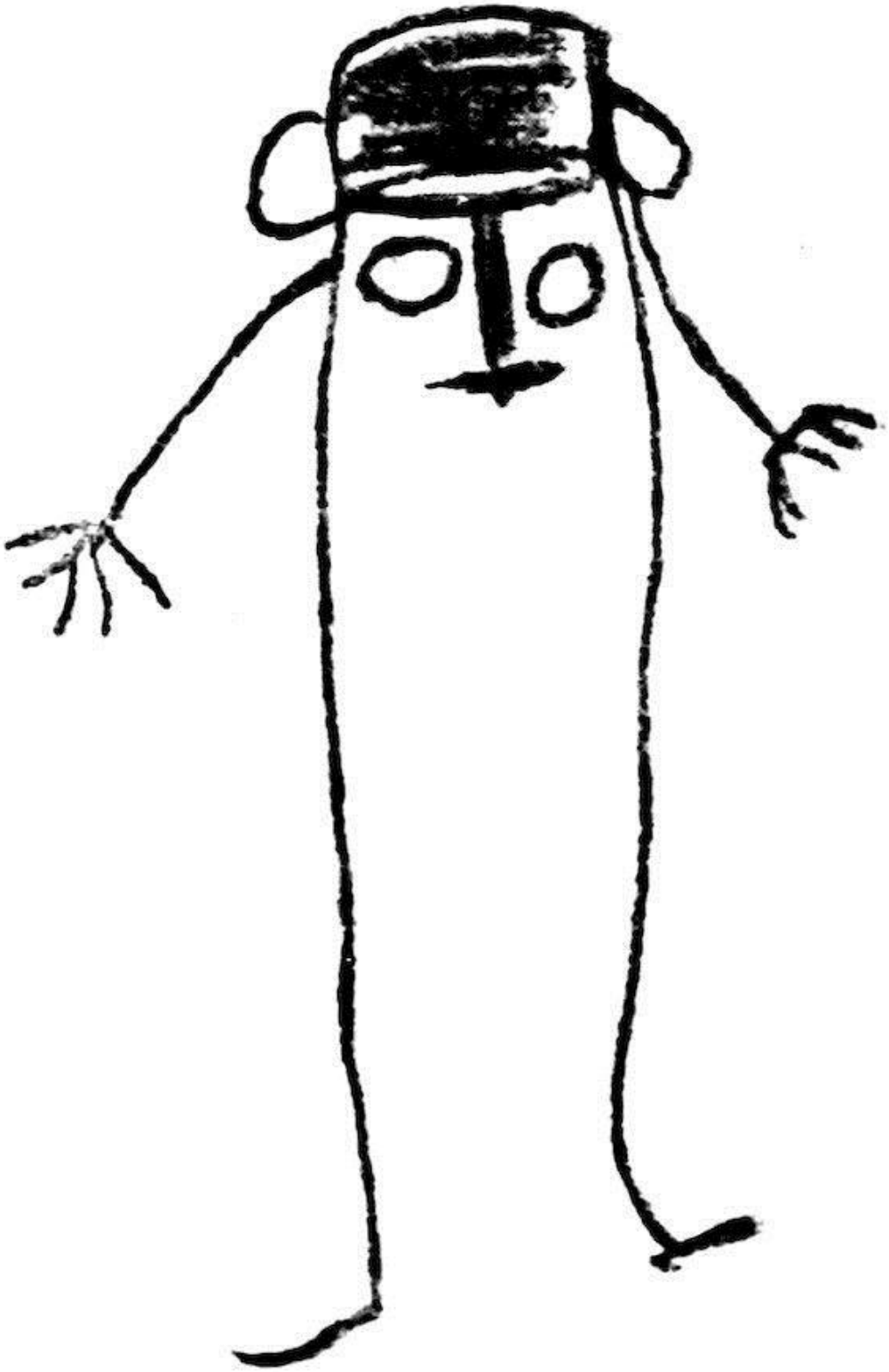
разбойников, головы чудовищных зверей или, наконец, *шетани*- дьявола.[44] Этот персонаж появляется с длинными рогами и большой бородой, и на него действительно страшно смотреть.



МАСКИ МАКОНДЕ

В то время как четыре маски все еще движутся по арене — иногда все вместе лицом друг к другу, иногда разделяясь и танцуя по кругу со всевозможными прыжками, — на сцене появляется новая фигура. Раздается постукивающий звук, когда он продвигается вперед — жуткий, гигантский; огромная полоса ткани развевается на утреннем ветерке; длинные призрачные руки, обтянутые тканью так, что они похожи на крылья, бьют по воздуху, как паруса ветряной мельницы; застывшее лицо ухмыляется нам, как мертвая голова; и все это держится на шестах длиной в ярд или больше, как ноги без плоти. Маленькие девочки теперь по-настоящему напуганы, и даже моему телохранителю, кажется, становится как-то жутковато. Европейский исследователь не может позволить себе поддаться подобным ощущениям: он должен пристально смотреть, наблюдать и делать снимки.

Использование ходулей не очень распространено ни в одной части мира. За исключением Европы, они, насколько я знаю, используются только в культурной зоне Восточной Азии и (что достаточно любопытно) на Маркизских островах (Восточная часть Тихого океана) и в некоторых частях Западного побережья Африки. При таких обстоятельствах я не могу в настоящее время предложить какое-либо объяснение их присутствия на изолированном плато Маконде. Были ли они завезены? и, если да, то откуда? Или это пережиток очень древних обычаев, когда-то распространенных от мыса Лопес на западе до этого места на востоке, сохранившихся на двух концах области, в то время как вторгшиеся племена продвинулись дальше старых танцевальных приспособлений? Мой разум невольно занимает подобные вопросы, хотя, собственно говоря, сейчас для них не время, поскольку еще многое предстоит увидеть.



ТАНЦОР НА ХОДУЛЯХ МАКОНДЕ. С РИСУНКА ОМАРИ, МБОНДЕЯ

То, что танцор на ходулях намеревается устрашить, очевидно из его движений, совершенно независимо от его маскировки. В несколько гигантских шагов он достигает другой стороны довольно просторной арены и обращает сидящих там на корточках туземцев в стремительное бегство, ибо кажется, что чудовище вот-вот схватит их или растопчет ногами.

Но оно уже отвернулось и подкрадывается к пятерым послушницам на другом конце: они и другие рядом с ними с визгом отворачиваются. Теперь он находится в пределах досягаемости моей камеры — щелчок затвора, и он в безопасности. Мне почти показалось, что я увидел выражение ужаса на лице этого человека за его маской — он так резко остановился, мгновение колебался, а затем быстро зашагал прочь.

Вряд ли эти танцы на ходулях доставляют удовольствие. Теперь мужчина устало прислонился к крыше одной из хижин и смотрит, как четыре маски снова выходят вперед, чтобы принять участие в танце. Но разбирательство, похоже, склоняется к тому, чтобы разжечь огонь — солнце к этому времени поднялось в зенит, и удушающая жара давит на всех нас. Очень многие женщины, принимавшие участие в церемонии, уже разошлись, а те, кто все еще присутствует, явно тоскуют по грудам *угали* дома. Я снимаю аппарат и даю команду трогаться, и мы снова пробиваемся сквозь колючие заросли кустарника Маконде в сторону Невалы.

THE *ТАНЕЦ*НЬОРОВЕ В НЬЮАЛЕ

Неутомимый Сефу дал мне всего один день, чтобы переварить впечатления от Ниучи, прежде чем объявить о другой важной экспедиции. Сефу живет всего в тридцати-сорока ярдах от нас, в доме, построенном по образцу Побережья. Он не является, в отличие от Накаама и Матолы, уроженцем этой страны, но был переведен сюда с побережья в качестве чиновника немецкой администрации, в то время как двух других можно сравнить с крупными землевладельцами, оказавшимися в аналогичном положении из-за их местного положения и влияния среди населения. У него гораздо больше представлений о комфорте, чем обычно у его сородичей, поскольку в его *баразе* были установлены очень аккуратные бамбуковые сиденья — некоторые даже со спинками, что является неслыханной роскошью в этих краях, — где он держит *шаури*, а также с большим достоинством принимает руководителей проходящих караванов. Сефу проводит с нами все свои свободные минуты; он приходит первым делом с утра и весь вечер дрожит с нами в этом храме ветров, который называется

"дом отдыха" и который мы будем вынуждены обнести стеной, чтобы получить хоть какую-то защиту от вечерних порывов ветра.

Тогда у Сефу возник грандиозный план. На этот раз, по его словам, он мог бы показать нам церемонию ваматамбве в деревне Мангупа. Это снова было *чипуту*для девочек, то есть завершение первого курса обучения, который эти дети в возрасте от восьми до одиннадцати лет проходили в течение нескольких месяцев в специальной хижине. Но процедура матамбве в некоторых моментах отличается от процедуры яо и макуа; и, кроме того, это было недалеко. Если бы мы начали на следующее утро в 7.30, то успели бы увидеть начало после полуторачасовой прогулки.

Я смог составить небольшое представление о знаменитом кустарнике Маконде во время экспедиции в Ниучи, но оно было очень далеко от адекватного. Об этой форме растительности написано много, но я считаю, что тема неисчерпаема. Не то чтобы этот кустарник отличался эстетическим очарованием, красивыми пейзажами или обилием и разнообразием растительности. Это идеально однородная, компактная масса из тонких стеблей, ветвей, листьев и усиков. Это неприятная часть всего происходящего; этот неописуемо густой клубок не пропускает никого, пока он предварительно не прорубит свой болезненный и трудный путь топором и крюком для клюва. Таким образом, только за последние десять лет наши родные войска пережили невыразимые страдания, особенно в войне против Мачембы. Нам стало легче — победоносная борьба с ранее ненадежными и часто мятежными племенами юга привела к мудрой мере соединения каждого мало-мальски важного места со всеми другими поселениями посредством дорог, заслуживающих названия *барабара*, *то есть*проторенная дорога в самом буквальном смысле этого слова. Эта дорога настолько широка, что при необходимости по ней могла бы пройти колонна в четыре ряда, хотя в некоторых местах она действительно сильно заросла.

Мы выехали на главную дорогу, ведущую в Нкунью, но очень скоро свернули направо, все глубже и глубже углубляясь в кустарник. Вскоре верховая езда стала невозможной; фактически, каждый участник экспедиции был вовлечен в очень осторожную борьбу с *упупу*. Нильс Кнудсен предостерег меня от этого приятного растения вскоре после нашего прибытия в Ньюалу, так что я избежал опыта, который многие новички не забудут в спешке. ГИПЕРССЫЛКА на *ирири* представляет собой разновидность фасоли с темно-зелеными стручками, которые при прикосновении вызывают невыносимое раздражение кожи. Растирание или царапанье только приближает жертву к безумию. Мытье совершенно бесполезно — единственным эффективным средством является древесная зола, которая, если ее смешать с водой и нанести на кожу, за короткое время вытягивает мельчайшие кристаллы яда. Как и во многих других случаях, лекарство легко применить, если только знать его.

Ровно в девять мы стоим перед хижиной, похожей на уже описанную, только *ликуку*, как ее здесь называют, двойная — два низких круглых строения, стоящих бок о бок. Церемония вот-вот начнется, говорит Сефу. Я достаточно жестокосерден и варвар, чтобы отослать местного старосту, у которого одна нога изъязвлена самым ужасным образом и, следовательно, отравляет атмосферу на некотором расстоянии вокруг себя, но, несмотря на это, он чувствует, что должен оказать честь своей деревне, на полмили с наветренной стороны, прежде чем установить свою камеру у куста, где я жду развития событий.

Некоторое время мы не слышим ничего, кроме знакомого *лу-лу-лу* пения женщин во всех тональностях, сопрано и альт, *фортепиано* и *фортиссимо*, как будто компания, стоящая плотной толпой за двойным залом, хотела немного потренироваться, прежде чем появиться.

Тем временем они становятся все более и более блестящими — они намазывают себя касторовым маслом до тех пор, пока оно не начнет капать с них. Они также носят *пелерины* такого размера, какого я еще никогда не видел. Внезапно сцена меняется — из толпы выходят семь женщин с длинным шестом в руках и быстро идут к открытому пространству слева от *ликуку*. Когда они приближаются, мы видим, что шест на самом деле представляет собой огромный флаг—древко - с одного конца до другого на нем свисает целая полоса совершенно нового цветного хлопчатобумажного полотна. “*Нини хии?*” (“Что это?”) Я спрашиваю Сефу. Это плата инструкторшам, между которыми она скоро будет разделена, но прежде чем ее разделят, ее нужно показать людям во всей ее красе.

С момента своего первого выступления семь женщин скандировали: “*Ватата вадихауйе акалумбане кундека унгувангуве”*. Сефу говорит, что это означает: “Мой отец плохо обращался со мной — он дал мне плохого мужа, который сбежал от меня, и теперь я осталась одна”. Я не могу разобрать, какое отношение эта песня имеет к *чипуту*, но у меня нет времени размышлять на эту тему, потому что вся компания начинает разыгрывать что-то вроде “Вальпургиевой ночи”! По крайней мере, если бы африканский Гете попытался изобразить праздник на высотах Килиманджаро по аналогии со знаменитой сценой из "*Фауста*", он, вероятно, сделал бы это в соответствии с тем, что мы видим перед собой. Свиньи, метлы и другие традиционные атрибуты почтенной профессии здесь совершенно отсутствуют, но иллюзия более чем достаточна поддерживается белым диском на верхней губе, огромной шпилькой в носу; гребнями, воткнутыми в спутанные волосы, тяжелыми браслетами на руках и лодыжках и, наконец, несчастным младенцем на спине у каждой юной ведьмы, а также, как ни странно, у многих пожилых ведьм. Хлопая в ладоши и издавая свой пронзительный, вибрирующий крик, весь отряд дико бегает, прыгает и танцует до тех пор, пока чувства зрителя не будут полностью сбиты с толку.

Внезапно шум прекращается, и фигуры пятерых послушниц, тесно прижавшихся друг к другу, низко наклонившихся, закутанных в новые, безвкусные одежды, которые покрывают их с ног до головы, появляются из-за “кулис” точно так же, как и их предшественницы. Тишина длится до тех пор, пока они не занимают свои места на арене, но затем раздается шум, к которому то, что я описал как “Вальпургиеву ночь”, было всего лишь тихим бормотанием, поскольку в дополнение к голосам мы теперь слышим раскаты и гром полудюжины барабанов, образующих неизбежный оркестр. Тем временем хаос поспешно собрался в большой круг, в центре которого пять свертков, теперь уже вполне знакомого мне вида, стоят в той же сутулой позе, что и в Ниучи. Барабаны к этому времени умерили свой темп и громкость, и женщины скользят и шаркают по рингу в привычном ритме. Наконец, исполнители меняются местами, как и в предыдущем случае, вперед выходит инструкторша, остальные женщины теперь являются лишь аксессуарами, и новички продолжают демонстрировать свое мастерство в танце, о котором говорилось выше. Это испытание закончилось, и кажется, что девочки принимают поздравления, а затем вся толпа движется к двойной хижине, пятеро девочек идут задом наперед. Все исчезают в полумраке внутреннего помещения, но пока взрослые женщины остаются там, девочки появляются снова через несколько минут и, идя гуськом, на небольшом расстоянии друг от друга, пересекают арену - на этот раз не задом наперед, а обычным способом - и бесшумно исчезают в густом кустарнике.

Выход пяти девушек, похоже, знаменует официальное завершение церемонии, поскольку женщины больше не появляются. Владыки творения, однако, теперь вступают в действие, и человек за человеком, словно притянутые магнитом, движутся к одной из двух дверей и входят, в то время как никто не замечен выходящим снова. Это заинтересовало меня, и,

подойдя ко входу в хижину, чтобы выяснить причину этого необычного явления, я обнаружил, что делаются приготовления к распитию пива в больших масштабах: земля внутри хижины занята рядами огромных кувшинов для помбе, ожидающих исполнения цели своего существования. Нас не пригласили на пир — упущение, вызванное, мы можем быть уверены, не каким-либо недостатком гостеприимства, а, вероятно, робостью и чувством, что допущение незнакомца к участию в их племенных тайнах является чем-то неподобающим. И все же нам хотелось бы, чтобы нас спросили.

ЖЕНЩИНЫ МАКОНДЕ ИДУТ За ВОДОЙ. С РИСУНКА ПЕСЫ МБИЛИ

ГЛАВА XIII
ЖАТВА ЗНАНИЙ

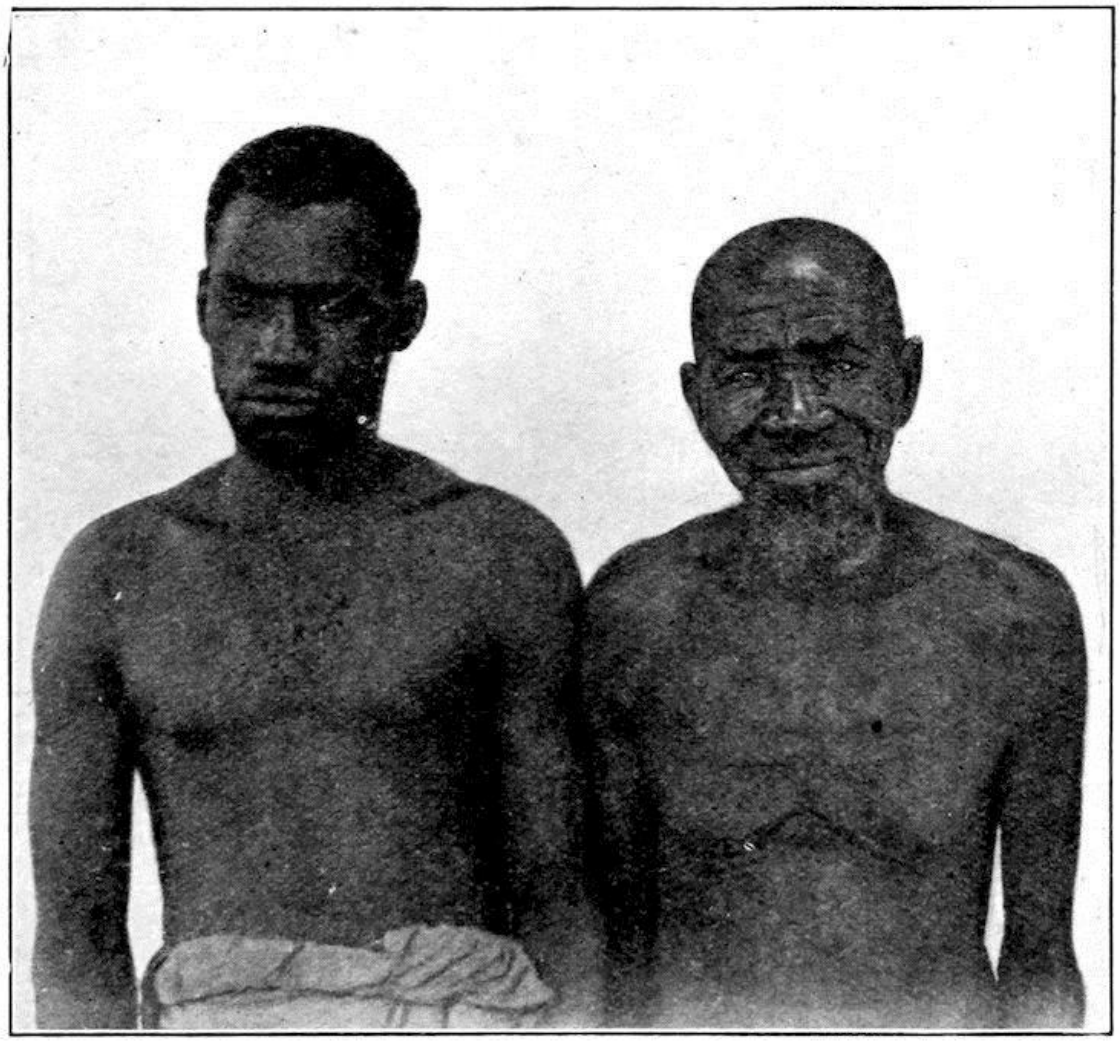
Ньюала, ближе к концу сентября 1906 года.

Став свидетелем — благодаря Сефу и благоприятному стечению обстоятельств — праздничных церемоний *уняго*, я пытался изучить теорию и детали всего процесса инициации для обоих полов. Я нахожу это чрезвычайно трудным. Это правда, что я постепенно получил полное представление о *непреклонности* мальчиков, хотя мне стоило бесконечных хлопот установить все правила; но другая часть проблемы кажется абсолютно околдованной, так много накопившихся препятствий противостоят ее решению. При других обстоятельствах это могло бы довести до отчаяния самого терпеливого исследователя; но, к счастью, на плато Маконде нет времени для отчаяния, поскольку с этим вопросом связаны сотни других, не менее интересных и важных, а потому требующих ответа с такой же настойчивостью.

Но я вижу, что должен систематизировать отчет о своих исследованиях и их основных результатах, чтобы представить их в форме, которая может быть удовлетворительно воспринята читателем.

В целом, вся окружающая среда Ньюалы такова, что создает своего рода сопротивление любому виду интенсивной интеллектуальной работы. Не то чтобы мы страдали от жары здесь, на высоте около 2460 футов над уровнем моря, в той же степени, что и на равнине, которая постепенно превратилась во что-то вроде пекарской печи. Верно, что температура около 80 ° F. Максимальная температура, указываемая термометром в нашей *баразе* в первые часы после полудня, вызывает такую же сильную головную боль, как и 86 ° F. и выше на равнине; но, с одной стороны, человек привыкает к тому, что из-за жары работа приостанавливается, а, с другой стороны, местные жители обычно спят в самую жаркую часть дня, так что я ничего не теряю от бездействия в это время. Гораздо более мучительной является потеря времени в результате совокупного воздействия ряда других обстоятельств, которые могут показаться почти комичными тем, кого это непосредственно не касается, и даже иногда оказываются забавными для нас самих, но, тем не менее, являются серьезными препятствиями.

Во-первых, у нас есть ежедневные изменения температуры. На сером рассвете, тепло завернувшись в два одеяла, я слышу, как тяжелые капли падают на крышу палатки, полусознательно думаю, что идет дождь, и снова засыпаю, но вскоре меня будят звуки скрипа и стонов, которые заставляют меня резко сесть. Открыв глаза, я вижу веревки, натянутые так туго, что прочные ясеневые шесты согнуты почти полукругом. Проклиная нерадивого часового, я выпрыгиваю из-под своей москитной сетки, подзываю его вместе с двумя ранее дежурившими и в наказание заставляю их удлинить веревки. К тому времени, когда это делается, не без сильного напряжения, становится совсем светло, и я не нахожу смысла снова ложиться спать. Теперь наступает самое приятное событие дня — утреннее купание; в шесть утра температура составляет от 57 ° до 58 °, что совершенно арктически для Африки. Длинный ряд тыквенных банок, обработанных накануне квасцами, содержат воду, которая на ощупь ледяная; а ванна и последующее обтирание поистине восхитительны. Кибвана, в качестве камердинера, давно привык к моей белой коже; но есть множество глаз, которые смотрят сквозь щели в частоколе *бома* или в ограде старосты, изумленно наслаждаясь этим ежедневным зрелищем. Когда я выхожу, то обнаруживаю, что дождя нет и в помине — это была всего лишь обильная утренняя роса, капающая с густолиственных манг, под которыми разбиты наши палатки. Солнце еще невидимо; Ньюала окутана густым туманом — даже высокие деревья на кладбище за воротами не различимы в этом волнующемся море белого. Инстинктивно мы с Кнудсеном надеваем уже описанную зимнюю одежду, и я надеваю шарф в форме сложенного носового платка, пока он застегивает пальто до подбородка.



ДВА УЧЕНЫХ Из Нью -ЙОРКА

Таким образом, мы добрались примерно до половины седьмого; и, вполне готовый к работе, я выхожу из палатки в тот момент, когда солдаты отчитываются о двухчасовой ежедневной муштре, которую я ввел в Масаси, чтобы они не превратились в закоренелых бездельников. Хемеди Маранга подходит ко мне, чтобы сделать свой доклад. Этот умный парень уже улучшил внешний вид роты; он прирожденный солдат, в то время как его предшественник Салех был скорее охотником. Окружной комиссар отправил Салеха в Центральную долину Лукуледи, чтобы избавиться от львов, которые все еще истребляют несчастных жителей, и с тех пор, как мы проезжали через нее в июле, погибло множество людей. Всяческих успехов ему в его опасном деле!

Пока я развлекаюсь своим завтраком — очень густым какао и обычным большим омлетом с бананами, — капрал и его подразделение отправились в *пори*, чтобы попрактиковаться в буш-файтинге или пройти строевую подготовку. “*Legt an! Feuer! Geladen!*” Слово команды, достаточно странное в устах туземца, звучит издалека так ясно и пронзительно, как если бы его произнес самый умный из немецких унтер-офицеров. Но у меня нет времени слушать это напоминание о далеких домашних сценах, потому что мои мудрые старейшины уже прибывают медленной, исполненной достоинства походкой старого туземца. Вчера было условлено, что они должны быть здесь к семи. Это может показаться удивительным, учитывая, что у туземцев нет ни часов, ни наручных часов, и они не смогли бы прочитать их, если бы у них были; но к этому пришли следующим образом. Когда вчера на закате мы прекратили работу, все, как белые, так и черные, слишком уставшие, чтобы больше сидеть, я

сказал пятнадцати старикам, попросив Сефу перевести мои слова на Кимакуа и Кима-конде: “Вы должны прийти снова завтра, *саа*” (в час), и завершил свое предложение, вытянув руку на восток под углом 15 ° к горизонту. Мужчины внимательно наблюдали за мной. Чтобы убедиться, я спросил их, понимают ли они, и каждый немедленно поднял одну руку и держал ее под точно таким же углом. Пятнадцать градусов - это высота, достигнутая солнцем через час после восхода, и, следовательно, эквивалентная семи часам; если я хочу, чтобы они были на более поздний час, я соответствующим образом увеличиваю угол. Это не мое изобретение, а всеобщий обычай страны; и люди могут точно указывать относительное положение солнца в периоды, разделенные наименьшими промежутками времени.

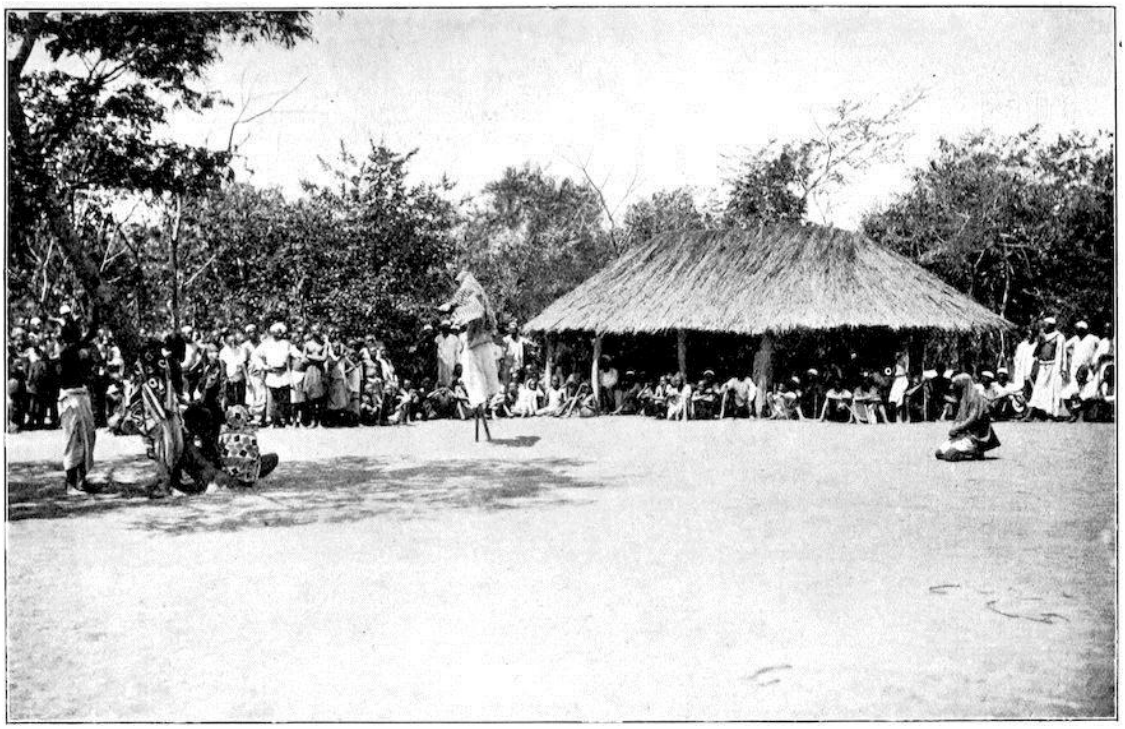
Пара часов пролетела достаточно быстро, заполненных вопросами и ответами, касающимися различных обычаев и традиций, а пожилые джентльмены все еще сидят на корточках вокруг меня полукругом на огромном коврике. В первый день нашей совместной работы один из них был настолько далек от того, чтобы сдерживать себя, что выпустил струю табачного сока, по-матросски, сквозь зубы прямо перед моими ногами. “*Мшензи!*” (“Ты дикарь!”) Я зарычал, наполовину непроизвольно, и с тех пор у меня не было случая пожаловаться ни на малейшее нарушение правил хорошего тона. Это правда, что они приносят с собой сильное выделение пота и прогорклого масла, так что с течением часов я чувствую себя все хуже и хуже; и их сопровождает туча мух, которые делают все возможное, чтобы передать белому чужаку офтальмологические заболевания, от которых страдают туземцы; но в остальном их поведение заслуживает всяческого уважения. Наблюдение, которое я делал во всех местах, которые я до сих пор посещал, что эти дикари обладают сильным природным чувством такта, справедливо и здесь. Если мы сравним их поведение с поведением определенных кругов и слоев населения нашей страны, мы будем вынуждены прийти к выводу, что мы, европейцы, хотя и воображаем, что надолго переняли всю культуру и такт на земле, в конце концов, являемся ненамного более благоприятными образцами человечности.

Но в сарае все это время становилось все жарче, и северный стиль одежды больше не востребован. Затем снимите тяжелые ботинки и толстые шерстяные чулки, а также теплую фланелевую рубашку, жилет и шейный платок, чтобы заменить их тонкой тропической одеждой, обеспечивающей свободный доступ воздуха. В полдень пальто цвета хаки бросают в угол, а вместо него надевают тонкий шелковый пиджак. Это завершает негативный процесс, который снова должен быть обращен вспять по мере захода солнца. Страшный вечерний шторм в Ньюале начинается с резкого ледяного шквала, и мы с Кнудсеном одновременным сильным чиханием доказываем, что наш хронический катар, хотя и скрытый днем, силен, как никогда. С этим ничего не поделаешь; мы должны снова надеть, по частям, весь наш зимний запас и, более того, по привычке, которая теперь стала инстинктом, закутаться в пальто, когда штормовой ветер, достигший своего апогея, закручивает облака грязи и пыли по нашему жилищу. В течение четырех недель, которые мы провели здесь, нам приходилось все больше и больше закрываться в этой обители. Циновки, первоначально положенные для защиты открытой стороны, уже давно заменены сплошной стеной из соломы, которая поглощала одну панель за другой, так что теперь к концу месяца остается только одно большое окно, пропускающее свет. Вечером перевозчики натягивают перед этим отверстием большой брезент, но даже такое полное закрытие от ветра не делает место комфортным. Когда около десяти я заканчиваю раскладывать свои тарелки и выхожу, весь в поту, из палатки, которая служит мне темной комнатой, в *баразу*, я нахожу своего норвежского друга бесформенным свертком, завернутым во все имеющиеся одеяла, но зубы у него все равно стучат. Затем каждый из нас спешит забраться в свою теплую палатку. Кстати, по-настоящему тепло в палатках стало только после того, как мы соорудили перед

ними с наветренной стороны ширму из просяной соломы, укрепленную прочными кольями. До того, как это было сделано, они каждую ночь подвергались опасности быть сбитыми ветром. Это повседневные заботы об одежде и жилье: их количество не является чрезмерным, но в любом случае они отнимают определенную долю моего драгоценного времени, на которое еще больше влияют необходимые меры по обеспечению питанием и здоровья.

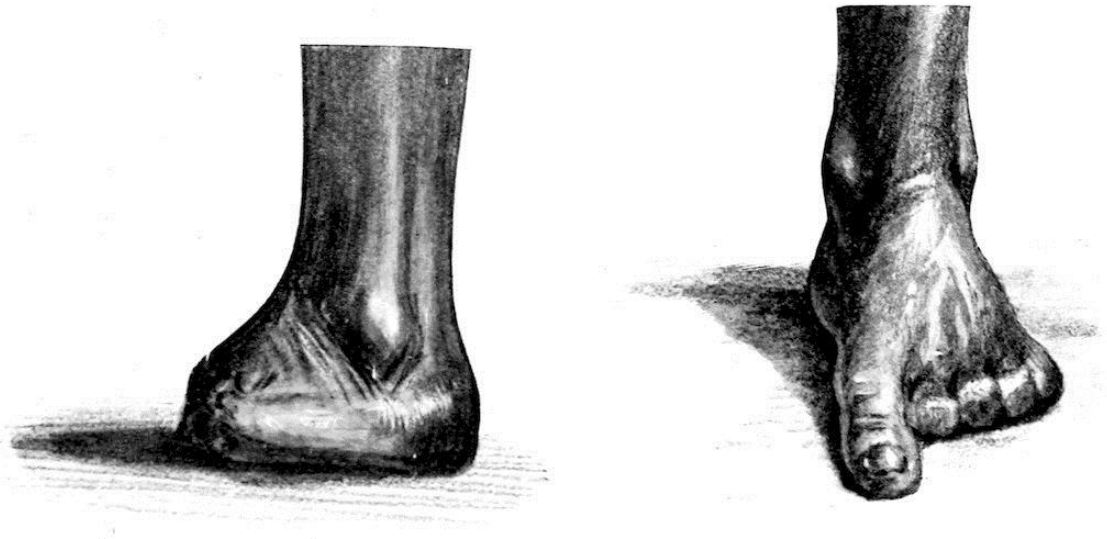
Рядом с кустарником самой большой особенностью плато Маконде является тот факт, что его поверхность совершенно безводна; почва на значительной глубине состоит из рыхлого наслоения супеси и суглинистого песка. На западе эти пласты относятся к верхнемеловой формации и называются пластами Маконде, на востоке они третичные и называются пластами Микиндани. Оба они чрезвычайно проницаемы для воды, так что вся атмосферная влага, если она не испаряется или не удерживается обильной растительностью, быстро проникает сквозь них, пока не задерживается непроницаемыми слоями — наклонной плоскостью песчаника Ньюала или первобытным гранитным ядром (той же природы, что и островные горы вон там, на равнине Масаси), которые, как мы должны предположить, существуют в глубине плато Маконде. Вода, стекающая по этим слоям, конечно, не выходит на поверхность, пока не достигнет склона плато, которое, в отличие от верхнего уровня, представляет собой область, изобилующую даже в избытке источниками и ручьями.

Таким образом, можно было бы ожидать, что само плато окажется необитаемым, а все люди поселятся по его краям. Это курс, которому последовали бы такие европейцы, как мы, искушенные в *обосновании* колонизации. На самом деле, внизу не живет ни одно человеческое существо, но на высотах проживает более 80 000 маконде, почти 5000 вангони, тысячи ваяо и вамакуа, и — для меня — неизвестное количество ваматамбве. Однако в последнее время набирает силу тенденция спускаться все дальше и дальше в хорошо орошаемые низменности. Это было вызвано прекращением набегов мафити и твердым правлением немецкой администрации. Однако эта тенденция затрагивает только более прогрессивные элементы, яо и макуа, но не маконде. Последние следуют практике, которая была обычной для них с незапамятных времен. Как только самая необходимая работа в доме и саду выполнена, отец и сын или мать и дочь берут на плечи шест длиной примерно в полтора-два ярда, к каждому концу которого прикреплено по большой тыкве, а может быть, и две. Они быстрым шагом спешат к краю плато, от которого их деревушка находится на неудобном расстоянии, спускаются по крутому склону труднопроходимой тропинкой, остаются некоторое время на болотистом дне и возвращаются со своей ношей вверх по почти вертикальному склону в несколько сотен ярдов. Наконец, преодолев трудный подъем, они глубоко вздыхают и идут, вернее, трусцой, обратно в свою деревню. Говорят, что маконды посвящают большую часть своей жизни обработке почвы — что я считаю правдой, насколько я знаю, хотя я и не достиг их главного центра распространения, — но, вне всякого сомнения, вторая по величине часть их времени поглощается этими длительными экскурсиями — такой глупой тратой времени, согласно нашим представлениям, — в поисках воды. Если половине семьи приходится тратить два часа, а то и больше, ежедневно, ценой тяжелого труда, добывая ровно столько воды, чтобы приготовить свои жалкие *угали* и позволить всем пить грязное вино, это, безусловно, экономический абсурд.



ТАНЦЫ НА ХОДУЛЯХ В ДЕВИЧЬЕМ УНЯГО, НИУЧИ

Ньюала тоже страдает из-за удаленности от источников водоснабжения - по крайней мере, современная Ньюала; когда-то в прекрасной долине у подножия плато была другая Ньюала. Я посетил его и не нашел почти никаких следов домов, только христианское кладбище с могилами нескольких миссионеров и их новообращенных, сохранившееся как памятник его былой славы. Но окрестности удивительно красивы. Густая роща великолепных манго закрывает потрепанные непогодой кресты и надгробия; за ними, сочетая в себе полезное и приятное, находится целая плантация лимонных деревьев, покрытых спелыми плодами; не мелких африканских, а гораздо более крупных и сочных импортных сортов, которые сами падают в руки проходящему мимо путнику, не требуя от него никаких усилий. Старая Невала сейчас находится под юрисдикцией местного пастора Дауди из Чингулунгулу, который, поскольку я с ним в очень дружеских отношениях, разрешает мне, как само собой разумеющееся, пользоваться этой лимонной рощей во время моего пребывания в Невале.



СТУПНИ, ИЗУРОДОВАННЫЕ РАЗРУШИТЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЕМ “ДЖИГГЕРА”
(*Sarcopsylla penetrans*)

Источник водоснабжения Нью-Невалы находится на дне долины, примерно на 1600 футов ниже. Путь не только долог и утомителен, но и вода, когда мы ее получаем, совершенно плохая. Мы страдаем не только от этого, но и от того факта, что обстановка в Newala просто роскошная. У нас есть отдельная кухня — хижина, построенная у частокола *бома* справа от *баразы*, внутренность которой не видна с нашей обычной позиции. Двум нашим поварам не потребовалось много времени, чтобы понять это, и поэтому они делают — или, скорее, пренебрегают этим — все, что им заблагорассудится. В любом случае, они, по-видимому, не очень придирчивы к кипячению нашей питьевой воды — по крайней мере, я не могу приписать никакой другой причине определенные приступы дизентерийного характера, от которых и Кнудсен, и я страдали в течение некоторого времени. Если такого человека, как Омари, на мгновение оставить без присмотра, он способен на все. Помимо этой жалобы, нас беспокоит состояние наших ногтей, которые стали твердыми, как стекло, и трескаются при малейшем раздражении, а у меня еще и прыщи по всему телу. Как будто всего этого было недостаточно, мы также в течение последней недели вели войну против джиггера, который нашел свое Эльдорадо в горячем песке плато Маконде. Наших людей можно видеть целыми днями — когда позволяют их хронические простуды и дизентерия, также свирепствующая среди них, — занятыми устранением этого бедствия Африки со своих ног и попытками предотвратить катастрофические последствия его присутствия. Довольно часто можно увидеть уроженцев этих мест без одного или двух пальцев на ноге; многие потеряли все пальцы или даже всю переднюю часть стопы, так что хорошо сформированная нога заканчивается бесформенной культей. Эти разрушительные действия вызываются самкой *Sarcopsylla penetrans*, которая проникает под кожу и там образует яйцевидный мешок размером с горошину. Во всех книгах по этому предмету утверждается, что внимание человека привлекается к присутствию этого паразита невыносимым зудом. Это очень хорошо согласуется с моим опытом в том, что касается более мягких частей подошвы, промежутков между пальцами и под ними, а также боковой поверхности стопы, но если животное проникает через более твердые части пятки или подушечки стопы, оно может ускользнуть даже от самого тщательного поиска, пока не достигнет зрелости. Тогда нельзя терять времени, если мы хотим предотвратить ужасное изъязвление, случаи которого мы наблюдаем дюжинами каждый день. Кстати, гораздо легче обнаружить насекомое на белой коже европейца, чем на коже туземца, на которой едва заметно темное пятнышко. Четыре или пять джиггеров, в которых, несмотря на то, что я постоянно носил высокие ботинки со шнуровкой, удобно устроились мои ноги, были извлечены для меня опытным Кнудсеном, после чего я счел целесообразным промыть полости едким сублиматом. У туземцев есть другой вид дезинфицирующего средства — они заполняют яму очищенными корнями. В крошечной деревушке Макуа, расположенной на склоне плато к югу от Невалы, мы видели старую женщину, которая в профилактических целях заполнила все места под ногтями ног измельченными в порошок корнями. Каков будет результат, если таковой будет, кто может сказать?

Остальные многочисленные пустяковые беды, которые омрачают наше существование, на самом деле скорее комичны, чем серьезны. За неимением ничего другого, что можно было бы курить, мы с Кнудсеном наконец открыли коробку сигар, купленную у индийца-лавочника в Линди, и попробовали их с самыми печальными результатами. Содержали ли они опиум или какой-то другой наркотик, никто из нас не может сказать, но после десятой затяжки мы оба были “отключены”, на три четверти одурманены и невыразимо несчастны. Постепенно мы пришли в себя — и что произошло дальше? Полчаса спустя мы снова курили эту ядовитую смесь - так неутолима тяга к табаку в тропиках.

Даже мои нынешние приступы лихорадки едва ли заслуживают того, чтобы их воспринимали всерьез. Здесь, в Ньюале, у меня их было не менее трех, и все они прошли свой путь за невероятно короткое время. Ближе к вечеру я занят со своими старыми туземцами, задаю вопросы и делаю заметки. Крепкий полуденный кофе необычайно поднял мне настроение, мозг стал активным, работа продвигается быстро, а по всему телу разливается приятное тепло. Внезапно это чувство сменяется сильным ознобом, заставляющим меня надеть пальто, хотя сейчас только половина четвертого и послеполуденное солнце стоит в самом разгаре. Теперь мой мозг больше не работает с такой остротой и логической точностью; особенно он подводит меня в попытках установить синтаксис сложного языка Макуа, на который я отважился, как будто у меня недостаточно дел без него. В сложившихся обстоятельствах представляется целесообразным измерить мою температуру, и я делаю это, чтобы избежать лишних хлопот, не вставая со своего места и продолжая свою работу. При осмотре я нахожу, что она составляет 101 · 48 °. Моих наставников внезапно увольняют, а мою кровать устанавливают в *баразе*; через несколько минут я уже в ней и лечу себя горячей водой с лимонным соком.

Три часа спустя столбик термометра показывает почти 104 °, и я заставляю их отнести меня обратно в палатку вместе с кроватью и всем прочим, поскольку сейчас я сильно потею, а воздействие холодного ветра, который только начинает дуть, может привести к смертельной простуде. Некоторое время я лежу неподвижно, а затем, к своему великому облегчению, обнаруживаю, что температура не повышается, а, скорее, падает. Сейчас около 7.30 вечера, в 8 часов вечера я обнаруживаю, к своему безграничному удивлению, что температура упала ниже 98 · 6 °, и я чувствую себя совершенно хорошо. Я читал час или два и вполне мог бы с удовольствием покурить, если бы у меня были средства — об индийских сигарах не могло быть и речи.

Не имея медицинского образования, я затрудняюсь объяснить такое положение вещей. Невозможно, чтобы эти кратковременные приступы высокой температуры были малярийными; представляется более вероятным, что они вызваны чем-то вроде солнечного удара. Заглядывая в свою записную книжку, я все больше и больше склоняюсь к мысли, что так оно и есть, поскольку эти приступы регулярно следуют за крайней усталостью и длительным пребыванием на ярком солнечном свете. По крайней мере, у них есть то преимущество, что они лишь ненадолго отвлекают меня от работы, поскольку на следующее утро я всегда совершенно свеж и подтянут. Мой драгоценный повар страдает от огромной гидроцеле, из-за которой ему трудно вставать, а Морицу приходится находиться в темноте из-за воспаленных глаз. Повар Кнудсена, сыроежка откуда-то из буша, разбирается в кулинарии еще меньше, чем Омари; следовательно, сам Нильс Кнудсен был назначен на вакантную должность. Обнаружив, что наши припасы подошли к концу, он начал с того, что послал в Чингулунгулу за четырьмя поросятами-сосунами, которых мы купили у Матолы и временно оставили на его попечение; и когда они появились, аккуратно упакованные в большой ящик, он бессердечно зарезал самого большого из них. Первое мясо мы имели неосторожность доверить запекать *мшензи* повару Кнудсена, и поэтому оно оказалось несъедобным; но из остальной части животного мы сделали желе, которое ели с большим удовольствием после нескольких недель недоедания, употребляя невероятные порции как в полдень, так и на ужин. Единственным недостатком является некоторое отсутствие разнообразия в овощных консервах. Доктор Ягер, которому Географическая комиссия доверила снабжение экспедиций — как моей, так и своей собственной, — поскольку у него было больше свободного времени, чем у остальных из нас, похоже, запасся огромным количеством репы из Тельтова,[46] продукт питания, который очень хорош для случайного употребления, но который быстро надоедает, когда ставишь перед одной из них каждый

день; а других банок у нас, кажется, не осталось. Ничего не поделаешь — нам приходится мириться с репой; но я уверен, что, вернувшись домой, я не притронусь к ней в ближайшие десять лет.

Среди всех этих мелких неприятностей, которые, в конце концов, составляют подлинный колорит Африки, есть по крайней мере один ободряющий штрих: Кнудсен с ловкостью опытного механика отремонтировал мою камеру размером 9 × 12 см, по крайней мере, настолько, что я могу пользоваться ею с некоторой осторожностью. Как при отсутствии ногтей он смог выполнить такую щекотливую работу, не имея под рукой никакого инструмента, кроме неуклюжей отвертки для разборки на части и сборки заново сложного механизма мгновенного затвора, для меня до сих пор остается загадкой; но он сделал это успешно. Потеря ногтей на пальцах выставляет его в довольно странном свете, контрастирующем с интеллектом, продемонстрированным вышеупомянутой операцией; хотя, в конце концов, это едва ли удивительно после его десятилетнего пребывания в буше. Однажды в Линди ему довелось помыть собаку, которая, должно быть, нуждалась в очень тщательном очищении, потому что бутылочка, переданная нашему другу для этой цели, имела чрезвычайно сильный запах. Выполнив свою задачу самым добросовестным образом, он с некоторым удивлением заметил, что собаке от этого стало ненамного лучше, и был еще более удивлен, обнаружив, что его собственные когти покрылись язвами в течение следующих нескольких дней. “Откуда мне было знать, что карболовую кислоту нужно разбавлять?” время от времени он что-то возмущенно бормочет, с тревогой глядя на свои изуродованные кончики пальцев.

С тех пор, как мы приехали в Невалу, мы совершали экскурсии по окрестностям во всех направлениях, в соответствии со старой привычкой, а также потому, что Сефу *акида* не собрал старейшин племени, от которых я хотел получить информацию, так быстро, как он обещал. Однако в этом нет ничего плохого, поскольку, даже если смотреть только со стороны, страна и люди достаточно интересны.

Плато Маконде похоже на большой прямоугольный стол, закругленный по углам. Измеренный от Индийского океана до Невалы, он имеет около семидесяти пяти миль в длину, а между Ровумой и Лукуледи в среднем пятьдесят миль в ширину, так что площадь его поверхности составляет примерно две трети площади королевства Саксония. Поверхность, однако, не ровная, а равномерно наклонена от своего юго-западного края к океану. От верхнего края, на котором лежит Невала, око простирается на много миль к востоку и северо-востоку, не встречая никаких препятствий, над кустарником Маконде. Это зеленое море, из которого тут и там поднимаются густые клубы дыма, показывающие, что оно тоже населено людьми, которые возделывают землю, как и многие другие первобытные народы, вырубая и сжигая кустарник и удобряя его золой. Даже при ярком свете тропического дня такой костер представляет собой грандиозное зрелище.

Гораздо менее впечатляющим является впечатление, производимое только что великой западной равниной, видимой с края плато. Так часто, как позволяет время, я прогуливаюсь вдоль этого края, иногда в одном направлении, иногда в другом, в надежде найти воздух достаточно прозрачным, чтобы позволить мне насладиться видом; но я всегда был разочарован. Куда ни глянь, от горящего куста поднимаются клубы дыма, и воздух полон дыма и испарений. Жаль, потому что при более благоприятных обстоятельствах панорама всей страны вплоть до далеких холмов Маджедже должна была бы быть поистине великолепной. Фотографировать сейчас бесполезно, а набросок дает очень слабое представление о пейзаже. Во время одной из таких экскурсий я сошел с ума, чтобы лично покуситься на куст Маконде. Нынешний край плато является результатом далеко идущего

процесса разрушения в результате эрозии и денудации. Пласты Маконде повсюду изрезаны оврагами, которые, хотя и короткие, достигают сотен ярдов в глубину. Вследствие рыхлой стратификации этих пластов, стены этих ущелий не только почти вертикальны, но и их верхний конец закрыт столь же крутым откосом, так что западный край плато Маконде окружен серией глубоких, похожих на котловины долин. Чтобы перебраться с одной стороны такого оврага на другую, я с дюжиной своих людей прорубил себе путь через кустарник. Это была очень открытая часть, с большим количеством травы, чем кустарника, но даже в этом случае короткий отрезок менее чем в двести ярдов был очень тяжелой работой; в конце его ситцевые брюки мужчин превратились в лохмотья, а сами они кровоточили от сотен царапин, в то время как даже наши прочные костюмы цвета хаки не остались невредимыми.

ТРОПИНКА ТУЗЕМЦЕВ ЧЕРЕЗ КУСТАРНИК МАКОНДЕ, НЕДАЛЕКО От МАХУТЫ

Я вижу все больше оснований полагать, что сформировавшееся некоторое время назад мнение о происхождении куста Маконде является правильным. Я не сомневаюсь, что это не натуральный продукт, а результат человеческой деятельности. Те части высокогорья, куда человек — как очень небольшая практика позволяет глазу сразу заметить — еще не проникал с топором и мотыгой, все еще заняты великолепным лесным массивом, вполне способным выдержать сравнение с нашими смешанными лесами в Германии. Но везде, где человек когда-то строил свою хижину или возделывал поле, вырастает этот ужасный кустарник. Каждую фазу этого процесса можно увидеть за пару часов ходьбы по главной дороге. Из куста справа или слева доносится стук топора - не только из одного места, но сразу с нескольких направлений. Пройдя еще несколько шагов, мы видим, что происходит. Кустарник был срублен и сложен кучами высотой в ярд или больше, между которыми торчат стволы больших деревьев, похожие на последние колонны великолепного разрушенного здания. Они тоже представляют собой печальное зрелище: разрушительные маконды окружили их кольцом - срезали широкую полосу коры со всех сторон, чтобы обеспечить их отмирание, — а также насыпали вокруг них пирамиды из кустарника. Отец и сын, мать и зять

упорно рубят на заднем плане — почти слишком заняты, чтобы оглянуться на белого незнакомца, который обычно вызывает такой большой интерес. Если вы пройдете мимо того же места неделю спустя, кучи хвороста исчезнут, а на месте зеленого леса останется толстый слой пепла. Большие деревья протягивают свои тлеющие стволы и ветви в немом обвинении небесам — если они еще не упали и не превратились более или менее в пепел, возможно, видимый лишь белой полосой на темной земле.

Эта разрушительная работа проводится макондами как над девственным лесом, так и над кустарником, который вырос на участках, уже обработанных и заброшенных. Во втором случае они избавлены от необходимости сжигать большие деревья, поскольку они полностью отсутствуют во вторичном кустарнике.

После сжигания этого участка лесной земли и рыхления его мотыгой туземец сеет кукурузу и сажает овощи. По всей стране он занимается возделыванием грядок, что требует самого тщательного внимания и, по сути, получает его. Сорняки нигде не переносятся на юге Германской Восточной Африки. Урожай может погибнуть на равнинах, где часты засухи, но никогда на плато с его обильными дождями и обильной росой. Его удачливые жители даже испытывают удовлетворение, видя, как гордые Ваяо и Вамакуа работают на них чернорабочими, движимые голодом, чтобы служить там, где они привыкли править.

Но легкая песчаная почва вскоре истощается, и на второй год она не даст урожая, если возделывать ее дважды подряд. Этот факт был знаком туземцу с незапамятных времен; следовательно, он обеспечивает себя вовремя и, пока растет его урожай, подготавливает следующий участок с помощью топора и головешек. На следующий год он сажает это растение вместе со своими различными культурами и оставляет первый кусок лежать под паром. На короткое время он остается заброшенным; затем вмешивается природа, чтобы исправить разрушения, причиненные человеком; тысячи новых побегов прорастают из истощенной почвы, и даже старые пни пускают свежие побеги. На следующий год новая поросль достигает колен, а еще через несколько лет это тот ужасный, непроходимый кустарник, который сохраняет свое положение до тех пор, пока черный оккупант земли не обойдет все доступные участки и не вернется к своей исходной точке.

Маконде, так сказать, телом и душой едины с этим кустарником. По словам моих информаторов из Яо, действительно, их название означает не что иное, как “люди буша”. Их собственная традиция гласит, что они обосновались здесь очень давно, но, к моему удивлению, они придавали большое значение первоначальной иммиграции. Их старые дома находились на юго-востоке, недалеко от Микиндани и устья реки Ровума, откуда их мирные предки были изгнаны постоянными набегами сакалава с Мадагаскара и воинственных ширази[47] побережья, чтобы укрыться на почти недоступном плато. Я изучал африканскую этнологию в течение двадцати лет, но тот факт, что изменения численности населения в этом, казалось бы, тихом и миролюбивом уголке земли могли быть вызваны внешними предприятиями, происходящими в открытом море, был для меня совершенно новым. Однако это, без сомнения, правильно.

Очаровательная племенная легенда о маконде — помимо информации о других интересных вещах — объясняет, почему они вынуждены жить в самых густых зарослях кустарника и вдали от края плато, вместо того чтобы строить свои постоянные жилища рядом с журчащими ручьями и родниками низменности.

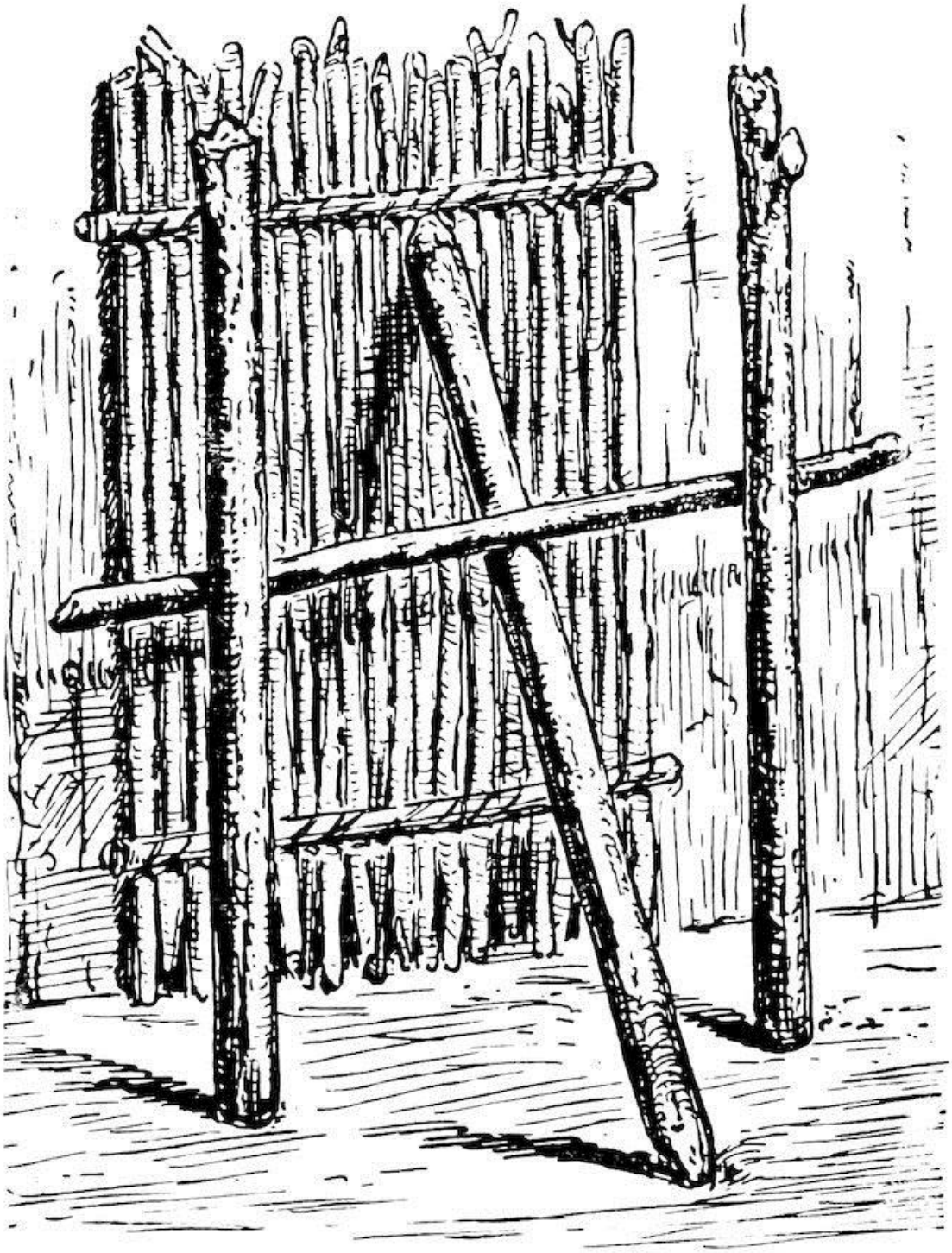
“Место, где возникло племя, называется Махута, на южной стороне плато по направлению к Ровуме, где в старину не было ничего, кроме густого кустарника. Из этого куста вышел человек, который никогда не мылся и не брил голову, почти ничего не ел и не пил. Он вышел

и сделал человеческую фигуру из древесины дерева, растущего на открытой местности, которую отнес домой, в свое жилище в буше, и там установил ее вертикально. Ночью это изображение ожило и оказалось женщиной. Мужчина и женщина вместе спустились к Ровуме, чтобы умыться. Здесь женщина родила мертворожденного ребенка. Они покинули это место и прошли через возвышенность в долину Мбемкуру, где у женщины родился еще один ребенок, который также родился мертвым. Затем они вернулись в высокогорную страну Махута, где родился третий ребенок, который жил и рос. Со временем у пары родилось еще много детей, и они назвали себя Ваматанда. Это были предки маконде, также называемые вамаконде,[48] *т.е.* аборигены. Их предок, человек из буша, повелел своим детям хоронить своих умерших прямо, в память о матери их расы, которая была вырезана из дерева и пробудилась к жизни, когда стояла прямо. Он также предостерегал их от селения в долинах и вблизи больших ручьев, ибо там обитали болезни и смерть. Они должны были взять за правило располагать свои хижины по крайней мере в часе ходьбы от ближайшего водопоя; тогда их дети процветали бы и избежали болезней".

Объяснение названия Маконде, данное моими информаторами, несколько отличается от того, что содержится в приведенной выше легенде, которую я извлекаю из небольшой книги (небольшой, но насыщенной информацией) Патера Адамса, озаглавленной *"Линди и сейн в глубинке"*. В остальном мои результаты в точности соответствуют утверждениям легенды. Стирка? *Хапана* — такого понятия не существует. Зачем им это делать? Как бы то ни было, запасов воды едва хватает для приготовления пищи и питья; другие люди не моются, так почему Маконде должен выделяться такой ненужной эксцентричностью? Что касается бритья головы, то короткая, покрытая шерстью стрижка вряд ли в этом нуждается,[49] так что второй заповеди предков также достаточно легко следовать. Однако, помимо этого, в совете предка нет ничего нелепого. Я приобрел у различных местных художников довольно большое количество вырезанных из дерева фигурок высотой от пятнадцати до двадцати трех дюймов, изображающих женщин, принадлежащих к большой группе племен мавиа, маконде и матамбве. Резьба выполнена на удивление хорошо и с большой точностью передает женский тип, особенно келоидный орнамент, который будет описан позже. Что касается цели и значения своих работ, скульпторы либо не могли, либо (что более вероятно) хотели мне ничего сказать, и я был вынужден довольствоваться скудной информацией, предоставленной одним человеком, который сказал, что фигуры были просто предназначены для представления *нембо* — искусственных деформаций *пелеле*, ушных дисков и келоидных рубцов. Легенда, записанная Патером Адамсом, представляет эти фигуры в новом свете. Они, несомненно, должны быть чем—то большим, чем просто куклы; и мы можем даже рискнуть предположить, что они являются - хотя большинство современных макондэ, вероятно, не знают об этом факте — изображениями прародительницы племени.

Упоминания в легенде о спуске из Махуты в Ровуму и о путешествии через высокогорье в долину Мбекуру, несомненно, указывают на предыдущую историю племени, путешествия пары предков, олицетворяющие миграции их потомков. Спуск в соседнюю долину Ровума с ее необычайным плодородием и большим изобилием дичи понятен с первого взгляда, но пересечение впадины Лукуледи, подъем на плато Рондо и спуск к Мбемкуру также находятся в пределах вероятности, поскольку все эти районы имеют точно такой же характер, как и крайний юг. Теперь, однако, наступает момент, представляющий особый интерес для нашего бактериологического века. Первобытным макондам не нравилась их жизнь в болотистых долинах рек. Среди них свирепствовали болезни, и многие умерли. Только после того, как они вернулись в свой первоначальный дом недалеко от Махуты, состояние здоровья этих людей улучшилось. Мы очень склонны думать об африканце как о глупом человеке, чье незнание природы сравнимо только с его страхом перед ней, и который смотрит на все

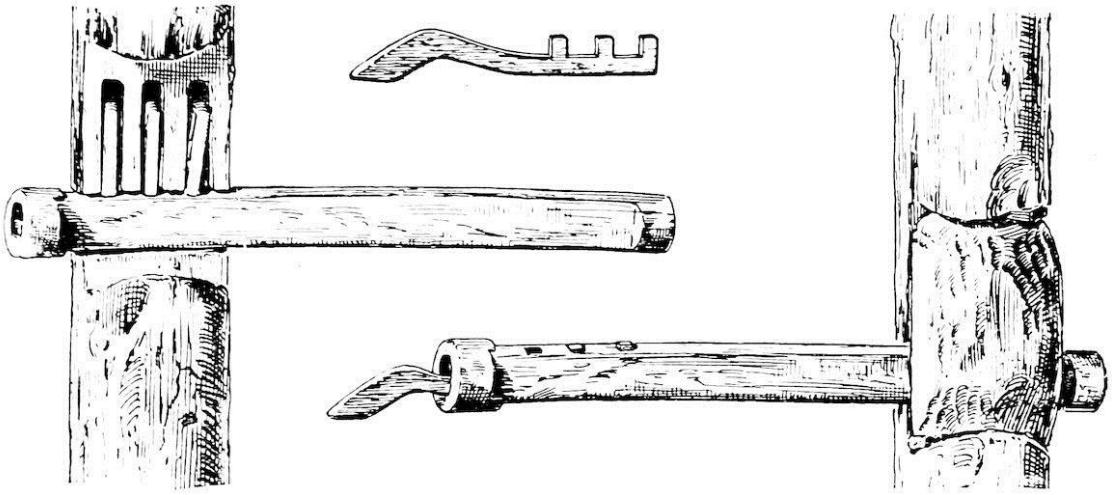
несчастья как на дело рук злых духов и зловредных природных сил. В данном случае гораздо правильнее предположить, что люди очень рано научились отличать районы, зараженные малярией, от тех, где ее нет.



ОБЫЧНЫЙ СПОСОБ ЗАКРЫВАНИЯ ДВЕРИ ХИЖИНЫ

Это знание кристаллизовано в древнем предостережении предков против поселения в долинах и вблизи великих вод, где обитают болезни и смерть. В то же время, в целях безопасности от враждебных мавиа к югу от Ровумы, было предписано, что каждое поселение должно находиться не менее чем на определенном расстоянии от южного края плато. Таков, по сути, их образ жизни в наши дни. Это не так уж плохо, и, конечно, они и

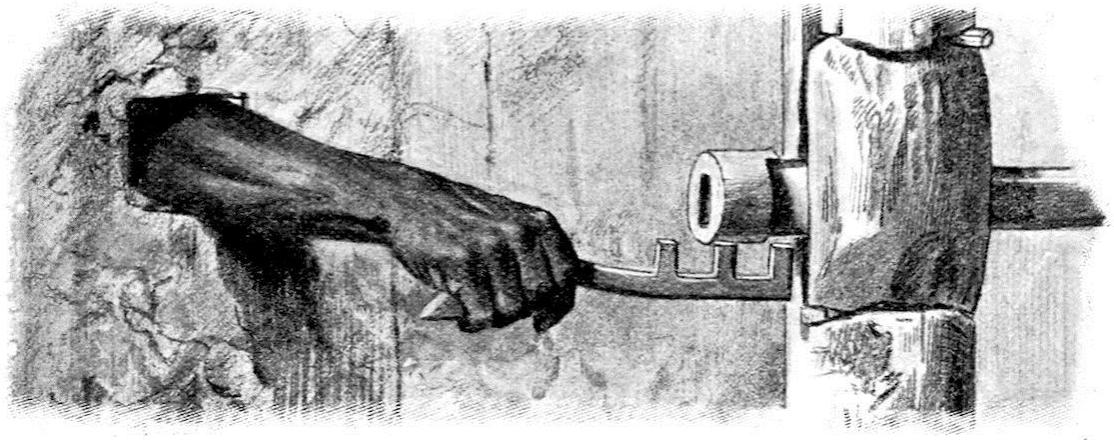
безопаснее, и комфортнее, чем макуа, недавние пришельцы с юга, которые прочно обосновались на западном краю плато, простирающегося на довольно широкую полосу местности. Ни Макуа, ни Маконде не демонстрируют в своих жилищах ничего подобного размерам и красоте домов яо на равнине, особенно в Масаси, Чингулунгулу и Зузе. Джумбе Чауро, деревушка Маконде недалеко от Невалы, по дороге в Махуту, является самым важным поселением племени, которое я когда-либо видел, и в нем довольно просторные хижины. Но насколько неряшлива их конструкция по сравнению с роскошными резиденциями охотников на слонов , живущих на равнине. Крыши еще более неопрятны, чем в обычных хижинах в сухой сезон, на стенах кое-где видны скудные зачатки или жалкие остатки глиняной штукатурки, а внутри - настоящая собачья конура; повсюду грязь, пыль и беспорядок. В нескольких хижинах видны лишь попытки разделения на комнаты, и они состоят всего лишь из очень грубо сделанных бамбуковых перегородок. Только в одном пункте я заметил какие—либо признаки прогресса - в способе крепления двери. Дома по всему югу охраняются простым, но изобретательным способом. Дверь состоит из набора прочных кусков дерева или бамбука, привязанных бечевкой из коры к двум поперечинам и перемещающихся в двух пазах вокруг одного из дверных косяков так, чтобы открываться внутрь. Если хозяин хочет уйти из дома, он берет два бревна толщиной с плечо мужчины и длиной около ярда. Один из них располагается наклонно к середине двери изнутри таким образом, чтобы образовать угол от 60 ° до 75° с полом. Затем он кладет вторую деталь горизонтально поверх первой, изо всех сил прижимая ее вниз. Она удерживается на месте двумя прочными столбами, вбитыми в землю на несколько дюймов внутрь двери. Это крепление абсолютно безопасно, но, конечно, не может быть применено к обеим дверям сразу, иначе как бы владелец мог выйти или войти в свой дом? Мне пока не удалось выяснить, как запирается задняя дверь.



ЗАМОК МАКОНДЕ В ДЖУМБЕ ЧАУРО

Это обычный способ закрытия дома. Однако в Маконде в Джумбе Чауро гораздо более сложный, солидный и оригинальный способ. Здесь дверь тоже такая, как уже описано, за исключением того, что с внутренней стороны есть только одна стойка, стоящая отдельно примерно в шести дюймах от одной стороны дверного проема. Напротив этого столба в стене есть отверстие, достаточно большое, чтобы в него могла просунуться мужская рука. Дверь закрывается изнутри большим деревянным засовом, проходящим через отверстие в этом столбе и прижимающимся своим свободным концом к двери. На другом конце есть три отверстия, в которые вставляются три колышка, проходящие в вертикальных пазах внутри стойки. Дверь открывается деревянным ключом длиной около фута, несколько изогнутым и скошенным с торца; на другом конце есть три засова, соответствующие отверстиям в засове,

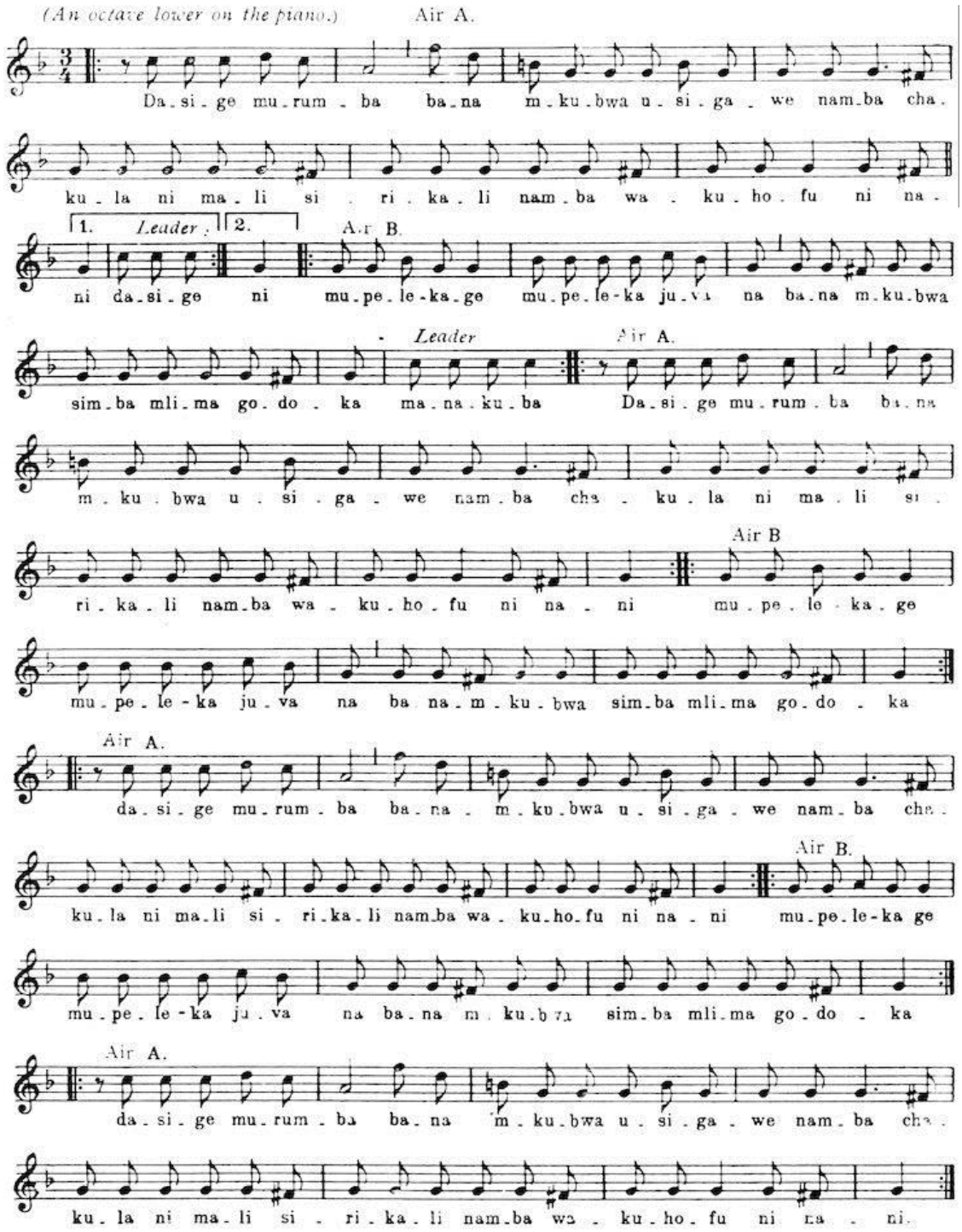
так что, когда его просовывают через отверстие в стене и вставляют в прямоугольное отверстие в стойке, засов можно поднять и вытащить.[50]



СПОСОБ ВСТАВКИ КЛЮЧА

С немалой гордостью сначала один домохозяин, а затем второй показали мне на месте действие этого величайшего изобретения высокогорья Маконде. Обращаясь к обоим с восхищенным восклицанием “*Визури сана!*” (“Очень красиво!”). Я выразил желание забрать эти чудеса с собой в Улайю, чтобы показать вазунгу, какие умные ребята маконды. Не прошло и пяти минут после моего возвращения в лагерь в Невале, как двое мужчин поднялись наверх, обливаясь потом под тяжестью двух тяжелых бревен, которые они положили к моим ногам, передав заодно ключи от павшей крепости. Рассуждая, достаточно логично, что если нужен ключ, то вместе с ним понадобится и замок, они взяли свои топоры и срубили столбы - поскольку им никогда не приходило в голову выкопать их из земли и таким образом принести в целости. Таким образом, у меня есть два сильно поврежденных экземпляра, и владельцы, вместо похвалы, устраивают разнос.

Хижины Макуа в окрестностях Невалы особенно убоги; их более чем неряшливая конструкция напоминает временные постройки Макуа у Хатии, хотя люди здесь не участвовали в войне. Следовательно, это должно быть связано с врожденной ленью или же с отсутствием могущественного вождя. Даже *бараза* в Млипе, в часе ходьбы к юго-востоку от Невалы, разделяет это всеобщее пренебрежение. Хотя за общественными зданиями в этой стране обычно ухаживают более или менее тщательно, существует очевидная опасность того, что они могут быть снесены первым сильным восточным штормом. Единственный привлекательный объект во всем этом районе - могила покойного вождя Млипы. Я посетил его утром, когда солнце все еще пыталось с частичным успехом пробиться сквозь клубящийся туман, и круглая роща высоких молочаев, которая вместе с разбитым горшком - вот и все, что отмечает место упокоения старого короля, - произвела впечатление пафоса. Даже мои очень материалистично настроенные носильщики, казалось, почувствовали нечто подобное, потому что вместо своих обычных непристойных песен они торжественно распевали, пока мы маршировали сквозь густую зелень кустарника Маконде:



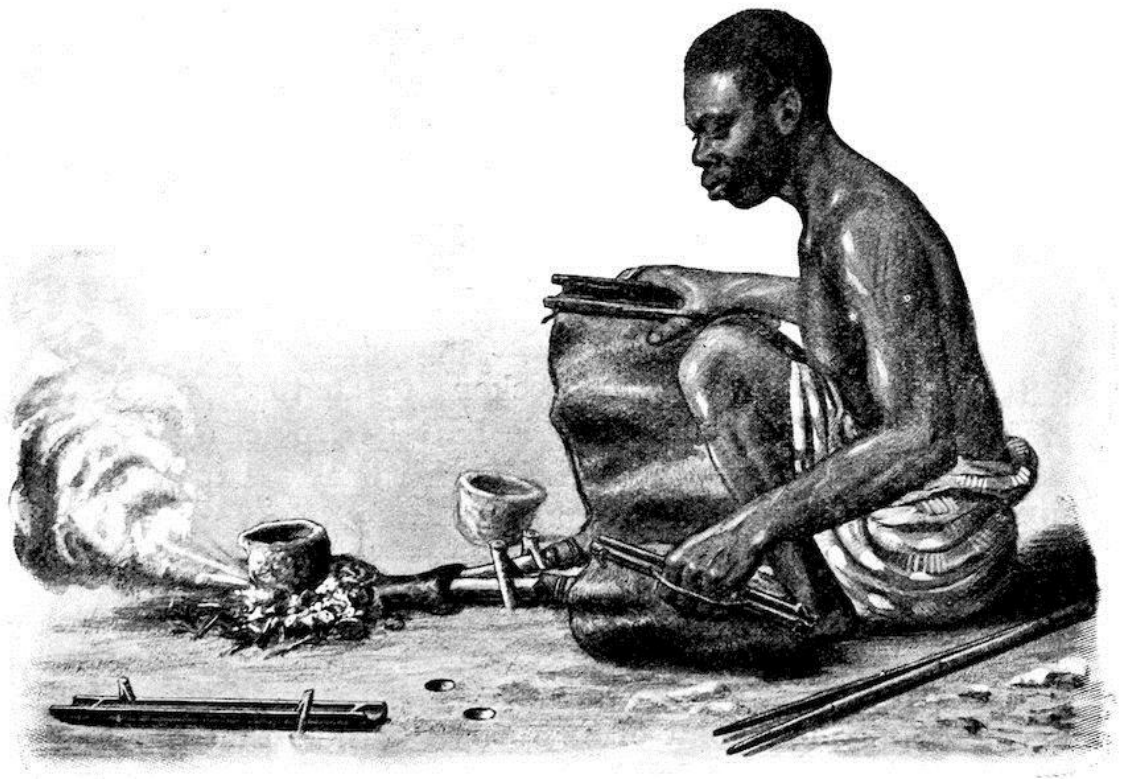
“Мы прибудем с великим мастером; мы встанем в ряд и не будем бояться получить нашу еду и наши деньги от Серкали (правительства). Мы не боимся; мы идем вместе с великим мастером, львом; мы спускаемся к побережью и возвращаемся обратно”.

Что касается характерных черт различных племен здесь, на западном краю плато, я не могу прийти ни к какому иному выводу, кроме того, к которому уже пришел на равнине, а именно, что никто, кроме опытного антрополога, не может сразу отнести любого данного индивида к соответствующему племени. На самом деле, я думаю, что даже специалисту-антропологу после самого тщательного изучения может показаться, что это трудная задача для решения. Целые племена, собранные в регионе, ограниченном на западе великим Центрально-Африканским разломом танганьика и ньяса, а на востоке Индийским океаном, тесно связаны

друг с другом — некоторые из их языков отличаются друг от друга только как диалекты одной и той же речи, и, без сомнения, все племена имеют одинаковую форму черепа и строение скелета. Таким образом, конечно, не может быть очень разительных различий во внешнем облике.

ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА МАКОНДЕ

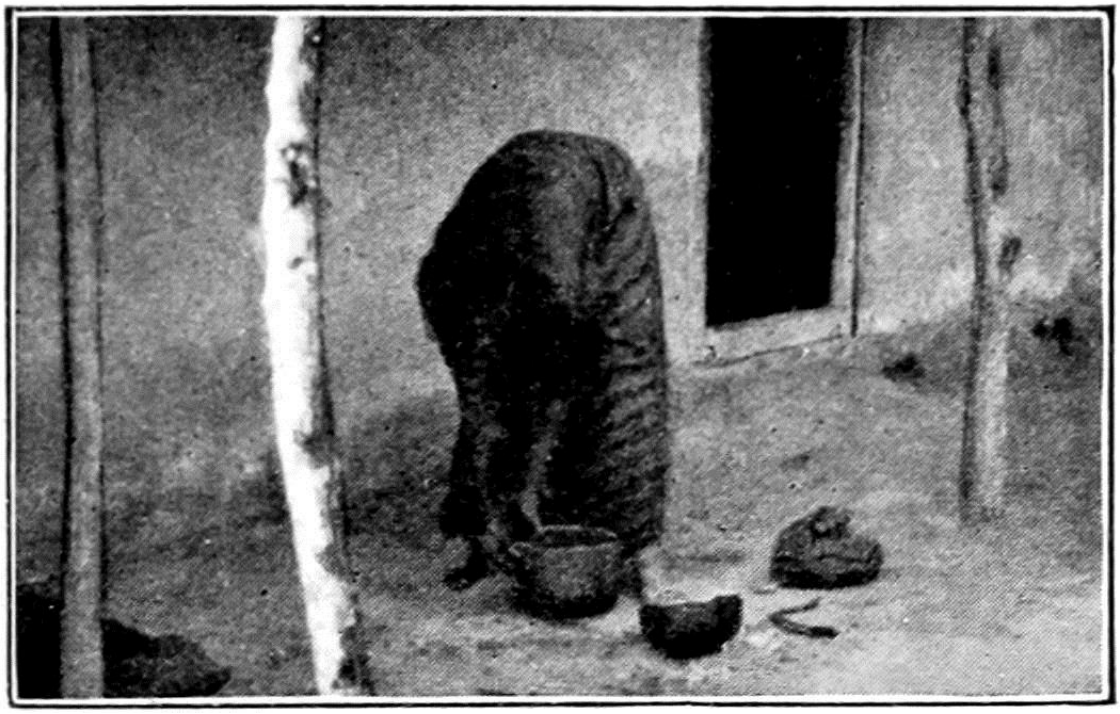
Даже если бы они существовали, у меня не было бы времени заниматься ими, поскольку день за днем мне приходится видеть или слышать, в зависимости от обстоятельств, — во всяком случае, чтобы уловить и зафиксировать — необычайное количество этнографических явлений. Я почти склонен считать удачей, что, по крайней мере, некоторым отделам расследований препятствуют внешние обстоятельства. Главным из них является предмет обработки железа. Мы склонны думать об Африке как о стране, где железная руда, так сказать, есть повсюду, ее можно подобрать на обочине дороги, и где было бы весьма удивительно, если бы жители не научились выплавлять материал, готовый к употреблению. Фактически, знание этого искусства распространяется по всему континенту, от кабилов на севере до кафиров на юге. Здесь, между Ровумой и Лукуледи, условия не столь благоприятны. Согласно заявлениям макондов, им не известен ни железняк, ни какая-либо другая форма железной руды. Поэтому они не продвинулись в искусстве выплавки металла, но до сих пор покупали все свои железные орудия у соседних племен. Даже на равнине положение жителей ненамного лучше. Говорят, что только один ныне живущий человек разбирается в искусстве выплавки железа. Этот старый *фунди* живет недалеко от Хуве, этой изолированной гранитной глыбы с крутыми склонами, которая возвышается в зеленом уединении между Масаси и Чингулунгулу, и чья зазубренная и расколотая вершина повсюду бросается в глаза путешественнику. Еще находясь в Масаси, я хотел увидеть этого человека за работой, но мне сказали, что, напуганный восстанием, он удалился за Ровуму, хотя скоро вернется. Все последующие запросы относительно того, вернулся ли *фонд*, встречались с подлинно африканским ответом: “*Бадо*” (“Пока нет”).



МАНГАЛ

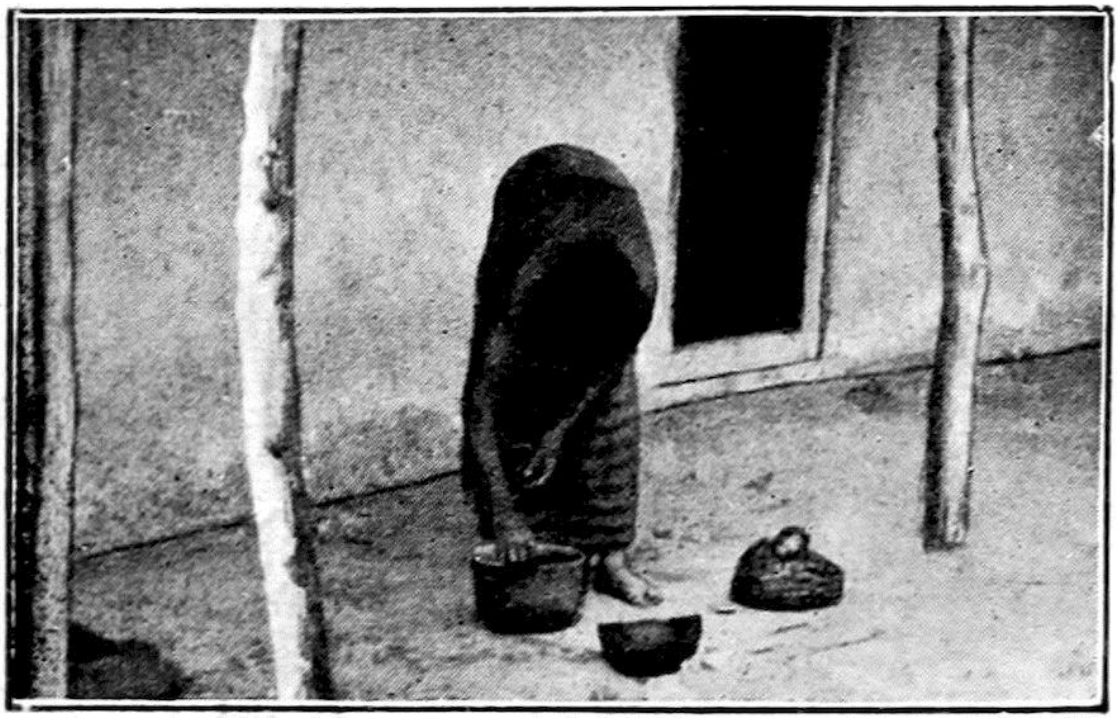
Некоторое утешение мне принес один брассфаундер, которого я встретил в кустах неподалеку от дома Акундонде. Этот мужчина - любимец женщин, а значит, без сомнения, и богов; он вплавляет сверкающие медные стержни, купленные на побережье, в те массивные, тяжелые кольца, которые на запястьях и лодыжках местных красавиц постоянно дают мне новую пищу для восхищения. Как у каждого порядочного мастера, у него были с собой все инструменты, состоявшие из пары мехов, трех тиглей и молотка — по-видимому, ничего больше. Он был вполне готов продемонстрировать свое мастерство и в мгновение ока установил свои мехи на земле. Это просто две козьи шкуры, снятые целиком, четыре ножки которых завязаны узлами, в то время как верхнее отверстие, предназначенное для доступа воздуха, удерживается растянутым двумя кусками дерева. На нижнем конце кожуры оставляется отверстие меньшего размера, в которое втыкается деревянная трубочка. *Фунди* быстро позаимствовал в ближайшей хижине кучу древесных углей; затем он вставляет свободные концы двух трубок в глиняную трубку и прижимает их к земле с помощью согнутого куска дерева. Теперь он наполняет желтым веществом один из своих маленьких глиняных тиглей, окалина на котором свидетельствует о том, что им долго пользовались, помещает его в середину тлеющих углей, которые в настоящее время лишь слабо мерцают, и начинает свою работу. Быстро чередуя движения двух рук кузнеца вверх и вниз, он нажимает на открытые концы мехов; поднимая руку, он держит щель широко открытой, чтобы воздух беспрепятственно попадал в кожаный мешок. Прижимая его, он закрывает пакет, и воздух выходит через бамбуковую трубку и глиняную трубочку в огонь, который быстро разгорается. Кузнец, однако, не продолжает эту работу, а подзывает другого человека, который сменяет его у мехов, пока он достает еще несколько инструментов из большого кожаного мешка, который носит за спиной. Я с удивлением смотрю, как он гладкой круглой палочкой толщиной с палец проделывает несколько вертикальных отверстий в чистом песке почвы. Это не должно быть трудно, но мужчина, похоже, прилагает к этому большие усилия. Затем он прикрепляет к земле парой деревянных зажимов аккуратное маленькое корыто, сделанное путем расщепления бамбукового бруска пополам, так что концы закрываются двумя узлами. Наконец желтый металл приобрел нужную консистенцию, и *фунди* снимает тигель с огня с помощью двух палочек, раздвоенных на конце и служащих щипцами. Короткий быстрый поворот влево - наклон тигля — и расплавленная латунь, шипя и выпуская клубы дыма, течет сначала в бамбуковую форму, а затем в отверстия в земле.

Техника этого захолустного мастера, возможно, и не очень продвинута, но нельзя отрицать, что он знает, как добиться адекватного результата простейшими средствами. Дамы самого высокого положения в этой стране, то есть те, кто может себе это позволить, носят два вида этих массивных латунных колец: одно цилиндрическое, другое полукруглое в сечении. Последние отливают самым хитроумным способом в бамбуковой форме, первые - в круглом отверстии в песке. Для *fundi* довольно просто прикрепить эти бруски к конечностям своих прекрасных клиентов; несколькими легкими ударами молотка он сгибает податливую латунную руку или лодыжку без дополнительных неудобств для владельца.

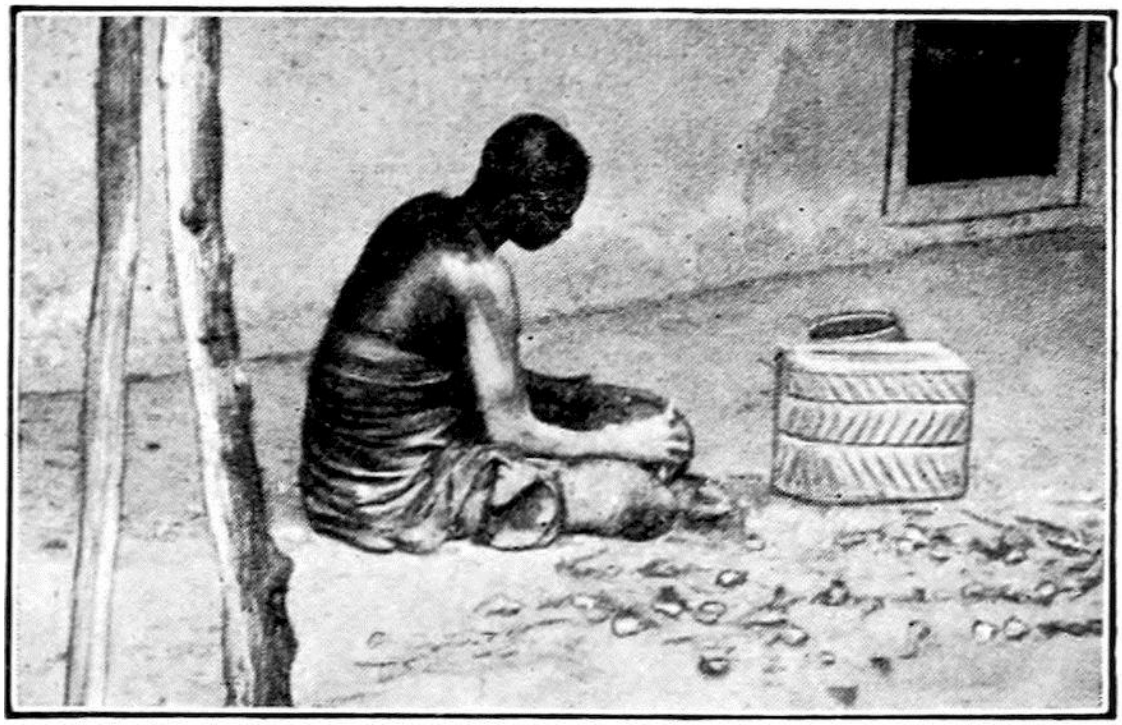


ПРИДАНИЕ ФОРМЫ ГОРШКУ

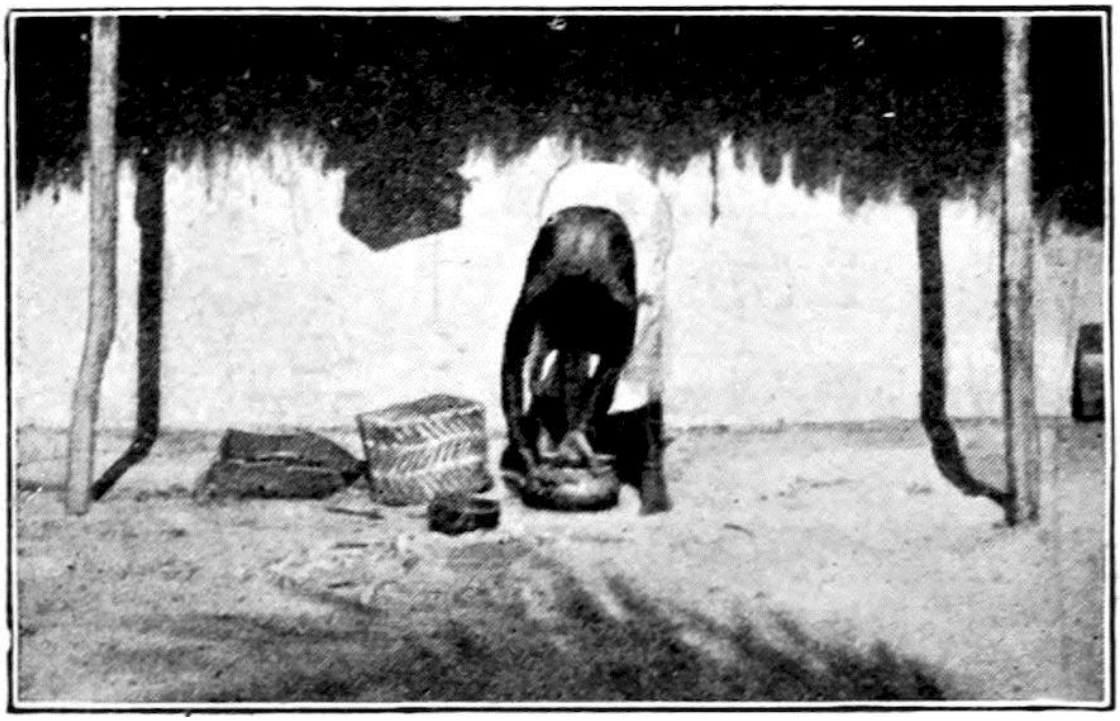
СГЛАЖИВАНИЕ ПОЧАТКАМИ КУКУРУЗЫ



РЕЖУЩИЙ КРАЙ



ОТДЕЛЫВАЕМ ДНО



ПОСЛЕДНЕЕ СГЛАЖИВАНИЕ Перед ОБЖИГОМ

ОБЖИГ ЩЕТОЧНОГО ВОРСА

ОСВЕЩАЮ ДАЛЬНЮЮ СТОРОНУ КУЧИ

ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ РАСКАЛЕННОГО ДОКРАСНА СОСУДА

ЖЕНЩИНА -НЬЯСА, ДЕЛАЮЩАЯ ГОРШКИ В МАСАСИ

ЖЕНЩИНА На МАКУА ДЕЛАЕТ ГОРШОК. ПОКАЗАНО ЗАРОЖДЕНИЕ ГОНЧАРНОГО КРУГА

Керамика - это искусство, которое всегда и везде должно вызывать интерес у изучающего, просто потому, что оно так тесно связано с развитием человеческой культуры, и потому, что ее реликвии являются одним из главных факторов в восстановлении нашего собственного состояния в доисторические времена. Я всегда буду с удовольствием вспоминать два или три дня в Масаси, когда мать Салима Матолы, стройная, приятной наружности женщина, с трогательным терпением объясняла мне с помощью конкретных иллюстраций керамическое искусство своего народа. Единственными орудиями для этого примитивного процесса были комок глины в ее левой руке и калебас в правой, в котором находились следующие ценности: очищенный от зерен кукурузный початок, гладкий овальный камешек размером с голубиное яйцо, несколько кусочков тыквенной скорлупы, бамбуковая щепка длиной с ладонь, маленькая скорлупка и пучок какой-то травы, напоминающей шпинат. И ничего больше. Женщина выцарапала раковиной круглую неглубокую ямку в мягком мелком песке почвы, и, когда деятельная молодая девушка наполнила для нее тыквенный сосуд водой, она начала месить глину. Словно по волшебству, он постепенно приобрел форму грубого, но уже хорошей формы сосуда, который требовалось лишь слегка подправить упомянутыми выше инструментами. Я с самым пристальным вниманием высматривал какие—либо признаки использования гончарного круга, пусть даже в зачаточной форме, но нет -*хапана* (их нет). Горшок для эмбрионов прочно стоял в своем небольшом углублении, и женщина обходила

его в согнутой позе, удаляя мелкие камешки или подобные инородные тела початком кукурузы, разглаживая внутреннюю или внешнюю поверхность бамбуковой щепкой, или позже, дав ему высохнуть в течение дня, прокалывая орнамент заостренным кусочком тыквенной скорлупы, или обрабатывая дно, или подрезая края острым бамбуковым ножом, или нанося последние штрихи на готовый сосуд. Это занятие женщин бесконечно трудоемко, но оно, без сомнения, является точным воспроизведением процесса, использовавшегося нашими предками в эпоху неолита и бронзы.

Нет никаких сомнений в том, что изобретением керамики, элемента человеческого прогресса, важность которого трудно переоценить, обязаны женщины. Грубые, неотесанные и бесчувственные мужчины орды кочуют по сельской местности. Когда объединенная хитрость охотников преуспевает в убийстве дичи, ни один из них не думает о том, чтобы унести добычу домой. Рядом с ними потрескивает яркий костер, разожженный энергичными движениями дрели; животное было почищено и разделано *secundum artem*и, слегка подпалив, скоро исчезнет под их острыми зубами; все это время никто не думал ни о жене, ни о ребенке.

На какие переделки, с другой стороны, была поставлена примитивная жена, а еще более примитивная мать! Даже желудки доисторических людей не могли выдержать неизменного рациона из сырых продуктов. Что-то подсказывало о благотворном влиянии горячей воды на большинство разрешенных, но неперевариваемых блюд. Возможно, кто-то из соседей попробовал подержать твердые корни или клубни над огнем в калебасе, наполненном водой, или, может быть, в скорлупе страусиного яйца, или в наспех сделанном сосуде из коры. Они стали намного мягче и вкуснее, чем были раньше, но, к сожалению, сосуд не выдержал огня и обуглился снаружи. "Это можно исправить", - подумала наша прародительница и обмазала такой же сосуд слоем влажной глины. Это улучшение; кухонная утварь остается неповрежденной, но от жара огня она сморщилась, так что ее оболочка стала рыхлой. Следующий шаг - отсоединить его, итак, крепким захватом и рывком отделяются скорлупа и ядро, и изобретается керамика. Возможно, однако, открытие, которое привело к разумному использованию раковины из обожженной глины, было сделано несколько иным способом. Страусиные яйца и тыквенные тыквы можно найти не во всех частях света, но повсюду человечество достигло искусства изготовления корзин из податливых материалов, таких как кора, лыко, полоски пальмовых листьев, гибкие веточки и т.д. У нашего изобретателя нет водонепроницаемого сосуда, предусмотренного природой. “Ничего страшного, давайте выстелим корзину глиной”. Это соответствует цели, но увы! корзина подгорает на пылающем огне, женщина наблюдает за процессом приготовления со все возрастающим беспокойством, опасаясь протечки, но утечки не происходит. Блюдо, приготовленное по очереди, съедается с особым удовольствием, а посуду для приготовления пищи разглядывают наполовину с любопытством, наполовину удовлетворенные результатом. Пластичная глина теперь твердая, как камень, и в то же время выглядит чрезвычайно хорошо, потому что аккуратное плетение обожженной корзинки прослеживается по всей ней красивым узором. Таким образом, одновременно с керамикой был изобретен ее орнамент.

Первобытная женщина имеет еще одно право на уважение. Это был мужчина, странствующий за границей, который изобрел искусство добывать огонь по своему желанию, но женщина, неспособная подражать ему в этом, с древнейших времен была Весталкой. Ничто не доставляет столько хлопот, как поддержание огня от тлеющей головешки, и, прежде всего, когда все мужчины отсутствуют в лагере. Собираются тяжелые дождевые тучи, уже падают первые крупные капли, над равниной бушуют первые порывы шторма. Маленький огонек, вызывающий у женщины большую тревогу, чем ее собственные

дети, неуверенно мерцает в порывах ветра. Что делать? Внезапная мысль приходит ей в голову, и в одно мгновение она сооружает примитивную хижину из полосок коры, чтобы защитить пламя от дождя и ветра.

Именно так, или что-то очень похожее на это, был открыт принцип домашнего уюта; и даже самый закоренелый женоненавистник не может справедливо отказать женщине в этом. Защита огня в очаге от непогоды - это зародыш, из которого возникло человеческое жилище. Люди мало участвовали, если вообще участвовали, в этом шаге вперед, и то лишь на поздней стадии. Даже в наши дни оштукатуривание стен дома глиной и изготовление керамики являются исключительно женским делом. Это два очень важных пережитка прошлого. Наш европейский огород тоже изначально был изобретением женщины, и мотыга, примитивное орудие земледелия, что достаточно характерно, все еще используется в этой области. Но самым благородным достижением, которым мы обязаны другому полу, несомненно, является искусство кулинарии. Само обжаривание — древнейший процесс - это тот, для которого люди воспользовались подсказкой (очень очевидной) природы. Должно быть, на это указывала обгоревшая туша какого-то животного, охваченного разрушительными лесными пожарами. Но кипячение — процесс улучшения органических веществ с помощью воды, нагретой до температуры кипения, — является гораздо более поздним открытием. Это настолько недавнее явление, что оно еще даже не проникло во все части света. Полинезийцы понимают, как готовить пищу на пару, то есть готовить ее, аккуратно завернув в листья, в ямке в земле между горячими камнями, без доступа воздуха и (иногда) разбрызгивая несколько капель воды на камни; но они не понимают, что такое кипячение.

Возвращаясь к этому отступлению, мы обнаруживаем, что стройная женщина-ньяса, еще раз внимательно осмотрев готовый горшок, поставила его сушиться в тень. На следующий день она передает мне сообщение через своего сына, Салима Матолу, который всегда под рукой, что она собирается заняться сожжением, и, выйдя из моего дома, я нахожу ее уже усердно занятой работой. Она разложила на земле слой очень сухих веток толщиной примерно с большой палец человека, поставила на них горшок (теперь желтовато-серого цвета) и насыпала вокруг него хвороста. Моя верная Песа мбили, *мнямпара*, которая очень любезно стояла рядом с зажженной палочкой, теперь протягивает ее ей. Оба они, равномерно дуя, поджигают сваю с подветренной стороны, а когда пламя начинает разгораться, и с наветренной. Вскоре все это объято пламенем, но сухое топливо быстро сгорает, и огонь гаснет, так что мы видим, как из пепла поднимается раскаленный докрасна сосуд. Женщина постоянно поворачивает его длинной палкой, иногда в одну сторону, иногда в другую, чтобы он равномерно нагревался по всему телу. Через двадцать минут она раскатывает его из кучи золы, берет пучок шпината, пролежавший два дня в банке с водой, и сбрызгивает им раскаленную глину. Места падения капель отмечены черными пятнами на однородной красновато-коричневой поверхности. Со вздохом облегчения и с видимым удовлетворением женщина выпрямляется; она стоит как раз на линии между мной и костром, от которого только что поднимается облако дыма: я нажимаю на шарик своей камеры, щелкает затвор — апофеоз достигнут! Подобно жрице, представительнице своего изобретательного пола, стоит грациозная женщина: у ее ног огонь в очаге, который она дала нам, рядом с ней изобретение, которое она изобрела для нас, на заднем плане дом, который она построила для нас.

В Ньюале также в моем присутствии производилось изготовление керамики. Технически этот процесс лучше, чем уже описанный, поскольку здесь мы находим зачатки гончарного круга, которого, по-видимому, не существует на равнинах; по крайней мере, я ничего подобного не

видел. Художница, ужасно глупая женщина с острова Макуа, не сделала углубления в земле, чтобы разместить горшок, который она собиралась вылепить, а использовала вместо этого большой черепок. В остальном она приступала к работе почти так же, как мать Салима, за исключением того, что избавляла себя от необходимости ходить вокруг да около своей работы, непринужденно присаживаясь на корточки и позволяя горшку и черепку вращаться вокруг себя; это, несомненно, первый шаг к машине. Но из этого не следует, что горшок был улучшен в результате этого процесса. Верно, что она была красиво закруглена и имела очень достойный вид в готовом виде, но многочисленные большие и маленькие сосуды, которые я видел и, частично, собирал в “менее развитых” районах, ничуть не уступают им. Мы, современные люди, воображаем, что для получения превосходных результатов необходимы точные инструменты. Загляните в доисторические коллекции наших музеев и посмотрите на горшки, урны и чаши наших предков из далекого прошлого, и вы сразу поймете свою ошибку.

ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОДОЛЬНОГО РАЗРЕЗА В КОРЕ

СДИРАНИЕ КОРЫ С БРЕВНА

УДАЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ КОРЫ

ИЗБИЕНИЕ КОРЫ

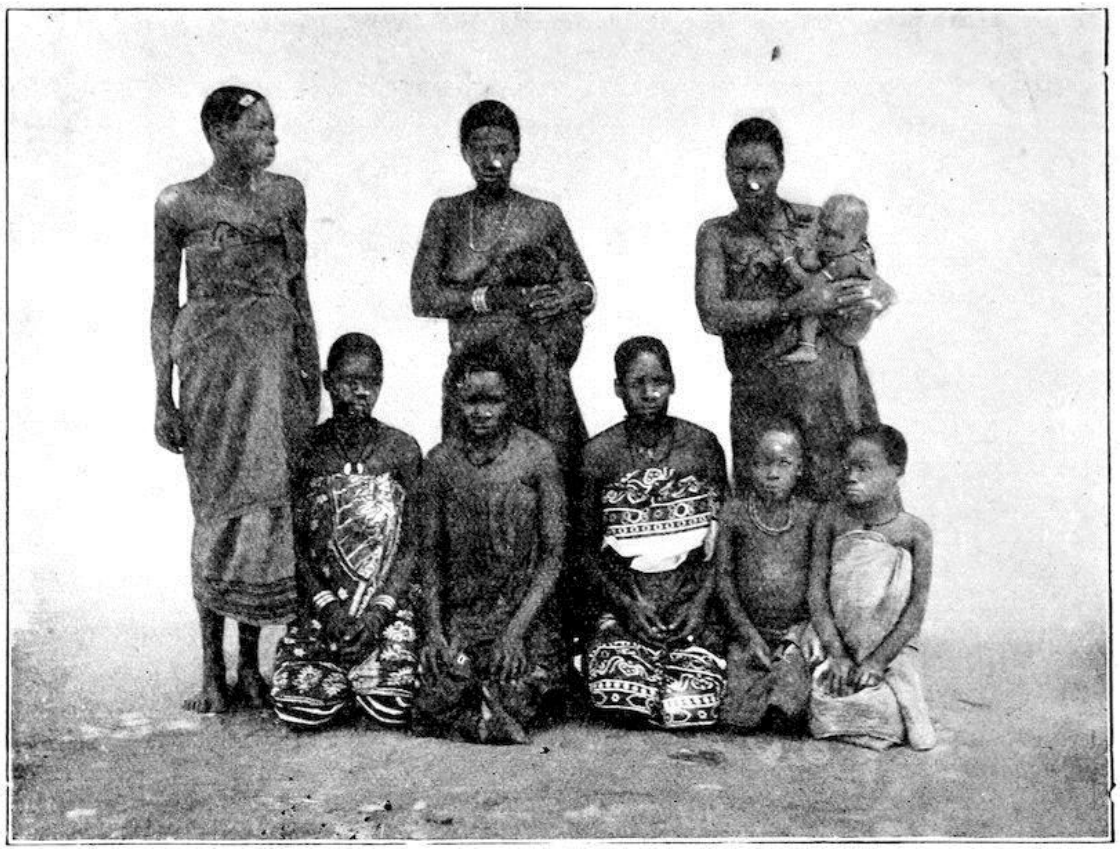
ПОСЛЕ ВЗБИВАНИЯ ОБРАБОТАЙТЕ САЛФЕТКОЙ ИЗ КОРЫ, ЧТОБЫ ОНА СТАЛА МЯГКОЙ

ПРОИЗВОДСТВО ТКАНИ ИЗ ДРЕВЕСНОЙ КОРЫ В НЬЮАЛЕ

Сегодня почти все население Немецкой Восточной Африки одето в импортный ситец. Так было не всегда; даже сейчас в некоторых частях севера выделанные шкуры по-прежнему являются преобладающим видом одежды, а в северо-западных районах - к востоку и северу от озера Танганьика — лежит зона, где использование ткани из коры еще не вытеснено. Вероятно, прошло не так много поколений с тех пор, как такие ткани из коры и килты из шкур были единственной одеждой даже на юге. Даже сегодня все еще можно найти большое количество этого ярко-красного или серого материала; но если мы хотим увидеть его, мы должны заглянуть в зернохранилища и на сушильные площадки внутри туземных хижин, где

он используется в менее амбициозных целях в качестве обертки для тех семян и фруктов, которые требуют особой тщательной упаковки. Соль, добываемую в Масаси, также упаковывают для транспортировки на расстояние в большие листы ткани из коры. Везде, где я находил ее в каком-либо возможном количестве, я изучал процесс изготовления этой ткани. Прибыл туземец, реквизированный для этой цели, с бревном длиной от двух до трех ярдов и толщиной с его бедро, и больше ничего, кроме молотка причудливой формы и обычного длинного, острого ножа, который все мужчины и юноши носят на поясе за спиной без ножен -*ужасная диктовка!*[51] Он молча присаживается передо мной на корточки и двумя быстрыми надрезами очерчивает пару кругов вокруг бревна на расстоянии примерно двух ярдов друг от друга и кончиком своего ножа разрезает кору вдоль между ними. Затем с очевидной осторожностью он соскребает внешнюю кожуру по всему бревну, так что через четверть часа внутренний красный слой коры становится ярко окрашенным между двумя нетронутыми концами. С некоторым трудом и большой осторожностью он теперь ослабляет кору с одного конца и открывает цилиндр. Затем он встает, берется обеими руками за свободный край и, выворачивая его наизнанку, медленно, но неуклонно отрывает одним куском. Теперь начинается кропотливая работа по соскабливанию всех лишних частиц внешней коры с внешней стороны длинного, узкого куска материала, в то время как внутренняя сторона тщательно исследуется на наличие дефектных пятен. Наконец он готов к взбиванию. Подав знак другу, который немедленно ставит рядом с ним миску с водой, мастер смачивает весь лист коры, берет свой молоток, кладет один конец материала на самое гладкое место бревна и медленно, но непрерывно бьет молотком. “Очень просто!” Я думаю про себя. “Ну, я бы тоже мог это сделать!” — но чуть позже я вынужден изменить свое мнение, потому что взбивание - это настоящее искусство, если ткань не должна быть разорвана в клочья. Чтобы предотвратить разрыв волокон, материал складывают поперек в несколько раз, чтобы между молотком и блоком образовалось пространство разной толщины. Наконец достигается требуемое состояние, и *фунди* хватает простыню, все еще сложенную, за оба конца и отжимает ее или вызывает помощника, чтобы тот взялся за один конец, пока он держит другой. Ткань, полученная таким способом, далеко не такая тонкая и однородная по текстуре, как знаменитая ткань из коры Уганды, но она довольно мягкая и, главное, дешевая.

Теперь я тоже осматриваю молоток. Мой мастер использовал более простую, но лучшую форму этого орудия, конический брус из какого-то твердого дерева, его основание — ударная поверхность - вдоль и поперек испещрена более или менее глубокими канавками, а рукоятка вставлена в отверстие посередине. Другая, более ранняя форма молотка имеет ту же форму, но головка прикреплена хитроумной сетью полосок коры к расщепленному бамбуку, служащему ручкой. Столь часто делаемое наблюдение о том, что древние обычаи дольше всего сохраняются в связи с религиозными церемониями и в жизни детей, здесь находит подтверждение. Как мы вскоре увидим, ткань из коры все еще носят во время *уняго*,[52] поскольку ее готовят с соблюдением специальных торжественных церемоний; и многие матери, если у них нет под рукой другой одежды, все равно надевают на своего малыша килт из ткани из коры, который, в конце концов, выглядит лучше, к тому же больше соответствует африканскому окружению, чем нелепый фрагмент печати от Улайи.



ЖЕНЩИНЫ И

ГЛАВА XIV
ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

На прошлой неделе у нас было несколько дней такой прохладной, ясной, безветренной погоды, что казалось, будто наступило лето Святого Луки. Теперь, однако, ледяные порывы ветра с востока снова дуют вокруг *бома* в Неуэле, а на Михайлов день, который был несколько ранним, прошел дождь. Должно быть, это был сигнал, понятный всем от мала до велика, потому что меня больше не осаждают доселе неизбежные мальчишки, и мои старики тоже прекратили свои визиты. К счастью, за последние несколько недель мне удалось так эффективно выкачать информацию из пожилых джентльменов, что я мог бы немедленно уехать, вполне довольный тем, что обладаю огромным запасом записей, если бы меня не задержали лингвистические расспросы, которые я сейчас собираюсь провести. Совершенно невозможно дать здесь даже малейшее представление о полученных к настоящему времени знаниях относительно всех этих более или менее странных обычаев. Деталям найдется место в официальных и других документах, подготовке которых придется пожертвовать досугом многих предстоящих сроков; здесь я могу указать только на те важные моменты, которые, как рассчитывают, заинтересуют каждого цивилизованного человека.

Личные имена местных жителей открывают неограниченное поле для исследований. Там, где ислам уже прочно обосновался, преобладают арабские имена. Маконде *аскари* Саиди бин Муса идет в ногу со своим товарищем Али бин Пингой из Ньясы, а Хасани из Мхуту идет позади носильщика Яо Хамиси. Среди внутренних племен преобладает разделение на кланы как принцип социальной классификации, и поэтому даже в случае обращения в христианство за именем при крещении следует название клана. Дауди (Дэвид) Мачина - это имя местного пастора в Чингулунгулу, а предполагаемый преемник Матолы I и Матолы II называет себя Клаудио Матола. Позже мы еще кое-что скажем об этих названиях кланов.

Значение названий часто одинаково интересно. Одни только мои перевозчики уже доставили мне немало удовольствия в этом отношении, поскольку названия, которыми они пользуются, в большинстве случаев чрезвычайно абсурдны. Pesa mbili (“Mr. Два пенса”) так же знаком нам, как и его друг Кофия туле, высокий мужчина в маленькой плоской кепке, Кази Улайя, человек, работающий в European и Mambo sasa — “Делах сегодняшнего дня”. Помимо них, среди двух дюжин джентльменов, составляющих мою верную свиту, слоняются следующие: — Мистер Бланкет (Kinyamwezi *bulangeti*, искаженное от английского слово), мистер Сигарета (комментарии не требуются), Камба Улайя (европейская веревка, *то есть* пеньковая веревка, в отличие от местной веревки из волокон какао-ореха или пальмовых листьев), мистер Маунтейн (Килима) и господа. Компания и Капелла (Компания и оркестр — от немецкого *Kapelle*). Названия Машуа (лодка) и Мели (пароход, от английского “mail”) имеют морское значение, а Сита (Шесть) — арифметическое, и, в конце концов, у нас есть Мпенда кула (“Тот, кто любит поесть”).

Названия, используемые племенами внутренних районов, лишены заметного европейского налета, обнаруживаемого в этих обозначениях носителей, но и здесь мы сталкиваемся с забавными экземплярами. В то же время я замечаю, что эти имена, безусловно, не первые, удостоившие своих носителей чести. Как это часто бывает с первобытными народами и с японцами в наши дни, мы обнаруживаем, что каждый индивид, будучи официально допущенным к обязанностям взрослой жизни, берет новое имя. Местные жители не знают или забыли первоначальное значение этого изменения, но мы, вероятно, не ошибемся, предположив, что новое имя также означает нового человека, который находится в совершенно иных отношениях к своим сородичам и своему племени, чем его прежнее. Официально каждый взрослый Яо, Макуа, Маконде или Матамбве имеет право предложить себя в качестве крестного отца, но у меня сложилось впечатление, что большинство имен, которые человек слышит, на самом деле являются прозвищами, случайно данными знакомыми.[53] Хорошо известно, что туземец обладает очень острым чутьем на слабые места и нелепости других.

Че Ликосве (“Мистер Крыса”) запомнится своими военными песнями в Чингулунгулу, и с ним можно поставить в один ряд Че Чипембере (“мистера Носорога”). Последний подвержен приступам внезапной ярости, как толстокожий, отсюда и его название. Имя старого любителя пива, Акундонде, является напоминанием о его первоначальном родстве с племенем вандонде. Че Каменья - это тот, кто побеждает в бою; при рождении Машины была радость; Маквенья собирает все для себя, но Че Мдуулага, с другой стороны, ничего о себе не думает, — он сам по себе скромность. Точно так же Мкотима - тихий человек, Силивинди назван в честь так называемой певчей птицы; и, наконец, Мкокора - это тот, кто уносит грязь своими руками.

Вот несколько мужских имен яо. Я упомяну только следующие женские имена этого племени: —Че Малага означает “Она осталась одна” —все ее родственники умерли. Че Челайеро, “Та, кому тяжело”. Че Тулайе, “Та, кому плохо живется”, и Че Ваопе, “Она твоя”.

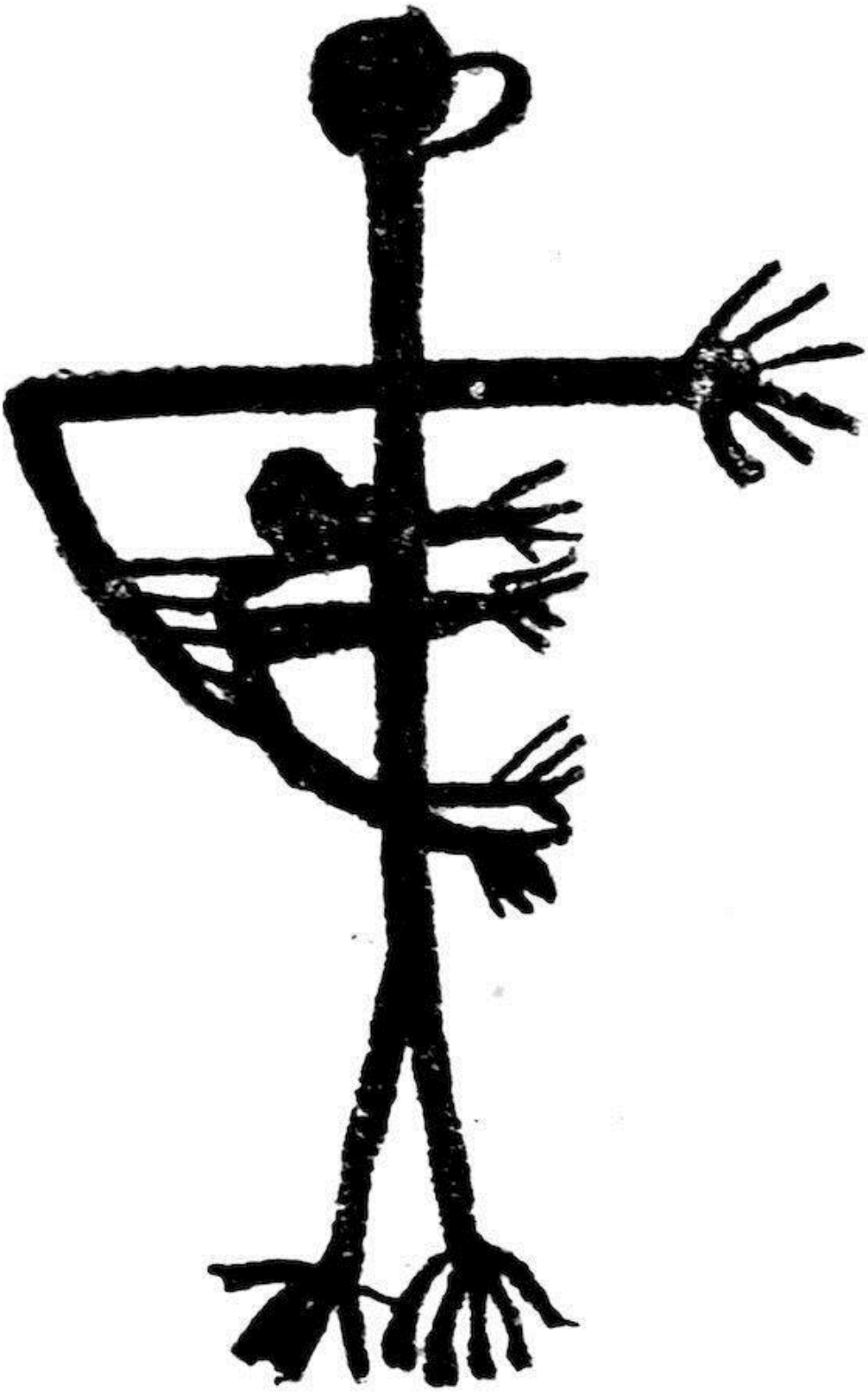
Личные имена других племен имеют в целом тот же характер — Кунаньюпу - старый макуа, который, по его собственному утверждению, в молодости убил много гну (*ньюпу*). Нантиака - это Дон Жуан, который порхает от одного аттракциона к другому. Подобный ход мыслей подсказал имя Нтиндинганья, шутника, который ухитряется взваливать на других вину за свои собственные проделки. Линьонгоньо - слабак; Ньопа - честолюбивый человек, который стремится внушить другим страх перед собой; Мадрига - печальный, меланхоличный человек; Дамбвала - ленивый.

Среди женщин Алвенендж “та, кто знает себе цену” — ее господин и повелительница, это правда, взяла другую жену, но он не останется с ней, а с раскаянием вернется в Алвенендж, о чем она очень хорошо знает. Гораздо меньше повезло Нантупули; она бродит по миру и вообще ничего не находит, ни мужа, ни чего-либо еще. Другими несчастными являются Атупимири и Ачинага — у первой есть муж, который постоянно в разъездах и лишь время от времени возвращается домой, чтобы “измерить” (*пима*) свою жену, *т.е.*Посмотреть, как она себя ведет. Муж Ачинаги, с другой стороны, болен и не может работать, так что ей приходится все делать самой. Среди женщин маконде также есть Песа мбили. Название подразумевает, что раньше она высоко ценилась мужчинами, но теперь она состарилась и стоит всего две копейки. Красота имеет свою рыночную стоимость даже у негров.

Область исследований, чрезвычайно трудная для работы, но которая повсюду хорошо вознаграждает за самосовершенствование, - это изучение обычаев, сопровождающих жизнь человека от колыбели до могилы.

Местный младенец — который поначалу не черный, а такой же розовый, как наши собственные новорожденные, — появился на свет в хижине своей матери. Отец находится далеко от того места, женщины вовремя отослали его с дороги. Ребенка тщательно обмывают и заворачивают в кусок новой ткани из коры. В то же время его уши смазывают маслом, чтобы он мог хорошо слышать, а перевязь под языком ослабляют бритвой, чтобы убедиться, что он научился говорить. Мальчикам везде рады; но что касается девочек, то в разных племенах и, точно так же, как и у нас, в разных семьях отношение к ним разное. В этнографических работах часто утверждается, что первобытные народы радовались рождению девочек из чистого интереса, из-за цены, которую они принесут, выйдя замуж. До определенного момента такие соображения могут иметь вес и здесь, но в целом люди рады дочерям хотя бы потому, что они вскоре могут начать помогать своей матери в ее многочисленных делах на свежем воздухе и в помещении. Более того, их брак приносит в семью еще одного преданного и неоплачиваемого работника. Ибо это страна экзогамии, где молодая жена не идет в дом своего мужа и не входит в его семью, но, напротив, мужчина оставляет своих отца и мать и либо переезжает непосредственно в дом родителей своей жены, либо строит свой собственный рядом с ним. В любом случае в течение нескольких лет, пока его собственные семейные обстоятельства не потребуют иного решения, он посвящает все свои силы поддержанию хозяйства своей тещи. Он следит за посадкой урожая и его сбором, он распахивает новые земли, короче говоря, он оказывает все возможные услуги и предвосхищает каждое ее желание. Мне часто бывало стыдно, когда разговор заходил об этой и других особенностях местной жизни, вспоминать содержание тех почтенных шуток, которыми никогда не устают делиться наши юмористические газеты. Конечно, простой проезжий, вроде меня, не может судить о более интимной стороне семейной жизни, но Кнудсен, который прожил в деревне достаточно долго, чтобы досконально ознакомиться с образом мыслей и действий местных жителей, подтверждает сложившееся у меня впечатление, что не только отношения между матерью и зятем близки к идеалу, но и поведение молодых людей по отношению к старшим в целом заслуживает названия образцового. Мы, принадлежащие к высшей ступени культуры, или, согласно взглядам большинства из нас, к *the* ступени культуры, проводим половину своей жизни в учебных заведениях различного рода и уровня, и конечный результат проявляется статистикой в уменьшении процента неграмотных среди нашего населения. Но пусть все, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, заметят, как мало этического смысла и сколько откровенной жестокости составляют повседневную жизнь этих самых представителей

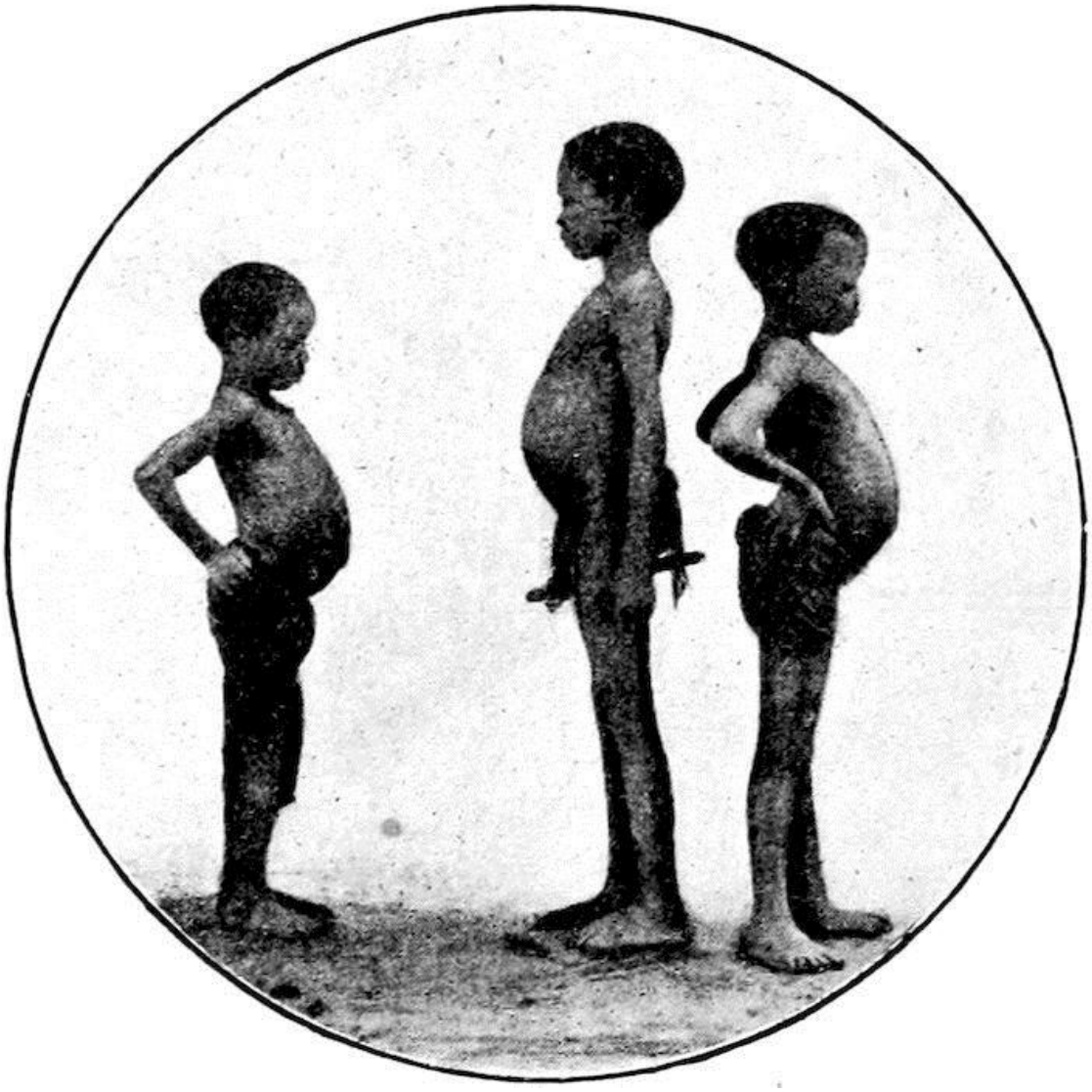
культуры. Я далек от желания что—либо сказать против нашей системы образования и наших школ — я сам в некотором роде школьный учитель, - но это дает пищу для серьезных размышлений, когда видишь, насколько изъедены червями, несмотря на всю заботу о них, многие плоды, которые они производят, и насколько этично устроена жизнь, с которой мы сталкиваемся среди этих варваров. И это результат обучения, длившегося более трех-четырех месяцев и полученного от учителей, которые не заканчивали школу или колледж.



ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ НА СПИНЕ. С РИСУНКА ПЕСЫ МБИЛИ

Отношение к близнецам у разных племен в этой части страны разное. Вайяо приветствуют их с неподдельной радостью, в то время как маконде смотрят на их рождение как на ужасное событие, которое следует предотвратить, по возможности, с помощью всевозможных чар. Но даже здесь родители не настолько жестоки, чтобы убивать их, если они все-таки появляются на свет; им позволено жить и с ними обращаются так же, как с вайяо, *т.е.*Их одежда (такая, какая она есть) всегда одинакова. Если бы этого не было сделано, считается, что один из них непременно умер бы.

В течение первого года африканский младенец остается в тесном контакте со своей матерью. Когда ему всего несколько дней от роду, она впервые вынимает его, чтобы показать восхищенным соседям. Как маленький комочек страдания, он сидит на корточках в большой цветной ткани, окутывающей верхнюю часть тела его матери. Обычно он висит на спине матери, но очень часто она перекидывает его на одно бедро. Когда приходит время кормления ребенка, его и сумку с ним перекладывают спереди. Ничто так не поражает меня идеей бедности и убожества, как такое обращение с младенцами: никакой смены одежды для матери или ребенка — потому что нет запаса дополнительной одежды — никакой сушки, никакой присыпки, никаких салфеток, никакого регулярного купания после первых нескольких дней, никакого ухода за полостью рта. Напротив, у каждого ребенка есть воспаленные места, где кожа была натерта, особенно на суставах, а также в складках и впадинах тела; наполовину зажившие струпья, где природа берет верх, несмотря на пренебрежение; глаза почти всегда затуманены и слезятся из-за постоянных нападений мух, и, наконец, отдельные случаи, то тут, то там, молочницы- язвы такого масштаба, что грибковые наросты фактически выступают изо рта и ноздрей. Было бы хорошо, если бы правительство и Миссии объединились, чтобы положить конец этому ужасному положению вещей, не столько с помощью медицинской работы, которая, естественно, ограничивается определенными населенными пунктами, сколько путем как можно более широкого обучения матерей простейшим правилам гигиены и чистоты.

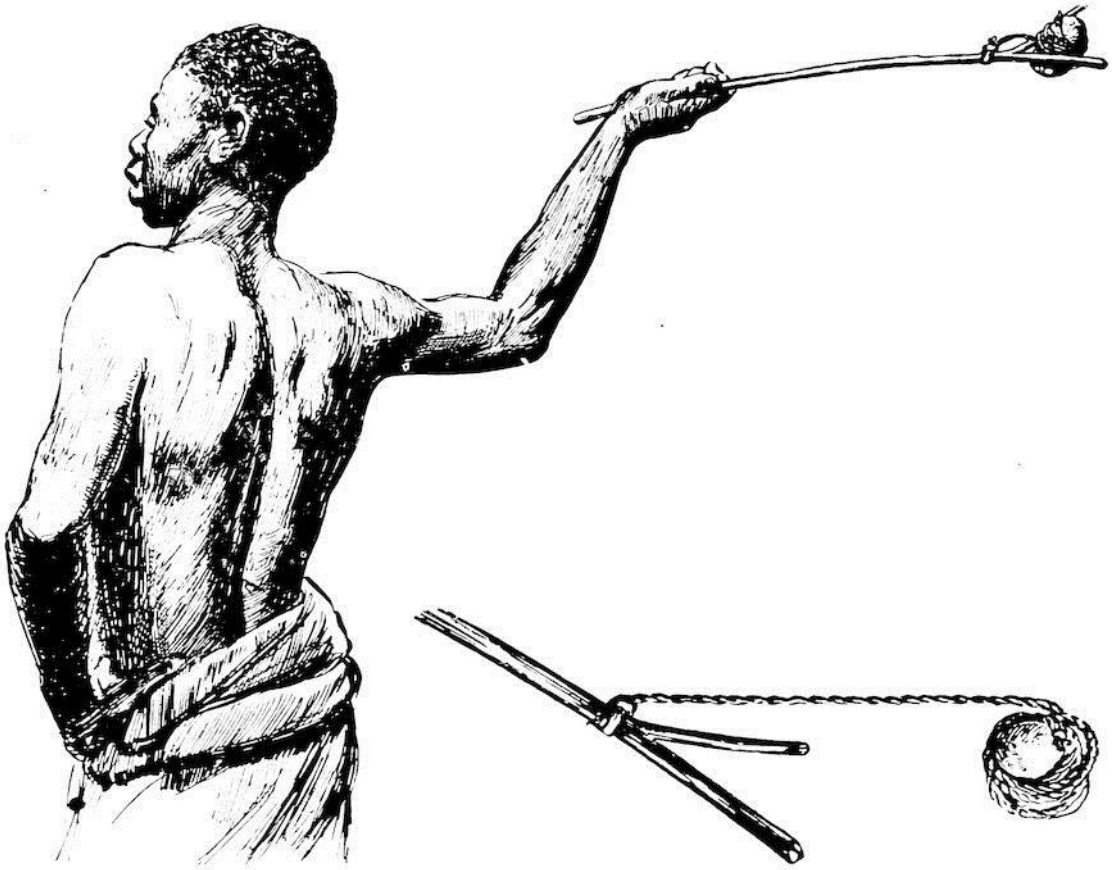


ТРИ ВЕГЕТАРИАНЦА И

Я уже полчаса нахожусь в родной деревне. Все мужчины и мальчики были в сборе в течение двух минут после моего прихода; женщины собираются медленнее; маленькие девочки, как ни странно, совсем отсутствуют. Так же, как и у нас, женщины сразу же собрались в плотную группу. Сначала воцаряется застенчивое молчание, но не успели они привыкнуть к виду белого человека, как раздается взрыв разговоров во всех тональностях, несмотря на громаднейшие *толки*. По крайней мере, половина этих женщин вынашивает детей, но этот термин является вполне исчерпывающим. Замечательные мальчики и девочки двух или даже трех лет от роду растягиваются на хрупких спинах изящных на вид матерей или совершают яростные нападения на материнский источник питания. Моя камера, очевидно, служит предлогом для этого последнего маневра, потому что, как будто по заданному сигналу, вся маленькая черная полоса выдвигается вперед и занимает нужное положение в тот самый момент, когда я нажимаю на лампочку.

Более поздние этапы детства у туземцев проходят способом, существенно не отличающимся от наших собственных юношеских воспоминаний. Маленькие мальчики объединяются в отряды и продолжают свои игры в деревне и зарослях; в то время как маленькие девочки с раннего возраста начинают помогать своим матерям в доме и на улице. Везде, где мне удавалось продолжить свою коллекционную деятельность, я был особенно усерден в сборе всех игрушек и игр, используемых в стране. В связи с детскими играми есть один момент,

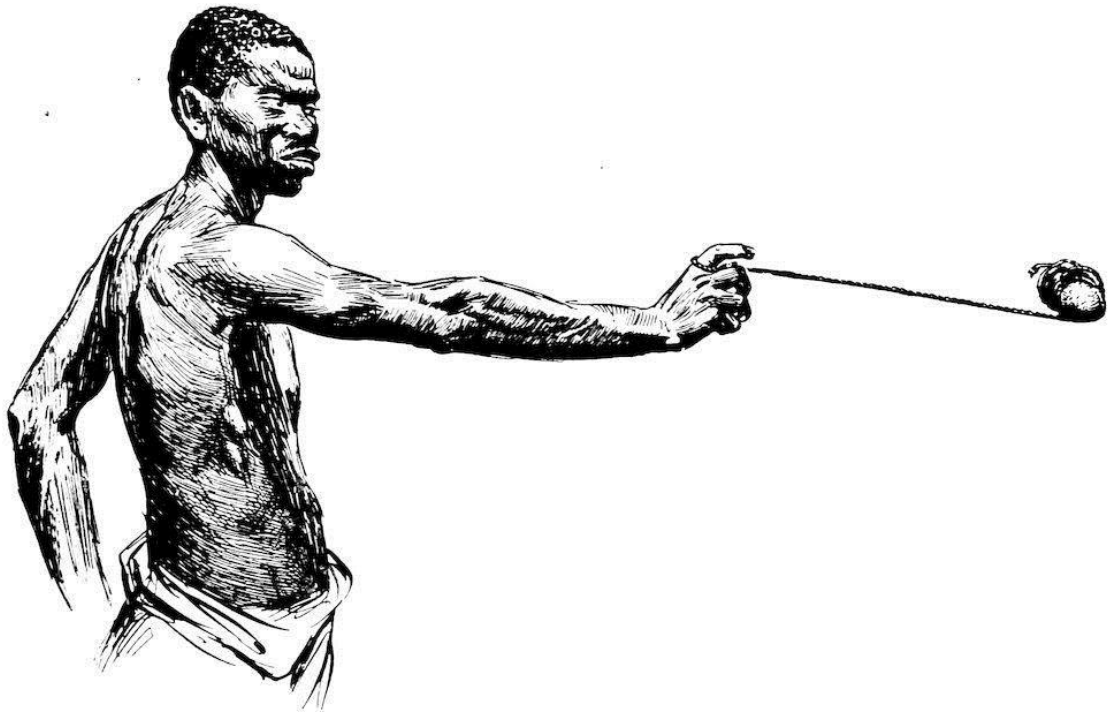
заслуживающий особого внимания, и это то, что почти с первого дня их существования ребенок присутствует везде, где что-либо происходит. Когда мать присоединяется к танцу, ребенок, лежащий у нее на спине, повторяет каждое движение вместе с ней и, таким образом, учится танцевать, так сказать, инстинктивно. К тому времени, когда он может встать на свои маленькие ножки, он присоединяется к игре с такой же уверенностью, с какой птенец куропатки, только что вылупившийся из яйца, отправляется за едой. Есть ли у местных детей помимо этих танцев что-то, что можно назвать согласованными играми, я не могу сказать, но пока я не видел ничего подобного,[54] если не считать большого мастерства, продемонстрированного при хлопке в ладоши в унисон, в котором, благодаря приятному ритму и (можно почти сказать) разнообразию мелодий, они чувствуют себя так же комфортно, как и их старшие. В остальном кажется, что каждый ребенок зависит только от самого себя, по крайней мере, в том, что касается игрушек. Для мальчиков лук и стрелы являются *непременным* условием в первую очередь. Если бы я был готов купить все предлагаемые мне игрушечные луки, у меня было бы достаточно денег, чтобы загрузить небольшой корабль. Здесь, в Африке, оружие является таким же средством выживания, как и в большинстве других стран. Тот факт, что он предназначен только для детей, показывает, что, как и в Европе, он больше серьезно не используется на войне, а только в играх или, самое большее, в погоне. Как и следовало ожидать, мы обнаруживаем, что взрослые мужчины стреляют из лука не лучше мальчиков, и *наоборот*. Там, где когда-то было огнестрельное оружие, более примитивное оружие больше не ценится.



ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАТЕЛЬНОЙ ПАЛКИ

Сформировать этнографическую коллекцию в этой стране непросто. Только благодаря моей очень решительной позиции — которая гораздо эффективнее, чем мои мешки с медными монетами, — люди решаются приносить вообще что-либо, и тогда это в основном мусор. Чтобы заполучить более ценный класс предметов, таких как более важные предметы

домашнего обихода или резные маски и другие произведения искусства, я часто вынужден прибегать к умеренной демонстрации силы, возлагая моральную ответственность за производство образцов на старосту деревни. И все же за каждую вещь щедро платят. Люди дома не имеют представления о том, насколько трудно достать игрушки из всех вещей. Я бы предложил следующее объяснение этого факта. Если бы японский этнограф, например, посетил Германию осенью, ему было бы достаточно легко собрать большую коллекцию воздушных змеев, но волчки — взять одну из наших самых типичных детских игрушек — он смог бы увидеть и приобрести только в том случае, если бы он определенно поинтересовался ими. Здесь точно так же; всему свое время года, и игрушкам прежде всего. Однажды осознав эту истину, я всегда быстро справлялся с делами, читая собравшимся жителям деревни лекцию обо всех игрушках человечества, завершая словами: “Если у вас есть то—то и то—то - или то-то и то-то - быстро несите это сюда”. Во многих случаях ни моих собственных лингвистических познаний, ни переводчика недостаточно, и жестам приходится восполнять недостаток слов. Однажды в Чингулунгулу я был весьма поражен своим успехом, когда, выполнив энергичное упражнение по метанию камня, я увидел, как Салим Матола, непревзойденный мастер, вскоре вернулся с двумя замечательными предметами, которые, после его демонстрации способа их использования, оказались настоящей палкой для метания и пращой -*amentum*. У меня редко бывало такое чувство полного успеха, как в этот момент. Кто бы мог подумать найти метательную палку и пращу в Восточной Африке, регионе, который до сих пор считался таким бесплодным с точки зрения этнографии? Первый представляет собой орудие, предназначенное не для чего иного, как для удлинения нижней части руки для метания копья или камня; таким образом, с точки зрения физики, он представляет собой удлиненное плечо рычага. Его основным регионом распространения является Австралия; он также встречается в некоторых частях Западной части Тихого океана, у гиперборейцев и в изолированных частях Америки. До сих пор предполагалось, что африканец не додумался до этого изобретения. Праща таким же образом служит для удлинения рычага, но копье или камень в этом случае бросают не с помощью зацепа за палку или доску, а с помощью веревки, прикрепленной к основанию указательного пальца, в то время как свободный конец наматывается на метательный снаряд. Если воин выбрасывает руку вперед, оружие покидает руку под действием центробежной силы, разматывается с тетивы и улетает с большой начальной скоростью.

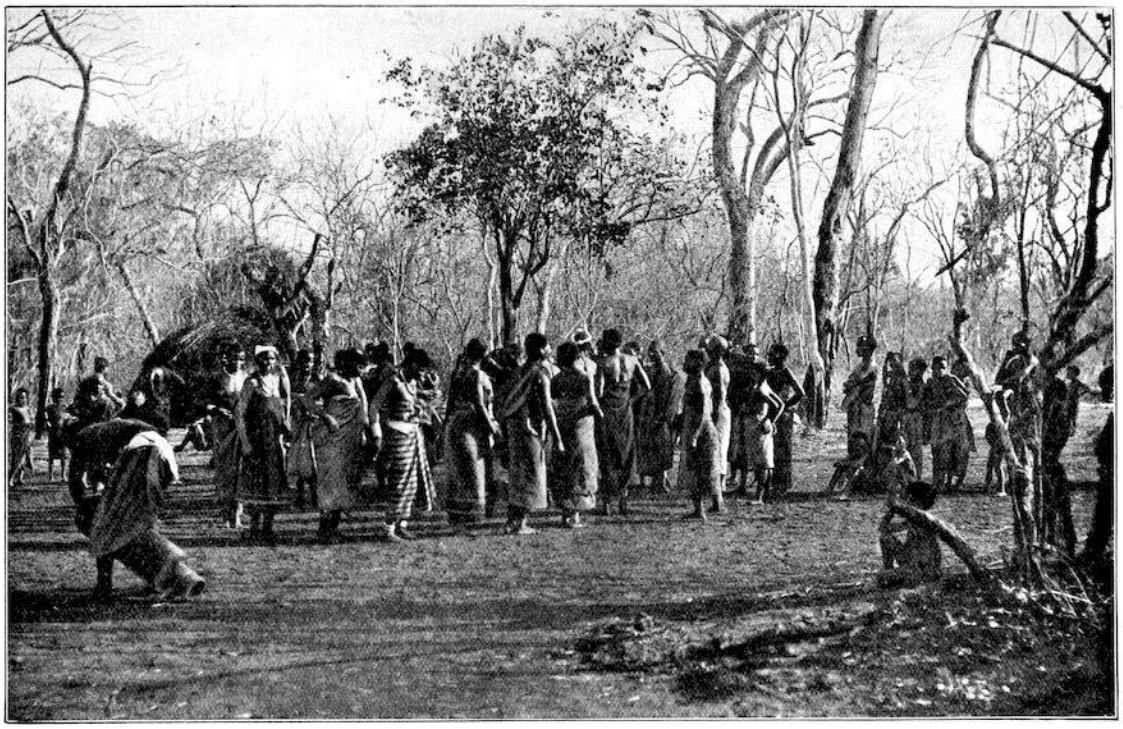


МЕТАНИЕ ИЗ ПРАЩИ

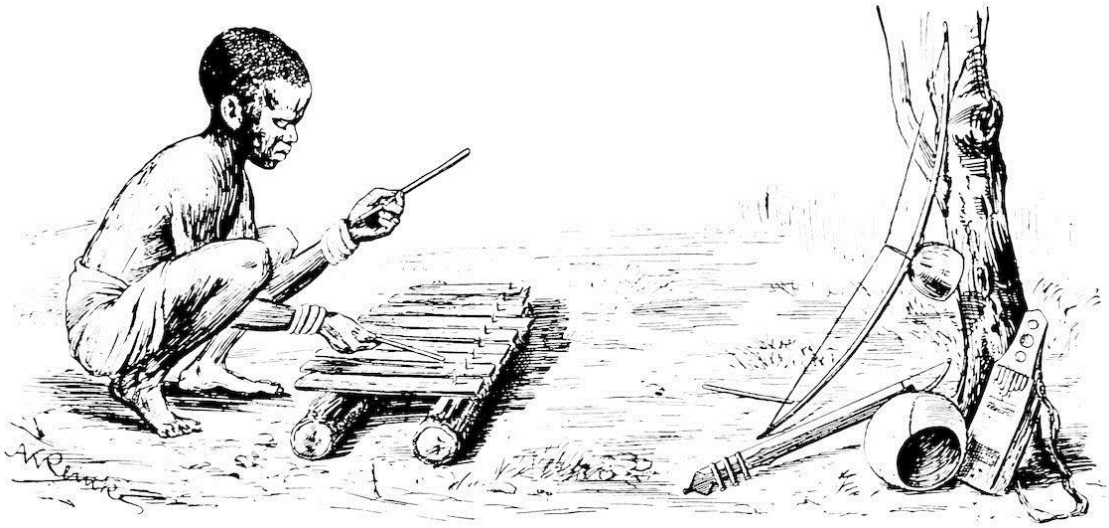
КРУТИТ ВОЛЧОК

Там, где встречаются подобные древности, — размышлял я в то время, - несомненно, предстоит сделать еще больше открытий. Это ожидание фактически оправдалось, хотя сначала мне пришлось пробиваться сквозь избыток игрушек другого вида. Однажды, в ходе уже упомянутой лекции, я случайно сделал жест, будто подбрасываю что-то над землей, и это сразу было правильно понято, потому что с тех пор молодые люди просто заваливали меня ботинками. Здесь используется не менее четырех видов. Один точно соответствует нашему европейскому колышку,[55] и, как и он, приводится в движение хлыстом, второй имеет круглый или квадратный кусок тыквы, закрепленный на коротком, прочном деревянном колышке в качестве оси вращения;[56] третий диск похож на последний, но имеет второй диск под первым (размером примерно с монету в пять шиллингов), чтобы расположить центр тяжести выше. Наконец, у нас есть очень сложный механизм, действие которого напоминает действие нашего волчка. Второй и третий не требуют взбивания, они вращаются большим и средним пальцами. Четвертому, с другой стороны, нужна “рама” для его вращения. Она представлена продольным отверстием в кукурузном початке, через которое быстро затягивается бечевка, обмотанная вокруг верхушки. Как и многое другое, искусство вращать

волчки дается нелегко местным мальчикам, поскольку мягкая песчаная почва плохо подходит для этой игры; тем не менее малыши проявляют в ней большое мастерство.



ТАНЕЦ ИКОМЫ У ДЕВОЧЕК "УНЯГО, АЧИКОМУ"



КСИЛОФОН (МГОРОМОНДО)

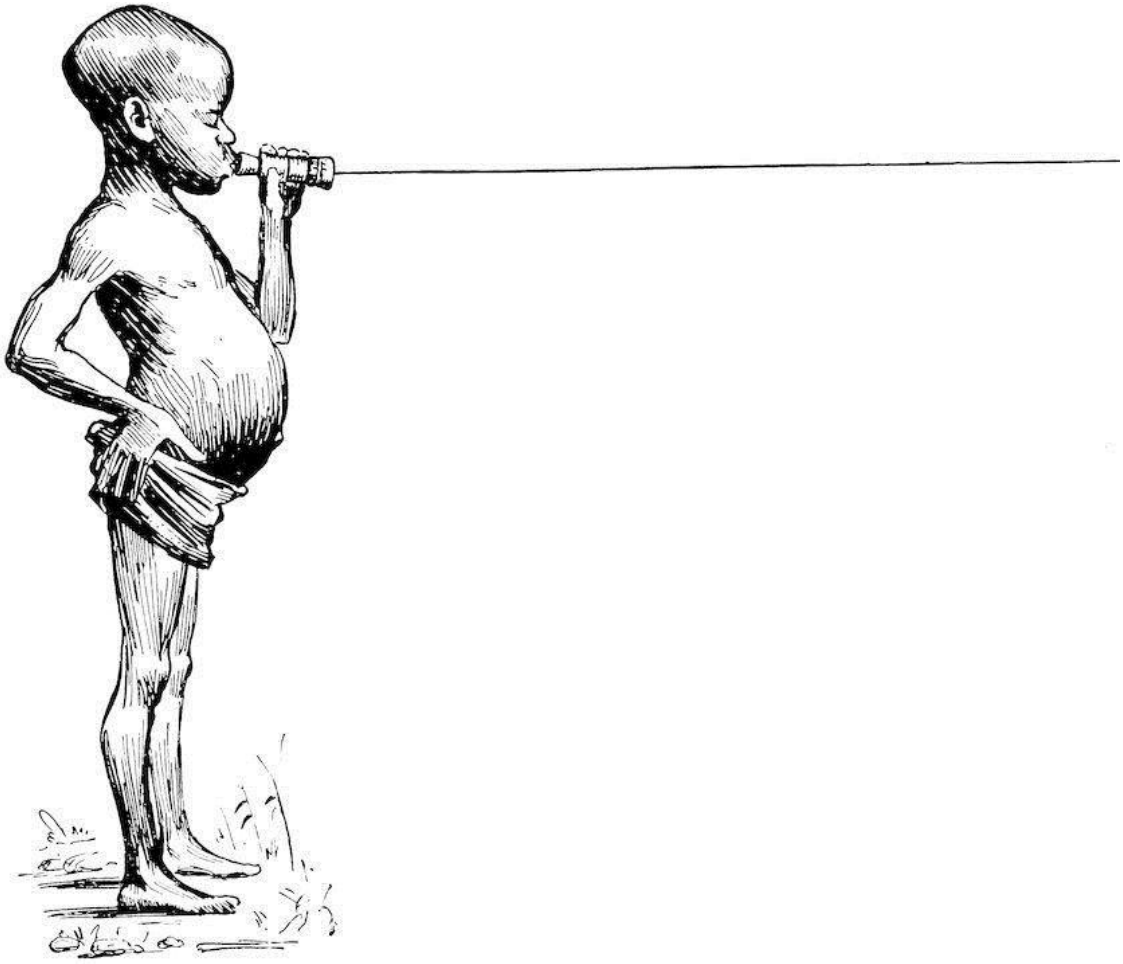
За одним исключением, у детей нет своих музыкальных инструментов. Играют ли они на *сесе*, однострунной скрипке, или плохо обращаются с *улимбой*, инструментом, на котором бренчат все африканцы, - шкатулкой с деревянными или железными клавишами, прикрепленными к ее поверхности, по которым ударяют кончиками пальцев, — или ударяют по *мгоромондо*, допотопному ксилофону, в котором клавиши лежат на слое соломы, или играют на *лугомбо*, музыкальном смычке с резонатором из тыквы, который так широко распространен в Восточной и Южной Африке. в любом случае инструменты представляют собой всего лишь неуклюжую имитацию тех, которыми пользуются взрослые люди. Единственный, который используется только молодежью, — это *natura* - фрикционный барабан, сделанный из бутылочной тыквы или плода баобаба, разрезанный поперек и

обтянутый, как барабан, кожей какого-нибудь мелкого животного. Травинка проходит через середину диафрагмы, а оттуда вниз, через дно раковины. При трении смоченным большим и указательным пальцами по стеблю, как это постоянно делают маленькие негодяи, издается такой мучительный шум, что даже мои носильщики, которые не совсем страдают нервными расстройствами, обращаются в бегство, когда слышат его. Но молодые люди не только способны сохранять древние пережитки культуры на протяжении тысячелетий, но и обладают преимуществом большей восприимчивости к новшествам. В моей коллекции есть два очаровательных экземпляра африканского телефонного аппарата, состоящих из двух миниатюрных барабанов, красиво вырезанных и покрытых нежной кожей какого-то маленького животного, с отверстиями посередине для пропускания тонкой струны, которая удерживается от проскальзывания узлом на внутренней стороне обшивки. Сначала я никогда не думал воспринимать это всерьез, но однажды, когда у меня выдалась свободная четверть часа, я вложил один из барабанов в руку Кнудсена и велел ему отходить, пока струна длиной около ста ярдов не будет туго натянута. Я поднес мембрану к уху и совершенно отчетливо услышал: “Добрый день, профессор. Вы меня слышите?” Итак, эта штука действительно действует, и все, что нам остается сделать, - это развивать ее и смело связывать себя с побережьем и этим центром цивилизации, Линди![57] В данном случае не может быть и речи о самостоятельном изобретении; телефон, несомненно, позаимствован — но сам факт заимствования и то, как им пользуются дети, небезынтересны.

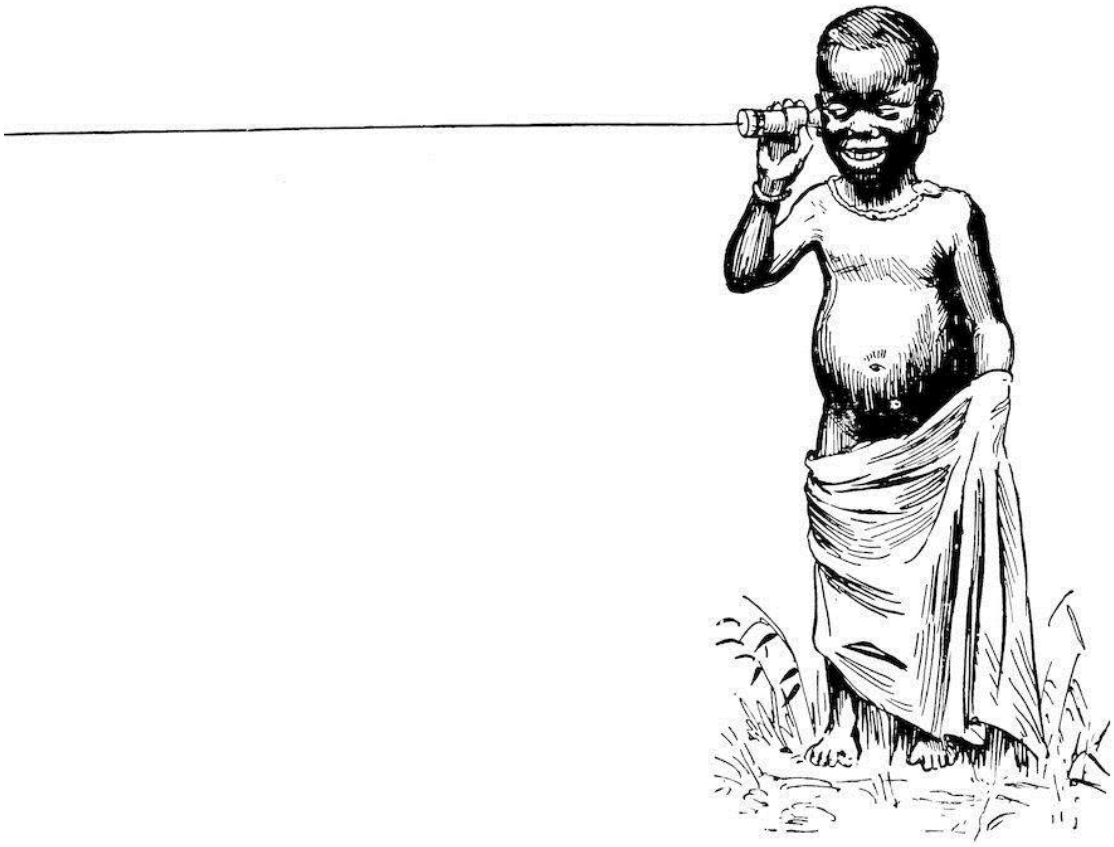
ИГРАЮ В *НАТУРУ*

NATURA (ФРИКЦИОННЫЙ БАРАБАН)

Такая важная эпоха в жизни туземцев, какую представляет *уняго*, со всеми ее радостями и горестями, играми и танцами, не может не сказаться на привычках молодежи еще до того, как она наступит. Таким образом, у меня есть несколько *флейт ипиви*, полученных от малышей, слишком юных, чтобы быть допущенными к мистериям. Любой, кто хочет преуспеть в каком-либо искусстве, должен начинать свое обучение как можно раньше, и флейтисты *ндагалы* годами тренируются на своем инструменте. Более того, мальчики, которые, очевидно, еще не проходили через *уняго*, не раз приносили мне образцы *какале*, длинных палочек, раскрашенных в чередующиеся кольца черным и белым, с маленьким трофеем наверху, состоящим из скорлупы какого-то фрукта с воткнутым в нее перышком . Следовательно, эти два признака зрелости проявляются и в качестве игрушек. В этом нет ничего удивительного, поскольку речь идет о мальчиках, поскольку у туземцев нет от них секретов. На церемониях, свидетелем которых я был в Ачикому, а также в Ниучи и Мангупе, всегда бегал целый отряд маленьких человечков, покрытых грязью и пеплом. Как ни странно, на этих мероприятиях никогда не было видно девочек-подростков; все, что связано с мистериями, похоже, тщательно держится от них в секрете. Только во время моего длительного пребывания в Невале, с ее возможностями свободного общения между мной и различными племенами, а также между туземцами разного возраста, я смог увидеть и сфотографировать любое из этих юных созданий. Кажется, они гораздо больше воспитывались в стенах хижины и ее окружения, чем мы привыкли предполагать; и даже за сотни визитов, которые я нанес в дома туземцев, мне редко удавалось увидеть юных дочерей дома лицом к лицу. Как правило, я замечал только маленькую стройную фигурку, быстро удаляющуюся через заднюю дверь хижины.



UNASIKIA?: “ТЫ СЛЫШИШЬ?”



НДИО: “ДА”

При таких обстоятельствах, конечно, я не могу сказать, как на самом деле растет маленькая туземная девочка и наслаждается ли она чем-то, хотя бы отдаленно напоминающим счастливое детство наших любимых, — но ничто не заставляет нас предполагать, что это так; хотя нет никаких сомнений в том, что туземец разделяет универсальный инстинкт, который внушает всем родителям любовь к своим отпрыскам; он кормит своих детей и защищает их, когда они нуждаются в защите; он радуется, когда они процветают, и скорбит об их болезнях и смерти. Я до сих пор вижу Матолу таким, каким он пришел ко мне однажды — его обычное выражение легкой меланхолии сменилось выражением глубокой печали и тревоги, — неся на руках маленькую девочку лет пяти-шести. Она была даже не его собственным ребенком, а родственницей, ради которой он умолял меня о помощи. К моему искреннему сожалению, я ничего не мог поделать — бедняжка страдала от злокачественной гангрены, которая разъела всю переднюю часть одного бедра, так что сухожилия обнажились, а кости начали сгибаться. Я очень серьезно поговорил с Матолой, спросив, был ли он таким же *мшензи*, как его народ, который погибал из-за собственной глупости и апатии. Он, староста, к тому же умный человек, очень хорошо знал, поэтому я сказал ему, что в Линди есть немецкие врачи, которые могли бы вылечить даже такие случаи, как этот, если бы к ним приводили пациентов. Поэтому ему следовало немедленно отослать девочку вниз, если только он не хотел, чтобы она умерла, как это сделали все ее старшие братья и сестры.

РОДНОЙ ТЕЛЕФОН

Некоторое время Матола пристально смотрел на меня, явно колеблясь между надеждой и сомнением; но в конце концов он последовал моему совету; и с тех пор я слышал, что ребенок находится на пути к выздоровлению. Но удивительно и озадачивающе, что такой просвещенный человек, как вождь Чингулунгулу, позволил болезни продолжаться так долго, прежде чем предпринять какие-либо серьезные шаги для получения помощи. Чего же тогда можно было ожидать от человека из буша, который обратился ко мне сразу после моего приезда с просьбой дать лекарство для его больного ребенка?

“Что случилось с вашим ребенком?”

- Рана у нее на ноге.

“Но, мой дорогой, - сказал я, - я не могу дать вам лекарство, которое вы могли бы взять домой, — вы бы не знали, как его нанести. Ты должен привести сюда своего ребенка. Где ты живешь?”

“*Мбали*— далеко отсюда —Бвана”, - отвечает он, удлиняя гласную, чтобы обозначить невыразимое расстояние.

- Как далеко? - спросил я.

—Ну…около двух часов.

“ О! ты заходишь так далеко, да? ты *мшензи!* если бы вы собирались выпить пива, двадцать часов были бы *карибу сан*. Ступай сейчас и возвращайся завтра в восемь утра”. Но ни в восемь, ни в более поздний час не было никаких признаков благородного отца из буша Маконде. Только на пятнадцатый день после предварительной консультации он появился, приведя с собой маленькую девочку лет пяти или шести. Сначала я не вспомнил его, но сразу вспомнил его предыдущий визит, когда ребенок, преодолев свою природную застенчивость, протянул мне ножку. Ничего не было видно, кроме ужасной массы грязи и песка, сцементированных кровью. Я сразу же приступил к процессу очищения с помощью Стамбури, моего верного санитара в больнице; и когда, наконец, нога была обнажена, мы обнаружили, что весь мяч был изъеден до кости — то ли из-за тряски, то ли в результате совокупного воздействия различных других обстоятельств, моих медицинских знаний недостаточно, чтобы решить. Когда я наконец взглянул на отца, то увидел, что он, как загипнотизированный, уставился на ножку антилопы, предназначенную для завтрашнего обеда, которую Кнудсен повесил прямо над моим столом. Вернув его к действительности, я попросил Морица дать ему самую мягкую часть шкуры недавно убитой дикой свиньи и велел ему изготовить башмак или, по крайней мере, сандалию, которые наверняка известны в этой стране, поскольку он должен был сам убедиться, что ребенок не сможет ходить по грязному песку со своей только что забинтованной ногой. У него был с собой нож — пусть приступает к работе без промедления! Мы, два практикующих врача, снова посвятили себя обработке раны, которая на самом деле была ужасной; и вскоре повязка была наложена настолько правильно, насколько мы умели. Второй взгляд на отца показал, что он все еще смотрит на сырой косяк так пристально, как будто действительно вгрызся в него. В конце концов, в таких случаях хорошо иметь *кибоко* под рукой. Еще через четверть часа хорошо забинтованная нога была защищена очень удобной туфлей из свиной кожи. Но это было последнее, что я когда-либо видел или слышал об этом джентльмене, и он даже не поблагодарил меня ни за обращение, ни за взбучку.

ДЕТИ МАКОНДЕ

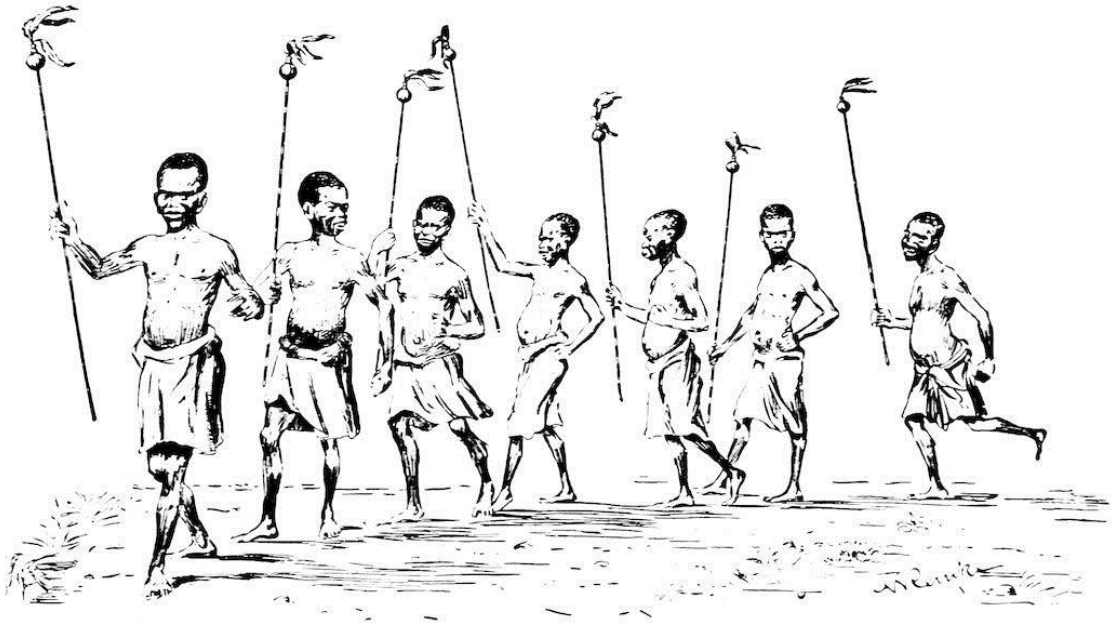
Мальчики и девочки, как правило, достигают возраста восьми-девяти, возможно, десяти лет, прежде чем какое-либо важное событие нарушает равномерное течение их жизни. Затем собрание мужчин, которое по окончании сбора урожая собирается ежедневно в *баразе*, решает, где в текущем году будет отмечаться *уняго*. Поскольку все соседние районы теперь в свою очередь взяли на себя расходы по проведению церемонии, для нас большая честь, что на этот раз наша деревня пригласила их. Постановление вскоре вступает в силу; луна уже на убыли, и празднование должно состояться до новолуния. *Уняго* проявляет совершенно одинаковые черты у всех племен этого региона. Мужчины возводят круг — больший или меньший, в зависимости от требований обстоятельств, — из простых травяных хижин на открытом пространстве недалеко от деревни. В этом помещении проводятся церемонии открытия и закрытия; хижины предназначены для проживания и сна кандидатов. Такой ареной, со всеми ее принадлежностями в отличной сохранности, был круг диаметром более пятидесяти ярдов, который мне удалось сфотографировать во время посещения *эчипуту* в Акучикому. Обугленные остатки подобной *лисакасы*, как называют систему хижин в Яо, можно было увидеть недалеко от дороги по эту сторону от Акундонде — реликвии бывшего фестиваля.

МАСИВНЫЙ ТАНЕЦ МАКУА В БОМА В НЬЮАЛЕ

В природе всего учебного заведения заложено, что и мальчики, и девочки должны быть пассивными на протяжении всего обучения. Они сидят молчаливые, бездеятельные и неподвижные в своих хижинах, в то время как в первую ночь фестиваля взрослые пируют, пьют и наслаждаются дикими *танцами масеве*. На следующий день главный режиссер отводит мальчиков, каждого под присмотром своего инструктора, в кусты. Там они спят одну ночь без какого-либо укрытия. На короткое время, на следующий день, они могут делать все, что им заблагорассудится, но в оставшееся время они должны приступить к работе со своими *анамунгви* (учителями) и построить *ндагалу*. Как только это воздушное сооружение закончено, мальчиков одного за другим укладывают на очень примитивную подстилку из просяной соломы, и *джуа мичила* выполняет операцию. Неделями маленькие пациенты лежат там в ряд, неспособные что-либо сделать, чтобы ускорить медленный процесс заживления. Только после того, как это будет завершено и начнется последующее моральное и иное обучение, *вари*, как теперь называют мальчиков, получат право принимать участие в общественной жизни. В приподнятом настроении, порожденном гордостью за свое новое положение, они предаются многим безумным выходкам. Горе несчастной женщине или девушке, которые, не зная о положении *ндагалы*, забредают в этот район буша. Словно стая озорных бесенят, мальчики набрасываются на нее, дразнят, возможно, даже связывают и жестоко обращаются с ней. Согласно племенному обычаю, они вполне в пределах своих прав, поскольку считается, что их обиталище в буше совершенно неизвестно женщинам. Когда он выходит в *пори*, мальчик мертв для своей матери, — когда он вернется, он будет другим человеком с новым именем, и ничто не будет связывать его с прежними отношениями.

Я уже пытался описать курс, пройденный инструкцией, данной в *ндагале*. Старый Акундонде и его советник, в искренности, вызванной их возлияниями, были, безусловно, заслуживающими доверия информаторами в этом отношении. Непоправимое несчастье, что запасы спиртного подошли к концу, когда это произошло (за такое удивительно короткое время), что лишило меня возможности закончить обращение к *вари*, но уже приведенного фрагмента вполне достаточно, чтобы указать на характер учения.

The *лупанда* достигает своей кульминации только на церемонии закрытия. Приготовления с обеих сторон обширны: в буше *вари* восстанавливаются их наставниками с помощью бритья голов, ванн, умащивания маслом и поставки новой одежды до состояния, достойного человека. Тем временем в деревне матери задолго до назначенного времени варили большое количество пива и готовили еще большие горы еды для праздника. Когда, наконец, наступает великий день, мальчики возвращаются процессией в своих новых чистых одеждах, с лицами, шеями и свежевыстриженными головами, блестящими от масла, и неся в правых руках *какале*, палки с погремушками, которые уже были описаны. Мужчины и женщины выстраиваются вдоль дороги в радостном ожидании. Все громче и пронзительнее “лу-лу-лу” женщин разносится по арене, а вон там барабаны бьют в своем вдохновляющем ритме, в то время как хриплые глотки мужчин извлекают первые ноты песни *нг'ома*. Короче говоря, все происходит самым удовлетворительным и подлинно африканским образом.



КАКАЛЕ ПРОЦЕССИЯ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ *УНЯГО*

Африканцы, как и мы, такие же люди, и можно только ожидать, что все их дела и обычаи подвержены такому же количеству изменений и несоответствий, как и наши собственные. Я посвятил непропорционально большую часть времени (более месяца), проведенного в Ньюале, тому, чтобы зафиксировать типичный ход всех этих церемоний. Это был тяжелейший труд, ибо если бы в моем желании получить безупречно точные результаты я договорился о том, чтобы мои информаторы о каждом племени приходили отдельно, я мог бы быть уверен, что два или три старика, которые появились, сказали бы мало или вообще ничего. Природный интеллект, по-видимому, не активизируется до тех пор, пока не будет пробужден и стимулирован резкими репликами и возражениями в многочисленном кругу людей. Таким образом, я был вынужден снова и снова возвращаться к моему первоначальному методу сбора всего сената “знающих”, примерно пятнадцати пожилых яо, Макуа и Маконде в разнородную толпу у моих ног. Это было настолько успешно, что каждый раз вызывало оживленную дискуссию, но становится очень трудно различать элементы, принадлежащие к разным племенам. И все же я осмеливаюсь думать, что благодаря большой удаче и некоторым навыкам мне удалось настолько далеко зайти, что получить общее представление об этих вопросах. Я чувствую себя вполне спокойно, оставляя моим преемникам задачу восполнения пробелов и исправления неточностей, которые, без сомнения, существуют.

Далее, следует помнить, что мои заметки о церемониях посвящения этих трех племен, если бы они были приведены полностью, заняли бы слишком много места, чтобы позволить воспроизвести их здесь. Следует иметь в виду еще два момента. То, что я видел собственными глазами в *уняго*, я передал здесь полностью, с тем местным колоритом, который только реальный опыт позволяет писателю передать. Но эти сцены в Ачикому, Ниучи и Мангупе - лишь крошечная часть очень обширного *fasti* представленного *unyago* девушек в реальности; что касается остального, я могу только повторить то, что слышал от моих информаторов. Цитаты, однако, всегда производят впечатление сухости и скуки, чего я бы стремился избежать любой ценой. Поэтому я думаю, что лучше направить тех, кого интересуют подробности подобных вещей, к более масштабной работе, в рамках которой моей обязанностью, согласно договоренности, будет сообщать Министерству по делам колоний о моих действиях в Африке и их научных результатах.

Последний пункт относится к другому отделу. Негр ни в малейшей степени не искушен в том, что касается отношений между полами. Все, относящееся к этому, кажется ему чем-то вполне естественным, о чем его народ привык совершенно свободно говорить между собой, — лишь в крайних случаях проявляя определенную сдержанность перед представителями чуждой белой расы. Сейчас роль секса в жизни африканца очень велика, несравненно больше, чем у нас. Было бы преувеличением сказать, что все его мысли и желания вращаются вокруг этого пункта, но очень большая их часть, несомненно, связана с ним. Это проявляется самым ясным образом не только в *само*уняго, но и в представлении, свидетелем которого я впоследствии стал. При нынешнем состоянии общественного мнения, сложившемся в результате популярной системы образования, такие деликатные вопросы могут рассматриваться только в самых строго научных публикациях, и их воспроизведение в книгах любого другого характера запрещено. Это необходимо — я должен еще раз подчеркнуть этот факт, — не из-за самого предмета, а из уважения к ошибочным чувствам общественности. Это может быть прискорбно, но это правда.

Из всех племен Юга Германской Восточной Африки яо кажутся не только самыми прогрессивными, но и самыми прозаичными и лишенными воображения, и на самом деле их церемонии посвящения очень просты по сравнению с церемониями маконде и макуа. Последние имеют в определенной степени драматический характер. Макуа выбирают ветку определенной формы, несколько раз раздвоенную, и сажают ее посреди открытого пространства, где проводится фестиваль. Мужчины достают его из куста, которые, напевая определенную песню, несут его процессией на арену, где стоит распорядитель мистерий в позе приносящего жертву жреца. Теперь он убивает птицу, кровь которой собирается в чашу, в то время как во втором сосуде растирается в порошок немного древесного угля, а в третьем — немного красной глины, после чего ветка обвивается тройной лентой из трех веществ — красного, черного и раскаленного. Тем временем какие-то мужчины копали яму, в которую положили амулет, сделанный из связанных вместе кусочков коры. Затем яму засыпают землей и насыпают на нее холмик, на который сажают раздвоенную ветвь, называемую *лупандой*. Затем насыпается второй курган, который, так же как и первый, все еще был отчетливо различим в кольце хижин у Акундонде. Этот второй холм является сиденьем для *мальчика* уняго, который считается самым высокопоставленным, остальные группируются вокруг него на пнях, которые, если у руководителя мероприятия есть хоть малейшее чувство прекрасного, расположены двумя правильными концентрическими кругами, подобными тем, которые я видел в кустах близ Чингулунгулу. “Тропический кромлех!” - такова была идея, пришедшая мне в голову в то время, и даже сейчас я не могу избавиться от впечатления, что

это расположение древесных пней напоминает наши доисторические каменные круги не только по форме, но, возможно, и по объекту, для которого оно предназначено. Если наши мегалиты эпохи неолита действительно использовались собраниями в ритуальных целях, то, по-видимому, нет причин, по которым эти почтенные камни не могли бы служить сиденьями для наших предков. Негр, без сомнения, тоже обошелся бы без деревянных сидений, если бы в его стране можно было приобрести каменные.

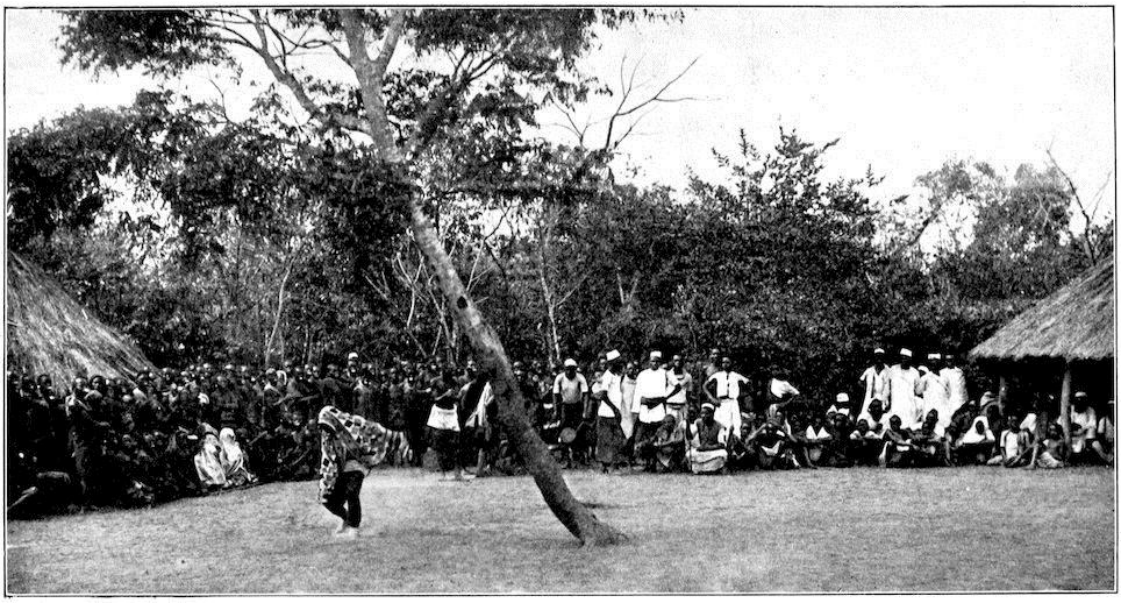
Если бы я вообще был склонен к фантазиям, я мог бы легко доказать, что маконде - огнепоклонники. Как Только мужчины построят *ликумби*, *то есть* хижину, подобную той, которую мы видели на Мангупе, все разбегутся по кустам в поисках лекарства. Вечером того же дня они отдают собранные корни пожилой женщине, которая толчет их в ступке. Полученной пастой верховный жрец или врач смазывает пятна на руках примерно пяти или шести человек. Когда это сделано, все сидят бездеятельные до полуночи, когда *мунчира* (доктор) начинает бить в свой барабан. Когда глубокий звук этого инструмента разносится громом в темной тропической ночи, все люди, взрослые и дети, выбегают из хижин, и танцы и стрельба продолжаются до следующего дня, когда они раздают подарки друг другу и инструктору мальчиков. После этого *манчира* произносит адрес. Шесть упомянутых выше мужчин, по его словам, священны; если им взбредет в голову воровать, или совершать насильственные нападения, или вмешиваться в жизнь жен своих соседей, никто не должен им ничего делать, их личности неприкосновенны. Шестеро, со своей стороны, теперь проинформированы им, что их долг - бить в барабан в полночь в течение следующих трех месяцев.

По истечении трех месяцев деревня погружается в суматоху. Мужчины отправляются в кустарник собирать валежник, а вечером в полной тишине выносят его на открытое место возле хижины *ликумби*. Женщины, тем временем, готовят огромное количество пива, которое также поступает в *ликумби*. В этой хижине стоит маленькая круглая крытая корзинка (*чихеро*), содержащая лекарства, в которую (и на лекарства) каждый из лесорубов выплевывает немного специально приготовленного пива. Рядом с *чихеро* стоит старуха, которая толчет лекарства в ступке, затем надевает корзинку на голову, берет в одну руку конец цельного куска ситца, специально купленного для церемонии, и выходит из хижины медленным и торжественным шагом, волоча ткань за собой. Первый из дровосеков быстро хватает его, чтобы не дать ему коснуться земли; когда он раскатывается из тюка, его берет второй, затем третий, четвертый, пока, наконец, он не проходит немного над землей, подобно шлейфу, который несут страницы. *Мунчира* идет впереди рядом с женщиной, и они обходят *ликумби*, после чего *мунчира* берет конец ситца и оборачивает им *чихеро*. Затем он прикладывает его к своему правому уху; после короткой паузы он кладет его на плечо, снова удерживая там в течение нескольких мгновений; затем он опускается на бедро, колено и, наконец, на внешнюю сторону лодыжки. По окончании церемонии почтенный мужчина забирает и ткань, и *чихеро* в качестве своего заслуженного гонорара.

Снова наступила ночь — очертания огромной кучи дров едва различимы в слабом свете. Примерно через час после полуночи высокая, изможденная фигура поднимается из круга распростертых фигур, завернутых в свои спальные циновки. Он бесшумно скользит к куче, вспыхивает маленькое пламя, чтобы снова исчезнуть; но вскоре раздается новое потрескивание; пламя на сквозняке, создаваемом ритмичными пульсациями вентилятора, растет и крепнет. Теперь мы узнаем фигуру — это *мунчира*. Через несколько минут вся большая куча превращается в пламя, его мерцающие, дрожащие огоньки танцуют на сияющих лицах мужчин, стоящих по кругу. Костер теперь ярко разгорелся, *мунчира* быстро обходит его и, повернувшись лицом к куче, произносит следующие слова: “Пусть раны

мальчиков заживут быстро и безболезненно, и пусть вождь, который хранит *ликумби* в этом году, убедится, что мальчики делают ему честь в загробной жизни”. В то же время он привязывает белую тряпку к шесту и мощными взмахами раздувает огонь. Мужчины остаются стоять вокруг него, наблюдая, как он затихает, до самого рассвета.

Огонь как центральный момент церемонии, которая так глубоко проникает в социальную жизнь, как празднование половой зрелости у этих племен, является, насколько мне известно, совершенно изолированным явлением среди народов Африки. Имеем ли мы здесь дело с подлинным поклонением огню, или хождение вокруг огня и обращение к нему - лишь последние бессознательные пережитки культа, распространенного в древние времена? Я не знаю и, честно говоря, даже не могу сказать, где можно искать ответ на этот вопрос. Мы не должны *априори* предполагать невозможность того, что маконды когда-то были огнепоклонниками; мы пока слишком мало знаем об их социальной эволюции. Обильные результаты моих исследований на данный момент являются лучшим доказательством того, что неожиданные открытия еще впереди.



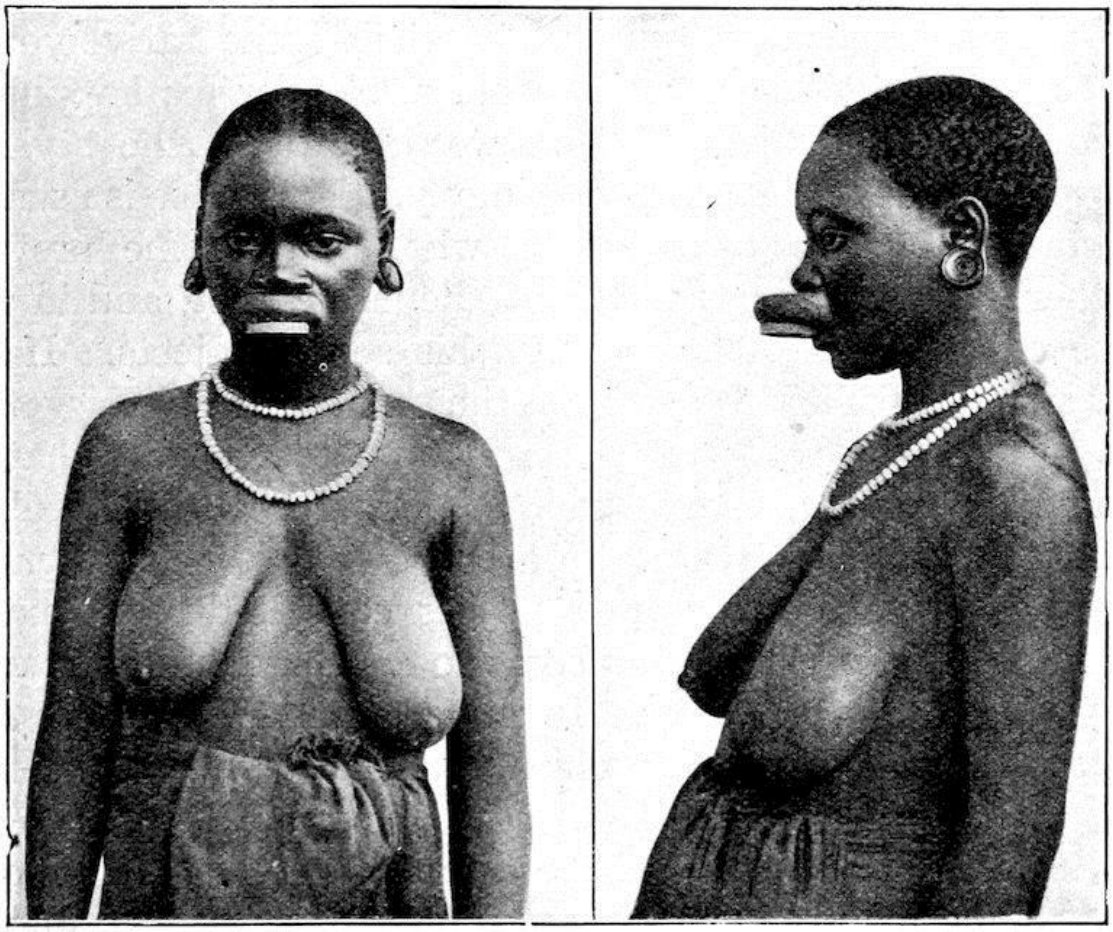
ТАНЕЦ В МАСКАХ У ДЕВОЧЕК УНЯГО, НИУЧИ

У мужского пола переход от детства к состоянию полной зрелости представляет собой единый, определенный процесс, хотя и растягивающийся на длительный период. Память о радостях и страданиях, пережитых совместно, отныне сохраняется среди мужчин посредством свободного, добровольного объединения, известного как "возрастной класс”. Все те, кто прошел через *уняго* в один и тот же год, будут поддерживать друг друга до тех пор, пока смерть не разорвет связь. Однако об этой связи следует думать с точки зрения африканских условий; здесь нет общества, клуба или чего-то подобного, и единственное обязательство, которое берут на себя старые друзья, заключается в том, что каждый из них обязан оказать гостеприимство любому другому, кто может приехать в его деревню. Тайные общества больше не оказывают сознательного влияния на характер возрастных классов здесь, на Востоке, хотя в Западной Африке дело обстоит наоборот, где две вещи идут рука об руку, действуя и реагируя друг на друга как причина и следствие, и то и другое находит свое общее внешнее выражение в больших празднествах с танцами в масках и другими

таинственными аксессуарами, рассчитанными на то, чтобы наводить ужас на женщин и непосвященных мужчин. Здесь, на плато Маконде, три явления — возрастные категории, фестивали и танцы в масках - в наши дни не очень тесно связаны друг с другом; однако все приводит к выводу, что танцы в масках, используемые сейчас среди маконде, изначально были результатом давно забытой системы тайных обществ, подобной совершенно аналогичным учреждениям Камеруна, Верхней Гвинеи и Лоанго. В этом отделе африканской этнографии еще предстоит решить множество сложных проблем.

"*Уняго* для девочек" - это поэтапная серия курсов обучения. Я намеренно подчеркнул слово "инструкция", поскольку здесь нет ничего похожего на хирургическую операцию, за единственным исключением в случае с Макуа. Во всех племенах каждая девушка отдается на весь период *уняго* на попечение специального учителя, который остается ее другом на всю жизнь. Под руководством этих пожилых женщин новички в первую очередь проходят учебную программу, очень похожую на программу для мальчиков. Дети безоговорочно просвещены во всех вопросах сексуальных отношений и должны учиться всему, что связано с супружеской жизнью. Их также обучают всем правилам, которые регулируют общение между членами одного племени и, прежде всего, одной семьи.

Проводятся церемонии открытия и закрытия этого первого курса посвящения девочек. Я смог лично наблюдать за весельем, которое устраивается по таким поводам, во всех трех местах, где у меня была возможность прославить *чипуту* (или *эчипуту*) своим присутствием. Проявленная феноменальная жажда вполне объясняется количеством пройденных танцев.



ЖЕНЩИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ МАКОНДЕ

После мистерий и мальчики, и девочки со временем достигают брачного возраста, но мне не удалось установить, даже приблизительно, в каком возрасте это происходит. Люди всегда безмерно удивляются, когда их спрашивают об их возрасте, а их родственникам этот вопрос глубоко безразличен. Как правило, замужество происходит очень рано, что подтверждается очень молодыми матерями, которых можно увидеть в любом большом скоплении людей и которые в большинстве своем развиты не дальше немецких девушек при конфирмации. Матола рассказывает мне, что раньше была очень распространена форма брака, известная как *масанге*, при которой объединялись маленькие дети в возрасте от пяти до семи лет, для них строились хижины. Говорят, что этот обычай до сих пор время от времени практикуется.[58] Тот же информант утверждает, что очень часто одна женщина, только что родившая ребенка, говорит соседке, ожидая подобного события: “У меня есть сын — если у тебя есть дочь, пусть он женится на ней”; и это, в свое время, делается.

Уроженец Африки - крестьянин не только по своему призванию, но и по тому, как он приступает к ухаживанию. Ни в какой другой области его ментальное родство с нашими сельскими жителями не проявляется так поразительно. Если выразить это вкратце: влюбленный местный юноша слишком застенчив, чтобы отважиться на смелый шаг ради своего счастья лично; ему нужен посредник, вполне в стиле наших сельских кандидатов на вступление в брак. Эту должность обычно исполняет его собственный отец, который под тем или иным предлогом навещает родителей избранника невесты и в ходе беседы затрагивает проекты своего сына. Если другая сторона согласна принять предложение, переговоры вскоре подводятся к удовлетворительному завершению — то есть, если горничная тоже согласна. Девушки на самом деле не так пассивны в этом вопросе, как мы склонны предполагать, но наверняка ожидают, что с их желаниями посоветуются; и многие тщательно спланированные браки ни к чему не привели только потому, что девушка любила другого мужчину. В этом отношении нет ни малейшей разницы между белым и черным. Конечно, не каждая местная девушка - героиня постоянства и непоколебимости; то тут, то там она позволяет уговорить себя принять вместо молодого человека, которого она втайне любит, пожилого ухажера, который к ней равнодушен, но в этом случае она рискует навлечь на себя — как случается в других местах — насмешки своих товарищей. Более того, старый жених может быть совершенно уверен, что он не будет наслаждаться монополией на общество своей молодой жены.

Брак - это деловой вопрос, думает африканец, что вполне соответствует его общему характеру, и контракт считается заключенным только тогда, когда оба отца пришли к соглашению относительно суммы подарка, который должен быть выплачен женихом. Люди здесь, на юге, бедны — у них нет ни больших стад крупного рогатого скота, ни изобилия овец и коз; вся покупка — если правильно называть сделку этим именем, а это не так, — осуществляется путем передачи умеренного количества ситца.

Гораздо более интересными с этнографической точки зрения, чем только что описанные ухаживания яо, являются обычаи макуа и маконде. В их случае тоже переговоры начинают отцы; но на самом деле это всего лишь перестрелка аванпостов — затем основные действия ведут матери, каждую из которых поддерживает ее старший брат или, возможно, все ее братья. Тот факт, что *матриархат* здесь все еще процветает, объясняет ту роль, которую они принимают в этом вопросе.

Нильс Кнудсен, кстати, может рассказать красивую историю, героем которой он сам является, иллюстрирующую постоянство местных девушек. За годы своей одинокой жизни в Луизенфельде он настолько полностью приспособился к местным обычаям, что взял жену из племени вайяо. Даже сейчас, по прошествии многих лет, он не уставал восхвалять

достоинства этой *владелицы*чипини*ugali*и обладала всеми другими хорошими качествами, которые необходимы хорошей хозяйке в буше. Однажды он отправился на охоту в Ровуму; он отсутствовал всего несколько дней, но по возвращении она исчезла. На столе лежал завязанный узлом кусок коры. Он сосчитал узлы и обнаружил, что их семьдесят; значение знака, согласно объяснению, данному мудрецами племени, было таково: “Мои родственники забрали меня; им не нравится, что я живу с белым человеком, и они хотят, чтобы я вышла замуж за чернокожего, который живет далеко, на другом берегу Ровумы. Но даже если я проживу столько лет, сколько узелков на этой веревке, я не заберу его, а останусь верен тебе, белый человек”. Такова была история Кнудсена, и он добавил с чувством, не лишенным гордости человека, который чувствует, что пользуется большим спросом, дальнейшее утверждение о том, что девушка действительно сдержала свою клятву. Она жила далеко, в самом сердце португальской территории, рядом с мужчиной, для которого была предназначена судьбой, но даже сильнейшее давление со стороны ее семьи не могло заставить ее уступить. В конце концов, в любви есть такое понятие, как верность.

Свадьба туземцев - очень скучное мероприятие - можно почти сказать, что такого понятия не существует. Помолвка и брак, если можно так выразиться, совпадают по времени. Когда жених получает одобрение законных властей, для союза пары не остается никаких дальнейших препятствий, кроме задержки, необходимой для возведения для них новой хижины. Когда это сделано и они поселились в нем, молодой муж начинает работать на свою тещу вышеупомянутым способом, который кажется таким странным для наших европейских представлений, хотя мы не можем отрицать, что в этом отношении наши манеры можно улучшить.

Теперь, однако, мы должны рассмотреть вопрос о том, кто на ком может жениться, или, другими словами, таблицу запретных степеней. Этот вопрос имеет свое значение даже в Европе — насколько больше среди людей, настолько ближе к первобытным условиям общества. Если для мудрецов австралийского племени одной из важнейших задач социальной науки является абсолютно точное определение того, на какой девушке из окружающих семей может жениться молодой человек А и кто подходит для молодого человека Б, то и матримониально настроенные жители долины Ровума также не вольны потакать своим наклонностям в любом направлении, которое они могут выбрать.

Время близится к вечеру. В баразе в Невале пятнадцать туземцев почтенного возраста сидят на корточках, как они делали уже несколько недель назад, на большом коврике. Время от времени кто-нибудь из этих пожилых людей встает и выходит из здания, чтобы размять затекшие ноги, но всегда возвращается через короткое время. В помещении жарко, над собранием висит зловонный пар, так что европеец в хаки, усердно пишущий за своим складным столом, снова и снова прижимает руки к ноющему лбу. Компания явно устала, но сегодня они были заняты очень утомительным предметом. Час за часом я — ибо я человек с головной болью — пытался, в первую очередь, разъяснить Нильсу Кнудсену принципы человеческих брачных обычаев, различных племенных разделений, тотемизма, права отца и матери - короче говоря, целый ряд вопросов социологии, но без очень удовлетворительного результата, о чем ясно свидетельствует каждый задаваемый мной вопрос. Теперь передо мной стоит задача выпытать у пятнадцати мудрых старейшин, с его помощью и помощью обычно проницательного Сефу, все, что они знают по этим предметам. Все мои мелкие неудачи сделали меня совершенно свирепым, к тому же утомили до изнеможения; и мне стоило заметных усилий задать вопрос ученому собранию.

- Ну что, старый Дамбвала, лентяй, у тебя ведь есть сын, не так ли?

- Да, сэр.

- А у тебя, Нантиака, есть дочь?

- Да, сэр.

“ Очень хорошо. Теперь, Дамбвала, может ли твой сын жениться на дочери Нантиаки?

“Нет”.

“ А почему бы и нет? Должно быть, я действительно очень устал, потому что даже удивление, прозвучавшее в этом решительном отрицании, не вызвало у меня никаких особых ожиданий. Я стал слушать внимательнее только тогда, когда среди предполагаемых тогда причин негатива мое ухо уловило слово *литава*. “*Нини литава?* Что такое *литава*?” Спрашиваю я, теперь уже совершенно свежо и оживленно. Что ж, похоже, *литава* есть *литава*. Затем следует долгий *шаури*, во время которого разум туземцев, которые, как и мы, находились в полусне, пробуждается к полной активности, и все три языка — маконде, яо и макуа — звучат одновременно с цоканьем языков, подобным тому, которое обычно приписывают женскому чаепитию. Наконец-то найдено определение. В переводе на технический язык *литава* означает матриархальный экзогамный род, включающий всех потомков от одной общей прародительницы. Наследство мужчины переходит не к его сыну, а к сыну его сестры, и молодой Маконде берет себе жену не из своей *литавы*, а в одной из многочисленных матав за пределами его собственной. У макуа точно такое же расположение, но вместо *литава* они используют слово *нихиму*.

Вечер этого дня — двадцать первого сентября — был наполнен ощущением, что он был одним из самых успешных за все время моего путешествия. Чтобы достойно отпраздновать это событие, мы с Кнудсеном вместо одной бутылки пива, которую обычно выпивали на двоих, выпили две.

Читатель, особенно после моего заявления во второй главе, задастся вопросом, как мы внезапно стали обладателями этого напитка. Это правда, что в жару на равнинах сама мысль об этом была невыносима, но здесь, наверху, ближе к облакам, особенно когда вечером дует холодный восточный ветер, бокал немецкого пива очень кстати. Несколько недель назад мне довелось отправить дюжину ящиков с образцами в Линди. Однажды рано утром двенадцать перевозчиков отбыли и должны были вернуться через две недели. Во всех предыдущих случаях подобного рода их отсутствие оставляло меня равнодушным; на этот раз, честно говоря, мы, двое белых людей, считали дни тех двух недель, и, когда воскресным утром далеко в кустах послышался безошибочный топот носильщиков Ваньямвези, приближающихся к концу своего путешествия, мы поспешили за большим ящиком, в котором было много давно забытых удобств - не только крепкий немецкий стаут из пивоварни "Дар—эс-Салам", но, прежде всего, молоко, которого нам так не хватало и которое в нашем нынешнем состоянии истощения было абсолютной необходимостью. .

Однако в тот памятный день, окончания которого я так ждал, у меня не было времени думать о подобных материальных удовольствиях.

— Значит, твой сын, друг Дамбвала, не может жениться на дочери Нантиаки, потому что оба принадлежат к одной *литаве* - как зовут твою *литаву*?

“Ванюши”.

- А где вы живете?

“В Ниучи и его окрестностях”.

- А ты, Кумидачи, - продолжал я, обращаясь к другому старику в новой расшитой феске, которая выдавала в нем вождя, - к какой *литаве* ты принадлежишь?

“Наньянга”, - последовал быстрый ответ. Мгновенно имя записывается, и мой взгляд вопросительно останавливается на следующем мудреце. Он, один из самых быстрых, уже знает, чего хотят, и не ждет, пока его спросят, а кричит: “Вамвидия”.

Но я не могу продолжать в том же духе — я должен выяснить не только названия, но и их значение. Изучая личные имена, я уже обнаружил, как любят туземцы обсуждать этимологию, и здесь тоже нужен лишь небольшой намек, чтобы понять значение названия клана, а также самого имени. Я перевел *ваньючи* как “народ Ниучи”, но это толкование не удовлетворило этих черных филологов — *ниучи* было “пчелой”, как они сказали, а *ваньючи* были людьми, которые искали мед в дуплах деревьев. Наньянга были флейтистами во время войны, *наньянга* - это название флейты Маконде. Они сказали, что название вамхидиа произошло от глагола *мухидиа*, “наносить удар”, от их воинственных предков, которые постоянно сражались и разрушали все на своем пути.

В тот день старикам, несмотря на их усталость, пришлось продержаться гораздо дольше обычного: я попробовал кровь и накачивал их до тех пор, пока около захода солнца их бедные мозги, непривычные к такому постоянному напряжению, не перестали работать. Они, однако, получили дополнительные чаевые в обмен на свою самоотверженную помощь в этом трудном вопросе. Даже Мориц, министр финансов, сегодня совершенно утратил свое обычное выражение прихлебателя и улыбался во все смуглое лицо, когда он пришел, после того как мы закончили работу, чтобы вручить моим помощникам их блестящие новенькие серебряные монеты. С тех пор я посвятил все свои усилия изучению клановой системы и не знаю, что больше всего поражает меня: социальная дифференциация племен, их деление на бесчисленные *матава* и *дихиму* (множественное число от *нихиму*) или тот факт, что, как я вынужден предположить, ни один из моих предшественников в этой области исследований не обратил своего внимания на это устройство. Однако, когда я начинаю думать об этом, у меня нет причин удивляться, потому что, во-первых, я месяцами путешествовал по стране, не подозревая о существовании клановой системы, а во-вторых, это была простая случайность, что в только что описанном обсуждении ответ принял именно ту форму, в которой он был. Люди в определенной степени зависят от непредвиденного — прежде всего от ученых-путешественников.

Излишне говорить, что сразу же после этого знаменательного открытия я вернулся к проблеме Yaos. После того, как мои люди из Макуа и Маконде в течение некоторого времени диктовали имя за именем с наиболее интересными пояснениями в мою записную книжку, Нильс Кнудсен внезапно сказал: “У яо тоже есть что-то в этом роде”. Десять минут спустя быстрые гонцы уже были в пути, чтобы забрать с равнины всех мужчин этого племени, которые имели хоть малейшие претензии на интеллект. Они все подошли - Зуза, и Дауди, и Масаньяра, и остальные. Даже сейчас экзамен был нелегкой задачей ни для меня, ни для испытуемых, но после того, как я честно приложил все усилия, я выжал из них достаточно, чтобы сказать: “Нильс Кнудсен прав, у Yao тоже есть что-то в этом роде”. Более того, в их случае я без особого труда установил, что существует второе разделение на большие группы, совершенно независимое от системы матриархальных, экзогамных кланов.

Из крупных групп племени яо, которые в настоящее время расселены по необычайно большому региону Восточной Африки, поскольку он простирается от озера Чилва на юге почти до ворот Линди на севере, нам известны следующие: амакале, близ истоков Ровумы,

Ачинаматака или Вамвембе у Матаки, между Ровумой и Лудженде; амасанинга, первоначально находившаяся на южной оконечности озера Ньяса; Ачинамаканджира, или Амачинга , в верховьях Лухенде; Мангоче по соседству с Блантайром. Указание мест жительства этих великих групп, приведенное здесь, в настоящее время имеет просто историческую ценность. В результате постепенных миграций, о которых уже упоминалось, старые границы этих групп теперь совершенно стерлись и больше не могут быть определенно нанесены на карту. Кланы (здесь называемые *нгосе*, множественное число от *лукосе*) также не могут иметь какого-либо определенного положения на карте; и это также верно для других племен. Некоторые кланы, действительно, могут иметь узнаваемый центр распределения, но в целом здесь царит та же путаница, что и в случае с более крупными подразделениями.

Не простое любопытство заставляло меня так настойчиво интересоваться значением названий кланов, но желание выяснить, передают ли они какие-либо признаки тотемизма. Возможно, не будет лишним сказать, что слово "тотем" происходит из Северной Америки и первоначально применялось к рисункам животных, которые вожди ирокезов прилагали к своим договорам с белым человеком в качестве подписи, причем изображенное животное было тем, от которого клан подписавшего вел свое происхождение. Тотемизм был впервые изучен среди этих североамериканских индейцев, но впоследствии было обнаружено, что он существует в Австралии, по-видимому, также в Меланезии и в очень выраженной форме среди более древнего населения Индии, а также в различных других частях света. В большинстве случаев кланы ведут свое происхождение от какого-либо животного, которое считается священным и неуязвимым, на которое нельзя охотиться или употреблять в пищу. В некоторых единичных случаях даже считается высшей удачей для человека быть съеденным своим тотемным животным. Маленькие и безвредные существа, а также растения также выбираются в качестве тотемов — в противном случае их едва ли можно было бы найти в достаточном количестве; как, например, в Южной Индии, где тотемов бесчисленное множество. Я не могу здесь привести всю длинную серию названий кланов, собранных мной для всех трех племен, но должен отсылать читателя за этой частью моих результатов к официальной публикации. Но было интересно обнаружить, что, хотя тотемизм больше сознательно не существует среди туземцев, многие мелкие черты свидетельствуют о его былом распространении. Подробно указать на эти черты будет задачей последующих исследователей, я приведу здесь лишь несколько примеров названий кланов.

ФОНОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ РОДНОЙ ПЕСНИ

Матола и его двоюродный брат, наш общий друг Дауди, принадлежат к *лукосе* племени ачемтинга, но в то же время к группе амачинга.[59] Приставка *Че*, как уже говорилось, является почетным титулом как для мужчин, так и для женщин: —Чемтинга, по словам Дауди, когда-то был великим вождем в регионе верхнего Лухенде. Семья масимбо жила в районе Зузы. Они получили свое название от ловушек (*лисимбо*, множественное число *масимбо*), в которых их предки ловили дичь. Амираджи, жившие недалеко от Мвити, получили свое название от характера страны, где они раньше жили, которая изобиловала бамбуком (*мласи*).[60] Другим кланом яо являются ачингала, которые получили свое название от *нгалы*, разновидности мидий, обитающих в Ровуме и ее притоках, раковины которых до сих пор используются в качестве ложек; говорят, что причиной такого названия является то, что их предки в основном питались этим моллюском.

К той же категории, что и эти последние, мы можем отнести клан Макуа из Вампхоле, чьи предки питались диким маниоком (*мхоле*), корнем, который все еще употребляют в пищу во время голода. Клан Маконде из племени Вамбунга получил свое название от традиции, согласно которой их предки ели *намбунгу*, или плоды бамбука. У вантанды раньше был обычай нарезать мясо убитой ими дичи на длинные полоски (*нантанда*). Вамунга[61] - рисоводы, предки аламанде питались маленькой саранчой с таким названием, а вутенде — люди, известные по всей стране благодаря качеству, в котором мы не склонны отдавать должное местным жителям - они всегда работают (*кутенда*).

Даже в прохладном климате Европы уму не совсем легко постичь брачные законы этих кланов. Здесь, в тропической Африке, с ее постоянной сменой жары и холода, я нахожу почти невозможным следить за изложениями старины Мпонды, моего главного лектора по гражданскому праву. Более того, для нашего привычного образа мышления является большим потрясением услышать, например, следующее: —После того, как мальчику-маконду сделали обрезание, он не возвращается в дом своих родителей, а остается в доме своего дяди по материнской линии. Там ему больше нечего делать, кроме как расти и ждать, пока его двоюродные сестры тоже не вырастут. Если у дяди нет дочерей, племянник сначала

ждет, пока одна из них родится, а после того, как это событие произошло, ему снова приходится ждать. Следует понимать, что молодой человек не должен все это время получать свое питание даром; ожидается, что он будет довольно усердно работать, как Иаков, отсидевший семь лет за Рахиль. Когда, наконец, цель достигнута и кузина достигает брачного возраста, жених, тем временем набравшийся за годы благоразумия, уезжает куда-нибудь, где он может заработать ситца на рупию, передает это своему дяде и забирает домой свою жену. Однако он не волен жить там, где ему нравится, а остается в деревне своего дяди и, как и прежде, работает на него как раб. Если со временем у него родится сын, этот сын, по словам Мпонды, должен снова жениться на двоюродной сестре — дочери сестры его отца. По собственным лаконичным словам старика: “Если у меня есть сестра, и у нее есть дочь, и у меня есть сын, мой сын может жениться на этой девушке. Но если у меня есть брат, а у него есть дочь, мой сын не может жениться на его дочери, потому что она *нумбуве*— его сестра”.

Мы простились с молодой девушкой в тот момент, когда, пройдя через месяцы *чипуту* с их формальностями и празднествами, она заняла свое место среди посвященных. По словам некоторых моих информантов, вступление ребенка в брак происходит очень скоро после этой эпохи — определенно до периода, который мы в Европе считаем началом зрелости, а именно первой менструации.

У меня нет возможности проверить эти утверждения, поэтому не могу сказать, так это или нет; в любом случае, сейчас нас больше интересует обращение с девочками по упомянутому случаю, тем более что это обращение аналогично тому, которое практикуется в целом ряде других регионов. Как и на побережье Нижней Гвинеи (в Лоанго,[62] на Габуне и на Огове), так и в различных частях Меланезии девушку поселяют в отдельной хижине, где она остается совершенно одна; ее друзья приходят и танцуют, издавая пронзительный крик *нтунгулулу* за пределами хижины, но в остальном держатся на расстоянии. Однако ее мать, ее наставница во время *унягои* другие мудрые женщины прививают ей правила поведения и гигиены: она должна держаться на расстоянии от всех; она должна быть особенно внимательна к чистоте, должна умываться и мыться, но, прежде всего, ни с кем не вступать в половую связь. Это повторяется снова и снова, в то же время еда, пение и танцы продолжаются непрерывно.

При первой беременности молодой жены также проводятся различные церемонии. Однако, по сути, это всего лишь приятная обстановка для ряда правил и запретов, введенных по этому поводу пожилыми женщинами. На пятый месяц молодой женщине бреют голову, а месяц спустя женщины устраивают себе праздник и жарят для нее немного маиса. Затем еще немного кукурузы замачивают в воде, толкут и полученной пастой намазывают ей голову. Затем муж отправляется в кустарник в сопровождении близкой родственницы своей жены, на женщине нет ничего, кроме маленькой поясной повязки. Мужчина срубает подходящее дерево и готовит кусок ткани из коры уже описанным способом, в то время как девушка поет в такт ударам его молотка “*Nalishanira wozewa neakutende.*” Готовая ткань украшается бисером, и инструкторша вешает ее на шею своей протеже в качестве амулета. Это называется *mare ndembo*, и отныне это же название применяется к будущей матери. На следующее утро все люди снова собираются для танца — неизбежного *нтунгулулу*, неотделимого от всех радостных чувств или праздничных мероприятий, сопровождающегося, конечно же, пением и хлопаньем в ладоши. Однако не все принимают участие в этом ликовании; мудрые женщины и наставница стоят отдельно от толпы, группкой вокруг молодой жены. “Вы не должны сидеть на чужих циновках, — говорит одна беззубая пожилая женщина, - это повредит и вам, и ребенку - вы окажетесь в преждевременном заточении”.

“Вы не должны разговаривать со своими друзьями, мужчинами или женщинами, - говорит другая женщина, говорить которой мешает огромная *пелеле*, - это тоже было бы плохо для ребенка”.

“После этого вы не должны часто выходить из дома”, - говорит третий. “По возможности не позволяйте никому видеть вас, кроме вашего мужа, иначе ребенок может быть похож на кого-то другого. Но если ты все-таки выйдешь на улицу, то должна держаться подальше от людей, потому что даже их запах может причинить вред ребенку ”.

В конце концов, что-то в этих правилах и предупреждениях есть. Мы в Европе хорошо знакомы с идеей о том, что беременная женщина не должна видеть ничего неприятного или пугающего и не должна, если это в ее силах, позволять впечатлять себя какому-либо другому лицу, кроме лица своего мужа. Другие предписания относятся к области симпатической магии, или действия по аналогии — простая возможность оказаться в атмосфере людей, которые недавно имели половую связь друг с другом, может поставить под угрозу будущую жизнь.

Но это еще не все, — самые важные моменты еще впереди.

“Вы не должны есть яйца, иначе у вашего ребенка не будет волос”.

“Вы не должны есть мясо обезьян, иначе у ребенка будет не больше разума, чем у обезьяны”.

“Вы не должны есть то, что осталось в кастрюле со вчерашнего дня, иначе ребенок заболеет”.

“Если ты пойдешь в сад или к колодцу, и кто-нибудь поприветствует тебя, ты не должен благодарить его или отвечать ему каким-либо образом, потому что тогда рождение ребенка надолго отложится”.

Выводом всей лекции, которая, в отличие от системы, используемой в наших университетах, одновременно читается многими преподавателями одной несчастной студентке, является очень срочное и серьезное предупреждение не иметь ничего общего ни с каким другим мужчиной, кроме ее мужа, иначе она неминуемо умрет. С другой стороны, если бы ее муж забыл о себе и пошел за другой женщиной, у нее случился бы выкидыш, который привел бы к ее смерти. Поэтому она должна быть очень добра к нему и готовить ему кашу так, как он любит.

Это последнее слово. Своеобразной походкой туземки, в которой есть неподражаемый изгиб, не поддающийся описанию словами, раздающие мудрые советы спешат, насколько позволяет их достоинство, через открытое пространство и присоединяются к остальной толпе: “*Лу-лу-лу-лу-лу-лу—лу-лу-лу-лу-лу-лу-лу-лу*”, - пронзительные вибрации снова сотрясают воздух, барабаны, отбиваемые сильными руками мужчин, звучат с новой силой, поднимается могучее облако пыли и заволакивает всю сцену, все находится в движении и полно неподдельного веселья. Африканское веселье, полное незнания повседневных невзгод жизни. Одна-единственная девушка сидит в стороне в тишине, сама молодая женщина, которой, согласно только что полученным инструкциям, полностью запрещено принимать какое-либо участие в празднике. Ее карие глаза— которые заслуживали бы названия красивых, если бы их эффект не портила белизна, перемежающаяся с желтовато-коричневыми крапинками, задумчиво уставлены в одну точку. Думает ли она о темном часе, который ей придется пережить через несколько месяцев? Священное Писание “В скорби будешь ты рожать детей” справедливо и для черной расы. Но лично я не думаю, что молодежь заглядывает так далеко вперед; в любом случае это неестественно для молодежи,

и африканская молодежь, в частности, не видит причин беспокоиться о будущем. Раса по-настоящему счастлива в той завидной легкости, с которой она живет сегодняшним днем, оставляя завтрашние заботы целыми и нетронутыми.

Примечание.—Система родства между яо и соседними племенами не была так уж полностью упущена из виду исследователями, как предполагает доктор Веуле. Эта тема была исследована архидиаконом Джонсоном, покойным епископом Мейплзом и преподобным Х. Б. Барнсом среди прочих, хотя, к сожалению, многие из их заметок скрыты в малоизвестных периодических изданиях. Некоторую ценную информацию также можно найти в книге мистера Р. Сазерленда Рэттрея "Некоторые фольклорные предания, песни и рассказы на языке Чиньянджа". Мы думаем, что доктор Веуле ошибается, проводя различие между “более крупными группами” племени яо и *нго*: они, вероятно, идентичны последним по происхождению: *например,* мачинга были бы потомками одного (женского) предка, который с течением поколений стал многочисленным и могущественным и, возможно, увеличил свое влияние, объединив более слабые кланы, которые встали под их защиту и приняли их имя. Но существует вторая система происхождения, которая, возможно, и есть то, что имеет в виду доктор Веуле. Это называется Аньянджа *чилава* и передается по наследству от отца; браки внутри него запрещены. “Мужчина не может жениться на женщине, принадлежащей к его *каму* (Яо, *лукосе*) или к его *чилаве*. Таким образом, дочери сестер его матери исключаются, потому что они одного *каму*, и дочери братьев его отца исключаются, потому что они одного *чилава*; но дочери братьев его матери или сестер его отца имеют на это право, потому что они не принадлежат ни к одному *каму*, ни к одному *чилава*” (Преподобный Х. Б. Барнс). Это согласуется с информацией, предоставленной доктору Веуле о брачных законах Маконде (стр. 314). Г-н Барнс сомневается, что названия кланов, объясненные доктору Веуле, действительно связаны с тотемами, и считает, что обычаи, к которым они относятся, “возможно, с большей вероятностью связаны с индивидуальными особенностями какого-либо предка, чем с какими-либо религиозными тотемистическими ограничениями”, и что имена *чилава*, значение которых, по-видимому, утрачено, являются настоящими именами тотемов. Но тема слишком обширна, чтобы обсуждать ее в заметке. [Тр.]

ГЛАВА XV
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В НЬЮАЛЕ

Ньюала, 10 октября 1906г.

“Morgen muss ich fort von hier

Und muss Abschied nehmen....”

Слова песни немецких студентов слетают с моих губ сейчас, когда я думаю о том, чтобы подвести итог нашему пребыванию здесь, хотя, как правило, я совсем не музыкальна, а Кнудсен, со своей стороны, никогда не может продвинуться дальше первой строчки из Игры Норвегии. Упоминание о музыке наводит на мысль о моем опыте работы с фонографом. Когда я пополнял свой запас пустых цилиндров в Берлине, у меня возникло счастливое вдохновение взять еще с полдюжины пластинок в надежде, что они смогут очаровать дикую африканскую душу. Я не несу никакой ответственности за выбор этих изделий, поскольку

полностью доверил это девушке, которая обслуживала меня в магазине, где я их купил. Я не могу сказать, что определило ее выбор, но это факт, что большая часть из шести пластинок, хотя и не все, пользуются огромной популярностью. Американский марш - и это совершенно справедливо — не производит никакого впечатления, а подборка песен не привлекает мою публику: кажется, они вообще ни о чем не говорят. Следующий пункт программы, аранжировку которого я всегда оставляю Кнудсену, чтобы он научился обращаться с инструментом, — это “Die beiden kleinen Finken” (“Два маленьких зяблика”). Тут и там глаза загораются умом, когда начинается щебетание птиц, и за парапетом, который отделяет нашу *баразу* от внешнего прохода, мелькает множество пар белых зубов. Затем следует хорошо известное соло на ксилофоне “Der Specht“ ("Дятел”). Когда из воронки раздается глубокий бас, объявляющий название произведения, вся аудитория в лихорадочном возбуждении перегибается через стену, можно сказать, навострив уши. Несколько опытных старейшин, которые побывали на побережье и поэтому имеют право казаться *пресыщенными*, демонстративно смеются, чтобы показать, что они понимают. Но этот смех затихает, когда чистые тона моего инструмента, не смешанные ни с каким посторонним звуком, начинают самым поразительным образом воспроизводить безошибочно узнаваемые ноты ксилофона. Видно, что у этих людей есть слух, и они наслаждаются гармонией звуков, возможно, не меньше, чем мы. Кроме того, звуки в данном случае не являются незнакомыми — для *mgoromondo*соломенный ксилофон, уже описанный, имеет точно такой же тембр. К тому времени, как начинается финальный таппинговый дуэт, все в них сияет — их глаза, их зубы, все их лица - на самом деле, они сияют повсюду, потому что они толпятся все теснее и теснее, и это ни в коем случае не круто. “*Die Schmiede im Walde*” (“Кузница в лесу”) едва ли усиливает их удовольствие; это правда, что удовольствие велико и всеобще, но кузнец - привычная фигура повседневной жизни, и ритм его молота известен им так же хорошо, как и нам. Теперь, однако, начинается наша *бравурная ария*. По моему опыту, когда белый человек после длительного проживания среди дикарей более или менее отстает от уровня цивилизованного общества, музыка - это первое, что стимулирует стремление к выздоровлению. Нильс Кнудсен может слушать "*Летучую Мышь"* семнадцать раз подряд, но так и не насытится ею. Он снова и снова заводит аппарат и замечает, что это настоящая музыка — подходящего сорта. Местные жители тоже в восторге от веселых, дерзких мелодий, и если настроение момента таково, что я чувствую побуждение исполнить несколько па вальса или польки и проплыть, подобно фее весом около тринадцати стоунов, вокруг стола, на котором стоит граммофон, их восторг превращается в неописуемый восторг. Это подходящий момент для того, чтобы поменяться ролями и призвать зрителей, в свою очередь, стать исполнителями. Уроженцы Ньюалы очень неохотно идут на уступки в этом отношении; мужчин можно заставить подойти к граммофону только под влиянием только что упомянутого экстази, но женщины уносятся прочь как ветер, когда я их захочу.

Мужчины тоже здесь, в Невале, какое-то время не подходили ко мне близко. Я был настолько поглощен лингвистическими исследованиями, которые все больше и больше занимали меня в течение последних нескольких недель, что моя растущая изоляция поначалу не бросалась мне в глаза. Только когда мы с Кнудсеном обнаружили, что почти никого не видели, кроме трех моих учителей, *акиды* Сефу, Яо Акучигомбо (что в переводе означает мистер Зубная щетка) и Макуа Намалове (мистер Эхо), мне стало ясно, что причиной этого бойкота должно быть какое-то неизвестное мне обстоятельство. Ни Сефу, ни двое других не могли и не хотели объяснять суть дела. Мистер Эко прожил в Ньюале совсем недолго, недавно поступив на преподавательскую работу к своему старшему коллеге в Университетской миссии, так что его невежество неудивительно; но меня сильно раздражало, что двое других не давали никаких ответов на все мои вопросы, кроме “*Си джуи*” (“Я не знаю”). Однако я был вынужден признать, что даже эти двое на самом деле не принадлежали этому месту, Сефу был

человеком с побережья и в качестве *акиды*, вероятно, больше боялся, чем любил, в то время как Акучигомбо получил образование на Занзибаре, и благодаря своей должности учителя Миссионерской школы был отделен огромной пропастью от неграмотной массы населения. Эта школа с ржавой трубой артезианского колодца и маленьким церковным колоколом, повешенным по обычаю этой страны на первое попавшееся дерево, являются единственными реликвиями некогда процветающей станции Нью-Невала.

Только в течение последних нескольких дней Кнудсен смог вытянуть из старого друга с равнин причину, по которой мы оказались в таком суровом одиночестве. Объяснение, каким бы странным оно ни показалось европейцу, истинно африканское: это не что иное, как подозрение — даже уверенность, — что я опасный колдун. Каким-то образом утвердилось убеждение, что, фотографируя людей, я лишаю их любой одежды, которая на них была надета. “Разве вы не видели, ” рассказывают, что какой-то человек, имя которого мне пока неизвестно, говорил своим соотечественникам, “ как белый человек прячется под своей огромной черной одеждой? Именно тогда он околдовывает вас. Ты стоишь там во всей одежде, но он идет и стоит часами в своей палатке всю ночь, проявляя свои чары, а на следующий день, когда он достает очки, ты лежишь на них совершенно голая. И если вы будете достаточно глупы, чтобы пойти и встать перед другим аппаратом, он отнимет и ваши голоса тоже. Он великий волшебник, и его снадобья сильнее, чем даже наш *чисанго* (оракул прорицания). Мы воевали против вадачи (немцев), но какими же дураками мы были, поступив так, потому что этот белый человек - один из них!”

Комический аспект ситуации поразил меня гораздо сильнее, чем досадный, и мы оба от души рассмеялись. Раньше я не осознавал, что фонограф все это время казался этим людям более или менее сверхъестественным — аппарат всегда стоял так, что они могли видеть только мундштук и гладкую переднюю часть, вращающийся цилиндр был для них невидим. Они действительно видели, что Кнудсен или я проделывали какие-то манипуляции с инструментом, но ни у кого из них не сложилось никакого представления о природе этого процесса. Таким образом, необъяснимое приобрело оккультный аспект, и я был повышен до звания волшебника, лишающего людей голоса. Я должен в этой связи с уважением упомянуть предприимчивую Зузу. Однажды, правда, только после того, как чары были разрушены другим способом, он воспользовался благоприятной возможностью обойти аппарат и посмотреть на вращающийся цилиндр. С того дня этот умный человек и наиболее просвещенные из его последователей смотрят на фонограф как на простую машину, такую же невинную, как и любая другая, привезенная белым человеком из далекой Улайи.

Что касается моей магии снимать с людей одежду, я предпринял очень энергичные шаги. Мы использовали все наши уговоры, чтобы заставить нескольких мужчин и женщин позировать перед камерой, сделали фотографии, проявили их на месте, напечатали и выставили готовые открытки. “Ну, а на этой фотографии вы обнажены или одеты? И это та же самая одежда, которую вы сейчас носите на своих черных телах, или нет?” Наполовину робея, наполовину пораженные новым зрелищем, и мужчины, и женщины уставились на чудо картины; затем все они ушли со своими портретами и прощальным наказом рассказывать всем, что белый человек не был колдуном и не срывал с людей одежду, но что на его картинах они были одеты точно так же, как в реальной жизни. Это оказалось весьма эффективным, и сегодня туземцы собираются вокруг нас так же доверчиво, как и вначале.

В целом теперь они могли бы избавить себя от лишних хлопот, поскольку я обнаружил, что они мне больше не нужны. Предметы, которые они выставляют на продажу, те же, что у меня уже есть сотнями, и на моих фотографиях больше нет никаких новинок — это всегда один и тот же тип, те же келоидные рубцы, та же *пелеле*. Поэтому я считаю лучшим посвятить

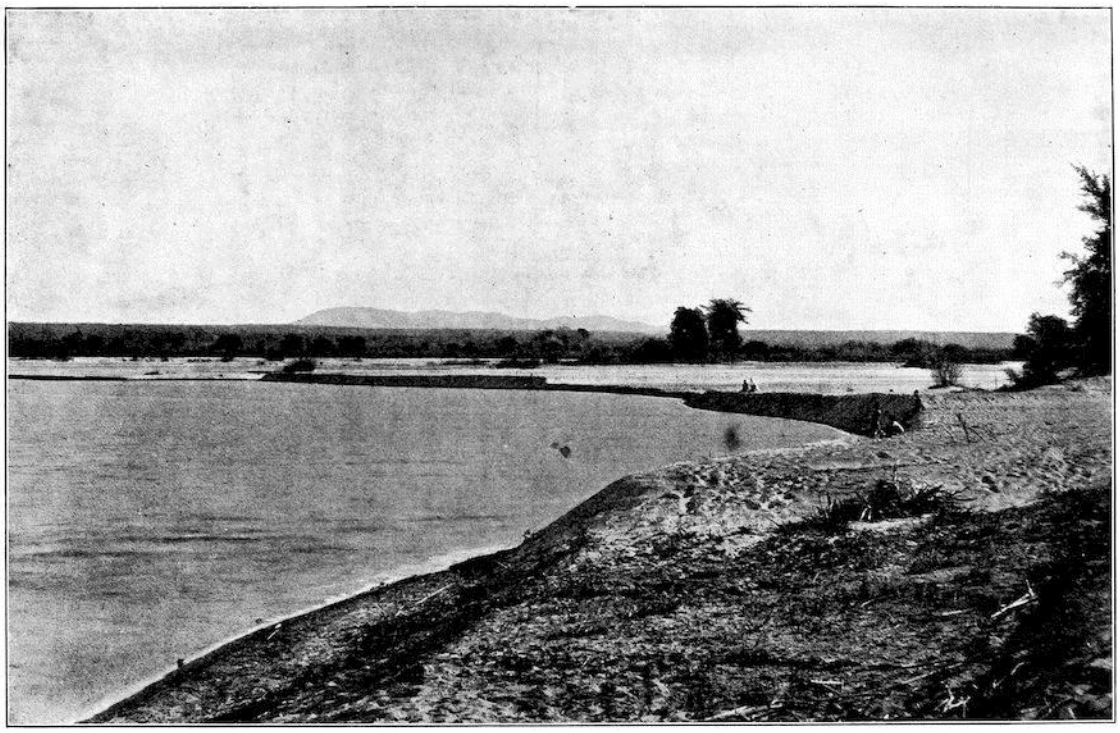
большую часть своего времени языкам, а остальное - отрывочным заметкам по вопросам, которые всплывают сами собой во время моих экскурсий по окрестностям. Несколько дней назад я наткнулся на самую странную вещь, с которой я когда-либо встречался в этой стране, где странные вещи так обычны. Несколько недель назад Намалоу рассказывал об обычае девочек Макуа, которые, по его словам, носят под языком коллекцию камешков, как в гнезде. Я смеялся над этим человеком — с многозначительным жестом в сторону моего лба - каждый раз, когда он говорил это. Позавчера мы впятером, как обычно, собрались в *баразе* и переживали из-за некоторых особенно сложных форм в Яо. Намалоу, будучи Макуа, в тот момент был нежелателен, поэтому извинился и покинул *баразу*. Едва мы успели подумать о нем, как я услышал приближающиеся шаги и между матовой ширмой и глиняным парапетом появилась стройная фигурка девушки, за которой немедленно последовала учительница-туземка. В следующее мгновение хорошенькое юное создание стояло перед нами, застенчиво улыбаясь. “*Хапа намангахлу, Бвана*” (“Вот камни для рта, сэр”), - сказал Намалоу, торжествующим жестом указывая на рот девушки, который был украшен *пелеле* лишь умеренных размеров. Мы все поднялись на ноги в величайшем волнении. Сефу, Намалове и Акучигомбо все одновременно некоторое время разговаривали с ней, и наконец, неохотно поднеся руку ко рту, она достала овальный камешек размером с ядро лесного ореха, совершенно гладкий и почти прозрачный, и протянула его нам на раскрытой ладони. Последовали вторая, третья и четвертая, и я онемел от удивления, в то время как Нэймалоу едва сдерживал себя от удовольствия. Это галлюцинация? или добрый школьный учитель жульничал? Девочка вынимает изо рта пятый камешек, затем шестой; наконец, после седьмого и восьмого, гнездо кажется пустым. Трое моих *ученых* сообщили мне, что эти *намангахлу* представляют собой кварцевую гальку, которую находят в гравии всех окрестных рек, хотя самые лучшие и чистые - из Ровумы, так что для молодых людей является делом чести приносить их оттуда в подарок своим *возлюбленным*. Жемчужные ожерелья и оправы *в повседневном стиле* на плато Маконде пока что находятся за пределами стремлений моды, а карманы также являются неизвестным проявлением роскоши, так что рот - единственное место для хранения этих драгоценностей. По крайней мере, так я объясняю уникальный метод переноса камней. Согласно моим информантам, значение этого обычая эквивалентно тяжелому положению, и поэтому камешки используются африканцами для обручального кольца, за исключением того, что, в отличие от последнего, их не видит никто, кроме влюбленного. Могу с уверенностью предположить, что мое первое инстинктивное подозрение в мистификации было необоснованным. С тех пор я изучил этот вопрос самостоятельно и обнаружил, что несколько молодых женщин Макуа носили камни описанным способом, так что у меня есть независимые свидетельства этого обычая.[63] Действительно кажется, что не существует такой степени безумия, на которую люди были бы неспособны!

The climate of Newala has been growing worse and worse. We enjoyed a short interval of lovely weather resembling that of a fine autumn in Central Germany; but now the mist shrouds the *boma* every morning up to about half-past eight, and in the evening the east wind blows more icily than ever. We two Europeans are afflicted with chronic colds, and our men are in a sorry plight. They have not much in the way of clothes, the carriers being without even a change of calico; and the commissariat of the poor wretches is not all that could be desired. When we consider in addition that the water is far from pure, I am not surprised that the sick list grows from week to week. On every side I hear indications of severe bronchial catarrh, and almost fancy myself back again with Ewerbeck’s company of coughers. Cases of dysentery, too, are not rare, neither are those of sexual disease. Most of the patients have sufficient confidence in their *mzungu* to come voluntarily and take in the most heroic manner any kind of *dawa* that is put into their mouths. I have to treat my soldiers in military fashion by having them up for medical inspection from time to time. At the same

time, as one might expect from the native character, they will very often carry on a concurrent treatment with *mshenzi* medicines. Whenever Knudsen and I take a stroll along any of the roads leading out of Newala, we are pretty sure to come upon curious objects at places where two paths meet or cross. The ground has been carefully cleared of leaves, branches, etc., and in the middle of the level space thus made, an unknown hand has traced with snow-white meal, a magic circle about a foot in diameter and never quite regular. Within the circle little heaps of flour are arranged according to some recognised system, with more or less regularity, in rows of three or four.

ПОДНОШЕНИЕ ДУХАМ

Прошло некоторое время, прежде чем я смог получить какое-либо объяснение объекта и значения этих фигур, которые я также видел перед приездом в Ньюалу. Этот вид терапии можно понять, только если рассматривать взгляды туземца на жизнь после смерти и действие сверхъестественных сил в целом. По его убеждению, человеческая жизнь ни в коем случае не прекращается со смертью. Это правда, что тело похоронено и разлагается, но душа продолжает жить, и это в той же местности, где она была активна при жизни. Ее любимое место обитания - приметное дерево. Религия этих южных племен, таким образом, представляет собой явное поклонение дереву, поскольку туземцы приносят жертвы своим умершим предкам и молятся им, возлагая еду и питье к подножию такого дерева и адресуя свои просьбы к его кроне.



ПЕЙЗАЖ На РЕКЕ РОВУМА. ВИД Из МОЕГО ЛАГЕРЯ ВВЕРХ ПО РЕКЕ, В ЛОНГЕ. 39° 6' восточной ДОЛГОТЫ

Дерево *мсоло* (в Маконде, *мхоло*) здесь считается обителью богов. К этому дереву туземец идет, когда в его семье случается болезнь, или когда он собирается предпринять долгое путешествие, или выйти на тропу войны. Он приходит не с пустыми руками, а украшает сундук разноцветными вещами, так что со всеми безвкусными тряпками, предварительно прикрепленными туда другими огорченными просителями, представшее зрелище скорее любопытно, чем красиво. Он подметает землю вокруг дерева пучком листьев, посыпает ее мукой и наливает укрепляющий *помбе* в банку, поставленную там специально для этой цели. Это добровольные пожертвования живых. Но даритель, будучи всего лишь человеком, и не только человеком, но и африканцем, ожидает от мертвых *услуги за услугу*. “Я дал тебе одежду и принес еды и пива; ты, мой предок, знаешь, что мы идем войной против наших врагов мавийцев. Завтра мы выступаем в поход; пусть ни одна пуля не поразит меня, ни одна стрела, ни одно копье”. Дерево шелестит на вечернем ветерке, и верующий уходит успокоенный.

Но души не всегда живут в дереве *мсоло*. Как правило, они беспокойно бродят по стране и, естественно, предпочитают главные дороги, как это было во плоти. Там, и прежде всего в местах пересечения нескольких дорог, они встречаются чаще всего, и их защита, скорее всего, будет успешно задействована. Это, по крайней мере, лучшее объяснение, которое приходит мне в голову, того, что мучное приношение совершается по предпочтению на перекрестке дорог. Больные видят возможность излечения только или, по крайней мере, главным образом, в помощи духов предков, которые предположительно наделены большими силами, чем те, которыми они обладали в этой жизни. Что, следовательно, более естественно, чем приносить жертвы этим духам в местах, которые, как можно предположить, они проходят наиболее часто, на перекрестках дорог и на пересечении двух тропинок? Это точка зрения моих информантов, с которой я вполне склонен согласиться; она кажется чрезвычайно вероятной, и в то же время я допускаю, что в основе мучных кругов, возможно, лежит другая идея.

Посадка особых деревьев на могилах, по-видимому, тесно связана с поклонением деревьям. На равнинах — и в частности, среди яо - я не заметил таких деревьев, но здесь, на плато, они очень распространены. На недавних могилах я нахожу молодые, стройные саженцы; в других местах, где только старики помнят, что кто-то похоронен, растут огромные деревья с могучими стволами высотой шестьдесят футов и более. Множество таких старых могильных деревьев придают торжественное впечатление не только одному месту рядом с *бома* в Неевале. Это дерево называется *камуна*, и его всегда сажают в изголовье могилы.

ДЕРЕВЬЯ НА КЛАДБИЩЕ В НЬЮАЛЕ

Верят ли туземцы, что дух какое-то время обитает на этих деревьях, я до сих пор не мог выяснить. На самом деле, чрезвычайно трудно вообще получить какие-либо определенные утверждения относительно места пребывания души. Яос не дал никакой информации по этому вопросу. Макуа сказал: “Тень человека уходит к Богу, и Бог живет там, наверху”. Но что тень делает “там, наверху”, и как ей живется в этой таинственной обители, они тоже не знают. Истории о привидениях, распространенные среди местных жителей, достаточно ужасны и внушают благоговейный трепет, если судить по тем примерам, которые я слышал. Я приведу одну из них. И в Ваяо, и в Вамакуа есть призрак по имени *итондоша* (или, по-яоски, *ндондоша*). Если маг убил ребенка — как и все народы на первобытной стадии, африканец не рассматривает смерть как естественное явление, но всегда приписывает ее магическим практикам, — он достает его из могилы, снова оживляет и отрубает обе ноги в коленных суставах. Колдун выбрасывает отрубленные конечности и тайно помещает изуродованное тело ребенка в определенное место. Затем люди приходят со всех сторон и приносят кашу *итондоша*, пиво, фрукты и одежду. Если это делается регулярно и в достаточных количествах, о призраке больше ничего не слышно, но если люди со временем забывают о нем, он внезапно поднимает пронзительные и сверхъестественные крики, которые пугают людей и заставляют их возобновить свои подношения *итондоше*.[64]

С обычной удачей, сопутствовавшей моим расспросам, я совершенно случайно получил в свое распоряжение песню, посвященную этому *итондоше*. Это дал мне Анастасио, или, как он себя называл, Анестехиу,[65] ученик Университетской миссии, который отличился среди

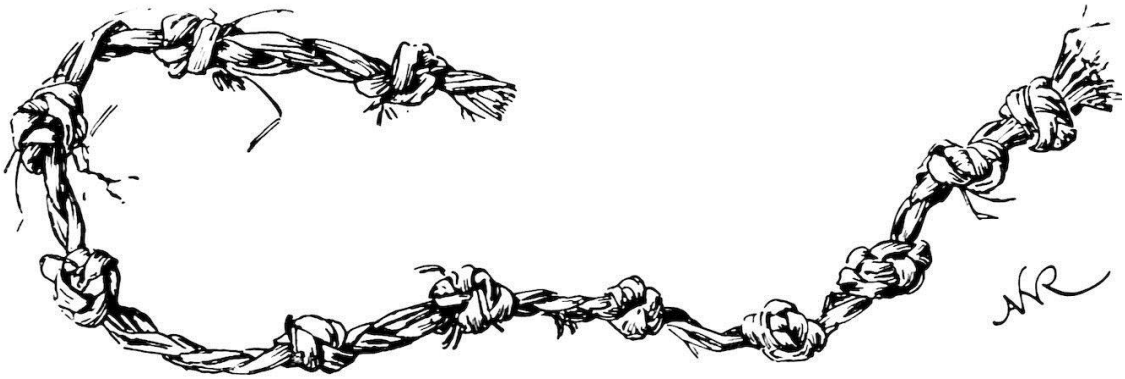
жителей Ньюалы своей готовностью работать с моим фонографом. Его рвение, действительно, было более заметным, чем музыкальные способности, но все равно его заслуги перед наукой заслуживают признания.

Слова его песни звучат следующим образом:—

“Я ходил в Масаси; я снова ходил в Масаси. Вечером я услышал крики; я обернулся и увидел *итондошу*. ‘ Мой двоюродный брат Челука! (Закричал я): "Дай мне ружье, колпачки и пулю’. ‘Заряди его сам’, (сказал мой двоюродный брат). - Пойдем, погоним *итондошу*; он ушел через дыру в боковой стене дома. Мой брат (двоюродный брат) обернулся и сказал: "У него вытянуты ноги прямо перед собой, как борода на подбородке". Он сидел, и мы пытались приручить *итондошу*, девочку Илулу. *Эло* (Да), это так”.

Один старый Маконде затронул менее жуткую тему с помощью небольшого подарка, который он принес мне. Мы говорили о методе отсчета времени у этих племен и пришли к выводу, что они были столь же отсталыми и в то же время столь же практичными в этом отношении, как и в способе отсчета часов дня.

Запись событий с помощью узлов на веревочке - это изобретение, принятое человечеством в разное время и в разных местах. Одним из *примеров является знаменитый перуанский*кипу. Другие были обнаружены в Тихом океане, а также в Западной Африке. Здесь, на плато Маконде, он все еще используется ежедневно, поскольку число детей, обучающихся чтению и письму в государственных школах Германии в Линди и Микиндани, пока невелико.



ЗАВЯЗАННАЯ НИТКА, СЛУЖАЩАЯ КАЛЕНДАРЕМ

Вежливым жестом Маконде протянул мне кусок бечевки из коры длиной около фута с одиннадцатью узлами через равные промежутки времени, продолжая объяснять с помощью Сефу, что бечевка предназначена служить чем-то вроде календаря. Предположим, что он отправляется в путешествие на одиннадцать дней, он сказал бы своей жене: “Этот узел” (дотрагиваясь до первого) “сегодня, когда я отправляюсь в путь; завтра” (дотрагиваясь до второго узла) “Я буду в пути, и я буду идти весь второй и третий день, но здесь” (хватаясь за пятый узел) “Я достигну конца путешествия. Я пробуду там шестой день, а на седьмой отправлюсь домой. Не забывай, жена, каждый день развязывать узел, и на десятый день тебе придется готовить мне еду; потому что, смотри, я вернусь на одиннадцатый день”.

Итак, опять же, здесь мы имеем дело с пережитком, чем-то, что напоминает нам об этапе культуры, пройденном давным-давно нашими предками. В конце концов, неужели мы оставили это так далеко позади? Разве мы и по сей день не завязываем носовой платок узлом, когда хотим что-то запомнить? Человечество бедно идеями не только в том смысле, что изобретения во всех частях света можно свести к одному и тому же простому

фундаментальному принципу, но и при всем нашем техническом и интеллектуальном прогрессе наиболее продвинутые представители расы в некоторых моментах чрезвычайно консервативны. Этого достаточно, чтобы доказать узел на носовом платке.

Система записей узлов Маконде, по-видимому, не всегда так проста, как мы могли бы подумать из приведенного выше примера. Другой маконде только что принес мне целую связку завязанных веревок, сказав, что они принадлежат такому-то старосте, который не может вспомнить, кто из его жителей заплатил налог с хижины, а кто нет, но может таким образом довольно успешно вести их подсчет.

В свете моего опыта в этой стране я все больше и больше утверждаюсь в убеждении, сформированном на основе предыдущего изучения дома, что наша общепринятая оценка разницы между “диким“ и ”цивилизованным" человечеством в значительной степени вводит в заблуждение. Это правда, что индейцы и эскимосы, гиперборейцы и негры, океанийцы и австралийцы, а также многие народы южной и юго-восточной Азии живут в более тесной связи с окружающей природой, чем мы, которые считаем, что наша окружающая среда полностью искусственна. Но разве в действительности у каждой из этих презираемых групп человечества нет своей собственной культуры? Разве — если взять те, которые больше всего интересуют нас сейчас, — материальная и умственная жизнь этих уроженцев долины Ровума не состоит из тысячи деталей, не менее отличающихся друг от друга, чем деятельность в нашей собственной жизни? Это правда, что туземец не может достичь с помощью своего мотыжного ремесла того уровня комфорта и благополучия, которого требует каждый белый человек, даже умеренно обеспеченный. Но, несомненно, во многих частях Германии положение нашего сельского населения ничуть не лучше, возможно, даже хуже, чем у этих варваров, которых обвиняют в том, что они не умеют писать свои имена. Я, действительно, очень далек от того, чтобы смотреть на эти так называемые примитивные народы сквозь розовые очки; но когда я принимаю во внимание, что, несмотря на высокое мнение, которое мы о себе питаем, огромный прогресс, последовавший за изобретением книгопечатания, открытием Нового Света и Реформацией, в конце концов, затронул в полном смысле лишь очень небольшую часть белой расы - мы могли бы сказать, лишь тонкий верхний слой, и то не постоянный, - я не могу не возвращаться снова и снова к своему убеждению, что культура — это не то, на что мы обладаем монополией.

Однако сейчас пришло время попрощаться с Невалой, с ее ревущим вечерним штормом, прохладными утренними вечерами, джигитами и интересными скоплениями племен.

Недели моего пребывания здесь были временем напряженной работы — в среднем, день за днем, около шестнадцати часов в день, — и именно это обстоятельство породило своего рода привязанность к этому месту, из-за чего не хочется с ним расставаться. Мы выезжаем завтра на рассвете.

Примечание.*Итондоша* предлагает в некоторых моментах сравнение с зулусским *умкову*, или “фамильяром” волшебников, которые, “как говорят, выкапывают труп и дают ему определенные лекарства, возвращающие его к жизни, когда они проводят раскаленной иглой по лбу к задней части головы, затем разрезают язык, и он становится *умкову*, говорящим с нечленораздельным сбивчивым звуком, и используется ими в злых целях” (Словарь Коленсо по зулу). *Умкову*, как и некоторых животных (павиана, дикую кошку), однако, посылают с вредными поручениями, вместо того чтобы содержать в режиме, указанном информатором доктора Веуле. Смотрите также книгу мистера Дадли Кидда “Сущностный кафир”, стр. 147, и “Среди зулусов и аматонга” покойного Дэвида Лесли, который называет их *эсемкофу* (*исикову?*) и говорит, что ведьмы, которые вызывают их к

жизни, отрезают им кончик языка, так что существо может только вопить "*Майе, майе*", "звук, подобный шелесту ветра". — [Tr.]

ГЛАВА XVI
СНОВА РОВУМА

На Ровуме, около 39° 40' восточной долготы, 23 октября 1906г.

С высоты 2300 футов над уровнем моря в Ньюале мы спустились примерно на 200 футов, и вместо обычной полуденной температуры 76 ° или 77 ° мы изнемогаем в джунглях при температуре 97 ° или около того, хотя и в непосредственной близости от нашего старого друга Ровумы. Но я должен продолжать в хронологическом порядке, если хочу, чтобы мое повествование было понятным.

Раннее утро 11 октября было таким же туманным, сырым и холодным, как и все его предшественники, но, по нашему мнению, оно ни в малейшей степени не походило на них. Зрелище шумного приподнятого настроения, которое представляли мои люди, когда мы покидали Чингулунгулу, было повторено здесь, по возможности, в усиленной форме. Фактически, Невала оказалась чем угодно, только не Капуей для этих бедняг. Даже Пеза мбили II, в прошлом парень щедрых пропорций, стал довольно стройным. Когда я спросил его вчера: “*Тамбо лако вапи?*” (“Где ваш желудок?”), он ответил, бросив скорбный взгляд на то место, которое он когда-то занимал: “*Тамбо лимеквенда, Бвана*” ("Он исчез, сэр”). Кстати, мы с Кнудсеном можем сказать примерно то же самое, поскольку наши костюмы цвета хаки довольно свободно облегают наши истощенные конечности.

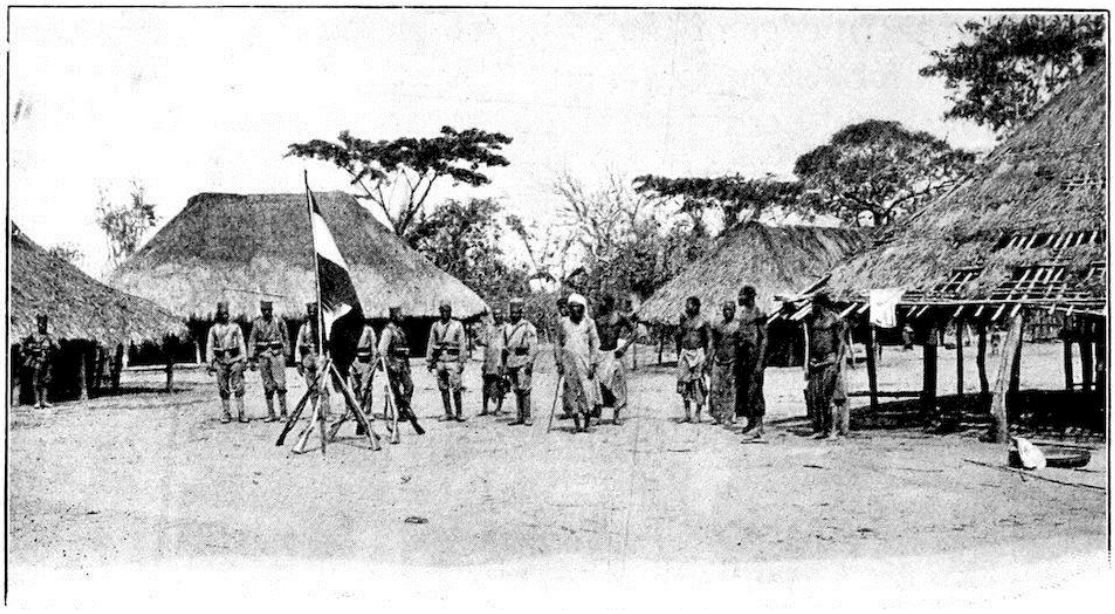
Махута - единственное место, где я мог бы продолжить учебу в Маконде. Это не только политический центр горной страны и резиденция высшего правительственного чиновника, Вали, но и с географической точки зрения очень выгодное расположение для моих целей, поскольку от него во всех направлениях ведут дороги, по которым я могу легко добраться до различных местных племен, или по которым, поскольку это во всех отношениях удобнее, местные жители могут прийти ко мне. Но тем временем манила другая цель — анклав Вангони на южной окраине плато.

Со дня моего отъезда из Линди я слышал всевозможные заявления относительно этих вангони, которые, конечно же, считаются родственниками одноименных племен кафиров на восточном берегу озера Ньяса. Во время одного из многочисленных набегов, в ходе которых эти племена, называемые мазиту, мафити, магвангвара, вамачонде или вангони, более или менее опустошили всю южную часть Германской Восточной Африки, это подразделение было отделено от основных сил доблестной контратакой яо под командованием Матолы I и отброшено в район Нчичира, на южной окраине плато Маконде. Нильс Кнудсен мог сообщить мне больше информации, чем эта; он описал вангони как великолепных воинов, во всех отношениях неизмеримо превосходящих своих нынешних соседей и даже своего любимого вайао. И если я хочу увидеть обычные деревни — ряды домов с прекрасными улицами между ними, — сказал он, - я должен поехать в Нчичиру. “Так я и сделаю, но, конечно, ты тоже должен прийти”, - был мой ответ. Честный Нильс не стал дожидаться второго приглашения: ровума и охота на слонов в его сознании неразрывно связаны, и я

думаю, что он пошел бы прямо в Конго, не останавливаясь, если бы кто-нибудь сказал ему, что там видели бивня приличных размеров. Он также хороший стрелок, несмотря на громоздкие старомодные ружья - к тому же в очень ненадежном состоянии, — которые составляют его арсенал.

Поэтому я решил совершить экскурсию в Нчичиру, чтобы увидеть что-нибудь о Вангони, прежде чем отправиться в Махуту, где я намереваюсь провести несколько недель, чтобы закончить свои расспросы. Я уже чувствую, что собрал почти всю информацию, которую способен усвоить в настоящее время, и что есть некоторая опасность, что в один прекрасный день мои способности к восприятию подведут меня из-за обилия новых впечатлений.

Мы миновали Махуту во время нашего марша из Невалы в Нчичиру — самого легкого марша из когда-либо пережитых. Если бы я не оседлал своего испытанного старого мула, я мог бы пожелать велосипед; даже с мотором можно было бы вполне комфортно ездить по этой дороге. Никаких крутых холмов и глубоко эродированных ущелий, а равнина с пологим и почти незаметным уклоном к востоку, покрытая повсюду густым кустарником, на котором трудолюбивые маконде кое-где расчистили свои небольшие участки для возделывания и через которые проходят широкие, ухоженные дороги, иногда совершенно прямые на протяжении километра за раз. Маконды, конечно, не прокладывали эти дороги из какой-либо личной заинтересованности в улучшении своих средств сообщения. Фактически, потребовалось значительное давление со стороны Lindi, прежде чем они смогли выполнить задачу; но после завершения работ дороги — везде достаточно широкие, чтобы колонна, а иногда и целая секция могли маршировать в ряд — соответствуют всем стратегическим требованиям. Единственное, что может уменьшить удовольствие от путешествия, - это рыхлый, глубокий песок, который, однако, к счастью, встречается не везде, а только во впадинах, где его смыло с более высоких участков дороги. В этих местах она кажется почти бездонной.



МОЙ ЭСКОРТ ОСТАНОВИЛСЯ В ДЕРЕВНЕ ХЕНДЕРЕРА На НАГОРЬЕ МАКОНДЕ

Но радость людей от перемен и движения преодолела бы трудности посерьезнее, чем этот пустяк. Кусты зеленые, солнце только что разогнало туман и теперь победоносно светит как на черное, так и на белое, с такой жизнерадостностью, что разносчики не могут удержаться от пения. Итак, они заводят свои прекрасные старые песни ньямвези, которые так часто

помогали нам преодолеть небольшие неприятности марша, а также несколько недавно сочиненных песен, которые, услышанные сегодня впервые, все еще приятнее, чем старые репертуары.

На дороге между Невалой и Махутой есть только одно поселение любого размера. Это деревня, которой управляет Хендерера, старый косолапый вождь племени Маконде. Его уродство, кажется, произвело впечатление даже на моих носильщиков; по крайней мере, один из них несколько дней спустя принес мне альбом для зарисовок, в котором старик был наиболее точно изображен. Деревня Хендерера построена на удивление масштабно; открытое пространство, вокруг которого сгруппированы хижины, достаточно велико, чтобы на нем могла тренироваться рота немецких солдат, и моя немногочисленная дюжина воинов представляет собой на нем очень жалкое зрелище.

The *Бома* в Махуте заметна на большом расстоянии благодаря своему частоколу и необычайно большой тренировочной площадке. На самом деле, все деревья и кусты были вырублены на расстоянии по меньшей мере пары сотен ярдов по всему периметру форта. Перед главным входом — маленькими воротами, едва достаточными для того, чтобы мог пройти один человек, — я вижу весь отряд вали: пятерых *бахарийцев*, чернокожих парней в матросских костюмах цвета хаки, которые делают судорожные попытки выстроиться в сносную шеренгу. Вали не видно; мне сказали, что он на побережье. Командир как раз орет: “Предъявите оружие!”, когда я оказываюсь достаточно жестоким, чтобы свернуть с дороги на *бому* и повернуть направо. В нескольких сотнях ярдов с одной стороны от *бома*, за ней, я вижу дом, который давным-давно был назван в мою честь и в котором, несомненно, мой прямой долг - поселиться. Это здание, которое мистер Эвербек, в ожидании нашей совместной работы в Махуте, распорядился возвести для нашего общего пользования несколько месяцев назад. Архитектор был на месте в назначенный для новоселья день, но его гость был схвачен стальными крючьями этнологических интересов Чингулунгулу. Наполовину с грустью, наполовину с досадой Эвербек переехал в дом один, повесил на дом табличку “Профессор, который так и не пришел” и, наконец, уехал сам. Едва пятеро матросов догадались о моем намерении, как они сорвались с места со скоростью молнии. Я поскакал за ними рысцой, но, тем не менее, “Готово! Вооружиться! Глаза налево!” прозвучал как нельзя более вовремя. Должен сказать, что они хороши в своей муштре, эти черные парни!

Дом с вывеской “Профессор, который так и не пришел” находится в великолепном состоянии. С его веранды или со ступенек, ведущих к нему, мы смотрим в глубокий овраг, зияющий прямо у наших ног. С обеих сторон раскинулся великолепный лес из больших древесных деревьев — маконде избегают крутых склонов из-за своей разрушительной системы земледелия — и вдалеке, за тем местом, где овраг (который, должно быть, около двенадцати миль в длину) замыкается двумя выступающими отрогами плато, мы видим бледно-серую полосу с серебристой прожилкой в ней. Это и есть Ровума. За ним снова сияющее зеркало — озеро Лидеде,[66] а за ним, в темных, тускло-зеленых контурах, уровень плато Мавия. После однообразия высокогорья Маконде пейзажи Махуты действительно освежают.

На следующий день мы продолжили наш поход. Час за часом длинная вереница каравана прокладывала себе путь между зелеными стенами кустарника. Аспект последнего теперь претерпел изменения. Он был не так высок, и место ужасных шипов заняло совершенное изобилие растительных форм, напомнивших мне наш самшит (*Lycium barbarum*). По мере того как солнце поднималось все выше, жара в узком проходе, теперь образующем дорогу, становилась все более удушающей, а песок в почве - все более мелким и глубоким. Наконец

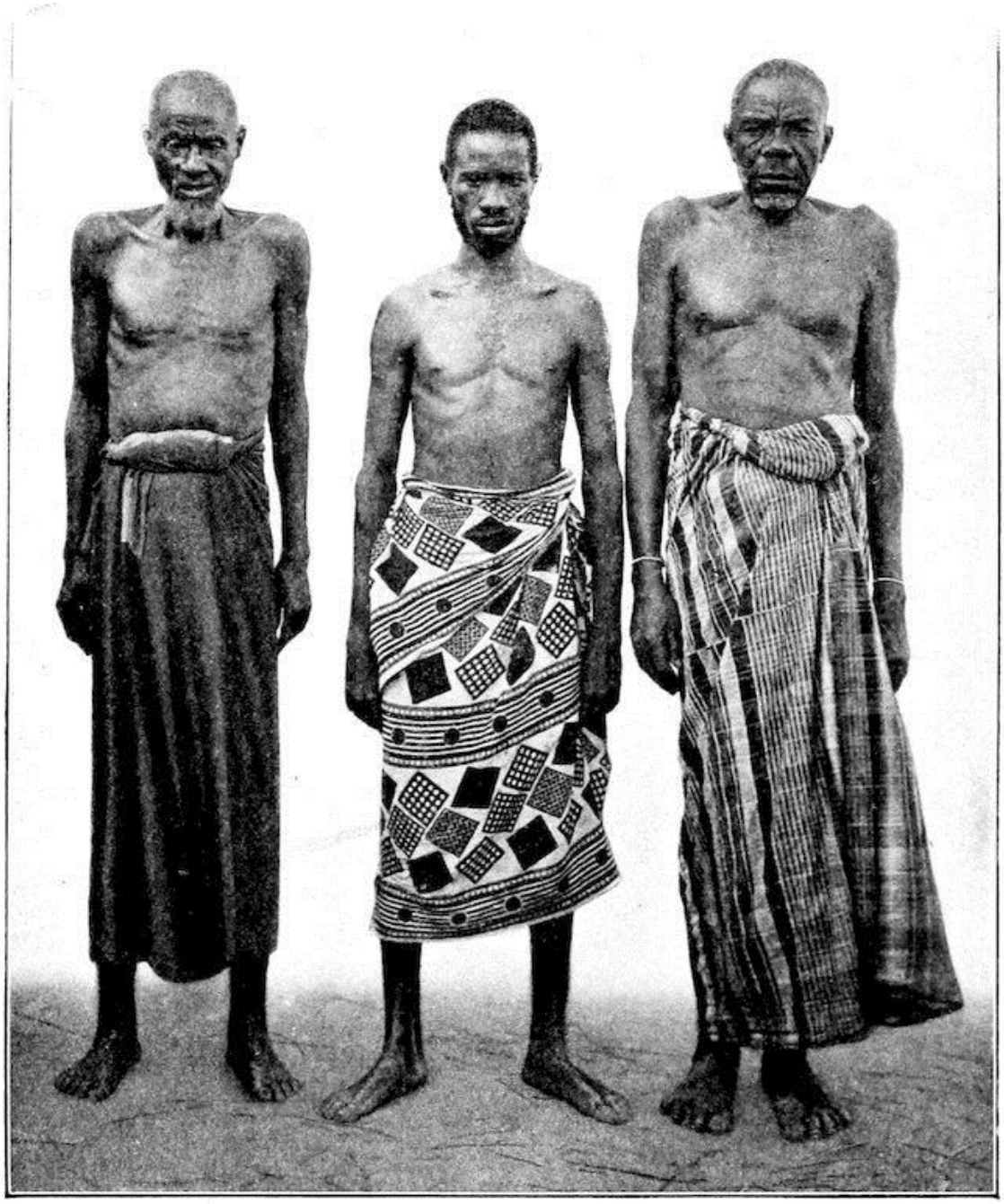
мы добрались до Нчичиры, которая, подобно Масаси, Невале и Махуте, владеет *бома* — квадратным ограждением со стороной около 100 ярдов, окруженным частоколом из толстых бревен. Здесь расположены жилища акиды и других должностных лиц подчиненного немецкого административного центра. За месяцы, прошедшие с тех пор, как мы покинули Линди, мои люди стали в совершенстве разбивать лагерь. Раз, два, три, и моя палатка на месте — и за столь же короткое время мы расположились под низкой *баразой*. Оно не более комфортабельно, чем наши предыдущие жилища, но я предпочитаю прочную соломенную крышу необходимости жить в жаркой палатке или недавно построенной *банде* с ее изобилием всевозможных паразитов. В таких сооружениях насекомые непрестанно сыплются дождем со свежескошенной травы на голову и тело человека, а также во все тарелки.

Двенадцать дней в Нчичире прошли как во сне. Не то чтобы я действительно о чем-то мечтал: чрезмерный объем работы, ожидавший меня там, помешал этому. Именно потому, что я еще не достиг ясного осознания полученных впечатлений — так сказать, не переварил поставленную передо мной обильную трапезу, — все время моего пребывания здесь кажется, оглядываясь назад, смутной мечтой. Я не буду пытаться описывать здесь его детали, а лишь отмечу наиболее поразительные моменты.

Я не могу найти никаких следов героических качеств, которыми, как утверждается, обладали вангони. Эти парни, кажется, не сильно отличаются физически или умственно от других племен в этом регионе; на самом деле, по правде говоря, их телосложение несколько ниже. Более того, многие из них больны. Однажды я столкнулся с ужасным зрелищем, когда, следуя по странному следу на песке, который я принял за след питона, я зашел за хижину и обнаружил там сидящий живой скелет — человека без остатка плоти или мышц на всем его теле. Сострадательный маленький мальчик тащил его за собой в сидячем положении, таким образом оставляя следы, которые я заметил. Эта болезнь называется *убуба*.

ТУЗЕМЕЦ , СТРАДАЮЩИЙ *UBUBA*УБУБА

Единственный по-настоящему высокий мужчина - старый Макачу, староста соседней деревни и в то же время глава одного из двух кланов, на которые разделены живущие здесь вангони. Я измерил Макачу и обнаружил, что его рост немногим меньше шести футов. Если этот рост делает его похожим на Саула среди своего народа, очевидно, насколько слабо развиты остальные из них. Действительно, старики племени, когда они тащатся в *баразу*, чтобы поговорить со мной, кажутся совершенно истощенными от хронического недоедания; и подрастающее поколение не обещает ничего лучшего. “Нет, это не зулусы”, — сказал я себе, впервые увидев их; и с тех пор я обнаружил, что этот вывод подтверждается всевозможными доказательствами.



МАДЖАЛИВА, САИДИ И МАКАЧУ

Во-первых, в устройстве их хижин нет ни единого южноафриканского штриха. Широко разбросанные деревни, через которые мы проезжали последние несколько часов пути из Махуты, в точности похожи на деревни на равнинах к западу от плато. Единственное отличие заключается в том, что поля здесь, по-видимому, лучше ухожены и с самого начала были лучше расчищены и разбиты. Но тогда одно дело расчищать территорию в большом лесном массиве, и совсем другое - выжигать кустарник, который растет в этих краях. Детали постройки хижин также точно такие же, а внутри такой же дикий беспорядок, и в них стоят те же запасы зерна, горшки и ящики из коры, те же кровати и то же тлеющее полено в очаге, что и в Макхауру или Акундонде; в то время как внешние стены покрыты такими же детскими рисунками, какие можно найти в других частях страны.

Но давайте рассмотрим язык и историю этой группы людей. Среди моих носителей у нас есть в лице Мамбо саса настоящий зулус, мнгони из Рансеве. Эти вангони - потомки той волны

зулусов, которая проникла дальше всего на север. В то время как основная часть воинов, которые три четверти века назад пересекли Замбези,[67] обосновались на обоих берегах Ньясы и основали там королевства, среди кровавой борьбы эти вангони продолжали продвигаться на север вдоль восточного берега Танганьики, пока их продвижение также не было остановлено в северо-западном Уньямвези. Под именем Ватута потомки этих первых завоевателей продолжали свою хищническую карьеру в течение нескольких десятилетий, пока капитан Лангхельд в девяностых годах не поселил их в буше в Рансью, где они живут и сейчас. “Теперь, Мамбо саса, можешь переводить!” - Сказал я своему веселому другу, когда появились вангони. Я уже не раз упоминал Мамбо; он - обычный шут для всей компании; его голос, хотя и не мелодичный, мощный и неутомимый, и его импровизированные частушки не умолкают в течение дня, будь то на марше или в лагере. Поскольку вангони из Нчичиры противостояли мнгони из Рунсеве, я приготовился делать заметки своим обычным способом. Мамбо, когда я убедился, что он понял мой первый вопрос, повторил его на своем родном языке, но ответа не последовало; мужчины просто уставились на него в замешательстве. Повторные эксперименты приводили к тому же результату; было совершенно ясно, что предполагаемые соплеменники не могли понимать речь друг друга. Впоследствии я допросил обе стороны по отдельности и записал столько из их соответствующих языков, сколько позволила невероятная и одинаковая глупость доброй Мамбо саса и старейшин Нчичиры. Насколько мне удалось получить связное представление о результате, мое предположение подтверждается; у вангони этого района нет ничего общего, кроме названия, с теми, что обитают в горной местности близ Сонгеа. Они представляют собой именно такое скопление разрозненных племен, какое мы находим повсюду на юге нашей колонии.

Ясное доказательство того, что я прав в приведенном выше мнении, было предоставлено мне при обсуждении истории племени. После великана Макачу моим главным информатором является старый Маджалива, в окрестностях деревни которого построена *бома*, и поэтому мы, так сказать, являемся его гостями. Он также является главой второго клана, упомянутого ранее. Более молодой и “образованный” элемент представлен Саиди, преподавателем в Нкунди, который прибыл в качестве переводчика в ответ на мою настоятельную просьбу о его помощи. В конце концов, здешние люди слишком примитивны для чего бы то ни было. Полдюжины других мужчин, в основном пожилых, которые, кажется, больше озабочены тем, чтобы отхаркнуть всю мою *баразу*, чем пополнением моих знаний об истории их племени, служат для пополнения фона, стоящего за вышеупомянутыми тремя достойными людьми.

Во-первых, Маджалива и Макачу рассказали мне о своих семьях. Первый принадлежит *лукоху* (= *лукосе*) племени Макале, второй - племени Ваквама. Макачу, впечатление от прекрасного роста которого несколько портят очень высокие плечи, между которыми его голова кажется совершенно опущенной, затем, без приглашения, начинает рассказывать, как он родился недалеко от реки Лукимва, но его народ был изгнан оттуда в Млухези, когда он был мальчиком. Совершенно машинально при слове "мальчик" старик, сидя на земле, поднимает руку в горизонтальное положение, и так же машинально его рука поднимается так, чтобы образовать прямой угол с его рукой. Это вангони, продолжает он, прогнали их.

“Тот самый вангони?” Я удивленно спрашиваю: “Но вы сами мнгони!”

- Да, но все равно это был “Вангони”.

Я подумал, что в данный момент лучше не смущать старика, поэтому больше ничего не сказал, и он продолжил: “Когда у меня только начала расти борода” — короткая борода

Макачу теперь совсем побелела, — “вангони пришли снова, но на этот раз их было столько, сколько саранчи, и нас прогнали до самого Намагоне”.

ВИД Из НЧИЧИРЫ НА РОВУМУ, ОЗЕРО НАНГАДИ И ПЛАТО МАВИЯ

У меня, конечно, всегда под рукой моя единственная и высоко ценимая карта, и один взгляд на нее показывает мне, что такой вождь, как Намагоне, действительно существует и что его деревня находится на правом берегу Ровумы, на 38 ° 26' восточной долготы, так что один отряд этих вангони должен был в тот или иной момент во время своего отступления забраться так далеко на восток, как этот. Это подтвердили несколько других мужчин, сидевших рядом. Камбале говорит, что он тоже был мальчиком у Намагоне, а Лиамбаку, младший брат Маджаливы, утверждает, что он родился в Лукимве.

Макачу как раз собирается продолжить свой рассказ, когда Маджалива, старший из присутствующих, открывает свой иссохший рот со стертыми обрубками зубов, чтобы сказать: “Из Лукимвы мы отправились к Кандулу, вождю племени Яо; вангони выгнали нас оттуда; сначала мы отправились к Намагоне, а затем к Макачу, где пробыли год. Но вангони пришли снова и снова выгнали нас, и мы приехали в Нчичиру. Но даже здесь они однажды напали на нас, и это было в то время, когда вы, вадачи (немцы), построили свою *бому* в Линди”.

Больше никто не предлагает выступить, так что я, в свою очередь, могу вставить слово.

- Тебе есть что сказать о том зле, которое причинили тебе вангони, но разве они не твои братья?

Оживленная жестикуляция по всему кругу. “Нет”, - единодушно отвечают, - “они наши злейшие враги”.

“Но вы наверняка понимаете их язык и говорите на нем?” И снова решительный отказ. Дальнейший перекрестный допрос дал следующее объяснение: -

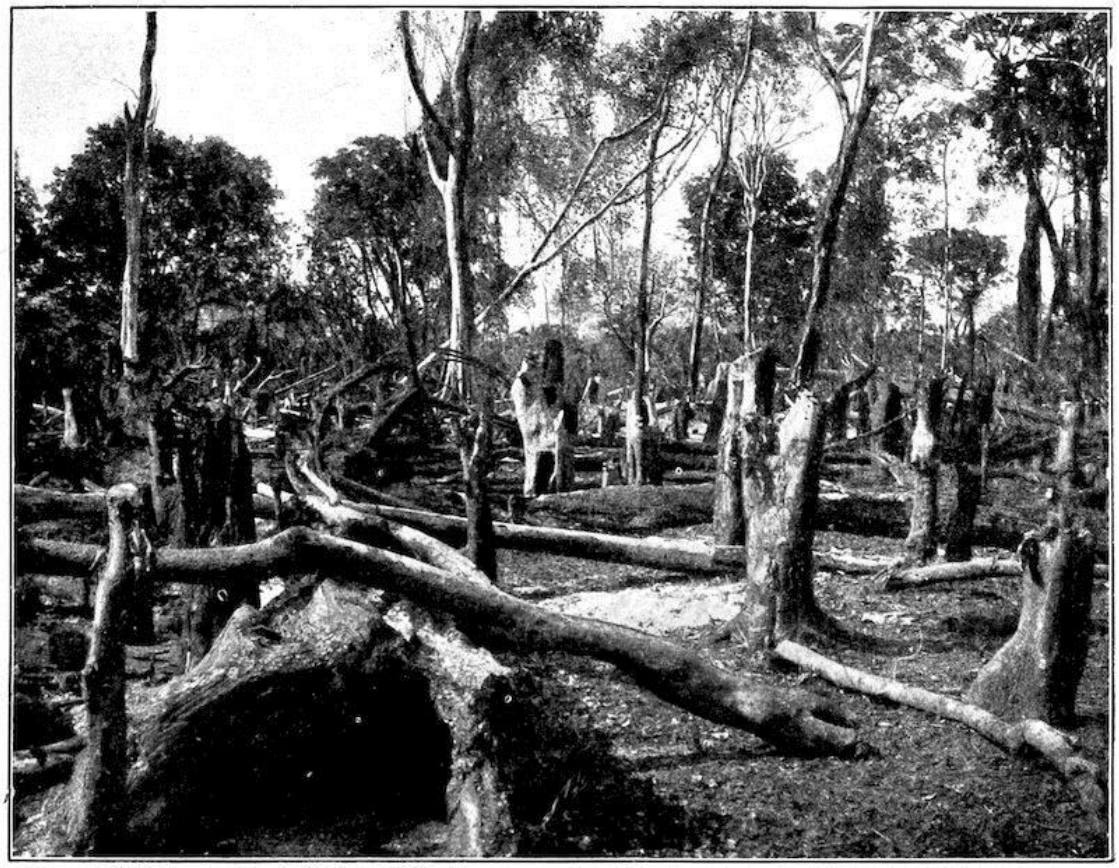
“Мы, жители Нчичиры, называем себя вангони, но людей из Сонгеа мы называем мафити. Давным-давно они пришли из далекой страны, но мы не знаем, из какой страны они пришли

. Наши отцы всегда жили на Лукимве, и если бы не то, что злые мафити так часто совершали набеги на нас, мы бы жили там до сих пор. Мы не родственники ваматамбве, но мы хорошие друзья с ваяо; наши отцы всегда находили у них убежище во время войны".

Таким образом, подробное изучение вангони в Нчичире показывает, что, как уже говорилось, они представляют собой конгломерат всевозможных элементов, которые во время долгих смут мафити бежали в этот отдаленный уголок и объединились в своего рода собственную племенную единицу. Насколько они похожи — или пытаются походить — на яо, ничто не показывает яснее, чем тот факт, что почти все женщины носят *кипини* или шпильку в носу; *пелеле* среди них большая редкость. Хотя я разочарован новыми и странными чертами, с которыми я надеялся встретиться, если бы вангони оказались настоящими зулусами, я не могу не испытывать определенной гордости за то, что исправил старое ошибочное представление об этих людях, которое даже сейчас распространено на побережье: все же я не могу отрицать, что это открытие заставило меня меньше неохотно покидать Нчичиру, чем я должен был бы быть в противном случае.

Все время, которое я посвятил моим расспросам среди старейшин Вангони, Кнудсен проводил на охоте в аллювиальной долине реки Ровума с ее богатым разнообразием высоких, густых лесов, зарослей кустарника и открытых, похожих на луга полян. Мне часто казалось, что я слышу звук его выстрела, так близко под *бома* Нчичиры расположены эти охотничьи угодья, и не раз, стоя на плато, я воображал, что могу следить за его сутулой фигурой, когда он быстро и в то же время осторожно продвигался по дну долины.

Единственная вечерняя прогулка, возможная в Нчичире, очень короткая, но раскрывает почти всю красоту. Солнце только что село за далекую Ньясу, и, совершенно измученный, я откладываю карандаш и записную книжку, закуриваю свежую сигару (к этому времени у нас уже был запас сигар, но не из индийского магазина в Линди, а настоящих лейпцигских), зову своих носильщиков следовать за собой и покидаю *бому* быстрым шагом. Мы идем вдоль частокола, пока он не заканчивается, и тогда мы достигаем цели; долина Ровума во всей своей красе лежит прямо у моих ног. Изобразить закат словами — непростая задача, и здесь, когда к своеобразному характеру страны с ее замечательными контрастами между высочайшей степенью эрозии и наибольшим количеством аллювиальных отложений добавляется неописуемое богатство красок вечернего неба, перо подводит - хотя бы потому, что при виде такой красоты человек со слабыми чувствами не может перенести свои впечатления на бумагу. Если бы я мог фотографировать в цветах, какая бы у меня получилась картина! Но поскольку я ограничен использованием обычных или, самое большее, ортохроматических пластинок, мне придется, придя домой, сделать все возможное со своей записной книжкой, чтобы дать некоторое представление о славе, свидетелем которой я был.



ЛЕС, РАЗРУШЕННЫЙ ТУЗЕМЦАМИ БЛИЗ НЧИЧИРЫ, ДОЛИНА РОВУМА

Плато здесь, в центре его южного края, намного ниже, чем в Ньюале; его высота может быть оценена от 1300 до 1500 футов. И все же долина Ровума шириной от шести до девяти миль и высотой над уровнем моря, в своей самой низкой точке едва достигающей 200 футов, производит впечатление обширного размытого оврага. Два его края абсолютно похожи, и любому ребенку должно быть ясно, что плато Мавия на другой стороне и высокогорье Маконде на этой имеют одинаковый возраст и одинаковое происхождение. Ровума, работая вниз, как пила, постепенно раскопала этот каньон на старом плоскогорье. Сейчас, в конце сухого сезона, река выглядит более бедной, чем когда-либо, — скудная ниточка воды струится по руслу шириной более полумили, заполненному огромными насыпями из гравия и песка. Река в разливе, должно быть, представляет собой величественное зрелище, но сегодня преобладающая нота пейзажа - нежная и жизнерадостная. Под нами невооруженным глазом виден целый ряд террас, обозначающих различные уровни затопления, в то время как аналогичные террасы можно разглядеть в полевой бинокль на португальской стороне реки. Серая полоса с блестящей серебряной нитью в ней кажется такой близкой, что до нее можно дотронуться рукой, но Кнудсен говорит, что до берега реки добрых два часа ходьбы - настолько обманчив удивительно чистый воздух. Это правда, что и здесь к небу поднимаются клубы дыма — временами они особенно плотные и частые на другой стороне долины, между рекой и озером Нангади. Я почти склонен думать, что Мавиа хотят выкурить незадачливого португальца, который, вероятно, размышляет в своей *боме*, которую легко различить через стекло, о причине, по которой он был обречен провести здесь свою жизнь: так многочисленны концентрические зоны огня, которые, кажется, окружают его одинокое жилище. Справа от нас серое русло реки с зелеными берегами тянется на запад, пока не теряется вдали. Озеро Лидеде отнюдь не близко, но и оно, благодаря эффекту перспективы, кажется лежащим у наших ног, так далеко, что я могу заглянуть за него в глубь континента. И над всем этим западный и южный горизонт

переливается тысячью ярких оттенков. Кажется, что солнце из любви к такой красоте заходило медленнее, чем это обычно бывает в тропиках; оттенки заката бледнеют и исчезают очень постепенно. Я с трудом смог оторваться от этой картины, чтобы сделать один или два снимка с наименьшей задержкой, в то время как мои темнокожие друзья молча стояли позади меня, очевидно, впечатленные не меньше, чем их хозяин. Сначала темнота наступала медленно, но через некоторое время тени, становясь все глубже и быстрее, опустились на Лидеде и Нангади; затем первые мрачные тона коснулись лугов и зеленого леса, и некоторое время среди сгущающейся темноты виднелось только светло-серое русло реки. В целом я очень прозаичный человек, но я вполне готов признать, что один-единственный такой закат с лихвой окупил бы мой поход в Нчичиру, даже если бы я не обнаружил там Вангони.

Итак, в этой долине Нильс Кнудсен наслаждался охотой. В любое время первого же случайного туземца, который подойдет к нему с замечанием: “Хозяин, там внизу слоны”, достаточно, чтобы отослать его за десять минут в лучшем темпе, который позволяет его раскачивающаяся походка моряка. Однако он достаточно благоразумен, чтобы больше не полагаться на свои древние мушкетоны, и попросил меня одолжить ему одну из моих винтовок.

Однажды днем я, как обычно, сижу со своими преподавателями-туземцами. Наши занятия в Кингони продвигаются не очень удовлетворительно. Если я попрошу умного саиди перевести: “Твой отец мертв”, я безошибочно получу предложение, которое при последующей проверке окажется означающим: “Мой отец мертв”. Если я хочу, чтобы он назвал мне Кингони вместо “Мой отец мертв”, он переводит (совершенно правильно, с его точки зрения): “Твой отец" и т.д., и т.п. Теперь я настолько привык к этим маленьким шуткам, что они меня больше не возбуждают, но еще большая трудность заключается в выяснении форм личных местоимений: “Я, ты” и т. Д. Они доставляли мне бесконечные неприятности даже в Ньюале, где мои учителя отнюдь не были глупцами. Здесь, что бы я ни делал, мне не удается выучить третье лицо единственного и множественного числа. Я пришел к первому и второму, конечно, по правилу противоположностей; ибо, если я скажу “я”, невольно указывая на себя, я уверен, что получу слово, обозначающее “ты”, и *наоборот*. Смирившись с разочарованием, я как раз собираюсь закурить сигару, чтобы успокоить свои нервы, когда ощущаю вокруг себя заметное возбуждение. Со скоростью, по сравнению с которой Фидиппид, должно быть, прибежал из Марафона черепашьим шагом, прибывает один из парней Кнудсена, бормоча что-то, чего я не могу понять. Все мои люди собраны в мгновение ока, и от них и от жителей *бома* я узнаю новость об успехе Кнудсена в убийстве большого слона. Его бивни “такие большие” — собратья вытягивают свои длинные, как у гиббона, руки, чтобы показать свой обхват, — а что касается мяса ...! Я видел, как у них потекли слюнки при этой мысли.

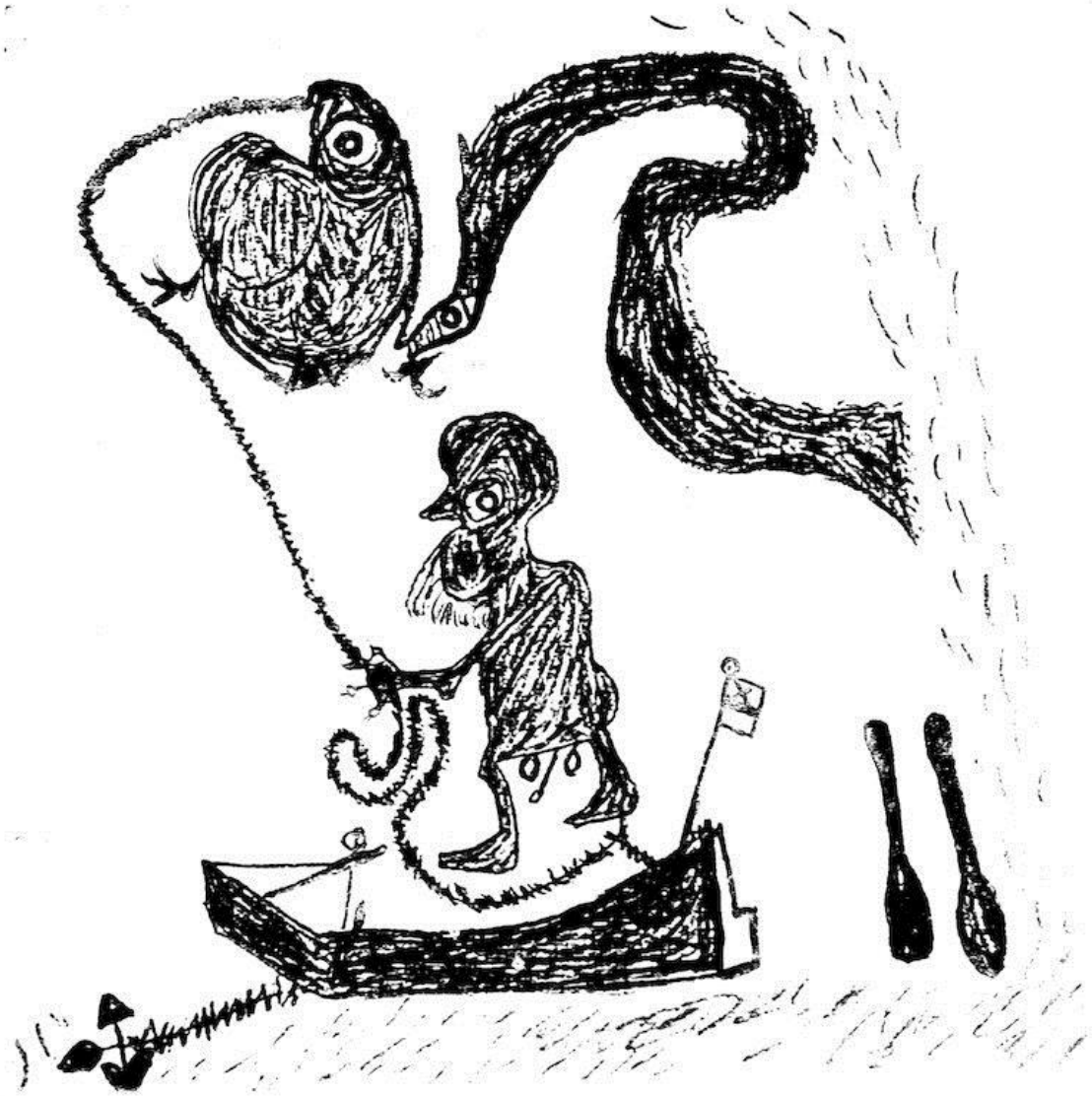
В тот и следующий день все внимание было приковано к убитому слону. Мужчины продолжали приносить настоящие горы мяса, и по всей округе пахло чем угодно, только не африканской кухней. Затем появились четыре лапы, затем бивни и, наконец, сам удачливый охотник. Его триумф, однако, был несколько омрачен тем фактом, что бивни были маленькими по сравнению с размерами животного и весили, по нашим подсчетам, не более сорока фунтов. Чтобы компенсировать это, он сообщил мне еще одну новость, на мой взгляд, гораздо более приятную: у людей в долине были дома, стиль которых совершенно отличался от всего, что можно увидеть здесь, — фактически, многоэтажные постройки. Нильсу пришлось подтвердить это самым торжественным образом, прежде чем я поверил ему; но, убедившись в его *добросовестности*, я не мог оставаться на плато больше ни дня. Ранним

утром следующего дня мы, как обезьяны, карабкались по окаймляющим его скалам в долину реки.

Последние несколько дней мы стояли лагерем здесь, недалеко от левого берега главной реки, в скудной тени низкорослых деревьев, окруженные зарослями камыша и высокой травы, в которых наши люди с некоторым трудом расчистили место для палаток. С этого места открывается обширный вид как вверх, так и вниз по течению, и, что удивительно, этот участок свободен от островов, которые в других местах загораживают канал, так что взгляд может беспрепятственно перемещаться через море песчаных отмелей к дальнему берегу. Крутые, размытые берега, с которыми мы познакомились на центральном течении реки, здесь тоже являются правилом. Сидя на вершине одного из этих крутых склонов, требуется определенная сноровка, чтобы поразить бегемотов, которые время от времени неожиданно всплывают из реки; даже Нильс, обычно меткий стрелок, раз за разом промахивается, к своему великому отвращению. Эти склоны - единственная живописная точка в обширном пустынном русле реки, где не видно ничего, кроме песка и гальки, гальки и песка. Между этими огромными массами дрейфа Ровума все еще более разбита на небольшие ручьи, чем выше по течению в устье Бангалы, и кочующим ваматамбве, которых здесь больше, чем в верховьях реки, нет необходимости упражняться в своих знаменитых способностях плавать и нырять, но они могут легко переходить вброд неглубокие протоки.

Это весьма прискорбно для Кнудсена, поскольку лишает его возможности доказать правдивость истории, которую он никогда не устает мне рассказывать о ваматамбве. Не довольствуясь утверждением, что они отличные пловцы и не боятся крокодилов, отчасти из-за их веры в чары, которыми они всегда наделены, а отчасти потому, что они гораздо проворнее в воде, чем рептилии, — он настаивает на том, чтобы они пересекали реку на самом высоком уровне, когда течение слишком сильное, чтобы спустить на воду свои каноэ, просто проходя по ней, хотя вода находится намного выше их голов. Хотя я и не могу, перед лицом его превосходящих знаний, опровергнуть это утверждение, мне несколько трудно в это поверить.

Состояние реки, как я уже отмечал, в настоящее время не позволяет им демонстрировать свое ныряние, а что касается их уверенности в том, что *дава* защищает от крокодилов, то мои собственные наблюдения не подтверждают того, что он мне говорит. По крайней мере, я вижу, что ваматамбве, которых он посылает через ла-манш к нашим ногам, чтобы подобрать многочисленных подстреленных им уток, всегда с беспокойством оглядываются по сторонам, когда им случается забраться на более глубокое место и как можно лучше добраться до берега.



РЫБАК Из МАТАМБВЕ ЛОВИТ ЧЕРЕПАХУ, КОТОРУЮ ПЫТАЕТСЯ СХВАТИТЬ ВОДЯНАЯ ЗМЕЯ. С РИСУНКА АСКАРИ СТАМБУРИ

Но это не та цель, с которой я спустился в Ровуму, и я могу отдать себе должное за то, что посвящаю реке только послеобеденные часы своего скудного досуга. Каждое утро мы занимаемся открытием, к которому Кнудсен отнесся с таким энтузиазмом. На этот раз, на этот раз, он был прав; но, поскольку самая простая фотография говорит больше, чем самое полное описание, я отсылаю читателя к прилагаемым иллюстрациям и даю только те дополнительные комментарии, которые абсолютно необходимы для того, чтобы сделать их понятными.

Наш отъезд из Нчичиры был немного задержан теплым дождем, который падал прямыми вертикальными полосами на сухой песок. И природа, и человек затаили дыхание при этом первом признаке приближающихся дождей. Но безжалостное солнце слишком быстро заявило о своих правах, и процессия тронулась в путь, вскоре исчезнув за крутым склоном. Спустившись на несколько ярдов, крутая тропинка перестала быть скользкой; горячие, сухие камни хрустели у нас под ногами — атмосфера, в которую каждый шаг погружал нас еще на долю ярда глубже, тоже была горячей и сухой; стало очевидно, что дождь здесь, должно быть, испарился, прежде чем достиг земли. Наконец мы добрались до подножия и вошли в густой лес из огромных деревьев. Но даже здесь мы не нашли приятной прохлады наших

немецких лесов; воздух, с которым мы столкнулись, был горячим, влажным и пахнущим плесенью, и ноге приходилось неуверенно пробираться по дрожащей почве.

“Если бы Департамент лесов только знал — здесь можно добыть много древесины!” Я как раз говорил себе, когда мы внезапно подошли к концу. Все выглядело так, словно прошел ураган или лавина сорвалась с соседнего обрыва. Могучие стволы лежали друг на друге, как сломанные спички, во всех направлениях; поистине прискорбное зрелище для экономного европейского глаза. С большим трудом мы вскарабкались дальше; земля становилась суше; тут и там мы наступали на кучи пепла, и тогда, оглядевшись вокруг, становилось ясно истинное положение дел. Даже здесь человек не оставит природу в покое. Несомненно, можно было бы ожидать, что плато Маконде, занимающее площадь в 6000 квадратных миль, обеспечит существование всего лишь 80 000 или 90 000 туземцев с их простыми потребностями. Однако на самом деле мы видим, что для них этого недостаточно. В данном случае подлесок был вырублен и сожжен на значительном расстоянии, а на большие деревья напали, как обычно, с топором и огнем. Повсюду еще тлели упавшие бревна, и исчезнувшие очертания великолепных деревьев были очерчены на земле контурами белого пепла. Пока я все еще в ужасе взирал на творящееся разрушение, мои люди привели одного из преступников — не кого иного, как самого старого Маджаливу. Он все еще держал в руке топор и широко улыбался от гордости за свои достижения.

Немецкая Восточная Африка не имеет избытка настоящей, коммерчески ценной древесины; знаменитый лес Шуме в Усамбаре и несколько других (замечательных своей редкостью) являются лишь исключениями, подтверждающими правило. Поэтому необходимость защиты доселе нетронутых лесных массивов на реке Ровума от расточительного земледелия местных жителей становится еще более насущной. У нас есть вполне обоснованное право запретить племенам, живущим по соседству с этой долиной, срубать в ней ни единого дерева, поскольку исключительно благодаря безопасности, обеспечиваемой немецкой администрацией, они вообще могут обрабатывать любые новые земли за пределами своих наследственных владений на плато. Если бы *бома* из Нчичиры не была посажена на вершине откоса, бросив вызов мавии по ту сторону долины, ни мнгони, ни Маконде не посеяли бы ни единого зернышка кукурузы за краем плоскогорья. Поэтому сегодня, зная, что под нашей защитой они в полной безопасности от набегов мавии, даже в долине, они спускаются вниз и уничтожают наши лучшие леса.

Пройдя немного дальше, достигнув вершины неровности почвы, мы, наконец, подошли к чуду, которое искали, — сразу двум экземплярам. С удивлением я очутился перед обычной башней и увидел, что мои люди непонимающе уставились на совершенно новый для них архитектурный стиль. Новый дворец Маджаливы — именно сюда старик уходил на покой каждый день после окончания нашего *шаури* — на самом деле не трехэтажный дом, как утверждал Нильс Кнудсен, но, проявив немного доброй воли, мы легко можем различить два этажа и мансарду. Первый этаж представляет собой квадратную квартиру со стенами из травяного покрова, заставленную горшками, калебасами, черпаками и прочими предметами домашнего обихода туземки, в центре которой между тремя комьями земли тлеет обычный костер. Первый этаж обставлен гораздо элегантнее, вот только доступ на него менее удобен, чем можно было бы пожелать. Мои ранние занятия гимнастикой позволяют мне без труда преодолевать примитивную лестницу, состоящую из перекладин, прикрепленных к опорным столбам с интервалом примерно в ярд; но Кнудсену они доставляют немало хлопот, и то, как старый Маджалива и его жена взбираются по ней каждую ночь, словно цыплята на насест, выше моего понимания. Их спальные апартаменты довольно удобны — бревна пола устланы толстым слоем соломы, а циновки, из которых состоят постельные принадлежности, такого

качества, что ими ни в коем случае нельзя пренебрегать. Поскольку *матриархат* среди вангони не действует, тот факт, что Абдалла, наследник дома, живет на чердаке, не нарушает никаких правил приличия. Для туземного жилища это тоже очень аккуратно обставленное жилище с мягкой постелью, циновками и корзинами с провизией.

СВАЙНОЕ ЖИЛИЩЕ На РЕКЕ РОВУМА, НЕДАЛЕКО От НЧИЧИРЫ

Таков был мой первый взгляд на свайные жилища этого региона. За ним последовали более обширные исследования, но основные черты этих сооружений везде одинаковы. Мое первое предположение о причине такого способа строительства заключалось в том, что он был принят для защиты от комаров в окрестностях реки, а также для обеспечения безопасности во время наводнения. Некоторые из этих хижин, на самом деле, находятся в пределах досягаемости от наводнений в сезон дождей; но большинство расположены на вершинах горных хребтов, значительно превышающих отметку прилива. Если мы спросим туземцев, почему они строят свои хижины именно таким образом, ответ всегда будет один и тот же — “*Пембе*“ ("Слоны”). Сначала я не хотел в это верить, поскольку слон - чрезвычайно пугливое животное, которое при любых обстоятельствах избегает близости человека; но мне сообщили, что местные представители этого вида несколько отличаются характером от своих сородичей в других местах. Всего за несколько дней до этого один из этих монстров совершенно неспровоцированно схватил мнгони, мирно занимавшегося своими делами, и подбросил его в воздух. В свете этих фактов прочный частокол, окружающий многие из этих высоких сооружений, нельзя считать ненужной предосторожностью. В любом случае, обнаружение этого района, застроенного сваями, в пределах легкой досягаемости от побережья было почти таким же приятным сюрпризом, как и мой успех в разделении племен в Ньюале.

Здешняя жара, безусловно, заставляет нас пожелать вернуться в сравнительно низкую температуру этого места. Днем в палатке невозможно оставаться ни минуты, столбик

термометра там превышает 104 °, в то время как даже под нашей *банда* (наспех возведенное укрытие из травы) мы сидим, обливаясь потом при температуре 98 ° и 99 °. Вечерний шторм, который был ужасом нашей жизни в Невале, здесь полностью отсутствует, но, с другой стороны, нас мучает легион москитов, от которых мы можем спастись, только укрывшись сетями вскоре после захода солнца.

“У вас есть еще что-нибудь на уме?” Я только что спросил неутомимого Кнудсена, который выглядит совершенно измотанным. - Я имею в виду, - добавляю я, видя, что он не сразу понимает, - есть ли у вас в запасе еще какие-нибудь этнографические диковинки?

“Насколько мне известно, нет”, - таков его ответ.

- Что ж, тогда давайте сегодня снова двинемся в путь, до *бома* Нчичиры, а завтра утром в 4.45 мы отправимся в Махуту.

“Давайте сделаем это немедленно, во что бы то ни стало!” - отвечает Кнудсен и идет в свою палатку сменить промокший костюм цвета хаки.

ГЛАВА XVII
ДОСТИЖЕНИЕ

Махута, 8 ноября 1906г.

Теперь на десерт к моему празднику исследований. Пусть не все его компоненты были одинаково аппетитны, тем не менее, несколько блюд были хорошими — некоторые из них, действительно, очень вкусными — и в них было много лакомых кусочков; в то время как десерт вполне соответствует целому: — никаких дополнительных затрат на пищеварение, но приятный, постепенный переход к послеобеденной сигаре, кофе и горьким напиткам. Таким Махута до сих пор казался мне.

Каким церемонным с самого начала был наш прием! Это правда, что все африканцы обладают прекрасными манерами, независимо от того, надели ли они уже белые *канзу* жителей Побережья или ходят в скудной набедренной повязке первобытного человека. В каждом месте, которое я посещал в этой стране, старейшины деревни всегда выходили мне навстречу и выражали свое почтение. Но Абдаллах бен Малим, вали из Махуты, превосходит их всех той точной формальностью, с которой он приветствовал меня. Недаром он занимает самое высокое положение в этом районе; и мы были склонны стыдиться наших запачканных и поношенных костюмов цвета хаки и вообще нашего пыльного и обветшалого состояния, когда Вали, одетый в длинную черную расшитую куртку прибрежного араба и с мечом, отделанным серебром, в руке, встретил нас задолго до того, как мы достигли Махуты.

Наши покои тоже выглядели очень многообещающе. Протиснувшись в *бому* через невероятно узкую щель в частоколе, мы были поражены восхищением. Ограда почти вдвое больше всех других, которые мы видели, и широкая аллея из каучуковых деревьев и маврикийского алоэ пересекает ее от одних ворот до других. Жилые дома расположены в упорядоченном порядке по обе стороны этой улицы. Вид добротно построенного дома

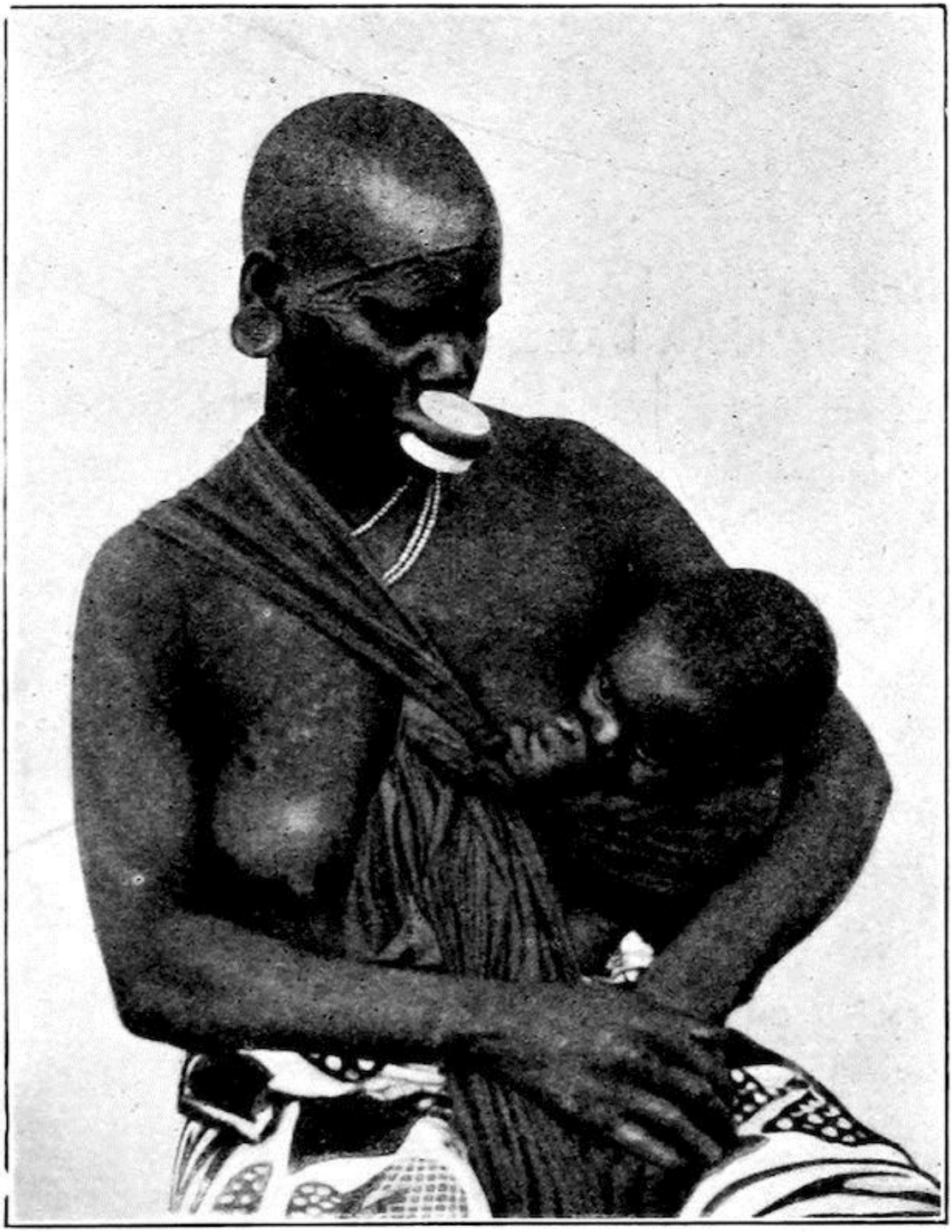
отдыха позволил мне легко отказаться от Профессорского домика у оврага. Вскоре наши палатки были разбиты на открытом пространстве, в то время как носильщики и солдаты распределились, согласно обычаю, по различным хижинам и комнатам людей, населявших *бому*. Едва мы устроились, как Абдалла счел нужным навестить нас. Будучи все еще в праздничной одежде, он, казалось, чувствовал себя вправе претендовать на длинное кресло Кнудсена для себя. Я был занят тем, что мыл левую ногу, которую вывихнул на борту "*Принцрегента*" и которая доставляла мне огромную боль и дискомфорт на протяжении последних нескольких месяцев. Голос Абдаллы был громким и не мелодичным; он говорил без умолку и отхаркивался повсюду со свободой и меткостью, которым мог бы позавидовать пресловутый янки. Несмотря на мое укоренившееся уважение к правительственным чиновникам, независимо от цвета кожи, я был вынужден, в конце концов, в интересах самосохранения попросить Кнудсена обратить внимание вали на неприличие его поведения; да ведь даже *вашензи* - язычники буша — не поступили бы так в присутствии *Бваны Мкубвы*. Намек возымел немедленное действие.

ВАЛИ Из МАХУТЫ

Сейчас восемь утра, солнце стоит уже довольно высоко — в это время года оно стоит над Махутой в полдень довольно вертикально — и два европейца наслаждаются восхитительным утренним воздухом. Воздух Махуты превратил бы ее в замечательный оздоровительный курорт, здесь нет изнуряющей жары или неприятного холода, нет тумана и штормового ветра, но отличная питьевая вода совсем рядом, на краю плато, чистая *бараза* и множество домашней птицы — чего еще может пожелать сердце? Мы как раз наслаждаемся утренними сигарами, когда слышим странный шум. Это отдаленный гром? или маконде воюют с нами? Он приближается все ближе и ближе, и по мере того, как раскатистый, ритмичный звук становится громче, мы начинаем понимать, что он приближается сразу с нескольких разных направлений, с востока, запада и, по-видимому, также с севера. Вскоре мы узнаем в нем бой барабанов, смешанный с пением. Выйдя из-под крыши и пройдя между палатками, мы видим, что люди уже вливаются в узкие ворота кажущейся бесконечной процессией.

Черные массы уже собрались посреди просторной *бома*, но с обеих сторон вливаются новые толпы; проспект полон — черное, бушующее море разливается за ним по боковым ограждениям, гремят барабаны, визжат голоса, *лулутаи* поют, — цветные флаги, больше похожие на цветастые носовые платки, чем на что-либо другое, развеваются на длинных шестах над головами толпы, и над всем этим нависает небо с его сияющим солнцем и бесчисленными стаями пушистых облаков. . Картина, безусловно, уникальна в своем роде и по своей дикой красоте вполне подходит для того, чтобы соблазнить кисть Брейгеля.

Я не умею рисовать, но что толку иметь около тридцати темных слайдов, хорошо снабженных пластинками? Но тогда в какую сторону следует обратиться при таком переизбытке предметов? Вот огромный круг мужчин, женщин и детей; шесть могучих барабанов гремят в бешеном темпе и точно в такт, как будто движимые какой-то невидимой силой; все огромное собрание двигает руками и ногами, ртами и кистями как один человек. За пределами этого огромного кольца находится еще один круг стройных молодых девушек, только начинающих становиться женственными. Их *нтунгулулу* вибрирует в воздухе самыми пронзительными высокими частотами, в то время как их ладони, высоко поднятые в воздух, хлопают в такт эволюциям других исполнителей. “О! Я понимаю, *ликвата*” — в конце концов, запас человеческих идей очень ограничен. Разочарованно отворачиваясь, мы видим на заднем плане, занимающие половину одной стороны *бома*, две шеренги снайперов, тренирующихся под огнем в истинно африканской манере. Туземец презирает прятаться, он фаталист — если в него попадут, что ж —*Иншаллах!* Это очень ярко проявляется в *танц*емаджимаджи, мимическом представлении позднего восстания. Черная линия атаки атакует бегом, невзирая даже на жуткое “дыба-дыба” из “*Бум-бум*” — этих адских машин, из которых вадачи — проклятые немцы — могут выпускать тысячу пуль в минуту. Тщетно — даже сильный *дава* из Хонго, великий военный врач, не может защитить их от уничтожения. Враг уже набирает силу — как *маджимаджи* может противостоять ему? Инстинктивно вся шеренга отступает перед острыми штыками *аскари*, насколько позволяют размеры “поля боя”, а затем, завывая свою боевую песню, они снова бросаются в атаку. Это продолжается часами.



МАТЬ И ДИТЯ

Я сделал все, что мог, с фотоаппаратом и кинематографом, и теперь мой запас тарелок истощен, как и я. Тем временем солнце поднялось к зениту; пятьсот туземцев стоят и бездельничают, усталые, голодные и изнывающие от жажды, под лишенными тени каучуковыми деревьями, в то время как повара, со своей стороны, заказывают суп, цыпленка и омлет с бананами.

Абдалла имел в виду благие намерения, призывая это огромное войско туземцев, но с самого начала я понял, что бесполезно привлекать так много людей сразу. Через некоторое время *вали* тоже понял это и снова послал за деревенскими старостами издалека и поблизости, обращаясь к ним примерно следующим образом: “Завтра утром вы, Ньямба” — или, в

зависимости от обстоятельств, “должны прийти в восемь и привести жителей вашей деревни, а они должны принести *мидиму* и *митете* (танцевальные маски и табакерки), сколько у них есть, и все другие вещи, которыми вы пользуетесь в доме и в *шамбе* и в буше, потому что белый человек любит такие вещи и заплатит вам за них пайсами и рупиями. А послезавтра, - он поворачивается к следующему мужчине, — ты должен прийти со своими людьми и принести все, что я тебе только что сказал. Староста, чтобы показать, что он понял, отдает честь, приложив руку к фуражке, следующий следует за ним, и так далее по порядку.

Новый план полностью удался. Утром у меня есть время сфотографировать людей по отдельности, сделать видеозаписи танцев и игр, сделать фоторепортажи и так далее. Середина дня тратится на изучение бесконечного разнообразия келоидных узоров, модных среди местного населения, а вторая половина дня посвящается торгам с мужчинами по поводу их домашнего обихода и других принадлежностей, украшений, оружия и т.д.

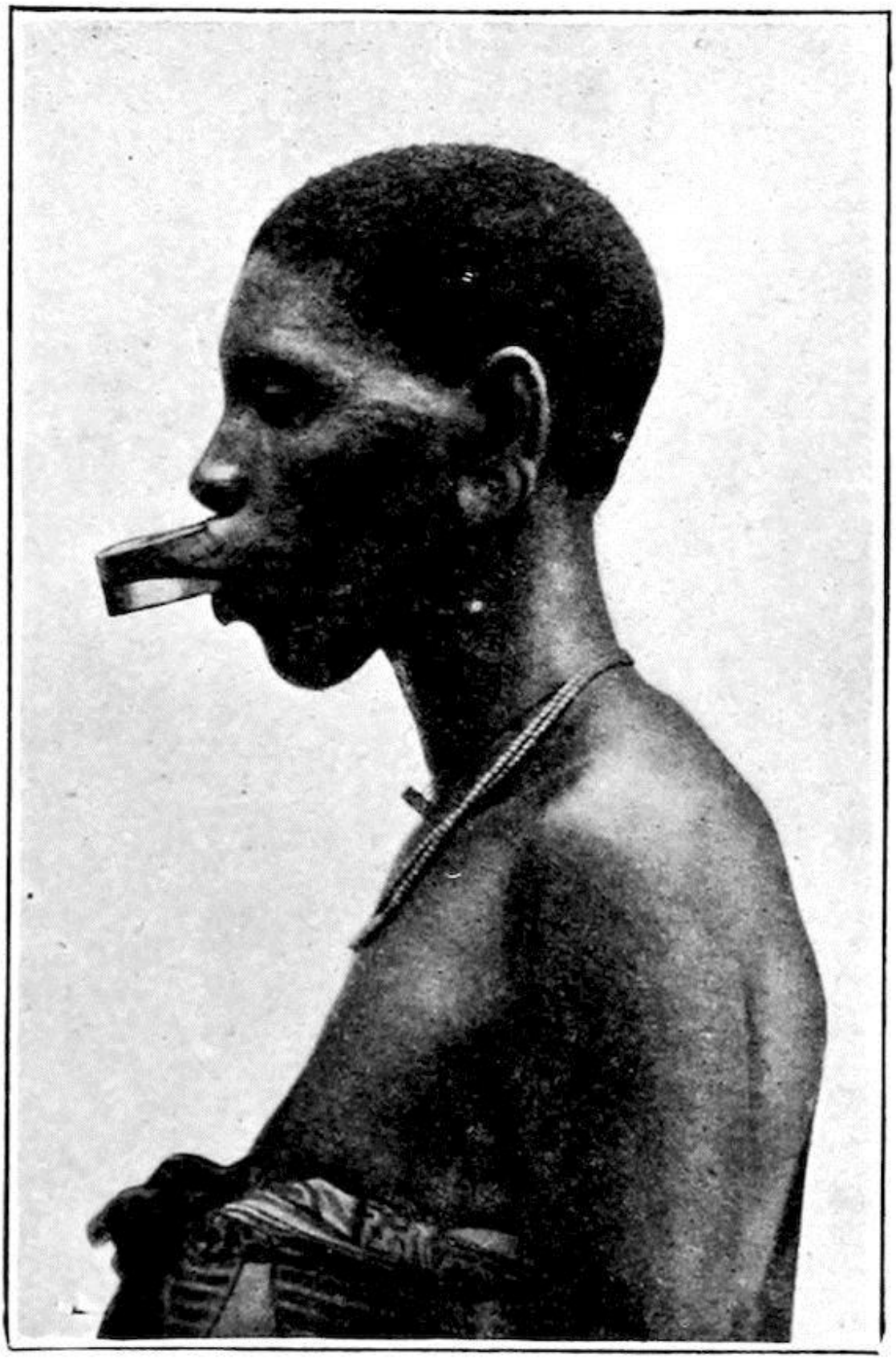
ДВУХЭТАЖНЫЕ ДОМА В НЧИЧИРЕ НА РЕКЕ РОВУМА

ДЕВУШКА Из МАКОНДЕ С ПРОКОЛОТОЙ ГУБОЙ ДЛЯ *ПЕЛЕЛЕ* И ИЗЪЯЗВЛЕННОЙ

А женщины! Тесно прижавшись друг к другу, их головы, словно повинуясь единому порыву, наклонены вперед и вниз, группа из тридцати или сорока женщин-макондэ стоит в углу *бома* в Махуте. Еще мгновение назад они болтали изо всех сил — затем подошел странный белый человек в желтом пальто, и все сразу же притихли, как мыши, только двадцать или тридцать

младенцев на спинах продолжали храпеть или вопить, в зависимости от обстоятельств, как и раньше. Я уже давно нашел правильный способ общения с женщинами — при первой же небольшой шутке исчезает застенчивость, поднимаются головы и легко создается нужное настроение. Действительно, крайне необходимо добиться этого результата какими-то средствами; в этих головах и телах так много всего, что нужно изучить. Только смех, раздающийся вокруг них, заставляет каждую позволить белому мужчине присмотреться к ней поближе, возможно, даже прикоснуться к ней. Вскоре, однако, разносится слух, что незнакомец — человек богатый, неисчерпаемый— у него целые мешки и сундуки, набитые монетами, а его слуге приказано платить по звонкой монете каждой туземке, которая сделает то, о чем он ее попросит. Друзья и знакомые из других деревень говорили об этом, и, конечно же, это должно быть правдой. Мой опыт до этого момента показал мне так много странных проявлений человеческого тщеславия, что я думал, что для меня больше не может быть сюрпризов. Но я ошибся — в глубине зарослей Маконде меня ждали новые чудеса. По правде говоря, мне кажется чудом, что эти нежные губы могут выдержать такие огромные массы тяжелого дерева, диаметром в ладонь и толщиной в три пальца. Древесину ежедневно отбеливают тщательно промытым *каолином*. Процесс, с помощью которого отверстие в губе постепенно увеличивается до таких огромных размеров, уже был описан. Первоначальную операцию проводит дядя девочки по материнской линии. Ее мать следит за тем, чтобы отверстие оставалось открытым и увеличивалось, и день, когда вставляется первая твердая пробка, считается семейным праздником. Муж при необходимости вырезает для своей жены новые *пелеле*, каждое на размер больше предыдущего, и каждый раз, когда у него появляется возможность отправиться в лес, он приносит немного тонкой белой глины, которую она использует для отбеливания древесины. У молодой женщины, стоящей передо мной, хороший муж, как следует из ее имени Нгукимачи, что означает, что ей нет необходимости обманывать его, как это делают другие жены. Но он также знает, как хорошо она выглядит в своей *пелене* — она выделяется, на нее приятно смотреть, а когда она смеется, за ней великолепно сверкают зубы. Какими уродливыми по сравнению с ней кажутся вон те старухи! У них выпали зубы, и когда дрожащей рукой они подносят ко рту кусок каши, взятый из лежащей перед ними кучи, ужасно видеть, как еда исчезает в темной пещере, когда другая рука осторожно поднимает *пелеле*.

Следующие две женщины заслуживают большого сожаления. Обе молоды, одна девушка, другая молодая жена, но они всегда печальны, и хорошо, что им отказано в украшении *пелеле*. Независимо от того, сколько *давы* их матери и дяди наносили им на губы, рана становилась только хуже. У старшей передняя часть губы полностью изъедена изъязвлением, так что ее крупные белые зубы, просвечивающие посередине, делают ее рот похожим на рот Сунгуры, зайца. Их внешний вид не улучшается, и даже белый человек со своим большим ящиком лекарств ничего не может сделать, чтобы вылечить их. Неудивительно, что они грустят.

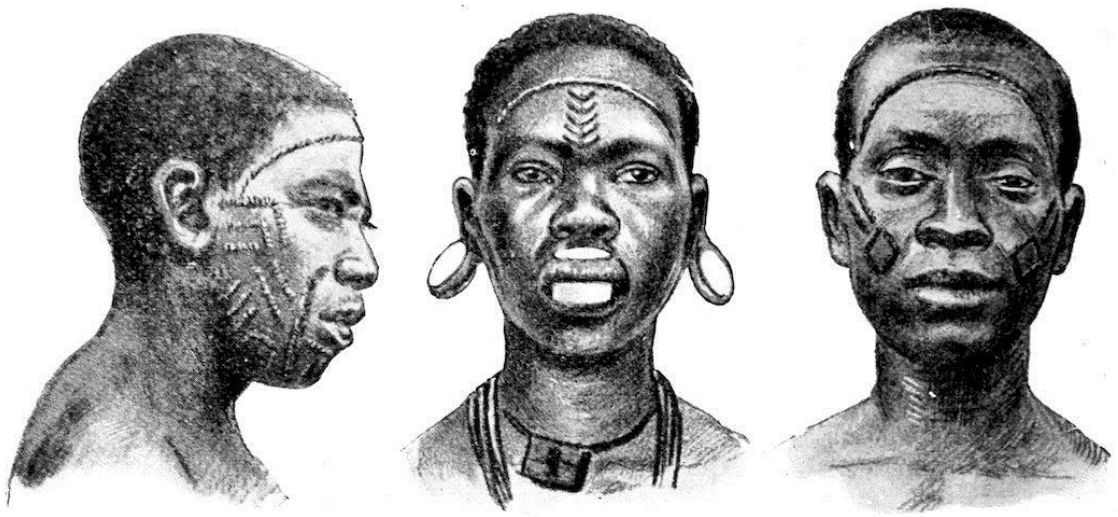


ПСЕВДОХИРУРГИЯ. ЖЕНЩИНЕ Из МАКОНДЕ С РАЗОРВАННОЙ ГУБОЙ, ИСКУССТВЕННО СОЕДИНЕННОЙ

Алитенгири, вон там, тоже выглядит серьезным. В последнее время смерть была частым гостем в ее доме; более того, она потеряла стольких своих родственников, что ее *шамба* не поддается культивированию. Раньше она была очень оживленной и болтала так быстро, что

глаз едва успевал следить за движениями ее *пелены*, которая была очень тонкой, такой большой, что ее губа едва могла ее поддерживать . Сейчас она выглядит сильно изменившейся — она больна? или *пелеле* уменьшилась? Но это невозможно. Давайте спросим, в чем дело. Она не отвечает — из нее нельзя вытянуть ни слова. Но вскоре я замечаю, в чем дело; должно быть, у нее отвисла губа, и она ее зашила — я уже заметил полоску синего вещества, приклеенную к ней, — и теперь она не смеет говорить или смеяться, боясь снова открыть рану.

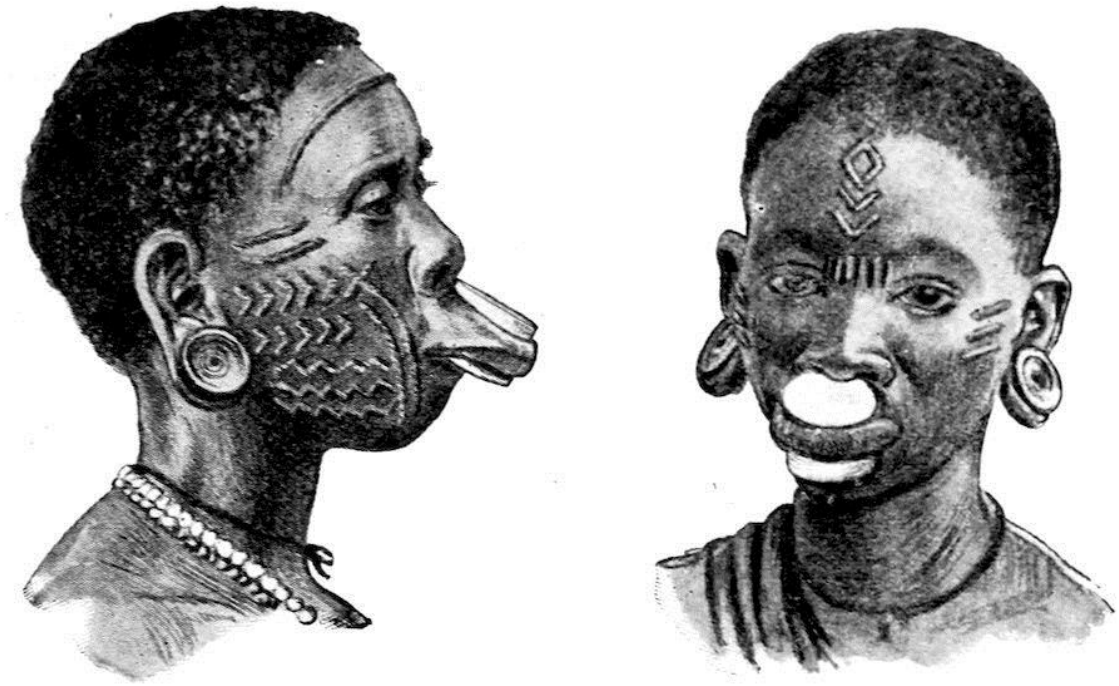
Нет сомнений, что самые большие *пелерины*, которые можно найти на всей южной территории, носят женщины Махуты и ее окрестностей. Блоки диаметром от семи до семи с половиной сантиметров и толщиной от трех до пяти сантиметров не являются редкостью. Это сверкающее белое украшение с черными или белыми дисками размером с полкроны, которые надеваются на мочки ушей, которые растягиваются аналогично губам, образуя триаду украшений, которая в целом, несомненно, уникальна. Однако для женщины Маконде этого недостаточно — ее лицо и большая часть тела покрыты *келоидами*, которые, на первый взгляд, представляют собой поразительное разнообразие рисунков. Однако при рассмотрении оказывается, что их составляющих элементов на удивление мало. Современный абориген дает этим элементам такие названия, как *титополе* (“ловушка для голубей”), *чикоромбве* (“копье для рыбы”),[68] *чека* и др. Первый из этих узоров представляет собой изгиб, который может обозначать согнутую ветку голубятни; *чикоромбве* больше похож на ель; *тека* - это *читополе* с центральной осью. Имеют ли эти узоры какое-либо реальное отношение к ловушкам для птиц или рыболовным копьям, я не могу сказать, поскольку туземцы не знают; но одно можно сказать наверняка: ни один из них в настоящее время не может рассматриваться как подлинный племенной знак. Новичок склонен смотреть на них как на таковые, пока его не научат лучше, как меня в самом кратком изложении старого Макачу. Этот почтенный мужчина весь покрыт тем же рисунком, что и женщины, хотя некоторые из его вещей гораздо хуже изношены. Я спросил его, почему он удостоен такой награды, ожидая получить длинную диссертацию о племенных знаках и подобных институтах, и был несколько озадачен, когда он просто сказал “*Нинапенда*” (“Потому что мне это так нравится”).



КЕЛОИДЫ МАКОНДЕ

Фактически, это, по-видимому, единственная причина, по которой вообще применяется *келоидный* узор, а также для выбора рисунка в каждом отдельном случае. В Невале, в Нчичире, а теперь и в Махуте я сфотографировал или, по крайней мере, обследовал несколько сотен человек, в результате чего, насколько я могу прийти к какому-либо

заключению в настоящее время, ни по одному из рисунков невозможно определить национальность владельца. Каждая из этих фигур была выбрана по тому же принципу “*нинапенда*”.



ЖЕНЩИНА Из МАТАМБВЕ И МАКУА С КЕЛОИДНЫМИ РУБЦАМИ

Нельзя отрицать, что даже в этой форме украшения есть мода. Откуда—то появляется новый образец - он находит признание сначала у одной матери, затем у другой и так быстро распространяется по целому поколению, которому, конечно, приходится носить его всю жизнь, так что, по сути, его можно считать своего рода значком. Возможно, в прежние времена племена в этой части страны придавали более высокое значение искусству; но теперь уже невозможно доказать, что это было так, и, фактически, обычай, по-видимому, уходит в прошлое под влиянием современности. Это большое развлечение не только для меня, но и для других заинтересованных сторон, когда я внезапно прошу мужчину или юношу снять рубашку и показать мне свой *торс*. У пожилых мужчин есть настоящий зверинец из антилоп, змей, лягушек, черепах и других животных, а также *чикоромбве*, *читополе* и *тека*, украшающие их широкую грудь, в то время как подрастающее поколение может показать мало или вообще ничего. Последние больше не считают моду “хорошим тоном”; они положили глаз на побережье и его цивилизацию, и если они вообще критикуют себя, то довольствуются двумя вертикальными вырезами на висках, которые в моде у суахили. Яо и вангони из нчичиры уже в целом приняли эти сокращения, и другие племена будут продолжать делать это во все большей степени с каждым годом.

ЖЕНЩИНА Из МАКУА С КЕЛОИДАМИ НА СПИНЕ

Рисунки вырезает профессионал —*фунди*, который делает множество маленьких надрезов, втирает какой-то порошок и делает надрезы в одном и том же месте снова и снова, пока кожа не заживет, образуя рельефный шрам.

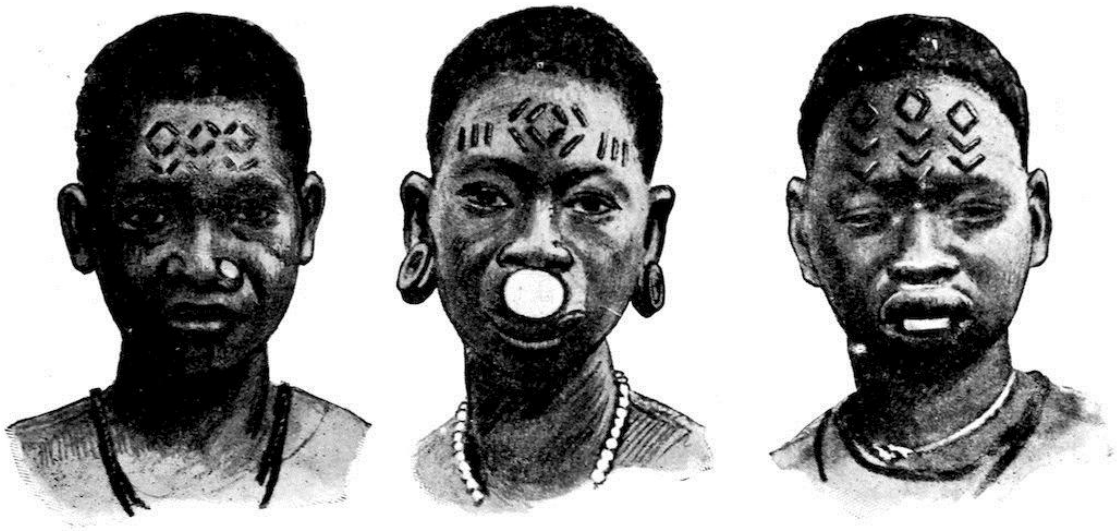
Важно, чтобы директор этнографического музея был хорошим дельцом даже в Европе; но тот же самый человек, если он хочет успешно собирать коллекции в Африке, должен быть более проницательным, терпеливым и беспринципным в переговорах, чем любой армянин. У меня уже была возможность упомянуть о неожиданных трудностях, с которыми я столкнулся в этом направлении, и поэтому нет необходимости сейчас выражать свои чувства, но маконды определенно не расположены облегчать мне задачу. Черная толпа приближается плотным строем.

“Ну, что у вас есть?” - довольно приветливо спрашивает коллекционер. Вместо ответа ему вкладывают в руку изношенную деревянную ложку, вероятно, выуженную из кучи мусора, как вполне подходящую для *мзунгу*.

“*Мшензи!*— ты язычник! Можешь просто забрать свое сокровище обратно. Дай-ка я посмотрю, что у тебя еще есть. Где твоя маска?”

- У меня их нет, сэр?

“О! действительно, тогда я дам тебе время поискать его. Приходи завтра и не забудь захватить с собой *мдиму*и не забудь свои табакерки.

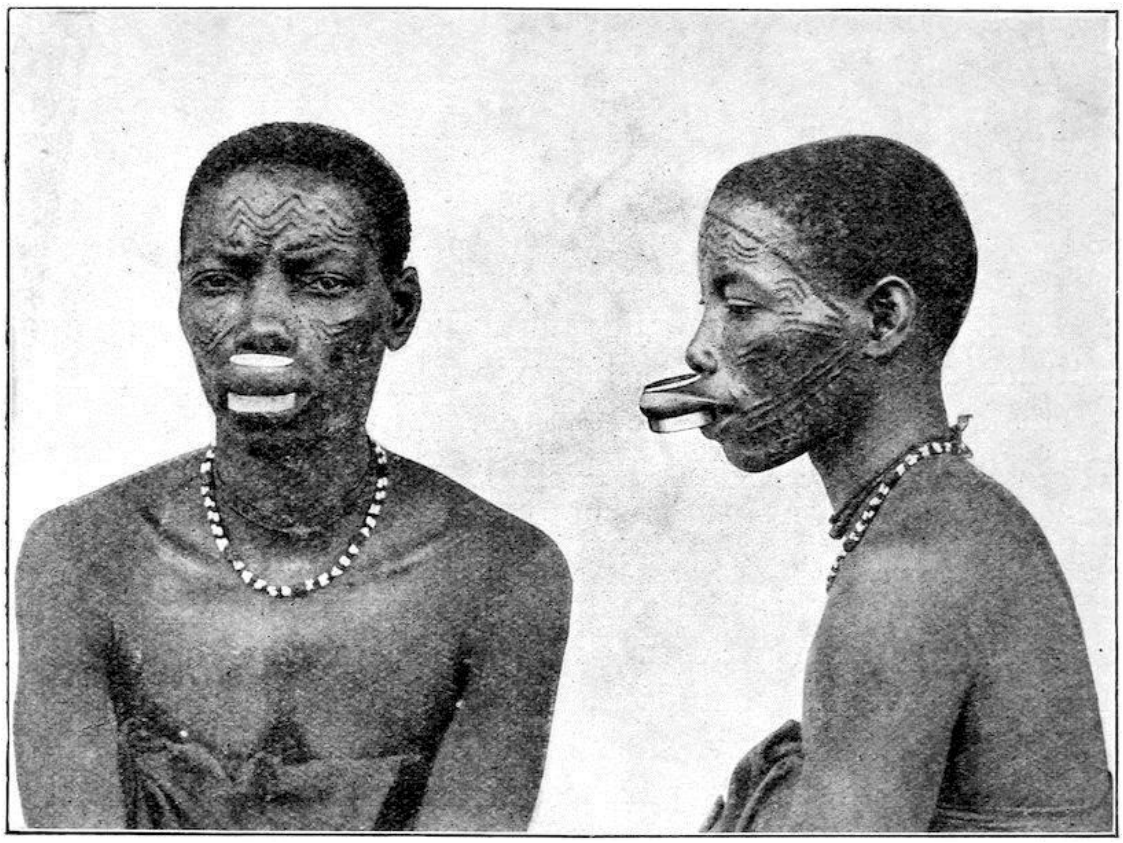


ЖЕНЩИНЫ С КЕЛОИДНЫМИ РУБЦАМИ, У КОТОРЫХ

Эта сцена повторялась дюжину или более раз в течение дня; в некоторых случаях покаянное паломничество оказывалось эффективным, в других мужчины больше не появлялись. Заметив это, мы приняли другую процедуру и теперь просто возлагаем ответственность за производство изделий на деревенского старосту. Это значительно упрощает задачу, и каждый вечер Кнудсен, мальчики и более сообразительные из носильщиков заняты составлением инвентаря и упаковкой дневных покупок.

Эта страна хорошо вознаграждает коллекционера, хотя Восточная Африка считается довольно скучной этнографической территорией по сравнению с бассейном Конго, Северным Камеруном и некоторыми другими частями Западной Африки. Это правда, что не нужно быть очень требовательным к художественному качеству оружия и орудий труда, производимых этими племенами. Тем более я был удивлен, обнаружив среди образцов резьбы по дереву, собранных в моем районе, несколько настоящих маленьких жемчужин. Маски для танцев по большей части представляют собой обычные изображения человеческих лиц (женские отличают *пелены* и ушные украшения) или голов животных. Предполагается, что несколько экземпляров в моей коллекции представляют собой

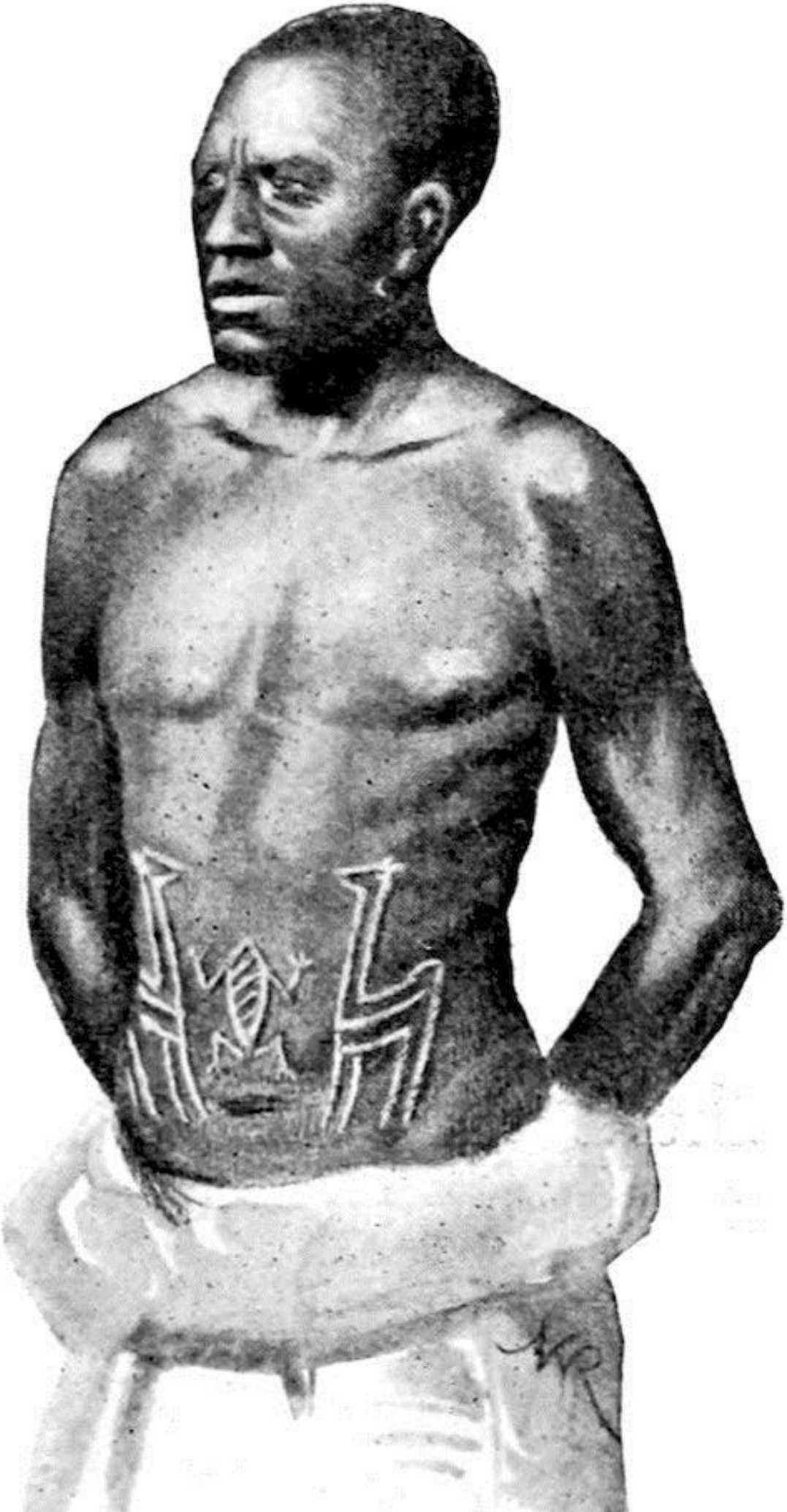
портреты знаменитостей — некоторых героев последнего восстания, молодой девушки, известной своей красотой, и многих других, но в целом нельзя отрицать, что они выполнены очень грубо. К несколько более высокому типу относятся статуи Прародительницы, упомянутые в предыдущей главе. Они, правда, оставляют желать лучшего в плане анатомических знаний и гармонии пропорций, но, с другой стороны, некоторые из этих фигурок, насколько мне известно, единственные из Африки, у которых ступни проработаны в деталях.



ЖЕНЩИНЫ МАКОНДЕ СО СЛОЖНЫМИ КЕЛОИДАМИ

Но прежде всего это *mitete* - маленькие деревянные коробочки, в которых люди хранят нюхательный табак, лекарства, а иногда и порох, — которые демонстрируют настоящий вкус, стиль и исполнение, достойные восхищения даже с нашей точки зрения. На крышках этих шкатулок нанесены украшения, которые мужчины старшего поколения носят на своей коже в виде *келоидов*. Некоторые из них имеют форму голов животных: различных видов обезьян, гну, кустарниковых оленей и других антилоп, но чаще всего *литотве*. Это единственное творение, которое может привлечь внимание художника и побудить его воспроизвести его. Это крупная крыса, размером примерно с кролика, с головой, которая по своей форме напоминает голову слона или, по крайней мере, муравьеда, с мордой, оканчивающейся длинным тонким хоботком. В Чингулунгулу Салим Матола поймал для меня одно из этих существ , но оно сбежало прежде, чем я успел нарисовать что-то большее, чем его голову.

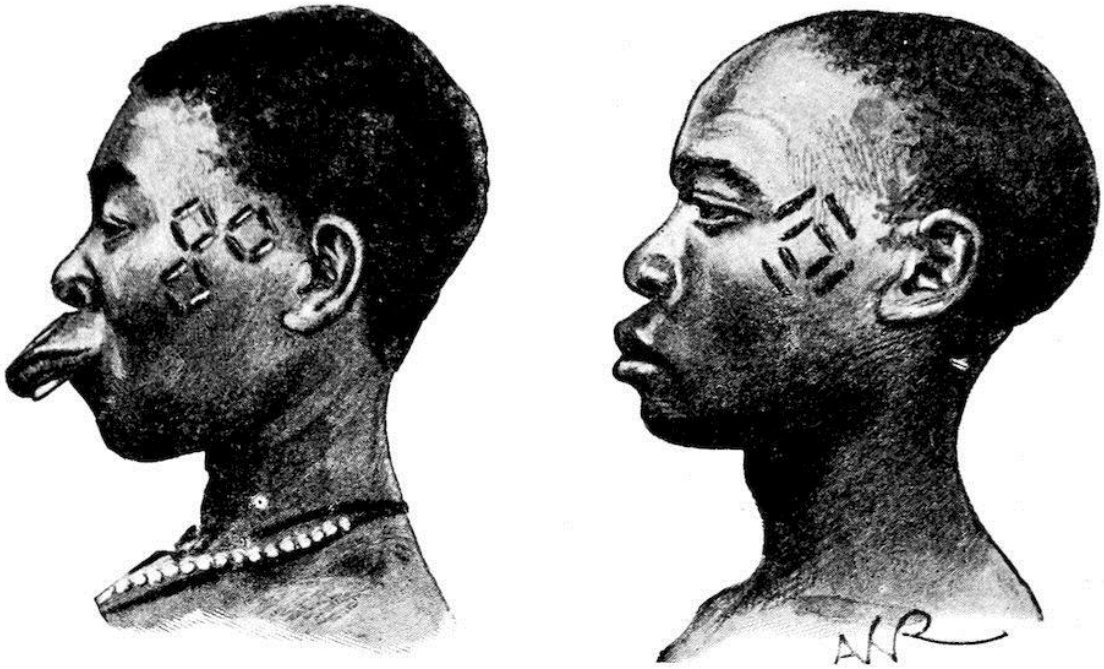
АФРИКАНСКОЕ ИСКУССТВО. РЕЗНЫЕ ПУДРЕНИЦЫ, НЮХАТЕЛЬНЫЙ ТАБАК И ШКАТУЛКИ ДЛЯ АМУЛЕТОВ С ВЫСОКОГОРЬЯ МАКОНДЕ



МУЖЧИНА - МАКОНДЕ С КЕЛОИДНЫМИ УЗОРАМИ

Среди этих резных изделий также встречаются человеческие головы, выполненные с таким же мастерством в технике. У большинства из них волосы собраны в длинную косичку, а лицо еще более изуродовано, чем у маконде; я узнал, что они представляют членов племени мавиа. Я не могу понять, являются ли они работой местных художников или самих мавиа. Продавцы либо вообще ничего не отвечают, когда их спрашивают, либо говорят, как делают все туземцы, не знающие происхождения товара: “*мшензи*”, то есть “какой-то неизвестный человек за кустами”. Однако это не влияет на наше критическое суждение.

В практике одного вида искусства маконды кажутся несовершенными. Как и везде, я трачу все свободное время на долгие прогулки, чтобы понаблюдать за местными жителями в их собственных домах. Это, однако, не так легко, как было в других местах. Я думаю, что можно было бы обойти все плато Маконде, не найдя ни одного поселения, так близко расположены маленькие деревушки, спрятанные в кустарнике. Но здесь у нас есть идеальный проводник, Нингачи, учитель, чье имя означает “Что ты думаешь?” Нингачи - очень порядочный, честный человек, но мышление, несмотря на его имя, похоже, не является его сильной стороной. Действительно, у него очень мало времени на размышления, поскольку он мой курьер и переводчик и в этом качестве занят с утра до ночи. Он даже принес нам пользу, пройдя огромные расстояния, чтобы принести к нашему столу упитанных молодых цыплят.



ЖЕНЩИНЫ ЯО С КЕЛОИДАМИ

Под руководством Нингачи мы осмотрели не одну деревню Маконде. Они живописны — даже зависть не может этого отрицать; но ни одна из убогих, просторных, круглых хижин, в которых поколения этих людей мечтают о своей тусклой жизни, не комфортабельна даже по скромным меркам туземцев. Они даже не оштукатурены обычным способом глиной, и это само по себе делает украшение фресок невозможным. В каком-то смысле этот факт приносит мне облегчение, когда я думаю о милях, которые я преодолевал в другое время, услышав о красиво раскрашенных домах в такой-то деревне. Раскрашены они были, но красота была делом вкуса. Мы не восхищаемся каракулями наших детей, и именно такими — неуклюжими, рудиментарными, совершенно лишенными перспективы — являются зачатки отечественного искусства. На самом деле, где бы неподготовленный в художественном

отношении человек ни поддавался всеобщему инстинкту нацарапывания на всех доступных поверхностях, будь то глухие стены или гладкие камни, результат практически один и тот же, будь то европейский бродяга или уличный мальчишка, или мои Вангони и Макуа.

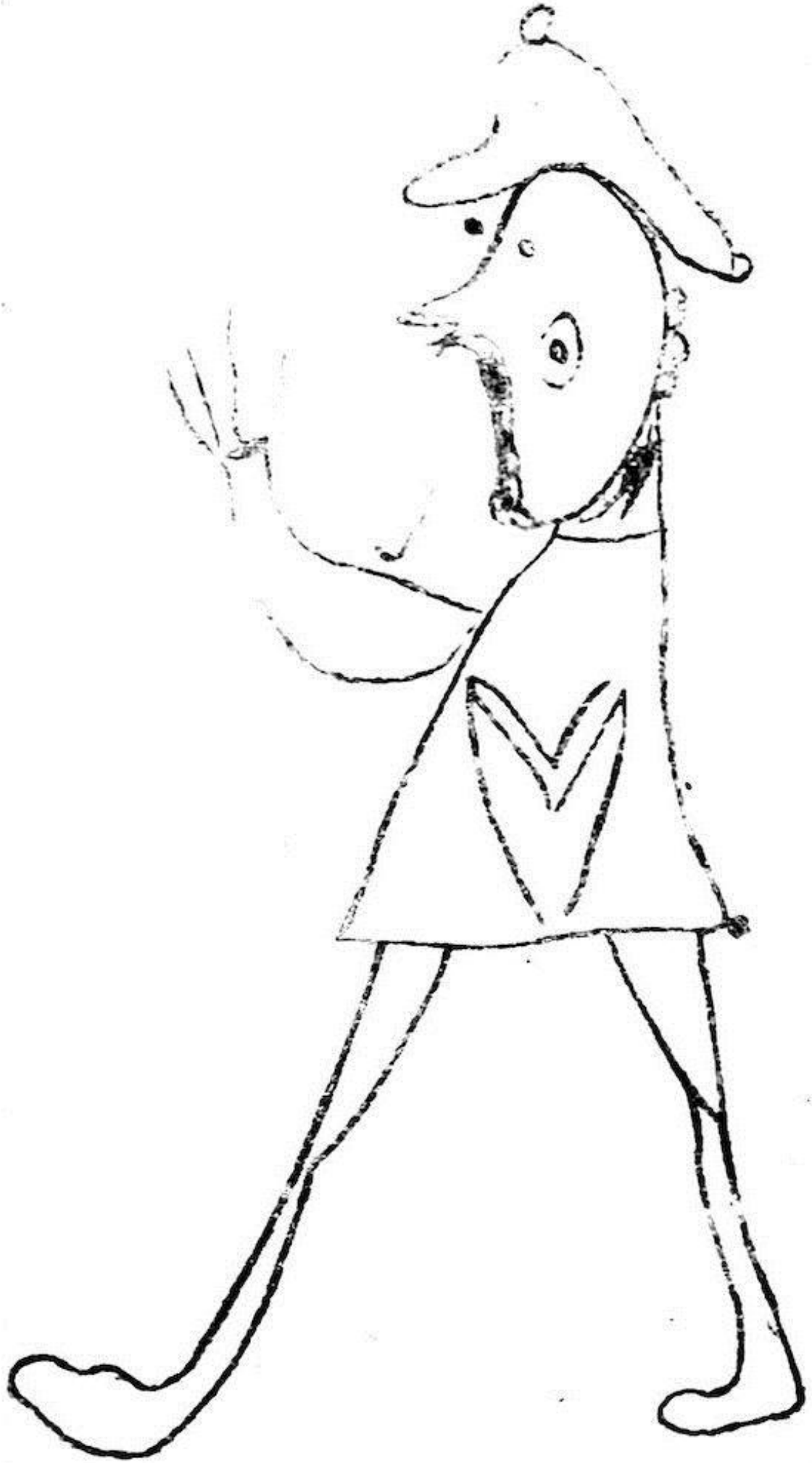
Упоминание о альбомах для зарисовок наводит на мысль о том, что, вероятно, станет моим самым долговечным памятником в этой стране - если, конечно, люди здесь, на юге, или даже мои собственные люди сохранят какие—либо воспоминания о *Бвана пиче* (человеке, который фотографирует), когда экспедиция закончится. Если они это сделают, я чувствую, что дело будет не в моем непроизносимом имени (моему Ваньямвези однажды, и только однажды, удалось произнести “Weure”, и в тот раз он так захохотал, что я отказался от всех дальнейших попыток приучить их к этому грубому слову), не в моем титуле (*Бвана Пуфеса* = герр профессор) и не в волшебном характере моих машин, которые будут поддерживать свежесть моей памяти, а во множестве книг из плотной белой бумаги, в которых им разрешалось черкать сколько душе угодно.

ЛИТОТВЕ

Именно в Линди эта художественная активность моих друзей-туземцев впервые проявилась во всей своей интенсивности. Барнабас был особенно неутомим; каждый день, гордый и в то же время озабоченный моим мнением, он приносил мне новые шедевры, только один из которых воспроизведен на этих страницах, "Стадо слонов" на стр. 190, но одного этого вполне достаточно, чтобы охарактеризовать художника. Можем ли мы отказать ему в определенной силе восприятия? и разве техника не вполне современна? Верно, что животные, взятые по отдельности, своими короткими ногами имеют несколько неудачное сходство с домашней свиньей, в то время как их головы наводят на мысль о хамелеоне; верхняя линия туловища видна у трех из них за левым бивнем; а у *мтото*, слоненка справа на картинке, нет тела, заканчивающегося сразу за ушами. Но, тем не менее, мужчина не только кое-что знает о перспективе, но и умеет ее применять, и это отнюдь не плохо.

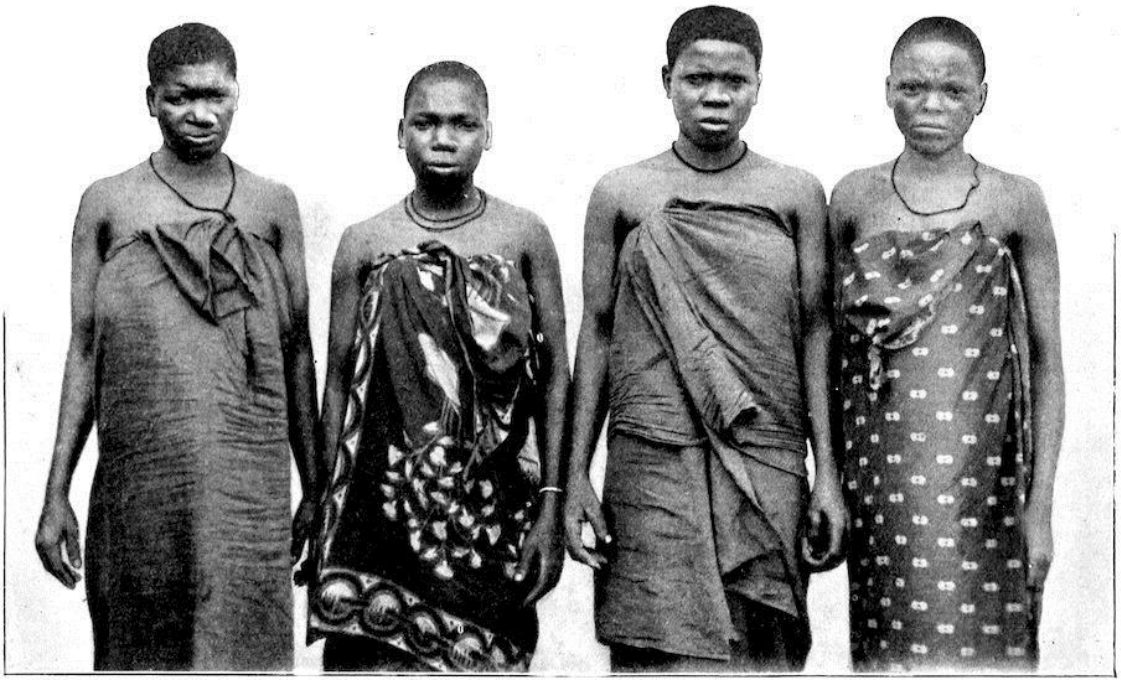
При всех его артистических достоинствах, у Барнабаса есть один недостаток. Он не *мшензи*, не грубый неграмотный дикарь из буша, а образованный, даже образованный человек. Уроженец Макуа, из отдаленной части внутренних районов страны, он сдал все экзамены в государственной школе в Линди и теперь занимается штамповкой писем и взвешиванием посылок в маленьком почтовом отделении этого городка. В свободное время он пишет для газеты на суахили *"Кионгози"*, издающейся в "Танга".

Таким образом, Варнаву нельзя рассматривать как представителя первобытного искусства. Но ни один из тех, кто изготовил другие мои образцы, будь то носильщики, солдаты или дикари из внутренних районов, никогда раньше не держал в руках карандаш и бумагу.

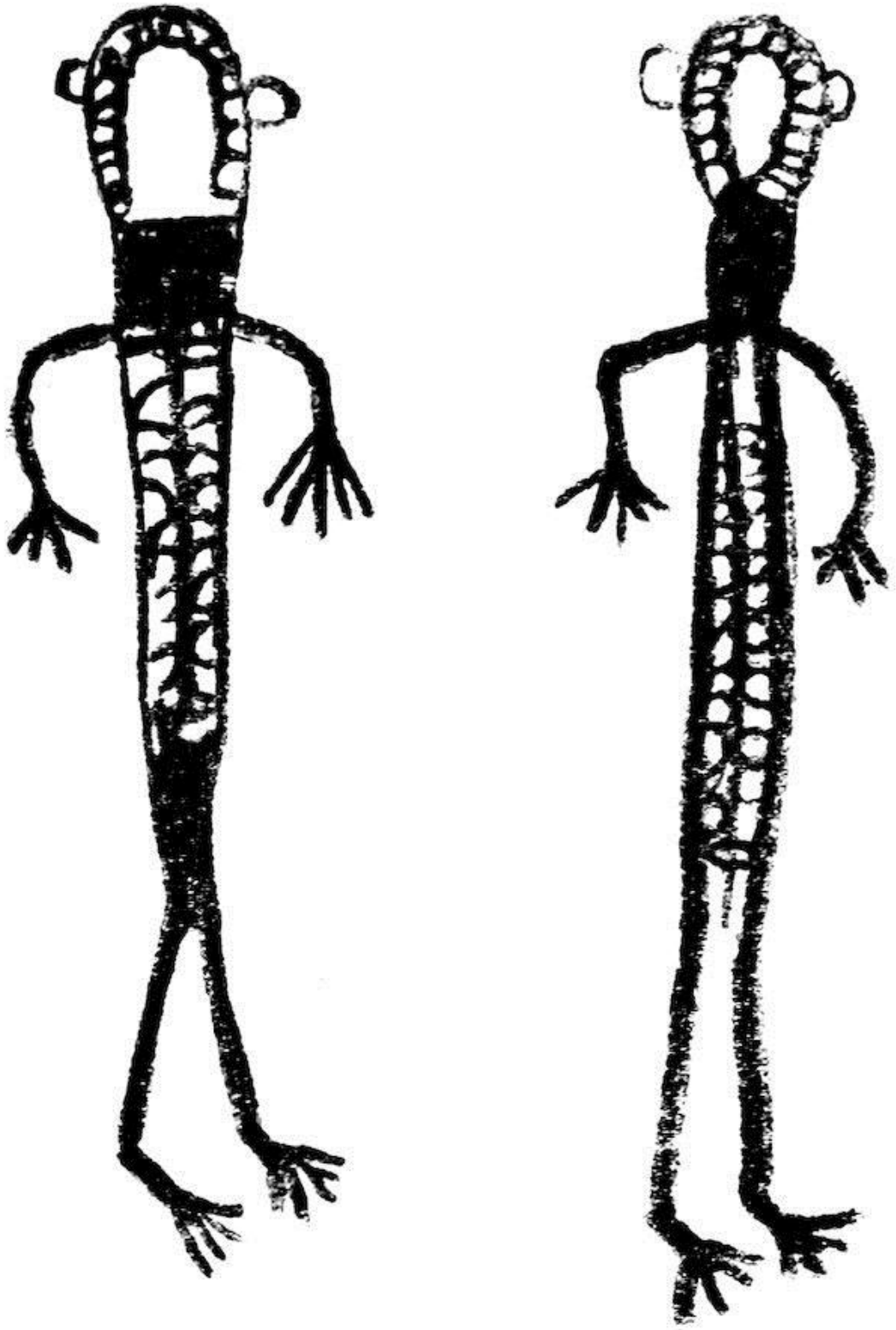


“БВАНА ПУФЕСА” (ПРОФЕССОР). С РИСУНКА ОДНОГО Из МОИХ СОПРОВОЖДАЮЩИХ

Морская тематика, по-видимому, пользуется большим спросом. Мой *аскари* Стамбури (Стамбул, *т.е.* Константинополь) на службе - смышленый солдат, а вне службы - Дон Жуан; и теперь он проявляет неожиданный дар к рисованию морских пехотинцев и животных. Он сухопутный житель, родился далеко в глубине материка, в верховьях Ровумы, и поэтому ему лучше удалось изобразить приключения рыбака из Матамбве (стр. 347), чем у араба *дау* (стр. 25). Последнее, действительно, нарисовано достаточно точно; оно только что встало на якорь; парус спущен на рею; показаны и флаг, и руль. Кроме того, у нас есть три весла, парящие в облаках. Чертежник сказал мне, что они предназначены для использования в случае наступления штиля. Но что это в средней части судна? На судне произошла течь или даже две? Нет— это два люка. Стамбури знает, что такие отверстия существуют на корабле, и поэтому его долг как художника - вставить их. Не имея представления о перспективе, он просто поворачивает их под углом в девяносто градусов, чтобы они были хорошо видны сбоку. Гений не признает ограничений.



ЖЕНЩИНЫ ВАНГОНИ В НЧИЧИРЕ



ДВА ТУЗЕМЦА. НАРИСОВАНО ПЕСОЙ МБИЛИ

Рыбак матамбве на другом снимке только что поставил свою лодку на якорь в излучине реки, а затем забросил леску с помощью грубого железного крючка. Через несколько минут он чувствует рывок, затем мощный рывок — широкий круглый предмет взмывает в воздух и падает на траву. Рыбак как раз намеренно пропускает леску через руку, чтобы подтянуть добычу к себе, когда какое-то чудовище, вероятно, неземного происхождения, бросается на его прекрасную, большую

черепаху. В конце концов, это всего лишь обычная змея, хотя и необычайно большая, и старик не собирается так покорно отдавать свою добычу, а изо всех сил держится за леску.

Большинство этих рисунков представляют собой происшествия, свидетелями которых художник был на самом деле, а фигуры, будь то люди или животные, предназначены для портретов реальных людей. Некоторые, однако, являются чисто *жанровыми* картинами, такими как женщина, стучащая в ступе под карнизом своей хижины (стр. 165), и мать с младенцем на бедре (стр. 345), которые являются типичными фигурами из повседневной жизни, без попыток портретной живописи. Точно так же и два туземца, нарисованные Песой мбили, не предназначены ни для кого конкретного. Дело в том, что в день, когда это было сделано, в Махуте (21 октября) я был в основном занят изучением келоидных рубцов, и нескольких мужчин заставили снять одежду и подвергнуться моему осмотру. Это побудило старосту, который был более умен, чем большинство его товарищей, попытаться воспроизвести две такие фигуры.

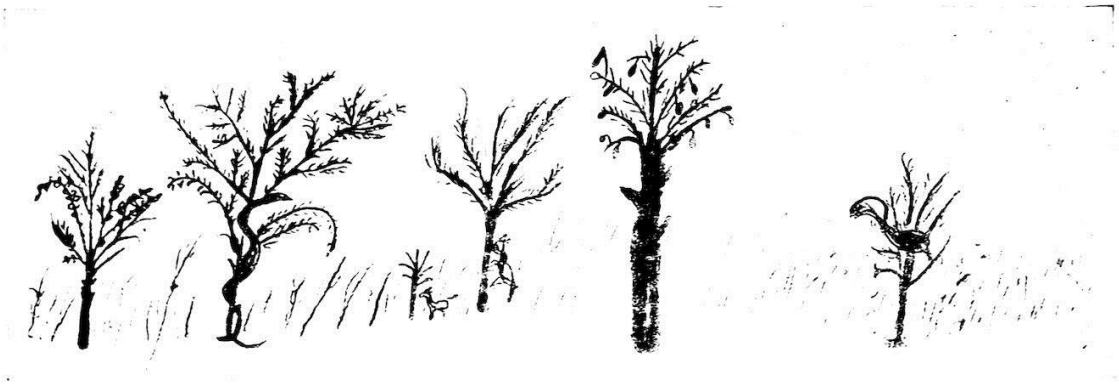
Большинство других рисунков не только отражают реальные события, но и основаны на личном опыте художника. На рисунке корабля "*Руфиджи*" (стр. 18), сделанном по памяти далеко в глубине материка Бакари на суахили, на переднем плане изображена огромная акула, потому что это воспоминание о путешествии на этом судне, когда он увидел именно эту акулу в определенном месте, которое, без сомнения, он мог указать с безошибочной точностью. Когда разносчик, Джума, принес мне свою книгу “Обезьяны врываются на плантацию” (стр. 168), он сопроводил это следующим объяснением: “Но, *Бвана Мкубва*, это моя *шамба*, и я бросал камни в обезьян и прогнал их; их было семеро — очень больших”.

Из портретов в строгом смысле “*Бана Пуфеса*” (Профессор) кисти одного из солдат (см. стр. 368) и танцовщица на ходулях на стр. 237 работы моего повара Омари, оба принадлежат к ранним дням экспедиции, когда я еще не утратил очарования новизны, а человек из Бондеи видел только одного маскарадиста на ходулях. Какой бы бедной ни была работа Омари в других отношениях, в этом случае он проявил значительную смелость, попытавшись представить свой предмет в полный рост, на что новичок очень редко отваживается. Неудивительно, что мой правый глаз блуждает в пространстве подобно звезде; этот глаз существует, и поэтому он должен быть изображен на рисунке.

На ряде этих рисунков изображены целые сцены из жизни местных жителей района, который я проезжал. Здесь мы видим банду в цепях (стр. 26) в количестве семи человек, медленно марширующих по улицам Линди, пятеро осужденных с большими банками на головах, двое последних без поклажи. Они собираются наполнить ванну в доме какого-то европейца - неприятная задача из-за высокой лестницы, по которой приходится взбираться, при этом тяжелая цепь неприятно натягивается на затылке человека, но солдат, стоящий на страже позади, очень строг, и отлынивать нельзя.

Это правда, что большой хлыст на самом деле не является частью его эмблемы, поскольку является всего лишь плодом воображения художника, но, как мне сказали, он всегда носит с собой заряженное ружье после недавнего мятежа, в ходе которого был убит охранник. *Танец*ликвата (стр. 45) привлекает нас как гораздо более веселая тема, особенно когда *Бвана пича* изображает сцену на одной из тех замечательных стеклянных пластин, которые находятся в его трехногом ящике, и на которых все чернокожие женщины белые, а их белые *пелерины* черные как смоль. Караван белого человека тоже является заманчивой темой. С какой гордостью два мальчика, Мориц и Кибвана, несут ружья своего хозяина, в то время как он, сидя на своем *ньюмбу*, старом муле, как раз оборачивается, чтобы осмотреть процессию позади себя. Имперский флаг весело развевается на утреннем ветерке во главе длинной вереницы носильщиков, нагруженных ящиками, на которых они отбивают ритм марша палками в руках, все

они в прекрасном расположении духа, что соответствует характеру друзей Песы мбили из далекого Уньямвези. (См. стр. 104.) Еще одна приятная тема - охота, о которой вспоминает Салим Матола (стр. 77). В "спортсмене, вооруженном луком" художник изобразил себя шагающим вслед за своей собакой, по горячим следам преследующей буйвола. Кваканеяо, коричневая собака, по натуре заядлый охотник — его имя означает, что он отгонит любую другую собаку, которая попытается оспорить у него добычу. Однако, несмотря на это, Салим Матола, в порядке дополнительной предосторожности, прежде чем тронуться в путь, натер зубы своего спутника какими-то корешками и дал ему съесть кусочек последнего убитого дикого самца. Вслед за этим Кваканеяо бросился в *пори* как стрела, так что его хозяин едва поспевал за ним.



СТРАНА БУША И ЕЕ ФАУНА. НАРИСОВАНО САЛИМОМ МАТОЛОЙ

Тот же Салим Матола показывает нам этот *пори* с его характерными животными на другом рисунке, который, каким бы схематичным он ни был, воспроизводит характер страны с предельной точностью: — разбросанные, разбросанные деревья и жесткая, высокая африканская трава между ними; — темно-зеленая древесная змея в тамариске слева, птица-носорог справа, а на заднем плане маленькая антилопа. Короче говоря, это в своем роде маленький шедевр.

Макуа Исаки иллюстрирует суеверия своего племени на маленькой картинке, воспроизведенной на стр. 212. Смешная маленькая птичка, изображенная там, - это зловещая сова (*ликвикви*), которая, плача ночь за ночью, принесла смерть маленькой дочери Марквардта. Ни одному туземцу не понравится это видеть или слышать.

Небольшой набросок на стр. 305 представляет собой сцену из жизни Маконде. *Мтудикайе*, “гостеприимная”, и ее дочь Нантупули, которая еще не нашла мужа, хотя и не из-за недостатка поисков, в свою очередь идут за водой, поскольку все мужчины заняты расчисткой земли в кустарнике и, нагруженные шестами для переноски и большими тыквами, только что завершили долгий, трудный переход к ручью у подножия плато. Два банановых дерева с их тяжелыми гроздьями плодов отмечают место для черпания воды: с камней в их тени ее можно почерпнуть гораздо лучше, чем стоя на утоптанном, илистом берегу.

Теперь перейдем к науке. У моих людей, должно быть, развито топографическое чутье — иначе трудно объяснить большое количество карт, которыми они меня завалили. Я воспроизвел только один из них (стр. 9), первый, который совершенно застал меня врасплох. Автор - Сабателе, бесхитростное дитя природы с дальнего юго-запада нашей колонии — южной оконечности озера Танганьика. Он представил его в Линди, в первые дни нашей экспедиции. Это послужило поводом для большой дискуссии, продолженной с помощью Песа мбили, главы клана, и других представителей разведки. За четверть часа нам удалось идентифицировать все таинственные знаки, и я обнаружил, к своему удивлению, что ориентация этой первой попытки картографирования была совершенно правильной, а топография неправильной лишь в отношении некоторых расстояний. Указав на любопытный объект, отмеченный на моей репродукции, я

получил решительный ответ “*Маво-панда*” — Киньямвези для обозначения Дар—эс-Салама. № 2 - это “*Луфу*” - Руву на наших картах, большая река, которую носильщики ваньямвези всегда пересекали по главной караванной дороге. Номер 3 объясняется как “*Мулоколо*”, то есть Морогоро, нынешняя конечная станция великой центральной железной дороги, которая раз и навсегда положит конец старому караванному движению Ваньямвези и Васукума. Ваньямвези испытывают трудности с произношением “*r*” и обычно заменяют его на “*l*”. Любопытен контраст между этими крепкими парнями и мягкостью их речи.

№ 4 - это “Мгата”, равнина Маката между горами Улугуру и Рубехо, вся которая в сезон дождей превращается в болото. “*Кироса*” — это звук, который приветствует меня, когда я указываю карандашом на номер 5. “Конечно, там, где нет ”*р*“, они произносят его”, - ворчу я про себя, все время радуясь получаемой великолепной трели. “ Поэтому мы должны записать его как ”*Килоса*“. № 6 - это ”Балабала" - сама караванная дорога. № 7 - это "Мпапва", старый центр караванов, когда-то последняя остановка на пути вглубь страны перед ужасной Маренга Мкали, великой щелочной пустыней. , и враждебный Угого. И наоборот, на марше к побережью это означало избавление от жажды и жестокого обращения. Нерешительно я ставлю карандаш на цифру 8, которая, согласно рисунку, должна означать какой-то ручей, хотя я не знаю ни одного ручья в этой местности. На самом деле, название Мутиве, которое сейчас упоминает Сабателе, мне совершенно неизвестно; только сверившись со специальной картой, я обнаруживаю его, протекающее мимо Килиматинде— Северная Каролина, когда в нем есть вода, что, само собой разумеется, не всегда так. Должно быть, это место запечатлелось в памяти Сабателе как водный путь - иначе с чего бы такому прозаичному человеку запомнить это место?

Однако теперь мы достигли сердца Немецкой Восточной Африки и оказались в регионах, хорошо известных моим последователям. № 9 - это возвышенность Килиматинде, а № 10 назван Сабателе Касангой. Я вспоминаю название Катанги, медного района далеко на юге в бассейне реки Конго, и недоверчиво качаю головой — невозможно, чтобы молодой человек мог уехать так далеко. При перекрестном допросе выясняется, что он из страны мамбве на южной оконечности Танганьики, и его Касанга идентична нашей станции Бисмаркбург. № 11 - это моя первоначальная цель Кондоа-Иранги, а № 12 - это пост Калама в Ирамбе. В *Тоболе*, как мой картограф называет Табору, он даже вникает в детали. № 13*a* — нынешняя Табора с новой *бомой*, - № 13*b* - “*Тобола я замани*”, Старая Табора с бывшей *бомой*. Номера 14 и 15 - это соответственно Уджиджи на озере Танганьика и Мванза на озере Виктория; эти два торговых центра - “самый дальний запад” и “самый дальний север” Сабателе, как он объясняет мне с гордым удовлетворением.

Даже не считая достижений его товарищей в том же роде, маршрутная карта Сабателе не является изолированным явлением; напротив, на тему картографии примитивных рас уже написаны целые тома. И все же этот непритязательный небольшой набросок отнюдь не лишен психологического интереса. Мы привыкли рассматривать каждую карту с юга, считая ее верхнюю часть северной. Все мои собственные карты ориентированы в противоположном направлении — они смотрят на представленный регион как бы с севера, а юг помещают в верхней части карты.

ЖЕНЩИНА-МАКОНДЕ В ПРАЗДНИЧНОМ НАРЯДЕ

Аналогично обстоит дело и с оригиналом воспроизведенной здесь карты, который я развернул на 180 градусов просто для того, чтобы привести его в соответствие с нашими картами. Расстояния между различными местами неправильные, как уже отмечалось, но в остальном это удивительно правильно, если рассматривать как работу совершенно неподготовленного человека.

Последний из воспроизведенных местных рисунков представляет собой комбинацию пейзажа и топографической схемы - на нем Салим Матола изобразил горы своего дома в Масаси (стр. 65). Ни одна из моих попыток сфотографировать этот диапазон не увенчалась успехом. Когда во время своих экскурсий я добирался до места, достаточно далекого, чтобы увидеть его целиком, я даже держал пари, что воздух будет слишком затянутым дымкой; а когда я был достаточно близко, чтобы хорошо разглядеть какой-либо из холмов, я был слишком близко, чтобы разглядеть все.

Таким образом, Салим восполнил эту потребность, и отнюдь не неумело. Верно, что местный охотник на вершине Хирондзи и его ружье совершенно непропорциональны высоте самой горы, и растительность также отличается относительными размерами (хотя и не характером), но все остальное верно: —серия гигантских вершин — Мквера, Масаси, Мтанди, Хирондзи - приведена в надлежащем порядке, а слева - меньшие отдаленные выступы Мкомахиндо, Китутоту и Намбеле. Крутизна отдельных гор хорошо передана, как и округло-куполообразная форма их вершин; — возможно, не будет преувеличением сказать, что Салим пытался параллельными и концентрическими штрихами передать структуру гнейса.

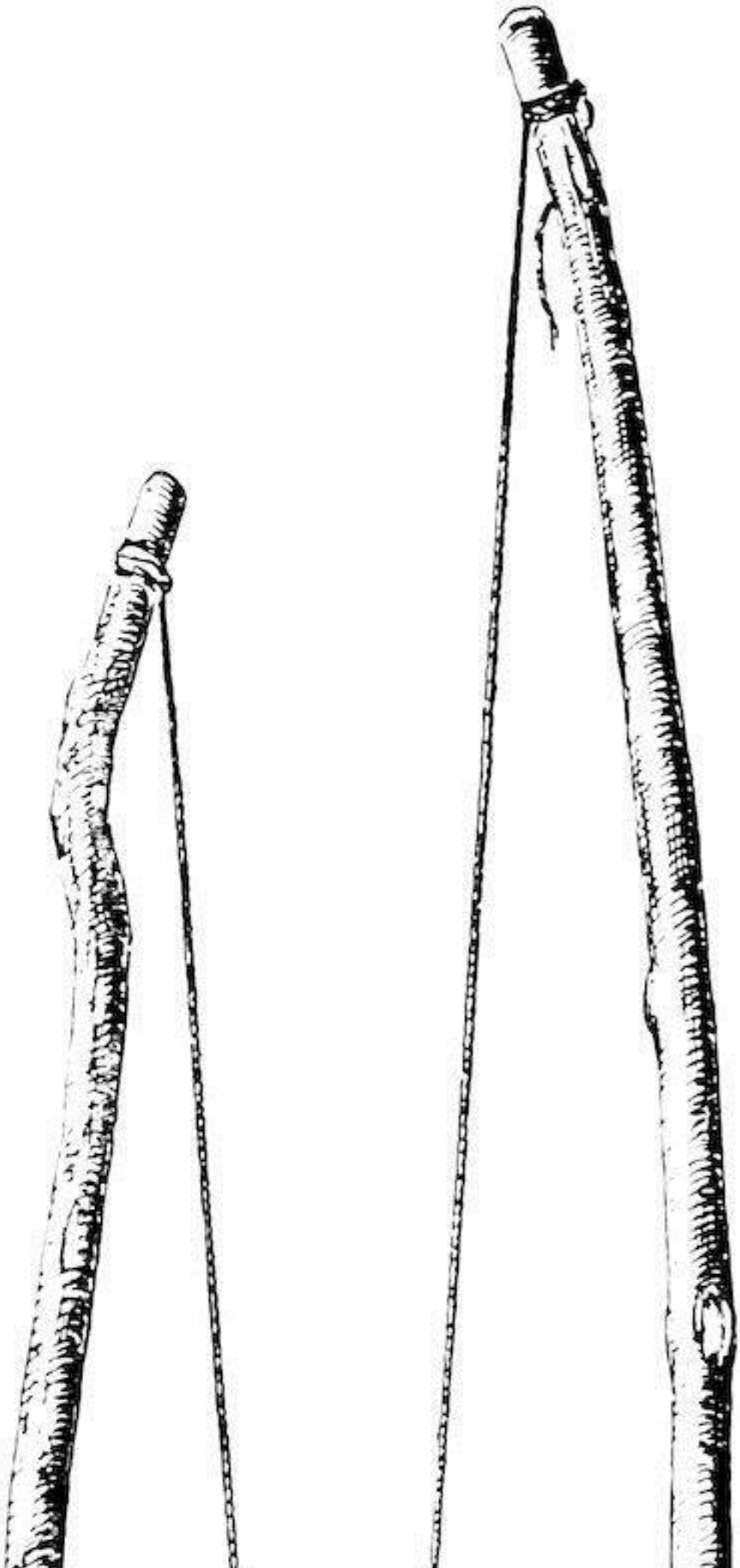
Ранние дожди, кажется, следуют за мной, куда бы я ни пошел. В Ньюале они начались в конце сентября, в Нчичире - несколькими неделями позже, а здесь, в Махуте, они приступили к делу со значительной яростью в конце октября. К счастью, я смог еще до того, как они начали, насладиться туземцами даже в избытке. Маконде в течение последних нескольких недель отмечали настоящую серию популярных фестивалей в небольшом масштабе, на прекрасной большой арене в *вольере*бома. Поскольку эти торжества были довольно спонтанными, я мог быть уверен в их подлинно родном характере. Не раз я видел танцоров на ходулях, с их гигантскими шагами, застывшими лицами в масках и развевающимися драпировками, пробирающихся сквозь толпу. Однажды днем танцор, искусно замаскированный под обезьяну, заслужил всеобщие аплодисменты своей превосходной имитацией движений и жестов животного. Африканец любит смеяться — возможно, потому, что он знает, что это рефлекторное движение очень к лицу обнажает его великолепные зубы, но в данном случае прыжки и сальто мимика послужили достаточным оправданием для гулких взрывов веселья.

ДЕРЕВУШКА МАКОНДЕ НЕДАЛЕКО От МАХУТЫ

ИГРОК В ДИАБОЛО На ПЛАТО МАКОНДЕ

Другой мужчина, мускулистый парень среднего роста, казался популярным разносторонним комиком. Впервые он показал себя искусным акробатом — фактически, он мог бы без колебаний выступить в любом европейском цирке. Затем он показал не менее виртуозное представление на раскачивающейся трапеции: четверо сильных мужчин держали длинный шест, который служил осью его эволюций. Наконец, он проявил себя как клоун. Однако в соответствии с ментальной конституцией расы комический эффект производился не столько выражением лица, сколько его позами и движениями ног, как можно будет увидеть на видеозаписях, которые я сделал для его выступления. Чтобы окончательно доказать свою разносторонность, он появился во второй части программы в роли героя пантомимы. Это была своего рода “проблемная пьеса”: муж — болван, жена (сыгранная, как в классической драме античности, мужчиной) — искусная кокетка, любовник - Донжуан, искушенный во всех искусствах обольщения. Основа драмы, как будет видно, до сих

пор космополитична, но естественность и простота, с которыми на сцене происходили все события реальной жизни, были поистине примитивными и африканскими, и столь же африканской была невозмутимая серьезность публики, которая, очевидно, следила за ходом действия с глубочайшим интересом. Не было слышно глупого смеха в неподходящий момент; никто не делал слышимых комментариев.



ДЬЯВОЛО

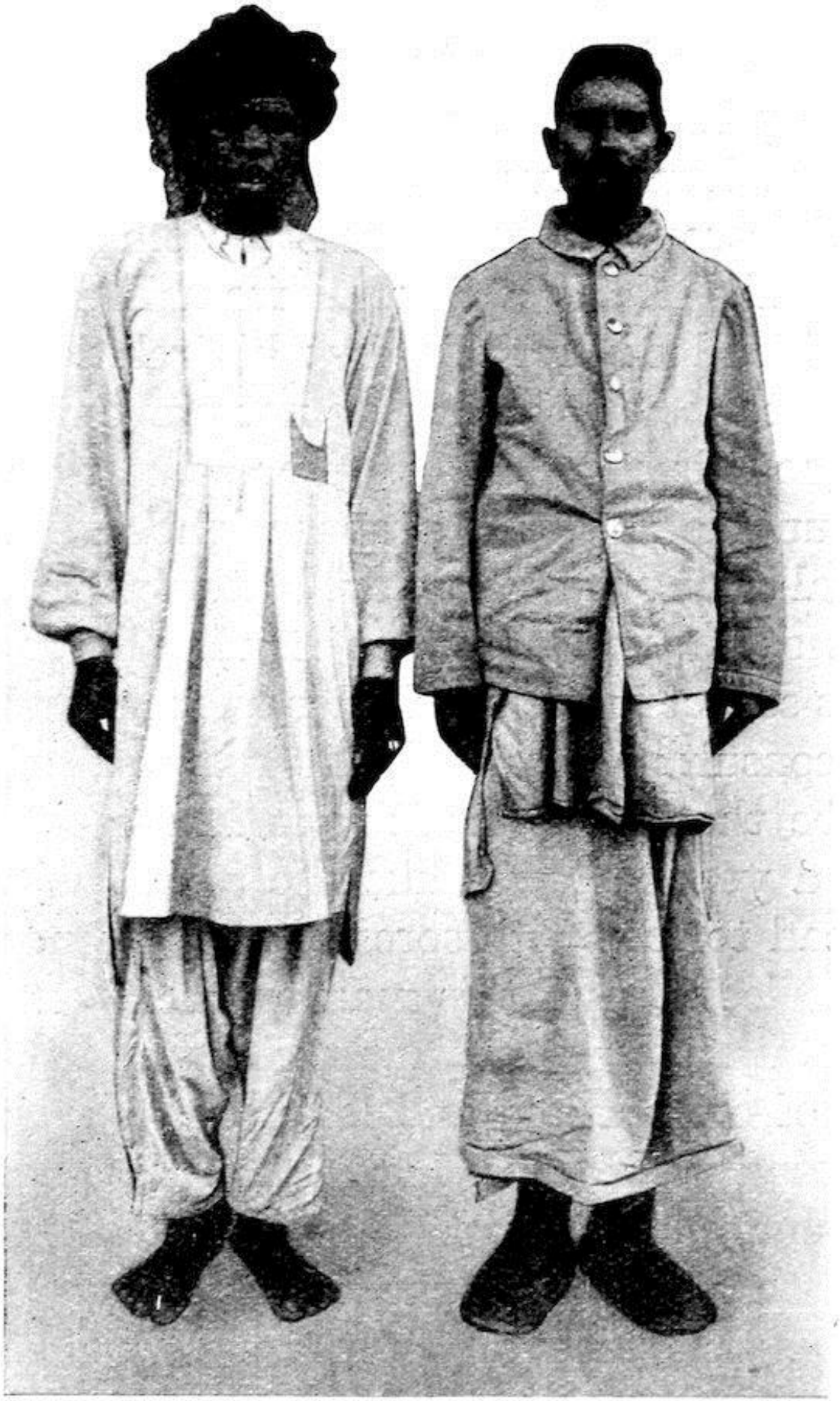
Если кто-то все еще склонен сомневаться в том, что первоначальная и незагрязненная культура наших первобытных народов стремительно гибнет, я бы попросил его подумать о следующем.

День снова проходит оживленно: повсюду идут танцы, песни и игры. Я, как обычно, полностью занят, но внезапно мое внимание приковано к фигуре, которая, по-видимому, занимается каким-то отдельным делом сама по себе. Руки ритмично двигаются вверх-вниз, держа две палки длиной около половины ярда, соединенные бечевкой из скрученной коры. Внезапно руки резко разводятся в стороны, правая вытягивается вверх, левая разводится в стороны, и, подобно бомбе, все еще неузнаваемый предмет опускается из воздуха, ловко цепляется за веревочку и носится, как испуганная ласка, взад-вперед между концами палочек. Сразу же после этого он снова растворяется в воздухе, но с раскаянием возвращается к своему владельцу, и процесс продолжается. Я чувствую, что где-то видел это раньше, и некоторое время ломаю голову — наконец-то у меня это получилось. Это не что иное, как игра в диаболо, которой, как мы читаем в немецких газетах, с таким энтузиазмом занимаются в Англии и других странах, где игры в моде. Когда я уезжал из дома, это было еще неизвестно моим соотечественникам, которые в этом, как и в других вопросах, медленно, но неуклонно отстают от остального мира; но я осмеливаюсь предсказать, что это начнет процветать среди нас, когда другие нации откажутся от этого как от устаревшей моды. Теперь я также могу вспомнить картинку с игрой, увиденную в витрине магазина в Лейпциге, и если я сравню свои воспоминания об этом с действиями человека, стоявшего передо мной, я должен признаться, что это решение технической проблемы не могло быть лучше. Узкая клиновидная выемка, прорезанная по всей выпуклой поверхности деревянного цилиндра, обеспечивает свободный ход струны без существенного уменьшения веса всего изделия.[69]

Если бы я не знал, что дождь - единственная причина ежедневного сокращения числа моих посетителей, у меня и здесь были бы основания считать себя могущественным волшебником; но, как бы то ни было, люди достаточно откровенно говорят мне, что пришло время заняться своими полями. Откровенно говоря, досуг, полученный таким образом, вовсе не является нежелательным. Я действительно доволен, более чем доволен, и несколько раз ловил себя на том, что с безразличием пропускаю мимо ушей самые интересные явления в жизни людей. Восприимчивость человеческого разума ограниченна, и когда он перенапряжен, как недавно был мой, он вообще отказывается воспринимать дальнейшие впечатления.

Только Нингачи и его школа никогда не перестают вызывать у меня интерес. Наша *бараза* - второй дом на южной стороне *бома*, начиная с востока. Первый - предполагаемая обитель какой-то *Бахарии*; но на самом деле это, по-видимому, большой гарем, поскольку женские голоса поддерживают там непрерывное хихиканье и болтовню. В третьем доме живет его превосходительство государственный секретарь вице-короля, другими словами, официально назначенный клерк Вали. Он суахилист из Дар-эс-Салама и близкий друг Морица, но его отношения с опорой моего мигрирующего семейства не помешали мне задать негодяю хорошую взбучку. В течение некоторого времени после моего приезда я не мог как следует выспаться ночью из-за постоянного плача ребенка, очевидно, от боли, который был слышен откуда-то совсем рядом. Вскоре я проследил за этим до источника и попросил отца, мать и сына появиться в моем кабинете для консультаций. Оба родителя при осмотре оказались совершенно здоровыми и толстыми, как масло; ребенок, примерно годовалый, тоже был круглым, как мяч, но покрытый с головы до ног язвами вследствие самого постыдного пренебрежения. И этот человек умеет читать и писать и, следовательно, является в глазах статистиков полноправным представителем цивилизации и с глубочайшим презрением взирает на тех, кто, подобно ему, не разгуливает в белой рубашке и расшитом колпаке.

Но теперь что касается четвертого дома. В первое утро я увидел, не понимая значения этого зрелища, около половины седьмого около шести часов шесть или восемь мальчиков-подростков собрались перед ним. Моей первой мыслью было, что они собираются поиграть, и, пока я наблюдал за ними, они выстроились в индийскую шеренгу в порядке своего роста. Затем к ним присоединился мужчина в белой рубашке, и по его знаку они один за другим в том же порядке исчезли под нависающим карнизом. Вскоре после этого до моего слуха донесся звук, в котором, правда, само по себе не было ничего необычного; низкий голос произносил слова, немедленно подхваченные хором высоких дискантов, — но что-то в качестве произносимого побудило меня приблизиться в пределах слышимости, не зная, что меня привлекло. Стоя на расстоянии нескольких футов от дома, я осознал, что на самом деле слышу немецкие слова. Шел элементарный урок арифметики. “*И дас ист эйнс*— и это одно”, - начал Нингачи, и класс эхом повторил его слова. Затем в том же духе последовали “и это два”, “и это три" и так далее, вплоть до тридцати одного, что, по-видимому, было пределом арифметических знаний учителя в том, что касается счета, поскольку затем он приступил к упражнениям на сложение и вычитание. Прослушав эти уроки много раз подряд по утрам, я неохотно был вынужден прийти к выводу, что это всего лишь механическое упражнение. Ученики сразу же смущаются, если их просят указать наугад любую цифру из серии, так аккуратно выписанной их учителем на доске, и в суммах они, кажется, безнадежно запутываются. “Два минус восемь равно шести” - сравнительно простая ошибка. Сам Нингачи не чувствует себя очень счастливым, проходя через эту процедуру, но говорит, что его так учили в государственной школе в Микиндани, и он обязан преподавать таким же образом сам. Для честного человека не было большим утешением услышать, что где-то еще есть зубрильные заведения.



АСКАРИ В УСТАЛОЙ ОДЕЖДЕ

Я закончил свои заметки о языке маконде за удивительно короткий промежуток времени. Подобно богу из машины, моя жемчужина помощников, Сефу, внезапно появился из Ньюалы, и вместе с ним и Нингачи я смог убедить себя в течение семи очень напряженных дней, что маконде наиболее тесно связан с соседними идиомами, и что, вероятно, только отсутствие звука “s” побудило других авторов описать его как сильно отличающийся от суахили и яо. Однако я уверен, что отсутствие этого звука тесно связано с ношением *пелеле* на верхней губе. Я полагаю, что все мы в тот или иной момент страдали от сильно опухшей верхней губы. Возможно ли при таких обстоятельствах произнести какой-либо шипящий звук вообще? Эта теория, действительно, предполагает, что мужчины изначально носили те же украшения для губ, что и женщины. Но почему этого не должно было быть? Мужчины племени мавиа носят их даже сейчас, и говорят, что мавиа очень тесно связаны с макондом.

Только с Wamwera мне не повезло. Я никогда не терял из виду своего намерения вернуться и провести некоторое время в стране этого племени; но вали, Сефу и другие хорошо информированные люди говорят мне, что это невозможно. Они говорят, что вамвера, поднявшие мятеж против правительства, не смогли засеять свои поля в прошлом сезоне, так как прятались в кустах.

“Вамвера, - говорят они, - были в состоянии войны с немцами, и поэтому они жили в буше весь посевной сезон и не могли посеять свой урожай. Они давным-давно съели тот маленький запас, который они спрятали, и теперь у них больше ничего нет; все они страдают от голода, и многие из них умерли”. Мое следующее предложение состояло в том, что мы должны подкрепиться здесь и отправиться на плато Рондо, но мои советники были категорически против этого плана. Они сказали, что люди в своем отчаянии нападут на нас и будут сражаться вместе с нами за наши запасы зерна. Что ж, подумал я, если гора не придет к Магомету, Магомет должен отправиться к горе, и несколько дней спустя туда явились, вызванные специальными посланцами, два Вамвера, считавшиеся самыми учеными людьми в племени. Это были двое пожилых мужчин, исхудавших до скелета, без следа икр или какой-либо другой развитой мускулатуры, в то время как их впалые щеки и ввалившиеся глаза красноречиво свидетельствовали об ужасных страданиях, которым они подверглись. Мы терпеливо ждали, пока их накормят — они съели такое количество каши, что их желудки выпирали из тела, как большие кегельбаны. Наконец они были в состоянии, пригодном для допроса.

Несмотря на их репутацию мудрецов, из Мачиго и Мачуньи мало что можно было вытянуть; несколько десятков названий кланов, более длинный список простых слов — вот и все. Все попытки выяснить с их помощью формы глаголов или какие-либо тайны синтаксиса заканчивались полным провалом. Вероятно, не хватало не столько интеллекта, сколько интеллектуальной подготовки; любой, кто попытался бы разобраться в структуре немецкого языка с помощью погонщика волов, несомненно, преуспел бы не лучше, чем я.

Через некоторое время я отпустил стариков без обиды — фактически, я нагрузил их подарками, и, ободренные сознанием своих неожиданных приобретений, они мужественно отправились в путь на север.

С отъездом двух изможденных профессоров Кимверы я действительно избавился от своей последней научной заботы, и это к лучшему, поскольку, как я уже отмечал, мой аппетит более чем утолен. За последние несколько месяцев я выполнил солидный объем работы. Я сделал более 1200 фотографий; но человек, не являющийся фотографом, который считает искусство простым развлечением, вряд ли поставит это мне в заслугу; и только эксперт может оценить количество усилий и волнения, вызванных указанным количеством негативов в такой стране, как наша. Я уже

упоминал о некоторых трудностях; со временем они только увеличились, поскольку солнце с каждым днем поднимается все выше в небе, а интенсивность света между восемью часами утра и пятью часами вечера совершенно невероятна. Я всегда вел точный учет в своем реестре негативов всех деталей погоды и освещения, но, тем не менее, я не избежал неудачи — так трудно судить об интенсивности света в тропиках. Однажды вечером, завершая дневную работу, человек может с удовлетворением обнаружить, что, по счастливой случайности, все снимки были сделаны правильно. На следующий день погода точно такая же — вы совершаете ту же остановку и выставляетесь в течение того же периода времени — и все же, когда наступает вечер, вы обнаруживаете, что все тарелки выставлены сверху или снизу. Это не радует. Кроме того, существует постоянное беспокойство о фоне. К сожалению, я не захватил с собой изохроматических пластинок; но их недостаток частично восполняет огромный брезент, который я изначально взял с собой, чтобы прикрыть свой багаж ночью, но который никогда не служил для этой цели. Еще до того, как покинуть Масаси, мы закрепили его между двумя бамбуковыми шестами и покрыли одну или две стороны *санда*. С тех пор я всегда использую его при фотографировании, когда солнце стоит высоко, чтобы скрыть слишком сильно освещенный фон. И если ничто другое не поможет, самый сильный из моих людей держит экран над объектом, когда я оказываюсь вынужден сделать важный снимок с солнцем прямо над головой.

Далее следуют цилиндры для граммофона. Чрезвычайно высокая температура в низинах лишила меня возможности сделать несколько ценных записей — потеря, к которой я должен отнестись с той философией, которую могу призвать себе на помощь. Это тем легче сделать, что, несмотря на упомянутые недостатки, у меня осталось всего пять цилиндров из пяти дюжин, и для них я тоже могу найти отличное применение; завтра на них будут звучать лучшие мелодии ньямвези. Что касается кинематографа, я должен помнить, что я первопроходец, и как таковой должен не только нести все неудобства, связанные с несовершенством индустрии, которая еще находится в зачаточном состоянии, но и рисковать всеми опасностями, которые угрожают желатиновым пленкам в тропиках. Конечно, это не располагает к веселью, когда Эрнеманн пишет из Дрездена, что моя последняя партия пленок снова оказалась неудачной; но я перестал беспокоиться о вещах подобного рода с тех пор, как моя досада по поводу падения моей камеры размером 9 x 12 см позволила мне справиться с тяжелой лихорадкой, которую я перенес в Чингулунгулу. Кроме того, из тех, что я разработал сам, я знаю, что примерно две трети из моих тридцати восьми кинематографических записей должны быть довольно хорошими или, по крайней мере, достаточно хорошими для использования, а это довольно приличная доля для новичка. Более двадцати таких нетленных документов о быстро исчезающей племенной жизни и обычаях — я вполне склонен поздравить себя!

Но главное основание для моей гордости - это количество, а еще больше качество моих этнологических и социологических заметок, которые, несомненно, станут не совсем бесполезным вкладом в наши знания о коренных жителях Восточной Африки. Как чужестранец в этой стране, я, конечно, не мог за то короткое время, которое было в моем распоряжении, осмотреть все стороны местной жизни, но я подробно изучил очень многие из них. Я не должен забывать о своей исключительной удаче в отношении *уняго*; одно только раскрытие этих тайн с лихвой окупило бы мое путешествие.

В заключение расскажу о моей этнографической коллекции. В бассейне реки Конго и в Западной Африке я, вероятно, смог бы за тот же промежуток времени без каких-либо трудностей собрать небольшую партию предметов, в то время как здесь, на Востоке, коллекция из менее чем двух тысяч экземпляров представляет материальную культуру племен, занимающих целую провинцию. Количество отдельных экземпляров, действительно, могло бы быть увеличено, но не количество

категорий, настолько тщательно я обыскивал деревни туземцев и перерыл их хижины одну за другой. В конце концов, уроженец Восточной Африки - бедный человек.

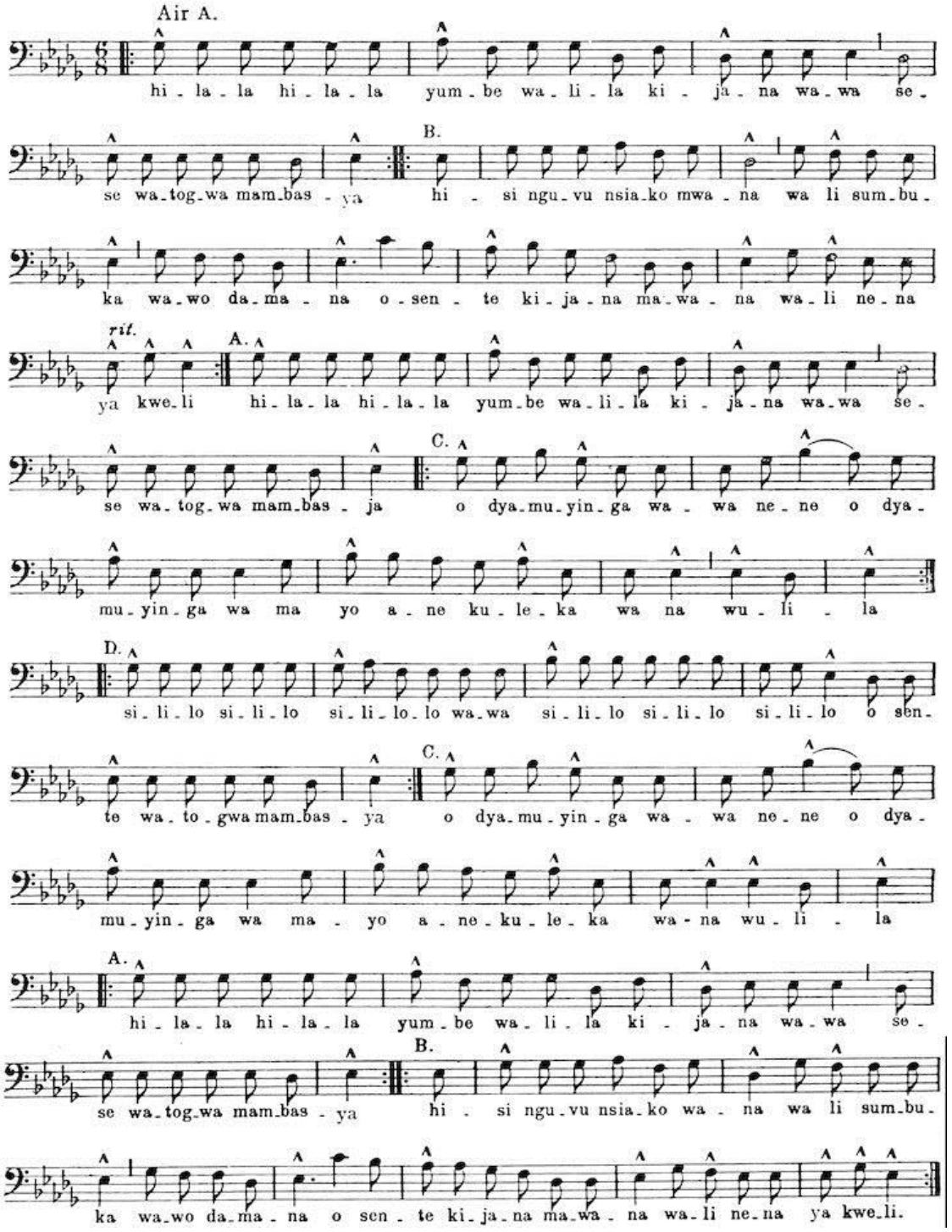
Но какой смысл рассуждать о том, что достижимо, а что нет? Ярко светит солнце, лес свеж и зелен после ливня, и несколько *аскари* расположились у частокола живописной, хотя и неопрятной группой. Метаморфоза, претерпеваемая нашим местным воином в течение дня, безусловно, удивительна. Умный и активный на плацу - они смотрят на свои учения как на своего рода игру и называют это игрой в солдат — он как раз наоборот, с нашей немецкой точки зрения, днем и вечером.

Следует признать, что он знает, как чувствовать себя комфортно в свободное от дежурства время. У него есть свой мальчик, который прислуживает ему, даже забирает пистолет у него из рук в тот момент, когда прозвучит команда “разойтись”; и уважение, которым в Африке, как и везде, пользуется любая форма, обеспечивает ему все самое лучшее, куда бы он ни пошел. Он нежится в жаркие часы на самой просторной кровати своего хозяина, а когда наступает вечер, выходит в вечернем платье, чтобы очаровать местных девушек. Правда, они менее очаровательны, чем у Линди, но мужчина должен брать то, что он может получить. Неряшливые фигуры на фотографии - это фигуры Лумбвулы и нубийца Ахмеда Мохаммеда, которые таким образом расслабляются.

Мое освобождение от работы и забот сотворило чудеса, с физиологической точки зрения; — Я сплю в своей постели, как медведь в спячке, орудую за столом мощным ножом и вилкой и день ото дня почти ощутимо увеличиваю объем тела. Более того, последние несколько недель мы жили довольно хорошо. За первой коробкой портера последовала вторая, и в то же время от Lindi появились различные другие деликатесы — натуральное молоко из благословенной земли Мекленбург, свежий *пумперникель*, молодой картофель из Британской Восточной Африки, мясные консервы и фрукты в изобилии и так далее. Неурожайные недели в Ньюале забыты, и наше не намного более роскошное пребывание в Чингулунгулу уходит в туманное прошлое. Вечера тоже приятны и неторопливы. По воле милостивой судьбы я обнаруживаю, что у меня еще осталось несколько пластинок, но нет химикатов для проявления и фиксации, так что я могу фотографировать сколько угодно, будучи вынужденным отказаться от изнурительной работы по проявке пластинок в тесной палатке. Омари приготовил для нас на ужин курицу с копченостями, которая аппетитно пахнет и восхитительна на вкус. Здесь он возродил для нас примитивный процесс запекания, уже известный доисторическому человеку, который состоял в простом выдерживании мяса над огнем до готовности. Было введено только одно новшество: разделав тушу птицы, Омари натер ее солью и перцем. Это, хотя и исторически неверно, настолько улучшает вкус, что является вполне простительным проявлением вандализма.

А вот и мои носильщики, выходящие в чистой одежде и с сияющими лицами из своего временного пристанища в одной из крытых соломой хижин *бома*. Они знают, что в ближайшие несколько дней мы снова отправляемся на *сафари*, на этот раз нашей целью является долгожданный рай на побережье. И они будут получать несчитанные суммы денег в Lindi. Много раз они ворчали на *Бвану Мкубву* за то, что он отказывал им в авансе, когда им так хотелось сделать подарок какой-нибудь хорошенькой девушке из соседней деревни. Их даже напрямую просили о таких подарках, но *Бвана Пуфеса* взяли за правило говорить любому мужчине, который хотел немного одолжить: “*Ненда зако*” (“Проваливай”). Он был очень суров, этот *Бвана Пуфеса*, но, в конце концов, так было лучше всего; потому что теперь мы выплатим все деньги сразу — это, должно быть, больше сорока рупий. Какое время мы проведем в Линди, не говоря уже о Дар-эс-Саламе! И мы пойдем в индийский магазин и купим себе *визибау* даже лучше, чем те, что носят эти обезьяны на васвахили.

Багровое сияние заката все еще задерживается на западном горизонте, в то время как полная луна восходит на востоке, за большим раскидистым деревом, под которым день за днем в течение последних нескольких недель была установлена моя камера; и я наблюдаю за этим зрелищем, удобно растянувшись в своем длинном кресле, и в то же время слушаю пение Ваньямвези.

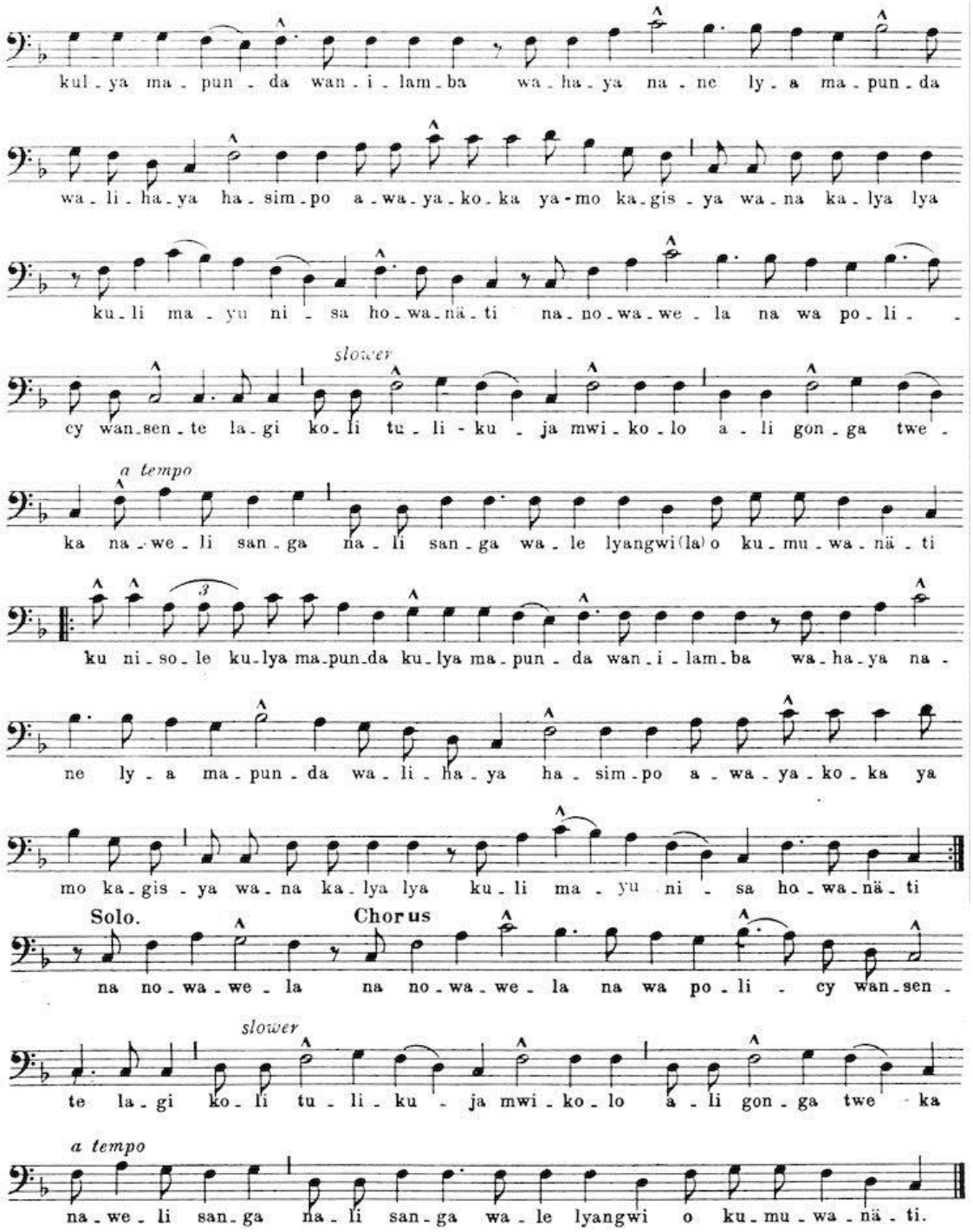


Благодаря глубоким нотам, характерным для ваньямвези, песнопение проникает в слух европейского слушателя. Мои люди часто пели ее в Невале, у Маджаливы и здесь, в Махуте, всегда сопровождая ритм песни одинаково ритмичными движениями. Это песня о мотыжке. У Мнямвези, выходящего в поле со своей мотыгой, есть целый репертуар таких песен; тело

равномерно сгибается и поднимается, когда широкое лезвие с хрустом прокладывает себе путь через почву, и песня труда мягко и гармонично звучит над широкой равниной. В этот момент, когда мужчины живописными группами сидят на корточках вокруг меня, они с большим воодушевлением и энергией щелкают пальцами в такт, вместо того чтобы рыхлить землю.

Воздух достаточно приятен и незаметно проникает в сознание слушающего европейца, унося его от суровой, сырой природы Африки к древней цивилизации его родной земли, о которой напряженные дни, оставшиеся позади, не оставили ему времени вспомнить. Когда чистый баритон Песы мбили чередуется с глубоким припевом, я вспоминаю кузнеца в кузнице, ищущего ритм в своих ударах, который не дает его руке так быстро устать от работы с тяжелым молотом. Это также возвращает меня к моему детству, когда лишь у немногих мелких фермеров, если вообще у кого-либо, были молотилки, и я привык слышать из сарая нашего соседа тройной и учетверенный стук цепов. Такой же ритм слышен и на наших улицах, перекрывая суету и шум уличного движения, когда тротуары стучат по камням, —*пинг*, *пинг*, *пинг*, *пинг*, *пинг*, *пинг*, — каждая нота громче или тише в зависимости от степени приложенной силы, но все в строго определенное время. Этот ритм является результатом потребности, заложенной в природе человека: он предшествует любому длительному физическому напряжению и даже необходим для него. Это ощущают даже цивилизованные люди, как мы видим, когда начало оркестра придает новую жизнь и бодрость уставшим ногам марширующего полка или когда несколько человек заняты переносом тяжелого груза; и это верно в гораздо большей степени для африканцев. Я убежден, что он не сможет выполнить самую легкую задачу, если не будет сопровождать ее быстро импровизированным пением; даже закованные в тяжелые кандалы каторжники в цепных бандах толкают или тянут свои тележки под непрерывное антифонное пение. Точно так же, когда несколько человек вместе окучивают поле, работа превращается в игру, в которой тело спонтанно подчиняется ритмичным движениям танца; но ни один танец не обходится без песни.

Песня заканчивается протяжным *kweli* (“это правда”). Ваньямвези славятся своей выносливостью как в маршировании, так и в пении, и вышеупомянутое представление длилось довольно долго. Но после короткой паузы неутомимая Песа мбили начинает снова, на этот раз с моей любимой мелодией, *Куля мапунда*.



Пение произвело свое обычное впечатление на европейского аудитора, он сидит прямо и энергично присоединяется к нему, к восторгу исполнителей. Это *хасимпо*, как его обычно называют для краткости, поется под аккомпанемент танца. В песне о мотыжке мелодия и слова, насколько я смог перевести последние, демонстрируют некоторую степень соответствия друг другу, но я пока не могу понять, что именно Песа мбили продиктовал мне сегодня в качестве сути этой песни *хасимпо*. Для полноты картины я сначала приведу свою попытку перевода *хилалы*.

“ Работай, работай. Староста будет оплакивать своего сына. Они любят белого *омбашу*, он сильный. Спасибо, сын предсказал. О, какой же я болван! моя мать уходит, дети плачут. Не плачь, не плачь, не плачь.”

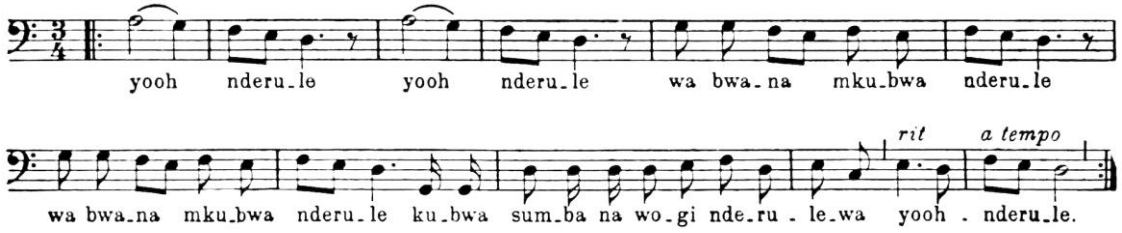
Как будет видно, это достаточно запутанно, но, по крайней мере, некоторые части, кажется, имеют связный смысл, и трижды повторенное *силило* “не плачь” звучит довольно трогательно. Не так—то просто вписать *омбашу*— капрала - в рамки песни; но кто постигнет глубину африканского разума? особенно когда это ум поэта.

Танцевальная песня звучит следующим образом:—

“Вайрамба едят овощи — я говорю, они едят овощи у колодца. Когда вернешься домой, поприветствуй мою мать и скажи ей, что я иду. Так я и сказал, и полиция схватила дьявола. Мы сложили наши охапки ткани и бус, и еще раз бусы. Солнце садится, время танцев подходит к концу”.

И здесь упоминание о матери выглядит трогательным штрихом, но полиция и природа их связи с Князем Тьмы должны оставаться тайной.

Теперь начинается Стандартная песня:—



Это песнопение Долгого Пути — прославление путешествия ради него самого, — элемент, столь же необходимый Мнямвези, как и его *угали*: “О путешествие! О путешествие с великим мастером, о (восхитительное) путешествие! Он даст одежду молодым людям — О путешествие, о прекрасное путешествие!”

Глубокие басовые ноты затихают медленно, почти скорбно, и мужчин заметно клонит в сон; на самом деле, уже почти десять, к этому часу они обычно заворачиваются в свои циновки и мечтают о доме. Вопросительный взгляд Песы мбили побуждает меня подать сигнал; вся группа исчезает почти беззвучно, и я остаюсь один. Действительно один, потому что Кнудсен несколько дней отсутствовал, охотился в долине. Местные жители сообщили ему, что видели множество слонов, и после этого его уже никто не удерживал. Он поспешил прочь с такой скоростью, что его повар Лату и его мальчик Вандуванду, великолепный крупный Яо, едва поспевали за ним. Он должен был вернуться сегодня в полдень. Интересно, что его задержало.

ГЛАВА XVIII
МОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ На ПОБЕРЕЖЬЕ

Линди, ближе к концу ноября 1906 года.

При всем уважении к моей раскладушке, я нахожу, что мне гораздо удобнее спать на диване, предоставленном мне Имперским окружным комиссаром, с матрасом высотой три фута

шесть дюймов и просторной противомоскитной сеткой: роскошью, которой я наслаждался всю последнюю неделю, с честью добравшись до Линди 17 ноября после утомительного и трудного путешествия.

Внешний вид маленького городка почти такой же, как тогда, когда я покидал его в июле, но европейское население изменилось до удивительной степени. Старожилов почти не осталось, но число вновь прибывших из Германии настолько велико, что возникают некоторые трудности с получением жилья. Если бы мы были в английской колонии, я бы сказал, что в Линди как раз сейчас наблюдается бум; а так мы можем сказать, что капитал открыл для себя южные районы и приступает к их экономической эксплуатации. Говорят, что вся хорошая земля в окрестностях Линди уже занята, и более поздним приезжим волей-неволей придется мириться с более отдаленными поместьями. Хотя лично я рад слышать, что южная провинция, которая стала мне очень дорога за время моего пребывания здесь, таким образом процветает, я слишком занят своими собственными делами, чтобы иметь какое-либо дальнейшее отношение к этим сделкам.

Сначала я расплатился с многочисленными дополнительными носильщиками, которых мне пришлось нанять для перевозки коллекций, сделанных в Махуте. Выплаченная сумма была невелика, поскольку получатели не были призваны выполнять чрезмерный объем работы. По всему плато Маконде я обнаружил, что носильщики, прибывшие вовремя к отправлению в любой конкретный день, прошли с караваном до места ночного привала, но так же регулярно исчезали до следующего утра, несмотря на часовых, расставленных по всему нашему лагерю. Эта ненадежность вызывала у меня большое раздражение и потерю самообладания, помимо пустой траты времени на привлечение новых людей; но, с другой стороны, в каждом таком случае я экономил дневное жалованье, которое эти дезертиры никогда не давали мне возможности выплатить им. Миновав долину Кихеру и попав в страну Яо, у нас больше не возникало проблем, поскольку тамошние мужчины были вполне готовы дойти до побережья.

Мои носильщики ваньямвези уже отправились на север. 23-го я увидел их на борту парохода, гораздо большего и красивее, чем "*Руфиджи*", на котором они так страдали во время путешествия вниз по течению. Вероятно, они предаются счастливым мечтам о скором возвращении в свои далекие дома в глубине материка и о том, каким образом они намерены вложить капитал, завязанный в их жилетные повязки; но в действительности они, вероятно, на следующий день после высадки обнаружат, что отправляются в новую экспедицию с “коробками для еды” какого-нибудь другого белого человека на головах. В это время, как раз перед дождями, перевозчиков очень мало, и за них обязательно сразу же возьмутся. Таким образом, упаковка моих коллекций — ящики, ранее отправленные на побережье, хранились в подвалах правительственных учреждений, где их не трогали, за исключением бесчисленных крыс, — зависит от меня и моих оставшихся людей. Среди них, на данный момент, я все еще могу причислить Кнудсена, который охотно протягивает руку помощи, несмотря на свой меланхоличный вид. Ему не нравится побережье; он говорит, что влажный климат слишком мягок для него, и он не может ужиться с белыми людьми. Он лучше привык к *уошензи* в буше, которые не беспокоят его и не смотрят на него свысока. Он только ждет, пока я не уеду на север, прежде чем снова отправиться на запад за антилопой и слоном.

“Ну, я думал, с тебя хватит подобных штучек”, - таково было мое благонамеренное замечание, когда я взглянул на его правую руку, которой, по его словам, он еще не научился пользоваться в полной мере. Это ужасная история.

Однажды днем я сидел за обедом, пытаясь съесть какую-то загадочную смесь из португальской банки, которая при осмотре оказалась беконом и фасолью (вероятно, частью запасов, изначально припасенных для экспедиции Васко да Гамы), когда услышал гнусавый голос Морица, объявляющий: “*Бвана мдого анакуджа*” (“Мистер Кнудсен идет”). Я обернулся и увидел, что он тащится неуверенными шагами; он был покрыт пылью, одежда его была порвана, а правая рука на перевязи.

“Ну что, старина Нимрод, слоновий бивень поцарапал тебя?” Я окликнул его, не принимая это всерьез.

“ Не то. Я всего лишь упал и сломал руку, но мой бедный Вандуванду мертв. Он только что умер; вот они идут с ним.

На самом деле в этот момент я увидел группу мужчин, занятых чем-то у узкой двери *бома*; но толпа была слишком велика, чтобы разглядеть, что это было. Моей первой заботой было позаботиться о руке Кнудсена, которая сильно распухла, хотя я не обнаружил никаких признаков перелома. Поэтому единственное, что можно было сделать, - это наложить повязки с холодной водой и поддерживать руку в максимально удобном положении. Кнудсен рухнул в свое кресло, как бревно, и погрузился в мрачные раздумья, а я пошел взглянуть на труп. Оно было разложено на *китанде*, или туземной кровати, под тенистым деревом на другом конце *бома*, и едва прикрыто тканью; рот был открыт, стеклянные глаза смотрели отсутствующим взглядом. Подошла Хемеди Маранга и закрыла их, пока я осматривал повреждения. Я не смог найти серьезной раны; кончики пальцев были раздавлены и кровоточили, а кожа на левом виске слегка поцарапана, на которой также виднелась припухлость средних размеров, но и только. Несмотря на это, мы с Вали согласились, что опухоль должна указывать на причину смерти, и, ощупав голову, обнаружили, что череп был проломлен. Мужчина, должно быть, получил ужасный удар, но удар каким-то мягким предметом, иначе внешняя часть головы была бы раздроблена.

Вторая половина дня принесла много работы. Покойник был зашит в кусок *санда*, который я, согласно обычаю, захватил с собой, даже не подозревая, что мне придется применять его по традиционному назначению. Могила была вырыта за пределами *бома*, сразу за гребнем холма. Я назначил время похорон на закате; но около трех часов я обнаружил, что друзья и родственники Вандуванду, решив, что ждать слишком долго нельзя, унесли тело, чтобы совершить погребение за свой счет; так что мне пришлось послать своего самого быстрого гонца с приказом вернуть его обратно. В шесть весь мой отряд был выстроен на траурный парад. Здесь я также заметил инстинктивный такт туземца; все мужчины были в парадной форме, хотя я не отдавал никаких приказов на этот счет, а Хемеди Маранга носил свою медаль. Из всех туземцев, с которыми я соприкасался, Вандуванду привлек меня больше всего; это была великолепная фигура мужчины, единственного, кого я когда-либо видел, кто олицетворял “геркулесово телосложение”, о котором так часто приходится слышать. В то же время он был спокоен, полон достоинства и в то же время полностью осознавал свою силу. Он сопровождал экспедицию в течение нескольких месяцев, его любили все и никто не ненавидел. Я чувствовал, что это совершенно само собой разумеющееся, что я должен надеть чистый белый костюм, чтобы проводить его в последний путь, хотя он был “всего лишь” местным жителем.

Я уже видел и сфотографировал несколько могил Яо, но, помимо человеческого сочувствия, я, естественно, был заинтересован в том, чтобы стать свидетелем местных похорон, и поэтому ни в малейшей степени не пытался вмешиваться в организацию похорон людей. Могила была вырыта той же формы, что и в Европе, но гораздо более мелкой, глубиной не

более ярда; к тому же мужчины сделали ее слишком короткой. Двое прохожих сразу же подошли, чтобы удлинить его, пока труп ждал, когда его опустят; но не совсем успешно, поскольку, если в будущем на этом месте будут предприняты какие-либо раскопки, скелет будет найден лежащим на боку, с подтянутыми коленями в положении сидя на корточках.[70] На теле были расстелены циновки, чтобы предотвратить его соприкосновение с голой землей, чего местные жители предпочитают избегать даже после смерти. Теперь, однако, появляется экзотический оттенок. Дауди, местный пастор из Чингулунгулу, пробыл с нами несколько дней, и я послал за ним, чтобы я мог обсудить с ним некоторые моменты из моих записей. Вандуванду остался язычником; на самом деле, когда мы с Кнудсеном, что мы часто делали, спрашивали его, поддразнивая, не предпочел бы он стать мусульманином или даже христианином, он всегда со спокойным видом превосходства качал головой и говорил, что то, что было достаточно хорошо для его отцов, хорошо и для него. Тем не менее, Дауди присутствовал на могиле и произнес несколько слов на суахили, в которых я ясно различил: "*Удонго ква удонго, мадживу ква мадживу*" ("Земля к земле, прах к праху"). Несколько мальчиков — я раньше не знал, что в Махуте есть христиане, — затем спели короткий гимн приглушенными, серьезными голосами, когда солнце, сияя, село на западе; Дауди тихо произнес молитву, и первые горсти желтого песка с глухим звуком упали на обмотки трупа. Мои солдаты двинулись прочь в четком порядке, остальная толпа последовала за ними, смеясь и шутя. Смерть? Что еще можно сказать об этом? Это может случиться в любой день; с этим ничего не поделаешь. Судьба!

Сегодня посетитель Махуты найдет на упомянутом месте простое, низкое, но добротно построенное строение — соломенная крыша, опирающаяся на столбы и смотрящая точно на восток и запад, с кусками цветного ситца, развевающимися на ветру с конька шеста. Это знаменует собой могилу Вандуванду.

МОГИЛА ВАНДУВАНДУ

Но по-настоящему траур Нильса Кнудсена начался только после окончания похорон. В своей умозрительной манере он размышлял о причине смерти. Это было непосредственно вызвано — в этом не может быть никаких сомнений — слоном, огромным животным— одиночкой - фактически “бродягой”. Кнудсен сначала произвел в него пару выстрелов, а затем его последователи, люди с равнины Нкунди, обрушили на незадачливого зверя целый залп из своих дульнозарядных устройств. Слон упал на колени, но снова поднялся, опираясь хоботом, и бросился на охотников. Все сразу направились к *условленному* месту встречи, но Кнудсен упал на бегу, вывихнув руку и потеряв свой пистолет, который от удара отлетел в кусты. Когда через некоторое время они разминулись с Вандуванду, Кнудсен вернулся к месту столкновения и услышал тихий стон. Сначала он подумал, что звук исходит от раненого слона, но вскоре обнаружил, что его верный последователь лежит без чувств под кучей веток. Кнудсен не заметил, проходили ли следы слона близко от этого места или нет, и действительно, даже сейчас он не совсем отчетливо помнит подробности трагедии. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что Вандуванду, имевший репутацию храброго, даже безрассудного охотника, перешел след разъяренного животного и был сбит с ног. Кровавый след слона затерялся в кустарнике.

Таким образом, это является прямой причиной смерти, и для здравомыслящих европейцев этого было бы вполне достаточно, но в этой стране все иначе. “Это вина этой проклятой толстухи; она уже однажды обманула его, и я предполагаю, что она снова была на тех же играх”. К такому выводу пришел Нильс, который вполне усвоил местный образ мышления. Мои исследования в Чингулунгулу открыли мне универсальность веры в то, что если жена мужчины изменяет ему, пока он охотится на слонов в буше, он обязательно попадет в аварию со смертельным исходом. Мне рассказали о ряде случаев, которые действительно произошли, и даже назвали имена заинтересованных людей. Жена Вандуванду - полная женщина, которая, согласно представлениям туземцев, поразительно красива — округлость и красота в этой стране равнозначны - и носит в носу булавку необычного размера с красивой инкрустацией. Поэтому вполне естественно, что ею следует восхищаться, и, принимая это обстоятельство в связи с насильственной смертью ее мужа, для этих африканских интеллектуалов, а также для Нильса Кнудсена, логичным выводом является то, что, поскольку мужчина был убит, его жена, должно быть, предала его.

Понятно, что сначала я отнесся к этой интерпретации весьма скептически; но теперь я должен признаться, что в ней действительно что-то есть, только звенья в цепи причины и следствия следуют друг за другом в несколько ином порядке времени. Эта женщина, по сути, косвенно ответственна за смерть своего мужа. Кнудсен теперь вспоминает, что Вандуванду был странно возбужден и безрассуден на протяжении всей экспедиции, и я слышал из других источников, что пухленькая жена всегда была большой кокеткой и что непосредственно перед его отъездом между супругами произошла бурная сцена. Здесь у нас есть ключ ко всей загадке; слон убил охотника, который в замешательстве случайно встал у него на пути, не потому, что жена этого человека в тот момент флиртовала с другим, а потому, что поведение жены уже довело мужчину почти до отчаяния. В любом случае поучительно увидеть, как явления такого рода, повторяющиеся несколько раз, принимаются за законы природы.

Смерть Вандуванду не изменила дату нашего отъезда, которая уже была назначена; но было заметно, что даже наши люди стремились уехать еще больше, чем раньше.

После трагедии Кнудсен оказался втянутым в упорное соперничество со вдовой, которая, воспользовавшись ситуацией, пыталась обязать его контрактом — на том основании, что, в конце концов, только он был виноват в смерти ее мужа, — поставлять ей шесть новых платьев

в год. С другой стороны на него напали родственники покойного, которые внезапно появились стаями, как стервятники, и потребовали выплатить причитающуюся ему задолженность по зарплате. Но это был случай встречи грека с греком, и Нильс в конце концов решил выплатить деньги вдове. Я подумал, что в таком случае ее убьют до того, как она доберется до Макхауру, и предложил ему послать гонца, чтобы передать деньги Матоле, как старосте родного района Вандуванду. Женщине было объяснено, что она может потребовать свою собственность — она составляла огромную сумму в четыре рупии с тремя четвертями — когда пожелает; но, вероятно, она этого не понимала. Во всяком случае, при ее отъезде, который произошел на следующий день после окончательного отказа Кнудсена заключить контракт на годовую поставку одежды, повар Лату недосчитался некоторого количества земляных орехов и некоторых других съестных припасов из запасов своего хозяина. “Пусть она просто придет снова, вот и все!” - сказал Нильс, внешне возмущенный, но на самом деле испытывающий явное облегчение. Оснований для беспокойства нет; такая красавица вряд ли долго останется невостребованной в такой стране, как эта, и, по всей вероятности, к этому времени она уже снова замужем. Несмотря на это, Нильс по-прежнему настаивает на нашем отъезде.

Еще одно обстоятельство делало мое пребывание в Махуте все менее и менее приятным. Даже в Нчичире ежедневные богослужения вождя и других мусульман были испытанием, они начинались до рассвета и повторялись в полдень и вечером. Здесь приверженцев Пророка больше, а их вера более пылкая, к тому же сейчас мы вступаем в Рамадан. Если мои люди развлекают меня своими песнями или самих себя новыми танцами *нгома*, которые они с удивительной легкостью изобретают, их шум заглушает бормотание и нытье девятнадцати или двадцати преданных под *баразу* Вали. Но если последнее можно услышать в одиночку, эффект будет просто ужасным. Упражнениями руководит вали; его голос ни в коем случае не мелодичен, но когда он произносит что-то гортанное по-арабски, это изрядно действует на нервы, особенно когда шум продолжается до десяти вечера. К сожалению, вмешаться совершенно невозможно, даже если бы мои принципы религиозной терпимости не запрещали этого. Тем не менее, я энергично и успешно протестовал против привычки Вали говорить во весь голос в течение длительного времени после того, как распускал свою паству, и все это время обильно сплевывать в центр площади *бома*. Я сказал ему, что пока я нахожусь в этом месте, я - *Бвана мкубва*, и мое дело определять, что является *дестури* (обычаем), а что нет; и я настоятельно желал, чтобы он перестал нарушать мой ночной покой.

Другим стимулом к скорейшему возвращению на побережье была возможность обеспечить свободный проход на север для моих авианосцев на "*Кайзере Вильгельме II*", который должен был отправиться из Линди в Дар-эс-Салам вскоре после 20 ноября. Если бы я оставил их при себе до моего собственного отъезда 2 декабря, мне пришлось бы не только заплатить значительную прибавку к жалованью, но и крупную сумму за проезд на пароходе, поскольку судно, на котором я путешествовал, принадлежит не правительству, а частной компании. Наконец, я хотел провести короткое время на побережье, чтобы изучить протоколы уголовных судов — изучение криминальной психологии имеет первостепенное значение в этнографии.

Шум утром 12 ноября был сильнее, чем когда-либо. Мои люди в панике метались по *бомбе*, как овцы, и едва могли дождаться приказа начинать. Нельзя было отказать Вали в привилегии сопроводить нас на короткое расстояние по дороге. Не таков его сын, ленивый, грязный негодяй, который дал нам все основания запомнить его представлением, которое он устраивал каждый вечер, когда спускали флаг на ночь, хватая его, если считал, что за ним

никто не наблюдает, когда он достигал земли, и чихая в его складки или иным образом используя его как носовой платок.

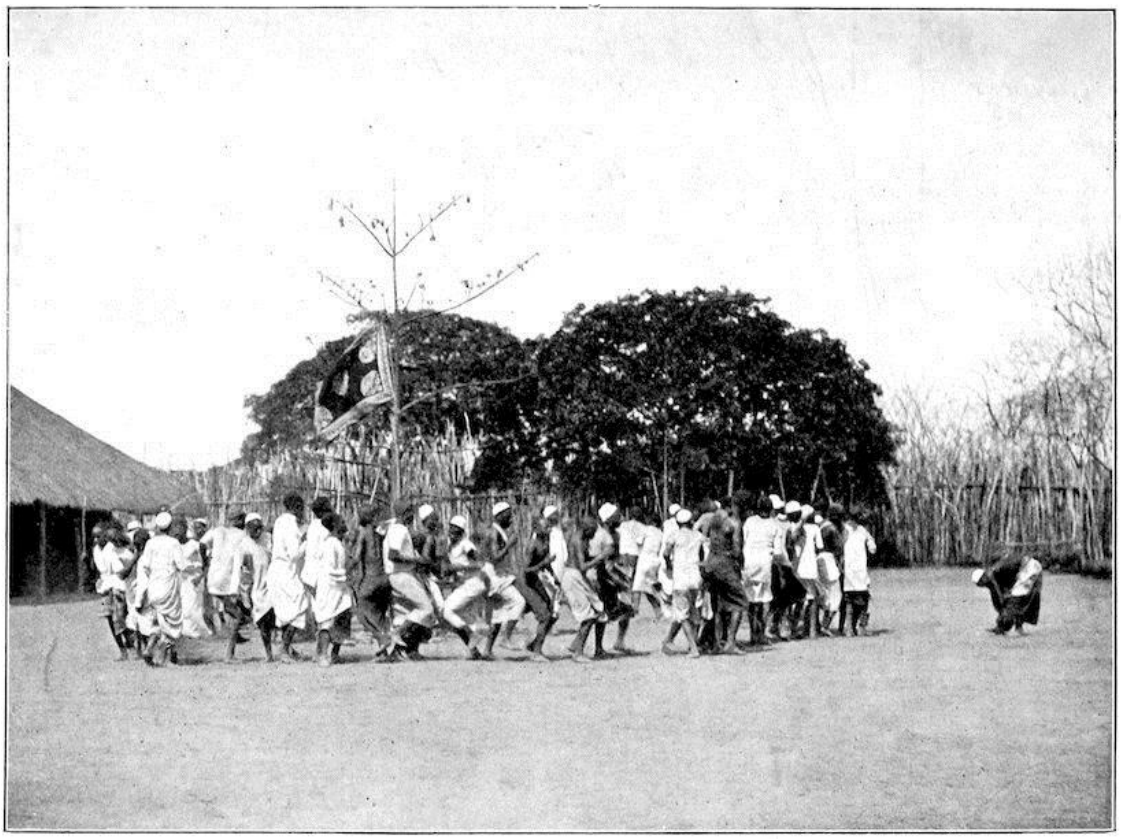
О походе в Луагалу мало что можно записать. Местность ровная, как бильярдный стол, но растительность здесь гораздо лучше, чем на южной стороне плато. В течение двух дней дорога проходит через великолепный лес из больших деревьев; человеческие поселения и ужасный низкорослый кустарник, неотделимый от них, полностью отсутствуют. Незадолго до того, как мы добираемся до Луагалы (где есть *бома*, где гарнизоном служит половина роты и командует лейтенант имперской армии), местность становится более холмистой и представляет любопытный вид. Насколько хватает глаз, простираются манговые рощи, усыпанные плодами; но не видно ни души, только обугленные развалины хижин тут и там. Это бывшие владения Мачембы, этого замечательного вождя племени яо, который, подобно знаменитому Мирамбо из Уньяньембе, смог благодаря престижу своего имени собрать вокруг себя отряды отважных духов, установить тиранию на всем плато Маконде и даже оказать эффективное сопротивление немецким войскам. Поля сражений, где он столкнулся с ними, до сих пор показаны путешественнику. Однако около десяти лет назад Мачемба предпочел покинуть территорию Германии и с тех пор жил на другом берегу Ровумы, почти в пределах видимости Нчичиры, наводя ужас на португальцев для разнообразия. Старый воин, должно быть, был превосходным организатором во многих отношениях; глупому человеку никогда бы не пришло в голову внедрять это возделывание на песчаной почве именно этой части плато. Луагала, возможно, и удачно расположена со стратегической точки зрения, но с точки зрения водоснабжения она находится в худшем положении, чем любая деревушка Маконде. В настоящее время всю питьевую воду приходится доставлять из мест, расположенных в двенадцати-пятнадцати милях отсюда.

После долгого и изысканного ужина, которым лейтенант Шпигель, от всей души радуясь приему европейца, приветствовал нас, было приятно снова отправиться в путь и прогуляться по прохладной тени леса. Некоторое время дорога плавно спускалась вниз, затем склон стал круче, и, наконец, каравану пришлось спускаться по почти отвесному склону к Кихеру — небольшому кристально чистому ручью. Такая вода настолько редка в Восточной Африке, что, к своему удовольствию, я уже наполнил свою чашку и подносил ее к губам, когда Хемеди Маранга остановил меня, сказав: “*Чунгу, Бвана*” (“Она горькая, сэр”).

Саиди Капоте уже является типичным поселением в низменности, состоящим из разбросанных прямоугольных домов определенного размера с седловидными соломенными крышами. Он так же сильно страдает от вечернего шторма, как и другие деревни у подножия холмов. До сих пор поход к побережью напоминал забег с препятствиями, поскольку из-за уже упомянутых проблем с перевозчиками мы каждое утро опаздывали с отправлением. Здесь также бесследно исчезли маконды, сражавшиеся вчера, и хотя вождь в состоянии выделить несколько человек для наиболее важных грузов, мы должны оставить тех, кто менее необходим, и довериться его обещанию отправить их вслед за нами.

Начинается предпоследний марш. Мы неуклонно продвигаемся на восток, вдоль параллельных хребтов, которые бесконечно однообразно тянутся между Кихеру и Лукуледи. Караван теперь очень многочисленный, состоит более чем из ста человек, и по песчаной почве, которая здесь очень затрудняет ходьбу, вереница растягивается на такую длину, что оба конца никогда не видны сразу. Однако мы неутомимо продвигаемся вперед, час за часом. В Лукуледи мы делаем короткий привал; затем снова идем вперед. Наконец, примерно в середине дня, после более чем восьмичасового марша, мы разбиваем лагерь среди обширных пальмовых и мангоевых рощ, в часе ходьбы к западу от Мрвеки. Все совершенно измотаны — слишком устали, чтобы переставлять ноги; но даже самый глупый

мальчишка, прислуживающий солдатам, беспокойно ворочается во сне, потому что завтра мы будем в Линди, и он с нетерпением ждет великолепия и удовольствий этой столицы.



ВЕЛИКИЙ ТАНЕЦ НГОМА В БОМА В МАХУТЕ.

Под усыпанным звездами небом тропиков мои храбрые товарищи падают в последний раз, и в последний раз шум трогающегося каравана нарушает тишину кустарника по другую сторону глубокого ущелья, в котором течет Лукуледи. В индийском квартале Мрвека сонные мужчины, женщины с кольцами в носу и ярко одетые младенцы испуганно вскакивают, когда до их ушей доносятся нестройные звуки рожков, в которые трубит моя экспедиция. Быстро светлеет, когда одетая в хаки фигура хватает под уздцы моего мула: это герр Линдер, превосходный сельскохозяйственный инспектор, который был последним европейцем, попрощавшимся со мной в Руахе, и теперь первым приветствует мое возвращение. Его присутствие здесь является следствием бума в Линди, поскольку он занят обследованием какой-то новой плантации. Мы снова пускаемся в путь быстрым шагом, спускаясь по слегка наклонному склону влево; глава колонны останавливается, те, кто идет за ним, наступают друг другу на пятки; и, подъехав посмотреть, в чем дело, я обнаруживаю, что путь преграждает широкий ручей. Будучи чужаком в этой стране, я должен в данном случае руководствоваться моими людьми. Они, подняв одежду до плеч, медленно вошли в воду. Мой мул немного сопротивляется из чистого притворства, но вскоре храбро бежит следом за остальными. Все благополучно добираются до другого берега, и после короткой паузы, чтобы снова собрать всю группу, мы вдвое быстрее отправляемся в Нгурумахамбу, которая затоплена весенним приливом, вода почти проникла в дома.

Мы покончили с дикой природой. Дорога, еще не достроенная в июле, сейчас в своем законченном состоянии представляет собой шедевр инженерной мысли: на ней не хватает всего нескольких автомобилей, чтобы создать идеальную картину цивилизации двадцатого века. Последняя остановка любой продолжительности - у подножия Китуло, где Кнудсен

настаивает на том, чтобы сфотографировать меня на фоне огромного *баобаба* на том основании, что я должен быть передан потомкам в одежде исследователя Африки. Тем временем мои люди приводят себя в порядок; и, очень живописно сгруппировавшись среди тюков и ящиков, они чистят свои зубы, которые и так едва ли могут быть белее, с усердием, которое было бы только приятно увидеть у некоторых наших соотечественников. Зубная щетка (*мсваки*), используемая этими туземцами, представляет собой кусок очень волокнистого дерева, около восьми дюймов длиной и толщиной с большой палец человека, который проникает во все щели зубов, не повреждая эмали, и при использовании выглядит как огромная сигара. Он хорошо выполняет свою работу и не вызывает возражений с точки зрения гигиены, тем более что новый всегда легко достать, и ему никогда не нужно оставаться в использовании слишком долго.

Я только что достиг вершины Китуло и в последний раз оглядываюсь на ту часть внутренней Африки, в которой я тоже теперь тяжелым трудом завоевал право называться исследователем, когда Омари, повар, запыхавшийся и отдувающийся, поднимается на холм и, как только появляется в поле зрения, кричит мне: “*Ндеге амеквенда!*” ("Птичка улетела!”). На самом деле клетка, в которой несколько недель назад содержалась маленькая ярко раскрашенная птичка - что—то вроде чижа, — теперь пуста; незакрепленная перекладина показывает, как она обрела свободу. Как приятно все эти недели его песня оживляла жаркие, пыльные дома отдыха, в которых мы жили, и делала их немного более уютными; и как он всегда был благодарен за несколько колосьев проса, которых хватало ему на пропитание. Теперь он ушел, как раз в тот момент, когда я размышлял, что делать с моим маленьким другом, зная, что он вряд ли будет процветать холодной северной зимой, и сомневаясь, смогу ли я безопасно доверить его первому встречному европейцу. Его побег в этот момент разрубил узел.

МОЙ ЭСКОРТ ЧИСТИТ ЗУБЫ

В сомкнутом строю, солдаты в секционной колонне, флаг Имперской службы развернут навстречу свежему морскому бризу, мы маршируем в Линди. Мои носильщики незнакомы с этим местом, и поэтому крики женщин, которыми обычно приветствуют каждый въезжающий караван, слышны редко. Мои солдаты ловко въезжают на площадь *бома*, и там, когда я спешиваюсь, затекший от долгой езды, я вижу, как приближается первый белый

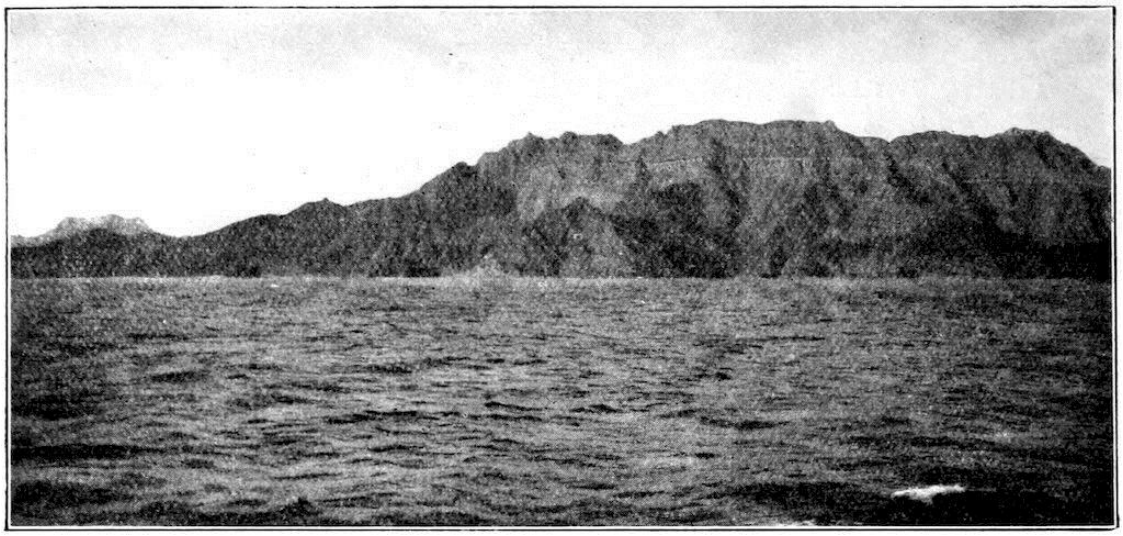
человек; он приветливо здоровается со мной и, кажется, искренне рад меня видеть. Подходит второй. “Боже милостивый! как плохо ты выглядишь! А что касается твоего мула, то, если он не сдохнет до конца дня, меня пристрелят, но тебе все равно придется за это заплатить! Мои иллюзии грубо разрушены. Я отворачиваюсь и подзываю капрала, который стоял немного в стороне в правильной военной позе, подойти поближе. “Вы были хорошими солдатами, и ты, Хемеди Маранга, лучший из всех. Я собираюсь устроить для вас большой пир. Но теперь вы можете идти домой к своим женам”. Я пожал ему руку, он отдал команду, и в следующее мгновение двенадцать человек исчезли во дворе казармы, а я направился в свою старую квартиру. Кнудсен прав; в конце концов, среди вашензи лучше.

За те несколько дней, что им оставалось жить в Линди, я почти не виделся с моими перевозчиками, но слышал о них больше. Теперь их час настал: *"Кайзер Вильгельм"* стоит на якоре вон там, на реке, и отплывет завтра на рассвете. Мои люди должны подняться на борт сегодня вечером, на закате. Я приказал им быть перед зданием почты (где я живу в скромной комнате на верхнем этаже) в половине шестого, полагая, что лучше всего самому проводить их до гавани. Назначенное время пришло, но перевозчика не видно. Я жду без четверти шесть, и мне становится несколько не по себе, когда я осознаю постепенное приближение такого ужасного шума, что не может быть ни малейшего сомнения относительно того, кто его вызывает. Но неужели эти двадцать четыре числа были внезапно умножены на три? Тесно сбитая толпа ревет и бурлит на площади подо мной; басовые голоса мужчин, пронзительные, вибрирующие крики женщин создают шумовое столпотворение; но никаких беспорядочных действий не происходит — на самом деле я ничего подобного не ожидал. Толпа беспорядочной массой следует за мной на протяжении нескольких сотен шагов вниз к гавани, где ждет паром. “*Бвана*, я бы предпочел остаться здесь”, - говорит красивый Кази Улайя, с нежностью глядя на блондинку рядом с ним. “Делай то, что подсказывает тебе сердце, сын мой”, - мягко отвечаю я. “А это мой мальчик, сэр”, - говорит Песа мбили II из Маниемы, который к этому времени восстановил свою полноту. Но он воздерживается от представления мне *биби*, которая в некотором смущении прячется за его широкой спиной.

- А теперь спой еще раз свои прекрасные песни.

Мужчины стоят вокруг меня сомкнутым кругом. “*Kuya mapunda*" звучит очень хорошо; приятная мелодия звучит во всю мощь, перекрывая голос спешащего Лукуледи. В “*Dacure Мурумбе*” певцы тоже неплохо справляются; но когда начинается стандартная песня “*Yooh nderule*”, круг кажется заполненным пробелами, и мой глаз может различить в сумерках различные пары, разбросанные тут и там среди кустов на берегу. “Ах! прощальные сцены”, - думаю я про себя, но вскоре понимаю, что ошибаюсь; ни о каких нежных чувствах речь не идет, но мои деловые товарищи набрасываются, как волки, на последнее угощение, приготовленное для них любящими руками перед отплытием. Я желаю им *вполголоса*приятного аппетита и обращаю внимание на тот факт, что до сердца туземца, как и до сердца европейца, можно добраться через желудок.

Перевозчик нетерпеливо кричит, чтобы они поторопились, и я загоняю группу певцов, не привязанных друг к другу, на мелководье. Плещась и смеясь, они пробираются к лодке; темнота быстро сгущается, и я едва могу различить белые фигуры, когда они взбираются на борт. “*Ты ндеруле, ты ндеруле, бвана мкубва ндеруле”*— знакомые звуки, протяжные, звенят над водой в голосе Песы мбили. — “*куба сумба на воги ндерулева, ты ндеруле”*— припев затихает. Лодка исчезает в темноте, и я направляюсь в кают-компанию к главному ужину дня, где меня снова ждет цивилизация. Экспедиция в Уэуле подходит к концу.



ВХОДИМ В КРАСНОЕ МОРЕ

ГЛАВА XIX
ОТ ЛИНДИ До ТАНГИ

На борту корабля сс. *Кениг*, в Средиземном море, у устьев Нила, 20 января 1907г.

Несколько часов назад, потеряв из виду пальмы Порт-Саида, мы оставили позади остатки Африки. Плоский песчаный берег Египетской дельты теперь исчез из виду, и перед судном, которое со все возрастающим трудом прокладывает себе путь против усиливающегося северо-западного шторма, раскинулась серая водная гладь. Средиземноморье зимой не располагает к себе. На самом деле никаких следов вечно безоблачного неба, которое нас учили искать; и капитан Шарф, которому, безусловно, следовало бы знать, говорит, что он никогда не видел здесь другой погоды в это время года. Это время года всегда холодное и штормовое, что не создает приятного перехода между восхитительной температурой Красного моря зимой и субарктическим климатом Атлантики и Северного моря. Нам придется плыть вдоль побережья Крита и пройти достаточно близко к южной оконечности Греции, чтобы увидеть покрытые снегом вершины Спартанских гор; настолько сильно встречный ветер замедляет ход нашей широкоплечей, несколько старомодной лодки, которая для парохода первого класса проходит удивительно мало пути. У путешественника появляется все больше свободного времени, чтобы уединиться в комфортабельном курительном салоне наедине со своими мыслями и подвести итог всему, что он видел, слышал и узнал за последние девять месяцев.

Вечер 2 декабря на борту "*Канцлера*", стоявшего на рейде Линди, прошел очень приятно. С трудом можно было понять, откуда взялось сразу столько одетых в белое европейцев. Один из пассажиров приписал это наплыву холодного пльзеня, которым мы с Эвербеком в приподнятом настроении перед отъездом угощались в неограниченных количествах; но вряд ли это предположение следует принимать всерьез. Появление немецкого парохода в гавани в этих широтах всегда является праздником, отмечаемым большинством людей всякий раз, когда он появляется. И это совершенно справедливо, ибо нет ничего более омертвляющего, чем монотонность повседневной жизни в Африке.

Путешествие, которое заняло у *Руфиджи* три дня напряженной работы, было совершено стремительным *Канцлером* за один день. Рано утром четвертого числа мы с Эвербеком высадились в Дар-эс-Саламе: Эвербек, чтобы в последний раз покинуть Протекторат, и я, чтобы отчитаться перед правительством о финансовой и административной стороне моей экспедиции. Для такого новичка, как я, перемена места не имела никакого значения, но имперский окружной комиссар был явно тронут грустными и серьезными мыслями. Он провел лучшую часть своей жизни, более пятнадцати лет, в освоении этой самой части Немецкой Восточной Африки; и в таком случае человек не покидает место своих трудов с легким сердцем.

Дар-эс-Салам оказался еще более восхитительным, чем в июне. В это время года он изобилует манго всех размеров и разновидностей. Манговое дерево было давным-давно завезено из Индии и теперь встречается везде, где индийцы поселились в Восточной Африке, будь то на британской, немецкой или португальской территории. Это, безусловно, более приятный иммигрант, чем индеец низкой касты; по способу произрастания он чем-то напоминает нашу липу и придает поселению приятный домашний вид. Этот фрукт, иногда размером с голову ребенка, подается со льдом к каждому приему пищи и по вкусу почти не уступает ананасу.

В эту приятную, легкую жизнь известие о событиях 13 декабря ворвалось как гром среди ясного неба. Превосходный отель “Кайзерхоф” открылся как раз перед моим возвращением в Дар-эс-Салам, и я имел огромное удовольствие быть одним из его первых гостей. Мы почти задыхались от комфорта: электрическое освещение, широкая тенистая веранда перед каждой комнатой, удобная ванная комната, пристроенная к каждой квартире, и более чем роскошный стол - все это было слишком хорошо после наших скудных месяцев в буше. Однако, к счастью, человек привыкает ко всему, даже к хорошей жизни.

АВТОР В КОСТЮМЕ БУША

Я редко видел столько вытянутых лиц, как в те дни, когда весть о внезапном роспуске рейхстага взорвалась подобно бомбе в уютных, состоятельных официальных кругах города. Казалось, что каждый европеец, вплоть до самого низшего подчиненного, был лично затронут этим событием; во всех столовых громко звучали мрачные прогнозы квакеров относительно черного будущего — или, скорее, отсутствия какого—либо будущего - у колонии, бесславный конец которой, казалось, не вызывал сомнений, поскольку каждый из нас предвидел, что Всеобщие выборы в январе позволят провести в рейхстаг по меньшей мере сотню социалистов. “И, конечно, с железными дорогами покончено”, - таков был стереотипный рефрен всех этих причитаний, которые скорбящие должным образом утопили в море виски с содовой. Лично я убежден, что все будет не так плохо, как сейчас, но что следующий рейхстаг проявит по крайней мере столько же чувств к колониям, сколько и его предшественник, или, действительно, следует надеяться, еще больше. 25 января наш пароход прибудет в Геную; в этот день выборы завершатся, а на следующий день мы сможем ознакомиться с общими результатами и составить некоторое представление о судьбе наших колоний в ближайшем будущем.

Я покинул Дар-эс-Салам 20 декабря на "*Адмирале*", великолепном судне, почти новом, с гораздо меньшей качкой, чем на "*Принцрегенте*". Кроме того, он был более комфортабельным, чем последний; поэтому неудивительно, что все каюты были полны. У нас на борту было еще больше англичан, чем весной; многие из Кейптауна и еще больше из Йоханнесбурга. Соответственно, преобладающий стиль одежды был заметно роскошнее. На этот раз мне удалось сойти на берег в Танге и даже увидеть кое-что о железной дороге Усамбара. Капитан Догерр, со свойственной ему предусмотрительностью (вероятно, помня об управленческих функциях, которые ему приходилось выполнять несколькими месяцами ранее на службе у восьми помощников шерифа), распорядился подготовить специальный поезд для пассажиров или, по крайней мере, для тех, кто пожелал им воспользоваться. С этими словами мы отправились в Мухесу, где экспедиция была остановлена с помощью огромных блюд с бутербродами и подносов с виски и газировкой. На северо-востоке колонии действительно что-то делается, это видно даже из поезда; правда, не вся земля еще обработана, но каждый ее клочок уже находится в руках постоянного владельца, даже далеко за пределами железнодорожной станции.

Вечером в Танга происходили грандиозные события. У этого города есть целый ряд преимуществ. Во-первых, это ближайший к метрополии из всех наших восточноафриканских портов и, таким образом, является воротами в колонию. Во-вторых, гавань довольно хорошая; залив, действительно, не закрыт от суши в такой степени, как залив Дар-эс-Салама, но, как и последний, он имеет достаточную якорную стоянку на небольшом расстоянии от берега. Однако самым важным моментом является его близость к Усамбаре, самой благоприятной части нашей территории с точки зрения климата и почвы. У Усамбары есть только один недостаток: она недостаточно велика, чтобы вместить всех потенциальных поселенцев. Говорят, что даже сейчас доступная земля была выделена, и у последующих претендентов нет шансов. Многие из них сейчас останавливаются в Танге или направляются на юг в поисках новых областей для своей энергии: фактически, бум в Линди был в значительной степени вызван скоплением людей на севере. Таким образом, экономический центр тяжести всей нашей колониальной деятельности находится в настоящее время в этом северо-восточном районе. Это, кстати, видно по всему аспекту европейской жизни в Танге. Проведя много месяцев подряд в горах Усамбара, без возможности социального общения,

плантатор внезапно ощущает потребность в обществе, и через несколько часов мы можем увидеть его сидящим в клубе в Танга.

Там, где есть немцы, есть и музыка. В Дар—эс-Саламе преимущество имеют две группы - группа моряков с двух крейсеров и группа *аскари*. Оба находятся под официальным патронажем, но я не могу ничего сказать о мастерстве местных исполнителей: в любом случае, их музыка сопровождалась большим шумом. В Танге жители отстаивают свою независимость не только в экономических вопросах — даже мужской оркестр этого города является чисто частным предприятием. Танга - это учебный центр *по преимуществу*, сотни местных детей обучаются основам европейских знаний и посвящаются в тайны немецкого языка, на котором, как оказывается, все маленькие черные бесенята в той или иной степени умеют говорить. Наиболее сообразительные, в которых их учителя обнаруживают, или думают, что они обнаруживают, какой-либо музыкальный дар, принимаются в знаменитый мужской оркестр. Как раз сейчас они проходят отличную подготовку. Когда пассажиры с *Admiral* вечером появились на площади перед клубом, оркестр вышел поприветствовать их, и игра была действительно удивительно хорошей.

ГЛАВА XX
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

У входа в Красное море.

Канун Рождества и Нового года прошли в море с обычными празднествами; последний, на котором немецкие и английские пассажиры танцевали с одинаковым энтузиазмом и энергией, был также кануном нашего прибытия в Суэц.

Около полудня первого января 1907 года я ступил на землю Египта, который я только что покинул после почти трехнедельного пребывания. У меня было большое желание изучить реликвии древнеегипетской культуры на месте, и поэтому я как можно быстрее покинул Каир и его окрестности, отправившись в Верхний Египет — Луксор, Карнак и Дейр-эль-Бахри. С климатической точки зрения Каир также не был хорошо приспособлен для промежуточной станции между тропиками и зимой Северной Европы. Один за другим наши пассажиры, оставшиеся на экскурсию по Египту, чувствовали недомогание. Поэтому некоторые сели на ближайший пароход, отплывающий в Германию, утверждая, что дома их простуды “обойдутся дешевле”, в то время как другие отправились вверх по Нилу на *поезде класса люкс*, чтобы медленно и тщательно привыкнуть на великолепном воздухе пустыни Ассуан к субарктическому климату Улайи.

Плотина Асуан исторически является результатом вандализма, технически - достойным внимания произведением инженерной мысли, с экономической точки зрения - поистине великим достижением. Узкоколейная железная дорога петляет вверх по Нилу, делая резкие изгибы между Луксором и Ассуаном. Иногда Нил протекает в непосредственной близости от трассы - иногда между священным потоком и новой нечестивой железной дорогой проходит узкая полоса наносного слоя. Все это время человека угнетает теснота местности; кажется, что первый сильный ветер должен разнести песок прямо по ней и полностью засыпать ее землей. Внезапно голые холмы слева отступают: перед нами открывается широкая равнина,

лишь вдалеке ограниченная резкими контурами холмов Аравийской пустыни. Равнина сама по себе тоже является пустыней — но как долго она будет оставаться такой? Повернитесь направо и обратите внимание на большой квартал зданий, который бросается в глаза. Это не египетский и не арабский стиль, в нем нет ни капли грязи феллахского варварства; напротив, он представляет собой чистейший англо-американский фабричный стиль. Высокий дымоход, венчающий все здание и выпускающий густое облако дыма, образует разительный контраст с окружающей обстановкой — серебристым Нилом с его каймой из зеленых полей, бегущей лентой через бескрайние пески пустыни на восток и запад. Посмотрите перед собой на прямой канал, пересекающий равнину и теряющийся из виду вдали, а также на канавы и протоки, по которым он с идеальной регулярностью распределяет воды Нила во всех направлениях. Здание представляет собой насосную станцию, установленную для восстановления былого плодородия пустынной равнины путем орошения. Сейчас она все еще совершенно голая: через несколько месяцев это будет море колышущейся кукурузы со стеблями, плодоносящими стократно.

Экономическая эксплуатация долины Верхнего Нила - это пример, которому должна следовать наша собственная колониальная администрация. Без решительной цели, без капитала и без точного знания страны и ее ресурсов даже эта английская или американская компания ничего не смогла бы сделать. Нам нужны все три фактора, если мы хотим добиться какого-либо прогресса, будь то в Восточной или Юго-Западной Африке, в Камеруне или в Того. Есть только одно небольшое отличие — аллювиальная почва долины Нила, накопленная за многие мириады лет, не нуждается ни в чем, кроме орошения, чтобы снова превратиться в пахотную почву высшего качества. Разумно регулируемый поток Нила - это волшебная палочка, которая почти мгновенно превратит пустыню в плодородное поле. Этот преобразующий фактор отсутствует в зарослях кустарника и степях Германской Восточной Африки. Это правда, что в этой стране есть множество ручьев, но в настоящее время объем их воды никак не регулируется, и ни один из них не является судоходным в таких внушительных масштабах, как Нил. Без сомнения, с течением лет Пангани станет транспортной артерией, как и Руфиджи, и, возможно, нашим пограничным потоком, Ровумой; но это произойдет не при жизни нынешнего поколения.

Почву Германской Восточной Африки тоже нельзя сравнить с почвой Египта; это не аллювиальные отложения, богатые гумусом, но в целом довольно бедные, образовавшиеся в результате выветривания обнажающихся пород и не способные стать плодородными только за счет влаги. Тем не менее, насколько я могу судить, водный вопрос остается кардинальным в нашем колониальном сельском хозяйстве. В Саадани они сразу же начали действовать с размахом, распахивая большие площади паровыми плугами в надежде, что массовое выращивание хлопка может положить конец американской монополии. Пока это очень хорошо; температура благоприятная, а почва вполне подходит для выращивания такой культуры. Неясен только один фактор: немецкая Восточная Африка, как и Индия, никогда не может рассчитывать на нормальное количество атмосферной влаги — а если дождей не будет, что тогда?

Темный Континент часто сравнивали с перевернутой тарелкой. Суша плавно поднимается вверх от морского берега, угол наклона постепенно увеличивается, пока мы не получим окаймляющую горную гряду значительной высоты. Но только при взгляде с побережья можно сказать, что этот хребет имеет горный характер; как только путешественник пересечет его, он обнаружит, что, как и на высотах Гарца или Рейнских сланцевых гор, он находится на равнине почти на уровне его вершины. Чтобы провести сравнение с табличкой, мы можем

сказать, что теперь он пересек узкий выступ внизу и теперь идет по горизонтальной поверхности внутри этого выступа.

Это своеобразное строение должно приниматься во внимание теми, кто занимается развитием наших колоний, *т.е.*, во-первых, оно ответственно за тот факт, что реки судоходны лишь в очень незначительной степени, если вообще судоходны. Во-вторых, большая часть осадков выпадает на обращенном к морю склоне хребта, в то время как на другой его стороне почти нет дождей, что объясняет засушливый характер Угого и соседних районов. Тем не менее, даже на большей части этой территории есть почва, на которой могут расти любые культуры, которые вообще можно выращивать в Экваториальной Африке. Тамошнему плантатору повезло в том, что он может рассчитывать на живительное влияние тропического солнца, которое в течение всего года создает цветущие поля из мельчайшего песка. На юге я мог день за днем убеждать себя в истинности этого утверждения.

Юг до сих пор был Золушкой наших колониальных округов, и я боюсь, что таковым он, вероятно, и останется. Предубеждение относительно его бесплодия сдерживало как официальную, так и частную предприимчивость. Это правда, что ни плато Мвера, ни высокогорье Маконде, ни широкие равнины, простирающиеся за этими двумя возвышенностями, между Ровумой на юге и Мбемкуру или Руфиджи на севере, нельзя назвать плодородными. Песок и суглинок, суглинок и песок, в одном случае, и кварцевый обломок - в другом, являются доминирующей нотой целого. И все же у нас нет абсолютно никаких причин отчаиваться по поводу этой страны, ибо если туземец может зарабатывать на жизнь почвой, без внесения удобрений и без каких-либо приспособлений нашего высокоразвитого интенсивного земледелия — если этот же самый туземец в состоянии экспортировать значительную часть своей продукции в виде кунжута, земляных орехов, каучука, воска, зерновых и бобовых - было бы, конечно, странно, если бы белый человек не мог получить гораздо больше из той же земли.

Одну вещь, действительно, никогда не следует забывать: ни этот район, ни Африка в целом не являются *райскими кущами*, где жареные голуби сами по себе залетают людям в рот; работа, непрерывная, напряженная работа, является таким же необходимым условием прогресса, как и в менее благоприятных климатических условиях. У нас было достаточно возможностей понаблюдать и оценить эту настойчивую индустрию на примере племен маконде, яос и Макуа. И мы можем быть уверены в одном: европейскому плантатору, будь то на севере или юге, на побережье или в глубине страны, придется не намного легче, чем этим людям. Это, однако, не причинит ему вреда; напротив, чем тяжелее борьба за существование, тем энергичнее развивалась колония на протяжении всей истории человечества. Современные Соединенные Штаты являются постоянным доказательством этого утверждения; южноафриканские колонии, развивающиеся в настоящее время самым удовлетворительным образом, говорят не менее ясно, и можно легко привести другие соответствующие примеры.

Волны набегают все выше, у *"Кенига"* ширина борта больше, чем глубина, он не кренится, но не может удержаться, чтобы не переплыть больше морей, чем хотелось бы. Должен ли я перед лицом этого грандиозного зрелища позволить себе погрузиться в бесполезные прогнозы на будущее? Насмешка моего друга Хайрема Роудса по поводу "политического детства” была жестокой, но в ней была доля правды, и не только в отношении Занзибарского договора. Мы, немцы, начали колонизацию на триста лет позже, чем другие нации, и все же Дик, Том и Гарри поднимают шум, потому что наши колонии, полностью приобретенные двадцать лет назад, до сих пор не производят излишков. Честные люди думают, что только "Юго-Запад” должен быть в состоянии освободить их от необходимости платить какие бы то

ни было налоги. Можно рвать на себе волосы от такой глупости и такого полного отсутствия исторического смысла. Большинство книг печатается в Германии — ни одну не покупают, и лишь немногие читают там. Среди этих немногих мы едва ли можем включить какие-либо работы по истории колоний, иначе было бы невозможно, чтобы даже специалисты по колониальным вопросам знали так мало о тех тысячах конфликтов, трудностей и поражений, которые англичане испытали в Индии, в Южных морях, в Африке и в Америке и которые снова и снова могли вызывать отвращение у голландцев, испанцев и португальцев с их обширными колониальными владениями. владения. Бессознательно находясь под влиянием богатства Англии и Голландии, которые в значительной степени проистекают из их зарубежных владений, мы склонны забывать, что три столетия - это период, в пятнадцать раз превышающий нашу собственную колониальную эпоху, и что по крайней мере десять поколений англичан и голландцев тяжелым, непрестанным трудом добились того, что мы ожидаем получить без усилий с нашей стороны. Я твердо убежден, что мы никогда не научимся ценить наши действительно великолепные владения, пока более тщательная система обучения не восполнит упомянутый выше недостаток — вдвойне непростительный в нации, интеллектуальное превосходство которой повсеместно признано.

Такой исторический смысл можно обрести, вложив в колонии два вида капитала — кровь, пролитую ради их сохранения и развития, и звонкую монету, потраченную на использование их ресурсов.

Чтобы проиллюстрировать масштабы Британской колониальной империи и ее распространение по всему миру, часто указывают, что метрополия редко обходится без какой-либо колониальной войны. Это верно в настоящем, и это также было верно в прошлом: Англии фактически всегда приходилось бороться за свои владения за морем. Несомненно, эта трехсотлетняя борьба за обладание, которая в ее особых обстоятельствах часто становилась для Англии борьбой за существование, является главной основой особенно тесных и интимных отношений между метрополией и дочерними государствами. Вряд ли найдется семья, у которой не было бы близких, похороненных в индийской или африканской земле. Этот факт поначалу вызывает к стране болезненный интерес, который очень скоро порождает интерес другого рода. Истинность этой доктрины была самым печальным для нас образом проиллюстрирована кровопролитной войной в Юго-Западной Африке.

Другой вид капитала - денежный — не может обсуждаться в случае наших колоний, не касаясь железнодорожного вопроса. Сколько жалоб было высказано на непреодолимое нежелание немецких капиталистов участвовать в колониальных предприятиях! Я сам не богатый человек, но, если бы у меня был миллион, который я мог потерять, я бы, тем не менее, колебался, прежде чем вкладывать его в страну без средств связи, полностью лишенную естественных, в то время как искусственные пока находятся только на начальной стадии. Дома каждый теперь ожидает великих свершений от нового водителя нашей колониальной колесницы. Герр Дернбург — опытный финансист, и он, возможно, сможет добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, - в завершении строительства великой железнодорожной системы, спроектированной давным-давно, и в привлечении не менее необходимых финансовых ресурсов.

Наконец, туземец не лишен важного влияния на будущее нашей восточноафриканской колонии. Как этнограф, я нахожусь в лучшем положении, чтобы составить о нем мнение, чем в отношении других вопросов, в которых такой посторонний человек, как я, может руководствоваться только здравым смыслом. Одни называют черного человека “необученным ребенком”, другие - “крайне развращенным и неизлечимо ленивым”. Есть

еще третья сторона, которая склонна оставить ему по крайней мере одно или два маленьких достоинства, но о них постоянно кричат. Это правда, что коренное население прибрежных городов испытывает ужас перед любой серьезной работой и смотрит на нее свысока, как на унижение себя; но я думаю, нам может быть позволено составить лучшее мнение о большой массе людей в Немецкой Восточной Африке. Самым многочисленным племенем во всей колонии являются ваньямвези, численность которых оценивается примерно в четыре миллиона душ, и они занимают всю центральную область к востоку от Великой Рифтовой долины. Никто еще не осмеливался сомневаться в их трудолюбии или способности к прогрессу; они превосходные земледельцы, и в то же время на протяжении целого столетия были оплотом караванной торговли между побережьем и сердцем континента. Вскоре это движение должно прекратиться по самой природе вещей, но мы не имеем права предполагать, что Ваньямвези поэтому станет излишним. Беглый просмотр отчетов железной дороги Уганды покажет нам, насколько нам повезло, что мы обладаем таким элементом социальной структуры, как это энергичное племя. Давайте же будем достаточно мудры, чтобы поощрять и развивать эту экономическую силу для собственного блага туземцев и, прежде всего, для того, чтобы самим извлечь из нее все преимущества. То, что верно для ваньямвези, верно и для многих других племен. Даже сейчас я не могу забыть впечатление, произведенное на меня высоким средним уровнем фермерства, которое я видел у своих друзей в долине Ровума. Люди, которые, как бы часто они ни подвергались перемещению, все еще так крепко держатся за землю, несомненно, должны обладать огромным потенциалом для творения добра, иначе все учения расовой психологии и истории будут фальсифицированы. Эта неожиданно высокая стадия культуры может быть объяснена только эволюцией, растянувшейся на неисчислимо долгий период. Ничто не опровергает глубокой древности земледелия среди банту; они консервативны, как консервативен и их континент; немногие пришлые элементы, все еще находящиеся на экономической стадии собирателей и охотников — бушмены в самых засушливых частях юга и пигмеи в самых труднодоступных лесах Центральной и Западной Африки, — должно быть, были вытеснены ими много веков назад.

Земледелие наших туземцев осуществляется исключительно мотыгой — орудием любой работы с тяжелым поперечным лезвием, которое служит одинаково для рыхления и очистки земли, для посева урожая и, в определенной степени, для его сбора. Мы слишком склонны думать об этом способе возделывания как о чем-то примитивном и низшем, и, на самом деле, в той мере, в какой он обходится без домашних животных, будь то для работы или для заготовки навоза, он действительно очень отстал. Но мы должны также принять во внимание, что некоторые части наших колоний заражены мухой цеце, и что система обработки узких полос земли исключительно мотыгой действительно знаменует очень высокую стадию земледелия. Лучшим доказательством этого является сохранение узкой грядки в наших садах, где выращивание едва ли можно назвать более элементарным, чем на наших полях. Важно также, что для более интенсивных форм культуры, когда они ведутся в открытых полях, *например,*, цветоводства, как вблизи Эрфурта, Кведлинбурга, Харлема и т.д., и огородничества, как в окрестностях Брауншвейга, Ганновера, Майнца и других крупных городов, длинная узкая грядка наиболее предпочтительна. Более того, трудно понять, как местный житель мог бы справиться с сорняками — главной опасностью для его посевов, — если бы к его узким грядкам не было легкого доступа со всех сторон.

Поэтому нет необходимости вмешиваться в местный способ ведения сельского хозяйства: он был протестирован и признан превосходным.

Другой вопрос заключается в том, как нам на этой основе сделать наших чернокожих собратьев-подданных полезными для нас самих? На мой взгляд, есть два способа, в отношении обоих из которых *плюсы* и *минусы* примерно равны. Оба они действуют уже некоторое время, так что у нас есть стандарт, которым мы руководствуемся при прогнозировании конечного развития всей колонии. В первом случае туземца не поощряют продвигаться вперед в его собственном доме и на его собственном участке, но обучают как рабочего на плантации европейского мастера — плантации разбиваются везде, где подходящая почва и сносный климат обещают хорошую отдачу от затрат. Другой метод учитывает прогресс самого туземца и направлен на повышение его экономической продуктивности за счет умножения и улучшения урожая, выращиваемого им за свой счет, обучения его новым потребностям и в то же время увеличения его покупательной способности. Таким образом, есть надежда, что он обменяет свой экспорт на наш.

Будущее должно показать, выберет ли немецкий народ один из этих путей, исключив другой, или, как было до сих пор, будут сохранены оба. Для метрополии их ценность примерно одинакова и зависит от степени активности, проявляемой в колониальных делах в целом. Но второе, безусловно, на руку самому туземцу. Как работник на плантации он был и остается *мшензи*; как крестьянин-собственник он способен продвигаться вперед. В то же время мы не должны забывать, что наши колонии были основаны в расчете на обеспечение жильем избыточного населения, и что если туземец претендует на самые плодородные районы своей страны для себя, из этого ничего не выйдет *из крестца*. От общего направления нашей политики также зависит, отвечает ли численный рост и физическое совершенствование местного населения нашим интересам или нет. Некоторые примитивные народы почти или полностью исчезли под влиянием цивилизации; тасманийцы принадлежат истории; маори Новой Зеландии и канаки Гавайев быстро сокращаются, и мы недавно услышали о последнем ведда на Цейлоне. Негритянская раса не принадлежит к этим кандидатам на вымирание; напротив, везде, где она соприкасалась с белой, она становилась сильнее во всех отношениях; поэтому нет никакого страха перед ее вымиранием. Но должны ли мы пойти дальше и путем искусственного отбора намеренно повысить их коэффициент размножения? Безусловно, мы должны это сделать, поскольку многочисленная постоянная популяция при любых обстоятельствах является для нас преимуществом. Это решает проблему рабочей силы для сеялки, и, с другой стороны, европейский производитель и продавец, конечно, предпочтут большое количество клиентов небольшому. Как начать это улучшение? Мне больше нечего добавить к замечаниям, которые, *по поводу* различных болезней и других бедствий этого континента, встречаются на предыдущих страницах.

В Европе одни люди глупы, другие обладают умеренными способностями, а третьи определенно умны. Огромные украшения на губах женщин маконде и Макуа иногда создают впечатление обезьяньего типа лица, а маленькие мальчики иногда предполагают своими чертами не отдаленное родство с недостающим звеном, но этим исчерпывается список оправданий, которые я мог бы привести для того, чтобы смотреть на рассматриваемых людей сверху вниз с высоты своего роста. За все месяцы, проведенные среди аборигенов долины Ровума, я так и не обнаружил ни одной причины, по которой мы должны, как мы это так любим делать, ассоциировать идею абсурда с африканцем. Напротив, поведение не только старших, но и самых оживленных молодых людей в их общении с Кнудсеном и со мной характеризовалось спокойным достоинством, которое вполне могло бы послужить примером для многих европейцев аналогичного социального положения. Мой личный опыт не позволяет мне верить в догму о неспособности негров к развитию. Нельзя отрицать, что он достиг определенного интеллектуального прогресса даже в Северной Америке, хотя препятствий там больше, чем возможностей. Почему же в таком случае ему не подняться, как

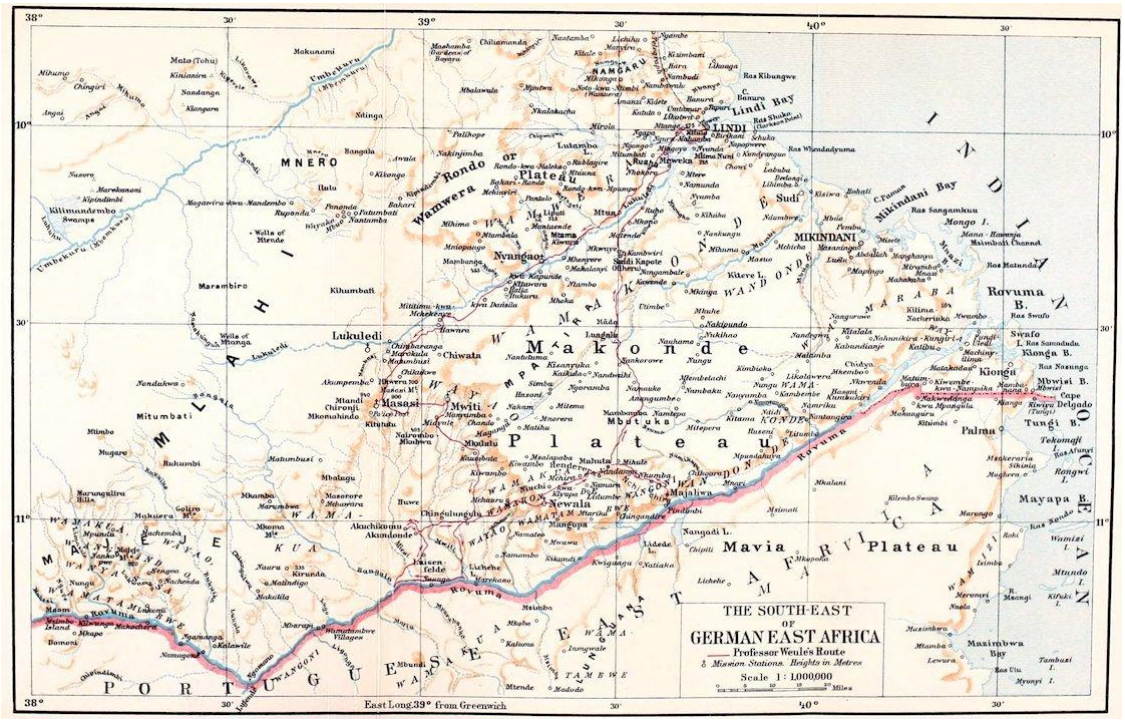
только ему представится такая возможность, чтобы он мог воспользоваться ею? Только мы не должны ожидать, что этот прогресс произойдет в одночасье, так же как мы не можем ожидать быстроты экономического прогресса, противоречащей всем законам исторической вероятности.

Уже совсем стемнело; лодка, должно быть, изменила свой курс, потому что шторм больше не встречает нас спереди, а дует с левого борта, так что, без сомнения, мы приближаемся к Криту. Завтра или послезавтра мы будем проходить мимо берегов Греции. Должен признаться, что я с нетерпением жду возможности увидеть эту страну, хотя и не отношусь к ее классическому возрасту с таким же безграничным и некритичным энтузиазмом, как многие наши соотечественники, для которых древнегреческий язык является воплощением всех исторических и культурных достоинств. Только в одном даже самая черная зависть не может отказать эллинам древности — в мужестве колониальных предприятий, которому нам следует подражать как сейчас, так и в будущем.

Это будущее по-прежнему окутано тайной. Станет ли наша восточноафриканская колония второй Индией? Я ни на секунду не сомневаюсь, что так и будет, и перед моим мысленным взором предстает вся страна, пересеченная железнодорожными линиями. Одна из них проходит по старой караванной дороге от побережья до Танганьики. Железный конь пришел на смену старому транспортному средству, и грохочущий поезд теперь перевозит самих перевозчиков, а также громоздкие товары, которые никогда не могли быть выставлены на рынок при старой системе. Одна ветка ведет к реке Виктория-Ньянза, а другая - к далекой Ньясе; мы можем подключиться к британской сети железных дорог в Южной Африке, к коммуникациям штата Конго, к долине Нила. Тридцать лет назад поход Стэнли в Озерный край и его путешествие на лодке по Конго были эпохальными достижениями. Возможно, мы, сегодняшние, доживем до того, чтобы совершить путешествие на *поезде класса люкс* от Кейпа до Каира и от Дар-эс-Салама до Камеруна.

КОНЕЦ.

Напечатано компанией Sir Isaac Pitman & Sons, Ltd., Бат.


THE SOUTH-EAST
OF
GERMAN EAST AFRICA
Professor Wenle's Route
Mission Stations. Heights in Metres
Scale 1 : 1000000
East Long.39° from Greenwich
Rondo Plateau
Makonde Plateau
Mavia Plateau
LINDI
MIKINDANI
Lindi Bay
Mikindani Bay
Ravuma B.
Mayapa B.
Kionga
Palma
Tunghi B.
Lukuledi
Masasi
Mwiti
Newala
Mitumbati
Nyangao
Wemwera
Mnero
Umbekuru
Ruvuma
Rovuma
Mbwisi B.
Klanga B.
Svafo
Maximbwa Bay
Mtundo I.
Tambuzi I.
Rongwi I.
Tekomaji
Mangupa
Mnjilwa
Nangadi L.
Mtimati
Mkalani
Mkuranga
Mkwiti
Mkomahindo
Chiwata
Chingulungulu
Akuchikomu
Akumdonde
Kirunda
Naurn
Mbarapi
Mnumambwe Villages
Mbunda
Mtende
Mdede
Mkubu
Mkuma
Mkuru
Mkwaya
Mkwiro
Mkwiti
Mkwiwa
Mkwiza
Mkwiza
Mkwiza

8. Это становится более понятным, если мы вспомним форму местной бритвы, которая обычно имеет длину около пяти-шести дюймов, с режущим концом, похожим на лопаточку, и сужающимся назад к черенковидной ручке, конец которой можно легко заточить как шило.

9. Г-н Дж. Т. Ласт говорит, что некоторые женщины Макуа “в дополнение к *пелеле*носят латунный или железный гвоздь длиной от четырех до семи дюймов ... продетый через отверстие в нижней губе и оставленный висеть перед подбородком". Когда леди не может позволить себе подобное металлическое украшение, она использует кусок палки, который покрывается бисером”.

10. Это не чистый Ре натур, а звук между Ре диез и Ре натур, хотя и ближе к последнему.

11. Zur Oberflächengestaltung und Geologie Deutsch-Ostafrikas, Berlin, 1900.

12. Древние и современные методы высвобождения стрел.

13. “Проваливай!”

14. Доктор Веуле переводит это как “Он работает на европейца”, но более точно это переводится как “Работа за границей”, или “работа в” (или “из”) “Европы” — или вообще в зарубежных странах.

15. Это выражение (*Naturvölker*) было принято Ф. Ратцелем в качестве предпочтения расплывчатому и вводящему в заблуждение термину “дикари”. Она основана на определении цивилизации как процесса, посредством которого человек во все возрастающей степени становится независимым от природы. Обычному английскому эквиваленту “примитивных народов” несколько не хватает точности. — [Tr.]

16. 100 на рупию.

17. Чингулунгулу - это слово яо, означающее бирюзово-голубые бусы, которые всегда были основным предметом торговли со времен древних египтян.

18. Этот “феномен” вряд ли можно считать удивительным, принимая во внимание предыдущие замечания доктора Веуле (см. стр. 52) и его последующее признание о трудностях, с которыми он столкнулся, уберегая своих носителей от неприятностей в Чингулунгулу. Из повествования не ясно, приходило ли ему в голову поинтересоваться их поведением в Масаси. Их не нужно причислять к нечестивцам по сравнению со всеми другими *вапагази*. Перевозчик рассчитывает усердно потрудиться на марше, отдохнуть и повеселиться со своей семьей в своей собственной деревне, а также поразвлечься в разумных пределах, когда расплатится на побережье в промежутке между двумя путешествиями. Но длительный период бездействия посреди *сафари*в незнакомой стране - это нечто совершенно выходящее за рамки его образа жизни, и неудивительно, что он деморализуется.

19. “Вредные насекомые!”

20. Разновидность алкоголя, специально предназначенная для местного употребления, и особенно в качестве подарка вождям и стольникам. Доктор Веуле снова ссылается на него позже, но не дает никаких подробностей относительно его химического состава.— [Tr.]

21. Это, безусловно, ошибка, если только слово “краснеть” не используется только для обозначения того, что *краснеет*. Туземцы, безусловно, меняют цвет кожи под воздействием эмоций. — [Тр.]

22. К этому следует отнестись с некоторыми оговорками. Даже в 1862 году, когда Ливингстон впервые поднялся на Ровуму, он неоднократно обнаруживал деревни, опустевшие из-за страха перед работорговцами, главный маршрут которых из Килвы в Ньясу пересекал Ровуму выше Кичокомане. Похоже, что к 1866 году ситуация в этом отношении ухудшилась. См. "Последние дневники Ливингстона", т. I, стр. 24, 37, 39, 41 и в других местах. К тому времени мазиту (вангони) уже превратились в террор. *Ib.*, стр. 43 и др. —[Тр.]

23. Джозеф Томсон сделал то же замечание в отношении Махенджа, расположенного несколько севернее.—Путешествие к озерам Центральной Африки и обратно, том. I, стр. 188. —[Тр.]

24. Известный немецкий юморист, один из основных авторов книги Fliegende Blätter.

25. Это тот самый Матола, который приветствовал миссионеров U.M.C.A. в Ньюале в 1877 году и о котором покойный епископ Мейплз сказал: “Он без исключения самый умный и приятный африканец, которого я знаю. Он обладает многими превосходными качествами и, кроме того, таким количеством энергии, которое редко встречается в этой части мира. У него есть запас информации о людях, стране и языках, из которых он может говорить на шести”. Матола умер в Ньюале в октябре 1895 года. — [Tr.]

26. Акценты воспроизведены из стенограммы доктора Веуле. Ударение в Яо никогда не падает на последний слог, но иногда при пении ударение кажется смещенным, или, возможно, повышающая интонация была перепутана с ударением.—[Tr.]

27. Последующий отрывок, в котором дается почти такое же описание, следует воспринимать вместе с вышеизложенным как несколько уточняющий его. Следует признать, что заявления доктора Веуле в том виде, в каком они представлены здесь, безусловно, вводят в заблуждение и создают преувеличенное впечатление всеобщего пренебрежения и нищеты среди африканских младенцев. Это правда, что женщинам—миссионеркам и другим предстоит многое сделать для привития здоровых гигиенических принципов (хотя, возможно, не больше, чем в Лондоне!), но описанное ужасающее положение вещей ни в коем случае не является универсальным, и следует помнить, что племена плато Маконде подвергались преследованиям работорговцев и переезжали с места на место даже вопреки обычаям африканцев в целом. — [Tr.]

28. Этот кукарекающий змей хорошо известен понаслышке по всему Ньясаленду. Говорят, что у него красный гребень и что он “убил очень много людей в стране ангони” (Словарь Скотта, С.В., *Касонго*). Туземцы, рассказавшие мне о ней, никогда не видели ее сами, но слышали о ней от охотников; они описали ее привычку бросаться вниз с деревьев и добавили, что упомянутые охотники обошли ее стороной, заставив первого человека в отряде нести на голове горшок, полный огня (другие говорят, очень горячей каши или обжигающего пюре из отрубей), в который змея опускается и погибает. Аньянджа говорят *ingolira koh* — “Оно кричит *koh!*” (они передают крик петуха как *кокололико*). Мистер Ричард Кроушей заверил меня, что *сонго* была реальной, а не мифической змеей; он убил одну, но у нее не было красного гребня, и он не слышал ее голоса. Покойный епископ Мейплз, однако, однажды слышал, как “большая змея с зазубренным гребнем” кукарекала, как петух, во время путешествия между Масаси и Ровумой в 1877 году.— [Tr.]

29. По-видимому, то же слово, что и чиньянджа *чиндапи*, означающее либо пословицу, либо короткий рассказ, либо загадку. Преподобный Х. Б. Барнс говорит, что в “конкурсе загадок” автор загадки говорит “*Чиндапи!*”, а остальные члены компании “*Чиджиджа*” (пусть это случится!) Аналогичные формулы, по—видимому, используются по всей Африке банту.-[Tr.]

30. Оба слова означают “это”, но относятся к разным классам. “*Ичи, ичи*” (это, this) - похожая загадка, записанная в Блантайре, ответ на которую - “тень”. Фактически, я в долгу перед доктором Веуле за объяснение, поскольку (без сомнения, из—за того, что не заметил сопровождающих жестов) отказался от него как от безнадежной головоломки. - [Tr.]

31. Эту загадку я также получил в Блантайре, на языке чиньянджа, но от девушки из племени яо, вот так: “*Амбуйе наона аликвенда м'нжира натенга уфа*” (“Я увидел, как мой хозяин шел по дороге, и он нес муку”). — [Тр.]

32. Это приведено в несколько иной форме в сборниках епископа Стира для Справочника по языку яо (стр. 105): “*Апитако тусиманако*” (“Где они проходят, где мы встречаемся”). — [Tr.]

32a. Эта форма показывает, что имя на самом деле Нсулила, хотя *n* часто не слышно и может быть действительно пропущено при разговоре.—[Tr.]

33. Это не обязательно подразумевается при использовании *Че* или *Ку*. Каждый яо использует эти приставки для обозначения себя и своих соседей; даже маленькие дети — Кулупондже или Чендилиджика и т.д. - [Тр.]

34. Можно было бы ожидать, что *чилвеле чачиджинджи*, но, возможно, в транскрипции какая—то ошибка.-[Tr.]

35. Старый обычай яо (по крайней мере, в случае вождя) состоит в том, чтобы похоронить мертвеца в его хижине (или там, где у него их несколько, в хижине его главной жены), которую затем закрывают и оставляют разлагаться. Отрезы ситца (количество которых пропорционально богатству покойного) развешивают по крыше и оставляют там. Возможно, строительство дома над могилой, которое, по—видимому, иногда делается возле озера Ньяса, является более поздней модификацией этого обычая. - [Tr.]

36. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertrankes. Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indo-Germanen. Berlin, 1859.

37. Во избежание осложнений этот запрет распространяется как на дружественные племена, так и на последних повстанцев.

38. Смотрите Последние журналы, том i, главы i-iii.— [Тр.]

39. Запрос “мотыга”? Лопата не является собственным инструментом.—[Tr.]

40. Правильнее в Яо, *Джуа Мичила* = “(он) хвостатый”. Преподобный Дафф Макдональд говорит, что его называют “гремучей змеей”, *джуакучимула мичила*. Предполагается, что хвосты животных обладают большой эффективностью в магии и обычно принадлежат к снаряжению знахаря, либо являясь частью его костюма, либо нося его в руке. - [Тр.]

41. Макуа — слово, соответствующее *нгома*.-[Тр.]

42. Это слово ньянджа, используемое здесь для удобства, означает “деревенская лужайка” или “форум”, где обсуждаются дела сообщества и совершаются все публичные сделки. — [Tr.]

43. Это действие называется *ку лулута* как в Яо, так и в Ньяндже. Преподобный Х. Б. Барнс объясняет это слово на последнем языке как “произносить *лу-лу-лу-лу* бесконечно. Женщины делают это в знак радости; звук издается быстрым движением языка из стороны в сторону при слегка приоткрытом рте, и очень часто руку попеременно прикладывают к губам

и быстро убирают ”. Сам крик называется в Ньяндже *нтунгулулу*. Кажется, это распространено (под разными названиями) среди африканских женщин. — [Тр.]

44. Несомненно, это имя, если не сама фигура, должно быть мусульманского происхождения? — [Тр.]

45. Называется в Чингандже *читедзи*; это растение известно как “коваж”. — [Тр.]

46. Это небольшой сорт репы, размером с крупную редьку, выращиваемый в Тельтове и его окрестностях, прусском городке на линии между Берлином и Потсдамом. — [Tr.]

47. Персы, поселившиеся в Ламу в десятом веке. — [Тр.]

48. Иногда считалось, что *Ма* в "Макуа” и “Маконде" является приставкой, как в “матабеле”, “Машона” и т.д. Однако, по—видимому, это неотъемлемая часть слова, и поэтому правильным множественным числом является *Вамакуа*, *Вамаконде*.-[Tr.]

49. Автор, похоже, упустил из виду тот факт, что “короткая, пушистая стрижка” является результатом регулярного бритья. У яо или аньянджа сразу бросаются в глаза всклокоченные головы, *например, уа*лоло (Alomwe) или других "людей буша”, и эти люди (которые являются ответвлением макуа) часто носят волосы, скрученные в длинные пряди. Предложение о мытье в его нынешнем виде несколько размашисто. Это применимо только к районам, где не хватает воды, как, впрочем, следует из других отрывков книги. — [Tr.]

50. “Этот вид замка и ключа, - говорит покойный преподобный Д. К. Скотт (Энциклопедический словарь языка манганджа, С.В., *мфунгуло*), - распространен среди ветви манганджа амбо” (живущих между перекрестком Руо и морем), “и представляет собой деревянный ключ длиной около фута с тремя зубьями; он вставляется между стойкой стены и вертикальной дверной ручкой (*капамби*) внутри, и зубья входят в выемки и поднимают засовы; только санитары могут их вызвать, и они таким образом запирают за собой свою дверь, унося ключ с собой, когда удаляются на любое небольшое расстояние от своего дома ”. (См. также svv. *Фунга* и *Мтенго*: “*митенго я Амбо*, палочные ключи Амбоса”.) Обычным способом крепления двери (*чицеко*) являются поперечины, вставляемые между дверью и боковыми стойками. Следующий отрывок из книги мистера Чарльза Даути "Путешествия по пустыне Аравия", по-видимому, показывает, что эта форма замка и ключа, должно быть, была заимствована, прямо или косвенно, у арабских поселенцев на побережье — несомненно, в отдаленный период, поскольку, по-видимому, она больше не используется среди последних. “Крепление, как и во всех арабских местах, представляет собой деревянный замок; засов удерживается маленькими колышками, опускающимися сверху в соответствующие отверстия, ключ - деревянная стела, у некоторых они металлические, с зубцами, совпадающими с отверстиями в замке, ключ вставляется снизу, вы вставляете колышки, и прорезь может быть извлечена” (Т. I, стр. 143). — [Тр.]

51. И Яос, и Аньянджа носят ножи в ножнах, либо заткнутые за поясную ткань, либо подвешенные к поперечному ремню, проходящему через правое плечо, или (если они небольшого размера) на шнурке вокруг шеи или левой руки.

52. Ссылка сделана на стр. 315, где описывается церемония *чимбанди* (соблюдаемая, когда молодая жена ожидает своего первого ребенка). Доктор Веуле не упоминает о том, что девушки носили одежду из коры на *мистериях*уняго, которые он описал ранее - более того, он прямо говорит, что в Нучи (стр. 231, и, по—видимому, также у Акутикому, стр. 222) они были одеты в новые ситцевые платья ярких цветов. Но, похоже, он был свидетелем только церемонии закрытия. Обычно, если не всегда, одежду из коры носят в течение недель,

проведенных в зарослях. Это, безусловно, имело место среди яо высокогорья Шир четырнадцать или пятнадцать лет назад и, вероятно, имеет место до сих пор. “*Unyago* [в одной из деревень Ндиранде близ Блантайра] только что закончился, и [двое миссионеров] встретили девушек, возвращавшихся со всего этого свежепомазанными и истекающими елеем. Они обнаружили *масаса* (будки или хижины), построенные вокруг трех сторон квадрата, разделенного на маленькие отсеки, где спят девочки. Им не разрешается выходить за пределы этого места, пока все не закончится, и они носят одежду из коры. Посреди площади виднелись следы изготовления горшков и толчения *уфы* (муки).... Девушки символически выполняют все свои супружеские обязанности — притворяются, что сеют кукурузу, окучивают ее, собирают, приносят домой и т. Д. — Стучат, подметают, носят воду, готовят еду, делают горшки и т. Д. — Все это пройдено”. - (Ср. примечание, 26 и 27 сентября 1894 г.). — [Т.Р.]

53. Туземец вряд ли назовет незнакомцу, особенно европейцу, имена, под которыми его знают дома. Таким образом, имя, под которым он известен своему работодателю, скорее всего, является прозвищем или тем, которое он сам взял для данного случая. — [Тр.]

54. Не всегда легко провести грань между играми и танцами, но недостатка в первых, безусловно, нет. Подробные сведения об играх, в которые играют несколько детей, приведены в Scott, Энциклопедическом словаре языка манганджа, с.в. *Масеверо* и *Севера*. —[Tr.]

55. В Чиньяндже, *Нгули* или *Нангули*. —[Тр.]

56. Очевидно, это тот, который называется *Нсиква* в Чиньяндже. См. Скотт, Энциклопедический словарь языка манганджа, стр. 465: “Маленькая крышка, сделанная из круглого куска тыквенной скорлупы с тростниковым стержнем посередине”. С *Нсиквой* играют в игру, в которой игроки принимают чью-либо сторону и вращают волчки так, чтобы сбивать кусочки кукурузных початков, выставленные их противниками. —[Тр.]

57. Изображенные предметы выглядят как рычащие быки, которые, без сомнения, могли быть использованы для указанного использования местным жителем, видевшим телефон в Линди. Но мы позволяем себе усомниться в том, что они изначально были созданы для такой цели. —Тр.

58. Преподобный доктор Хетервик говорит, что *масанге* - это “игра, в которую играют дети, в которой они строят имитирующие дома и ведут себя как взрослые люди”.

59. Автор, по-видимому, ошибается в разграничении, проводимом между *НПО* и "группами”. См. Примечание в конце главы. [Тр.]

60. *Мираджи*, множественное число от *млад-джи*, форма, взаимозаменяемая с *мласи*. [Тр.]

61. Рис на Макуа - это *мвука* или *мока*; слово в тексте может быть искаженной формой, промежуточной между этим и Яо *мпунга*.

62. Смотрите, *среди прочего*, книгу мистера Р. Т. Деннетта "На задворках сознания черного человека", стр. 38, 68-70. [Tr.]

63. То же самое делают девушки манганджа в Шире, чтобы заставить их четко формулировать свои мысли. Галька, используемая для этой цели, берется из желудков крокодилов, которых иногда хватает, чтобы наполнить ведро. (Ср. заметка, сделанная в Блантайре 30 августа 1894 г.) — [Tr.]

64. См. Примечание в конце главы. — [Тр.]

65. Последнее написание предназначено для представления макуа-версии английского произношения Anastasius.—[Tr.]

66. Обнаружен консулом О'Нилом в 1882 году. — [Тр.]

67. Покойный доктор Элмсли вычислил, что это пересечение, должно быть, произошло в 1825 году, поскольку традиция нгони гласит, что в то время произошло затмение (во время которого вождь Момбера, умерший в 1892 году, родился преждевременно).—[Tr.]

68. Это может быть ошибкой для *чиколонгве*, что является правильной формой слова в яо — или это может быть слово маконде. *Читополе* на языке яо (см. Справочник доктора Хетервика) означает “знак племени валомве в форме полумесяца” (подразделение макуа). Это в достаточной степени напоминает изогнутую пружину капкана на иллюстрации на стр. 98, если бы последняя была повернута отверстием вниз. Вероятно, яо знают это слово только применительно к келоидному узору, выучив его у макуа, на языке которых оно, без сомнения, изначально имело значение, приписываемое ему доктором Веуле.—[Tr.]

69. Мы не можем отделаться от мысли, что доктор Веуле, должно быть, ошибается, полагая, что эта игра заимствована из европейского источника. Покойный коммандер Камерон в Касонго в 1874 году видел раба-араба Джуму Мерикани, “показывавшего фокусы ... с куском тяжелого твердого дерева в форме песочных часов и двумя палками, каждая длиной в фут. Взяв по палке в каждую руку, он мог заставить дерево быстро вращаться и бегать взад-вперед ... между палками на куске бечевки, прикрепленном к их концам; затем особым рывком он подбрасывал деревяшку в воздух, выше, чем можно подбросить крикетный мяч, и, поймав ее на бечевку, снова пускал ее катиться” (Across Africa, II, 91). В то время диаболо, конечно, был совершенно неизвестен в Европе, хотя в начале прошлого века это была модная игра. Автор в Бюллетене Бельгийского общества колониальных исследований (декабрь 1908 г.) в уведомлении о книге доктора Веуле, процитировав приведенный выше отрывок Камерона, ссылается на описание игры (под названием *Le Diable*) из работы, озаглавленной "Развлечения в походе" (Париж, 1826). Считалось, что он возник в Китае. — [Тр.]

70. Вероятно, это было не случайно, поскольку вайяо всегда хоронят своих мертвых с подтянутыми коленями. См. Макдональд, Africana, i, 103.—[Tr.]

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Без лишних слов исправил очевидные опечатки и отклонения в правописании.
2. Сохранено архаичное, нестандартное и неопределенное написание в печатном виде.
3. Сноски проиндексированы заново с использованием номеров и собраны вместе в конце последней главы.